

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1975 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

«Археографический ежегодник за 1975 г.» включает материалы и статьи по вопросам археологии, вспомогательным историческим дисциплинам и архивоведению.

Публикуются материалы в связи с 30-летним юбилеем Победы в Великой Отечественной войне (о собирании материалов о войне, деятельности архивов, музеев, краеведческих обществ в военные годы, о развитии мемуарной литературы и др.) и 70-летием Первой русской революции (обзорные статьи об основных советских документальных публикациях и др.).

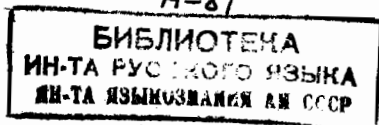
К 150-летию со дня восстания декабристов подготовлены обзорная работа о советских документальных публикациях, сообщения о публикации мемуарного наследия декабристов в «Русском архиве», о малоизвестных письмах декабристов. Публикуются материалы о работе над Сводным каталогом древних рукописей, хранящихся в СССР (Инструкция по описанию славяно-русских рукописей, о предварительном списке рукописей латинского алфавита и др.), по истории отечественной археологии, о жизни и творчестве отечественных ученых — дореволюционных и советских (материалы заседания, посвященного В. И. Шункову, статьи о Л. В. Черепнине и др.), о сотрудничестве архивных учреждений и АН СССР в публикаторской работе, методике преподавания специальных исторических дисциплин, статьи и сообщения о различных исторических источниках, их изучении и публикации, справочных изданиях.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрияшайтите, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРИЮШАЙТИТЕ, С. Н. ВАЛК,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК, В. А. ЧЕРНЫХ

8(п)
А-87

71142

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. А. Курнос

РАЗВИТИЕ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941—1945)

Мемуары участников Великой Отечественной войны изучены в археографии, источниковедении и литературоведении глубже и полнее, чем памятники других форм и жанров того времени. Их развитие сопровождалось и корректировалось целым рядом дискуссий и обсуждений.

Создана и обширная библиография мемуаров о войне. Помимо библиотечных каталогов (весьма полных и довольно четко дифференцированных по видовому и тематическому признакам¹) были изданы библиографические указатели разного объема и назначения². Для исторического рассмотрения публикаций мемуаров участников войны чрезвычайно полезны разнообразные текущие библиографические издания — прежде всего «Ежегодник книги»³. Это и подобные пособия позволяют увидеть интересные нас издания в их естественном окружении вышедших за год книг.

Несмотря на наличие обширной и разнообразной библиографии, исчерпывающий учет мемуарных публикаций крайне затруднен отсутствием общепризнанного толкования понятия «мемуары», что в свою очередь вызвано неопределенностью границ этого вида памятников, разнообразием их форм, сложными связями с другими литературными жанрами. Многие, например, относят к мемуарным источникам дневники, что встречается, на мой взгляд, резонные возражения у части исследователей. Споры идут об отношении к многочисленным повествованиям, известным как «литературные записи» и «литературные редакции». Не вполне выяснен вопрос о видовой (жанровой) принадлежности записей рассказов-интервью.

В данной и в последующих статьях я исхожу из следующего понимания этих источников: мемуары — литературная форма, специально предназначенная для закрепления и исторического осмысления общественно-значимого индивидуального жизненного опыта автора. От ранее предложенных это определение отличается указанием на принадлежность мемуаров к формам исторического самосознания общества. Вместе с тем оно не исключает выделенные ранее элементы характеристики мемуарных

¹ См. систематические каталоги ГБЛ, ИНИОН, Исторической библиотеки, в которых специально выделена мемуарная литература по истории Великой Отечественной войны в целом, по отдельным ее периодам, операциям, родам войск и т. п.

² «История советского общества в воспоминаниях современников 1917—1957. Аннотированный указатель мемуарной литературы». М., 1958; ч. 2 «Журнальные публикации 1928—1957 гг.», вып. 1—2. М., 1961, 1967; Библиография серии «Военные мемуары» — «Книжное обозрение», 1974, № 33, 34. «Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.). Рекомендательный указатель литературы». М., 1965 и др.

³ Тома «Ежегодника книги» за второе полугодие 1941 — первое полугодие 1945 г. представляют собою ретроспективную библиографию, подготовленную и изданную в послевоенные годы.

источников: ретроспективность, субъективность, авторскую память как специфический первоисточник мемуаров.

Проблема усложняется индивидуальными особенностями отдельных сочинений, которые, будучи памятниками личного происхождения, лишены каких-либо внешних, формальных признаков. Даже принадлежность к специально мемуарной серии может отражать лишь редакционную оценку текста. Во многих случаях квалификация публикации в качестве мемуаров (или, тем более, отрицание их принадлежности к этому виду источников) требует специального и полного исследования творческой истории текста.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проследить в самых общих чертах зарождение мемуарной литературы о Великой Отечественной войне: ее тематику, авторский состав и формы источников.

Создание, собрание и публикация мемуаров о войне — органические элементы эволюции данного вида памятников. Можно наметить ряд этапов, через которые прошла мемуаристика Отечественной войны.

Первый из них — период зарождения военной мемуаристики — совпадает с годами войны.

Второй этап примерно ограничивается послевоенным десятилетием. В целом он может быть определен как этап выработки и утверждения определенных традиций жанра, количественного накопления источников и их относительного обособления от жанров журналистики и беллетристики.

Третий этап эволюции мемуарной литературы о войне начался во второй половине 50-х годов. Он характеризуется расширением круга авторов за счет не писавших прежде воспоминаний участников событий; новыми представлениями о задачах и роли мемуаров в культурной жизни нашего народа, в частности об их значении для исторической науки; изменившимися принципами издательской деятельности в этой области⁴.

Последовательно рассмотрим, пусть даже в самой обобщенной форме, развитие данной группы мемуаров полезно с точки зрения осмысления уже сложившегося их комплекса. Вместе с тем такой обзор может дать материал для суждений по важному вопросу о соотношении развития хотя и очень многочисленного, но все же ограниченного комплекса мемуарных источников и эволюции вида в целом. Как правило, разновидности мемуарных источников, представленные в данном комплексе, были известны раньше. Однако степень развития тех или иных разновидностей, их удельный вес в комплексе на разных стадиях его эволюции, взаимосвязи с другими литературными формами и жанрами, по-видимому, во многом специфичны.

Комплекс мемуарных свидетельств о борьбе с гитлеровскими захватчиками начал формироваться уже в военное время. В него вошли повествования, опубликованные в те годы и созданные «впрок», в интересах будущих писателей, историков, военных исследователей.

Предназначенные к публикации материалы подчинялись общей для всей советской печати задаче: активно способствовать морально-политическому обеспечению победы над фашизмом. Подходы к решению этой общей задачи были разнообразны. Воспроизведение боевых и трудовых подвигов советских людей, в которых проявились их патриотизм, самоотверженность, стойкость, умение бить и побеждать врага, — преобладавший в тот период способ решения указанной задачи.

Во многих случаях такой подход органически сочетался со стремлением сохранить для будущих поколений имена и дела погибших героев. Такого рода публикации, можно сказать, «мемориального» характера, напи-

⁴ Развитие тематики мемуаров, изменения их авторского состава и некоторые другие аспекты проблемы прослеживаются в труде: «Очерки советской военной историографии». Под ред. П. А. Жилина. М., 1974, стр. 324—361.

санные, как правило, близкими и друзьями ушедших, дали начало одному из основных направлений в персоналии Великой Отечественной войны⁵.

Основная тема в публикации повествовательных источников того времени решалась на «фоне» разоблачения преступлений гитлеровских оккупантов, их бесчеловечности, лживой пропаганды и т. п.⁶

Некоторые близкие к мемуарам издания включали (наряду со всеми или же некоторыми из названных подходов к решению главной задачи) также и популяризацию наиболее эффективных приемов и способов борьбы, ее организации, морально-политического обеспечения.

Так, в книге В. Саянова «В боях за Ленинград» — особенно на страницах, посвященных начальному периоду войны, — совершенно явно прослеживается стремление описать и проанализировать опыт, накопленный в первых боях — как «положительный», так и «отрицательный». Целый ряд отображенных здесь боевых эпизодов анализируется автором именно с этой точки зрения. «Воля, инициатива, смекалка, стойкость в обороне, стремительность в атаке — положительные качества Владимирова как командира. И все же он не овладел еще полностью серьезной и трудной наукой управления боем. Связь в бою продолжает оставаться слабым местом у многих командиров мелких подразделений... И в боях, которые вел Владимиров, связь работала плохо... Можно ли довольствоваться в бою только одним видом связи — связными? Конечно, нет... Использование ракет и простейших звуковых и оптических сигналов в бою значительно облегчает управление боем. Вообще, в бою никогда нельзя полагаться на один какой-нибудь вид связи. Связь необходимо дублировать...» Далее В. Саянов излагает выводы, сделанные самим старшим лейтенантом Владимировым: 1. «Рота в бою всегда должна иметь резерв...» 2. «При обороне всегда надо иметь запасные огневые позиции». 3. «В начале боя никогда не следует сразу выявлять все свои огневые точки». 4. «Стыки между подразделениями, стыки с соседями всегда должны быть предметом неустанных забот командира в бою...»⁷. Показательно, что название этой главки «Боевой опыт». Стремлением обобщить и сообщить этот опыт отмечены многие страницы книги Саянова и других изданий военного времени, особенно относящихся к 1941—1942 гг.⁸

Нужно сказать, что анализ и обобщение опыта военных действий на фронте и во вражеском тылу, равно как и организационной работы в экономике и в других сферах жизни страны, не являлись, по крайней мере, на том этапе, специальной задачей авторов первых мемуарных источников. Изучение опыта войны осуществлялось в иных, более пригодных формах: в специальных исследованиях и разработках военных и военно-

⁵ Ф. Гастелло, А. П. Гастелло, А. С. Гастелло. Герой Советского Союза капитан Н. Гастелло. [М.], 1941; П. К. Игнатов. Братья Игнатовы. (Обработка П. Лопатина). [М.], 1944; Л. Космодемьянская. Моя Зоя. [М.], 1942; Е. Кошова. Олег Кошевой. [Киев], 1945; Н. Чекалина. Мой сын (А. Чекалин). М., 1942.

⁶ Многие издания были и специально посвящены разоблачению бесчеловечности фашистского нового порядка («Глазами детей...» Рассказы детей г. Ржева о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Калинин, 1944; И. Скрипник. В неволе. (Рассказ украинской девушки, бежавшей из немецко-фашистского плена). М., 1943; М. Щеголева. Черные дни Ясной Поляны. — «Новый мир», 1941, № 9—10, стр. 75—88 и др.). Большое число свидетельств о зверствах гитлеровцев было опубликовано в изданиях Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в центральной и местной печати и т. д. Но многие из публикаций такого рода соотносятся по своему назначению скорее с юридическими свидетельскими показаниями, нежели с мемуарами. В основном облик фашизма и фашистов раскрывался не в специально посвященных этой теме изданиях, а в универсальных по своему содержанию записках военных корреспондентов, партизан, военнослужащих.

⁷ В. Саянов. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента. Л., 1943, стр. 25—26.

⁸ См., например, В. Шмульзон. Инструктор политотдела в бою. (Заметки об опыте политработы на фронте). — «Пограничник», 1942, № 3, стр. 15—18.

научных учреждений, в уставных документах и т. п. Однако издание таких разработок стало возможным позднее⁹.

С точки зрения тематики несколько обособленное место занимают немногочисленные публикации о жизни в зарубежных, прежде всего в союзных, странах¹⁰. Свидетельства советских людей, в известной степени, дополнялись переводами мемуарных произведений зарубежных авторов¹¹. В целом эта группа изданий должна была показать сочувствие международной антифашистской общественности героической борьбе советского народа.

Вместе с тем внутри- и внешнеполитические проблемы не нашли достаточно глубокого и полного отражения в изданиях источников личного происхождения этого периода.

Намеченные выше подходы авторов к решению общей задачи не могут послужить основанием для группировки самих публикаций. Дело в том, что большинство изданий — и это характерно для публицистики — универсальны. Они органически сочетают в себе патетический призыв к борьбе не на жизнь, а на смерть, рекем павшим, информацию о ходе боев, «методическое пособие» и т. п. Если иногда все-таки можно отождествить конкретные произведения с определенным способом изложения материала, то лишь потому, что в них тот или иной «подход» был явно преобладающим. А таких случаев, по сравнению с массивом публикаций в целом, совсем немного.

Как специфический жанр мемуары о Великой Отечественной войне выделились к концу ее. Это, конечно, не означает, что они возникли «взрывным» способом, сразу, без какой-либо подготовки. Первичные формы фиксации личного опыта и наблюдений участников военных событий относятся уже к 1941—1942 гг. Тогда появились материалы личного происхождения, не рассчитанные на скорое опубликование — дневники, письма, записи воспоминаний-интервью и т. д. К этому времени относятся и довольно многочисленные публикации, связанные с формированием мемуарной традиции¹². Среди них центральное место занимали материалы, подготовленные литераторами и журналистами — военными корреспондентами центральных и местных газет, журналов и других органов массовой информации¹³. Тесно связанные с репортажем, корреспонденцией и

⁹ По свидетельству С. М. Штеменко, в Генштабе был создан отдел по использованию опыта войны во главе с генералом П. П. Вечным. Осенью 1942 г. был издан «Сборник материалов по изучению опыта войны» (№ 1), посвященный событиям июля-августа того же года. Всего таких сборников в 1942—1948 гг. было издано 26. Генштаб готовил и другие издания — «Информационные бюллетени», «Сборники тактических примеров», а главное, директивные, инструктивные и уставные документы. Но в первый период войны обобщение ее опыта нередко осуществлялось в форме публицистики (см. С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1973, стр. 14—21).

¹⁰ Г. Байдуков. Американские впечатления. Куйбышев, 1942; И. П. Федоров. Англия в дни войны. Записки летчика-инженера. М., 1942 (Библиотека «Огонек», № 27); Н. Тихонов. Болгарские записи. М., 1945; В. Финк. Во Франции (Заметки писателя). М., 1942.

¹¹ Г. Габе. Тысячи падут. Перевод с английского. Магадан, 1943; М. Додд. Из окна посольства. Магадан, 1943; Л. Стоу. С Красной Армией на Ржевском фронте. Перевод с английского. — «Знамя», 1943, № 1, стр. 119—136.

¹² В одной из моих работ эти и некоторые другие материалы были обозначены термином «протомемуары» (А. А. Курносков. Развитие мемуарной литературы о борьбе советского народа на оккупированной врагом территории. — В кн.: «Вторая мировая война», кн. третья. Движение сопротивления в Европе. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. М., 1966, стр. 109—111).

¹³ Н. Богданов. Записки военного корреспондента, кн. 1—2. М., 1941, 1942; Е. Габрилович. Из фронтового блокнота. Ереван, 1941; А. Глебов. Сталинградская тетрадь. — «Знамя», 1943, № 1, стр. 109—119; Ю. Жуков. В боях под Воронежем. — «Знамя», 1942, № 11, стр. 140—159; Л. Коробов. Украинские партизаны (Из дневника военного корреспондента). — «Новый мир», 1945, № 4, стр. 87—116; В. Коротеев. На земле Сталинграда. Записки военного корреспондента. Сталинград, 1945; А. Кривиц-

другими «малыми» газетными формами, эти протомемуары военных корреспондентов отличались относительно большей последовательностью, систематичностью изложения, повествовательным стилем. Для корреспонденций и репортажей характерна фрагментарность, их содержанием были обычно описания отдельных эпизодов, героических подвигов, более или менее отрывочных впечатлений от встреч с участниками событий. В протомемуарах те же эпизоды и наблюдения выстраивались в некую систему, логической канвой для которой служила как реальная их взаимосвязь, так и последовательность в биографии автора¹⁴. Разрозненные в пространстве и времени эпизоды объединялись единством авторского восприятия, сознательным или невольным их сопоставлением, посредством которого нащупывались контуры не концепции еще, но тенденции развития событий. Вместе с тем общим свойством подобных публикаций была их злободневность, отсутствие или, по крайней мере, слабая выраженность характернейшего признака мемуаров — ретроспективности в изложении событий, поскольку они не стали еще по-настоящему прошлым — даже в личной биографии авторов, не говоря уж об истории народа. Настроения и оценки, сложившиеся в ходе событий, в большей или меньшей степени сохраняли свое значение. Утраты были еще слишком свежи, не смягчены временем. А ненависть к врагу была преобладающим чувством, исключавшим полутону и оттенки в обрисовке отдельных персонажей из числа противников, бесстрастный анализ его сильных и слабых сторон. Наконец, внутренний, а не только внешний, цензурный, запрет был наложен на все сведения, которые могли быть использованы противником в своих интересах.

Повествования военных журналистов назывались по-разному. Наиболее употребительным был термин «записки» («заметки», «записи»). Нередко использовалось также определение «дневник» («из дневника», «из фронтового блокнота», «из полевой тетради»)¹⁵.

Трудно определить жанровое различие между ними. Так, «фронтовые записки» В. Ставского, «Фронтовой дневник» Е. Петрова, «По военным дорогам Подмосковья. (Из полевой тетради)» Г. Нилова, упомянутая

кий, П. Крайнов. В Брянских лесах. М., 1943; С. Лоскутов. У партизан. М., 1942; Г. Р. Нилов. По военным дорогам. (Из полевой тетради). — «Новый мир», 1941, № 11—12, стр. 176—192 (Отд. изд.: «По военным дорогам Подмосковья». М.—Л., 1942); Е. Петров. Фронтовой дневник. М., 1942; А. Плещачевский. В тылу врага. Записки военного корреспондента. М., 1942; Б. Полевой. От Белгорода до Карпат. (Из дневника военного корреспондента). — «Октябрь», 1944, № 11—12, стр. 130—165; А. Ф. Поляков. В тылу врага (Дневник военного корреспондента). — «Октябрь», 1941, № 9—10, стр. 10—49; П. Сагин. Щит Севастополя (Записки военного корреспондента). Симферополь, 1945; В. Саянов. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента. Л., 1943; К. Симонов. От Черного до Баренцова моря. Записки военного корреспондента, кн. 1—3. М., 1942—1944; В. Ставский. Фронтовые записки. М., 1942; В. Стариков. У партизан. Записки военного корреспондента. [М.], 1942; А. Н. Узилевский. Записки о Ленинградском фронте (Декабрь 1941—18 января 1943 г.). Владивосток, 1943; А. Шлян. По родной земле. Из фронтовых блокнотов. [Уфа], 1942 и др.

¹⁴ «В этой книге собрана часть фронтовых корреспонденций, написанных мною во время Отечественной войны... Я был свидетелем многих подвигов, которые навсегда вошли в военный эпос русского народа, видел наши войска в трудную пору арбергардных боев и в дни, когда была прервана блокада Ленинграда. Я был свидетелем и очевидцем героического мужества ленинградцев в дни блокады. Не обо всем из виденного и пережитого можно рассказать сейчас — ведь в грохоте и пламени великой битвы еще продолжается беспощадная схватка с врагом... В этой книге нет вымысла, в ней — живой голос героев, отстаивающих великий город Ленина... В ней рассказы людей, бивших врага без пощады. В ней — свидетельство современника о величии и славе нашего народа в дни Отечественной войны... Первые записи этой книги были сделаны мною 22 июня 1941 года, последние — относятся к славным январским дням 1943 года». — Так характеризовал свою книгу В. Саянов (В. Саянов. Указ. соч., стр. 3—4. Книга подписана к печати 22 июня 1943 г.).

¹⁵ Предлог «из» как указание на неполноту, фрагментарность рассказа о виденном и пережитом характерен для названий публикаций военных лет.

книга В. Саянова, представленная как «записки военного корреспондента», и многие другие подобные им издания в жанровом отношении почти не отличимы друг от друга, хотя и своеобразны с точки зрения авторского подхода, авторского видения событий, отбора материала и профессионального — писательского, журналистского — почерка. Сходство их понятно: ведь основу содержания этих изданий образовали фронтовые очерки и корреспонденции, отобранные и систематизированные, а иногда — прокомментированные самими авторами или, нередко, их друзьями, готовившими посмертные публикации (книги Е. Петрова, Г. Нилова вышли в свет вскоре после гибели авторов).

Одна из причин сходства книг неодинаковых в остальном авторов состояла и в том, что среди источников их информации большую, а часто определяющую роль играли, наряду с собственными наблюдениями и впечатлениями, интервью с активными участниками борьбы, их рассказы¹⁶.

Значение интервью еще мало изучено. Между тем интервью — проблема, весьма важная для осмысления процесса формирования исторической информации.

Появление воспоминаний-интервью связано с процессом демократизации мемуарной литературы в новейшее время. Это явление на рубеже 20-х и 30-х годов отметил Н. А. Рыбников¹⁷.

Культурная революция, демократизация культуры в целом обусловили обостренный интерес к свидетельствам рядовых участников событий со стороны профессиональных литераторов, социологов, историков. Эти же процессы вызвали и желание рассказать о себе в среде самых широких масс трудящихся, а позднее — участников войны¹⁸.

Из этого следовало стремление литераторов показать рядового человека в труде и на войне через его собственные впечатления, переживания, представления. Отсюда — большой удельный вес рассказов очевидцев и участников событий в текстах названных раньше произведений фронтовых корреспондентов.

Но использование таких свидетельств в публицистических работах — лишь одна из форм их реализации.

¹⁶ Произведениям многих военных корреспондентов свойственно прямое указание на источники информации, прежде всего неофициальной (рассказы участников событий, их письма, дневники, собственные впечатления и т. п.). Для выяснения источников осведомленности автора особенно интересны недавние публикации записных книжек К. Симонова, им же прокомментированные. Эту публикацию отличает четкое отделение «слышанного» от «виденного». Система отсылок к публицистическим и беллетристическим произведениям Симонова позволяет выяснить направления и способы обработки исходной информации в зависимости от конкретной публицистической или художественной задачи. А комментирование с позиций «сегодняшнего дня», отличающихся от представлений непосредственного свидетеля более полным знанием причин и следствий увиденного *тогда*, в сочетании с скрупулезным отделением прежних представлений от современных, открывает возможности довольно четкого отделения того, что знал автор в дни самих событий, от того, что он мог тогда написать, и от того, как он их представляет теперь (см., например, К. Симонов. Незадолго до тишины. Записки 1945 года, март — апрель — май. М., 1974 и др.).

¹⁷ Объяснение процесса демократизации мемуарной литературы с позиций упрощенного социологизма не лишает ценности констатацию самого факта такой демократизации, очень точно подмеченного Н. А. Рыбниковым. В полной мере сохраняет свое значение и объяснение бурного развития мемуаров после Великой Октябрьской социалистической революции ростом исторического самосознания рабочих и крестьянских масс (Н. А. Рыбников. Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. [М.], 1930, стр. 3).

¹⁸ В докладе на Международном конгрессе историков в Варшаве 26 августа 1933 г. «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР» А. М. Панкратова отмечала: «...в СССР первый раз в истории массы из объекта истории стали ее субъектом и, взяв в собственные руки строительство своей жизни, не только творят, но и пишут свою историю» (цит. по: «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР». М., 1959, стр. 143—144).

Другая, менее распространенная форма — публикация литературных обработок таких рассказов. Одним из характерных изданий такого рода был сборник «В боях за Родину»¹⁹. В предисловии к нему написано:

«В работе над книгой принимали участие, с одной стороны, писатели разных национальностей, проживающие в настоящее время в Ташкенте; а с другой — бойцы, командиры и политработники Красной Армии и Военно-Воздушного Флота, совершенствующие свои знания в ташкентских военно-учебных заведениях или находящиеся на излечении в госпиталях... Это книга фактов. В ней нет литературного вымысла, хотя она и написана беллетристами. Каждый из очерков основан на точной, стенографической записи рассказов, которые сообщили писателям их собеседники — бойцы и командиры Красной Армии... Роль писателей заключалась лишь в том, чтобы придать этим записям, не меняя их содержания, литературную форму и некоторую тематическую организованность... Во всех рассказах... проводится одна и та же мысль — правдиво, на конкретных примерах показать те высокие боевые и моральные качества, какими обладает Красная Армия и какими должен обладать каждый боец, каждый командир... чтобы обеспечить ей победу над коварным и все еще сильным врагом. В этом — цель, смысл и значение этой книги»²⁰.

Итак, сборник представлял собою литературную обработку непосредственных свидетельств участников войны для решения прежде всего публицистических и, отчасти, литературно-художественных задач, поставленных перед собою составителями. При этом ознакомление с текстами рассказов свидетельствует — и это отчасти противоречит приведенной выше цитате — о значительном влиянии на опубликованные материалы именно литературных, художественных традиций. Значительно более глубокое влияние художественных традиций на произведение заметно, например, в известной книге А. Бека «Волоколамское шоссе». Она вышла в свет в дни войны. Имитируя запись живого рассказа, писатель сделал рассказчика центральным персонажем повествования. Он не просто использовал его в качестве «объектива» для обозрения панорамы исторических и человеческих коллизий, но сам этот «объектив» обратил в «объект» художественного исследования. Мотивируя от имени рассказчика его поступки, решения, отношения к людям и событиям, писатель как бы слился со своим героем — настолько, что написанные через много лет мемуары командира батальона Панфиловой дивизии Баурджана Мамыш-улы настроением и стилем, по крайней мере в начале, где его воспоминания сюжетно смыкаются с книгой А. Бека, созвучны настроению, строю и стилю повествования писателя. Не сыграла ли здесь роль своего рода «обратная связь», влияние писателя на «вспоминающего»? Вопрос этот можно решить лишь сопоставлением текстов источников: записных книжек Бека с рукописными и опубликованными вариантами его повести, а также с рукописью и печатным текстом воспоминаний героя — прототипа художественного образа.

¹⁹ «В боях за Родину». Рассказы участников Великой Отечественной войны. Сост. А. Н. Тихонов, под ред. Е. А. Болтина, И. Г. Лежнева, Абр. Эфроса. Ташкент, 1942.

²⁰ Там же, стр. 3—4. В годы войны были изданы другие записи рассказов. См. *О. Будникова*. Служу Советскому Союзу. Рассказ санинструктора. (Записала З. З. Михайлович). Л., 1944; «Рассказы участников Отечественной войны». Литературная запись А. Вербицкого. — «Новый мир», 1941, № 7—8, стр. 142—147; № 9—10, стр. 135—140 (отд. изд.: *А. Вербицкий*. Рассказы героев Отечественной войны. Уфа, 1942); *А. Елагина*. Костер на мысу. Рассказы таганрогских подпольщиков. М., 1945; *И. Моносов, Ф. Трофимов* (сост.) Шумят Карельские леса. Рассказы партизан. Архангельск, 1942; «Мы воюем». Фронтные рассказы казахстанцев-гвардейцев в обработке и под ред. С. Волошиной и Ф. Кравченко. Алма-Ата, 1943; [Неверин-Чинаров Н.] Рассказы разведчика. (Рассказы капитана С. Л. Беседина, записанные автором). Пятигорск, 1942; *Г. Сорокин*. Рассказы капитана Сулина (Воспоминания летчика). М.—Л., 1942; *А. Тараканова*. В тылу врага. (Рассказ партизанки). — «Крестьянка», 1942, № 10, стр. 14 и др.

Подход А. Бека оказался лишь одним из вариантов реализации интервью в литературной традиции, в «документальной прозе». Другой вариант, также имевший продолжение в дальнейшем, был представлен книгами П. К. Игнатов — в литературной обработке П. Лопатина, С. А. Ковпака — в литературной записи Е. Герасимова²¹ и рядом других изданий. Внешне они отличались от «документальной повести» А. Бека тем, что были изданы от имени рассказчиков — бывалых людей, между тем как литераторы отмечались лишь в качестве авторов литературных записей, редакций, обработок. Вместе с тем из текстов исключались любые реплики, комментарии и вообще любые прямые указания на участие писателя в работе над книгой. Практика литературных записей стала особенно широко применяться в послевоенное время.

Наряду с записями рассказов фронтовиков, предназначенными (после литературной обработки) для публикации в годы войны, внешне сходная работа велась и историками. Отличие ее состояло в том, что корреспондентам гарантировалось хранение стенограмм или рукописей их воспоминаний на таких же основаниях, как и хранение секретных документов. Это условие обычно обеспечивало максимально возможную откровенность рассказчиков. Отличаясь от записей, сделанных литераторами, конфиденциальностью, а от традиций опросов в интересах конкретных социологических исследований — точным указанием корреспондента (отсутствием анонимности), записи бесед историками и по существу были своеобразны.

Цель историков состояла в собирании индивидуальных свидетельств о событиях всемирно-исторического значения. Не «как Вы оцениваете?» и не «как Вы переживаете, чувствуете?», а «что Вы знаете о совершившихся (совершающихся) событиях?» — таков был подход историков к интервьюированию. Этот подход не исключал ни оценочных суждений, ни эмоциональной окрашенности рассказов о совсем близких еще событиях и их участниках, более того, он включал в себя и оценки целесообразности тех или иных решений и действий, и их эмоциональную (а не только логическую) мотивацию, объяснения и т. п.

Главным, однако, в этой работе историков было стремление сформировать комплексы подлинных свидетельств непосредственных участников войны, в которых был бы зафиксирован ход событий на фронтах, во вражеском тылу, в экономической и культурной жизни нашей страны. Созданием таких комплексов занимались Комиссия по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР²², ее филиалы в областях и республиках, музеи, организации краеведов и т. д.

В своей деятельности они опирались на значительный опыт, накопленный научными и общественными организациями после Великой Октябрьской социалистической революции.

В 20-е годы Истпарт и его местные органы широко развернули сбор воспоминаний участников революционного движения, рассчитанный не только на их опубликование, но и на формирование фонда источников по истории партии. Подобную работу проводили архивные органы, Всесоюзное общество старых большевиков, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев и другие организации. Несколько позднее — в начале 30-х годов — стала развиваться аналогичная деятельность в связи с подготовкой «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов». Некоторые из ученых, участвовавших в этих начинаниях (Э. Б. Генкина, Е. Н. Городецкий, И. И. Минц, О. А. Чадаева и др.), приняли

²¹ П. К. Игнатов. Братья Игнатовы. (Обработка П. Лопатина). М., 1944; С. А. Ковпак. От Путивля до Карпат. (Литературная записка Е. Герасимова). — «Октябрь», 1945, № 3, стр. 66—97; № 4, стр. 124—151.

²² О принципах и методах организации работы этой Комиссии см. А. А. Курносоев. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания). — «Археографический ежегодник за 1973 год». М., 1974, стр. 118—132.

самое активное участие и в собирании свидетельств участников Великой Отечественной войны. Их опыт, переосмысленный в соответствии с новым историческим материалом, послужил отправной точкой для работы научных учреждений в годы войны.

Главное, что отличало все перечисленные выше формы повествований от мемуаров в традиционном значении этого понятия — невыявленность или же слабая выраженность ретроспективного подхода к событиям. Лишь в конце войны начали печататься произведения, в которых это свойство проявляется достаточно явно. Среди них — литературные записи воспоминаний П. К. Игнатова и С. А. Ковпака. Во второй половине 1944 г., когда вышли в свет эти книги, события партизанской войны для их авторов отошли в прошлое. Сами мемуаристы оказались уже в принципиально иной системе отношений и интересов, нежели в ходе воспроизведенных ими событий. Особенно отчетливо ретроспективность проявилась в записках-воспоминаниях П. П. Вершигоры, первые главы которой (в журнальной публикации) вышли в начале 1945 г. Анализ и обобщение опыта, накопленного автором в дни борьбы за линией фронта в рядах партизанского соединения С. А. Ковпака, стремление увековечить память погибших и воздать должное живым товарищам по этой борьбе, а главное, взгляд на самого себя с позиций уже иного времени, других званий, опыта — характерные черты этого произведения.

Итак, главный итог первого периода — периода зарождения мемуарной традиции Великой Отечественной войны — состоял в утверждении представлений о ценности, исторической значимости личного опыта непосредственных участников и свидетелей событий, независимо от масштабов этого опыта.

Постепенно определялись литературные формы и способы его закрепления.

Публицистические произведения (репортажи, корреспонденции, очерки), основанные на собственных наблюдениях авторов — военных журналистов и на рассказах очевидцев, сводились в отдельные издания — записки военных корреспондентов, объединенные единством авторского подхода, логикой событий, военной биографией автора. Записки рассказов фронтовиков, партизан и тружеников тыла, предназначенные для опубликования, дали начало литературным запискам воспоминаний. Стенограммы и рукописи воспоминаний, подготовленные с участием ученых-историков, образовали обширный фонд личных свидетельств о войне. К концу этого периода вышли в свет и первые произведения, во многом определившие развитие мемуарной традиции последующего периода (воспоминания П. П. Вершигоры).

В определенной степени сформировалось и первоначальное ядро авторского коллектива мемуаров, написанных после войны. В него вошли журналисты и писатели, участники событий, ощутившие — нередко в процессе записки их рассказов литераторами и учеными²³ — важность пережитого имп для общества.

Информативность опубликованных в тот период источников — близких или родственных мемуарам — относительно невелика, если принимать в расчет сообщения о конкретных фактах. Это обусловлено фрагментарностью, частым отсутствием подлинных имен, географических и хронологических координат событий, неполной осведомленностью авторов и естественными в тех условиях ограничениями печати. Но как памятник своей эпохи, ее общественной мысли — эти публикации сохраняют значение.

²³ Характерно, что очень многим стенограммам воспоминаний, хранящимся в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны, соответствуют опубликованные после войны мемуары. Эти мемуары в большей или меньшей степени основаны на стенограммах.

В. Г. Комлев

СОТРУДНИЧЕСТВО АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РСФСР И ОТДЕЛЕНИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР¹

Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР, архивные органы автономных республик, краев и областей Российской Федерации придают важное значение творческому сотрудничеству архивных учреждений и Археографической комиссии Академии наук СССР и ее отделений. Это сотрудничество, как известно, охватывает многие стороны их деятельности — собирание, научное описание исторических источников и их публикацию, научно-теоретическую и научно-методическую работу в области археографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Участие представителей Главархива РСФСР, архивных учреждений областей и автономных республик Урала в работе Уральской археографической конференции является еще одним подтверждением этому.

Для того чтобы правильно оценить состояние и перспективы дальнейшего развития этого сотрудничества в интересах создания и постоянного пополнения документального фонда по отечественной истории, развития советской исторической науки, представляется целесообразным сообщить хотя бы краткие данные о деятельности Главархива РСФСР и архивных учреждений республики в текущем пятилетии.

За истекшие четыре года под руководством партийных и советских органов осуществлен ряд важных мероприятий по улучшению состояния архивного дела в республике, закладывается хорошая основа для его дальнейшего развития и совершенствования на научной основе.

Построены по типовым проектам и введены в эксплуатацию здания архивохранилищ общей емкостью на 6 млн. дел. Созданы дополнительно к имеющимся 45 еще 9 лабораторий по микрофотокопированию и реставрации документов. На государственное хранение от министерств, ведомств, учреждений, организаций и предприятий принято более 5,5 млн. дел, переработаны и усовершенствованы описи на 7,5 млн. дел. По результатам тематической разработки архивных фондов составлено более 3,5 млн. карточек для включения в различные каталоги государственных архивов.

Издано 58 сборников документов и других форм публикаций по актуальным проблемам истории советского общества, в том числе: 6 — по истории Великой Октябрьской социалистической революции, борьбе за установление и упрочение Советской власти на местах, 5 — по истории Советов депутатов трудящихся, 6 — по истории рабочего класса и индустриализации страны, 3 — по истории крестьянства и коллективизации сельского хозяйства, 3 — по истории культурного строительства, 3 — по истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.,

¹ В основу настоящего сообщения положено выступление на Уральской археографической конференции, г. Пермь, 26—30 ноября 1974 г.

4 — по истории отдельных предприятий, колхозов, совхозов, 2 — по истории социалистического соревнования и коммунистического отношения к труду, 6 — хрестоматий по истории отдельных областей, краев и автономных республик и др. В научный оборот введены, во многих случаях впервые, тысячи архивных документов, что несомненно расширит источниковую базу советской исторической науки.

Задания пятилетнего плана развития архивного дела в республике по всем основным показателям успешно выполняются. Сделанное — результат упорного и настойчивого труда коллективов всех архивных учреждений Российской Федерации.

Важной составной частью Государственного архивного фонда СССР как совокупности документальных источников по отечественной истории являются документы личного происхождения. Это преимущественно документы о жизни и деятельности партийных и советских работников, деятелей науки, культуры, искусства, просвещения, новаторов и передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства, созданные ими самими.

Привлечение этих источников в государственные архивохранилища является одним из направлений работы архивных учреждений в области комплектования. И надо сказать, что за последние годы в этом направлении сделаны определенные шаги. За первые три года пятилетки на государственное хранение принято более 38 тыс. дел (единиц хранения) документов личного происхождения. Нужно отметить успешную работу по привлечению этих документов на государственное хранение архивных учреждений Пермской, Оренбургской, Свердловской, Вологодской, Новосибирской областей и Удмуртской АССР. В государственных архивах упомянутых областей и автономной республики в настоящее время хранятся и активно используются в научной, культурно-просветительной, краеведческой работе документы писателей, в частности Д. П. Бор-Раменского (Воробьева), Н. А. Рубцова, Н. А. Теплоуховой, писателя и краеведа В. П. Бирюкова, многих видных деятелей театра, просвещения и здравоохранения. Архивистами Свердловска принят в областной государственный архив личный фонд А. В. Баранова (1895—1954 гг.) — члена Военно-Революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Архивистами Кировской области принят фонд видного организатора колхозного производства, председателя колхоза, дважды Героя Социалистического Труда П. А. Прозорова. Этот перечень можно было бы продолжить. Оценивая в целом положительно работу государственных архивов Российской Федерации по привлечению на государственное хранение документов личного происхождения, Главархив РСФСР, однако, отмечает, что эта работа пока надлежаще не организована и не скоординирована, не имеет четкой перспективы, круг организаций и отдельных лиц, среди которых следует вести эту работу, и сроки ее проведения недостаточно определены. Разумеется, планирование и организация этой работы в централизованном порядке представляют немало трудностей. Связаны они в первую очередь с отсутствием координации собирательской деятельности. Как известно, поиск рукописных и печатных источников по отечественной истории ведут различные организации: учреждения Академии наук СССР, включая Археографическую комиссию, ее отделения на местах и их актив, государственные и партийные архивы, музеи, библиотеки, различные общественные организации и объединения.

Если государственные архивы упомянутых областей (Пермской, Вологодской, Новосибирской и некоторых др.) имеют неплохие результаты собирательской деятельности, то это во многом объясняется тем, что их работа в какой-то степени увязана на местах с деятельностью Уральского, Сибирского, Северного отделений Археографической комиссии. Ими совместно с работниками местных краеведческих музеев, библиотек изучен состав источников местных хранилищ, организованы их описание, пуб-

ликация обзоров, намечаются и четкие перспективы дальнейшей собирательской работы.

Опыт работы отделений Археографической комиссии и государственных архивов настоятельно ставит в повестку дня решение вопросов координации собирательской деятельности в центре и на местах, действительного объединения всех участвующих в ней учреждений и организации их целенаправленной работы.

Главархив РСФСР поддерживает издание отделениями Археографической комиссии археографических ежегодников и сборников, на страницах которых публикуются квалифицированные статьи и обзоры источников, находящихся в местных хранилищах, ведется деловой и конструктивный разговор по актуальной проблематике собирательской деятельности, научной разработки и описания архивных фондов, и, со своей стороны, будет оказывать этому делу возможную помощь.

В плане реализации рекомендаций Всероссийского совещания работников архивных учреждений, состоявшегося в апреле 1974 г., Главархив РСФСР наметил разработку совместно с Археографической комиссией АН СССР мероприятий по укреплению научного сотрудничества. Предложения, внесенные участниками настоящей конференции по направлениям, формам и методам этого сотрудничества, будут нами внимательно рассмотрены и учтены.

Как известно, в настоящее время письменные памятники истории, составляющие Государственный архивный фонд СССР, находятся в распоряжении ряда учреждений — государственных архивов, а также музеев и библиотек, в составе их рукописных отделов, некоторых научных учреждений.

Хотя действующее Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР отмечает временный характер хранения письменных источников в рукописных отделах музеев и библиотек, по существу хранение их там носит все более постоянный характер. Это, кстати, нашло отражение и в Положении о музейном фонде, утвержденном Министерством культуры СССР. Работа по их пополнению ведется систематически.

Учитывая это, нам представляется целесообразным, чтобы при решении вопросов координации собирательской деятельности было уделено особое внимание определению круга (категорий, видов) письменных источников, розыск, собирание, хранение и описание которых было бы возложено на конкретные учреждения (госархивы, музеи, библиотеки, другие научные учреждения), ведущие эту работу с учетом имеющегося у них опыта, условий, обеспечивающих их полную сохранность и использование в интересах исторической науки и коммунистического воспитания трудящихся. Соответствующие шаги в этом направлении должны быть приняты Археографической комиссией Академии наук СССР и Главархивом СССР.

Достаточно в этой связи сослаться на два примера. В филиале Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске длительное время хранилось собрание книг XVI — XVIII вв. на иностранных языках. Сотрудники филиала, не имея надлежащей подготовки и опыта, не представляли себе их научной ценности. Их действительная ценность была определена заместителем председателя Сибирского отделения Археографической комиссии Н. Н. Покровским, по просьбе которого собрание книг в настоящее время передано в Научную библиотеку Сибирского отделения Академии наук СССР. Длительное время в государственном архиве Тульской области хранилось около 700 книг и рукописей церковного происхождения, научно-историческая ценность которых была раскрыта лишь после специального изучения их представителем Археографической комиссии АН СССР А. И. Роговым.

Объединение усилий Археографической комиссии и ее отделений, Главархива РСФСР и местных архивных учреждений республики, Ми-

нистерства культуры СССР, музеев и библиотек в разработке единой методики собирания и описания письменных источников различных категорий и видов является настоятельно необходимым². При организации этой работы следует учесть опыт Уральского и Северного отделений Археографической комиссии, Пермского госуниверситета и Вологодского педагогического института, ряда государственных архивов.

Особо следует остановиться на сотрудничестве Главархива РСФСР, Археографической комиссии и их местных учреждений в области публикации документальных источников.

Главархив РСФСР работает сейчас над этими вопросами. Для углубленной проработки их Главархивом РСФСР совместно с Главархивом СССР, Всесоюзным научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела, Московским государственным историко-архивным институтом проведены в 1974 г. региональные научно-практические конференции работников Центрального, Северо-Западного, Центрально-Черноземного, Северокавказского, Сибирского и Дальневосточного районов по вопросам публикационной работы. Состоялся обстоятельный и полезный обмен мнениями, в котором приняли участие представители 54 архивных учреждений республики.

Говоря о положительных результатах в публикационной работе, Главархив РСФСР, участники конференций отмечали, что они достигнуты во многом благодаря сотрудничеству государственных архивов с партийными архивами обкомов и крайкомов КПСС, институтами Академии наук СССР, Археографической комиссией и ее отделениями, другими научными учреждениями, кафедрами общественных наук высших учебных заведений. Мы имеем в виду активную работу представителей этих учреждений в коллективах составителей и редакционных коллегиях сборников документов, научное рецензирование подготовленных документальных публикаций и другие формы совместной работы. Особо ценным стало участие ученых и преподавателей общественных наук в обеспечении подготовки серийных документальных публикаций по таким фундаментальным проблемам истории Советского государства, как «Великая Октябрьская социалистическая революция», «История индустриализации СССР», «История коллективизации СССР», издание которых в Российской Федерации в текущем пятилетии завершается.

Вместе с тем проведенные конференции позволили более выпукло представить и серьезные недостатки.

Необходимо документальное освещение в первую очередь таких проблем, как построение развитого социалистического общества, ведущая роль рабочего класса в условиях развитого социализма, аграрная политика КПСС.

Проект пятилетнего плана развития архивного дела в РСФСР на 1976—1980 гг., обсуждение которого состоялось недавно на Научном совете Главархива РСФСР, предусматривает освещение этих проблем в документальных публикациях архивных учреждений ряда областей, краев и автономных республик. К сожалению, архивные учреждения Уральского региона и Уральское отделение Археографической комиссии пока еще не учитывают этого в своих планах.

В решении поставленной перед архивными учреждениями задачи об актуализации тематики документальных публикаций мы, как и прежде, рассчитываем на серьезную помощь научных учреждений и учебных заведений. В этой связи было бы правильно обсудить на заседаниях Археографической комиссии и ее отделений, ученых советов высших учебных заведений совместно с научными советами архивных учреждений уточ-

² См. об этом: В. А. Черных, С. В. Житомирская, А. С. Мыльников, Б. В. Левшин. Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства.— «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974.

ненные планы публикационной работы, добиться действительной согласованности издательских планов и тем самым повысить реальность их выполнения.

Повышение научной обоснованности планов публикации документальных источников, наряду с решением вопросов, о которых уже говорилось, связано прежде всего с усилением теоретической и методической разработки назревших проблем археографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Опыт археографической деятельности последних лет, проведенные Главархивом РСФСР научно-практические конференции по вопросам публикационной работы показывают серьезное отставание в разработке многих вопросов публикации документов.

Необходима, в частности, дальнейшая разработка таких важных для археографии проблем, как типология документальных изданий и публикаций; состав документов и принципы отбора документов в зависимости от типа, вида, формы и цели издания; принципы построения и состав научно-справочного аппарата документальной публикации в зависимости от типа, вида, формы и цели издания; вопросы передачи текста документов, включая вопросы о регистрах; принципы и критерии оценки эффективности документальных изданий различных типов, видов и форм.

Назрела необходимость улучшения и углубления методики работы с документами личного происхождения, а также с находящимися в составе личных собраний памятниками письменности. Научно обоснованной методики их учета и описания пока нет, ведется эта работа на основе методики описания документов общего делопроизводства. Понятно, что при этом не может быть в полной мере учтена специфика таких документов и коллекций в целом, что не может не сказываться отрицательно на введении таких документов в научный оборот и в целом на их использовании.

Главархив РСФСР и ВНИИДАД намечают в предстоящем пятилетии работать над этими вопросами совместно с местными архивными учреждениями. Однако хотелось бы в данной связи подчеркнуть важную координирующую роль Археографической комиссии и ее местных подразделений. Следует обсудить, как лучше объединить наши усилия в этой работе. Представляется целесообразным в качестве одной из мер в этом направлении обсуждать на заседаниях отделений Археографической комиссии методические программы работ по отдельным научно-исследовательским темам археографии, завершённые разработки и рекомендации по их внедрению.

В тесной связи с разработкой теоретических и методических вопросов археографии и источниковедения находится обобщение опыта археографической деятельности. Этому до последнего времени не уделялось должного внимания. Из 300 сборников документов, изданных архивными учреждениями РСФСР за последние 10 лет, критическому разбору на страницах специальной периодической печати подверглось ничтожно малое число. Активизация этой работы — серьезная помощь кадрам археографов в их практической работе. Желательно, чтобы Археографическая комиссия и ее отделения организовали систематическое рецензирование документальных публикаций, привлекли бы к этой работе видных специалистов.

Целесообразно было бы более полно использовать в этих целях страницы археографических ежегодников и сборников.

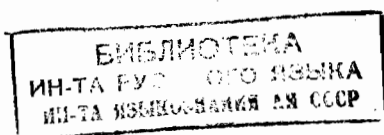
Известно, какой резонанс получило издание многотомной «Истории городов и сел Украинской ССР», осуществленное коллективными усилиями Института истории АН УССР, государственными и партийными архивами Украины. Подготовка аналогичного издания в целом по РСФСР, учитывая ряд факторов, вряд ли является целесообразным, но по отдельным областям и автономным республикам, бесспорно, необходима, как в науч-

ных, так и в воспитательных целях. Пока такая работа проведена только калининскими архивистами в тесном сотрудничестве с партийными и советскими органами, учебными заведениями, музеями, библиотеками. В ближайшее время труд «История городов и районных центров Калининской области» объемом 40 печатных листов выходит в свет.

Для работников архивных учреждений автономных республик, краев и областей Российской Федерации было бы весьма полезно, если бы Археографической комиссией был проведен детальный анализ этой публикации, исходя из того, что мы и дальше будем развивать такую форму издания источников.

Необходимо уделить больше внимания изданию пофондовых, видовых публикаций, обзоров. Некоторые публикации такого рода будут проводиться архивными учреждениями самостоятельно, в частности, — «Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году», пофондовые публикации документов деятелей литературы, искусства, просвещения. Однако главное внимание архивных учреждений в решении задачи раскрытия состава и содержания архивных фондов государственных хранилищ будет и в предстоящем пятилетии обращено на улучшение качественного состояния описей и каталогов документов. Другим направлением в решении этой задачи будет подготовка и издание справочников и путеводителей по фондам государственных архивов с целью отразить в них современный состав государственного архивного фонда каждой области, края, автономной республики.

Таковы в общих чертах те проблемы в области публикации документальных источников, над которыми будут работать Главархив РСФСР и его местные архивные учреждения. Мы, как и прежде, рассчитываем при решении их на помощь со стороны Археографической комиссии АН СССР, ее отделений, в том числе, Уральского отделения, на их актив — ученых и преподавателей научных учреждений и учебных заведений, других учреждений, ведущих археографическую работу.

Т. П. Воронова

**О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СПИСКЕ РУКОПИСЕЙ
ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА V—XV ВВ.,
ХРАНЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
(Для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)**

Составление Сводного каталога всех древних рукописей, хранящихся в Советском Союзе, — огромной важности работа, начатая Археографической комиссией в 60-е годы по инициативе академика М. Н. Тихомирова¹. В 1965 г. в «Археографическом ежегоднике» был опубликован «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв.»², который позволил составить представление, каким количеством и какими именно рукописями обладают наши хранилища, выявить основные опубликованные описания. В настоящее время на основании этого списка ведется составление славяно-русского выпуска «Сводного каталога».

В марте 1973 г. в Ленинграде на научном совещании, посвященном вопросам описания рукописей, организованном Археографической комиссией, Библиотекой АН СССР и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, обсуждался также вопрос о работе по составлению Сводного каталога латинских рукописей, хранящихся в СССР³.

Как известно, советские библиотеки, архивы и музеи хранят значительное количество памятников латинской средневековой письменности. И уже несколько лет под руководством Археографической комиссии идет работа по их учету. Полученные предварительные данные позволяют с полной уверенностью сказать, что собрание Государственной публичной библиотеки (ГПБ) не только занимает среди всех прочих первое место, что было известно и ранее, но и во много раз превосходит все советские коллекции по количеству средневековых кодексов. Так, если Библиотека Академии наук СССР хранит 200, а Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) — 130 средневековых латинских рукописей, то в ГПБ их имеется около 1000. Естественно, что работа по составлению Сводного каталога для библиотеки, включающей почти $\frac{2}{3}$ всего наличия памятников средневековой латинской письменности СССР, приобретает особое значение⁴. Если небольшие собрания Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Эрмитажа, некоторых университетских библиотек и даже сравнительно крупные собрания упомянутых выше двух

¹ Доклад М. Н. Тихомирова 1960 г. о составлении Сводного каталога древних рукописей. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 368—372.

² «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272.

³ В. А. Черных. Вопросы описания древних рукописей. Совещание в Ленинграде — «История СССР», 1973, № 5, стр. 223—225; М. Н. Воробьев. Совещание по вопросам древнеславянских рукописей. — «Археографический ежегодник за 1973 год». М., 1974, стр. 321—328; Л. И. Киселева. О сводном каталоге рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР. — «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974, стр. 282—290.

⁴ А. Д. Люблинская. О составлении Сводного каталога рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР. — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, стр. 248—252.

книгохранилищ могут быть почти одновременно с выявлением полностью описаны (что в некоторых случаях, несомненно, более целесообразно, чем только краткий их учет), то иначе обстоит дело с собранием ГПБ. Составление только учетного списка средневековых рукописных книг латинского алфавита, хранящихся в ГПБ, потребует немало времени и труда.

Собрание западных рукописей библиотеки многоязычно. Средневековые кодексы представлены в нем с V по XVII в. включительно. Примерно половина — латинские рукописи, написанные во Франции, Италии, Англии, Германии и других западноевропейских странах. Рукописи на французском, немецком, итальянском, испанском, чешском, голландском, шведском, польском и других языках сравнительно немногочисленны. Большую часть их составляют рукописи на французском языке. Основу средневекового западного фонда составляет коллекция П. П. Дубровского, привезенная из Франции. Этим объясняется структура этого фонда, напоминающая структуру фонда Национальной библиотеки Франции. Но не только языковое многообразие и большой хронологический охват характерны для него. Без преувеличения можно сказать, что в собрании представлен весь репертуар средневековой литературы — философские, математические, астрономические, юридические и медицинские трактаты, хроники, исторические, литературные и поэтические произведения, библии, евангелия, жития святых, теологические сочинения, переводная литература и т. п.

Еще до того, как собрание П. П. Дубровского было привезено в Россию, оно пользовалось европейской славой. Хотя наиболее примечательные рукописи этого собрания изучались многими исследователями в течение полутора столетий (почти с самого основания «Дешо манускриптов») и породили огромную научную литературу, все же приобретенные Дубровским кодексы так многочисленны, разнородны и разновременны, а отдельные редкостные экземпляры ставят столько обособленных задач исследователям и каталогизаторам, что даже составление краткого их сводного перечня отнюдь не простая задача.

Известность западного собрания выходит далеко за пределы нашей страны, что подтверждают и международные выставки, на которых экспонировались некоторые принадлежащие библиотеке кодексы (в 1964 г. — в Швеции и Дании, в 1965 г. — в ФРГ⁵, в 1967 г. — в Великобритании⁶, в 1975 г. — во Франции), и многочисленные запросы зарубежных специалистов и различных научных учреждений (среди которых Французский институт истории и разысканий текстов, Австрийская академия наук, Королевские библиотеки Швеции и Бельгии, Национальная библиотека Франции, Британская библиотека и т. д.), и частые командировки в Советский Союз ученых из ГДР, Чехословакии, Польши, Венгрии, Югославии, Румынии, Франции, Италии, Англии, США, Голландии, ФРГ и других стран.

Переиздание и изучение многих средневековых текстов не может быть осуществлено без привлечения рукописей из ленинградского собрания, зачастую и более ранних, и наименее известных. Например, для нового критического издания Руфина была привлечена рукопись VI в. из ГПБ⁷; по списку начала XIV в., который специалисты считают наиболее ранним и лучшим, в Финляндии была издана поэма «Жизнь и чудеса девы Марии»

⁵ В Аахене были представлены семь латинских рукописей ГПБ. См. *Catalogue d'exposition «Charlemagne. Oeuvre, rayonnement et survivances»*. Aix-la-Chapelle, 1965, p. 236, 239, 241—242, 292.

⁶ В Лондоне экспонировались две рукописи VIII в.: «Англо-саксонское евангелие» и «Церковная история английского народа» Беда Достопочтенного. См. «Great Britain — USSR». An historical exhibition organized by the British Foreign Office and Soviet Ministry of Foreign Affairs through the Arts Council of Great Britain and the Victoria and Albert Museum; and through the Soviet Ministry of Culture and the Soviet State Archives. February 9 to April 2, 1967. The Arts Council, 1967, p. 11.

⁷ *Rufin. Liber de fide. A critical Text and Translation with Introduction and Commentary* by M. W. Miller. Washington, 1964.

Готье де Куэнси⁸; для критического издания «Книги сокровищ» Брунетто Латини был также использован французский кодекс ГПБ⁹.

В 1954 г. в Бельгии вышел I том публикации, которая, в известном смысле, должна заменить «Патрологию» Миня¹⁰. В это монументальное критическое издание предполагается включить все, что написано в первые восемь веков христианства. Латинская серия его рассчитана на 180 томов¹¹. Издатели — монахи бенедиктинского монастыря св. Петра в Штеенбрюгге — привлекли к подготовке текстов ученых Бельгии, Англии, Франции, Германии, Италии, Голландии и других стран. Поскольку ленинградский фонд латинских рукописей включает многие списки произведений церковных писателей раннего средневековья (Августина, Иеронима, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Амвросия Великого, Василия Великого, Оригена, Евсевия, Руфина, Сальвиана и Тертулиана), то, естественно, что без их учета невозможно полноценное переиздание этих произведений.

Продолжают изучаться, казалось бы, хорошо известные ленинградские рукописи из Корби — северофранцузского монастыря, основанного еще в VII в.¹² Несколько лет тому назад, в течение месяца над ними работал в Отделе рукописей ГПБ профессор из Кембриджа Т. Бишоп¹³, затем — французский ученый К. Мерендоль и специалист из ГДР Урсула Винтер¹⁴.

И тем не менее подлинная научная ценность уникального собрания Публичной библиотеки далеко еще не раскрыта. Подавляющая часть его не нашла отражения в печатных каталогах. В таком же положении находятся и большие библиотеки других стран. О. А. Добиаш-Рождественская писала в 1929 г.: «Полного, единого каталога описаний своих рукописей до сих пор не имеет ни одна большая библиотека Европы. Его осуществили малые, иногда средние. Большие имеют ряд каталогов, наславившихся друг на друга, дополняющих или частично покрывающих друг друга, но не исчерпывающих богатств библиотек, во всяком случае не исчерпывающих их в одном плане и по одному заданию»¹⁵. В настоящее время положение изменилось мало. Например, Национальная библиотека Франции, обладающая крупнейшим латинским фондом, начала еще в 1939 г. издание «Генерального каталога латинских рукописей». За 30 лет ей удалось подготовить пять томов, включающих описание 3500 рукописей из общего числа 21 600¹⁶.

Общезвестно, что одним из важных и неперемных условий для открытий новых текстов в государственных хранилищах является систематическая работа по научному описанию их огромных фондов. В статье, обращенной к общественности и опубликованной в «Правде» 14 августа 1973 г., Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт и Н. Н. Покровский отмечали, что находки древних текстов совершаются отнюдь не только в археографических экспе-

⁸ «Huit Miracles de Gautier de Coinci». Ed. par E. von Kraemer. Helsinki, 1960. «Annales Academiae scientiarum Fennicae», Ser. B, t. 119.

⁹ «Li livres dou Tresor de Brunetto Latini». Ed. critique par Francis J. Carmody. Berkeley, Los Angeles, 1948.

¹⁰ J. P. Migne (ed.). Patrologiae cursus completus. Series latinae, t. 1—221. Parisiis, 1844—1864.

¹¹ «Corpus christianorum. Collectum a monachis OSB abbatiae S. Petri in Steenbrugge edunt Typographi Brepols Editores Pontificii Turnholti (Belgium)». 1954. К 1969 г. вышло 50 томов (30 из них имеются в библиотеке).

¹² О. А. Добиаш-Рождественская. История Корбийской мастерской письма в годы 651—830 по ленинградским кодексам. Л., 1934 (на франц. яз.).

¹³ T. A. M. Bishop. The Script of Corbie: a Criterion.— «Varia Codicologia. Essays presented to G. I. Lifting», 1972, p. 9—16.

¹⁴ U. Winter. Die Mittelalterliche Bibliothekskataloge aus Corbie. Kommentierte Edition und bibliotheks- und wissenschaftsgeschichtliche Untersuchung. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae. Humboldt-Universität zu Berlin, 1972.

¹⁵ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 254, № 227, л. 1.

¹⁶ Bibliothèque Nationale. Catalogue général des manuscrits latins, t. I—V. Paris, 1939—1966. Tables des Tomes I et II. Paris, 1968.

дициях. При научной обработке огромных коллекций, которые веками собирались в государственных хранилищах, иногда даже известные во многих списках памятники при новом взгляде на них открывают вещи удивительные. Применительно к западному рукописному собранию Публичной библиотеки это замечание более чем справедливо! В большинстве случаев зарубежные ученые, обращаясь к той или иной рукописи этого собрания, знают о ее существовании из старых каталогов и инвентарей, напечатанных в XVII—XVIII вв., т. е. до включения интересующего их манускрипта в библиотечные фонды. Исключение составляют древние латинские кодексы V—VIII вв. Они отражены не только в каталогах, составленных под редакцией и с участием О. А. Добиаш-Рождественской¹⁷, но и в Сводном мировом каталоге древнейших латинских рукописей V—VIII вв., вышедшем под редакцией Э. Лоу¹⁸. Описания рукописей следующих веков, IX—XII, можно найти в изданном в 1910 г. каталоге А. Стерка¹⁹. Однако если каталоги под редакцией О. А. Добиаш-Рождественской и Э. Лоу отвечают требованиям современной науки, то каталог А. Стерка с его многочисленными неточностями и досадными пропусками в библиографии подвергался суровой критике еще в начале этого века, т. е. сразу же после выхода в свет²⁰. Из 140 рукописей V—XII вв., описанных в нем, 27 — ныне не хранятся в библиотеке (возвращены Польше в 1922—1927 гг.)²¹. Описание рукописей V—VIII вв., сделанное Стерком, неточно, перекрывается упомянутыми каталогами О. А. Добиаш-Рождественской и Э. Лоу²². В каталоге Стерка можно найти описания 80 рукописей IX—XII вв. При пользовании каталогом, следует, однако, иметь в виду то, что писала по его поводу О. А. Добиаш-Рождественская: «Раз этот каталог существует, он приносит свою долю пользы, и без него не обходишься при изучении соответствующей рукописи. Но большой вопрос: количество сообщаемых им истин вознаграждает ли за множество сеемых им заблуждений, которые покрывают вновь сорною травой ниву, уже расчищенную его предшественниками? Усилия исследователя, сберегаемые тем, что Стерк дал, не поглощаются ли теми, какие приходится тратить, чтобы разобраться во всем, что он запутал?» И далее: «...ни одно описание в его каталоге не свободно от той или иной, часто весьма тяжелой ошибки — ошибки, которой, с имеющимися у него под руками средствами, ничего не стоило избежать».

Что касается рукописей XIII—XV вв., число которых значительно превосходит древнюю часть западного средневекового фонда, то они учтены

¹⁷ О. А. Добиаш-Рождественская (ред.). Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. V—VII вв. Л., 1929. Древнейшие латинские рукописи, ч. 2. VIII — начало IX в. Л., 1965 (ротатор). В составлении каталога принимали участие В. В. Бахтин и С. А. Ушаков. Даны описания 45 рукописей.

¹⁸ E. A. Lowe (ed.). *Codices Latini Antiquiores*. Part XI: Hungary, Luxembourg, Poland, Russia, Spain, Sweden, the United States and Jugoslavia. Oxford, 1966 (NN 1597—1625, 614, 182, 570, 635, 646, 730, 1061). Любопытно, что указанные в титуле страны обладают следующим количеством древних рукописей: Венгрия — 2, Люксембург — 1, Польша — 4, СССР — 38 (36 в ГПБ), Испания — 18, Швеция — 1, США — 32, Югославия — 2. Первая часть каталога Э. Лоу вышла в 1934 г., последняя — «Дополнения» (Supplement) — в 1972. Это монументальное издание включает описания 1800 кодексов, хранящихся в различных библиотеках мира.

¹⁹ A. Staerk. *Les manuscrits latins du Ve au XIIIe siècle conservés à la Bibliothèque Impériale de Saint-Petersbourg*. Description des textes inédits, reproductions autotypiques, t. I—II. Saint-Petersbourg, 1910.

²⁰ О. А. Добиаш-Рождественская. О незамеченном. — «Средневековье в рукописях Публичной библиотеки», вып. 2. Л., 1927, стр. 9—11.

²¹ «Sigla Codicum manuscritorum qui olim in Bibliotheca Leninopolitana nunc in Bibliotheca Universitatis Varsoviensis asservantur». Kraków, 1928.

²² В настоящее время член Международного палеографического комитета, один из ведущих палеографов мира Бернгард Бишоф работает над составлением Сводного каталога латинских кодексов IX в. Предположительно, каталог включит более 7000 единиц, в том числе около 40, хранящихся в ГПБ. См. B. Bischoff. *Über den Plan eines paläographischen Gesamtkataloge der westländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts*. — «Archivarische Zeitschrift». Band 59, S. 166—167.

полностью только в рукописных инвентарях. Исключение составляет инвентарная опись французских рукописей, опубликованная Густавом Берtrandом с некоторыми уточнениями и дополнениями. Однако в этой описи отсутствует описание рукописей, поступивших в библиотеку после 1874 г.²³ Разумеется, на некоторые отдельные рукописи или даже целые комплексы имеются научные описания, составленные как советскими, так и зарубежными специалистами. Например, упоминавшиеся корбийские рукописи подробно описаны О. А. Добиаш-Рождественской, часть раннеготических — Т. В. Луизовой²⁴, французских рукописей XIII—XIV вв. — В. Л. Романовой²⁵, рукописи, происходящие из немецкого монастыря Вейссенау, — Паулем Леманом²⁶, некоторые латинские канонические рукописи — польским ученым Адамом Ветуляни²⁷. Иллюминированные рукописи XIII—XVI вв. отражены в каталоге Лаборда²⁸, но как явствует из самого заглавия, только «основные», — из 157 описанных там рукописей в настоящее время имеется 121 (36 возвращены в Польшу в 20-е годы XX в.²⁹).

Множество единичных описаний, составленных в разное время различными учеными, изучавшими рукописи не с одинаковых точек зрения, не может дать полного представления о фонде, не говоря уже о том, что подчас само выявление таких описаний требует значительных библиографических разысканий. В итоге получается, что только четверть средневековых рукописей латинского алфавита Публичной библиотеки, т. е. около 250 единиц, нашли отражение в печатных каталогах.

Почти неизвестны и не введены в научный оборот западные рукописи, хранящиеся в русских собраниях Отдела рукописей и редких книг: Общества любителей древней письменности (ОЛДП), П. П. Вяземского, Н. В. Михайловского, Санкт-Петербургской и Новгородской семинарий и др. Предстоит значительная работа по просмотру инвентарных описей этих собраний с целью выявления латинских кодексов. Достаточно сказать, что при просмотре инвентарной описи только коллекции ОЛДП было выявлено более 100 латинских рукописей XIII—XV вв. (из них 52 фрагмента)³⁰. Несколько латинских антифонариюв XIII—XV вв. хранятся в музыкальном собрании Н. Ф. Финдейзена. Иными словами, поиски в этом направлении могут дать значительное прибавление фонда.

Основные элементы описания хранящихся в ГПБ западных рукописей V—XV вв. для учетного списка в целом совпадают с элементами, принятыми Археографической комиссией для славяно-русских рукописей XI—XIV вв.³¹ После порядкового номера указываются: дата (год, век), название на языке оригинала, количество листов и размер листа в длину и ширину в мм, писчий материал, украшения (количество миниатюр и на-

²³ «Catalogue des manuscrits français de la Bibliothèque de Saint-Petersbourg publié par G. Bertrand». Paris, 1874.

²⁴ Т. В. Луизова. Раннеготические рукописи Публичной библиотеки. Описание (10-ти кодексов). — «Труды Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», 1957, т. 1 (4), стр. 237—264.

²⁵ В. Л. Романова. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. (По материалам собрания рукописных книг Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.) М., 1975, стр. 182—203.

²⁶ P. Lehmann. Verschollene und wieder gefundene Reste des Klostersbibliothek von Weissenau. — «Zentralblatt für Bibliothekswesen». 1932, H. 1—2, S. 1—11.

²⁷ A. Vetulani. Trois manuscrits canoniques de la Bibliothèque Publique de Léningrad. — «Studia Gratiana», 1967, t. 12, p. 181—204.

²⁸ A. de Laborde. Les principaux manuscrits à peintures conservés dans l'ancienne Bibliothèque Impériale publique de Saint-Petersbourg, t. 1—2. Paris, 1935—1938.

²⁹ «Sigla Codicum manuscriptorum qui olim in Bibliotheca Leninopolitana nunc in Bibliotheca Universitatis Varsoviensis asservantur». Kraków, 1928.

³⁰ А. Х. Горфункель опубликовал научное описание одной из этих рукописей: «Падуанский кодекс XV в. в собрании ГПБ». — «Средние века», т. 35, стр. 222—229. Приобретенная в 1884 г. П. П. Вяземским рукопись никогда не привлекалась к изучению, что, по-видимому, относится и к остальным латинским кодексам ОЛДП.

³¹ Ср.: «Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». — Наст. изд., стр. 28—40.

личие красочных инициалов), основные печатные описания данной рукописи, шифр.

Специально язык рукописи не оговаривается, поскольку он входит в шифр подавляющего большинства рукописей ГПБ (например: Лат. Q.1.2, Нем. F.III.4, Франц. O.II.4, Итал. F.XIV.3 и т. п.). В собраниях, шифры которых не содержат указаний на язык, он отмечается после названия рукописи.

Западное рукописное собрание Публичной библиотеки, бесспорно, является не только крупнейшим, но и ценнейшим в Советском Союзе. Интерес к нему огромен. Тем сложнее и ответственнее представляется задача создания Сводного каталога такого собрания. Она может быть осуществлена только достаточно подготовленным коллективом библиотекарей-архивистов с неизменным привлечением специалистов самых различных профилей: историков, филологов и искусствоведов. О. А. Добиаш-Рождественская считала, что от каталогизатора-описателя трудно требовать, чтобы он был специалистом во всех областях. «Но он должен, — писала она, — уметь найти себе сотрудника: в книге или в живом мире».

Сейчас Отдел рукописей и редких книг приступает к подготовительному этапу этой огромной работы — составлению учетного списка, который займет несколько лет напряженного труда.

Л. П. Жуковская

РАБОТА ПО ПОДГОТОВКЕ СЛАВЯНО-РУССКОГО ВЫПУСКА СВОДНОГО КАТАЛОГА РУКОПИСЕЙ И ИНСТРУКЦИИ ПО ЕГО СОСТАВЛЕНИЮ

Публикуемая Инструкция составлена Археографической комиссией в плане работ по созданию Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР.

Работа по составлению Сводного каталога была начата Археографической комиссией в 1960 г. по инициативе и под руководством академика Михаила Николаевича Тихомирова.

Идея создания международного Сводного каталога славянских рукописей была выдвинута Е. Э. Гранстрем в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве. Гранстрем намечала перспективы этой работы. По ее мнению, «составлению сводного каталога славянских рукописей должны предшествовать издание библиографического указателя собраний славянских рукописей и выработка единых правил описания рукописей. В связи с этими задачами возникают некоторые методические вопросы, касающиеся описания рукописей, включения материала в каталог, расположения материала и т. п.» Гранстрем считала, что «работы по библиографированию рукописей следует сосредоточить при Международном комитете славистов»¹. В те годы Международный комитет славистов объединял только филологов². Отделением литературы и языка АН СССР был подготовлен лишь библиографический обзор³.

Основная работа по составлению каталога развернулась при Археографической комиссии, которую возглавлял в те годы академик М. Н. Тихомиров. М. Н. Тихомиров поставил задачу охраны письменных богатств нашей страны во всей широте. Были организованы археографические экспедиции Археографической комиссии на Дальний Восток и поддерживалась археографическая, в том числе и экспедиционная, деятельность других учреждений⁴. Под редакцией М. Н. Тихомирова в 1962 г. вышел ценный справочник, составленный его учеником А. И. Роговым⁵. М. Н. Тихомиров ставил вопрос о создании Сводного каталога уже не только славянских, но и древнейших рукописей всех народов нашей страны, и хранящихся в СССР рукописей зарубежных народов. Так, с 1960 г.

¹ Е. Э. Гранстрем (СССР). О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей.— «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии». Т. I. «Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики». М., 1962, стр. 313.

² Историческая наука вошла в сферу деятельности Комитета славистов и съездов славистов с 1963 г. (была представлена на V съезде в Софии).

³ И. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.—Л., 1963.

⁴ О деятельности М. Н. Тихомирова как организатора археографических экспедиций см. статью В. Б. Павлова-Сильванского в «Тихомировских чтениях 1970 г.» М., 1970, стр. 28—34.

⁵ А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962.

М. Н. Тихомиров делает ряд докладов об этом на заседаниях Археографической комиссии⁶, а затем выступает со специальной статьей в журнале «Вопросы истории»⁷.

М. Н. Тихомировым были разработаны основные принципы каталога и карточка для описания рукописей, которые легли в основу и принятой сейчас Инструкции. Главное же, Тихомиров организует круг лиц, основной научной задачей которых было проведение подготовительных работ по созданию Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно. Сотрудник Археографической комиссии Н. Б. Шеламанова по печатным описаниям выявила рукописный книжный фонд до XV в., находившийся в разное время в разных хранилищах. Встала задача уточнения современного местонахождения старых фондов и рукописей, выявления рукописей, не вошедших в печатные описания, а также идентификация рукописей, известных в науке под разными названиями. Важно было не упустить возможные места хранения древних рукописей. О масштабах этой работы свидетельствует такой факт, что, например, только для выявления фонда славянских рукописей и составления их Предварительного списка (далее — ПС) Н. Б. Шеламанова в 1961—1965 гг. отправила до тысячи писем в адреса различных библиотек, архивов, музеев и других организаций, в которых могли оказаться славянские рукописи до конца XIV в. включительно.

В результате были учтены 1494 рукописи, сохранившиеся полностью или частично в 38 библиотеках, архивах, музеях, научно-исследовательских институтах, университетах. Из этих хранилищ были получены краткие археографические сведения о каждой единице хранения, включающие название памятника, шифр в хранилище, дату, сведения об изводе, размере листов, их количестве, материале (пергамен или бумага) и главнейших описаниях. Эти сведения были систематизированы Н. Б. Шеламановой и вылились в «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»)»⁸. Предварительному списку предшествовала написанная Н. Б. Шеламановой содержательная статья⁹, в которой освещалась история создания ПС, указывались предыдущие перечни важнейших рукописей, составленные в XIX в. и вплоть до последнего перечня Н. Н. Дурново в 1927 г., подводились некоторые итоги учета рукописей в ПС (хранилища и число находящихся в них рукописей, распределение рукописей по векам и изводам), характеризовались основные параметры краткого описания рукописей в ПС, а также приводились некоторые важные сведения справочного характера (сокращения терминов, названий хранилищ, названий собраний, фондов и коллекций рукописей, основные описания рукописей, перечень рукописей, известных под именами собственными — «имеющих специальные названия»). Выход в свет этого крупнейшего за последние годы труда по отечественной археографии был отмечен рецензией, в которой указывались не только достоинства, но и недостатки ПС¹⁰.

Как необходимое, с нашей точки зрения, дополнение к ПС был составлен по материалам ПС указатель памятников древней славяно-русской письменности по их нарицательным названиям и по именам их авторов

⁶ Изложение докладов М. Н. Тихомирова в 1960 и 1961 гг. см.: «Археографический ежегодник за 1960 год» (далее — АЕ). М., 1962, стр. 368—369; «АЕ за 1961 год». М., 1962, стр. 467—471, а также: Ю. О. Бем. Общее собрание Археографической комиссии. — «Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 124—123; Н. Б. Шеламанова. О составлении Сводного каталога рукописей. — «Исторический архив», 1961, стр. 179—181.

⁷ М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 62—68.

⁸ «АЕ за 1965 год». М., 1966, стр. 187—271.

⁹ Там же, стр. 177—187, 271—272.

¹⁰ Л. П. Жуковская. Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1, стр. 98—107.

(или другим именам собственным). Этот указатель уже дал возможность обозреть древнерусское письменное наследие с некоторых сторон ¹¹.

Работа над Сводным каталогом продолжалась и после кончины М. Н. Тихомирова. В 1965—1966 гг. эту работу возглавил член-корреспондент АН СССР В. И. Шунков. В 1966 г. было осуществлено предсмертное желание М. Н. Тихомирова: Бюро Археографической комиссии приняло решение охватить каталогизацией и рукописи XV в.

Особенно оживилась работа над Сводным каталогом с 1967 г., когда она была признана важнейшим объектом деятельности Археографической комиссии ¹². Были созданы группы по подготовке выпусков Сводного каталога. Руководителем греческого выпуска стала Е. Э. Гранстрем, латинского — А. Д. Люблинская, восточных — А. С. Тверитинова. С 1970 г. научным руководителем работ по составлению славянского выпуска Сводного каталога рукописей стала Л. П. Жуковская.

Для поднятия общего уровня археографической подготовки работников в небольших хранилищах предполагалось использовать: а) опыт сотрудников рукописных отделов БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ; б) знания ученых-гуманитариев (лингвистов, литературоведов, историков, музыковедов, искусствоведов), систематически изучавших древнее рукописное наследие с позиций своих наук.

В июне 1972 г. Археографическая комиссия посвятила очередные «Тихомировские чтения» методике описания древних рукописей. Были заслушаны доклады академика Д. С. Лихачева, Л. П. Жуковской, А. Д. Люблинской и совместный Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедевой и Б. Л. Фонкича ¹³. В феврале 1971 г. в Ленинграде состоялось первое, а в марте 1973 — второе совместные совещания Археографической комиссии и Библиотеки АН СССР, посвященные подготовке Сводного каталога и вопросам описания древних рукописей ¹⁴. К первому совещанию были подготовлены таблицы, отражающие состав и последовательность элементов описания, практику древлехранилищ в показе даты рукописи и многое другое. На этом совещании было принято решение издать силами специалистов методическое пособие в помощь археографам, которые будут описывать славянские рукописи для Сводного каталога. Пособие было издано Археографической комиссией в 1973 г. ¹⁵ В его подготовке приняли участие не только указанные в нем авторы статей ¹⁶, но и многочисленные рецензенты.

Важное место на совещании 1973 г. заняло обсуждение подготовленного к совещанию проекта Инструкции по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога. Переработанная и дополненная Инструкция была утверждена Бюро Археографической комиссии 12 июня

¹¹ Л. П. Жуковская. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР. — «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 57—71 (указатель памятников — стр. 60—71); она же. Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР. — «Палестинский сборник», вып. 19 (82), стр. 171—176; она же. Сколько книг было в Древней Руси? — «Русская речь», 1971, № 1, стр. 73—80; она же. Что читали на Руси в XI—XII веках. — «Русская речь», 1973, № 4, стр. 112—119.

¹² С. О. Шмидт. Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР. — «История СССР», 1970, № 1, стр. 226—227 (информация о планах работы).

¹³ «АЕ за 1972 год». М., 1974, стр. 234—258.

¹⁴ С. В. Нефедова. Обсуждение методики описания рукописей. — «Советские архивы», 1971, № 3, стр. 116—117; Л. П. Жуковская. Хроника. — «Вопросы языковедения», 1971, № 6, стр. 144—145; О. П. Лихачева. Подготовка Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXXI, 1972, вып. 1, стр. 97—101; Н. Б. Шеламова. Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — «АЕ за 1971 г.» М., 1972, стр. 384—391; В. А. Черныш. Вопросы описания древних рукописей. — «История СССР», 1973, № 5, стр. 223—225; М. Н. Воробьев. Совещание по вопросам описания древнеславянских рукописей. — «АЕ за 1973 г.» М., 1974, стр. 321—328.

¹⁵ «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973 (ротaupринт).

¹⁶ См. также: «АЕ за 1973 год», стр. 321.

1974 г., издана небольшим тиражом (ротапринт, 250 экз.)¹⁷ и разослана в хранилища для осуществления на ее основе описаний рукописей для Сводного каталога.

Инструкция снабжена двумя приложениями. В Приложении I даны образцы описания рукописей: «Листки Ундольского» XI в. — ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 961; служебная минея. — ЦГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 96; «Каршинское евангелие», XIII в. и Апостол апракос начала XIV в. — ГИМ, Хлуд. 28, «Рашская кормчая» 1305 г. — ГИМ, Воскр., 29 и ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 25; «Сильвестровский сборник» XIV в. — ЦГАДА, ф. 381 (Син. типогр.), № 53; Синтагма Матфея Властаря, вторая половина XIV в. — ГИМ, Воскр., 27. В Приложении II даны сокращения терминов, названий хранилищ и их фондов (коллекций, собраний).

Поскольку Инструкция нужна не только описателям рукописей для Сводного каталога, но и другим лицам, изучающим древнее письменное наследие славян и занимающимся археографией, Археографическая комиссия решила переиздать Инструкцию. Ниже воспроизводится текст ротапринтного издания (без приложений).

¹⁷ «Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Сост. Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова. М., 1974.

**ИНСТРУКЦИЯ ПО ОПИСАНИЮ
СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XI—XIV ВВ.
ДЛЯ СВОДНОГО КАТАЛОГА РУКОПИСЕЙ,
ХРАНЯЩИХСЯ В СССР**

Настоящая Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» разработана Археографической комиссией на основе опыта описания рукописей в крупнейших хранилищах страны (Библиотека Академии наук СССР, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственный Исторический музей, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральный государственный архив древних актов) с учетом консультаций виднейших специалистов в области изучения рукописной книги — палеографов, археографов, историков, лингвистов, историков культуры и искусства. Использован также опыт составления «Предварительного списка славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР», изданного Археографической комиссией в 1966 г.¹ Учтены рекомендации совещаний по вопросам описания славяно-русских рукописей, проведенных Археографической комиссией совместно с Библиотекой Академии наук в феврале 1971 г. и в марте 1973 г. в Ленинграде², а также «Методического пособия»³, составленного по решению совещания 1971 г. Кроме того, при составлении Инструкции учтена Инструкция по описанию славянских рукописей, принятая ЭDITIONНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ в 1963 г.⁴

Археографическая комиссия приносит благодарность за консультации и замечания при составлении Инструкции академиком Д. С. Лихачеву и Б. А. Рыбакову, сотрудникам рукописных отделов: Библиотеки Академии наук СССР (Н. Ю. Бубнову, М. В. Кукушкиной, О. П. Лихачевой, В. Ф. Покровской), Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (И. М. Кудрявцеву, Ю. А. Неволину, Л. В. Тигановой, Н. Б. Тихомирову), Государственного Исторического музея (Т. В. Диановой, Л. М. Костюхиной, Т. Н. Протасьевой, М. В. Щепкиной), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Н. А. Вороновой, Е. Э. Гранстрем, В. М. Загребину, Н. Н. Розову), Института русской литературы АН СССР (В. И. Малышеву, О. В. Творогову), Центрального государственного архива древних актов (С. В. Нефедовой), Центральной научной биб-

¹ «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»)». — «Археографический ежегодник за 1965 г.», стр. 177—272 (далее — ПС).

² О совещании 1971 г. см.: *Н. В. Шеламанова*. Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 384—391. О совещании 1973 г. см.: *В. А. Черных*. Вопросы описания древних рукописей. — «История СССР», 1973, № 5, стр. 223—225.

³ «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1973, вып. 1 (далее — «Методическое пособие»).

⁴ «Инструкция для составления каталога древних славянских рукописей». — «Slavia». ročník XXXII. Praha, 1963, sešit 2, str. 240—250.

лиотеки АН УССР (А. Г. Адаменко, Н. П. Визирю), а также А. И. Копаневу, А. Д. Люблинской, О. И. Подобедовой, И. В. Поздеевой, Н. Н. Покровскому, А. И. Рогову, Я. Н. Щапову.

Введение *

Инструкция основана на общих принципах построения «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до конца XV в. включительно)», принятых Археографической комиссией в 1961 г. Данная инструкция предназначена для описания славяно-русских рукописей XI—XIV вв. (Для рукописей XV в. в нее будут внесены некоторые дополнения.)

Славяно-русский выпуск Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, преследует цели: 1) научную — способствовать введению в научный оборот рукописного богатства нашей страны; 2) охранную — обеспечить сохранность рукописей, взятых на государственное хранение, содействовать устранению причин преждевременного изветшания рукописей.

Каталог охватывает рукописи древнейшего периода по конец XV в. (включительно).

В каталог вносятся только памятники книжной письменности. Актный материал, берестяные грамоты, эпиграфический и нумизматический материалы в Каталог не вносятся. Учитываются целые книги, отрывки, отдельные листы и части листов.

Каталог включает все имеющиеся в Советском Союзе древнейшие славянские рукописи, в том числе и на языках зарубежных славянских народов, написанные на славянских алфавитах: кириллице и глаголице. В Каталоге разделение по языковым разделам не проводится.

Каталог призван ознакомить с сохранившимся рукописным наследием разных по специальности исследователей (историков разного профиля, лингвистов, литературоведов, искусствоведов, музыковедов и представителей других наук) и людей, интересующихся историей и культурой нашей Родины. Как совершенно необходимые сведения о рукописях указываются: название и дата рукописи, содержание, извод (язык), украшения, потные знаки, основная библиография с обязательным включением сведений об изданиях рукописи, место хранения и шифр в хранилище.

Каталог будет снабжен указателями: а) рукописей, имеющих индивидуальные названия; б) распределения рукописей по содержанию (включая произведения в сборниках); в) хронологическим; г) распределения рукописей по изводам (языкам); д) рукописей, имеющих украшения; е) рукописей нотированных; ж) палимпсестов, з) распределения рукописей по хранилищам; и) соответствия номеров по ПС номерам Сводного каталога; к) именным (авторов, писцов, заказчиков, вкладчиков и др.); л) географическим (по материалам записей — места написания, бытования и т. п.).

Списки сокращений включают сокращения: терминов; названий хранилищ, собраний, фондов, коллекций; названий печатных описаний рукописей и другой литературы.

Описание рукописей проводится силами хранилищ рукописей: архивов, музеев, библиотек и др. Сведения о рукописях, включенные в Каталог, исходят, таким образом, от хранилищ, в которых рукописи находятся. В случаях, когда основные сведения хранилищ расходятся с ранее известными в литературе, не принятые хранилищами определения приводятся в библиографии, а также будут учтены при составлении указателей.

Организационную работу по составлению Каталога, выработку инструктивных материалов, обобщение полученных данных, редактирование и печатание Сводного каталога взяла на себя Археографическая комиссия АН СССР.

* Составители Инструкции Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова.

Для унификации описания рукописей в Сводном каталоге приняты единые понятия: единица описания, сборник, сборник-конволют, отрывок, добавления, точно и приближенно датированная рукопись, памятник письменности и список.

За **единицу описания** в Сводном каталоге принимается «исторически сложившаяся единица хранения». В это понятие входят: рукопись, содержащая одно произведение; сборник; сборник-конволют; отрывок.

В связи с этим части в прошлом одной и той же рукописной книги, оказавшиеся в разных хранилищах страны или в разных фондах одного хранилища, описываются как отдельные единицы описания. Например, «Слепченский апостол» описывается как 4 единицы описания (ПС, № 74—77), «Христинопольский апостол» — как 2 единицы описания (ПС, № 78, 79), также «Евгеньевская псалтырь» (ПС, № 29, 30), «Рашская кормчая» (ПС, № 476—477) и некоторые другие.

При описании разрозненных частей рукописной книги делаются взаимные отсылки на описания других частей этой же книги, находящихся в других хранилищах или фондах того же хранилища.

Палимпсесты как самостоятельные единицы не описываются.

Под **сборником** понимается рукопись, состоящая из трех и более произведений (статей).

Сборником-конволютом (сборной рукописью) называется объединение первоначально разных рукописных книг, не всегда связанных между собой содержанием или назначением, независимо от времени их написания. Как правило, части конволюта различаются внешними данными: качеством писчего материала, разлиновкой, почерком и т. п.

Как сборник, так и конволют описываются как одна единица описания.

Произведение (полное или отрывок), занимающее несколько листов и присоединенное к основному произведению, составляющему рукопись, называется **добавлением**. Добавления как самостоятельные единицы описания не описываются.

Отрывком предлагается считать часть рукописи, содержащую не более четверти традиционного состава представленного в ней памятника (памятников).

Рукописью **точно датированной** (имеющей точную дату) считается рукопись, время написания которой датируется годом или годами, указанными в записях писцов и не вызывающими сомнений у описателей. Точно датированными рукописями считаются также и рукописи, время написания которых определено исследователями на основании сведений в этих записях (годы царствований государей, деятельности светских и духовных должностных лиц и т. п.) в пределах одного-двух десятилетий.

Приближенно датированной считается рукопись, дата которой определяется на основании орфографических особенностей, языка и палеографических данных (почерка, филиграней и др.) в пределах века, его частей или рубежом смежных веков.

В Сводном каталоге при определении даты рукописи имеется в виду не время создания **памятника письменности** (произведения), а **время написания** данной **рукописи**, списка памятника (единицы хранения).

Сокращения

За основу для Сводного каталога приняты сокращения, составленные для Предварительного списка: 1) список сокращенных названий хранилищ (с их адресами); 2) список сокращенных названий собраний фондов, коллекций в хранилищах (с указанием номеров фондов), с пояснениями систем шифров в основных хранилищах; 3) список сокращений терминов; 4) список сокращенных названий литературы в библиографии (последний

потребуется дополнений и уточнений по сравнению с указаниями на описания рукописей, сделанными в Предварительном списке). Список сокращений названий литературы будет завершен после окончания описания рукописей в хранилищах и поступления всех материалов в Археографическую комиссию. Описателям рекомендуется пользоваться, кроме сокращений, имеющихся в Предварительном списке, собственными сокращениями названий литературы.

Списки рекомендуемых сокращений прилагаются к Инструкции.

Состав и порядок элементов описательной статьи

К основным сведениям о рукописи относятся: название, дата и указание на местонахождение (шифр). Эти данные указываются первыми в отдельном абзаце.

1. Название

Название рукописи дается по содержанию основного произведения (памятника письменности), начиная с типового названия. Например, минея служебная, минея-четья, евангелие апракос (краткий или полный), евангелие тетр, триодь постная, триодь цветная и т. д.

Имя автора в авторских произведениях (т. е. имеющих действительно или гипотетического автора) пишется после типового названия (например, Поучения Ефрема Сирина, Слова Василия Великого, Сочинения Дионисия Ареопагита и т. п.). Порядок расположения элементов названия в авторских произведениях: 1) типовое название (слова, поучения, сочинения и т. п.), 2) имя автора, 3) тема произведения. Например, Слово Кирилла Туровского на пасху, Слово Ипполита об Антихристе, Беседы Григория Двоеслова, папы римского, с архидьяконом Петром.

Традиционные названия авторских произведений сохраняются. Например, Паренесис Ефрема Сирина, Тактикон Никона Черногорца, Синтагма Матфея Властаря и др.

Названия добавлений в заголовок не выносятся. Сведения о добавлениях приводятся в пункте «Содержание».

В рукописях, состоящих из двух произведений, в заголовке указываются названия их обоих. Например, Евангелие апракос и Апостол апракос («Карпинское евангелие») — ГИМ, Хлуд. 28... (ПС, № 412); Устав церковный и Кондакарь нотированный («Псковский устав») — ГТГ, К-5349... (ПС, № 383).

Сборники характеризуются по их содержанию: юридические, сборники слов и поучений, энциклопедические, богослужебные, смешанного содержания и т. п. Наиболее ценные произведения в сборниках, содержащих много статей, отражаются в заголовке. Например, **Сборник юридический**, содержащий списки Пространной редакции Русской Правды и др. («Мусин-Пушкинский сборник») — ЦГАДА, ф. 135 (Древлехранилище), отд. 5, рубр. 1, № 1... (ПС, № 746); **Сборник смешанного содержания с Летописью Константина Манассии** — ГИМ, Син. 38... (ПС, № 501).

Сборники устойчивого состава описываются под их традиционными названиями (Пчела, Измарагд, Златая цепь и др.).

В заголовках отрывков указывается название (типичное или авторское) того памятника, частью которого отрывок является, с обязательным указанием — «Отрывок», помещенным после этого названия. Например, Пчела. Отрывок — БАН, 24.4.20 (собр. Срезневского, № 67)..., ПС, № 1193; Сборник слов и поучений. Отрывок — ГВЛ, собр. Григоровича, № 21.1. (М., 1703.1)..., ПС, № 852.

Если отрывок может быть частью разных богослужебных книг (например, каноны, месяцеслов, отрывки служб и др.), то дается название данного отрывка без определения памятника, которому он мог бы принадле-

жать. Так, месяцеслов (без указания на евангельские или апостольские чтения) может быть составной частью Требника, Часослова, Псалтыри, Служебника. Служба Успению, например, может быть частью Минеи служебной, Минеи праздничной, Праздников, сборников служб. Такие отрывки следует называть: Месяцеслов. Отрывок...; Служба Успению. Отрывок... и т. д.

Состав сохранившегося текста отрывка раскрывается в пункте «Содержание».

В случае, когда рукопись имеет закрепившееся в науке индивидуальное название (по имени писца, заказчика, владельца, исследователя, по месту нахождения и проч.), индивидуальное название ставится после типового в скобках и берется в кавычки. Например, Минея служебная, май «Путятина минея» — ГПБ, Соф., 202... (ПС, № 10); Евангелие апракос краткий («Остромирово евангелие») — ГПБ; Ф.п.1.5... (ПС, № 3); Слово о вере из Палдектов Антиоха Черноризца («Листок Викторова») — ГБЛ, собр. Пискарева, № 205... (ПС, № 35); Поучения Ефрема Сирина. Отрывок («Македонский листок», «Рыльский листок») — БАН, 24.4.15 (собр. Срезневского, № 62)..., ПС, № 27; Евангелие тетр («Мариинское евангелие») — ГБЛ, собр. Григоровича, № 6 (М., 1689)..., ПС, № 11; Жития Нифонта Констанцкого и Феодора Студита («Выголексинский сборник») — ГБЛ, Муз. № 1832... (ПС, № 63) и т. д.

Список рукописей, имеющих индивидуальные названия, будет помещен в числе указателей.

В случаях, когда содержание рукописи или ее автор неправильно определены ранее, в заголовке указывается правильное название. Неверное название рукописи, широко вошедшее в научную литературу, указывается в библиографии в пояснениях к работам соответствующих авторов.

Например, Октоих изборный. 1374 г. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 67... [библиография]... Покровский. Псковско-новгородское наследие, № 67, стр. 252—253, 277—278 (Шестоднев); Н. М. Каринский. Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г. — ЖМНП. Новая серия, — LXI. Пг., 1916, февр., стр. 199—257 (Шестоднев); ПС, № 533 (Шестоднев).

Неправильные прежние определения статей сборников оговариваются при описании отдельных статей после их правильного названия.

Редакции текста указываются у тех видов памятников, для которых они общеприняты или в «Методическом пособии» даны признаки их определения. К ним относятся: прологи, юридические и канонические памятники (Кормчие книги), хроники и хронографические произведения (Хроника Георгия Амартола, Еллинский летописец, Александрия, Палея).

Для рукописей, имеющих **музыкальные знаки**, в заголовке указывается только наличие нотации (словом «нотированная»). Характеристика нотации приводится в пункте «Нотация». Например, Стихирарь постный, нотированный — ГИМ, Усп. 8... (ПС, № 365). Кондакарь, нотированный («Благовещенский кондакарь») — ГПБ, Q. п. 1.32... (ПС, № 36).

Рукопись, нотированная неполностью, характеризуется как «нотированная частично». Для рукописей, имеющих отдельные листы или строки нотированного текста, наличие их в заголовке не оговаривается. Сведения о музыкальных знаках в таких рукописях сообщаются в пункте о нотации.

2. Дата рукописи

Дата рукописи указывается точная (год, годы) или приближенная (см. выше), с той степенью точности, какую может дать описатель: век, часть века (начало, первая четверть, вторая четверть, первая половина, середина, третья четверть, последняя четверть, вторая половина, конец), конец одного века — начало следующего.

Для рукописей, имеющих разновременные части, указываются даты всех разновременных частей в хронологическом порядке, независимо от

расположения частей в рукописи, но с указанием листов книги у каждой хронологически отличающейся части. Поздние (XVIII—XX вв.) восполнения лакун указываются только в пункте «содержание».

Например, Евангелие апракос краткий («Саввина книга»). X—XI в. (лл. 25—151, 165), XII в. (лл. 152—163) и XIV в. (лл. 1—24). ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 14... (ПС, № 2).

Сборник богослужебный. XIV в. (лл. 15—45, 99—104) и XV в. (лл. 50—98). ИРЛИ, собр. Карельск., оп. 7, № 476... (ПС, № 1474).

Лествица Иоанна Лествичника. XIII в. (лл. 1—79) и Слова Ефрема Сирина. Отрывок. Кон. XIV в. (лл. 80—81). ГИМ, Шук. 921... (ПС, № 302).

Рукописи, состоящие из разновременных частей, будут внесены в Каталог по древнейшей дате.

При раскрытии содержания рукописи (в пункте «содержание») описание статей ведется в последовательности расположения их в книге (а не в хронологическом порядке); дата каждой части указывается при этом обязательно.

Сведения о датах рукописей, разновременных частей рукописей и сборников будут внесены в хронологический указатель.

Для рукописей, имеющих точную дату, даты эти даются в современном летоисчислении. У славяно-русских рукописей современная дата определяется путем вычитания из даты рукописи цифр 5508 или 5509 (см. «Методическое пособие», вып. 1, стр. 205—213). Буквенное изображение славянских цифр и повторение их в скобках арабской нумерацией приводятся в пункте «Записи».

Сведения об отвергнутых хранилищами прежних датировках рукописи (в том числе и датировки ПС) помещаются в библиографии, в скобках, после указания на соответствующие описания или исследования.

Филиграни. Для бумажных рукописей приводятся сведения о водяных знаках (филигранях) с указанием названия водяного знака, его номера по пособиям (Н. П. Лихачева, К. Я. Тромонина, Ш. Брике, В. Мошина и др.) и его датировкой.

Если в рукописи встречаются разновременные водяные знаки, а по другим данным рукопись одновременна, то она датируется по поздней филиграню с учетом залежности бумаги (см. «Методическое пособие», вып. 1, стр. 180—204).

Если водяной знак данного типа не удастся обнаружить в имеющихся пособиях, это отмечается в описании (указать, какие пособия просмотрены). В этом случае рисунок водяного знака, снятый на кальку (не словесное описание), присылается для определения в Археографическую комиссию. Сведения о филигранях приводятся в отдельном абзаце после сведений о материале письма (т. е. о бумаге).

3. Местонахождение и шифр

Сведения о местонахождении рукописи начинаются с сокращенного названия хранилища (БАН, ГБЛ, ГИМ, ЛГНБ, НБ Казанского ун-та и др.). За ним через запятую пишется шифр рукописи. Указываются современные системы шифров, существующие в хранилищах.

В случаях, когда рукописные фонды, давно известные в науке под собственными названиями, в настоящее время обозначаются в хранилищах только номерами, желательно указывать как номер, так и традиционное название фонда. Например, собрание Синодальной типографии ЦГАДА будет обозначено: ЦГАДА, ф. № 381 (Син. тип.), № ...

Примечание: Пояснения о системах шифров в хранилищах, сокращения шифров, а также номера фондов (собраний, коллекций), независимо от того, дублируют ли они друг друга или нет, указываются описателями (в алфавитном порядке) в документе, сопровождающем описание рукописей, которые будут присылаться в Археографическую комиссию. В Свод-

ном каталоге эти пояснительные сведения будут включены в список сокращенных наименований хранилищ и фондов.

Сведения о старых, изменившихся шифрах и местах хранения рукописи, а также о штампах бывших хранилищ помещаются в конце описания, в пункте «дополнительные сведения».

Сведения о частях рукописи, попавших в другие хранилища или фонды, приводятся после современного шифра в отдельном абзаце.

Например, **Апостол апракос** («Слепченский апостол»). XII в. ГПБ, Ф. п. 1. 101 и 101^а.

Отрывки рукописи находятся: 6 лл. в ГБЛ, собр. Григоровича, № 14 (М., 1696), см. № ... (будет указан номер в Сводном каталоге); 1 лист в БАН, 24.4.6 (собр. Срезневского, № 53), см. № ...; 2 листа в ЦБАН УССР, ДА. II.25 — См. № ...; 9 лл. в Народной библиотеке «Иван Вазов» в Пловдиве (Болгария)...

Апостол апракос («Слепченский апостол»). Отрывок. XII в. БАН, 24.4.6 (собр. Срезневского, № 53).

Основная часть рукописи находится в ГПБ, Ф. п. 1. 101 и 101^а, см. № ...

4. Извод (правописание)

Язык рукописей X—XI вв., не древнерусского происхождения, определяется как старославянский (старослав.).

Для южнославянских рукописей последующих веков и древнерусских, начиная с XI в., указывается извод (правописание, отражающее местные языковые особенности): древнерусский (древнерусск.), среднеболгарский (среднеболг.), сербский (сербск.), хорватский (хорватск., для хорватской глаголицы).

Как исключение, при невозможности уточнить извод у рукописей южнославянского происхождения допускается определять его как южнославянский (южнослав.).

Если рукопись разноязычна (что редко), то отмечаются все изводы с указанием листов для каждого извода отдельно.

Распределение рукописей по изводам будет отражено в отдельном указателе.

Извод или язык записей указывается в разделе «записи» лишь в случаях, если он отличается от извода рукописи.

Об определении изводов славяно-русских рукописей см. «Методическое пособие», вып. 1, стр. 1—42, 43—75.

5. Формат и размер

Формат отмечается традиционно: в лист, в четвертую и восьмую долю листа (1°, 4°, 8°). В скобках указывается размер листа в сантиметрах (длина на ширину, т. е. размер по вертикали на размер по горизонтали — по направлению строк), в целых и десятых долях сантиметра. Измеряется длина и ширина листа, а не переплета и не текста. Размер листа измеряется посередине. Если существует значительная разница в величине листа у внешнего поля и у корешка или сверху и внизу, то указываются оба размера.

Формат определяется традиционно: 1° соответствует длине свыше 25 см, 4° — от 15 до 25 см, 8° — менее 15 см.

6. Количество листов и сохранность текста

Указывается общее количество листов рукописи. При этом проверяется имеющаяся пагинация.

Как правило, сохраняется старая пагинация. В случае отсутствия в рукописи общей нумерации, ее необходимо провести, нумеруя каждый лист (1)

При этом листы пергамена или старой бумаги, не записанные текстом, также нумеруются в общем порядке. Если в старой пагинации чистые листы старой бумаги не учтены, они нумеруются римскими цифрами (как листы, примыкающие к переплету, так и в середине рукописи). Например, 220+XV лл. (I—V, 1—120, VI—X, 121—220, XI—XV). Чистые листы бумаги XVIII—XX вв. нумеруются при наличии на них записей исследователей, хранителей и т. п.

При наличии в пагинации ошибок на листах, имеющих текст (пропуск номеров, двойные номера), ошибки устраняются введением литерных листов, которые обозначаются заглавными буквами с повторением номера предыдущего листа. Например, 222 лл. (1—128, 128А, 128Б, 129—220); или: ...220 лл. (1—128, 131—222).

При наличии в рукописи нескольких пагинаций арабскими цифрами описатель выбирает наиболее правильную и утвердившуюся в литературе или, в исключительных случаях, проводит новую. При проведении новой пагинации цифры старой нельзя уничтожать (стирать, соскабливать и т. п.). Их нужно зачеркивать карандашом, чтобы они оставались доступны исследователям.

Далее в описании указывается отдельно количество листов, занятых отдельными произведениями в сборниках и в рукописях с добавлениями или содержащих два произведения (пункт «содержание»), а также в частях рукописи, написанных на разном писчем материале (см.) или разными почерками (см.); листы разновременных частей рукописи указываются и в пункте «дата» (см.).

Слова «лист» и «листы» передаются сокращенно (л., лл.). Написание сокращений л., лл. после цифр означает количество листов, знак л., лл. перед цифрами означает порядковый номер листов. В ссылках на одно-столбцовые рукописи оборот листа обозначается сокращенно: об.

Если рукопись написана в два столбца, это отмечается; в ссылках столбцы обозначаются строчными буквами: а, б — для лицевой стороны, в, г — для оборотной.

Для обеспечения охраняемых целей Каталога подробно фиксируются дефекты рукописи, возникшие в течение ее многовекового существования.

Указываются утраты частей книги: отсутствие начала, конца, листов в середине (дается общее указание, без перечисления листов, между которыми утрачен текст), а также частей листов по всей книге или в ее значительной части (отрезаны, обгорели, изъедены грызунами и т. п.).

Перечисляются листы с попорченным текстом (смыт, осыпался, поражен грибом, залит химикалиями и т. п.).

Например, Октоих изборный. 1374. ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 67... (ПС, № 533)... 117 лл., без начала и конца. На л. 46 вырезана заставка или часть текста в середине листа, на л. 69 обрезаны поля; л. 75 — обрывок в пол-листа (с полным текстом); л. 111А вырезан, от него осталась узкая полоска у переплета, на которой помещаются по три буквы на каждой строке, текст только на лицевой стороне листа.

Не фиксируются дефекты пергамена естественного происхождения, не нарушающие последовательности текста: дыры в коже от личинок овода и растяжки, неровные края листов, обусловленные формой шкуры животного.

Реставрация рукописи отмечается обязательно. Указываются, если известно, время реставрации и ее способы (наведение текста, доливка, применение химикалиев и пр.). Специально оговариваются случаи отрицательных результатов реставрации.

7. Материал письма

Отмечается материал письма: пергамен и бумага. В случае, если рукопись написана на разном материале, количество пергаменных и бумажных листов показывается отдельно. Например... 220 лл. ... Пергамен (лл. 1–128) и бумага (лл. 129–220).

В случае, если листы пергамена и бумаги чередуются, указывается принцип чередования. Например, в каждой тетради листы 1, 4, 5, 8 — пергаменные, лл. 2, 3, 6, 7 — бумажные.

8. Тип письма и особенности почерка

Особо оговаривается письмо глаголицей.

Для кириллицы различаются устав, полуустав и скоропись (возможна в записях).

Если выявлено, что рукопись написана разными почерками, об этом сообщается или в общей форме (рукопись написана несколькими почерками), или указывается количество почерков, если определены их границы; в последнем случае отмечаются листы каждого почерка.

Например, Евангелие апракос краткий («Архангельское евангелие»). 1092 г. (лл. 1–177), XII в. (л. 178–178 об.) и XIII–XIV (?) вв. (л. 177 об.). ГБЛ, Муз. 1666... (ПС, № 6)...

Устав. 5 почерков (I — лл. 1–76 об.; II — лл. 77–175; III — лл. 175–177; IV — л. 177 об.; V — л. 178–178 об.).

9. Палимпсесты

Наличие палимпсестов в рукописи отмечается обязательно. Сообщается: какие листы они занимают, указываются (при возможности определить) алфавит, извод и содержание смытого или соскобленного текста.

Сведения о славяноязычных палимпсестах будут внесены в предметный и хронологический указатели.

10. Нотация

Дается характеристика нотации (для данного периода — обычно кондакарная или знаменная). Если в рукописи не одна нотация, они отмечаются каждая особо (наличие в знаменной нотации кондакарных знаков и наоборот, знаки нотации позднего происхождения в ранних рукописях и т. п.).

Для рукописей, нотированных частично (от четверти рукописи до половины тетради) или имеющих отдельные листы или даже слова с музыкальными знаками, указываются листы с нотированным текстом. Наличие фитных начертаний указывается выборочно. Например, Ирмологий. 1344 г. ГИМ, Син. 932... (ПС, № 499)... На лл. 1, 16 и др. фитные начертания. На лл. 12 и 28 знаки знаменной нотации над отдельными словами, другой рукой, XIV в.

Отмечаются случаи раздельноречия (листы).

11. Математические тексты

Указываются математические тексты, особенно цифровые алфавиты (содержание текста и листы в рукописи).

12. Переплет

Отсутствие переплета не оговаривается.

При наличии переплета указывается примерное время его изготовления (древний, поздний), материал и художественное оформление.

13. Украшения

Отмечается наличие украшений в рукописи: миниатюр, заставок, концовок, инициалов.

Указывается количество миниатюр на отдельных листах и в тексте (листы указываются). Сюжет миниатюр раскрывается, если его может определить описатель. Допускается суммарное описание миниатюр, относящихся к одному произведению. В этом случае указывается общее количество миниатюр и листы, которые они занимают в рукописи.

Например, Сборник смешанного содержания (содержащий Палею толковую, Житие Бориса и Глеба, Книгу откровения Авраама и др.) («Сильвестровский сборник») ... ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 53 (ПС, № 1209) ... 40 миниатюр (лл. 117, 117 об., 123, 123 об., 125 об., 128, 128 об., 130 об., 132, 132 об., 135, 135 об., 141, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152 об., по 2 миниатюры на одной стороне листа) иллюстрируют Сказание о Борисе и Глебе, 6 миниатюр (лл. 168 А, 168Б об., 170 об., 172 об., 174, 182 об.) — Откровение Авраама.

При характеристике заставок, концовок и инициалов указывается стиль (старовизантийский, южнославянский, тератологический, балканский, тонкие инициалы — золотые и киноварные) и техника исполнения (киноварь, чернила, краски — с указанием цвета). Листы с заставками и концовками перечисляются все. Листы с инициалами указываются только в рукописях, в которых они редки. У рукописей, имеющих десятки — сотни инициалов, их наличие отмечается в общей форме.

Отмечается также грифонаж — рисунки пером или карандашом разного времени, не имеющие отношения к тексту. Указываются листы с рисунками. Сюжет их раскрывается, если он ясен описателю.

Например, Стихирарь mineйный, нотированный — ГБЛ, ОР, № 740.

...На л. 1 об. миниатюра-заставка в виде арки с плетеными жгутами, по бокам поясные изображения двух святых (один — Симеон Столпник); над аркой в кругах изображения солнечного и лунного ликом; арка и лики — киноварные, святые — красками и киноварью. Инициалы и заголовки старовизантийского стиля, чернилами и киноварью, или киноварью. У ряда заголовков орнаментальные украшения. На л. 1 грифонаж — рисунок пером, плохо сохранившийся (угадываются очертания церкви).

Об описании украшений см. «Методическое пособие», вып. 1, стр. 164—179.

14. Записи

Различаются записи писцов и одновременные им записи других лиц и позднейшие записи разных лиц (владельцев, читателей, вкладчиков и др.).

Записи писцов и их современников любого характера (в том числе и эмоциональные) указываются обязательно. Текст записей не приводится*. В изложении содержания этих записей сообщается (при наличии): дата, место написания, имена писцов, заказчиков, исторических деятелей, при которых писалась рукопись. Указываются листы, на которых записи находятся в рукописи.

Наличие других записей оговаривается в общих чертах, записи характеризуются по содержанию (пометы, пробы пера и т. п.). Однако особо важные для истории рукописи записи отмечаются, как и записи писцов. К ним относятся записи владельческие, вкладные, купчие, дарственные и некоторые другие.

Указываются также язык (извода) и почерк записи, если они отличаются от извода или почерка рукописи.

* Хотя тексты записей писцов в Сводном каталоге полностью издаваться не будут, сведения о них нужны Археографической комиссии для учета. Поэтому в описаниях рукописей, присылаемых из хранилищ, тексты записей необходимо привести, сохраняя орфографию рукописи.

Например, Евангелие апракос полный («Симоновское евангелие») — ГБЛ, собр. Румянцева, № 105... (ПС, № 185).

...На лл. 40 об., 117 об., 167 об. записи писца: на л. 167 об. — с именем писца Георгия («Гюрги»), сына попа по прозвищу Лотыша с Городища, с именем заказчика — Симона, чернеца Юрьевского монастыря и с датой — 23 марта 6778 г. (2 ЧОИ). На лл. 2 об. — 5 вкладная (?) запись скорописью Василия Слепворонского от 23 июня 1555 г. На лл. 6 об., 9, 9 об., 10 об. на полях пометы глаголицей. (Отдельные буквы).

Записи об исторических событиях и фактах, не имеющие прямого отношения к истории рукописи, указываются особо.

Например, Евангелие апракос полный («Друцкое евангелие»). Нач. XIV в. ГПНТБ Сибир. отд. АН, собр. Тихомировское, № 1... (ПС, № 610).

На л. 188 об. запись писца о том, что в 2 УΘ (6509 = 1001 г.) в Друцке была построена церковь Богородицы князем Василием Михайловичем и княгиней Василисой и о вкладе этого князя в церковь евангелия, с Моравьиничи «со всеми пошлинами и с медовою данью» и из с. Видинич десятины с жита, с Поротвиной земли — 5 пудов меду, «лукно» Якимово, поллухонье на Худаве и проч.

Имена писцов, заказчиков, исторических лиц, при которых писались рукописи, а также вкладчиков, дарителей, владельцев, читателей и т. п. будут внесены в именной указатель, названия географических объектов — в географический.

Записи на рукописях исследователей XVIII—XX вв. об истории, содержании, изучении рукописи фиксируются после основного описания в пункте «дополнительные сведения».

15. Содержание

Содержание рукописи раскрывается с возможной для описателя полнотой.

а) Приводится самоназвание рукописи, если оно имеется.

б) В рукописях, состоящих из одного произведения или представляющих собой памятник постоянного состава, содержание не раскрывается, если рукопись сохранилась полностью.

Для рукописей, имеющих дефекты текста (отсутствие начала, конца, большого количества листов в середине), указывается содержание сохранившихся (или утраченных) частей: главы, стихи и другие общепринятые подразделения памятника. При этом предпочтение отдается позитивной суммарной характеристике имеющихся частей рукописи. Однако в случаях, когда состав памятников письменности хорошо известен, допускается негативная характеристика, т. е. указываются отсутствующие части.

При пропусках в памятниках, не имеющих общепринятого деления текста или распадающихся на очень крупные части (например, Шестоднев Иоанна Экзарха), приводятся начальные и конечные фразы сохранившегося текста (если это не сделано в печатных описаниях).

в) В рукописях, имеющих небольшие добавления к основному тексту, указывается (с перечнем листов) содержание добавлений.

г) Содержание сборников раскрывается постатейно, независимо от того, имеют ли они подробные печатные описания. Описание сборников проводится в порядке последовательности статей в рукописи. Порядок описания сборников по статьям: название произведения, листы, дата, извод и проч. указываются, если статья по этим данным отличается от других статей. Самоназвания статей сборников приводятся, если они расходятся с определением содержания произведения, сделанным описателем (в скобках после названия, данного описателем). Статьи сборников только перечисляются, исследований их не проводится. Начала и концовки статей не приводятся.

В библиографии обязательно указывается наличие постатейных описаний сборников.

У сборников так называемого постоянного состава (Пролог, Минеи, Златоуст и др.) весь состав не раскрывается, указываются только статьи, которые не встречаются в этих сборниках обычного состава, особенно русские или славянские по происхождению.

д) Для отрывков указывается содержание сохранившегося текста, каждую часть (главу, песнь, стихи и проч.) произведения они представляют.

е) При утратах текста в рукописях, состоящих из одного произведения, в отрывках и добавлениях, в отдельных статьях (произведениях) сборников, начальные и конечные слова сохранившегося текста приводятся, если это не сделано в печатных описаниях. При этом у отрывков и книг с утратами текста приводятся не только обрывки фраз в начале и конце сохранившегося текста, но и небольшой контекст (одна или несколько фраз, следующих за первыми словами в начале текста, или фраз, предшествующих последним словам отрывка), позволяющий понять смысл текста. При наличии в печатных описаниях воспроизведений начальных и конечных слов сохранившегося текста об этом указывается в библиографии.

ж) Сведения о рукописях, состоящих из одного произведения, о добавлениях к ним, о произведениях, составляющих сборники, об отрывках будут внесены в указатель распределения рукописей по содержанию.

16. Дополнительные сведения

В дополнительные сведения о рукописи включаются:

а) Сведения о старых шифрах и штампах прежних хранилищ.

б) Замечания исследователей о месте возникновения рукописи, ее языковых особенностях и проч., сделанные на самой рукописи или в качестве приложения к ней, находящегося в составе единицы хранения.

в) Сведения владельцев и описателей об обстоятельствах приобретения рукописи и ее истории в XVIII—XX вв., также содержащиеся в составе единицы хранения.

17. Библиография

Библиография рукописи дается возможно полная.

Приводятся все сведения об издании всей рукописи полностью. Особо оговариваются воспроизведения фототипическим и подобными способами. Если рукопись полностью фототипическим способом не издавалась (или издана неудовлетворительно), но отдельные ее части или листы воспроизведены фототипически в палеографических альбомах, хрестоматиях, описаниях рукописи, исследованиях и т. п., то сведения об этих частичных воспроизведениях указываются по возможности полно.

При изданиях рукописи наборным способом воспроизведения отрывков рукописи учитываются лишь тогда, когда они по качеству лучше издания всей рукописи. Если рукопись не издавалась целиком, то по возможности полно учитываются издания ее частей.

Учитываются подстрочные воспроизведения параллелей из рукописи (являющейся предметом описания для Сводного каталога) в качестве вариантов при издании другой.

Не учитываются публикации, реконструирующие текст памятника по разным спискам по обобщенной орфографии. Не учитываются переводы на современный русский язык в популярных изданиях и изложения текста.

Из археографических и палеографических описаний рукописи приводятся наиболее полные, преимущественно последние по времени, как учитывающие новейшие результаты изучения рукописи и предшествующие описания. Однако и при наличии полных современных описаний даются ссылки на лучшие дореволюционные описания, такие как А. Х. Востокова для Румянцевского собрания ГБЛ, А. В. Горского и К. И. Невоструева для

Синодального собрания ГИМ и т. п. При отсутствии новых описаний указываются описания дореволюционного времени.

Из исследований приводятся работы, посвященные данной рукописи, а также типу памятника, если в них данная рукопись является одним из объектов изучения. Общие работы по истории, литературе, истории языка, истории искусства и т. п., в которых описываемая рукопись только упоминается, не учитываются.

Учитываются монографии о рукописи (в том числе диссертации), содержащие ее археографическое и палеографическое описание, а также статьи, посвященные отдельным вопросам изучения рукописи, являющимся элементами описания в Сводном каталоге (содержание, дата, извод, художественные украшения и др.).

Обязательно отмечаются печатные работы о сборниках, содержащие постатейные их описания.

Для сборников, из которых опубликованы или исследованы отдельные их части или произведения, приводится и библиография этих частей или произведений. Она дается в общей библиографии рукописи, а не отдельно при описании каждого произведения (статьи) в пункте «содержание». При этом указывается, какого именно произведения или части сборника касается данная работа.

Популярная печатная литература о рукописи, вплоть до упоминаний в газетных заметках, если она единственная, также приводится.

При описаниях и исследованиях особо указываются (в скобках) мнения о содержании, датировках, изводе рукописей, расходящиеся с данными, сообщаемыми для Сводного каталога из хранилищ.

Описания, публикации и исследования предлагается помещать в хронологическом порядке с пояснениями в скобках (оп., публ., иссл.). В заключение указывается номер рукописи по ПС.

В библиографии следует пользоваться принятыми для Сводного каталога сокращениями названий литературы (см. Список сокращений в ПС), а также вводить новые сокращения. Сокращенное обозначение названий описаний рукописей и другой литературы в библиографии целесообразно в тех случаях, когда эта литература касается более пяти рукописей. Список принятых в хранилищах собственных сокращений присылается в Археографическую комиссию.

В сокращенных названиях литературы обязательно сохранение имени автора краткого названия работы, даже если данному автору принадлежит одна работа. При сокращении названий работ сохраняются основные слова, характеризующие это название: наименование фонда, или извод рукописей, или писчий материал, или что-либо другое, отличающее данную работу*.

* Далее в ротапринтном издании Инструкции (М., 1974) следует Приложение: I. Образцы описания рукописей; II. Сокращения.

В. Б. Павлов-Сильванский

К ИСТОРИИ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПИСЦОВЫХ КНИГ МОСКОВСКОГО УЕЗДА XVI В.

Интерес к писцовым книгам с каждым годом значительно повышается; только перечень научных трудов, где они использованы в связи с изучением самых различных вопросов отечественной истории, занял бы не один десяток страниц; начинают выходить в свет обобщающие труды по аграрной истории, основанные, главным образом, на материалах «писцовой» документации; все более применяются математические методы исследования с использованием электронно-вычислительной техники.

В то же время собственно источниковедческий анализ писцовых книг нередко еще сводится лишь к отдельным наблюдениям, как правило, чисто внешнего характера, а именно, количество листов, филигранные скрепы писцов и дяков, фиксирование случаев перебивки листов и дефектов текстов. Датировка книг подчас также производится на основании наиболее бросающихся в глаза фактов — по наличию самих дат в заглавиях книг и текстах (без их проверки), по биографическим данным только нескольких из землевладельцев и т. п. Обстоятельства составления тех или иных книг, изготовление с них «списков», причины, повлиявшие на специфику последних, если и рассматриваются, то очень кратко, без привлечения всех имеющихся документальных материалов.

Конечно, наблюдения такого рода имеют существенное значение. Но совершенно очевидно, что этого недостаточно для создания представления как о той или иной книге, так и об источнике в целом. Использованию материалов писцовых книг и их публикациям всякий раз (а особенно в тех случаях, когда они дошли до нас не в виде подлинников) должен предшествовать более глубокий анализ.

Задача данной статьи — на примере ряда книг XVI в. Московского уезда, которые благодаря изданию Русского географического общества вот уже свыше ста лет доступны исследователям и использовались в многочисленных научных трудах, еще раз показать необходимость подобных исследований и их возможности¹.

В числе книг Московского уезда издатели «Писцовых книг Московского государства» напечатали: «Список с писцовой книги, составленной около 7082 (1573—1574) г., поместных и вотчинных земель в станах: Васильцове, Почерневе, Шеренском, Объезжем, Бохове, Радонежском и Манатыне;

¹ Ранее этот вопрос был рассмотрен автором данной статьи на примере писцовых книг XVI в. других уездов: В. Б. Павлов-Сильванский. Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI века. — «Археографический ежегодник за 1959 год» (далее — АЕ). М., 1960, стр. 92—102; он же. Писцовая книга Звенигородского уезда XVI в. (К вопросу о публикации). — В кн.: «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 143—157; он же. Хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв. — «АЕ за 1968 год». М., 1970, стр. 448—450.

писца не означено и начальных листов недостает; по листам скрепа: сначала «диак Венедикт Махов», далее «диак Иван Грязев»² и «Список с писцовой книги 7085 и 7086 (1576—1578) гг. поместных земель в станах: Васильцове, Кошелеве и Объезжем, письма и отдела Андрея Молчанова; начала недостает; по листам скрепа: «Диак Иван Грязев»³.

В Центральном государственном архиве древних актов эти книги вместе со «Списком с писцовой и межевой книги» вотчины Троице-Сергиева монастыря в Московском уезде (по характеристике издателей ПКМГ — «царствование Федора Иоанновича; писца не означено; по листам скрепа «диак Иван Грязев»⁴) составляют отдельный том, где расположены в указанной последовательности⁵. Переплет тома (имеется в виду архивная единица хранения) снабжен двумя стандартными ярлыками, содержащими следующие печатные и вписанные от руки данные. На верхней доске: «Москва. Книга приправочная писма и меры Болдыря Симонова, Андрея Молчанова, Андрея Сабурова 7079 и 7082 годов. № 02. 1835 г. № 2» и на корешке: «Подлинная приправочная. Москва 7079 и 7082. Архив II вотчин. Разб. Комит. 1835 года. Кн. 255». На первом листе (дополнительной архивной нумерации) значится: «Книгу сию читал Хавский и считал 11 сент. 1835 г. Нашел следующие предметы: I. на стр. 1 год отмечен 7082, но кто описывал, неизвестно. См. 152 стр. сказано. II. Подпись двух диаков: Махова и Грязева. На 33 стр. окончание и справа Ваньки Ларионова».

Следуя указаниям сотрудника Разборного комитета 1835 г., издатели отыскили на первом листе тома заголовок раздела: «В Васильцове ж стану 82 году дано на оброк Красного села... Гаврилу Алексееву, да Степану Семенову сыну Кирилова, да Титу Юдину, да Гаврилу Климову, да Мокою Прокофьеву, да Мине Офремову в Меншиковском поместье Еропкина сеньные покосы до поместные отдачи»⁶. Лист 152-й действительно начинается с заглавия «Книги Московского уезду писма и отделу Ондрея Молчанова 85-го и 86-го году»⁷.

Это послужило им основанием для разграничения текстов и характеристики (в том числе датировки) двух первых из публикуемых книг. Все, что располагалось вплоть до л. 151 об., было отнесено к первой книге и датировано 7082 (1573/74) гг. Остальное соответственно отошло ко второй (дата же и прочие сведения об этой книге извлечены из ее заглавия). По скредам дыяков издатели установили, что обе книги представляют собой не подлинники, а позднейшие «списки».

Начальные слова заглавий обеих книг «Список с писцовой книги» издатели внесли от себя, очевидно, применив здесь термин «писцовые книги» в его широком значении, хотя в первой книге на сей счет ничего не сказано; в заглавии же второй прямо отмечено: книга «писма и отделу», т. е. отдельная. Данное обстоятельство существенно повлияло на изучение этих книг, ибо ученые, касавшиеся их характеристики, не обращались к самим архивным документам, а пользовались названным изданием; причем внимание их, естественно, задерживалось именно на начальных словах заглавий, которые и становились для них определяющими при классификации книг (тем более, что эти слова были поставлены первыми в фундаментальном издании, осуществленном под руководством такого авторитетного ученого, как Н. В. Калачев).

Так, Н. Д. Чечулин в соответствии с этим определил обе книги как «писцовые», согласился с их датировкой, но подчеркнул, что «они пред-

² «Писцовые книги Московского государства», ч. I, Отделение 1 (далее — ПКМГ, I, 1). СПб., 1872, стр. 1—39.

³ ПКМГ, I, 1, стр. 39—53.

⁴ Там же, стр. 53—95.

⁵ ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, кн. 255, лл. 1—151, 152—203, 204—492.

⁶ ПКМГ, I, 1, стр. 1.

⁷ Там же, стр. 39.

ставляют не совсем полные отрывки; кроме того, по всей вероятности, еще и копии с каких-нибудь неразборчивых оригиналов: довольно часто встречаем в тексте свободные места, оставленные для фамилии владельца или для обозначения количества земли»⁸.

П. Н. Милюков и Ю. В. Готье в своих перечнях писцовых книг ограничили перепечаткой данных об этих книгах из того же издания⁹.

С. Б. Веселовский считал, что «списки» с этих книг были изготовлены Поместным приказом в 1623—1624 гг. (И. Грязев мог скрепить их в качестве дьяка «с 3 января 129-го г. по март 132-го г. ...В. Махов служил в приказе с зимы 131-го г.»). Даны они были «для приправки» писцам Л. А. Кологривову и С. В. Колтовскому, которые после пожара 1626 г. вернули их в Поместный приказ. Сопоставив обнаруженный им перечень книг XVI в., имевшихся в Поместном приказе во второй половине XVII в., с описью книг, составленной в 1717 г. по указу Сената, С. Б. Веселовский уточнил сведения издателей: «Первая книга, напечатанная Н. В. Калачевым (стран. 1—39), есть книга письма и дозора Ив. Коробова и Болдыря Симанова с товарищами 82 г. Вторая книга (стран. 39—53) — книга письма и отдела Андрея Молчанова 85—86 гг.»¹⁰ Судя по указанным страницам издания ПКМГ, у С. Б. Веселовского не возникло сомнений относительно именно такого распределения текста между этими двумя книгами.

Однако в своих исторических трудах С. Б. Веселовский не следует собственному выводу о книгах как дозорной и отдельной. Проследив судьбу А. Молчанова, он дважды упоминает о том, что тот «в 1577—1578 гг. был отдельщиком поместий в Московском уезде»¹¹. Но в то же время неоднократно отмечает, что владения ряда лиц в уезде зафиксированы «в писцовых книгах» 1574 и 1577—1578 гг. (из подстрочных замечаний видно, что речь идет именно об исследуемых здесь книгах)¹². Если даже усмотреть и здесь применение термина «писцовые книги» в его широком значении, нужно признать, что прием этот не способствовал дальнейшему источниковедческому изучению книг как дозорной и отдельной на основе вывода самого С. Б. Веселовского.

Остальные ученые, пользуясь ими, продолжали и продолжают до сих пор ориентироваться на ту часть данных издателей ПКМГ, где книги охарактеризованы как «списки с писцовых книг».

Попробуем внимательнее присмотреться к обоим книгам.

Настораживает уже то, что первую из них, небольшую по объему, книгу одновременно скрепили два дьяка (со слов издателей — «сначала» В. Махов, а «далее» И. Грязев). Обращение к оригиналу сразу же показывает, что подписью В. Махова скреплены только листы 1—33, содержащие описание первого из сохранившихся в книге станов — Васильцова. На л. 33 после общего итога: «И всего в Васильцове стану...» сделана запись, отмеченная Хавским: «Справил Ивашка Ларионов». Листы 33 об.— 35 остались незаполненными, а с листа 35 об., начинающегося заглавием «Стан Почернев, а в нем писаны деревни и пустоши за детми боярскими в поместьях» и до конца книги (л. 151) описания всех остальных станов скрепил И. Грязев.

У книги не сохранилось начало. Такая же судьба постигла и описание Васильцова стана. Но вот что важно: 7082 год, которым издатели ПКМГ и названные выше исследователи датировали *всю книгу*, упоминается

⁸ Н. Д. Чечулин. Писцовые книги, издаваемые Русским географическим обществом, ч. 1. Указатель. СПб., 1885, стр. XXIII—XXIV.

⁹ П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, СПб., 1892, стр. 187; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, изд. 1. М., 1906, стр. 7. (Во втором издании перечень не был опубликован.)

¹⁰ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 562—563.

¹¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 214, 378.

¹² Там же, стр. 391, 456, 457. См. также: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 405.

лишь в этом стане. (Им почти что сразу начинается дошедший до нас текст: «В Василцове ж стану 82 году дано на оброк...»¹³, тот же год, завершая текст, фигурирует в общем итоге: «...и по нынешней даче 82-го года...»¹⁴)

Отчетливо прослеживаются характерные черты и отличия друг от друга текстов описаний станов, с одной стороны — Васильцова, а с другой — всех последующих, вместе взятых.

О том, что было описано в Васильцове стане, дает представление его общий итог: «И всего в Василцове стану за помещики и за вотчинники, и в объездных вотчинах, и за владыкою, и за монастыри, и в порожжих поместьях и вотчинах¹⁵ на оброке по старым книгам и по нынешней даче 82 года, и что за оброком осталось»¹⁶. Связь описания многих земель с отдачей их на оброк подтверждается и заголовками тех разделов внутри стана, которые сохранились: «В Василцове ж стану 82 году дано на оброк Красного села... сеньные покосы до поместные отдачи»; «В Василцове же стану порожжие поместья пусты, что были за князми и за детми боярскими, а на оброк и на лготу не взял никто»¹⁷.

В тексте есть сравнения со «старыми книгами» (А. Сабурова)¹⁸, иногда с указаниями на причины имевшихся в них неточностей (например, «За Федором да за Михеем за Мисюревыми детми Дроздова: вотчинная деревня Белозерова; а по старым книгам та их вотчина была написана в поместье, и о той деревне Федор да Михей били челом государю; что было прежд того Ондрею Сабурову про ту вотчину сказати некому, а дана им та вотчина против их старые костромские вотчины селца Петровского с деревнями и с починки»¹⁹). Особым заголовком выделен раздел «объезжие пустыя вотчины, а в старых книгах не написаны»²⁰. Описания самих владений довольно лаконичны; в них отсутствуют расчеты одабривания земли и сошного письма. То же самое наблюдается и в итогах. Все это действительно напоминает черты «дозора» с одновременной отдачей пустующих поместных земель на оброк.

Следует сказать и о степени сохранности описания Васильцова стана. Выше было отмечено, что начало его отсутствует. Судя по общему итогу, имелся раздел поместных земель. От него остался лишь фрагмент итога описания одного поместья: «...2 деревни живущих да 5 пустошей: пашни средние земли 15 четьи, да пашни худые земли 15 четьи, да перелогом пашни сер. земли 110 четьи, да пер. пашни худ. земли 40 четьи в поле, а в дву по тому ж, сена 215 копен, лесу пороснягу 6 десятин»²¹. Сравнение количества населенных пунктов в общем итоге с их количеством, зафиксированным в итогах разделов, показало, что недостает «живущих» 2 села, 3 сельца, 5 деревень, а также «пустых» 9 деревень и 25,5 пустошей.

Но, кроме того, и текст другого раздела — порожжих поместных земель, не взятых «на оброк и на лготу», содержит пробел: «Ивановское поместье Ратмонова: пуст. Былково: пашни пер. худ. земли и лесом поросло 45 четьи в поле, а в дву по тому ж, сена 20 коп. Пуст. Максимова: пашни пер. ...сена 20 коп., лесу пороснягу меж деревень 5 дес. И всего князь Ивановского поместья 7 пустошей; пашни пер. и лесом поросло худ. земли 150 четьи в поле, а в дву по тому же, сена 90 копен, лесу пороснягу меж деревень 5 дес.»²². Сравнение количества населенных пунктов в итоге раздела с их

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 255, л. 1; ПКМГ, I, 1, стр. 1.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 255, л. 33; ПКМГ, I, 1, стр. 9.

¹⁵ Заголовки разделов внутри стана и текст самого описания показывают, что далее пропущено «и».

¹⁶ ПКМГ, I, 1, стр. 9.

¹⁷ Там же, стр. 1.

¹⁸ Там же, стр. 3—4, 6, 9.

¹⁹ Там же, стр. 3—4.

²⁰ Там же, стр. 4—6.

²¹ Там же, стр. 1.

²² Там же, стр. 2.

наличием в самом описании обнаруживает нехватку 10 пустошей. Тем самым число недостающих пустошей по всему описанию стана увеличивается до 35,5.

Сразу же после общего итога описания Васильцова стана все резко меняется. В остальных станах описаны *только поместные земли*. В трех из них (Шеренском, Радонежском и Манатыне) особо выделены заголовками «порозжие поместья, которые остались за роздачею у детей боярских»²³, а в Бохове стане то, что «осталось за роздачею у Бауша у Обрабова села Михайловского пустошь Поповичи...»²⁴.

Описания самих поместий связаны именно с новыми «дачами» и лишь иногда с констатацией того, что уже имеющиеся поместья соответствуют окладам их владельцев. В зависимости от обстоятельств формула описания дополняется определенными деталями.

Так, когда поместье соответствует окладу, формула заканчивается одним из вариантов: «и оклад его сполна» или «и оклад его сполна весь». Если поместье меньше оклада, то после его описания следует: «Да ему ж дано из достальных из порозжих земель, что было прежде сего поместье» (такого-то лица) или, например, «что было преж сего за Васильем за Васильевым сыном Коробова в поместье, а осталось за продажею у Романа у Пивова»²⁵ или «что осталось за продажею у дьяка у Василья Щелкалова»²⁶. (Количество таких «дач» одному лицу доходило до четырех). Завершает описание в таких случаях один из вариантов: «и оклад ему учинен сполна», «и оклад его учинен сполна весь», «и оклад его учинен сполна из того числа пашни паханые» (количество четвертей пашни). Когда поместье меньше оклада и даже с «дачами» не достигло его величины, часть формулы о наполненности оклада отсутствует, а подводится итог наличия земель у владельца. При наделении поместьем впервые описание сразу начинается так: «...дано ему из достальных из порозжих земель поместье» (такого-то лица).

Несколько человек получают в тех же станах поместья к вотчинам — В. И. Старый, кн. А. М. Ромодановский, Ф. Ф. Волынский, И. К. Морин²⁷. Начала таких описаний: «...дано ему к вотчине его из достальных из порозжих земель поместье» (такого-то лица). Главное при этом — «дача», ибо вотчина лишь упоминается, но не описывается; итог соответствует поместной «даче»; из этого же расчета определяется наполненность оклада.

В отличие от Васильцова стана здесь во всех описаниях поместий, находящихся за владельцами, дан расчет сошного письма.

Поместья или их части, «которые остались за роздачею у детей боярских», не всегда «лежат в порозжих землях». Их «пашут наездом Иевлевские волости крестьяне»; несколько пустошей бывшего поместья А. Щелкалова «ныне на оброке за дьяком за Рохманином за Русиновым», а еще одна из них ему же «продана в вотчину»; дьяку Ш. Иванову продана в вотчину пустошь Шеметово из бывшего поместья кн. Ф. Татеева²⁸.

О многих поместьях из фонда порозжих земель приходилось писать, «а за кем были в поместье и того сыскати было некем»²⁹. Иногда такие земли объединены в специальные разделы³⁰.

Издатели ПКМГ, Н. Д. Чечулин, П. Н. Милюков и Ю. В. Готье определили всю первую книгу как «список с писцовой книги», а С. Б. Веселовский — как «список с книги письма и дозора». Но приведенные элементы

²³ Там же, стр. 13—18, 31—33, 37—39.

²⁴ Там же, стр. 27.

²⁵ Там же, стр. 26.

²⁶ Там же, стр. 21.

²⁷ Там же, стр. 10, 23, 24—25, 29.

²⁸ Там же, стр. 13—14, 17, 15.

²⁹ Там же, стр. 17—19, 31—33, 37—39.

³⁰ Там же, стр. 17.

формулы описания во всех станах, кроме Васильцова, присущи не писцовым и не дозорным, а *отдельным* книгам³¹.

Стан Васильцов и комплекс всех остальных станов отличаются друг от друга и теми частями формулы описания, которые содержат данные о земле.

*Васильцов стан. (Поместья)*³².

В населенных пунктах: «пашни перелогом средние земли 25 четьи в поле, а в дву по тому ж».

Итог описания поместья: «пашни перелогом средние земли 125 четьи в поле, а в дву по тому ж».

Итог описания поместий стана: «пашни перелогом средние земли 62 четьи с осминою, да перелогом пашни худые земли 225 четьи, да пашни ж перелогом и лесом поросли худые ж земли 675 четьи в поле, а в дву по тому ж; обоего пашни средние и худые земли и лесом поросли 962 четьи с осминою в поле, а в дву по тому ж».

*Остальные станы. (Поместья)*³³.

В населенных пунктах: «пашни перелогом 25 четьи в поле, а в дву по тому ж, средние земли».

Итог описания поместья: «пашни перелогом 150 четьи добрые земли... а сошного писма полчетьи полполчетьи сохи».

Итог описания поместий стана: «пашни перелогом 400 четьи добрые земли, да перелогом же пашни 375 четьи средние земли, а добрую землю в средней земле 300 четьи, и обоего 700 четвертей доброй земли... а сошного писма в песте соха без полчетверти сохи».

В Васильцове стане те же особенности формулы свойственны разделам вотчинных, монастырских и порозжих земель.

Конечно, здесь приведены лишь примеры. В ряде владений могла быть земля разного качества и хозяйственного состояния, что усложняло формулы. Это же отражалось и на итогах разделов внутри станов и станом в целом. Иногда из-за дефектов текста кое-что отсутствует. Но определяющим разницу в данном случае является другое, а именно: 1) наличие или отсутствие в итогах разделов и станом фраз «в поле, а в дву по тому ж» и расчета сошного писма и 2) местоположение в описаниях населенных пунктов данных о качестве земли и фраз «в поле, а в дву по тому ж», а во всех итогах — местоположение данных о качестве земли. Достаточно беглого взгляда, чтобы выявить указанные черты. А это еще раз наводит на мысль о том, что описание Васильцова стана и комплекса остальных станом относятся к разным книгам.

Вторая книга, озаглавленная «Книги Московского уезду писма и отделу Ондreja Молчанова 85-го и 86-го году», содержит описания трех станом: Васильцова, Кошелева и Обьежжего³⁴. Два из них (Васильцов и Обьежжий) есть и в первой книге. Окончание второй книги не сохранилось. Но ряд известий в ней указывает на то, что она охватывает, по крайней мере, еще три стана: Рогожский, Доблинский и Каменский, где шести владельцам теми же писцами было «придано в додачу в оклад»

³¹ Формулы описания в различных поместьно-вотчинных книгах — особая тема, которая является предметом специальной статьи, подготовленной автором к печати. Здесь же, пожалуй, нужно отметить лишь их источниковедческую значимость в случаях, когда исследуемые книги не сохранили заглавий и не имеют иных терминологических свидетельств, необходимых для установления того, к какой разновидности они относятся. Встречая в текстах постоянно повторяющиеся при описании владений элементы формул, подобные приведенным выше (учитывая, конечно, их вариации в каждой конкретной книге), можно с уверенностью говорить о том, что перед нами отдельная книга.

Но нередко задание произвести испомещение или дополнительное надделение землей группы служилых людей «в их оклады» получали составители писцовых и ряда других книг. При пользовании такими книгами следует четко разграничивать владения, которые уже существовали в данной местности и лишь фиксировались писцами, и те, что были вновь «отделены» ими и описаны уже в этом качестве. Для примера можно привести писцовые книги Звенигородского уезда 1558—1559 гг. (ПКМГ, I, 1, стр. 660—730) и Полоцкого повета 1569—1570 гг. (ПКМГ, ч. I, Отделение 2. СПб., 1877, стр. 462—540).

³² Там же, стр. 1—2.

³³ Там же, стр. 21, 11, 19.

³⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 255, л. 152; ПКМГ, I, 1, стр. 39.

к уже имевшимся поместьям и вновь «дано в оклад» еще определенное число пустошей³⁵.

Во второй книге, как и в комплексе станов первой книги, описаны только поместья. Все описания связаны с «дачами» и с «додачами» «в оклад». Им свойственны до мельчайших деталей те черты, которые были отмечены в ходе анализа описаний из комплекса станов первой книги. Сходство прослеживается и в наличии во второй книге разделов порозжих поместных земель, «которые остались у детей боярских за роздачею»³⁶. Поэтому, не возвращаясь к уже сказанному, сравним между собой те станы, описания коих повторяются в обеих книгах. Начнем с Васильцова стана.

*Первая книга*³⁷.

«В Васильцове же стану порозжие поместья пусты, что были за князми и за детми боярскими, а на оброк их и на лготу не взял никто».

1) «Княж Федоровское поместье Ивановича Татова: пустошь Вислоухово, да к ней же припущено в пашню селище Сабакينو» и пустошь Онисимово.

2) «Офонасьевское поместье Иванова сына Жулебина» — пустошь Тиуново.

3) «Никитинское поместье Гаврилова сына Спасителя» — пустоши: Бортная, Пырогова, Тетеревникова, Шувлино, Дяткино.

*Вторая книга*³⁸.

«Стан Василцово...»³⁹ (а в нем писаны деревни и пустоши за детми боярскими в поместьях).

1) «За Посником за Левонтьевым сыном Побединского... Да Поснику ж дано из достальных из порожних земель в додachu княж Федоровское поместье Ивановича Татова: пустошь Вислоухово, да к ней же припущено в пашню селище Кобякино» и пустошь Онисимово.

2) «За Михаилом да за Романом за Шокуровыми... Да им же дано из достальных же из порожних земель Офонасьевское поместье Иванова сына Жулебина» — пустошь Тиуново.

Им же «дано из достальных из порожних земель Никитинское поместье Спасителя» — в том числе «пустошь, что было село Бортное, а в нем был храм Пречистые в Тетеревниках» и пустоши Шувлино и Дяткино.

Аналогичным путем к В. П. Коржавину перешли пустоши из бывшего поместья Т. И. Роготина, а к некоему Ждану (фамилия неизвестна из-за дефекта книги) — из бывшего поместья И. Ратманова, которые в первой книге были записаны в разделе порозжих поместных земель, никем не взятых «на оброк и на лготу»⁴⁰.

В результате можно сделать вывод, что описание Васильцова стана первой книги было составлено раньше его же описания во второй книге.

Перейдем к сравнению описаний Обьежжего (Отъезжего) стана.

В первой книге сразу же за итогом Шеренского стана помещен заголовок «Стан Обьежжей, а в нем писаны деревни и пустоши за детми боярскими в поместьях». Под ним записаны всего два владельца (И. Б. Раков и В. П. Самойлов), к поместьям которых добавляются земли «из достальных из порожних земель в додachu», в результате чего их оклады оказываются «учинены сполна»⁴¹. Итога раздела нет; следовательно, текст в этом месте прерван и дальнейшая его часть в исследуемой книге не сохранилась.

³⁵ ПКМГ, I, 1, стр. 47—49, 52.

³⁶ Там же, стр. 50, 53.

³⁷ Там же, стр. 1—2.

³⁸ Там же, стр. 42—43.

³⁹ От заглавия раздела сохранилось лишь название стана. В скобках, по аналогии с такими же разделами остальных станов, проставлены недостающие слова. Правильность этого подтверждает и итог раздела: «И всего в Василцове стану за помещики» (там же, стр. 43).

⁴⁰ ПКМГ, I, 1, стр. 1—2, 42—43.

⁴¹ Там же, стр. 18.

Затем, без заглавия раздела идут описания бывших поместий М. Товарищева, кн. В. Морткина, В. Кошелева и отписного поместья, «а того сыскати было некем за кем преж того в поместье было» и итог раздела: «И всего в Отъезжем стану в порозжих землях 7 пустошей и иные пустоши, а имяя им сыскати некем: пашни перелогом 400 четьи доброй земли, да перелогом же пашни 375 четьи; и обоего 700 четвертей доброй земли, сена 776 копен, лесу 37 десятин; а сошного писма в пуге соха без полу-четверти сохи»⁴². (По сравнению с итогом в тексте недостает трех пустошей, 300 четв. доброй земли, 206 копен сена, 14 дес. леса). Итог, формула описания и сопоставление с другими станами убеждают в том, что это заключительная часть раздела Объезжего стана: «В Объезжем же стану порозжие поместья, которые остались за роздачею у детей боярских».

Но относительно описания Объезжего стана издатели ПКМГ сделали примечание: «В подлиннике все значащееся в этом стане перечеркнуто»⁴³.

Обращение к рукописи открывает гораздо большее. Дьяк И. Грязев не только собственноручно зачеркнул описание Объезжего стана и написал ниже «Стан Бохов» — то, что должно было находиться на этом месте и что стали писать по его указанию переписчики, — он не скрепил зачеркнутые им листы (с 70-го по 74-й включительно); начало скрепы: «Иван» расположено на поле л. 74 об. против слов: «Стан Бохов»⁴⁴.

Во второй книге описание Объезжего стана — последнее по порядку. Как и в первой книге, оно начинается заглавием раздела: «Стан Объезжей, а в нем писаны деревни и пустоши за детми боярскими в поместьях». Заглавие и следующий за ним текст описаний поместий тех же И. Б. Ракова и В. П. Самойлова абсолютно идентичны тому, что сохранилось в первой книге. Но здесь следует продолжение — описания поместий П. Евлашкова, С. Озерова, М. И. Слепцова, К. Г. и Г. Г. Исуповых, Н. Митрофанова. Путем нескольких «додачь» «оклады их учинены сполна». Сравнение итога раздела с подсчетом наличия показало, что описание этого раздела во второй книге сохранилось целиком⁴⁵.

Теперь нужно вспомнить о том, что в первой книге, вслед за заголовком данного раздела Объезжего стана и сохранившимися описаниями всего двух поместий (И. Б. Ракова и В. П. Самойлова), без окончания и итога этого раздела и без начала следующего идут: описания бывших поместий М. Товарищева, кн. В. Морткина, В. Кошелева, отписного поместья, «а того сыскати было некем, за кем преж того в поместье было» и итог, начинающийся словами: «И всего в Отъезжем стану в порозжих землях 7 пустошей и иные пустоши, а имяя им сыскати некем» и т. д.

Начало раздела порозжих земель сохранилось во второй книге. Оно содержит заголовок раздела «В Отъезжем же стану земли, которые остались у детей боярских за роздачею» и описания бывших поместий И. Ф. Горенкова, А. Нелидова, Н. М. и С. М. Товарищевых⁴⁶. Затем следуют описания трех бывших поместий, которые есть и в первой книге (М. Товарищева, кн. В. Морткина и В. Кошелева)⁴⁷. Но на этом текст второй книги обрывается, между тем как в первой зафиксировано еще описание отписного поместья, «а того сыскати было некем, за кем преж того в поместье было» и итог: «И всего в Отъезжем стану в порозжих землях 7 пустошей и иные пустоши, а имяя им сыскати некем» и т. д.⁴⁸

На основе данных обеих книг удастся восстановить полный текст раздела. Цифры итога раздела и подсчета того, что приведено в описаниях

⁴² ПКМГ, I, 1, стр. 19.

⁴³ Там же, стр. 18.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 255, лл. 70—74 об.

⁴⁵ Там же, лл. 192—201 об.; ПКМГ, I, 1, стр. 50—52.

⁴⁶ ПКМГ, I, 1, стр. 53.

⁴⁷ Там же, стр. 19 и 53.

⁴⁸ Там же, стр. 19.

самых поместий, совпадают, за исключением одного — в итоге значится на десятину меньше пашенного леса.

Сравнение повторяющегося текста позволяет говорить не о наличии у переписчика двух редакций или одинаковых, но в разной степени сохранившихся копий исследуемой здесь книги, а о том, что он в своей работе допустил две погрешности: стал сперва писать текст не в порядке очередности, одновременно пропустив окончание раздела поместий и начало раздела порозжих поместных земель стана. Способствовать этому могло и то, что подлинник книги для ускорения изготовления приправочного «списка» был расшит и роздан переписчикам по частям⁴⁹. В тексте, заново переписанном по указанию дьяка, окончание раздела порозжих поместий Обезьяного стана, вероятнее всего, было утрачено позднее (сохранились известия, согласно которым данная рукопись ввиду плохого состояния «переплетена и починивана вновь» в марте 1627 г. и в августе 1651 г.)⁵⁰.

Вместе с тем результаты проведенного выше анализа обеих книг позволяют предположить, что описания станов первой книги (исключая Васильцов стан) и вторая книга представляют собой единое целое, а именно, частично дошедшие до нас «Книги Московского уезду писма и отделу Ондreja Молчанова 85-го и 86-го году».

Это подтверждает и известие писцовой книги Московского уезда 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарыщи», при составлении которой отдельная книга А. Молчанова входила в число «приправочных». В разделе вотчин стана Манатына, Быкова и Коровина, относящегося, как мы помним, к комплексу станов (исключая Васильцов), именно первой из рассмотренных книг значится: «За Оксиньею за Михайловою женою Яковля в вотчине, что было преж сего за князем Петром Ивановичем Татевым, а по раздаточным книгам то село было за Михаилом за Соимоновым в поместье: с. Стребнево...» (курсив мой.— В. П.)⁵¹. Обратившись к описанию поместий Манатына стана первой книги, найдем там: «За Михаилом за Юрьевым сыном Сомановым, что было преж сего за окольным за князем Петром Ивановичем Татевым в поместье в селе в Стребнево...»⁵².

Есть еще один очень весомый аргумент в пользу такого предположения. Как известно, сохранилась десятня 1578 г. детей боярских Московского уезда⁵³. В марте этого года окольный кн. П. И. Татев и дьяк С. Абрамов «верстали детей боярских Московского уезда государевым денежным жалованьем и поместным верстаньем», сравнивая данные об их «отечестве и службе» с предыдущим «поместным верстаньем» окольного В. Ф. Воронцова и дьяка М. Коковинского. «Верстальный статейный список взносили в верх к бояром к князю Ивану Федоровичу Мстиславскому с товарыщи, да к дьяком ко Ондрею да к Василью Щелкаловым», которые «верстальною списку слушали и приговорили: поместному верстанью по статьям быти по тому новому рассмотрению»⁵⁴. Приговор регламентировал и порядок выдачи денежного жалования.

Десятня чрезвычайно интересна и тем, что дает возможность многопланового сопоставления с исследуемыми книгами Московского уезда. Но здесь целесообразно остановиться лишь на одном аспекте.

⁴⁹ Это видно по сохранившейся записи о «справе» И. Ларионовым текста списания Васильцова стана; по более уплотненному характеру письма в концах отдельных частей рукописи с целью уложиться в отведенный листаж; по наличию между этими частями незаполненных страниц с пометами: «страница порозжа», «полстраницы порозжи» и т. п.

⁵⁰ А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Расходные книги и столпы Поместного приказа (1626—1659 гг.). Под ред. Н. Н. Ардашева, кн. 1. М., 1910, стр. 13, 207.

⁵¹ ПКМГ, I, 1, стр. 180.

⁵² Там же, стр. 35.

⁵³ Е. Сташевский. Десятня Московского уезда 7086 и 7094 гг.— ЧОИДР, 1911 г., кн. 1. М., 1910, 1, «Материалы исторические», стр. 1—50.

⁵⁴ Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 6.

Если сравнить список лиц, внесенных в десятню, с землевладельцами, записанными в Васильдове стане первой книги, то обнаружится следующее: никто из этих землевладельцев в десятне не значится. Но то же самое, проделанное в отношении объединенных вместе описаний остальных станов первой книги и всей второй книги, дает совершенно иной результат — все лица, записанные в них, отражены в десятне. Более того, величины окладов десятни полностью совпадают с тем, что получили служилые люди в результате «отдела».

Однако десятня датирована мартом 7086 (1578) г., а отдельная книга А. Молчанова — 7085 и 7086 (1576/77 и 1577/78) гг. Иными словами, А. Молчанов начал составлять свою книгу до того, как была утверждена данная десятня. Поэтому само предположение о взаимосвязи обоих документов тоже требует доказательств.

Во введении и в тексте десятни производятся сравнения с предыдущим «поместным верстанием» окольного В. Ф. Воронцова и дьяка М. Коковинского; но дата этого верстания непосредственно рядом с именами его исполнителей не указана.

Имеющиеся документы впервые упоминают В. Ф. Воронцова как окольного в октябре 1576 (7085) г.⁵⁵ В апрельском походе 1576 (7084) г. против Девлет Гирея он назван в числе голов «в большом полку в Серпухове з боярином и воеводою со князем Иваном Федоровичем Мстиславским»⁵⁶. Следовательно, чин был пожалован ему в данный промежуток времени. Но это означает и другое — ранее того В. Ф. Воронцов не мог руководить поместным верстанием в качестве окольного.

Десятня имеет особый раздел, озаглавленный «85 году», в который внесено 12 человек. О девяти из них написано: «сказали оклатчики, что он *от верстанья* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — В. П.) не живет, и *нынеча* ево не было», или «*у верстанья* оклатчики сказали, что он *от верстанья* не бывал и не знают ево», или «*у верстанья* оклатчики сказали: не знают ево, *от верстанья* не живет» и т. п. (Отсутствие трех человек вызвано другими причинами: «оклатчики сказали: у государя во псарех»; «оклатчики сказали: умер в 86 году»; «у верстанья оклатчики сказали: язык на нево говорил, от тово збежал»)⁵⁷.

Здесь обращают на себя внимание: наличие подобного раздела с таким текстом в десятне, точно датированной мартом 7086 г.; сопоставления в десятне лишь с одним предыдущим верстанием, а именно, В. Ф. Воронцова; происхождение сведений типа: «у верстанья сказали ... от верстанья не бывал» от самих окладчиков. Все это, наряду с приведенными выше данными об окольности В. Ф. Воронцова, свидетельствует о том, что верстание им того же слоя служилых людей было в 7085 (1576/77) г.

Данное верстание следует рассматривать как одно из мероприятий, связанных с подготовкой ливонского похода 1577 г.⁵⁸ Поэтому составление десятни должно было завершиться не позже апреля этого года (ко всему прочему, в последующие месяцы В. Ф. Воронцов непрерывно участвовал в боевых действиях)⁵⁹.

Десятня П. И. Татова и С. Абрамова отразила результаты одного из мероприятий по подготовке ливонского похода 1578 г. Она сама дает воз-

⁵⁵ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — «АЕ за 1957 год». М., 1958, стр. 78.

⁵⁶ «Разрядная книга 1475—1598 гг.» (далее — РК). Подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966, стр. 265.

⁵⁷ Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 27—28, раздел XI.

⁵⁸ Десятня П. И. Татова следующего, 1578 г., в частности, не раз отмечает повышение поместных и денежных окладов тем же детям боярским за то, что их «для государевых дел посылают наскоро в Немецкие города многжды» (см., например: Е. Д. Сташевский. Указ. соч., стр. 11, 12). Известно, что тогда же был составлен боярский список 1577 г. (см. А. Л. Станиславский. Опыт изучения боярских списков конца XVI — начала XVII в. — «История СССР», 1971, № 4, стр. 109—110).

⁵⁹ РК, стр. 278—286.

можность понять, почему, спустя столь короткий срок, появилась потребность в новом верстании.

Незадолго до похода 1578 г. встал вопрос о выплате служилым людям денежного жалованья. Но к этому времени выяснилось, что данные предыдущей десятины о поместных окладах тех же служилых людей нуждаются в существенных коррективах (по словам наказа П. И. Татеву и С. Абрамову, некоторые дети боярские, записанные С. Ф. Воронцовым «в средних статьях», после этого «на Москве мало живут и собою худы»; другие «в прежней десятине верстаны в меньших статьях, а после верстанья живут на Москве без выезду, и собою добры, и в посылки дальние посылают их на всякие государевы дела»; наконец, были и дети боярские, которые «прибыли в службу»)⁶⁰. Поэтому решили одновременно пересмотреть поместные оклады детей боярских в соответствии с их изменившейся служебной годностью. Размер денежного жалованья должен был определяться, в том числе с учетом этих новых окладов. Детям боярским с окладами от 250 до 200 четв. полагалось 12 руб. годового жалования; с окладами по 150 четв.— 10 руб. и с окладами по 100 четв.— 8 руб.⁶¹

В каждом разделе десятины (при внимательном чтении) можно выявить группы: детей боярских, чьи поместные оклады не изменились по сравнению с десятой С. Ф. Воронцова 1577 г., и тех детей боярских, поместные оклады которых претерпели изменение.

Здесь, пожалуй, уместно сказать о том, что предложенное Е. Д. Сташевским деление десятины на статьи (оно выражено нумерацией римскими цифрами и печатанием жирным шрифтом части заголовков), мне представляется не вполне удачным.

Не выделенными оказались заголовки, относящиеся к перечням лиц, сохранивших свои прежние поместные оклады. В результате четырежды вместо того, чтобы располагаться в начале разделов, фиксирующих различные величины окладов, эти перечни попали внутрь других перечней (лиц, оклады которых были изменены новым верстанием), прерывая их в самых неподходящих местах⁶². Это затруднило исследователям возможность уяснить структуру данной десятины, а значит, смысл и результаты верстанья марта 1578 (7086) г.

Установив, что десятиня С. Ф. Воронцова была составлена в 1577 (7085) г. и определив ее отношение к десятине П. И. Татева, вернемся к вопросу о том, почему в заглавии отдельной книги А. Молчанова указаны две даты: «7085 и 7086» гг. Для этого попробуем сравнить тексты книги А. Молчанова и десятины П. И. Татева.

Так, по отдельной книге в Шеренском стане получил поместье В. К. Поливанов (200 четв. с пометой: «и оклад его сполна весь»). В десятине же он значится среди детей боярских, «которые верстанья околичево Василья Федоровича Воронцова написаны в 200 четвертях, а ныне по боярскому приговору верстаны в 150 четвертей, потому что они средние и на Москве не живут»⁶³. И. П. Кривцову было отделено А. Молчановым поместье в 150 четв. (тоже с пометой: «и оклад его сполна весь»), в то время как десятиня зафиксировала увеличение ему оклада до 200 четв. за то, что он «собой добр и на Москве живет без съезду»⁶⁴. Наконец, наделенный поместьем Р. Т. Руднев (100 четв. с пометой: «и оклад его учинен сполна») записан в последнем разделе десятины, прямо озаглавленном: «85-году»⁶⁵.

Таким образом, эти дети боярские получили поместья согласно десятине С. Ф. Воронцова (число подобных примеров можно было бы много

⁶⁰ Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 6.

⁶¹ Там же, стр. 7.

⁶² Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 9, 10, 16, 22.

⁶³ ПКМГ, I, 1, стр. 12; Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 21—22.

⁶⁴ ПКМГ, I, 1, стр. 11; Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 16.

⁶⁵ ПКМГ, I, 1, стр. 22; Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 28.

увеличить). Следовательно, А. Молчанов начал производить «отдел» в том же году, что, в свою очередь, объясняет первую из дат его книги — «7085» г.

Но есть и случаи «отделов», произведенных уже в соответствии с десятицей П. И. Татова 1578 (7086) г. М. Шокурову поместный оклад был увеличен со 150 до 200 четв., что нашло отражение и в отдельной книге⁶⁶. Также по новым окладам испомещены Н. Ортемов, А. Злобин и П. Костин⁶⁷, а испомещенный вместе с ними Б. Ортемов значится в разделе десятици: «Дети боярские Московского уезда, которые прибыли околичного князя Петра Ивановича Татова да дьяка Сапуна Абрамова нынешнего 86-году»⁶⁸.

С точностью до одного года нельзя установить время испомещения довольно значительной части детей боярских, чьи поместные оклады не претерпели изменений. Ведь А. Молчанов мог производить эти «отделы» на основании десятицы как С. Ф. Воронцова, так и П. И. Татова. Вероятно, ряд лиц получили поместья по первой десятице, а затем процесс продолжился в соответствии со второй. Однако сказанное здесь не только не ставит под сомнение правильность обеих дат, помещенных в заглавии отдельной книги А. Молчанова, а, напротив, является еще одним ее подтверждением.

Подведем итоги. 1) Описание Васильцова стана первой книги не относится ни к описаниям остальных станов этой книги, ни ко второй книге. Оно представляет собой все, что дошло до нас (в составе данной архивной единицы хранения) от «книг писма и дозору Ивана Коробова и Болдыря Симанова с товарищи 82-го году» (1573/74). Следует напомнить о том, что в самом описании Васильцова стана не сохранился раздел: «За князми и за детми боярскими в поместьях».

2) Описания остальных станов первой книги и вся вторая книга, взятые вместе, являются фрагментом «книг писма и отделу Ондreja Молчанова 85-го и 86-го году» (1576—1578), которые отразили осуществление «поместного верстанья» 7085 (1577) г. В. Ф. Воронцова и приговора 7086 (1578) г. о поместных окладах служилых людей в Московском уезде. Во фрагменте зафиксированы результаты испомещения 67 человек из 260, внесенных в десятицю П. И. Татова и дьяка С. Абрамова.

3) Части этих дозорной и отдельной книг, относящиеся к станам и волостям уезда, которые в 1584—1586 гг. описывались Т. А. Хлоповым «с товарищи», служили данным писцам в качестве «приправочного» материала. В 1622—1624 гг. вместе с писцовой книгой Т. А. Хлопова они были включены в «приправочный» комплекс для Л. А. Кологривова и подьячего Д. Скирина, посланных описать ту же территорию. Именно в составе этого комплекса части данных книг и сохранились до нашего времени.

4) Но то, что от них сохранилось и опубликовано в ПКМГ — далеко не полно. Анализ состояния текста Васильцова стана дозорной книги дан выше. В отдельной книге, по сравнению с писцовой книгой Т. А. Хлопова, недостает описания трех станов (Быкова и Коровина, Вори и Корзенева, Пехорского) и упоминаемых в самом тексте — Рогожского, Доблинского, Каменского, но это вовсе не означает, что число их тем и ограничивается. Текст же имеющихся станов содержит целый ряд дефектов.

Описание Бохова стана начинается со слов: «...по тому ж добрые земли, сена 24 коп., лесу пашенного 2 дес.»; затем описаны пустоши: Костинская, Савинская, Тетеринская, Малаховская, Медведево и Черноземовская; тому же лицу доданы пустоши из бывших поместий А. Беклемишева и К. Зачесломского; по итогу поместья: «И всего за Ондреем деревня

⁶⁶ ПКМГ, I, 1, стр. 41—42; *Е. Сташевский*. Указ. соч., стр. 15. При этом отмечено, что «он собою резв и для государевых дел в скорые посылки посылают его часто».

⁶⁷ ПКМГ, I, 1, стр. 48—49; *Е. Сташевский*. Указ. соч., стр. 20.

⁶⁸ ПКМГ, I, 1, стр. 48—49; *Е. Сташевский*. Указ. соч., стр. 26.

пуста да 25 пустошей... и обоего средние и добрые земли паханые и перелогу 400 четв. ... и оклад его учинен сполна»⁶⁹. В десятне такой оклад имел лишь один Андрей, а именно, «Андрей Иванов сын Отин Плещеев»⁷⁰. По писцовой книге Т. А. Хлопова в разделе «В Бохове же стану порозжие земли» значится «Петровское поместье Васильевича Морозова»: пустошь, что была деревня Лавренева и пустоши: Воробьевская, Горшковская, Костинская, Савинская, Тетеринская, Малаховская, Медведевская и Черноземовская (курсивом выделен текст, отсутствующий в отдельной книге)⁷¹. Таким образом, описание этого стана удастся реконструировать.

У раздела поместий Радонежского стана нет итога⁷². В то же время в текст раздела «Порозжие пустые поместья, а остались у детей боярских за роздачею» вклинилось описание того, что было дано П. С. Морину из бывших поместий А. Заболоцкого и И. Трофимова⁷³. Раздел содержит описание 15 «порозжих» поместий, но его итог совершенно непригоден для использования: «И всего в Радонежском стану в порозжих землях ... стошей и иные пустоши, а имян им сыскати некем; пашни пер. ... добр. земли ... сена ... коп., лесу паш. ... а сошного письма в песте ... полчетсохи»⁷⁴. По самым ориентировочным подсчетам (описание стана в книге Т. А. Хлопова сохранилось очень плохо), здесь недостает данных о 19 бывших поместьях.

В разделе «Что остались порозжие поместья за роздачею у детей боярских» Манатына стана по сравнению с итогом нет описаний 13 пустошей⁷⁵. Таким же путем устанавливается, что в разделе поместий Васильцова стана отсутствует описание того, что получил Н. Белавин — половины села Ивановского и 15 пустошей (сам он упомянут в итоге описания поместья совладельца села)⁷⁶.

5) Но если бы мы располагали даже полной отдельной книгой А. Молчанова, это не дало бы нам картины всего поместного землевладения второй половины 70-х годов XVI в. на той части территории Московского уезда, которую она охватила. Ибо данная отдельная книга отразила осуществление «поместного верстанья» 1577 г. и приговора 1578 г. о поместьях (по новым уточненным окладам) лишь тех лиц, которые составляли низший слой московских служилых людей: исполнявших мелкие поручения в приказах; занимавших там второстепенные должности — сытников и др.; посылавшихся «в посылки»; служилых «недельщиков» и т. д. «Верстанье», приговор (соответственно и отдельная книга) не имели в виду поместных окладов и поместий членов государева двора: думцев, стольников, московских дворян, стряпчих, жильцов и, по-видимому, выборных дворян. Поэтому рядом с вновь полученными поместьями могли располагаться и другие, описывать которые не входило в задачу А. Молчанова. То же самое относится и к вотчинам. Не случайно Т. А. Хлопов «с товарищи» получили «для приправки» часть дозорной книги 1573/74 г. И. Коробова и Б. Симанова.

6) Все сказанное выше следует учитывать и при попытках восстановить на основании исследуемых книг землевладение Московского уезда в 50-е — 60-е годы XVI в. Данные книги ввиду своей специфики и того состояния, в котором они дошли до нашего времени, содержат сведения лишь о незначительной части землевладельцев уезда 50-х — 60-х годов XVI в.

⁶⁹ ПКМГ, I, 1, стр. 19—20.

⁷⁰ Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 8.

⁷¹ ПКМГ, I, 1, стр. 227.

⁷² Там же, стр. 31.

⁷³ Там же, стр. 32.

⁷⁴ Там же, стр. 33.

⁷⁵ Там же, стр. 33—37.

⁷⁶ Там же, стр. 39.

7) Судя по архивным ярлыкам переплета книги 255, тот же «приправочный» комплекс включал в себя и часть писцовой книги Андрея Сабурова 7079 (1570/71) г., относящуюся к данной территории. В самой книге 255 нет ничего, что можно было бы отнести к тексту этого описания Московского уезда. Но в то же время очевидно, что в 1835 г., оформляя новый переплет данной единицы хранения, архивисты не могли произвольно внести в ярлыки столь важные указания. Очевидно, к 1835 г. эта часть книги А. Сабурова уже была утрачена, но старый переплет или бумажная обертка «приправочного» комплекса сохранили перечисление всего, что некогда составляло его. Эти сведения и зафиксировали ярлыки нового архивного переплета. Многочисленные ссылки на книгу А. Сабурова писцов XVII в. имеют большую значимость для изучения феодального землевладения в Московском уезде начала 70-х годов XVI в.⁷⁷

Возможно еще одно соображение относительно того, что в данном томе были как писцовая книга А. Сабурова, так и описания не только Васильцова стана из дозорной книги И. Коробова и Б. Симанова. На переплете тома эти книги перечислены в указанной последовательности. Расположение следом за ними отдельной книги А. Молчанова также подтверждает, что ее придерживались при изготовлении «приправочного» комплекса. В писцовой книге Т. А. Хлопова «с товарищи»⁷⁸, как и в писцовой книге XVII в. этой части уезда, описание Васильцова стана было последним по порядку. Не исключено, что эти писцы следовали в своей работе более ранней традиции. Но изучаемый нами том (имеется в виду архивная единица хранения) начинается фрагментом, содержащим окончание описания Васильцова стана из дозорной книги И. Коробова и Б. Симанова. Кроме того, писцы XVII в. ссылаются как на приправочные на книги А. Сабурова и И. Коробова и Б. Симанова, описывая, в частности, Почернев стан, описания которого из этих книг до нас не дошли. Очень вероятно, что книга А. Сабурова целиком и книга И. Коробова и Б. Симанова могли быть утрачены при двух расшивках и новых переплетениях тома в 1627 и 1651 гг.

Писцовые книги XVI в. являются ценнейшим источником по многим сторонам социально-экономического развития и политической истории России. Этот вид источников прочно вошел в научный оборот. Только что рассмотренный пример с несколькими описаниями Московского уезда еще раз показывает, что современный уровень развития исторической науки требует от исследователей уделить самое пристальное внимание источниковедению писцовых описаний XVI в.

Совершенно очевидно, что многие прежние издания писцовых книг XVI в., в том числе широко известное издание «Писцовые книги Московского государства», сыгравшие в свое время большую роль, по своему качеству уже не могут удовлетворить исследователей. Поэтому имеется настоятельная необходимость в осуществлении нового фундаментального издания писцовых книг XVI в. на современном археографическом уровне.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 261.

⁷⁸ В самой сохранившейся и опубликованной писцовой книге Т. А. Хлопова (с утраченными началом и концом) описание Васильцова стана отсутствует. Но судя по обнаруженному автором статьи особому ее разделу, который условно можно обозначить, как «явочный список» вотчинных владений этой части уезда (по непонятным причинам исключенному издателями при публикации данной книги), можно говорить о том, что описание Васильцова стана — последнее по порядку (см. список: ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, лл. 729—770 об.).

В. Н. Малов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ Г. ЛАМУАНЬОНА (ЦГАДА)

Хранящиеся в ЦГАДА 66 томов французских и итальянских документов 1547—1559 гг., принадлежавших в конце XVII в. к коллекции президента Парижского парламента Гийома Ламуаньона, уже привлекли к себе большое внимание советского и зарубежного читателя. В 1963 г. был опубликован первый том документов из этой коллекции¹; во введении к нему, написанном А. Д. Люблинской, была впервые дана научная характеристика собрания и высказаны предварительные соображения о его происхождении. С тех пор в результате дальнейшей работы над фондом наши знания о коллекции сильно расширились (например, после точных подсчетов стало известно, что в ней более 8200 документов — почти в 2 раза больше предполагавшегося), а главное стали отчетливо видны ее особенности, позволяющие по-новому осветить историю коллекции. Но изложим прежде всего первоначальную концепцию.

Уже при первом ознакомлении с коллекцией бросается в глаза, что подавляющее большинство ее документов адресовано двум лицам — французскому королю Генриху II и его первому министру коннетаблю Анн де Монморанси. Отсюда, естественно, возникло мнение, связывавшее происхождение коллекции Ламуаньона с личным фондом коннетабля (куда, конечно, попадали и бумаги, адресованные его государю), оставшимся во владении его наследников. История семьи Монморанси, казалось, подтверждала эту гипотезу. В 1632 г. внук коннетабля (тоже коннетабль) Анри де Монморанси был казнен за участие в восстании против кардинала Ришельё. На все имущество мятежника был наложен секвестр, и лишь в 1643 г. главная резиденция рода — замок Шантильи — была передана зятю казненного — принцу Конде. Разумеется, за это время старинные документы из родового архива могли разойтись по рукам, тем более что среди ведавших осуществлением секвестра судебных чиновников было много любителей-коллекционеров. Большая часть фонда волею судеб оказалась доступна известному публикатору XVII в. Гийому Рибье, опубликовавшему некоторые документы в своем двухтомном труде². Затем эта часть фонда была приобретена президентом Ламуаньоном, хранилась у его потомков до 1789 г., а в (1791) г. была почти вся куплена с аукциона в Париже графом П. А. Строгановым и передана в 1929 г. в Государственный архив в составе фонда Строгановых.

То обстоятельство, что коллекция Ламуаньона открывается (мы имеем в виду, конечно, массовую документацию) бумагами первых дней правления Генриха II, когда Монморанси был призван к власти, и обры-

¹ «Документы по истории внешней политики Франции 1547—1548 гг.» Сост. А. Д. Люблинская. М.—Л., 1963.

² «Lettres et mémoires d'Etat de roys, princes et ambassadeurs sous les règnes de François I et Henri II...», par G. Ribier (далее — «Lettres et mémoires d'Etat...»), t. I—II. Paris — Blois, 1666.

вается на первых месяцах правления Франциска II, когда коннетабль получил отставку, тоже как будто подкрепляло гипотезу о происхождении коллекции из его архива.

Конечно, обращала на себя внимание необычайно четкая специализация коллекции — в нее входят практически только документы, посвященные итальянской политике Франции и таким тесно связанным с ней вопросам, как франко-турецкие отношения и финансовые расчеты с обосновавшимися в Лионе флорентийскими банкирами. Практически отсутствуют документы, пришедшие из других стран, хотя Монморанси, безусловно, получал бумаги и из Германии, и из Англии, и из Шотландии. Но этот факт можно было объяснить тем, что личный архив коннетабля хранился в удивительном порядке и что в руки Ламуаньона попала как раз его «итальянская» часть.

Гораздо труднее ответить на вопрос, каким образом в коллекцию вошло значительное число документов, которые никак не могли находиться в личном фонде Монморанси.

9 августа 1557 г. французская армия была разгромлена испанцами у Сен-Кантена. Коннетабль Монморанси — довольно посредственный полководец — был взят в плен и вернулся во Францию лишь после заключения перемирия в конце 1558 г. Казалось бы, в коллекции Ламуаньона должна была образоваться лакуна. Но ее нет. Никакого сокращения корреспонденции после Сен-Кантена не отмечается, документов 1557—1558 гг. очень много и сохраняется та же четкая «итальянская» специализация, но только письма, адресованные коннетаблю, сменились письмами, адресованными его соперникам Гизам (герцогу Франсуа и его брату кардиналу Лотарингскому), взявшим в это время в свои руки ведение текущей политики; сменились настолько полно, что если бы до нас дошла только часть коллекции Ламуаньона именно за эти годы, мы с той же уверенностью вывели бы ее происхождение из личного фонда Гизов. А между тем письма, направленные к Гизам до Сен-Кантена, хотя и встречаются в нашем собрании, но в очень ограниченном количестве.

Обращает на себя внимание и тот факт, что коллекция обрывается не сразу после отставки Монморанси в июле 1559 г. — и снова то же явление: сохраняется специализация, но письма к коннетаблю сменяются письмами к Гизам.

Когда же бумаги из фонда Монморанси успели так органично переплестись с бумагами Гизов, если до 1632 г. брачные союзы между этими фамилиями не заключались?

Возникла гипотеза о том, что Ламуаньон или его потомки могли приобрести часть своих документов через посредство известного коллекционера Роже Геньера (1644—1715 гг.) или на аукционе, устроенном после его смерти³. Про Геньера известно, что он был своим человеком в доме Гизов. Таким образом, глубокое тематическое единство коллекции объяснялось целенаправленностью замысла коллекционера. Но тогда следовало признать, что формирование ее состава в теперешнем виде было делом очень длительным, тем более что в момент смерти основателя коллекции Гийома Ламуаньона (1677 г.) Геньеру было всего 33 года и до аукциона оставалось ждать еще 38 лет: Перейдем к проверке этой гипотезы.

* * *

Начнем с важнейшего факта, установленного А. Д. Люблинской. Тома коллекции Ламуаньона делятся на две серии. Они аналогичны по характеру документов и хронологическому охвату⁴. А. Д. Люблинская первая

³ «Документы по истории гражданских войн во Франции 1561—1563». Сост. А. Д. Люблинская. М.—Л., 1962, стр. 4—5.

⁴ «Документы по истории внешней политики Франции 1547—1548 гг.», стр. 14.

отметила критерий различия между ними — тома одной серии имеют до-
полнительную нумерацию римскими цифрами, тома другой — нет.

Упомянутая нумерация стоит на наклейках поверх корешка переплета, и до тома XXIV (в томе: XXIII) ей соответствует такая же нумерация в надписи на титульном листе. Далее до тома XXXIV продолжается нумерация римскими цифрами на наклейках корешка, но на титуле нумератор переходит на арабские цифры. Наконец, далее нумерация на наклейках прекращается (ее сменяют тематические надписи), тогда как на титульном листе нумератор продолжает свою работу арабскими цифрами и доходит до тома 41. Во всех остальных томах коллекции Ламуаньона подобных надписей с нумерацией на титуле нет. Отсюда видно, что тома 35—41 по нумерации титула (ЦГАДА, тт. 1—8), которые А. Д. Люблинская, следуя за нумерацией аукционного каталога Мериго 1791 г., выделила из обеих серий, также относятся к первой серии (назовем ее серией А, а другую — серией В). Таким образом, коллекция Ламуаньона делится на две серии без остатка.

Перечислим все установленные нами различия между двумя сериями.

1. Как уже сказано, серия А имеет надписи на первом листе типа «Lettres originales. Depuis le 1 octobre 1548 jusques le 20 avril suivant avant pasques. Vol. VI»; все они сделаны одним почерком. В серии В таких надписей нет.

2. В серии А на корешке переплета имеются наклейки с надписями «Lettres originales» и нумерацией римскими цифрами, а затем с тематическими надписями. В серии В наклеек с нумерацией нет и в первых томах этой серии нумерация на корешке вообще отсутствует, а потом она появляется и дается тиснением прямо на коже корешка переплета, причем имеет совершенно особый характер: три тома 1553 г. пронумерованы римскими цифрами от I до III, далее, с переходом к томам 1554 г., нумерация возобновляется (также от I до III) и т. д., причем год нигде не указан. По соотношению этих цифр с узорами корешка видно, что нумерация была сделана уже после изготовления переплета.

3. Все тома серии А имеют внутреннюю нумерацию документов. Она дается на нижнем поле первой страницы документа «капитальными» буквами и цифрами в таком порядке: АВ...YZ A₂B₂...Z₂A₃ и т. д.⁵ В серии В никакой нумерации по документам нет.

4. Важнейшее отличие состоит в способе брошюрования. В серии А документы поставлены на фальц (прикреплены к переплету с помощью тонких бумажных листов). Способ брошюрования в серии В грубый, фальцев нет и к переплету пришиты непосредственно сами документы.

5. Во всех томах коллекции документы отделены от переплета плюрами (чистыми предохранительными листами). При этом в серии А таких листов очень много (зачастую 15—20 и более между документами и доской переплета). Напротив, переплетчик серии В расходовал бумагу крайне экономно, ограничиваясь, как правило, 3—4 листами в начале и в конце тома.

6. Судя по водяным знакам, чистые листы обеих серий были изготовлены в основном во Франции в XVII в. Необходимо отметить, что в каждой серии имеется свой особый набор филигранных. Водяных знаков, общих для обеих серий, нет, хотя внутри серий филигранные повторяются неоднократно (всего 5 видов бумажных форм в серии А и 9 в серии В).

7. Переплет обеих серий одинаков по формату, материалу, размерам и местоположению герба Ламуаньона и его владельческих монограмм. Однако серии А и В отличаются друг от друга по рисунку виньеток и ко-

⁵ Лакуны в нумерации соответствуют изъятым документам, о чем говорят и следы выдинок. Как правило, их немного, но, например, из т. 52 было изъято 15 документов, а из т. 66 — 47 (было 184, осталось 137). Можно предположить, что эти изъятия были сделаны Мериго при продаже коллекции в 1791 г. с аукциона с целью продажи некоторых документов в розницу.

личеству валиков на корешке переплета (5 в серии А и 6 в серии В). Эти различия наблюдаются во всех томах коллекции без исключений⁶.

Когда же появились эти различия и когда сложились сами серии? Ответ на этот вопрос может дать анализ старых библиотечных шифров, метод выделения в них разных хронологических слоев. Результаты нашей работы резюмируем следующей таблицей:

Серия А	Серия В
I слой (самый старый)	
Узкие наклейки на форзаце: «Bibl. Lamoniāna»	Узкие наклейки на форзаце: «Bibl. Lamoniāna»
Серийный номер на форзаце: 2.93	Серийный номер на форзаце: 2.94
II слой	
Широкие наклейки на форзаце: «Bibliotheca Lamoniāna»	Широкие наклейки на форзаце: «Bibliotheca Lamoniāna»
Нумерация на них по томам от Q 188 до Q 230	Нумерация на них по томам от Q 231 до Q 259
Карандашные пометы на форзаце от 1 до 41	Карандашные пометы на форзаце от 42 до 73
Надписи на титуле с нумерацией от 1 до 41	На титуле нумерации нет
III слой	
Нумерация по томам на титуле от 146 до 188	Нумерация по томам на титуле от 189 до 217
IV слой	
Нумерация по томам на титуле от 167 до 209	Нумерация по томам на титуле от 210 до 238

Каталог Мериго 1791 г.⁷

№ 231—238

№ 239—240

Современная нумерация ЦГАДА

Тт. 9, 11—13, 15, 18—21, 17, 23—26, 22, 29, 31, 27, 35, 33, 40, 38, 44, 52, 50, 59, 61, 56, 66, 2, 5, 7, 4, 8, 3, 1, 6

Тт. 10, 14, 16, 30, 32, 28, 36, 37, 34, 39, 41—43, 46, 48, 49, 45, 47, 51, 53—55, 58, 60, 62, 57, 64, 65, 63

Мы видим, что традиция обособленности и в то же время непосредственного примыкания друг к другу двух серий была исконной и соблюдалась вплоть до каталога Мериго включительно⁸.

Попытаемся примерно установить абсолютную хронологию старых слоев. Оставив в стороне более поздние III и IV слои из-за невозможности их датировать, обратимся сразу ко II слою. Объясним сначала, почему его элементы объединены нами в единую синхронную группу.

Синхронность надписей на первом листе серии А (тех самых, о которых мы уже упоминали выше, когда описывали различия между сериями) и широких наклеек на форзаце с проставленной на них нумерацией доказывается сопоставлением двух фактов. Во-первых, в современном томе 38 (т. 26 серии А) чернильный отпечаток от надписи на титуле, оставшийся на форзаце, частично находится под широкой наклейкой.

⁶ Есть только одна деталь, объединяющая тома серии В с последними (начиная с т. 34 по старой нумерации) томами серии А: в них имеется помета на первом листе в виде буквы «W». Конечно, это не может перевесить все перечисленные различия и поставить под сомнение распределение томов по сериям. Возможное объяснение пометы см. ниже, прим. 12.

⁷ Каталог Мериго, по словам его издателя, был перепечатан без изменений с ламауноновского каталога 1770 г., изданного в очень небольшом количестве экземпляров.

⁸ Читатель легко заметит несоответствия в количестве томов между нумерациями разных слоев. Мы не будем входить здесь в детали, исправляя механические и арифметические ошибки нумераторов.

С другой стороны, в томе 33 (т. XXIV серии А) первый лист с надписью случайно оказался приклеенным к форзацу, так что и надпись, и библиотечная наклейка с нумерацией были заклеены. Увидев это, автор надписи повторил ее на втором листе, превратившемся отныне в титульный. Итак, поскольку в т. 38 надпись была сделана раньше наклейки, а в т. 33 продублирована тем же почерком позже ее, остается вывод, что работа над надписями и наклейками производилась в одно и то же время.

Карандашные пометы на форзаце, совпадающие с нумерацией серии А, естественно, сделаны в одно время с ними. Они постоянно закрываются наклейками и никогда не заходят на них. Эти пометы проставлены для человека, приклеивавшего наклейки и нумеровавшего тома путем прибавления номера пометы к определенному заданному числу (Q 187). То, что номера помет серии В являются непосредственным продолжением номеров помет серии А, доказывает, что работа над обеими сериями велась одновременно.

Следовательно, можно использовать палеографический анализ почерка надписей серии А для датировки II слоя. Эти надписи выполнены итальянской бастардой, почерк относится ко второй половине XVII в., о чем свидетельствуют и постоянное употребление двухчастного «е», и полное отсутствие различия звуков «u» и «v» и в особенности частота употребления двухчастного «с», да еще в очень архаичной форме, тогда как из обычного курсива, а тем более из почерков, ориентированных на нормы бастарды, двухчастное «с» исчезает уже к началу XVIII в.⁹

Итак, уже II слой датируется второй половиной XVII в. (Вероятнее всего, 1680—1682 гг., когда библиотекарь Адриан Байе составлял много томный рукописный каталог всей библиотеки). А между тем ему предшествует I слой. Узкие наклейки «Bibl. Lamoniана» постоянно просматриваются под широкими. Места для нумерации на узких наклейках не оставалось, и роль такой нумерации I слоя играли проставленные чернилами на форзаце номера: 2.93 для всех томов серии А и 2.94 для всех томов серии В. Эти номера постоянно закрываются широкими наклейками II слоя и никогда не заходят на них. К отмеченным выше семи различиям между сериями следует прибавить еще восьмое — разницу исходных серийных номеров.

Перейдем к вопросу о дате изготовления переплета. Элементы общности в переплете обеих серий (см. выше) имеют такой характер, что могут быть объяснены волей заказчика. Разница же в деталях оформления переплета, в способе брошюрования, отсутствие одинаковых филигранных наплюрах говорит за то, что серии А и В переплетались в разных мастерских. Есть некоторые данные для датировки переплета серии В. В ее т. 16 под форзацем просматриваются фрагменты какого-то печатного документа, подложенные туда для того, чтобы форзац плотнее прилегал к основе. Текст его читается хорошо — это решение Парижского парламента по одному частному иску. Документ лежит непосредственно на основе переплета и в нем упоминаются даты, последняя из которых — 16 марта 1662 г.

Знаков, сходных с филигранями наплюров, не удалось найти в еще очень неполных альбомах филигранных XVII в.¹⁰ Однако в одном из томов серии В (ЦГАДА, т. 36) на этих листах были обнаружены водяные знаки в виде герба Кольбера со знаком ордена Святого духа. Кольбер стал членом ордена и его великим казначеем 26 августа 1665 г. Поэтому, вспомнив о дате проложенного между переплетом и форзацем фрагмента, можно высказать уверенное предположение, что время подбора наплюров серии В

⁹ В. Н. Малов. Происхождение современного письма (Палеография французских документов конца XV—XVIII вв.). М., 1975, стр. 127.

¹⁰ Следуя терминологии В. Н. Щепкина («Русская палеография». М., 1967, стр. 202, 205), мы называем «сходными» такие водяные знаки, различия между которыми не носят преднамеренного характера.

совпадает со временем изготовления переплета, — иными словами, что серия В попала к Ламуаньону в виде непереплетенных картонов и была впервые переплетена только им. Временем, ранее которого не мог быть изготовлен переплет этой серии, следует считать сентябрь 1665 г.

Вспомнив об упомянутых ранее различиях между сериями, отметим, что первые два относятся ко времени II слоя, дата появления третьего (внутренняя нумерация документов) остается под вопросом, восьмое (разница исходных серийных номеров) датируется временем I слоя. Возникновение всех остальных различий относится еще ко времени изготовления переплета.

Из сказанного следует, что деление коллекции на две серии является *исконным*. Следовательно, *исконным* является и состав томов со всеми его особенностями и их «итальянская» специализация. От гипотезы о постепенном формировании коллекции приходится отказаться.

* * *

В конце XVII или начале XVIII в. над документами коллекции Ламуаньона работал видный французский историк, автор многотомной «Истории Франции» (ее первое издание вышло в 1713 г.) иезуит Г. Даниэль. В своем труде (в т. V по амстердамскому изданию 1720 г.)¹¹ он постоянно ссылается на «документы из библиотеки господина президента Ламуаньона». Эти ссылки относятся как к периоду царствования Франциска I (10 ссылок за 1538—1543 гг., из них 8 за 1538—1540 гг.), так и ко времени Генриха II (21 ссылка, при этом все датированные ссылки относятся к 1547—1552 гг.), причем имеют существенно различный характер. Если все ссылки первой группы никогда не сопровождаются указаниями на нумерацию соответствующих томов из коллекции Ламуаньона, то ссылки второй группы имеют указания на нумерацию томов в 16 случаях из 21. Проверим же, какому из наших слоев соответствует нумерация Даниэля.

Идентифицировать документы, упомянутые Даниэлем, с документами нашей коллекции довольно сложно уже потому, что этот историк никогда не указывает числа и месяцы, которыми они были датированы. Сноски даны на полях сбоку, без соответствующих цифр в тексте, и не всегда ясно, относятся ли они ко всей фразе или только к ее части. Наконец, всегда приходится принимать во внимание допустимую степень неточности или путаницы.

В сносках Даниэля упомянуты следующие тома коллекции Ламуаньона: 1, 3, 4, 8, 9, 12, 14—17. Уже из сопоставления этих цифр с нашей таблицей видно, что они могут соответствовать только нумерации надписей на первых листах серии А (II слой) и, соответственно, на корешках переплетов этих томов. Из проверки приходится исключить две ссылки на 1 и 3 тома, поскольку эти тома серии А не были приобретены Строгановым и у нас отсутствуют; в одном случае проверка невозможна из-за неясного характера текста. Из оставшихся 13 сносок 11 идентифицируются с документами из соответствующих томов серии А: в 9 случаях уверенно, в 2 с известной степенью допустимой неточности. В одном из 9 случаев уверенной идентификации (р. 456) Даниэль принял письмо Пьеро Строцци к Монморанси от 23 октября 1547 г. («т. 4» по нумерации Даниэля; ЦГАДА, т. 9) за письмо к королю и отнес его к 1550 г. Отсюда видно, что сноски Даниэля действительно могут быть не всегда точны.

Итак, проверка дала вполне удовлетворительные результаты. Ко времени работы Даниэля нумерация II слоя уже существовала. Это подтверждает нашу палеографическую датировку ее второй половиной XVII в.

¹¹ G. Daniel. Histoire de France..., t. V, 2 éd. Amsterdam, 1720.

Любопытно, что Даниэлю были показаны только тома серии А (и, видимо, не все). Не потому ли, что серия В не имела внутренней нумерации документов и хозяин коллекции опасался хищений? Если это очень естественное предположение правильно, то следует заключить, что ко времени Даниэля внутренняя нумерация серии А, во-первых, уже существовала, а во-вторых, не имела лакун и что изъятия относятся к более позднему времени (см. выше прим. 5)¹².

Обратим теперь внимание на сноски, относящиеся ко времени Франциска I. Их всего лишь в 2 раза меньше, чем ссылок на документы времени Генриха II. Между тем в современной коллекции Ламуаньона, хранящейся в ЦГАДА, документов до 1547 г. сравнительно мало — около 1% от общего их числа.

Правда, Строганов не купил первые три тома (серии А), относившиеся, судя по хронологии четвертого тома, ко времени Франциска I. Но предположение о том, что все 10 сносок Даниэля относятся к этим трем томам, отпадает, если мы вспомним, что данные тома все же имели нумерацию, а Даниэль в сносках первой группы указаний на нумерацию нигде не дает. Сноски на I—III тома серии А, очевидно, были бы даны так, как в t. V, p. 441 действительно дана сноска на «том 3 из коллекции Ламуаньона» (где, судя по тексту, в самом деле находились документы конца царствования Франциска I). Остается сделать вывод, что во времена Даниэля в коллекцию Ламуаньона входила еще одна серия, тома которой не были пронумерованы (но, видимо, имели внутреннюю нумерацию документов, поскольку их выдали Даниэлю) и которая затем бесследно исчезла.

Попробуем восстановить по сноскам Даниэля характер этой исчезнувшей серии. Прежде всего, подавляющее большинство ее документов относилось к 1538—1540 гг. Как и в сериях А и В, они были адресованы в основном королю и Монморанси. В отличие от сохранившихся серий пропавшая не имела «итальянской» специализации (в трех сносках упоминаются письма от французского посла в Англии, в одной вообще «подлинные письма от французских послов при различных европейских дворах»; письмам из Италии посвящено лишь пять сносок из десяти). Поскольку и эта серия была связана с именем Монморанси, ее «обрыв» на документах 1540 г. можно объяснить опалой коннетабля в 1541 г., продолжавшейся до самой смерти Франциска I.

А теперь сопоставим все, что известно о характере этих серий. Поразительно то, что характер коллекции Ламуаньона в том виде, как она была известна Даниэлю, абсолютно совпадает с характером документов, опубликованных полувеком ранее Гийомом Рибье (см. выше прим. 2). В самом деле, том I публикации Рибье, посвященный правлению Франциска I, наполнен в основном документами 1537—1540 гг. (к этому времени относятся 274 документа, к 1541—1546 гг. всего 26; документы ранее 1537 г. отсутствуют). Эти документы адресованы королю или Монморанси и не имеют исключительной «итальянской» специализации. Налицо все черты исчезнувшей ламуаньоновской серии. Том II публикации занят документами со строгой «итало-турецкой» специализацией. В основном они также адресованы королю и коннетаблю. И точно так же, как в коллекции Ламуаньона, публикация Рибье не имеет лакуны после Сен-Кантена: письма к Монморанси и здесь сменяются письмами к Гизам.

Обратимся к анализу вопроса о тождестве документов, опубликованных Рибье, и документов коллекции Ламуаньона.

¹² Может быть, помета в виде «W», или, точнее, двух скрещивающихся «V» (см. выше прим. 6), связана именно с работой Даниэля и является запретительной (сокращенное «veto videri» — «запрещаю показывать»)? Ни на одном из томов, использованных Даниэлем, такой пометы нет.

Гийом Рибье прожил долгую и спокойную жизнь крупного провинциального чиновника. Он почти не выезжал из своего родного Блуа, хотя его старший брат уже нашел дорогу в Париж и стал там советником парламента. В отличие от брата, Гийом считал, что лучше быть первым в провинции. Он унаследовал от отца должность судьи по гражданским делам Блуасского бальяжа, женился на дочери главного судьи бальяжа и после смерти тестя получил повышение, заняв его должность и став президентом Блуасского президиального суда¹³. Таким образом он оказался первым судейским чиновником во всем графстве Блуа. Влиятельное знакомство в «высших сферах» пришло к нему как бы само собой, зато было уж самым влиятельным, какого только он мог пожелать. В мае 1617 г. в Блуа была выслана королева-мать Мария Медичи. Вместе с нею прибыл и ее ближайший советник Арман-Жан Ришелье, тогда еще не кардинал, а епископ Люсонский. С ним-то и познакомился Рибье. Став первым министром, Ришелье не забыл о своем блуасском знакомом. Кардинал даже предлагал Рибье ввести его в Королевский совет, но блуасец отказался, не желая, по-видимому, отрывать от своих спокойных ученых занятий. Публикация документов XVI в., увековечившая память Рибье, была делом его жизни. Привилегию на ее издание он получил в июле 1650 г., но так и не успел увидеть свой труд напечатанным. Он умер 21 января 1663 г. в возрасте 85 лет, а книга вышла в свет только в 1666 г.

Мнение о тождестве документов, опубликованных Рибье, с документами коллекции Ламуаньона было впервые высказано французским историком прошлого века Э. Шаррьером — автором известной публикации о французской левантской политике¹⁴. Местонахождение купленной Строгановым коллекции было в то время неизвестно, так что Шаррьер мог сделать такой вывод только из сличения публикации Рибье со сносками в труде Даниэля.

Шаррьер был неряшливым публикатором, и все его утверждения нуждаются в тщательной проверке. Настораживает уже то, что его вывод оказался связан с грубейшей фактической ошибкой. Шаррьер почему-то решил, что ко времени работы Даниэля труд Рибье не был опубликован. Если Даниэль, ничего не зная о публикации Рибье, использовал те же документы, что и он, рассудил далее Шаррьер, значит, оба они имели дело с одной коллекцией, а именно с коллекцией Ламуаньона¹⁵. На самом деле Даниэлю, разумеется, была известна вышедшая полувеком ранее работа Рибье, на которую он один раз и ссылается (t. V, p. 653).

Но действительно ли Даниэль и Рибье использовали те же самые документы? Начнем с тех ссылок Даниэля, которые относятся ко времени царствования Франсиска I. Из десяти ссылок три сделаны в слишком общей форме и не допускают проверки. Из семи оставшихся пять действительно идентифицируются с документами, опубликованными Рибье, — уверенно или с допустимой степенью неточности. Складывается впечатление, что Шаррьер прав...

Придя к этому результату, Шаррьер, видимо, успокоился и не стал проверять ссылки Даниэля, относящиеся ко времени Генриха II. Продолжим, однако, эту работу. Итоги оказываются прямо противоположными. Из 13 поддающихся проверке сносок — ни одного случая идентификации! В книге Рибье просто нет ничего подобного.

Таким образом, говорить о тождестве коллекции Ламуаньона и фонда, находившегося в распоряжении Рибье, можно только применительно к ис-

¹³ Блуасский бальяжный суд был президиальным, т. е. верховным, по отношению к нескольким подчиненным ему судам других бальяжей.

¹⁴ «Négociations de la France dans le Levant», publ. par E. Charrière, tt. I—IV. Paris, 1848—1860.

¹⁵ Ibid., t. I, p. LXI.

чезнувшей серии коллекции. Кстати, разное отношение первой и второй групп ссылок труда Даниэля к публикации Рибье еще раз доказывает, что ссылки первой группы были сделаны не на первые три тома серии А и что исчезнувшая серия действительно существовала.

Перейдем к непосредственному сличению документов нашей коллекции с книгой Рибье. Но прежде всего необходимо пояснить следующее. Если среди наших документов встречаются такие, которые уже были опубликованы Рибье, то это еще не доказывает, что ламуаньоновских бумаг касалась рука блуасского эрудита. Во-первых, письма, особенно из Турции, ввиду ненадежности дороги, часто посылали в двух экземплярах. Во-вторых, если у нас имеется шифрованный документ, но отсутствует сделанная на отдельном листе расшифровка, мы вправе предположить, что к Рибье попала именно эта расшифровка и только она. В-третьих, письмо с шифрованными фрагментами могло быть переписано уже в канцелярии получателя. Если, например, такое письмо после дешифровки следовало послать кому-либо на ознакомление, его переписывали открытым текстом, дабы не рисковать раскрытием тайны шифра. И наконец, тождество единичных документов всегда может быть объяснено тем, что Рибье знакомился с ними по какой-либо копии. Таким образом, решающее слово должно принадлежать не иллюстративному, а статистическому методу.

За период с апреля 1547 по апрель 1548 г. Рибье опубликовал 44 письма, адресованные королю или Монморанси из Италии и Турции. Из них в коллекции Ламуаньона обнаружено только 11. Из этих 11 писем 3 было послано из Турции, в 3 венецианских письмах отсутствует расшифровка, а все оставшиеся имеют обширные шифрованные фрагменты. Но, понятно, еще важнее тот факт, что у нас отсутствуют 3/4 опубликованных Рибье документов. Конечно, публикатор отбирает далеко не все из виденных им писем, — но почему в нашем фонде нет львиной доли того, что он отобрал?

Возьмем еще один период: с мая 1552 г. по апрель 1555 г. включительно. К этому периоду относится почти треть (около 2500) документов нашей коллекции и 93 документа, опубликованных Рибье. И вот оказывается, что из этих 93 писем у нас имеется только 5! При этом 4 тождественных документа (3 из них были отправлены французскими представителями в Турции) не имеют расшифровки, а один является дубликатом письма, посланного из Венеции. Надо еще учесть, что документы 1552—1555 гг. делятся между сериями А и В примерно поровну.

Итак, странное противоречие. С одной стороны, характер нашей коллекции абсолютно идентичен характеру документов Рибье. С другой же, состав обоих фондов (в том, что касается времени Генриха II) не имеет между собой практически ничего общего. Вывод может быть только один. И Рибье, и Ламуаньон располагали документами из одного старинного и очень богатого фонда, но сам этот фонд уже ко времени Рибье был раздроблен на несколько частей. Блуасскому публикатору оказалась доступной одна часть, Ламуаньон приобрел две другие. Что же это за фонд?

В предисловии к публикации Рибье писал о происхождении своих документов: «Это политическое сокровище, бывшее так долго запрятым в различных старинных домах, особенно в графстве Блуа, в котором некогда жили наши короли, их главные министры и секретари»¹⁶. При гипотезе о том, что коллекция Ламуаньона происходит из личного фонда Монморанси, — его замок Шантильи находился далеко от Блуа, — эти слова оставалось трактовать как дезинформацию читателя. Но эта гипотеза сталкивается с непреодолимой трудностью — невозможностью объяснить отсутствие лакуны после битвы при Сен-Кантене. Рискнем поверить Рибье.

Его воспоминание о живших в графстве Блуа французских политических деятелях звучит как намек. Учитывая большую однородность публикации Рибье, следует полагать, что он имел в виду какого-то одного поли-

¹⁶ «Lettres et mémoires d'Etat...», t. I, p. 5.

тического деятеля, которого он не захотел назвать. Кто же был этот человек?

Это — «знакомый незнакомец» для всех, соприкасавшихся с коллекцией Ламуаньона (потому что оригиналы писем, адресованных ему, встречаются, хоть и в небольшом количестве, практически во всех ее томах), человек, действительно владевший замком совсем рядом с Блуа, — и сколько раз Рибье вспоминал о нем, проходя мимо его могилы в блюасском соборе! Это — генеральный сборщик Санского бальяжа, протеже и непосредственный подчиненный Монморанси, один из четырех государственных секретарей «поручений и финансов» Жан Дютье, сьер де Борегар.

* * *

Карьера Жана Дютье (Duthier) напоминает иллюстрацию к поучениям старых каллиграфов, которые советовали своим воспитанникам учиться красиво писать для того, чтобы затем поступить личным секретарем к какому-нибудь вельможе. Правда, для успеха на этом поприще ему надо было все же родиться сыном генерального сборщика Санского бальяжа. С 1526 г. он работал клерком в бюро Вилландри — одного из государственных секретарей «поручений и финансов», через 10 лет, 18 мая 1536 г., стал членом корпорации королевских секретарей. В 1538 г. он уже исполняет некую миссию в Авиньоне в качестве личного секретаря самого коннетабля Монморанси¹⁷.

Итак, дата, которой открывается публикация Рибье (1537 г.), объясняется малозначительным, не фиксированным ни в каких хронологиях французской истории событием — поступлением Дютье на службу к Монморанси. Резкий обрыв этой публикации на документах 1540 г. может быть объясним опалой коннетабля в 1541 г., когда его секретарь Дютье перестал получать письма государственного значения.

Около 1545 г. Дютье стал сенбором расположенного в нескольких милях к югу от Блуа поместья Борегар, где он — человек гуманистически образованный, поэт и меценат — построил замок в прекрасном ренессансном стиле, сохранившийся и до нашего времени.

Первый день царствования Генриха II — 1 апреля 1547 г. — стал днем прихода к власти не только Монморанси, но и Дютье. В этот день последний был назначен одним из четырех государственных секретарей «поручений и финансов»¹⁸. В это время во Франции еще не было сформированных позднее министерств иностранных дел, военного, морского и т. п. Распределение обязанностей между секретарями «поручений и финансов» строилось по чисто географическому принципу. Каждый из них ведал перепиской с несколькими иностранными государствами и некоторыми французскими провинциями. Согласно регламенту от того же 1 апреля 1547 г. Дютье была доверена переписка с Италией (Рим, Венеция, Пьемонт), Левантом, а из французских провинций — с расположенными в том же юго-восточном направлении Лионом и Дофине. Это распределение обязанностей не пересматривалось во все время пребывания Дютье на должности.

Так естественно объясняется специализация коллекции Ламуаньона.

¹⁷ Эти биографические сведения даны по ныне издающемуся многотомному «Dictionnaire de biographie française». Ранее имела хождение другая дата вступления Дютье в корпорацию королевских секретарей — 1542 г., восходящая к писателю XVII в. Фовле до Току, автору далеко не всегда точному (*Fauvellet du Toc. Histoire des secrétaires d'Etat...* Paris, 1668, p. 93).

¹⁸ О французских государственных секретарях см.: В. Н. Малов. Французские государственные секретари в XVI—XVII вв. (К вопросу о значении данных палеографии для административной истории). — «Средние века», вып. 29, стр. 267—275. М., 1966, и указанную там литературу, а также: N. M. Sutherland. The French secretaries of state under the age of Catherine de Medicis. London, 1962; H. Michaud. La grande chancellerie et les écritures royales au seizième siècle (1515—1589). Paris, 1967, pp. 127—163.

У нас нет писем, поступавших к Монморанси из Германии, Англии и других стран, просто потому, что они передавались им в канцелярии других секретарей, коллег Дютье по должности.

Все секретари «поручений и финансов» были непосредственно подчинены коннетаблю, занявшему положение первого министра. Когда Монморанси был взят в плен, Дютье остался на своем посту, перейдя, как и его коллеги, впредь до возвращения коннетабля в непосредственное подчинение к Гизам.

Наконец, посмотрим, когда именно обрывается массовая документация коллекции Ламуаньона.

30 июня 1559 г. Генрих II был смертельно ранен на рыцарском турнире. Проболев десять дней, 10 июля король скончался. Новый король Франциск II находился всецело под влиянием Гизов — родных дядей молодой королевы Марии Стюарт. Уже 18 июля Монморанси получил почетную отставку. Конечно, французские дипломаты и военные на местах не стали ждать официального извещения об этом событии, чтобы засвидетельствовать свое почтение новым владыкам. Было ясно, в чью сторону дует ветер, и уже с середины июля 1559 г. письма, адресованные к Монморанси, сменяются в коллекции Ламуаньона письмами к Гизам.

В хронологическом отношении наши документы распределяются следующим образом (первые цифры обозначают реальное число сохранившихся документов коллекции, цифры в скобках — вероятное число документов, имевшихся в ней ранее, с учетом изъятий из тома 66 — см. выше прим. 5).

Июль 1559 г.	56 (57)	Ноябрь 1559 г.	22 (23)
Август »	82 (88)	Декабрь »	16 (17)
Сентябрь »	62 (69)	Январь 1560 г.	3
Октябрь »	27		

Далее документация обрывается. Из этих цифр видно, что смена Монморанси Гизами не привела ни к какому сужению нашего фонда. Его резкое сокращение отмечается только с октября 1559 г., и после этого фонд медленно «угасает» в течение еще четырех месяцев. В публикации Рибье также дано несколько документов за последние три месяца 1559 г. и один за январь 1560 г.

Сентябрем 1559 г., без указания числа, Фовле дю Ток датировал смерть Жака Дютье. Но эта традиционная, постоянно повторяемая дата является ошибочной. На самом деле, как видно из письма другого государственного секретаря Клода де Лобепина к Монморанси от 19 марта 1560 г., Дютье скончался около 10 марта 1560 г. в своем доме в Блуа¹⁹.

Смерть Дютье не была скоростижной. Он тяжело заболел в январе 1560 г. Временно заменявший его де Лобепин в упомянутом письме жалуется, что ему приходится нести это бремя «вот уже два месяца». С другой стороны, известно несколько визированных Дютье грамот за январь 1560 г.²⁰ Именно в это время обрываются коллекция Ламуаньона и публикация Рибье.

Резкое сокращение фонда после сентября 1559 г., видимо, следует объяснить тем, что более поздние документы в основном хранились еще не в Борегаре, а в текущих делах государственного секретаря и были унаследованы его преемником, которому они были нужны для ориентировки²¹.

¹⁹ N.-M. Sutherland. Op. cit., p. 103.

²⁰ P.-M. Bondonis. Les secrétaires d'Etat sous François II.— «Revue Henri IV». Paris, 1909, p. 50. Забавно, что Бондуа, отметивший эти акты в ином контексте, все-таки повторил версию о смерти Дютье в сентябре 1559 г. Так велика бывает сила традиции!

²¹ Сам Дютье при вступлении на должность также унаследовал документы последних месяцев царствования Франциска I. Об этом нельзя судить по коллекции Ламуаньона (вспомним, что Строганов не купил ее первые тома), но у Рибье опубликовано 39 документов за январь — март 1547 г.

У Дютье не осталось законнорожденных детей. Его единственный признанный побочный сын получил, видимо, родовое имя с фамильным гербом и замок Борегар²². Основная часть имущества отошла к детям сестры покойного. Должность члена корпорации королевских секретарей унаследовал внучатый племянник. Но должность государственного секретаря ушла в чужие руки. На это место по рекомендации герцога Гиза 14 марта 1560 г. был назначен молодой человек из старой секретарской династии Флоримон Роберте, барон д'Аллюи. Богатый ведомственный фонд Дютье остался в замке Борегар, пребывая в безвестности, а затем начал дробиться, расходясь по рукам коллекционеров. Сам Борегар во времена Рибье уже не принадлежал потомкам государственного секретаря, им владела семья Ардые (из высшего парижского чиновничества), глава которой купил замок в 1617 г.

Кое-что для выяснения судьбы фонда Дютье дает анализ тех единичных документов коллекции Ламуаньона, которые относятся ко времени более позднему, чем январь 1560 г. Таких документов всего 17, самые поздние датированы 1622 г., и все они входят в тома серии А. Из них выделим три документа частного характера, получателей которых можно было бы в принципе считать владельцами этой серии.

1) Т. 6, лл. 254—259. Контракт об условиях сбора денег между духовенством Лиможского диоцеза и Мишелем Барбом, уполномоченным сборщика десяти и нерегулярных доходов данного диоцеза Робера Мирона. Лимож, 14 февраля 1562 г. Документ представлен копией, снятой для Р. Мирона в Орлеанском превостве 1 марта 1562 г. Очевидно, Орлеан был тогда местом, где жил Мирон, в Лиможе он исполнял свою должность через уполномоченного.

2) Т. 6, лл. 245—246. Грамота герцога Анжуйского об утверждении акта отказа Симона Тетю от должности генерального сборщика королевских финансов в Турском генеральстве в пользу его сына Франсуа Тетю. Камбре, 2 октября 1583 г. Копия конца XVI в. Вероятнее всего, она хранилась в семействе Тетю; как мы уже видели на примере предыдущего документа, они могли и не жить в Турском генеральстве.

3) Т. 2, лл. 220—221. Копии, снятые одним почерком с четырех документов, датированных 15 февраля 1620 г. Это письма короля Людовика XIII в Рим к папе Павлу V, кардиналу Дезюрсену и французскому послу маркизу де Кевру, а также регистрационная запись государственного секретаря Брюлара об отправке всех этих документов. Письма посвящены вопросу об утверждении акта отказа Жана Бедалу от должности приора монастыря св. Лазаря (орден августинцев), расположенного *близ Блуа*, в пользу Гийома Бурсье, регулярного каноника того же приората. Копии одним почерком со всех четырех документов могли быть сняты только для человека, непосредственно заинтересованного в их содержании — для Бедалу или Бурсье.

Осторожность требует отказаться от построения каких-либо гипотез на основании первых двух документов, поскольку они стоят совершенно особняком и в тематическом, и в хронологическом отношении. Иначе обстоит дело с третьим документом. Приор монастыря вполне мог заинтересоваться копией 1610—1620-х годов с королевского регламента о правилах выдачи государственными секретарями грамот на получение церковных бенефициев (т. 6, лл. 288—289) или копией с буллы Григория XV от 7 февраля 1622 г. об отношениях между черным и белым духовенством (т. 6, лл. 237—238). А кроме того, у нас еще есть около десятка копий с документов 1590—1620-х годов, объединенных тематикой подборки. Их собиратель интересовался в особенности проблемой гугенотов. (Имеются копии с увещевания Генриху IV перейти в католическую веру, с письма ему же от гугенотов в связи с его обращением в 1593 г.; с письма еписко-

²² Fauvelet du Toc. Op. cit., p. 95; Ph. Lannion. Châteaux de la Loire. Paris, 1962, p. 31.

па Эвре Дюперрона Генриху IV от 28 марта 1600 г. о согласии епископа на знаменитый диспут с духовным вождем гугенотов Дюплесси-Морне; с двух писем самого Дюплесси-Морне — герцогу Монбазону от 23 октября 1620 г. и Людовику XIII от 26 февраля 1622 г. — и т. п.).

Итак, самый надежный из выделенных нами трех документов как будто указывает, что серия А хранилась в Блуа или его окрестностях еще в начале 1620-х годов. Это, конечно, лишний раз подтверждает ее происхождение из фонда Дютье.

* * *

Нельзя ли установить, каким образом часть блуасского фонда попала в руки президента парижского парламента? На помощь приходит счастливый случай.

Во входящем в серию В т. 37 (лл. 54, 55) хранятся два письма от Монморанси и кардинала Лотарингского, датированные 23 и 24 сентября 1554 г. и адресованные одному лицу, некоему Мишелю Рибье, армейскому казначею на Корсике. Оба документа являются оригиналами, скреплены подписями коннетабля и кардинала. Как они вошли в коллекцию? Если бы письма были посланы из Италии или Корсики, можно было бы предположить, что получатель переслал их для ознакомления в канцелярию Дютье, — но документы отправлены из центра.

Этот Мишель Рибье был дедом знаменитого публикатора...

Племянник Гийома Рибье, выпустивший в свет его публикацию, приложил к ней биографию своего покойного дяди, где он упоминает, в частности, и о его деде Мишеле, отмечая, что и король и Монморанси были весьма довольны его казначейской службой и писали ему «очень хорошие письма»²³. Как раз такой характер имеют наши документы! Коннетабль благодарит казначея за исключительную ясность и точность присылаемых им отчетов, просит и впредь служить так же аккуратно. Сходные похвалы содержит и письмо кардинала. Такие документы обычно превращаются в семейные реликвии.

Но если Гийом Ламуаньон приобрел документы из семейного архива Рибье, тем самым доказано, что он производил какие-то поиски в графстве Блуа.

Конечно, трудно представить себе, чтобы сам Гийом Рибье неведомо для чего продал своему именованному парижскому тезке семейные реликвии, с которыми у него, должно быть, были связаны еще детские воспоминания и которые имели для него гораздо большую ценность, чем для покупателя. Иное дело — после его смерти. Похоже на то, что после публикатора не осталось прямых наследников, продолжателей рода Рибье. Его племянник, опубликовавший труд дяди, носил другую фамилию. Еще до выхода в свет книги главный душеприказчик покойного сьер Демулен уступил привилегию на ее печатание блуасскому книготорговцу, а тот, в свою очередь, успел переуступить ее двум парижским коллегам. Вполне допустимо предположить, что вышеназванный Демулен мало дорожил семейными реликвиями Рибье.

Однако правдоподобно ли, что Ламуаньон обращался к наследникам Рибье специально для того, чтобы приобрести два малоинтересных письма к такому скромному персонажу, каким был армейский казначей на Корсике? Не надеялся ли он на нечто большее?

Гийом Рибье прекрасно понимал значение документа как исторического источника. Он сам писал о всеобщем интересе к публикациям документов: «Никогда еще в мире так не интересовались подобными работами, как в наше время»²⁴. Было бы очень странно, если бы он, при своем

²³ «Lettres et mémoires d'Etat...», t. I, p. 2.

²⁴ Ibid., p. 5.

огромном влиянии в графстве Блуа, не смог сам собрать коллекцию из хранившихся в этом графстве бумаг бывшего фонда Дютье, которая и послужила основой для его работы.

Рискнем предложить свою реконструкцию событий. Конечно, она будет гипотетической, не имеющей целью утверждать, что все было именно так. Известие о смерти Гийома Рибье 21 января 1663 г. вызвало понятное оживление среди коллекционеров, и Ламуаньон послал в Блуа своего агента. Тому, видимо, удалось приобрести лишь ту часть коллекции Рибье, которая относилась к правлению Франциска I и вошла в состав ныне исчезнувшей ламуаньоновской серии. Но документы времени Генриха II ушли в другие руки. Агент Ламуаньона купил также два относившихся к этому периоду письма из семейного архива самого Рибье. Может быть, эта поездка дала толчок к поискам других частей фонда Дютье, в результате которых Ламуаньон оказался обладателем серии В, куда и были подложены в хронологическом порядке письма к Мишелю Рибье. В самом деле, поскольку ламуаньоновский переплет серии В не мог быть изготовлен ранее сентября 1665 г., вероятнее предположить, что эта серия была приобретена после смерти Рибье, чем до нее. Вопрос о времени приобретения серии А остается открытым.

Та часть фонда Дютье, которая хранилась у Рибье, бесследно исчезла. Правда, Озе считал, что большая часть опубликованных блуасцем документов находится в музее Конде в Шантильи²⁵, но хранитель музея Р. Казель в письме к автору этих строк от 12 июня 1974 г. отвергает это предположение. Отметим также, что современный публикатор писем кардинала Турнона М. Франсуа все время сопровождал свои перепечатки из Рибье ремаркой: «Оригинал не найден»²⁶.

Видимо, еще одна часть фонда Дютье, прошедшая мимо внимания как Рибье, так и Ламуаньона, спустя некоторое время была приобретена Роже Геньером и ныне хранится в составе фонда Геньера в Парижской национальной библиотеке. Судя по ее каталогу и сноскам в научных трудах, идентичными с нашей коллекцией по характеру документации являются ms fr. 20441—20456 и ряд других томов геньеровского фонда.

* * *

Вывод о том, что в основе коллекции Ламуаньона лежит не личный фонд коннетабля Монморанси, а ведомственный фонд государственного секретаря «поручений и финансов» Жана Дютье, представляет определенный интерес для административной истории Франции. Этим подчеркивается все реальное значение должности государственных секретарей при Генрихе II.

Коннетабль передавал адресованные к нему письма государственного значения в канцелярии Дютье и его коллег. Так же поступали сменившие его в 1557—1558 г. Гизы (которые, впрочем, и до Сен-Кантена передавали Дютье некоторые письма, получаемые ими из Италии)²⁷. Именно в канцеляриях государственных секретарей, а не в руках личных секретарей вельмож (пусть даже таких крупных, как Монморанси) сосредоточива-

²⁵ H. Hauser. Les sources de l'histoire de France. XVI siècle, t. II. Paris, 1909, p. 51.

²⁶ «Correspondance du cardinal François de Tournon (1521—1562)», publ. par M. François. Paris, 1946.

²⁷ Напомним слова Ронсара из его послания к Дютье, где он писал, что вельможи, конечно, распечатывают адресованные им депеши, но если они желают отправить ответ, то отдают эти письма в бюро государственного секретаря:

«S'il arrive un paquet d'Itale ou plus avant,
Soit de Corse, ou de Grèce, ou du bout du Levant,
Ils le déplieront bien, mais il le faudra mettre
En ton étude après pour repondre à la lettre».

(P. Ronsard. Poésies choisies. Paris, 1963, p. 382).

лась многотрудная работа по ведению текущей административной и внешнеполитической корреспонденции. Видимо, иначе обстояли дела при Франциске I, когда аналогичные по характеру письма могли скапливаться в руках того же Дютье, бывшего в то время всего лишь личным секретарем коннетабля.

То обстоятельство, что Дютье в качестве государственного секретаря вел еще небольшую личную переписку, что он писал в основном за других, объясняет, почему мысль о первоначальной принадлежности к его фонду документов нашей коллекции могла придти далеко не сразу. Недаром Ронсар, обращаясь к Дютье, писал: «Большие вельможи на войне или в мире, благодаря своему влиянию, кажутся несущими на своих широких плечах груз дел Франции,— но в действительности ты несешь это бремя»²⁸.

«Ainsi les grands Seigneurs, soit en guerre ou en paix,
En crédit élevés, semblent porter le faix
Des affaires de France avec l'épaule large,
Et toutefois c'est toi qui en portes la charge».

Этими строками великого французского поэта, словно резюмирующими содержание нашей статьи, мы ее и закончим.

²⁸ P. Ronsard. Op. cit., p. 382.

Б. Г. Литвак

ПОМЕЩИЧЬИ ИНСТРУКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОТЧИННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Вотчинные инструкции не относятся к числу забытых источников. В последние десятилетия они весьма интенсивно публиковались и изучались¹. Однако угол зрения исследований был направлен на выяснение возможностей этого документа в качестве источника по хозяйственной истории, организации управления вотчиной, агрикультуре и подобным вопросам, изучение которых обеспечивается и другими источниками. Инструкции сами по себе как явление культуры, закономерность их появления, расцвета и упадка, их значение в качестве наиболее адекватного источника для изучения развития вотчинного делопроизводства не вызвали столь пристального интереса. Но то обстоятельство, что инструкции введены в активный научный оборот, настоятельно требует и изучения названных вопросов.

Настоящая статья представляет собой попытку наметить возможные варианты такого изучения.

* * *

Инструкция как «конституционный» документ для жизни вотчины родилась в период абсолютизма; это был своеобразный миниатюрный «регламент». Этапными для эволюции этого документа являются 20-е и начало 70-х годов XVIII в.

В свое время С. И. Волков правильно заметил, что «известные нам памяти и указы XVII в. ...не содержат точной регламентации жизни крестьян, они малы по размеру, заключают много общих положений, часто ссылаются на обычай. Инструкции XVIII в. — последовательные документы, регламентирующие жизнь вотчины во всех мелочах и подробностях»². Новая форма инструкций, вводящая обязательные нормы во всех сферах жизни вотчины, родилась одновременно с петровским «Регламентом» или

¹ См. например, публикации С. И. Волкова («Исторический архив», т. VI. М.—Л., 1951), А. И. Андреева, И. Ф. Петровской («Исторический архив», т. VIII. М., 1953) и др. Наиболее подробный обзор инструкций XVIII в. см.: *Н. Л. Рубинштейн*. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 132—144. Позднее вышли работы: *И. Ф. Петровская*. Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII — первой половины XIX в. — «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958; *Л. И. Кондрашова*. Малоизвестные помещичьи указы управителям XVIII века. — «Труды МГИАИ», т. 10. М., 1957; *Н. И. Бураковская*. Вотчинные инструкции XVIII в. как источник по истории крепостного хозяйства (характеристика инструкций Голицына 1767 г.). — Там же, т. 16. М., 1961. Мы не указываем обширную литературу, где так или иначе используются инструкции в качестве источника, ограничиваясь библиографической справкой о тех работах, которые рассматривают инструкции в чисто источниковедчески-археографическом аспекте.

² *С. И. Волков*. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г. — «Исторический архив», т. VI, 1951, стр. 156—157. А. А. Новосельский писал о разработанности формуляра инструкций XVIII в. в отличие от наказов XVII в. (*А. А. Новосельский*. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929, стр. 5).

под его влиянием. Это обстоятельство почему-то не было подчеркнуто исследователями и публикаторами инструкций первой четверти XVIII в.³ Между тем из всех опубликованных нормативных документов, датируемых до 1720 г., ни один не называет себя инструкцией, причем все они отличаются от инструкций после 1720 г. Материал этих публикаций позволяет подтвердить наше наблюдение, особенно справедливое по отношению к устанавливаемым ими нормам делопроизводства.

Чрезвычайно интересен и своеобразен документ, опубликованный А. И. Андреевым. Этот документ сам себя определяет как «Статьи наказные думного Андрея Андреевича Винюсова подмосковные ево вотчин прикащикам и старостам»⁴. Оригинальность документа состоит в том, что, по утверждению публикатора, «до сих пор подобного типа инструкции с распределением работ по месяцам не были известны»⁵. Скорее всего такой авторитетный архивист и археограф, каким был А. И. Андреев, только для краткости назвал этот документ в своем предисловии к публикации позднейшим термином «инструкция», так как форма его явно отличается от последующих документов подобного типа. Расчленив цикл сельскохозяйственных работ по месяцам года, А. А. Виниус, конечно, обеспечивал себе более жесткие и надежные средства контроля и издавала более эффективно «подгонял» приказчиков и старост своей подмосковной вотчины в их повседневном руководстве барщинной работой крестьян. Но нас в этом наказе в первую очередь интересует новое в постановке делопроизводства и учета. Ведь известно, что даже в общегосударственном управлении русское законодательство вплоть до Новоторгового устава 1667 г. не содержит указаний о ведении учета⁶. В записи работ на январь А. А. Виниус требует заводить «правые и неложные приходные и расходные книги... и в тех книгах писать несмятно, одно дело за другим, не мешать. Потом с генваря месяца нового тогда писать книги новые, и в те хлеб вписать, остаток хлебу и скоту, что и с прошлаго в новый год в остатке явится»⁷. В мае, во время сева, требовалось «писать в книгу правду, сколько посеено будет»⁸. В июне, во время сенокоса: «И стоги огораживать и имянно у себя число записывать, в котором месте и где сколько копен стало и в скольких стогах или скирдах сметали»⁹.

«У себя» означает, очевидно, «оперативный учет» для памяти. Мы видим, что постановка учета еще весьма примитивна, но он уже существует как осознанная необходимость.

Группу документов, подобных наказу Винюсова, опубликовала И. Ф. Петровская¹⁰. Все они относятся ко времени 1703—1719 гг. и называют себя памятью и наказами. Отметим, что из Приказа Большого двора 14 мая 1703 г. вышла еще память приказчику дворцового села Вожажникова в то время, как 23 мая 1731 г. такого уже быть не могло. Документ, опубликованный С. И. Волковым, называл себя «Инструкция дворцовых волостей управителям, по которой они должны поступать»¹¹. 11 ноября

³ Л. И. Кондрашова, сравнивая указы XVII и XVIII вв., особо подчеркивает, что владлец XVII в. был ближе к вотчине, не обременен государственной службой, чего нельзя сказать о XVIII в., а это и накладывало отпечаток на изучаемый документ (см. указ. статья, стр. 222—223). Но ведь боярин Б. И. Морозов тоже был на государственной службе, однако в его архиве не обнаружено наказов, подобных созданным в начале XVIII в.

⁴ А. И. Андреев. Наказ вотчинным крестьянам 1709 г. — «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 270. Цитированное место из документа свидетельствует о неточности публикатора в определении адресата наказа.

⁵ Там же, стр. 269.

⁶ К. Г. Мигяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959, стр. 40.

⁷ «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 270.

⁸ Там же, стр. 273.

⁹ Там же, стр. 274.

¹⁰ И. Ф. Петровская. Наказы вотчинным прикащикам первой четверти XVIII в. — «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 221—268.

¹¹ «Исторический архив», т. VI, 1951, стр. 161.

1725 г. Николай Григорьевич Строганов также давал инструкцию своим приказчикам. Ее опубликовал Н. В. Устюгов¹².

Таким образом, 20-е годы XVIII в. выступают своеобразным водоразделом в самом наименовании названных нормативных документов. Но дело, конечно, не только в самом наименовании. Мы отмечали примитивность делопроизводства в барщинной вотчине по наказу А. А. Виниуса 1709 г. Вот как выглядит делопроизводство в оброчной вотчине по наказу Б. П. Шереметева надзирателям с. Вошажникова (бывшего дворцового селения) от 1712 г. Вотчинник требует, чтобы раскладка повинностей была «с мирского приговору», т. е. не нарушает установившегося обычая: «А чтоб о тех зборах были мирские приговоры за руками... и для записки приговоров и розводов и приему и расходу денег ныне посланы от ларца закрепленные десять тетрадей, и те приговоры и розводы записывать в те тетради имянно». Далее в наказе говорится: «...и прием денгам у зборщиков записывать в закрепленные тетради одному подъячому и писать именно каких зборов денги будут приняты и давать зборщикам в приеме денег за надзирательскою и старостиною руками отписи. Также и неокладных доходов всякие зборы записывать в те ж закрепленные тетради именно. А сколько в котором числе денег, в какие государевы платежи и в оброк, и что куда будет дано на мирские расходы, и то записывать все именно в те закрепленные тетради и под приходом и расходом подписывать валовые перечни помесечно»¹³. Эти помесечные итоги в виде ведомостей и посылались «к ларцу», т. е., очевидно, в главную контору. Важно заметить, что записи в «тетради» должны были производиться «в приказной избе других сел при старостах». В конце года приказчик привозил «тетради» для отчета.

Этот наказ, конечно, менее интересен для изучения внутренней жизни вотчины, чем наказ Виниуса, но для наших целей он представляет определенный интерес. Он собственно весь обращен в сторону учета помещичьей «прибыли», проглядывается желание установить систему контроля, «тетради» — зародыш приходо-расходных книг, которые хотя и бесконечно далеки от устойчивых форм налаженного бухгалтерского учета, но уже содержат определенные элементы простого счетоводства. Наказ Д. А. Шепелева от 18 мая 1718 г. приказчику сельца Глинки Михайловского уезда Ивану Балашеву свидетельствует о дальнейшем развитии практики учета по сравнению с наказом Виниуса (сравнение возможно, так как обе вотчины находились на барщине). В отличие от заводимых ежегодно книг у Виниуса в 1709 г., Шепелев в 1718 г. уже, очевидно, имел в виду постоянные книги, ибо писал в наказе: «Да сколько какова (хлеба) и в *каком году* (курсив мой. — Б. Л.) в посеве будет, записывать в книги имянно и помесечно и по числам. А как сев ойдет, прислать посевному всякому хлебу подлинной список»¹⁴. Затем Шепелев точно определяет форму ужиной книги (перечисляя культуры, единицы измерения, порядок записей «помесечно и по числам»), подробно объясняет порядок «исчисления и молоту» и записи в «опытных книгах». У него появляются «окладные книги», которых нет у Виниуса. Шепелев устанавливал ежегодный ответ приказчика, который «со всякими зборными денгами, также с приходными и расходными книгами и со всякими подлинными ведомостями» приезжал «в Санкпите-бурх... или куда повелено будет ехать по указу»¹⁵.

Еще более разработаны правила делопроизводства и отчетности в наказе от 1 января 1719 г. А. М. Черкасского приказчику села Маркова Московского уезда. Примечательна уже сама форма наказа, которая почти не отличается от последующих инструкций. Она состоит из 10 глав, которые в свою очередь разбиты на 118 статей. В начале наказа помещен

¹² «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 150—183.

¹³ Там же, т. VIII, 1953, стр. 229—230.

¹⁴ Там же, стр. 233.

¹⁵ Там же, стр. 240.

«указ главам, которые обретаются в книге сей», т. е. предусмотрена необходимость частого обращения к наказу, и поэтому она снабжена, так сказать, «справочным аппаратом» для быстрого нахождения нужной статьи. Автор смотрел, таким образом, на свое творение как на важный нормативный акт. Знаменательна и последовательность в названии глав и статей, особенно, если вспомнить, что и «Регламент» Петра I также делился на главы с названиями и статьи.

Перед нами, безусловно, переходная форма: это уже далеко не наказ первых лет XVIII в., который не отличался от XVII в., а инструкция, но документ сам себя еще так не называет — ведь понятие «инструкции» как распорядительного акта вошло в канцелярский язык вместе с «Регламентом». Сказанное вовсе не означает, что после 20-х годов XVIII в. из вотчинного канцелярского обихода исчез термин наказ — ведь и после инструкции А. П. Вольнского 1724 г. были награжденные Вольным экономическим обществом образцовые наказания П. И. Рычкова и А. Т. Болотова (1770 г.), но инструкция как название нормативного документа получила широкое распространение. Интерес к формальным признакам документов, нормирующих жизнь крепостного крестьянства, вызван тем очевидным обстоятельством, что создание «регулярного» государственного аппарата абсолютистского государства, ликвидация средневековых форм делопроизводства, присущих Московскому государству, и введение «просвещенного» делопроизводства не могли не усиливать регламентирующие тенденции в управлении вотчинами, что хотя и сокращало простор для чисто азиатских форм подавления крестьянства, усиливало и утончало способы феодальной эксплуатации крестьян. Чем обширнее и подробнее был распорядительно-нормативный документ, тем он более настойчиво вмешивался во внутреннюю жизнь вотчины, сокращая «беззакония» приказчика, но увеличивая абсолютную власть «законного» владельца. Это диалектическое противоречие находит свое отражение в смене форм нормативной документации.

Подробность наказа А. М. Черкасского — прекрасное тому свидетельство. Снова обратимся к нормам делопроизводства этого наказа.

В первой главе «О росписке новому прикащику с прежним», т. е. о приеме — сдаче дел, есть весьма примечательная статья — четвертая. Она требует «описать и пересмотреть» во всем владении крестьянские дворы, вытны тягла с указанием земли по угодьям на каждую выть. В дворах «описать» мужские и женские души «поимянно, со отцы и прозвисти, в лета, и что под которым крестьянином вытного тягла и посколку чего платить в годовой оклад» с указанием, откуда перевезен или перешел, требовалось подробно описать все движение населения¹⁶. Возможно, что такая подробная статья (она по объему выделяется из всех остальных 7 статей) появилась в преддверии первой переписи населения, сенатский указ о которой вышел 22 января 1719 г.¹⁷ Если же предполагать, что наказ Черкасского от 1 января 1719 г. еще не мог быть написан под влиянием подготовки к переписи (хотя указ о переходе на подушные переписи был издан 26 ноября 1718 г.), то названная статья еще более примечательна, ибо в ней проглядывается формуляр будущих подворных описей. Передача хозяйства одним приказчиком другому должна завершиться следующим актом: «...учина всем росписные книги с подлинною очискою поштатейно, з бывшим приказчиком заруча прислать к Москве, а не оконча оных книг, бывшего приказчика не отпускать. А списки с росписных книг оставить в том селе все за скрепы»¹⁸.

Центральное место в инструкции занимает третья глава «О смотреии над крестьяны». Автор придавал ей особое значение и не скупился на инструктаж, который изложен в 32 статьях. Они заслуживают специаль-

¹⁶ Там же, стр. 246—247.

¹⁷ ПСЗ, I, т. V, № 3287.

¹⁸ «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 247.

ного рассмотрения, ограничимся только указанием на те статьи, которые касаются постановки учета и делопроизводства. Помещик стремился использовать крестьянский мир в борьбе с воровством приказчиков¹⁹. В четвертой главе «О суде» требовалось записывать крестьянские челобитные «в книгу для sprawy», вместе с тем указывалось, что если решение по ним возможно «без указа», то не затевать никакой переписки с помещиком (ст. 2). Требовалось фиксировать наказания крестьян. «И за малые вины болшим наказанием не отягчать, а за большие вины для взятков не споравливать, делать праведно», — требует помещик от приказчика. Помещик предупреждает, чтобы «в заключении и оковах долгое время крестьян не держать, также кнутом и палками ни за какие вины не бить»²⁰. Эта статья, конечно, не свидетельствует о каком-либо гуманистическом порыве ее автора, речь идет о трезвом, рачительном отношении к «крещеной собственности», так как этот вид наказания более чреват опасным исходом для здоровья наказуемого, чем наказание розгами или дополнительной работой.

Статья 9 главы пятой «О зборе податей» требует, чтобы приказчик в начале года rozdal старостам «закрепленные по местам» самим приказчиком две книги — приходную и расходную, куда те обязаны записывать приход и расход, «а особливых на лоскутках записок для вписания после в книги отнюдь бы не было». По этим книгам старосты читывались перед приказчиком (ст. 10), в конце года нужно было «книги приходные и расходные все всяких зборов и доходов... при выборных на сходах прочесть, и буде в чем учинится спор, освидетельствовать», а затем в феврале будущего года отправить эти книги в Москву «со всеми старостами и выборными»²¹. Здесь вновь проявляется желание помещика использовать «мир» в качестве контролера за действиями приказчика, так как оперативную проверку он мог проводить и без «мира», получая «месячные табели приходные и расходные всяких поборов и вещей», которые приказчик обязан был посылать в Москву (ст. 4 восьмой главы). В инструкции предписывается иметь книги «опытные и сенокосные» с описанием примерного их формуляра, «и те книги, связав в одну книгу, иметь приказному за своею рукою» (ст. 8 девятой главы), то же сказано об «умолотных» книгах. Характерно, что они должны были фиксировать «также и сколько ухободья и мякины и колосу четвертей порознь», учитывать, «сколько овинов ржаной и сколько овинов яровой всякой вместе, а яшной особо сколько овинов» соломы (ст. 9). Вводились приходо-расходные книги по хлебу, сену и другим кормам, в которых обязательно указывался остаток прошлого года, новый урожай и расход (куда, по чьему «указу» и на что). Расход на корм фиксировался раздельно по лошадям, молочному скоту, птице и т. д. (ст. 10). Мы видим, что одних книг было около десятка и их аккуратному ведению без «черных записок» и «лоскутков» уделялось особое внимание.

В инструкции есть и правила, дающие возможность проследить истоки самой обширной группы документации в вотчинных архивах — переписки. В восьмой главе статья 8 гласит: «Присланные государя нашего указы все записывать в книги именно и всем быть за рукою приказному... и по

¹⁹ «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 250.

²⁰ Там же, стр. 255. Публикатор счел необходимым заметить, что этот пункт наказа, «видимо, не был так обязателен, как другие» и сослался при этом на случай, имевший место в 1734 г., когда крестьяне за утайку муки, отвезенной в Москву, были наказаны на сходе батогами «бес пощады» (стр. 268). Но приведенный пример как раз и говорит против предположения публикатора, так как он зафиксирован как чрезвычайный. Укажем далее, что инструкция 1764 г. Шереметева, унаследовавшая основные положения этой инструкции, смягчает запрет, заменяя фразу «также кнутом и палками ни за какие вины не бить» фразой: «И у своих рук крестьян ничем не бить» (*К. Н. Щеглов*. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М., 1947, Приложение, стр. 276, п. 42).

²¹ Там же, стр. 263.

тем государя нашего указом отправлять без умедления с радением неоплошно, и по ним ответствовать немедленно». А в статье 9 сказано: «Отписки присылать к Москве, подписывая приказному своею рукою год, месяц и число, назнача нумер. А буде не подписана будет которая отписка с нумером приказною рукою, то взято будет за каждую отписку на нем, приказном, штрафа по полтине»²². В этих статьях легко заметить, что вотчинник, придавая большое, основополагающее значение инструкции, не склонен ограничиваться ею, как это было видно в позиции А. А. Винуса, а предусматривает систему частных распоряжений по конкретному поводу.

Здесь заложена возможность еще большей регламентации, чем предусматривается инструкцией, как общей директивной. А с точки зрения динамики смены разновидностей документов в вотчинном делопроизводстве налицо возможность постепенного снижения значения общей инструкции и возрастания роли частного, но зато повседневно распорядительного документа. Так, нормативный установочный документ, вполне достаточный в условиях натурально-потребительского вотчинного хозяйства, теряет свои качества в хозяйстве, развивающемся в сторону товарного, динамизм которого требовал более гибкой нормативной системы. С этой точки зрения становится понятным возрастание роли и объема переписки распорядительно-исполнительного направления в конце XVIII и особенно в XIX в. Обратим внимание и на то обстоятельство, что вотчинник переходит от патриархально-религиозных форм устрашения приказчика (А. А. Винус прямо апеллирует к определенным главам и стихам «Библии» как моральным нормам, которыми должен руководствоваться приказчик)²³, к более определенным, устанавливая штраф за нерадивость, пользуясь той системой мер, которые разработаны для наказания государственного чиновника, тем самым приближая службу приказчика к уровню государственной службы.

Наказ А. М. Черкасского в большей мере, чем инструкция А. П. Волынского 1724 г., оказал влияние на последующее развитие этого вида нормативного документа. И. Ф. Петровская убедительно показала прямое заимствование из «наказа» А. М. Черкасского инструкции П. Б. Шереметева 1764 г.²⁴ и действительно из 118 статей «наказа» Черкасского 73 перешли в инструкцию Шереметева с очень небольшими редакционными поправками. Конечно, нельзя не принимать во внимание мнение И. Ф. Петровской о том, что эта прямая преемственность была связана и с переходом владений Черкасского к П. Б. Шереметеву в связи с его женитьбой на единственной наследнице А. М. Черкасского, но ограничиться только этим объяснением также нельзя. Наказ Черкасского — обобщение практического опыта, рационального с точки зрения владельца, обращения хозяйством, в то время как инструкция Волынского во многом отмечена печатью кабинетного прожектерства, идеями об идеальных методах управления, не совместимых с реальными интересами владельца (просвещение крестьян, стройная система социального обеспечения и т. д.). М. В. Птуха дает высокую оценку инструкции А. П. Волынского как документу, отражающему «статистическую мысль» того времени²⁵,

²² Там же, стр. 264.

²³ Там же, стр. 270.

²⁴ Там же, стр. 223. И. Ф. Петровская не заметила, что § 75 в инструкции Шереметева соответствует статье 8 восьмой главы наказа Черкасского. Двусмысленность понятия «государя нашего указы», о которых говорится у Черкасского, снята в редакции Шереметева: «Присланные от меня и из домовою моею канцелярии указы» (ср. «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 264 и К. Н. Щенегов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885), Приложения, стр. 281). В дальнейшем приводятся параграфы инструкции без ссылки на страницы данного издания.

²⁵ М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. I. Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.). М., 1955, стр. 20—21. Наказа Черкасского М. В. Птуха не знал.

с чем, с некоторыми оговорками, можно согласиться. Но все же не ее идеи, а выверенные мысли Черкасского, оформленные в четкие статьи, больше импонировали феодалам и по крайней мере до 70-х годов XVIII в. оказывали свое воздействие на инструкции крупных латифундистов. Наши оговорки сводятся к тому, что если не говорить о «законченной статистической системе», которую якобы, по утверждению М. В. Птухи, разработал А. П. Вольтинский, а о системе учета, что соответствует действительному положению вещей в вотчине того времени, то наказ Черкасского во многом, если не во всем, не уступает системе учета инструкции Вольтинского.

Представляет интерес выяснить, что нового вносит в делопроизводство инструкция П. Б. Шереметева 1764 г., так как она тоже была типовой для разбросанных по всей России его владений. В этих целях мы разберем только вновь появившиеся статьи. Прежде всего отметим, что инструкция претерпела структурные изменения по сравнению с наказом Черкасского: исчезло деление на главы, вместо 118 статей осталось 95 параграфов, но каждый параграф имеет свой краткий заголовок.

Характерен § 77 «О присылке в Москву подлинных квитанций и всяких крепостей» «для лутчего сохранения». Предлагалось на месте оставлять копии и «зшивать в книгу, чтоб нерастерены были». Вотчинник, учитывая юридическую силу этих документов, придавал им особое значение. Вместе с тем этот параграф свидетельствует о расширении сферы частной собственности самих крестьян.

Группа новых параграфов упорядочивала практику рекрутских наборов (§§ 76, 78, 82, 83), в них вполне отчетливо проявлялась тенденция вотчинника поощрять покупку квитанций взамен отдачи собственных крестьян. Последний из названных параграфов «О учинении очередных книг для отдачи в рекруцкие наборы» имеет прямое отношение к постановке делопроизводства. Подробно был описан формуляр книги, предписывалось выяснить и зафиксировать очередь с 1744 г.

Такие вновь появившиеся параграфы, как § 87 «О смотреии над крестьяны в мотовствах», § 88 «О смотреии над кабацкими целовальниками, чтобы в заклад у крестьян ничего не принимали, и о прочем», § 79 «О выводных деньгах», сигнализируют о процессе расслоения крестьянства во владениях Шереметева, но, к сожалению, специальной документации эти параграфы не устанавливают.

Для изучения крестьянских жалоб, отлагавшихся в вотчинных архивах, определенный интерес представляет § 84 «О недаче при мирских прошениях почестей», т. е. о запрещении взятки, чтобы «крестьян напрасно к убытку не приводить, а кому о чем нужда, просить оным всем дозволяется меня самого, естли не будет удовольствован судною избою, а потом канцелярию и всякой в правде просящей будет удовольствован». Конечно, практика применения этого параграфа в действительности требует специального исследования; из данных, приводимых К. Н. Щенетовым, даже в самые критические моменты крестьянской борьбы против приказчиков и управляющих жалобы до графа доходили²⁶, но, по нашему мнению, этот параграф служит очень веским доказательством щекотливого положения владельца, вынужденного дезавуировать своих приказчиков. Возможно, что перед нами образец умелой демагогии.

Во всяком случае при анализе сравнительно большого массива крестьянских жалоб и прошений в вотчинных фондах необходимо учитывать заинтересованность владельца в «безвозмездном» их разборе его служителями. Завершающим этапом в развитии инструкции как нормативного документа можно считать начало 70-х годов XVIII в. Эту грань можно связать с публикацией наказов Ф. Удолова, Вольфа, П. И. Рычкова и А. Т. Болотова, т. е. с появлением литературного обобщения нормативной

²⁶ К. Н. Щенетов. Указ. соч., стр. 151—156 и др.

практики. Рекомендательный характер этих «наказов» резко отличает их от обязательных для исполнения нормативных актов Черкасского и Шереметева. Но вместе с тем с появлением этой серии «наказов» была упрощена и облегчена разработка частных инструкций, а в них — правил — делопроизводству и учетной документации. Более того, сама практика выработки всеобъемлющих инструкций сузилась, так как владелец крупного хозяйства все более и более убеждался в их недостаточности, а помещики средней руки вовсе в ней не нуждались. Единовременная и стабильная на определенный период инструкция заменялась постоянным инструктированием — перед нами интереснейший феномен перехода одного вида документа в другой: назначение инструкции перешло к инструктивной переписке.

В этой связи не случайны следующие факты. Вышедшая в Москве в 1825 г. книга «Новый опытный сельский управитель, приказчик и эконом, или самонужнейшие и обстоятельные наставления о управлении деревнями, крестьянами, земледелием, пчеловодством, скотоводством, птицеводством и огородными работами» поместила для примера «Наставление» неназванного помещика своему приказчику, помеченное 1 января 1795 г., а не какое-либо позднейшее сочинение. К. В. Сивков замечает: «Среди архивных документов, рисующих жизнь степных вотчин за первые 25 лет XIX в., не сохранилось каких-либо инструкций и наказов... Возможно, что таких инструкций и наказов тогда и не было»²⁷. Но в июне 1825 г., когда произошла смена управляющих в изученной К. В. Сивковым вотчине, новый — Ст. Курочкин — получил инструкцию, состоявшую из 38 пунктов. К. В. Сивков объясняет это особой обстановкой в вотчине и приходит к выводу, что «ничего нового, оригинального по сравнению с известными нам инструкциями XVIII в. в ней не было»²⁸. Автор упоминает еще об инструкциях 1831 и 1844 гг., данных Б. Н. Юсуповым — «дельцом николаевского времени» лицам, замещавшим вновь учрежденную должность «главноуправляющих». Это инструкции весьма условного порядка, их вернее было бы назвать «общей директивой» хозяйственной политики, так как «главноуправляющий» сам организовывал производственный процесс и всю жизнь вотчины посредством переписки, интенсивность которой в эти годы резко возросла, увеличилась она и в объеме. Владелец полагал, что дело не в инструкции, которой он уже не стремился охватить все многообразие хозяйственного руководства, а в исполнителях, поэтому он на заключительном этапе крепостного права (в 1857 г.) попытался укрепить руководство хозяйством введением должности «старшин» — самого низшего, но решающего, по мнению владельца, звена административной иерархической лестницы.

В вотчине Шереметевых также наблюдается желание укрепить низовое звено, что вызвало в 1842 г. специальную инструкцию об обязанностях земских. Она, как видим, относится к 50-м годам и отражает упадок этого нормативного документа²⁹. Таким образом, в первой половине XIX в., когда разложение феодальной системы переросло в ее кризис, отчетливо наблюдается упадок инструкции как нормативного акта. Расцвет же ее падает на момент высшей точки развития и укрепления крепостничества в России. Именно инструкции XVIII в. зафиксировали предыдущий опыт управления крупной вотчиной и, что особенно важно, совершенствовали всю систему учета и делопроизводства под влиянием государственных ме-

²⁷ К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. По материалам вотчин Юсуповых. М., 1951, стр. 38.

²⁸ Там же, стр. 41.

²⁹ К. Н. Щенегов. Указ. соч., стр. 219. Е. И. Индова упоминает об общей инструкции Воронцова от 28 января 1812 г., которая носила сепаратный характер (Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955, стр. 52 и др.).

роприятий в этой области. Все разновидности документации, о которых упоминается в «наказе» Черкасского, в той или иной форме дожили до отмены крепостного права, а некоторые и до ликвидации помещичьего землевладения. Это дает возможность даже в тех случаях, когда отдельные виды учетной или делопроизводственной документации не сохранились за определенные годы, изучить процесс их развития и совершенствования. С другой стороны, инструкции помогают с большой долей вероятности определить закономерности появления и исчезновения того или иного вида вотчинной документации. Проиллюстрируем это на таком популярном среди историков русского крестьянства источнике, каким является подворная опись (ведомость).

Еще Б. И. Морозов в 1651 г. предлагал приказчику учитывать крестьянское население, как носителя тягла, т. е. следовал за государственным практикой. То, что обеспечивает несение тягла, его не интересовало³⁰.

Даже наказ А. М. Черкасского 1719 г. очень невнятно формулирует программу подворной описи. Весь смысл четвертой статьи первой главы наказа состоит в ориентации на суммарное цифровое выражение движения крепостного населения, хотя в нем находим новые детали (учет женского населения, грубый ориентир для оценки имущественного состояния — учитывались крестьянские и «нищинские» дворы)³¹.

В инструкции А. П. Волынского 1724 г. уже виден отчетливый формуляр — предшественник подворной описи, какой она сформировалась в XIX в. Предложенная им ежегодная перепись, очевидно, не получала реализации в его вотчине, поэтому он в 1735 г. составляет «образцовую форму как описывать крестьян по дворам», но до самой смерти в 1740 г. ему не удалось наладить это дело. Однако «образцовая форма» — важная веха на пути развития формуляра описи.

Примерный наказ П. И. Рычкова, опубликованный в 1770 г., также относится к памятникам агрономической и организационно-хозяйственной мысли, как и инструкция Волынского, поэтому он отражает не действительные изменения в формуляре подворной описи, а рекомендуемые изменения. Вслед за Волынским Рычков также предполагает ежегодную перепись, но допускает расщепку периодичности до трех лет. Важно отметить, что Рычков, не зная об опыте Волынского, готов отступить от требования ежегодной переписи — в этом, безусловно, сказалось его знание реальных возможностей помещиков, которых он стремился убедить в целесообразности подворной описи, «из чего всякий помещик состояние своих деревень будет знать»³². В отличие от Волынского Рычков обращает особое внимание на рекрутирование новых тяглов в крестьянском дворе, видя в подворной описи и желая убедить в этом помещиков, средство интенсификации эксплуатации крестьян. Отметим еще одну немаловажную деталь: Рычков советует при подворном описании «чрез выборных и старост выведовать о каждом крестьянине, кто как свое домостроительство наблюдает. Как лошадей и скотину свою содержит и сколько прилежит к земледелию»³³.

А. Т. Болотов пошел еще дальше в разработке формуляра подворной описи. Он публикует в виде приложений к своему примерному «наказу» «Примерную форму переписной экономической тетради» по данному селению, первая страница которой содержит валовые сведения о количестве душ, земли по угодьям, дворов, наличных работников и неработников, тяглов, о количестве земли у крестьян, о сумме подушных денег, число «работников валом, сколько поборов и каких, сколько мастеровых и ка-

³⁰ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. 1. М.—Л., 1940, стр. 149—150.

³¹ «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 246—247.

³² П. И. Рычков. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина. — Труды Вольного экономического общества», ч. XVI. СПб., 1770, стр. 26.

³³ Там же, стр. 57.

ких»³⁴. Это заглавие подчеркивает справочное значение «тетради» для помещика и приказчика, а сам текст «тетради» — ее оперативно-учетный характер. Поскольку не только «Труды Вольного экономического общества», но и книга М. В. Птухи, в которой воспроизведена форма переписной тетради Болотова, давно стали библиографической редкостью, приведем ее полностью:

Имена жителей	1. Двор Петров										Свойства и качества оных	
	каких лет был в 1770 г.	мужского полу					женского					
		совершенный работник	полурабо- тник	малолетних	старых	дряхлах	работница совершенная	полурабо- тница девица	малолетних	старух		дряхлах
1. Хозяин Петр Петров	65	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	стар и дряхл, однако доброй хозяин и мужик смирной и доброй
2. Жена ево Анна Ивановна у них дети:	60	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	совсем дряхла
3. Большой сын Иван	40	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мужик исправной и плотник
4. Жена ево Акимья Васильевна у них дети:	35	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	
5. Петр	15	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	мальчик надежной и учится портному

В том же порядке перечисляются все 16 членов семьи, в итоге отдельно показано количество мужских и женских душ, затем всего душ. Демографическое обозрение двора дополняется сведениями, расположенными в трех графах: «состояние сего двора», «причины тому» и «экономические записки». Эти графы заполнены повествовательным текстом, где попеременно с чисто оценочными суждениями о дворе и его обитателях даны и цифровые сведения о хозяйстве и повинностях (см. стр. 80).

«Переписная тетрадь» представляется, таким образом, как переходная от «образцовой формы» Волынского, не знавшей табличного расположения материала, к таблице. Болотов уже нашел рациональную табличную форму для демографического описания, но еще не мог предложить подобное для «экономических записок». Не нужно обладать особой статистической интуицией, чтобы легко представить себе, как эти данные укладываются в табличную форму. То, что «переписная тетрадь» представляет собой разновидность «экономической тетради» скорее всего свидетельствует о том, что Болотов только начал отходить от традиционной формы хозяйственного учета его времени, когда в «книгу» вписывалось все, имеющее отношение к хозяйственной жизни вотчины. Выделение подворной описи в качестве своеобразного комментария суммарного описания владения способствовало ее автономизации, превращению в специальный вид документа. Именно

³⁴ «Труды Вольного экономического общества», ч. XVI. СПб., 1770. Приложения. Отметим, что в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина имеется только один экземпляр «Трудов» (шифр А₂₈⁴⁷) с указанным приложением. М. В. Птуха, публикуя «примерную форму», переименовал ее на «Примерную таблицу подворной переписи», отказавшись от терминологии Болотова, который не выделял «переписную экономическую тетрадь» из совокупности других тетрадей — «полевой», «хлебной», «о поборах» (ср. М. В. Птуха. Указ. соч., стр. 387—388 и «Приложения» в «Трудах Вольного экономического общества», ч. XVI. СПб., 1770).

Состояние сего двора	Причины тому	Экономические записки
<p>«Сей крестьянин живет хорошо и нужды дальней ни в чем не претерпевает, дом имеет изрядной и всякое нужное строение, которое у него и в порядке, хлеба становится всегда своего в год много еще и продает и ссужает других. Подушное за ним не стоит и господское все исправляет как надобно. Скота имеет:</p> <p>лошадей — 12 коров — 4 телят — 3 овец — 22 свиней — 6 коз — 3</p> <p>Кроме того, водит еще гусей и русских кур; также имеет небольшой заводец пчел</p>	<p>В достатке живет для того более, что семья хорошая и к земледелию и домостроительству как сам старик, так и все рачительны, трудолюбивы и прилежны, семья же вся согласная и дружная. Пашню тягловую, свою не только всю сами пашут, но еще имеют копани и разпашки, а сверх того землю еще у чужих нанимают, и для уработывания всей держат еще батраков, скота у них довольно, и земли удабривают много, почему и хлеба родится у них довольно, а сверх того большой сын на плотническом ремесле, а средней иногда от извоза, иногда от базарничества * дома достают деньги, а притом никто из них не мотает, на господскую работу более ходит племянник и меньший сын с батраком</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Тягел на сем дворе — 2. 2. Работников дает обыкновенно 2, а в нужном случае муж. 4, женского — 3. 3. Земли под ним тягловой в таком-то поле 6 десятин, в таком 5 с половиною десятины, а в таком 5 десят. Сверх того имеет копань в таком-то месте более десятины, да распашку из лугу в таком-то месте полудесятины. Лугу имеет 6 десятин. 4. На господина пашет в каждом поле по 6 дес. или сколько по разчислению придет. 5. Подушного платит с 10 душ. 6. Поборов господских с сего двора: мяса свиного 1 пуд 20 фунт., баранов — 2, масла — 5 фунтов, яиц — 60, кур — 4, холстины — 25 аршин и прочее»

* Ошибка, должно быть «бочарничества», так как средний сын Василий числился «бочаром».

это, а также чрезвычайная подробность в описании, которую предусматривал Болотов, делают его «переписную тетрадь» этапным явлением в формировании подворной описи — она знаменовала переход от описательной формы к форме табличной, которая более приспособлена к экономной фиксации увеличившегося числа показателей по сравнению с «описью» Волинского. Слабой стороной «тетради» следует считать ее перегруженность повествовательным текстом, что противопоставлено табличной форме. Однако если бы какой-либо культурный управитель попытался строго следовать замыслу Болотова, то мы бы имели возможность оперировать развернутыми качественными характеристиками двора и его обитателей, какими они представлялись помещику и его аппарату.

К сожалению, «форма» Болотова в ее идеальном виде никогда не была применена на практике. М. В. Птуха полагает, что такой исход — результат сопротивления крепостных³⁵. Однако М. В. Птуха не приводит ни одного факта, когда бы помещики пробовали воспользоваться «формой» и не смогли этого сделать. Вероятнее всего, таких фактов и не было и быть не могло. Ведь «тетрадь» должна была составляться управителем или помещиком, крепостной в этом процессе выступал только в качестве объекта, как же он мог помешать этому мероприятию?

У крепостного была только одна возможность — давать неточные сведения, но эту возможность он не мог реализовать при демографическом описании (состав семьи, возраст, трудоспособность легко проверялись ревизскими сказками, личным осмотром и т. д.), при хозяйственном описании можно было кое-что утаить из мелкого скота, инструментов, припасов, но показания о постройках, крупном скоте, наличии неземледельческих доходов (не их размер, а сам факт наличия), составе повинностей также

³⁵ М. В. Птуха. Указ. соч., стр. 389.

могли быть проверены. Что же касается качественных характеристик крепостных («стар и дряхл», «мужик исправной и плотник», «мальчик надежной и учится портному», «скорбна», «непроворен», «не очень здоров», «ленив очень» и т. д.), то они являлись результатом длительного наблюдения и не требовали прямого опроса. Как бы ни заманчиво было предложенное М. А. Птухой объяснение практической безрезультатности болотовского проекта подворного описания, все же приходится констатировать, что его статистическая заданность была слишком оторвана от непосредственных интересов и возможностей крупного вотчинника. Что же касается помещика средней руки, который сам управлял своим хозяйством и жил в своей деревне, то такая «примерная форма» должна была ему казаться абсолютно излишней. В литературе после Болотова мы не находим столь тщательно разработанной программы подворной описи, а в вотчинном делопроизводстве не знаем ни одного случая, чтобы сохранились подворные описи по «форме» Болотова. Но вместе с тем нельзя отрицать того факта, что идеи, положенные в основу «формы» Болотова, в той или иной мере получали свое воплощение в дальнейшей практике составления подворных описей. Тогда, когда непосредственные интересы владельца этого требовали, опись обростала весьма ценными подробностями в духе Болотова.

Наш по необходимости краткий экскурс в историю складывания формуляра подворной описи, какой она рисуется при сравнении текстов инструкций, служит доказательством того, что объективные потребности вотчинного хозяйства на различных этапах его эволюции вызывали к жизни те или иные разновидности документации, а практика делопроизводства шлифовала их формуляр, отбрасывая все, что не носило прагматически-утилитарной нагрузки. Это наблюдение может быть подтверждено и на примере других видов вотчинной документации.

Отсюда следует, что разновидность документа сигнализирует об определенном этапе эволюции вотчины, а сама его форма помогает уточнить хронологические рамки этого этапа. Само наличие или отсутствие определенной разновидности документации в вотчинном фонде помогает ориентироваться во внутренней жизни вотчины. Таким образом, уже на начальной стадии источниковедческого изучения вотчинной документации могут быть получены сведения определяющего характера.

О. А. Омельченко

**«ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ВИВЛИОФИКА» Н. И. НОВИКОВА
И М. М. ЩЕРБАТОВА**

Среди проблем и вопросов, образующих своеобразный «круг изучения» одного из крупнейших памятников русской исторической мысли и русской исторической науки XVIII в.— «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова¹,— вопрос об участниках этого издания, о сотрудниках Новикова представляется важным, в том числе и для оценки научно-археологического уровня «Вивлиофики» как издания исторических документов.

В предисловии ко второму изданию «Вивлиофики», которое полностью вобрало все материалы первого, а также ряд материалов из других изданий Новикова, он особо отметил тех, кто принимал активное участие в издании: Г. Ф. Миллера и Н. Н. Бантыш-Каменского, приславших ему документы из Московского архива Коллегии иностранных дел и из личных своих собраний, и М. М. Щербатова. «Сии суть главные источники, из коих обогатилось мое собрание сие для Вивлиофики»²,— писал Новиков. В «Вивлиофике» были помещены документы из различных собраний и хранилищ того времени: Библиотеки Академии наук, Эрмитажной библиотеки Екатерины II, библиотеки Успенского собора Московского Кремля, библиотеки нижегородской епархии, некоторых частных собраний. Важнейшие материалы происходили из Патриаршей библиотеки в Москве и Архива Коллегии иностранных дел—главнейших тогда собраний исторических документов, доступ в которые был весьма затруднен. Вопрос о сотрудниках Новикова в издании «Вивлиофики» важен для суждения о принципах отбора документов, о системе их обработки, наконец, для суждения о форме издания исторических документов в XVIII в.

Исходя из некоторой абсолютизации историографического влияния Миллера, управляющего тогда Архивом Коллегии иностранных дел, и официального «российского» историографа М. М. Щербатова, исследователи смотрели на издание «Вивлиофики» с научной стороны как на дело преимущественно Миллера и Щербатова: их исторические изыскания, считали они, приводили к публикации тех или иных документов. Новикову же оставалась пассивная роль издателя-организатора; роль других участников издания сводилась к чисто случайной и несущественной³. Предположение о значительнейшем вкладе в издание, в частности, Щербатова получило развернутое обоснование в работе Г. Н. Моисеевой, где автор отмечает, что «творческая связь Новикова и Щербатова оказалась чрезвычайно плодотворной» и что «благодаря Щербатову Новиков смог за небольшой

¹ «Древняя российская вивлиофика... издаваемая Николаем Новиковым...», изд. 1, чч. 1—10. СПб., 1773—1775; изд. 2, чч. 1—20. М., 1788—1791 (далее — ДРВ).

² ДРВ, изд. 2, ч. 1. М., 1788, стр. XI.

³ П. Н. Милоков. Главные течения русской исторической мысли, т. I. М., 1897, стр. 91—92; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. [М.], 1941, стр. 115; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 227; Л. А. Дербов. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974, стр. 301—303.

промежуток времени опубликовать большое количество ценнейших древнерусских памятников»⁴. Если значительная роль Миллера в издании «Вивлиофики» несомненна и может быть показана документально, то мнение о большом вкладе Щербатова в издание не представляется столь неоспоримым и, как кажется, не учитывает всех известных фактов, относящихся к вопросу о круге сотрудников Новикова.

Помимо общих указаний в предисловии, Новиков в примечаниях к отдельным публикуемым документам упоминал, от кого получена та или иная «статья». Некоторые из участников издания — как первого, так и второго — присылали всего один-два документа из своих личных собраний — и между тем их имена отмечались издателем. Думается, нет оснований предполагать умышленное умолчание. Имя Щербатова в первом издании «Вивлиофики» не упомянуто *ни разу*. Только во втором издании и только в связи с публикациями документов, которых не было в первом, отмечается получение их от Щербатова⁵. Конечно, отсутствие упоминания имени Щербатова в первом издании еще не может служить окончательным ответом, но все же весьма показательным. Представляется нереальным, особенно в условиях XVIII в., чтобы Новиков как издатель получал от высокопоставленного лица, признанного официального историка документы и не упоминал об этом, а тот и через 10 лет продолжал их «сообщать» Новикову.

С третьего выпуска «Вивлиофики», с марта 1773 г., Новиков начал помещать в своем издании документы, которые отмечались как «списанные» с рукописей Патриаршей библиотеки в Москве. Это было до получения разрешения императрицы на публикацию материалов из Архива Коллегии иностранных дел и до установления контактов с Миллером по изданию. Исходя из того, что получать Новикову материалы из Патриаршей библиотеки было сложно без участия третьего лица, а Щербатов имел в своем распоряжении такие материалы (с рукописями Патриаршего собрания он и ранее знакомился в Москве и первооткрывателем многих из них был именно он), многие исследователи полагают, что сообщать документы из Патриаршей «книгохранильницы» мог только Щербатов.

В работе над своей «Историей» Щербатов действительно пользовался летописцами Патриаршей и Типографской библиотек, которые он тщательно перечислил и описал в предисловии к первому тому⁶. Впоследствии Щербатов упомянул как использованный им источник еще одну рукопись из Патриаршего собрания: «за № 555... за рукою Никона патриарха, в которой находятся списки ерлыков, данных от ханов татарских российским митрополитам»⁷. Никаких других документов из этого собрания Щербатов более не отмечает. Среди сохранившихся в Эрмитажном собрании бумаг Щербатова, среди сделанных им или для него копий документов, с которыми он работал, не сохранилось, судя по изданным описаниям, материалов такого рода, которые в «Вивлиофике» публиковались как происходящие из Патриаршей библиотеки⁸. Последние были преимущественно по XVII в. и касались церковной истории и церковных обрядов. Подобная тематика, кроме того, была далека от круга исторических интересов Щербатова.

Предположение о посредничестве Щербатова в публикации материалов Патриаршего собрания в «Вивлиофике» необоснованно и поспешно исклю-

⁴ Г. Н. Моисеева. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXV. М. — Л., 1970, стр. 287.

⁵ От Щербатова были получены родословия княжеских родов (ДРВ, изд. 2, ч. 9. М., 1789, стр. 494, прим.) и грамоты, «выписанные из статейных списков Коллегии иностранных дел» (ДРВ, ч. 12. М., 1789, ч. 15. М., 1790, стр. 83—176).

⁶ М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1770. Предисловие, стр. 10—15.

⁷ Там же, т. III. СПб., 1774, стр. 7.

⁸ «Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания». Л., 1960; «Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей». Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.

чадо самого Новикова из числа тех, кто был знаком с рукописями этой библиотеки. О возможности такого знакомства свидетельствует фраза, оброненная протоиереем Архангельского собора Московского Кремля П. А. Алексеевым в одном из позднейших своих писем к обер-прокурору Синода графу А. И. Мусину-Пушкину: «... госп. Новиков вышарил в оных [синодальных библиотеках.— О. О.] все любопытные манускрипты за бездельную плату и составил из них Древнюю Российскую Вивлиофику...»⁹ Алексеев неплохо знал издателя «Вивлиофики», участвовал в некоторых его изданиях. Даже если не принимать его слов буквально, они заслуживают внимания. Но еще более вероятно, что документы из Патриаршего собрания присылались Новикову Н. Н. Бантыш-Каменским, его самым плодовитым и постоянным сотрудником во многих изданиях. Доступ к рукописным собраниям Киева и Москвы, особенно к Патриаршему собранию, он получил благодаря личным связям, прежде всего через своего дядю — митрополита Амвросия (Зертис-Каменского). В итоге у Бантыш-Каменского сложилось большое собрание списков и подлинников документов по церковной истории, составивших 18 «портфелей» (подобно известным «портфелям» Миллера) и называвшихся «Записками по истории российской иерархии»¹⁰.

Есть свидетельства, что не все присланные Бантыш-Каменским материалы, составленные именно им, Новиков публиковал с указанием авторства»¹¹.

Главными доводами участия Щербатова в первом издании «Вивлиофики» исследователи полагали опубликование Новиковым ханских ярлыков русским митрополитам, статейных списков посольств, новгородских грамот, духовных и договорных грамот русских князей — документов, которые были известны Щербатову. Он их использовал — большей частью впервые — при написании своей «Истории» и некоторые публиковал в приложениях к ней. Для всех названных материалов есть весомые основания утверждать, что никакого непосредственного отношения к публикации их в «Вивлиофике» Щербатов не имел.

П. Н. Миллюков отмечал, что собрание ярлыков, несомненно, Новикову сообщил Щербатов, ибо «он нашел их в Патриаршей библиотеке в Москве»¹². Однако Новиков опубликовал их не по щербатовской рукописи из Патриаршего собрания, а по рукописи, хранившейся в Успенском соборе Московского Кремля. На это точно указывают новиковские «Санктпетербургские ученые ведомости» в статье-обзоре «Вивлиофики»¹³. Наиболее вероятно, что сообщил эту рукопись издателю Бантыш-Каменский, знакомый с протоиереем Успенского собора В. А. Левшиным — позднее сотрудником «Вивлиофики».

В конце 1772 г. Щербатов получил из Архива Коллегии иностранных дел для работы над «Историей» в подлинниках «разные посольские дела с дворами цесарским, аглинским, дацким, шведским, польским, прусским, с греческими духовными особами, с турецким, крымским, нагайским и персидским»¹⁴. Но сам по себе этот факт не доказывает того, что материалы такого рода, опубликованные Новиковым, были предоставлены ему Щербатовым. В первом издании «Вивлиофики» были помещены четыре статейных списка посольств: В. Лихачева во Флоренцию 1659 г., П. По-

⁹ «Русский архив», 1882, кн. 2, вып. 8, стр. 83—84.

¹⁰ Согласно утверждению Д. Н. Бантыш-Каменского эти «Записки» погибли в 1812 г. Известно, что ими, например, пользовался при написании своей «Истории российской иерархии» епископ Амвросий. «Жизнь Н. Н. Бантыш-Каменского». М., 1818, стр. 7—9; Амвросий. История российской иерархии, т. I. М., 1807, стр. IX.

¹¹ См., например, ДРВ, изд. 1, ч. 3. СПб., 1774, стр. 161—288; ч. 5. СПб., 1774, стр. 395—419. Об авторстве Н. Н. Бантыш-Каменского см.: «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 7. Саратов, 1898, стр. 295, 297—298.

¹² П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, т. I, стр. 91.

¹³ «Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год». СПб., 1777, стр. 76.

¹⁴ М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. III, стр. 10.

темкина в Испанию и Францию 1667 г., И. Чегоданова в Венецию 1656 г. и М. Салтыкова в Польшу 1601 г. Однако первый список был опубликован по рукописи личной библиотеки императрицы¹⁵, второй — получен от П. С. Потемкина¹⁶, третий — издан с рукописи, принадлежавшей самому Новикову¹⁷, четвертый — также, вероятно всего, с подлинника, хранившегося в Эрмитажной библиотеке¹⁸.

Во второй части первого издания «Вивлиофики» были напечатаны: «Выписка из грамот новгородских», «Роспись грамотам цесарским старинным», несколько таких же «росписей» грамот других иностранных дворов, «Роспись старинным грамотам великих князей московских» — краткие описания соответствующих грамот из Архива Коллегии иностранных дел с аннотацией содержания. Как показано Г. Н. Моисеевой, все упомянутые перечни были составлены Щербатовым¹⁹. Но к тому, что они оказались помещенными в «Вивлиофике», Щербатов не имел никакого отношения. В тех же новиковских «Санктпетербургских ученых ведомостях на 1777 год» при упоминании первого из них сказано: «Сия и следующие по ней выписки из грамот разных европейских дворов сообщены к г. издателю из комнатной е. и. в. библиотеки»²⁰. Щербатов время от времени предоставлял императрице копии и выписки из интересовавших ее документов. Так у Екатерины оказались списки новгородских грамот, копии грамот русских князей и других исторических документов²¹. Они не были абсолютно тождественны щербатовским материалам: подновлялась орфография, поправлялся текст, заменялись старые слова на более понятные — все в расчете на то, что императрица не имела специальных знаний и для ее занятий не нужны были точные копии. Новикову, когда он предпринял издание «Вивлиофики», копии с щербатовских материалов вместе с другими списками были сообщены «из комнатной е. и. в. библиотеки» без всякого касательства к этому самому Щербатову, поскольку выполнял он их не для Новикова, а для императрицы.

В частях восьмой и девятой первого издания «Вивлиофики» были опубликованы уже сами тексты духовных и договорных грамот русских князей. В примечании отмечалось: «Подлинные сии грамоты хранятся в Москве, в императорской архиве, под ведомством Государственной коллегии иностранных дел состоящей»²². Во втором издании, перепечатывая с дополнениями документы из первого, Новиков указал на то, что грамоты эти сообщены ему из Архива, «от Миллера»²³.

В Эрмитажном собрании сохранились копии новгородских грамот, сделанные для Щербатова, копии этих же грамот, переписанные для Екатерины, а также копии духовных и договорных грамот великих князей и московских патриархов, выполненные для Екатерины в виде роскошной рукописи. Из сопоставления этих материалов с публикациями в «Вивлиофике» Г. Н. Моисеева сделала вывод о том, что новиковские публикации восходят к копиям Щербатова и в научном аппарате «Вивлиофики» нашли отражение его исторические разыскания. Отмечая некоторые особенности в публикациях Новикова, более близких к подлинникам, Г. Н. Моисеева объяснила их знакомством издателя «Вивлиофики» с подлинными грамотами, по которым он, готовя документы к печати, правил списки екатерининских копий: отмечал непрочитанные и несохранившиеся куски текста, выверял орфографию²⁴.

¹⁵ «Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год», стр. 43.

¹⁶ ДРВ, изд. 1, ч. 4. СПб., 1774, стр. 41.

¹⁷ ДРВ, изд. 1, ч. 9. СПб., 1775, стр. 169.

¹⁸ ГПБ, Эрм. собр., № 488.

¹⁹ Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 288—290.

²⁰ «Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год», стр. 131.

²¹ Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 289—291.

²² ДРВ, изд. 1, ч. 8. СПб., 1775, стр. 353.

²³ ДРВ, изд. 2, ч. 2. М., 1788, стр. 434.

²⁴ Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 290.

Утверждение о знакомстве Новикова с подлинниками духовных и договорных грамот русских князей, составляющее в определенной степени основу выводов Г. Н. Моисеевой, не кажется бесспорным. Вряд ли Новиков мог быть допущен к работе с этими подлинниками. Даже Щербатов работал с копиями, делать которые доверялось не каждому работнику Архива Коллегии иностранных дел. Если же сделать более реальное предположение, что Новиков издавал грамоты по копиям, отличным от списков Щербатова и Екатерины, то можно определить и их происхождение, воспользовавшись примером, приводимым Г. Н. Моисеевой²⁵ (речь в нем идет о примечаниях к документам в екатерининской копии и их публикациям Щербатовым и Новиковым).

Копии духовных и договорных грамот, ГПБ, Эрмит., № 354, л. 7.

Года не написано, а по летописцам следует быть между 6836 (1328) и 6849 (1341) годами.

Сии грамоты писаны прежде до восшествия его на великое княжение, то есть прежде 1328 году.

М. М. Щербатов. История российская, т. III, стр. 503—504

Сии грамоты были писаны до восшествия его на великое княжение, то есть до 6836 (1328) году.

«Древняя российская вивлиофика», изд. 1, ч. 8, стр. 213.

Года не показано, а по летописцам следует быть между 1328 и 1341 годами»

Нетрудно заметить, что примечания «Вивлиофики» и Щербатова противоречат друг другу. У Щербатова документ датирован временем до 1328 г., в «Вивлиофике» — после 1328 г. Примечание Щербатова связано с анализом источника; примечание у Новикова формальное: раз духовная Ивана Калиты — значит, в годы его правления. Механическое соединение таких противоречащих примечаний в екатерининской копии показательно: копиист, переписывавший для Екатерины щербатовскую рукопись-копию, соединил те примечания, которые уже имелись в ней, и те, которые сделал Щербатов. В своем труде Щербатов поместил, естественно, собственные примечания.

Из анализа примечаний видно, что Новиков в «Вивлиофике» печатал грамоты по списку, непосредственно полученному им из Архива, и независимо от Щербатова. В Архиве Коллегии иностранных дел была сделана не одна копия с этих грамот. Даже до сего времени сохранились многие из них в составе Древлехранилища (ЦГАДА, ф. 135). Поскольку же список, сделанный для «Вивлиофики», ближе к подлиннику, можно предположить, что делался он более опытным архивистом или же был более ранним по сравнению с щербатовским: т. е. копию для Щербатова писали с той копии, которую впоследствии получил в свое распоряжение Новиков.

Вероятным автором этих копий грамот следует считать Бантыш-Каменского. В 1767 г., как свидетельствуют его биографы, он приводил в порядок архивное собрание древнейших грамот; тогда же им были выполнены собственноручные копии с них и составлена подробная опись, сохранившаяся до сего времени²⁶. Позднее именно Бантыш-Каменский лично подготовил к изданию грамоты русских князей для первого тома «Собрания государственных грамот и договоров» (1811 г.). Показательно, что по своему научно-археографическому уровню публикация этих документов в «Вивлиофике» очень близка публикации в первом томе «Собрания». Помещавшиеся во втором издании «Вивлиофики» (ч. 1 и 2) «сокращения грамот» воспроизводят составленную Бантыш-Каменским опись 1767 г.²⁷, а за-

²⁵ Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 291.

²⁶ «Жизнь Н. Н. Бантыш-Каменского», стр. 56—58; «Биографический словарь питомцев Московского университета» [М., 1855], стр. 198.

²⁷ Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971, стр. 5.

головки документов в самой публикации практически совпадают, с одной стороны, с «сокращениями грамот», а с другой — с заголовками в первом томе «Собрания государственных грамот и договоров». Участие Бантыш-Каменского в «Вивлиофике» и в других исторических изданиях Новикова безусловно большее, нежели отмечалось исследователями. В издании же «Вивлиофики» именно он был основным сотрудником Новикова, приславшим ему не только отдельные статьи и обработанные материалы, но и копии важнейших по объему и значению документов, возможно не без участия и не без руководства Миллера.

Завершая рассмотрение вопроса об участии Щербатова в издании «Древней российской вивлиофики» Новикова, отметим следующее:

1. Нет оснований говорить об участии М. М. Щербатова в первом издании «Древней российской вивлиофики» в 1773—1775 гг.

2. Во втором издании «Древней российской вивлиофики» в 1788—1791 гг. были помещены несомненно полученные от Щербатова шесть исторических статей-родословий (ч. 9) и грамоты, выписанные из посольских дел (ч. 12 и 15). Остальные доводы исследователей, приводившиеся в пользу участия М. М. Щербатова в издании «Вивлиофики» в целом, к сожалению, на наш взгляд, представляются недостаточно обоснованными.

С. А. Клепиков

**ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ БУМАЖНЫХ ФАБРИК
ОЛЬХИНЫХ И КАЙДАНОВОЙ
(1763—1841 ГГ.)¹**

В 1749 г. петербургские купцы Басков и Полозов решили устроить мельницу для обдирки перловой крупы. Ими было найдено место на ручье Заболоцком, впадающем в р. Сестру. Мельница была построена о двух жерновах: один для обдирки крупы, другой мукомольный. В этом начинании им помог капиталом петербургский купец Василий Елеазарович Ольхин², которому они уступили право около 1756 г. Между 1756 и 1760 гг. В. Е. Ольхин устроил на той же мельнице пробный рол для делания простой оберточной бумаги. В то же время он построил близ данной мельницы на ручье Теплом небольшую бумажную фабрику для выделывания карточной и обойной бумаги. По его ходатайству перед Мануфактур-коллегией к той же фабрике ему был отведен участок земли размером 62 десятины 1931 кв. сажень, на что ему был выдан план. Для работы на фабрике он купил у помещицы Шишковой 111 человек, из коих 62 женщины³.

Первое время В. Ольхин выпускал наиболее грубые простые сорта бумаги (оберточную, обойную и т. п.). Наиболее ранний знак обнаружен М. В. Кукушкиной на бумаге документа, датированного 1763 г. (см. таблица, № 1). В. Ольхин постепенно расширил свое производство, но качество бумаги было неважное. В 1755 г. государственный инспектор доносил, что бумага была темная и «...что водяные знаки было трудно различать».

В. Ольхин умер в 1788 г. и фабрика перешла к его сыну Александру⁴. Однако в 1792 г. фабрика почти полностью сгорела и А. Ольхину пришлось

¹ 35 водяных знаков фабрик Ольхиных-Кайдановой были обнаружены М. В. Кукушкиной, З. В. Участкиной, С. А. Клепиковым. Кроме того, только М. В. Кукушкиной было обнаружено 7, только З. В. Участкиной — 4, только С. А. Клепиковым — 40 (из них 15 приводятся впервые в настоящей работе). Таким образом, в настоящее время выявлено 85 водяных знаков этих фабрик, 81 из которых относятся к Александровской фабрике.

² Василий Елеазарович Ольхин, уроженец Олонецкой губ., петербургский купец, родился 24/25 декабря 1709 г. и умер 9 декабря 1788 г. («Петербургский некрополь», т. III. СПб., 1912, стр. 311).

³ «Краткое историческое обозрение бумажной фабрики, бывшей Коммерц советника и кавалера Ольхина...» («Журнал мануфактур и торговли», 1825, № 2, стр. 133—151). З. В. Участкина («A History of Russian Hand-Paper Mills and Their Watermarks». Hilversum, 1962, ss. 66, 67) излагает историю фабрик несколько иначе. Мельница поставлена на ручье Заболоцком 28 апреля 1750 г. В мае того же года на нее был переведен с Красносельской фабрики мастер Григорий Шишкин. В 1753 г. владельцы (Басков и Полозов) передали фабрику В. Е. Ольхину. Ольхин сообщил Мануфактур-коллегии, что в 1754 г. мельница произвела 2053 стопы бумаги, а в 1755 г. — 3120 стоп и что в это время на фабрике работало 120 человек. Таким образом, выходит, что фабрика на ручье Заболоцком начала работать в 1754 г.

⁴ Александр Васильевич Ольхин родился 20 июля 1771 г. За хорошо организованное производство и высокое качество бумаги был награжден орденом. Умер 19 августа 1815 г. («Петербургский некрополь», т. III. СПб., 1912, стр. 311).

строить ее заново. Новая фабрика представляла сложный конгломерат, расположившийся на большой площади и состоящий из следующих частей: 1. Деревянная мельница о двух ролах площадью 25 кв. сажен, называемая *Ольховка*. 2. Две такие же мельницы по 25 кв. сажен каждая, называемые *Сосновка* и *Березовка*. 3. Одна мельница, называемая *Соболевка*, площадью 50 кв. сажен. На мельнице было два рола с одним водяным колесом и черпальная с тремя черпальными чанами и двумя прессами. 4. Деревянная мельница площадью 25 кв. сажен, называемая *Ивановка*. 5. Каменная фабрика площадью 45 кв. сажен, называемая *Верхняя*, которая имела четыре рола при двух водяных колесах и черпальную с шестью черпальными чанами и четырьмя прессами. 6. Деревянная мельница-саморезка площадью 28 кв. сажен. Мельница с двумя водяными колесами для резки тряпья, четырьмя ножами. 7. Деревянное трехэтажное здание площадью 144 кв. сажен, называемое *Средняя*, в которой два рола при одном водяном колесе, черпальная на шесть чанов с пятью прессами и двумя молотами при одном водяном колесе для лощения бумаги. При этом здании расположены: а) три сушила — два по 270 и одно 120 кв. сажен (каждое по четыре этажа); б) каменная *клеяная* с шестью котлами для варки клея и двумя прессами; в) *прессовальная* с тремя прессами; г) *подкамора* каменная для хранения готовой продукции. 8. *Нижняя* мельница площадью около 70 кв. сажен с четырьмя ролами при одном водяном колесе и черпальной с пятью чанами и четырьмя прессами.

В 1815 г. над имуществом умершего А. Ольхина была назначена опека. В 1820 г. после раздела имущества предприятия перешли в руки его жены Елизаветы Николаевны Ольхиной, которая около 1820 г. вышла вторым браком за Кайданова.

Еще во время опеки в 1817 г. Е. Ольхина, имея опыт ведения дел бумажной фабрики и собственное имение в Килиатской вотчине в 40 верстах от Петербурга по Кемсгольмскому шоссе, основала при существующей плотине на р. Охте новое бумагоделательное предприятие. Это предприятие получило название *Елизаветинская фабрика*, а наследованным ею предприятием было присвоено название *Александровской фабрики*⁵.

Елизаветинская фабрика была много меньше и состояла из следующих зданий: 1. Деревянное двухэтажное здание площадью 132 кв. сажени, в котором: а) в нижнем этаже: черпальная с пятью чанами, четырьмя прессами и молотовая с одним молотом; б) в верхнем этаже — браковальня тряпья и саморезка, два рола для размола тряпья. 2. Каменная *клеяная* площадью 49 кв. сажен с четырьмя котлами и одним прессом. 3. Деревянная *кладовая* и *прессовальная* площадью 28 кв. сажен. 4. Деревянное зимнее сушило площадью 36 кв. сажен. 5. Летнее деревянное четырехэтажное сушило площадью 270 кв. сажен. 6. *Подкамора* площадью 40 кв. сажен для отделки, сортировки и увязки готовой бумаги. Данных о размере и характере производства на этой фабрике установить не удалось.

На *Александровской фабрике* в 1822—1823 гг. была поставлена лощильная машина для выделки глянцевой политурной бумаги.

Оборудование *Александровской фабрики* на 1823 г. было следующее:

саморезовые ножи	4	молоты	2
ролы	22	котлы для варки клея	6
черпальные чаны	20	ящики для клейки	4
формы	20	машины для лощения политуры	1
прессы	20	цилиндры для ее прокатки	2

⁵ М. В. Кукушкина («Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в.» М.—Л., 1958, стр. 331) полагает, что название *Александровская фабрика* получила одновременно с основанием.

В это время на фабрике состояло:

главный мастер и приказчик	1	формовщики	1
конторщик	1	рольщики	2
мастера по клейке	1	черпальщики	6
» у черпака	2	валильщики ⁶	5
» у трясения тряпки	1	выметчики ⁷	5
		вдувальщики	9
			Итого:
			34 ⁸

В том же 1823 г. была выработана бумага:

Слововая и александрийская	680 стоп	Пакетная типа слововой	212 стоп
Почтовая типа английской, веленовой и обыкновенной	690 »	Печатная	16 093 »
Почтовая обыкновенная и веленовая	2100 »	Писчая	7200 »
Английская с гербом и знаком льва	1100 »	Нотная	410 »
Голландская	5450 »	Коментарная	2893 »
		Лимонная	5680 »
		Каргузная	675 »
			Итого: 43183
Политуры			38 300 листов

Как видно из приведенных данных, качество бумаги Ольхина-Кайдановой резко улучшилось, теперь оно мало отличалось от бумаги лучших западных фабрик.

Как А. Ольхин, так и Е. Кайданова для маркировки своей бумаги использовали иностранные филигранные в чистом виде:

Pro Patria	известен с 1795 г.	Vryheyt	известен с 1812 г.
Beehive	» с 1797 г.	Britannia	» »
Horn	» с 1800 г.	Seven provinces	» »

Герб Санкт-Петербурга используется с 1797 г. по 1818 г.

Приведем литерные сочетания филигранных (не считая соединения «Pro Patria»), употреблявшихся на фабриках Ольхиных-Кайдановой:

В. Е. Ольхин

Ф — ВО	1763 г.
Ф — ѿ	1770—1779 гг.
ѿ — Ф	1772—1779 гг.
СПБ — ФВѿ	1780—1791 гг.
W — OF	[177.] г.
WO —	1795 г.

Е. Н. Ольхина-Кайданова
(Александровская фабрика)

АО — АБФ	1819 г.
АБФ — ЕК	1821—1840 гг.
АБФ — АБФ	1821—1823 гг.
АБФ — [год]	1822—1835 гг.

А. В. Ольхин

— АВО	1795—1826 гг.
АО —	1796—1840 гг.
А. ольхина	1797 г.
АО — АО	1797—1829 гг.
— ФАО	1798 г.
— FAO	1798—1813 гг.
FA — WO	1799 г.

Е. Н. Кайданова
(Елизаветинская фабрика)

ЕБФ — [год]	1823—1832 гг.
ЕК —	1827—1833 гг.

⁶ Валильщики переключивали листы из формы на сукна для отжима влаги.

⁷ Выметчики отделяли листы от сукна после отжима.

⁸ Кроме того, на разных работах от 300 до 350 «собственных» людей и от 10 до 20 вольнонаемных.

Список сокращений к таблице

б/д	— без даты	постам.	— постамент
бол.	— большой	Рез.	— Резцов Н. А. Бумага в России 100 лет назад. СПб., 1912
венз.	— вензель	собр.	— собрание
е. х.	— единица хранения	Т	— Тромонин К. Я. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844
зол.	— золотой (ая)	У	— Uchastkina Z. V. A History of Russian Hand-Paper Mills and Their Watermarks. Hilversum, 1962
к.	— картон	фиг.	— фигурный (ая)
К	— Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959	Н	— Heawood Edw. Watermarks mainly of XVIIth and XVIIIth Centuries. Hilversum, 1950; 2nd ed., 1957
КСЛ	Клепиков С. А. Сатирические листы 1812—1815 годов. — «Труды» Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. VII. М., 1963, стр. 176—352	Ch	— Churchill W. A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVIIth—XVIIIth Centuries and Their Interconnections. Amsterdam, 1935
Кук.	— Кукушкина М. В. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. М.—Л., 1958	Н ² CS	— знак «Рожок» (Horn) с перевязью на пите под короной — точка у номера филиграни означает, что водяной знак воспроизведен в источнике
курс.	— курсив(ный, ная)		— вертикальная черта после девиза «Pro Patria» отделяет девиз от знака
РОГБЛ	— Рукописный отдел Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.		— двойная вертикальная черта означает, что литеры, стоящие за ней, находятся в составе филиграни
Лих.	— Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. III. СПб., 1899		
мдв.	— между двух ветвей		
мал.	— малый (ая)		
PP	— знак «Pro Patria» без девиза		

Таблица

Описание водяных знаков бумаги фабрик Ольгиных-Кайдановой

№ п/п	Левая сторона листа	Правая сторона листа	Дата	Источник, шифр и место хранения документа
А. Василий Елеазарович Ольхин				
1	Ф	ВО ¹	1763	Кук.-382; У-457'
2	Ф	ω ²	1770	Кук.-383
3	Ф ГОД	ω ²	1772, 1777	К-714
			1773	Кук.-384
4	Ф Л ³	ω ² ГОД	1775	У-461'
			1778, 1779	К-713
5	ω	Ф ⁴ ГОД	1772	К-394
			1779	Кук.-385
6	ω	Ф ⁴ .. ГОД	1776	К-395
7	СПБ ГОД	ФВω ⁵	1780—1782,	К-569 Т-794'-796'
			1786	
			1781	
8	СПБ	ФВω ⁵ ГОД	1780, 1790	К-570
9	СПБ ГОД	ФВω ⁵ А ³	1781	У-411'
10	СПБ ГОД	ФВω ⁵ Ш ³	1781	ГИМ, ф. 274, д. 8, лл. 15, 16

Таблица (продолжение)

№ п/п	Левая сторона листа	Правая сторона листа	Дата	Источник, шифр и место хранения документа
11	СПБ	ФВω ⁵	1783	ГИМ, ф. 204, д. 45, лл. 20, 20а
12 [год]	ГОДЪ	1784	Там же, лл. 21, 22
	СПБ	ФВω ⁵	1787, 1790,	
13	СПБ [год]	1791	Кук.-387
			1788	ГИМ, ф. 450, д. 246, лл. 15, 22
			1788—1791	К-571
			1790	У-412
14	W	Г ³	1788	ГИМ, ф. 445, д. 152, л. 35
15	WO ⁷	OF ⁶	[177.]	К-857
		Pro Patria [PP]	1795 ⁸	К-856
Б. Александр Васильевич Ольхин				
16	AWO ⁹ [год] ¹⁰	1795, 1796,	К-798
			1798, 1805,	
17	AWO ⁹		1807, 1812,	Кук.-388 У-238
			1814—1826	
			1796—1798,	
			1801, 1803,	
18	AWO ⁹		1819, 1820	ГИМ, ф. 395, д. 95, лл. 118, 133 Там же, лл. 77, 78
			1798	
19	AWO ⁹		1812, 1814	КСЛ, стр. 312, № 32, 33 ГИМ, ф. 135, д. 5, лл. 58, 59
			1816	
20	Pro Patria [PP]	мдв в круге, [год]	1802	К-799 ГИМ, ф. 316, д. 35, лл. 1, 10 Т-902, У-239
		AWO ⁹	1803	
21	A	мдв в круге, ¹² Оп [курс. мал. литеры]	1819	Кук.-389; ГИМ, ф. 242, д. 3, л. 1
	 [год]	1796	
22	A	Оп [курс.]	1797, 1803	К-43
		литеры]	1813, 1822,	
23	A	Оп [бол. литеры]	1824, 1826	Кук.-405 ГИМ, ф. 117, д. 303, л. 148 У-248; ГИМ, ф. 135, д. 2, л. 69
		Оп [курс.]	1824	
24	AO ¹¹ [год]	1826	ГИМ, ф. 117, д. 30, л. 21 ¹³ ГИМ, ф. 117, д. 344, л. 17
		герб СПБ, ¹ [beehive] ¹⁵	1840	
25	A: ольхина	AO ¹¹ [на постам.]	1797	К-60
		AO ¹¹ [на постам.]	1797—1799	
26	AO ¹¹		1801	К-52 Н-57 ¹⁶ ; Сh-181 ¹⁶
			1798	
27	[beehive] ¹⁵ AO ¹¹ [на постам.]		1799, 1800	Кук.-391 У-59
			1800	
28	[beehive] ¹⁵ AO ¹¹ [на постам.]	AO ¹¹	1800, 1801	Кук.-392 Лих.-3612
		AO ¹¹ [фиг. литеры]	1813	
			1801	У-60

Таблица (продолжение)

№ п/п	Левая сторона листа	Правая сторона листа	Дата	Источник, шифр и место хранения документа
29	АО II год	„beehive„ ¹⁵ АО II на постам.	1822, 1817, 1819 1919	Кук.-402 ГИМ, ф. 445, д. 186, лл. 9, 10
30	герб СПБ ¹⁴ мдв	АО II	1799, 1811 1799 1800	К-46 У-13 Кук.-393
31	герб СПБ мдв	АО II год	1813, 1815, 1816	К-46
32	АО II—Pro Patria PP	АО II мдв в круге ¹⁷	1813, 1815 1816 1818	Кук.-404 Собр. автора, № 5 Т-1025, У-14
33	АО II	„лилия“	1800	К-795
34	АО II	„Н ² С ² “ АО II	[180.]	К-47
35		„Н ² С ² “ АО II	[180.]	К-54
36	Н ² С ² АО II	АО II год	[181.] 1829	К-48 ¹⁸ ГИМ, ф. 117, д. 419, л. 3 ¹⁸
37	АО II год	„Н ² С ² “ АО II	1813 1818 1824	К-59 ¹³ Кук.-407 РО ГБЛ, ф. 203, кн. 2, лл. 252— 257
38	АО II год	„Н ² С ² “ АО II	1828	ГИМ, ф. 316, д. 403, лл. 29, 30
39 год	„Н ² С ² “ АО II	1830	ГИМ, ф. 135, д. 1, лл. 88, 85 ¹⁹
40	АО II	PRO PATRIA PP	1828	ГИМ, ф. 316, д. 63, лл. 55, 56 ¹³
41	АО II год	Pro Patria PP	1811 1812, 1813, 1818, 1829 1812, 1813, 1817 1812 1812, 1815, 1816, 1818 1819	К-56 К-58 Кук.-401 У-745
42	АО II	Pro Patria PP	1816, 1818	КСЛ, стр. 311, № 12—15
43	АО II год	„vryheyt“ ²⁰	[181.]	ГИМ, ф. 445, д. 186, лл. 12—24 К-57
44	АО II	„vryheyt“ ²⁰	1812, 1816, 1818 1812, 1818 1814, 1815, 1817 1813 1824	К-51 КСЛ, стр. 311, № 16, 17 Кук.-406 Лих.-3613; Рез.-60 ГИМ, ф. 3, д. 66, лл. 127, 127а
45	„vryheyt“ ²⁰	АО II год	1812 1813	ГИМ, ф. 400, д. 2, л. 10 Там же, ф. 450, д. 206, лл. 54, 55
46	АО II год	„Britannia“	1813	У-582
47	АО II	„Britannia“	1812, 1817, 1819, 1825 1812, 1816, 1820 1812, 1815 [181.]	К-50 Кук.-403 КСЛ, стр. 311, № 8, 9 К-49 ²¹

Таблица (продолжение)

№ п/п	Левая сторона листа	Правая сторона листа	Дата	Источник, шифр и место хранения документа
48	АО ¹¹ год	seven provin- ces ²² АО ¹¹ в круге под ла- пой льва	1812, 1814 1812	К-55' Т-738 ²³ У-381'
49	герб СПБ ¹⁴ мдв год	ФАО ²⁴	1798	Кук.-390; К-682
50	ФАО ²⁴	.. год герб СПБ ¹⁴ .. год	1798	К-683; У-12'
51	Pro Patria PP	ФАО ²⁵ бол. лите- ры	1798	К-846
52	Pro Patria PP	ФАО ²⁵ мал. ли- теры	1800	К-847
53	ФАО ²⁶	Pro Patria PP АО	[1799, 1800], 1808 6/д	К-812
54	ФАО ²⁵	Pro Patria PP	1800	Собр. автора, № 456 К-811
55	Pro Patria PP АО ¹¹	ФАО ²⁵	1801—1803	Кук.-396
56	Pro Patria PP	ФАО ²⁶	1801	Кук.-395
57	Pro Patria PP АО ¹¹	ФАО ²⁷ курс	1802 1808	Кук.-397 К-796
58	АО ²⁵	Н ² С	1799 1803	К-809 ¹³ Кук.-399 ¹³
59	ФАО ²⁵ курс. бол. литеры	АО ¹¹	1803 1805	К-810 ¹³ У-673 ¹³
60	ФАО ²⁶	Britannia	1800, 1814 1800	К-808 Кук.-394
61	ФАО ²⁶	beehive ¹⁵ АО ¹¹ на постам.	[1801] 1802	К-807 Кук.-392
62	ФАО ²⁵	beehive ¹⁵ АО ¹¹ на постам.	[после 1813 г.]	Кук.-400
63	ФАО ²⁷ курс	[?]	1810	У-455'
64	Н ² С	FAWO ²⁸	1799	К-813
65	Pro Patria PP	A 1 B 8 O 10 ²⁹	1810	КСЛ, стр. 312, № 48

В. Елизавета Николаевна Ольхина-Кайданова

А) Александровская фабрика

66	АО ¹¹ ... год	АБФ ³⁰	1819	ГИМ, ф. 445, д. 151, лл. 304— 307 ¹³
67	АБФ ³⁰ фиг. курс	ЕК ³² венз. в кольчатом круге	1801 1835 1840 1827, 1828, 1833, 1835, 1839, 1840 1830—1831, 1837, 1838	У-234' У-235' У-236' Кук.-412
68	АБФ ³⁰	ЕК ³² венз. в кольчатом круге	1827	К-13
69	АБФ ³⁰ год	seven provin- ces ³³ АБФ ³⁰ в круге под лапой льва	1821	К-12 К-11

Таблица (продолжение)

№ п/п	Левая сторона листа	Правая сторона листа	Дата	Источник, шифр и место хранения документа
70	АВФ ³⁰ год	H ² CS, АВФ ³⁰	1821	ГИМ, ф. 316, д. 60, лл. 68, 69
71		H ² CS, АВФ ³⁰	1823 1825	ГИМ, ф. 117, д. 41, л. 105 ¹³ Там же, д. 424, л. 58 ¹³
72	АВФ ³⁰ год	Pro Patria PP	1822	Кук.-409; К-7; У-759
73	АВФ ³⁰ год	beehive ³⁴ АВФ ³⁰ на постам.	1822 1822, 1823	К-10; У-64 КСЛ, стр. 311, № 1, 2
74	АВФ ³⁰ год	Britannia	1822	ГИМ, ф. 455, д. 258, лл. 90—93
75	АВФ ³⁰ фиг. литеры	Britannia	1824	ГИМ, ф. 117, д. 408, л. 69
76	АВФ ³⁰ фиг. литеры год	1822 1824	Т-1028; Кук.-408; У-233 Т-893
77	АВФ ³⁰ год год	1829, 1833 1835	К-8
78		АВФ ³⁰ год	1824	Кук.-411
79	АВФ ³⁰ № 3 год	1823	К-9
80	АВФ ³⁰ СФ ³ № 3 год	1823	Кук.-410
81	АВФ ³⁰ год	vryheyt ²⁰	1824	РОГБЛ, ф. 203, кн. 4, лл. 172, 173
Б) Елизаветинская фабрика				
82	ЕВФ ³⁵ Е: Б: Ф: ³⁶ год	1823	Кук.-552
83	 год	1827, 1829, 1830, 1836, 1841 1827, 1828, 1830 1827 1828 1832	К-241 Кук.-553 У-325 РО ГБЛ, ф. 41, к. 29, е. х. 29, лл. 1—4 У-326
84	ЕК ³² венз. в кольчатом круге год		1827 1833	ГИМ, ф. 117, д. 39, л. 74 ¹⁸ К-242 ¹⁵
85	ЕК ³⁷ венз. в круге, вписанном в орнамент год		1833 1838	Т-997, 998 ГИМ, ф. 445, д. 151, лл. 332, 333

¹ Фабрика Василия Ольхина;

см. рис. 1а.

² Фабрика Ольхина; см. рис. 1б.³ Инициалы мастера.⁴ Ольхина фабрика.⁵ Санкт-Петербургская фабрика

Василия Ольхина; см. рис.

1в.

⁶ Василия Ольхина Фабрика.⁷ Василий Ольхин.⁸ Поздний документ на старой

бумаге.

⁹ Александр Васильевич Оль-

хин.

¹⁰ См. рис. 1 г.¹¹ Александр Ольхин.¹² См. рис. 1 д.¹³ Почтовая бумага большого

формата. Обе половины листа

в индивидуальных рамках

растительного орнамента.

¹⁴ См. рис. 2.¹⁵ См. рис. 3.¹⁶ Newwood и Churchill ссылают-

ся на рукописи Королевского

географического общества

(Лондон) «Barbier de Vosage»

(Paris).

¹⁷ См. рис. 4 и 1 д.¹⁸ Почтовая бумага большого

формата.

¹⁹ Почтовая бумага большого

формата. Обе половины листа

в индивидуальных рамках

растительного орнамента.

Сдвоенная форма. Размер фор-

мы 388×480.

²⁰ См. рис. 5.²¹ На том же листе штемпель

(К-25) «Воскресенской бумаж-

ной фабрики (по овалу) || АН

(в овале)».

²² См. рис. 6²³ Только правая половина ли-

ста.

²⁴ Фабрика Александра Ольхи-

на; см. рис. 1 е.

²⁵ Фабрика Александра Ольхина.²⁶ Фабрика Александра Ольхи-

на; см. рис. 1 ж.

²⁷ Фабрика Александра Ольхи-

на; см. рис. 1 з.

²⁸ Фабрика Александра Василь-

евича Ольхина.

²⁹ Александр—I—Васильевич—

8—Ольхин—10.

³⁰ Александровская бумажная

фабрика.

³¹ Александровская бумажная

фабрика; см. рис. 1 и.

³² Елизавета Кайданова; см.

рис. 1 к.

³³ Рисунок аналогичен рис. 6,

но другие литеры в круге.

³⁴ Рисунок аналогичен рис. 3,

но другие литеры на поста-

менте.

³⁵ Елизаветинская бумажная

фабрика.

³⁶ См. рис. 1 л.³⁷ См. рис. 1 м.

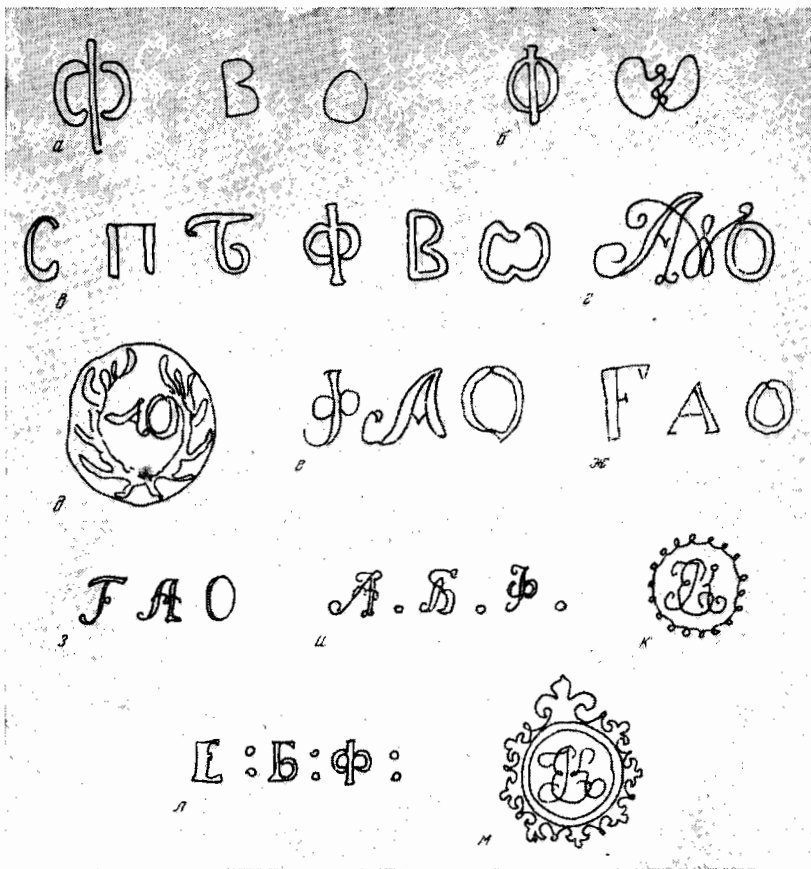

Рис. 1. Литерные филиграны фабрики Ольгиных и Кайдановой

а) 1763 г.; б) 1770—1779 гг.; в) 1780—1791 гг.; г) 1795—1819 гг.; д) 1796—1800 гг.;
 е) 1798 г.; ж) 1799—1808 гг.; з) 1810 г.; и) 1819—1836 гг.; к) 1821—1833 гг.;
 л) 1827 г.; м) 1833—1838 гг.

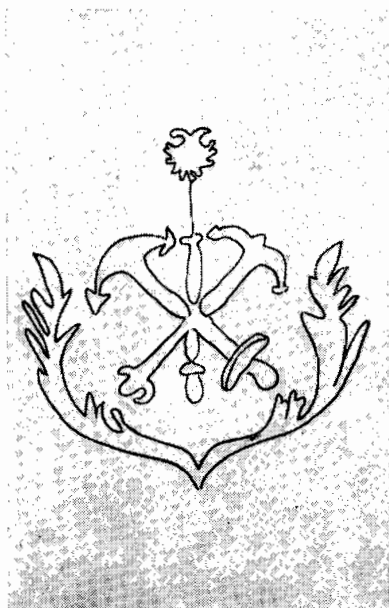

Рис. 2. Герб г. Санкт-Петербурга
 (1797—1818 гг.)

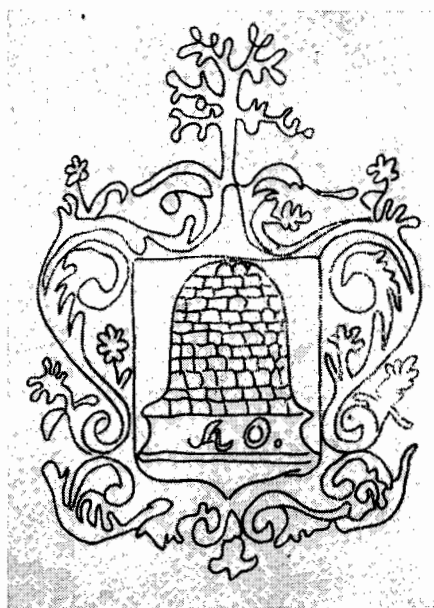

Рис. 3. Beehive (1797—1836 гг.)

Рис. 4. Pro Patria (1800 г.)

Рис. 5. Vryheyt (1812—1824 гг.)

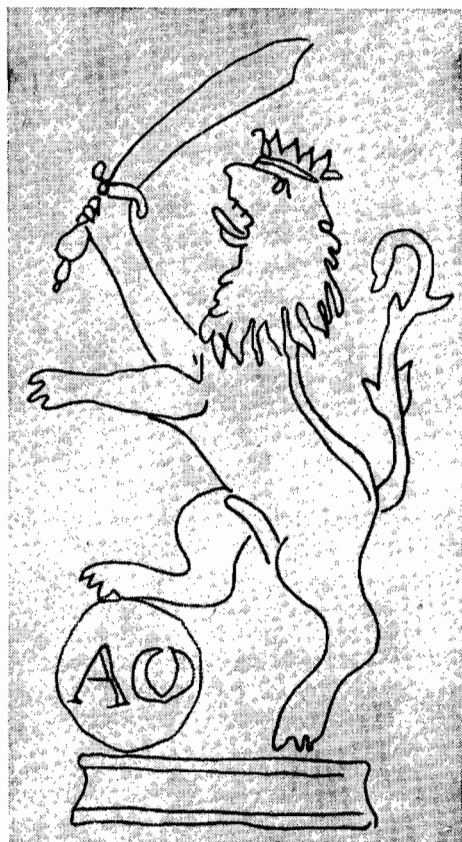

Рис. 6. Seven provinces (1812—1814 гг.)

М. П. Мироненко

МЕМОУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ АРХИВ»

В истории русской исторической журналистики значение и идейные позиции журнала «Русский архив» (1863—1917) оцениваются обычно в соответствии с тем консервативным обликом, который имел этот журнал во второй половине своего длительного существования — с конца 1880-х до 1910-х годов. Этот взгляд на «Русский архив» сложился главным образом потому, что история журнала не была до сих пор предметом специального рассмотрения, и его идейная эволюция, таким образом, не вскрыта. Она обнаруживается, между тем, при первой же попытке сравнить направление «Русского архива» в первые десять — пятнадцать лет его издания с лицом журнала в начале XX в. Издатель «Русского архива» П. И. Барте́нев прошел значительный путь от либеральных устремлений своей молодости к отчетливому консерватизму в последние десятилетия своей жизни. Этот же путь прошел и его журнал, издававшийся и редактировавшийся Барте́невым единолично.

Сформировавшийся под идейным влиянием славянофилов Барте́нев никогда, однако, не был последователен в своих либеральных воззрениях. Осуждая реакционную политику Николая I в последние годы его царствования, Барте́нев одновременно способен был легко поддаться на демагогические мероприятия правительства. Так, он бурно приветствовал обнаружение манифеста 14 декабря 1854 г., призывавшего народ к единству с правительством перед лицом войны, и был очень удивлен, что его друзья Елагины не разделили его восхищения «чистосердечным» призывом правительства: «А меня, признаюсь, радует всякое благородное и от души сказанное слово царя. Недовольство, по-моему, не должно переходить в упорство»¹.

Вместе с тем отношение Барте́нева в начале его литературной и издательской деятельности к освободительному движению, всегда являющееся пробным камнем для характеристики позиции деятелей либерального лагеря, было достаточно определенным. Чуть ли не первой мыслью Барте́нева при вступлении на престол Александра II была надежда на открывающуюся возможность амнистии ссыльным декабристам. Уже через два дня после смерти Николая I, 20 февраля 1855 г., Барте́нев писал А. Д. Блудовой, что отец ее «непременно должен просить за ссыльных 14 декабря»². С вернувшимися после амнистии 1856 г. декабристами Барте́нев вступил в тесные отношения, сохранившиеся до конца жизни.

Особую страницу в биографии Барте́нева составляют его взаимоотношения с А. И. Герценом и содействие Вольной русской печати. Работа в архиве Министерства иностранных дел вместе с известным литера-

¹ «Мои записки с 18 ноября 1854 по июнь 1858». Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (далее — ЦГАЛИ СССР), ф. 46 (П. И. Барте́нева), оп. 1, ед. хр. 5, л. 26.

² Там же, л. 61.

тором и фольклористом А. Н. Афанасьевым, принадлежавшим к редакции журнала «Библиографические записки», участники которой, как теперь выяснилось, были активными корреспондентами «Полярной звезды»³, Барте́нев именно от него мог воспринять мысль о встрече с Герценом во время предстоявшей ему заграничной поездки. Во время этой встречи Барте́нев передал Герцену снятую им в архиве копию записок Екатерины II⁴ и, таким образом, способствовал разоблачению одной из наиболее тщательно охраняемых тайн российского императорского дома. Так Барте́нев стал одним из корреспондентов «Полярной звезды». Личность Герцена произвела на Барте́нева неизгладимое впечатление. Глубоким стариком, давно отказавшимся от убеждений молодости, он говорил Е. С. Некрасовой: «Я люблю и уважаю Герцена. Это была чудесная душа!»⁵. «Русский архив» был одним из немногих русских журналов, откликнувшихся на смерть Герцена специальной статьёй о нем⁶.

Эволюция идейных возрений Барте́нева была длительным процессом. Ведя начало от польского восстания 1863 г., по отношению к которому Барте́нев занял шовинистическую позицию, она прошла все этапы, свойственные эволюции многих других либеральных деятелей после буржуазных реформ 1860-х годов. К 1880-м годам она привела его в круг высшей консервативной бюрократии. Вместе с тем, по крайней мере в первые два десятилетия издания журнала, постепенный поворот Барте́нева вправо был не очень отчетливым. С самого начала издательской деятельности ему был присущ несколько демонстративный объективизм, который позволял ему предоставлять в журнале слово выразителям противоположных и часто крайних точек зрения. Со временем, однако, консервативные взгляды начнут завоевывать в журнале все более прочное место.

Особый интерес в этой связи представляет вопрос о публикации в журнале документов по истории освободительного движения в России. Печатающая документы самих деятелей движения, Барте́нев публиковал и реакционные высказывания о тех же явлениях. Однако было бы неверным только на основании этого отрицать вклад журнала в историографию освободительного движения. Значительный материал для оценки этого вклада дает история публикации в журнале источников, относящихся к декабризму.

Надо сказать, прежде всего, что эта тематика, незадолго до этого совершенно запретная, заняла в «Русском архиве» в первые два десятилетия его издания довольно заметное место. Нет сомнения, что Барте́нев придавал большое значение раскрытию этой стороны недавнего прошлого, проявляя значительную активность в собирании и обнародовании разнообразных декабристских материалов. Сам факт публикации в русской цензурной печати документов, связанных с восстанием декабристов, был огромным шагом вперед. Каждая из публикаций на эту тему становилась заметным общественным событием и важной частью еще возникшей историографии декабризма. Как известно, даже официальная, искажавшая историю восстания книга М. А. Корфа впервые была издана только для царской семьи и двора, а русский читатель смог ознакомиться с ней лишь в 1857 г. Публикация же документов, исходящих от самих декабристов, не была возможна не только при Николае I, но и до конца 1850-х годов.

³ Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, стр. 149—162.

⁴ Л. Б. Светлов. Из разысканий о деятельности Герцена.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. VII, № 6, 1951, стр. 542—544; Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», стр. 90—92.

⁵ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. 196, к. 8, ед. хр. 11, л. 53 об.

⁶ Статья была заказана Барте́невым Погодину, но так как работа Погодина затянулась, что Барте́нев напечатал в № 3 журнала за 1870 г. статью Д. Н. Свербеева о Герцене. Статья Погодина была напечатана в журнале «Заря» (Письма П. И. Барте́нева М. П. Погодину от 22 января 1870 г. и без даты.— ЦГАЛИ СССР, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 73, лл. 12, 13).

Обнародование документов по истории декабризма в 1850-х—1860-х годах являлось одной из важных задач Вольной русской печати. Так, в 1859 г. в «Историческом сборнике», издававшемся в Лондоне Герценом, были опубликованы записки В. И. Штейнгеля о Сибири. В «Полярной звезде» печатались записки Н. А. Бестужева, сочинения и письма М. С. Лунина, «Разбор донесения тайной Следственной комиссии» Н. Муравьева, письма Рыльева и другие материалы. В 1862—1863 г. Герцен издал «Записки декабристов», куда вошли записки И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого, И. И. Пущина и др. Для большинства русских читателей эти публикации были недоступны, а связь этих материалов с деятельностью Герцена делала их особенно одиозными в России.

Бартенев начал публиковать сочинения декабристов при первой открывшейся для этого возможности: еще в 1857 г., будучи одним из редакторов «Русской беседы», он напечатал там подписанный только инициалами отрывок из воспоминаний Н. И. Лорера «Из воспоминаний русского офицера»⁷. Бартенев, таким образом, был первым, кто в русской печати начал популяризировать творческое наследие декабристов.

Для источниковедения истории движения декабристов особое значение имеют опубликованные в «Русском архиве» мемуары декабристов. Первым опытом журнала в этом направлении была публикация отрывка из «Записок» декабриста Н. В. Басаргина, посвященного его воспитанию в училище колонновожатых, где получили образование многие будущие декабристы («Русский архив», 1868, № 4—5, стлб. 793—822; далее везде указывается только год, номер и столбец или страница). Публикуя его, Бартенев преследовал не только обычную цель обнародования источников, но, вероятно, и «испытывал терпение» цензуры, готовясь к следующим шагам. В 1870 г. он решается осуществить уже целый ряд публикаций декабристских мемуаров.

Еще в 1865 г. Бартенев предпринял попытку войти в сношения с сыном декабриста Е. И. Якушкиным, в руках которого к тому времени сосредоточилась большая часть известного тогда декабристского наследия. Е. И. Якушкин начал собирать материалы декабристов сразу же после их возвращения из Сибири в 1856 г. По инициативе Е. И. Якушкина были созданы многие декабристские мемуары, в чем состоит его исключительная заслуга перед историей. Обращение Бартенева к Е. И. Якушкину свидетельствовало о намерении его открыть русскому читателю целую область неизвестных исторических фактов, в течение 40 лет находившихся под запретом. 5 июня 1856 г. Бартенев писал поэту-демократу, ярославскому историку Л. Н. Трефолеву, бывшему в то время активным корреспондентом «Русского архива»: «Знакомы ли Вы с живущим в Ярославле г. Якушкиным? Если да — то сделайте одолжение, напомните ему обо мне (мы с ним когда-то встречались в Москве) и скажите, что мне очень бы дорого было его содействие Р[усскому] Архиву присылкою бумаг, которые, как слышно, у него имеются в изобилии»⁸. Трефолев передал Якушкину просьбу Бартенева⁹, однако прошло еще более четырех лет, прежде чем Якушкин решил предоставить Бартеневу некоторые из имевшихся у него декабристских материалов. 15 декабря 1869 г. он писал Бартеневу: «В течение 15 лет я старался собрать все, что было можно, о тайных обществах 20-х годов и о ссылке в Сибирь декабристов.— Я принялся за это дело тогда, когда еще много было живых свидетелей 14 декабря — и потому большая часть собранных мною материалов имеет характер современных записок. Многие не могут еще быть напечатаны, но в настоящее время нет уже никакой причины останавли-

⁷ «Русская беседа», 1857, кн. III, стр. 81—89; 1860, кн. I, стр. 81—118.

⁸ Цит. по: С. С. Дмитриев. Сотрудничество Л. Н. Трефолева в исторических журналах.— «Ярославский край», т. 2. Ярославль, 1930, стр. 147.

⁹ Письмо Л. Н. Трефолева П. И. Бартеневу от 12.VII.1865 г.— ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 559, л. 250.

ваться печатанием того, что относится собственно до ссылки в Сибирь и до содержания в крепости»¹⁰. В связи с этим он предлагал Бартеневу для публикации два мемуарных произведения декабристов.

Одним из них была «Записка о И. И. Сухинове», написанная его другом декабристом В. Н. Соловьевым. Это была в сущности биография Сухинова, основанная на личных воспоминаниях. Члены Общества соединенных славян В. Н. Соловьев и И. И. Сухинов были офицерами Черниговского полка. Оба они были среди инициаторов восстания полка и вплоть до ареста принадлежали к основному ядру восставших. Осужденные по первому разряду, они отбывали каторжные работы в Нерчинских рудниках. Там И. И. Сухинов пытался организовать заговор и побег каторжных, а когда его планы были раскрыты, покончил с собой в ночь перед экзекуцией. Даже из этих кратких сведений о Сухинове ясно, что для первой попытки напечатать в России воспоминания о декабристе Бартенев избрал далеко не самый простой объект.

«Записка» Соловьева была опубликована в «Русском архиве» анонимно (1870, № 4—5, стлб. 908—926). Ни в первом своем письме от 15 декабря 1869 г., ни в следующем, от 27 декабря, сопровождавшем посылаемую «Записку», Якушкин не открыл Бартеневу имени автора, а называл его то «одним из декабристов», то «товарищем по ссылке Сухинова»¹¹. Но, судя по письму Бартенева к Якушкину от 5 января 1870 г., к этому времени издатель уже знал имя автора: «Не позволите ли упоминуть, что это сочинение товарища Соловьева (имя и отчество мне неизвестны)», — писал Бартенев, нисколько не смущаясь тем, что на страницах его журнала появится имя автора-декабриста¹². Поскольку рукопись «Записки» была передана ему через А. Н. Афанасьева¹³, вполне вероятно, что именно он при встрече раскрыл Бартеневу имя автора. Однако Е. И. Якушкин не дал согласия Бартеневу: «Едва ли возможно выставить имя барона Соловьева, — по крайней мере, я не считаю себя вправе на это уполномочить. Я не имею давно уже никаких сведений о Соловьеве, но думаю, что он еще жив, поэтому распоряжаться его именем без его согласия не могу», — писал он Бартеневу 5 февраля 1870 г.¹⁴ Уже после смерти Соловьева (1871 г.) его авторство было расшифровано в журнале в статье С. В. Максимова (1871, № 2, стлб. 326). Разъяснение оказалось почему-то не всеми замеченным. Издавая в 1916 г. «Записки» И. И. Горбачевского, Б. Е. Сыроечковский в приложении к ним напечатал «Записку о И. И. Сухинове», приписав ее тоже Горбачевскому. Авторство В. Н. Соловьева было окончательно доказано Ю. Г. Оксманом в 1925 г.¹⁵ Цитированная выше переписка дает для этого некоторые дополнительные данные.

Значение публикации «Записки о И. И. Сухинове» в «Русском архиве» было очень велико¹⁶. Впервые о восстании Черниговского полка, о попытке заговора и побега в Нерчинских рудниках рассказывал русским читателям его участник. Но мало того, — впервые в подцензурном русском

¹⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 561, л. 636—636 об.

¹¹ Там же, ед. хр. 562, лл. 637, 60. Используя эти письма в примечаниях к своей статье «Декабрист Горбачевский и его записки», Б. Е. Сыроечковский, Л. А. Сокольский и И. В. Порох неточно изложили их содержание, создав впечатление, что в письме от 27 декабря авторство В. Н. Соловьева было раскрыто (*И. И. Горбачевский. Записки. Письма*. М., 1963, стр. 296—297).

¹² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: *И. И. Горбачевский. Записки. Письма*, стр. 297.

¹⁵ Ю. Г. Оксман. Поимка поручика И. И. Сухинова. — В кн. «Декабристы. Незданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 53—54.

¹⁶ Наряду с воспоминаниями М. А. Бестужева, напечатанными в том же году в «Русской старине», они явились первыми опубликованными в русской печати мемуарами декабристов, непосредственно посвященными истории декабризма.

журнале была напечатана биография декабриста, представлявшая собой апологию жизненного пути дважды осужденного на смертную казнь «государственного преступника». Барте́нев вполне сознавал опасность такой публикации и из перестраховки присочинил к ней примечание, приписывающее стремление к обнародованию подобных биографий декабристов не кому иному, как императору Николаю I (1870, № 4—5, стлб. 908).

Отправляя Барте́неву «Записку о И. И. Сухинове», Е. И. Якушкин разрешал ему выпустить из нее все, что он признает нужным¹⁷. Барте́нев действительно произвел некоторую правку текста для избежания осложнений с цензурой¹⁸. В частности, было опущено место, доказывающее, что намерение «изыскивать все средства, чтобы бороться с ненавистным ему правительством» было у Сухинова еще по дороге в Сибирь, и он открыто заявлял об этом. В целом правка была не очень значительна, не меняла общего звучания документа, и изданный Барте́невым текст вряд ли заслуживает названия «обезображенного», какое ему дал Ю. Г. Оксман¹⁹.

Вслед за этой публикацией Барте́нев предоставил в журнале место для полемической статьи М. В. Юзефовича «Ответ на отзыв о генерале Лепарском» (1870, № 10, стлб. 1927—1936), в которой не только опровергались конкретные факты из «Записки», но и вообще подвергалось сомнению право Сухинова называться декабристом. В своем письме к Барте́неву от 17 апреля 1870 г. Юзефович превозносил «высокую справедливость» Николая I, поместившего Сухинова «как разбойника» в Нерчинские рудники, и называл его «каторжником, который был рожден только для преступления»²⁰. Был ли этот поступок Барте́нева вызван только стремлением предотвратить обвинения в чрезмерном сочувствии его к декабристам или он диктовался обычной для него манерой освещать явления прошлого с разных точек зрения, сказать трудно. Следуя последней тенденции, он не раз публиковал документы, исходящие от представителей наиболее консервативной части общества, сочинения, проникнутые обскурантизмом и ненавистью к свободной мысли²¹, а наряду с ними — произведения, являвшиеся высшим достижением самой свободной мысли. При этом Барте́нев воздерживался от проявления своего отношения к публикуемому материалу. За такой откровенный нейтралитет его критиковал даже П. А. Вяземский. «Можно печатать всякие исторические и биографические документы, но чувства и наклонность издателя в ту или другую сторону должны проглядывать», — писал он Барте́неву 27 сентября 1868 г.²² Помещение статьи Юзефовича, однако, не могло уничтожить политический эффект публикации «Записки» В. Н. Соловьева: его явно тенденциозные возражения не устранили факта уже совершившегося знакомства русского общества с этим замечательным документом.

Вторым мемуарным произведением, присланным Якушкиным в 1869 г., была неопубликованная часть «Записок» его отца, И. Д. Якушкина, посвященная в основном пребыванию декабристов в Чите и Петровском заводе. В следующем году «Записки» Якушкина появились в журнале (1870, № 8—9, стлб. 1566—1633). Идейная направленность «Записок» была уже достаточно известна по их лондонскому изданию, да и сам факт этого издания должен был заранее восстановить цензуру против продол-

¹⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 562, л. 60.

¹⁸ Она выявляется при сравнении журнального текста со списком «Записки», сделанным женой декабриста А. В. Поджио, по которому ее публиковал Ю. Г. Оксман («Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. 2. М., 1933) Автограф ее не сохранился.

¹⁹ Ю. Г. Оксман. Декабрист В. Н. Соловьев и его воспоминания. — Там же, стр. 20.

²⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 562, л. 310.

²¹ Например, «Записка о крамолах врагов России». — «Русский архив», 1868, стлб. 1329—1391.

²² ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 153, л. 19.

жения его в «Русском архиве». Сам Е. И. Якушкин опасался серьезных осложнений в связи с этой публикацией и, посылая записки отца, просил Бартенева не упоминать в журнале его имя²³. Хотя Бартенев хорошо знал, что первые две части «Записок» были опубликованы Герценом, и пользовался ими при подготовке третьей части к печати²⁴, его не останавливали возможные трудности. Более того, рукопись Якушкина была подготовлена к печати в «Русском архиве» без сколько-нибудь существенных сокращений и изменений²⁵. Такая полная публикация должна была внушить Е. И. Якушкину доверие к Бартеневу как издателю. После этого издатель мог надеяться получить для своего журнала все собранные Якушкиным памятники декабристского творчества.

Усилия Бартенева увенчались полным успехом: записки И. Д. Якушкина вышли в том виде, в каком их подготовил Бартенев, и не вызвали никаких нареканий со стороны цензуры. Замечательный дебют Бартенева на поприще издания мемуаров декабристов был им достойно продолжен: записки И. Д. Якушкина занимают среди них совершенно особое место, справедливо считаясь достовернейшим из рассказов участников движения о его истории. Журнал завоевал себе, таким образом, определенное и достаточно авторитетное место в начинавшейся публикации декабристского наследия.

Едва зародившись, декабристская мемуаристика вызвала к жизни острую полемику между остававшимися в живых участниками движения. Poleмика эта затрагивала широкий круг вопросов — от причин движения, его программных документов и идеологии до поведения декабристов на следствии и их отношений на каторге и в ссылке. Ее история подробно освещена в специальных работах Ю. Г. Оксмана и С. Я. Гессена²⁶.

Поводом для начала спора послужили две публикации: анонимно изданные за границей «Записки декабриста» А. Е. Розена и напечатанная в «Отечественных записках»²⁷ статья С. В. Максимова «Государственные преступники». Ответом на них явилась помещенная в «Русском архиве» статья декабриста П. Н. Свистунова «Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах» (1870, № 8—9, стлб. 1633—1668). Сама по себе эта статья, помимо своей полемической направленности, была совершенно новым явлением в русской подцензурной печати. Рассмотрение основополагающих принципов движения декабристов, изложение конституции Никиты Муравьева и «Русской правды» Пестеля было первым обращением к этим вопросам после восстания 14 декабря, а многих читателей статья впервые знакомила с содержанием этих документов. Свистунов открыто утверждал: «Лишь пламенная любовь к отечеству и желание возвеличить его, доставив ему все блага свободы, могут объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью» (там же, стлб. 1637). Указанная проблематика рассматривалась Свистуновым в связи с критикой им записок А. Е. Розена. Далеко не все критические замечания объективно отражали идеологию декабризма, но многие из них вносили обоснованные поправки в изложе-

²³ Письмо Е. И. Якушкина П. И. Бартеневу от 27.XII.1869 г.—ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 562, л. 60 об.

²⁴ Письмо П. И. Бартенева Е. И. Якушкину от 15.IV. 1870 г.—ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 2.

²⁵ Приведенные в статье И. А. Мироновой («Записки И. Д. Якушкина как исторический источник». — «Проблемы источниковедения», вып. 11. М., 1963) два примера несущественных редакторских исправлений вряд ли могут, на наш взгляд, служить основанием для утверждения о том, что в «Русском архиве» были допущены «значительные отступления от текста рукописи» (там же, стр. 124).

²⁶ Ю. Г. Оксман. Декабрист Завалишин в борьбе за опубликование своих записок. — «Декабристы. Незаданные материалы и статьи»; С. Я. Гессен. П. Н. Свистунов и А. Ф. Фролов в борьбе с Д. И. Завалишиным. — «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. 2.

²⁷ «Отечественные записки», 1869, кн. 10. Статья являлась частью изданной в 1871 г. книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга».

ние Розена. При этом полемика с Розеном, дававшая возможность затронуть в печати ряд принципиальных вопросов, была лишь одной из целей статьи Свистунова. Основной полемический удар был направлен против С. В. Максимова, информация которого, как легко обнаружили все декабристы, была основана на рассказах встречавшегося с ним в Сибири Д. И. Завалишина²⁸. Рассказы его, в свою очередь, восходили к уничтоженной в то время Завалишиным первой редакции его мемуаров. В этой полемике уже отразилось складывание двух концепций истории декабристской каторги и ссылки, одну из которых, традиционную и вошедшую с тех пор в литературу, представляла большая часть оставшихся в живых декабристов, другую, указывавшую на расслоение и противоречия в среде декабристов, защищал Завалишин.

Статья Свистунова обсуждала коренные вопросы идеологии декабризма, публично спорила с запрещенной в России книгой. Полемический задор статьи при защите морального облика декабристов не мог не привлечь к ней внимания цензуры. Однако номер журнала с этой статьей был уже разослан. Казалось бы, узнав о тревоге цензуры, Барте́нев должен был воздержаться от возражения к этой полемике в своем журнале. Но он поступил не так. После появления статьи Свистунова Розен написал Барте́неву 23 ноября 1879 г., прося поместить его краткий ответ, замечая при этом, что в случае отказа или сокращения текста он напечатает его в другом журнале²⁹. С аналогичной просьбой обратился и С. В. Максимов, который, хотя и полагал, что статья Свистунова писалась при прямом участии Барте́нева («По духу чуется редакторское рукоприкладство по некоторым вставным ругательным строкам»³⁰), но, надеясь поместить свои возражения в «Русском архиве» не высказал этого самому издателю. Барте́нев, неизменно помещавший в журнале присылаемые ему различные опровержения и поправки к его публикациям, и здесь не отступил от своих правил, но с тем, чтобы обратить возражения Розена и Максимова против них самих. С этой целью он предварительно показал оба возражения Свистунову, который написал на них обширную и весьма обстоятельную «Отповедь». Все три статьи были помещены в одном номере журнала (1871, № 2) и снабжены красноречивым примечанием Барте́нева: «Весьма вероятно, что гг. автор «Записок декабриста» (скрывающий почему-то имя свое) и С. В. Максимов снова предъявят возражения и ответы свои. Если такое предположение сбудется, то заранее просим их покорнейше обратиться в какое-либо другое издание, а не в «Русский архив», в котором едва достает места и для статей содержания фактического» (там же, стлб. 380).

Таким образом, по отношению к полемике декабристов между собой Барте́нев занял весьма недвусмысленную позицию, решительно поддержав Свистунова. С этого момента и до конца своей жизни (умер в 1889 г.) Свистунов занимает в журнале положение главного консультанта по проблемам истории декабризма. Эта позиция Барте́нева проявилась и в его дальнейших публикациях по этой тематике.

В 1871 г. постоянный корреспондент «Русского архива» одесский историк М. Ф. Шугуров осуществил в журнале публикацию донесений и других документов командиров воинских частей, подавлявших восстание Черниговского полка (1871, № 1, стлб. 257—288). Освещение событий восстания с точки зрения его душителей вызвало немедленный отклик декабристов. При этом Барте́нев, сам же опубликовавший шугуровскую подборку документов, активно способствовал подготовке для журнала воспоминаний, отражающих точку зрения участников восстания. 28 января

²⁸ Письмо М. А. Бестужева М. И. Семевскому от 29.XI.1869 г.— «Воспоминания Бестужевых». М.— Л., 1951, стр. 471.

²⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 562, л. 546.

³⁰ Письмо С. В. Максимова Д. И. Завалишину от 21.X.1870 г.— Цит. по С. Я. Гессен. Указ. соч., стр. 234.

1871 г. он сообщал Якушкину: «Матвей Иванович [Муравьев-Апостол] дал мне тоже отрывок своих воспоминаний о деле Черниговского полка»³¹, а в публикации этого отрывка в «Русском архиве» сделал примечание, что это записки, «продиктованные по нашей просьбе» (1871, № 1, стлб. 0229).

В том же 1871 г. Барте́нев предпринял издание двухтомного сборника документов «XIX век». Как и предыдущий, «XVIII век», сборник появился благодаря «обилию исторических бумаг», которые уже не вмещал «Русский архив», и был фактически приложением к нему. Половина первого тома была посвящена декабристской теме. Большая часть напечатанных здесь документов была получена от Е. И. Якушкина, хотя об этом по-прежнему умалчивалось. Наиболее интересным документом в сборнике были «Записки» декабриста Н. В. Басаргина.

Возвратившись из Сибири, Н. В. Басаргин очень сблизился с Е. И. Якушкиным и именно по его настоянию стал писать мемуары. Впоследствии престарелый декабрист завещал Якушкину все свои бумаги и в том числе «Записки»³², которые, таким образом, хранились у Якушкина с 1861 г. (год смерти Басаргина). Барте́нев знал об этом и еще в 1869 г. просил владельца разрешить ему напечатать записки. В то время Якушкин считал их опубликование преждевременным: «Записки Басаргина, по моему мнению, следует еще подождать печатать для того, чтобы можно было их напечатать без пропусков», — писал он Барте́неву 15 декабря 1869 г.³³, предпочитая отложить обнародование ценных мемуаров на неопределенный срок, чем напечатать их в урезанном виде. Вскоре, однако, Е. И. Якушкин пересмотрел свое отношение к этому вопросу. «По некоторым обстоятельствам, — сообщал он Барте́неву о «Записках» 24 января 1871 г., — мне необходимо поспешить изданием как их, так и других собранных мною материалов»³⁴. Каковы бы ни были эти обстоятельства, но Якушкин теперь сам предлагал издание Барте́неву, делая лишь одну оговорку: «...весь вопрос в том, могут ли они быть напечатаны без пропусков»³⁵. Барте́нев, конечно, не был уверен в возможности провести полностью текст этих записок через цензуру, и во время их личной встречи в феврале 1871 г. ему, очевидно, удалось убедить Якушкина в необходимости пойти на уступки. Долгожданная рукопись оказалась у издателя «Русского архива». К работе над нею Барте́нев привлек П. Н. Свистунова, который выступил в данном случае не только в роли компетентного рецензента и редактора, но, в известном смысле, цензора. Как выясняется из переписки и анализа самой публикации, Свистунов требовал изменения текста тех мест «Записок», в которых освещение фактов декабристской истории автором в чем-то расходилось с его собственными взглядами на них. «Петр Николаевич несколько отрезвляет меня, — писал Барте́нев Якушкину 9 мая 1871 г., — мы не дошли еще до двух мест, против которых он восстает. Но изменений в тексте я не допущу. Пропуски означаются тремя точками»³⁶. Якушкин горячо одобрил твердость, проявленную Барте́невым: «Я был уверен, что Вы не согласитесь ни на какие изменения в тексте, да на них и невозможно согласиться уже потому, что мы издаем материал и за вкравшиеся в него ошибки ни в каком случае не ответчики, но на нас легла бы нравственная ответственность за искажения текста. Какие бы ни были ошибки в записках Басаргина, можно положительно сказать, что это лучшие из записок декабристов»³⁷.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 3.

³² Письмо Е. И. Якушкина П. И. Барте́неву от 29.VI.1871 г.— ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 563, лл. 192—193 об.

³³ Там же, ед. хр. 561, л. 636.

³⁴ Там же, ед. хр. 563, л. 18 об.

³⁵ Там же, л. 18.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 4 об.

³⁷ Письмо Е. И. Якушкина П. И. Барте́неву от 18.V.1871 г.— ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 563, л. 410 об.

«Записки» Басаргина были опубликованы без изменений в тексте, но с купюрами. Были выпущены все упоминания о намерении тайного общества ограничить самодержавие, резкие оценки личностей Александра I и Николая I и сделанные из них выводы о развращающем действии самовласти на русских царей, рассказы о недобросовестных и пристрастных методах Верховной следственной комиссии. С другой стороны, была опущена целая глава о политическом и экономическом устройстве Сибири — просто потому, что она показалась Бартеневу мало интересной. Главную роль в этом превентивном сокращении текста мемуаров сыграли цензурные расчеты самого Бартенева, но, вероятно, часть купюр была уступкой Свистунову: отказавшись от предложенных им изменений текста, Бартенева согласился выпустить некоторые спорные места.

Следует отметить, что в этой публикации даже незначительные пропуски двух-трех слов обозначались отточием. Такая точность, вообще отнюдь не характерная для археографических приемов Бартенева, говорит и о влиянии Е. И. Якушкина, и о том значении, которое Бартенева придавал этой публикации.

Все остальные декабристские материалы в сборнике «XIX век» были посвящены К. Ф. Рылеву. Они открывались воспоминаниями Е. П. Оболенского о казненном декабристе, полученными также от Якушкина («На днях я вышлю Вам любопытную записку о Рылеве, составленную для меня Оболенским», — писал он 24 января 1871 г.³⁸). Эти воспоминания, принадлежащие близкому другу Рылева и одному из руководителей восстания 14 декабря, представляли огромный интерес, несмотря на то что обратившийся в сибирской ссылке к религии и весьма раскаивавшийся в своем революционном прошлом Оболенский был склонен смягчать политические цели декабристов, сводя их к нравственному усовершенствованию русского общества. Воспоминания Е. П. Оболенского были до этого уже дважды опубликованы за границей. Впервые они появились в газете «Будущность»³⁹, издававшейся известным политическим эмигрантом П. В. Долгоруковым, а спустя несколько месяцев их напечатал Н. В. Гербель в предпринятом им в Лейпциге издании полного собрания сочинений Рылева. И Гербель, и Долгоруков получили воспоминания из того же источника, что и Бартенева — от Е. И. Якушкина через П. А. Ефремова⁴⁰.

Текст воспоминаний Оболенского был подвергнут в «Русском архиве» довольно существенным сокращениям, при этом далеко не всегда цензурного характера. Если некоторые купюры были, безусловно, рассчитаны на возможные претензии цензуры (о том, что Рылев видел в Каховском «второго Занда», о справедливости «божьего суда», высшего по сравнению с земным), то в других сокращениях очевидно влияние Свистунова, защищавшего от Оболенского нравственную правоту движения декабристов. Так, опущен был текст, в котором утверждалось, что восстание 14 декабря противоречило нравственным убеждениям многих его руководителей и участников, а в другом месте — защита Оболенским действий Верховного уголовного суда⁴¹. Оба этих отрывка находились в глубоком противоречии с мнениями по этим вопросам, высказанными в упоминавшейся нами выше статье Свистунова. Бартенева, печатавшему в журнале и гораздо более реакционные оценки декабризма, не было необходимости делать эти купюры. Здесь, по всей вероятности, сыграло роль то обстоятельство, что подобные идеи в данном случае были высказаны декабристом, и Свистунов должен был препятствовать их обнародованию.

³⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 563, л. 18 об.

³⁹ «Будущность», 1861, № 5—11.

⁴⁰ Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», стр. 198; он же. Герцен против самодержавия. М., 1973, стр. 315.

⁴¹ К. Ф. Рылев. Полн. собр. соч. Лейпциг, 1861, стр. 59, 65—67.

Одновременно с воспоминаниями Оболенского Якушкин выслал Бар-теневу самое раннее из декабристских мемуарных произведений (1832) — «Воспоминание о Кондратье Федоровиче Рылееве» Н. А. Бестужева, списком которого он располагал. Эти воспоминания тоже были опубликованы за границей («Полярная звезда», VI кн., 1861), что, несомненно, было известно Бартеневу, но не остановило его. Воспоминания, однако, были сокращены почти вдвое. Бартенева отмечал, что публикует «выдержки» из записок Бестужева⁴². Сокращая воспоминания, издатель выпустил все места, где говорилось о деспотизме русского правительства, о рабстве народа, о стремлении декабристов к свободе. Были выпущены все упоминания о деятельности Рылеева в тайном обществе, что наносило явный ущерб смыслу изложения. По публикуемому тексту выходило, что Рылеев направлял все силы на борьбу с Аракчеевым, в котором он видел главного врага. Была выброшена, наконец, заключительная и главная часть воспоминаний, подробно рассказывающая о подготовке к восстанию и о роли в ней Рылеева. На этот раз купюры были отмечены непосредственно и вовсе не оговаривалось, что публикация представляет собой лишь выдержки из воспоминаний. Но и в этом препарированном виде воспоминания Бестужева сохранили свою общую направленность: они показывали образ пламенного патриота, служившего освобождению своего отечества.

Воспоминания Оболенского и Бестужева дополняла в сборнике «XIX век» статья «По поводу воспоминаний о Рылееве», принадлежавшая Е. И. Якушкину, скрывшемуся за инициалами Е. Я. Статья призывала к изучению истории движения декабристов, смысл которого «затемнился до такой степени, что еще недавно приписывали людям этого времени мнения, против которых они с увлечением ратовали всю жизнь»⁴³. Отмечая «неблагоприятные условия, в которых до сих пор находятся исторические исследования» на эту тему, Якушкин ставил вопрос об издании сочинений Рылеева, аргументировал принадлежность ему некоторых произведений и опровергал его авторство по отношению к другим. Часть статьи была посвящена перечислению и анализу произведений Рылеева. Этот прием позволил Якушкину вставить в свою статью несколько абзацев, посвященных важнейшим вопросам (избирательный ценз, освобождение крестьян) Конституции Никиты Муравьева и замечаниям на нее Рылеева. Это доказывает, между прочим, что Якушкин уже тогда располагал рукописью Конституции, которую в 1904 г. его сын В. Е. Якушкин передал в Румянцевский музей⁴⁴. Издание в «Русском архиве» подобной статьи Якушкина не оставляет сомнений в том, насколько Бартенева был заинтересован в его сотрудничестве и в какой степени занимала его в то время декабристская тема.

В сборнике был помещен один необычный документ, который не вполне даже можно назвать декабристским — «Записка» Грабе-Горского, странном образом оказавшегося среди людей, осужденных Верховным уголовным судом. Бывший Кавказский вице-губернатор, уволенный за махинации с казенным спиртом, присвоивший себе графское достоинство, подделав документы, человек с репутацией ростовщика, двоеженец, он волею случая оказался среди декабристов и вместе с ними отправился в Сибирь. Ни современники Горского, ни позднейшие историки так и не поняли мотивов, по которым он пришел 14 декабря на Сенатскую площадь, вооруженный пистолетом, и даже — по некоторым показаниям и воспоминаниям — возбуждал народ к действиям против правительственных войск. И облик Горского до 14 декабря, и его последующее поведе-

⁴² Письмо П. И. Бартенева Е. И. Якушкину от 19.VIII.1871 г. — ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 7 об.

⁴³ «XIX век», кн. 1. М., 1872, стр. 352.

⁴⁴ Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 152.

ние (например, ложный донос Бенкендорфу из Сибири на декабристов Ентальцева, Фохта и Черкасова) дают основание видеть в нем совершенно случайного человека среди декабристов⁴⁵. Таким считал себя и сам Горский. Для доказательства этого и была составлена его записка, поданная им приезжавшему в 1832 г. в Сибирь полковнику корпуса жандармов Кельчевскому. К Бартеневу она попала от тайного советника М. М. Попова. Как источник для истории восстания записка не представляла никакой ценности, лишь неопровержимо доказывая, что человек, подобный Горскому, только случайно мог оказаться на площади среди восставших. Последовавший арест и осуждение Горского, описанные в записке, доказывают, впрочем, еще раз «объективность» суда и следствия над декабристами.

Первый том сборника «XIX век», содержащий такие обильные материалы о декабризме, вызвал пристальное внимание к себе со стороны цензуры. Этому способствовали и новые предъявленные к ней требования: в феврале 1871 г. появилось конфиденциальное предложение Главного управления по делам печати о «недопущении в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, покинувших его и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения...»⁴⁶. «Цензор Вельяминов вчера приехал ко мне спрашивать, когда именно будут выпущены в свет записки (Басаргина.— М. М.), у них-де есть какое-то высоч[айшее] повеление относительно произведений государственных преступников», — сообщал Бартенев Якушкину 19 августа⁴⁷. Том все же вышел с «Записками» Басаргина, но со значительным опозданием. Бартенев рассчитывал разослать его в сентябре⁴⁸, однако вместо обычных двух недель книга пробыла в цензуре полтора месяца и вышла в свет только в ноябре 1871 г.⁴⁹ (при этом на титульном листе был указан 1872 г.).

Следующими декабристскими мемуарами, появившимися в «Русском архиве» в 1874 г., была заключительная часть «Записок» члена Южного общества Н. И. Лорера. Лорер был осужден по четвертому разряду, 12 лет провел в Сибири, а затем, как и некоторые другие декабристы, был отправлен на Кавказ. Произведенный в 1842 г. в прапорщики пятидесятилетний Лорер немедленно вышел в отставку и поселился в своем селе Водяное под Херсоном. С 1851 г. он мог изредка приезжать в Москву. Здесь в доме известного мецената А. Д. Черткова, женатого на сестре друга Лорера, декабриста Захара Чернышева, Лорер в 1856 г. познакомился с Бартеневым⁵⁰. Лорер был великолепным рассказчиком⁵¹. Услышав однажды рассказ Лорера о его участии в заграничном походе русских войск в 1813—1814 гг., Бартенев предложил ему записать рассказ и опубликовать его в «Русской беседе», где он тогда сотрудничал. Сам Лорер не ожидал этого и был очень признателен Бартеневу: «Получил 25 р. и не понимаю, за что. Неужели мой рассказ русского офицера, который я шутками рассказал княгине Е[катерине] Алекс[еевне] Черкасской, стоит 25 рублей? Дорого, щедро платите за подобные рассказы!» — писал он Бартеневу 19 мая 1857 г.⁵² Итак, именно Бартенев натолкнул Лорера на мысль писать мемуары. Позднее Бартенев жаловался Якушкину: «Лорера записки

⁴⁵ А. В. Предтеченский. О. В. Горский и его «Записка». — В кн.: «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. 2, стр. 174.

⁴⁶ «Красный архив», 1940, № 1, стр. 249.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 6 об.

⁴⁸ Письмо П. И. Бартенева Е. И. Якушкину от 25.VII.1871 г. — Там же, л. 5 об.

⁴⁹ Письмо П. И. Бартенева Е. И. Якушкину от 6.III.1872 г. — Там же, л. 8.

⁵⁰ Письмо Н. И. Лорера П. И. Бартеневу от 31.V.1860 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 556, л. 61.

⁵¹ «Воспоминания Бестужевых», стр. 263.

⁵² «Записки декабриста Н. И. Лорера». Подготовка текста, комментарии и вступительная статья М. В. Нечкиной. М., 1931, стр. 393.

ушли у меня из-под рук, хотя он начал писать по моей просьбе...»⁵³ Это подтверждает письмо самого Лорера М. М. Нарышкину о начале своей работы над мемуарами⁵⁴. 31 мая 1860 г. Лорер писал Бартеневу: «...может быть, в скором времени пришло для Вашего славного журнала другого рода воспоминание — *Четинский острог*, совершенная противоположность югу, как в климатическом, так и в нравственном смысле»⁵⁵. На деле вместо этого Лорер начал писать «Записки моего времени», охватывающие 30 лет от поступления автора на военную службу в 1812 г. до выхода его в отставку в 1842 г. Записки были окончены в 1867 г., но переговоры Бартенева с автором о возможности их напечатания в «Русском архиве» возобновились только спустя пять лет. 9 октября 1872 г. Лорер отвечал на запрос Бартенева: «Записки мои (*Записки моего времени*) находятся теперь у моего племянника А. О. Россет, прежде они были предназначены для «Русской старины», господину Семевскому. Но тут вышло недоразумение и другие обстоятельства: они теперь в Москве. Мне будет весьма приятно, желательно, если пожелаете приобрести их для вашего интересного, славного «Архива». Но боюсь стеснительную цензуру! Когда я писал мои записки, в моем деревенском уединении, я не предполагал печатать их, и теперь вышло противное по просьбе моих друзей и приятелей — которые нашли их очень интересными»⁵⁶. Все дальнейшие переговоры о печатании этих мемуаров Бартенева вел уже с А. О. Россетом.

История подготовки рукописи Лорера к печати была подробно проанализирована М. В. Нечкиной, впервые опубликовавшей эти записки полностью⁵⁷. Сохранившиеся две редакции их⁵⁸ дали ей возможность проследить как характер замечаний тех лиц, которым давал читать рукопись сам Лорер, а впоследствии, вероятно, Бартенева, так и последующую правку «Записок» при подготовке их к печати в «Русском архиве».

Первым читателем «Записок», сделавшим наиболее многочисленные замечания, был знакомый Лорера, которого М. В. Нечкина сперва отождествила с Д. Е. Остен-Сакеном, а затем — с М. В. Юзефовичем⁵⁹. Другие замечания к тексту рукописи показывают, что Бартенева и в этом случае пользовался советами и редакторской помощью живших в Москве декабристов П. Н. Свистунова, М. И. Муравьева-Апостола.

«Записки» Лорера были напечатаны в «Русском архиве» только в 1874 г., когда самого Лорера уже не было в живых (№ 2, стлб. 361—418; № 9, стлб. 639—703). Несмотря на очевидную подготовку к печатанию в журнале всей рукописи, в «Русском архиве» появилась лишь вторая половина «Записок». Наиболее существенная для истории движения декабристов первая их часть — один из важнейших источников по истории Южного общества — увидела свет спустя 30 лет⁶⁰. Поскольку предназначавшаяся для типографии рукопись включала весь текст «Записок», М. В. Нечкина выдвинула предположение, что она была набрана в типографии целиком, а затем первая половина набора рассыпана⁶¹, что могло быть лишь по требованию цензуры. Анализ рукописи, по которой набирался текст «Записок» Лорера в «Русском архиве», позволяет прийти к нескольким иным выводам: 1) первоначально Бартенева намере-

⁵³ Письмо П. И. Бартенева Е. И. Якушкину от 6.III.1872 г.— ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 456, л. 8 об.

⁵⁴ «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 394.

⁵⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 556, л. 60 об.

⁵⁶ Там же, ед. хр. 564, лл. 474 об.—475.

⁵⁷ М. В. Нечкина. Декабрист Н. И. Лорер и его «Записки». — В кн.: «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 6—45.

⁵⁸ Первая — авторизованная, находилась в 1931 г. в Коммунистической Академии, вторая — редакционный список для набора (ГБЛ, ф. 178, № 6051).

⁵⁹ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 34—42.

⁶⁰ «Русское богатство», 1904, кн. III, VI, VII.

⁶¹ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 32.

вался опубликовать текст «Записок» целиком; именно с этой целью рукопись была подвергнута им значительному сокращению и затем переписана; 2) когда рукопись была уже подготовлена к набору, Барте́нев не рискнул обнародовать подробный рассказ о деятельности Южного общества и решил ограничиться периодом службы Лорера на Кавказе. Об этом свидетельствует сделанная им на стр. 219 рукописи наклейка с тем заглавием, под которым публикация появилась в журнале — «Из записок Николая Ивановича Лорера»; новая пагинация от этой страницы до конца; а также тот факт, что характерные следы пальцев наборщиков имеются на рукописи только начиная с этой страницы. Таким образом, первая половина рукописи вообще не набиралась.

Барте́нев сознавал, по-видимому, необходимость как-то оправдать свои действия в глазах уже довольно широкого круга лиц, знакомившихся с «Записками» в рукописи. В примечании к ним Барте́нев объяснял публикацию лишь второй их части тем, что в «первой части они не содержат в себе чего-либо особенно нового», а также недоверием к достоверности рассказов мемуариста. «Н. И. Лорер был человек необыкновенно любезный и добродушный; строгая же точность не составляла принадлежности его характера» (1874, № 2, стлб. 361). Оба эти утверждения не соответствовали истине и вряд ли отвечали убеждению самого издателя. Сам факт, что Барте́нев подготовил ее к печати целиком, говорит о том, что он ценил ее высоко. Но и вторая половина текста была опубликована неполностью: в ней было сделано немало купюр. Так как опубликованный в журнале текст совпадает с рукописью наборной и сокращен по сравнению с авторизованной, то очевидно, что купюры были сделаны не в результате требований цензуры, а в ходе редакторской правки Барте́нева, предвосхищавшей ее возможные требования. Опущенные высокие оценки А. И. Одоевского, которого привело в Сибирь «не ребячество, а любовь к отечеству и стремление на развалинах деспотизма, самого самодурного, самого пагубного для общества [построить] благо России», В. Н. Лихарева как «одного из замечательнейших людей своего времени», сведения о злоупотреблениях сибирских чиновников и многие другие купюры представляют собой, несомненно, результат политической редакторской правки Барте́нева. Верный своим издательским принципам Барте́нев опускал также места, казавшиеся ему менее интересными. Так, были опущены рассказы о знакомстве с Н. В. Мейером, прототипом доктора Вернера в «Герое нашего времени», о племяннице автора А. О. Смирновой-Россет.

При «Записках» Лорера в «Русском архиве» были опубликованы «Прибавления» к ним, включавшие некоторые хранившиеся в архиве декабриста материалы. Именно здесь впервые в России было полностью напечатано стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд» (в журнале названное «Послание А. С. Пушкина в Сибирь») ⁶².

Издавая в 1872 г. «Записки» Басаргина, где приводилось это стихотворение, Барте́нев, при всей своей привязанности к творчеству Пушкина, не решился напечатать его целиком, а оставил в тексте лишь первую строчку ⁶³. Всего лишь через два года, когда на страницы печати стало проникать все больше декабристских материалов, он уже решает на подобную акцию. Чтобы нейтрализовать предание гласности запрещенного столь долго произведения, Барте́нев сообщил в примечании, что «Пушкин отнюдь не сочувствовал делу декабристов и осуждал их замыслы...» Ухищрения эти, однако, не помогли. Публикация «Записок» Лорера с прибавлениями к ним вызвала серьезные нарекания со стороны цензуры ⁶⁴.

⁶² В 1856 г. было издано Герценом во II книге «Полярной звезды», в 1861 г. (№ 19, стр. 596—597) в «Библиографических записках» были помещены отрывки из него.

⁶³ «XIX век», кн. 1, стр. 136.

⁶⁴ М. И. Ахун. Чертковская библиотека и «Русский архив». — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 76, ед. хр. 68.

После 1874 г. публикация декабристских мемуаров становится в «Русском архиве» все более редким явлением. Интервалы между ними составляют теперь не менее трех-четырёх лет, исключения делаются лишь для особенно значительных материалов. В 1870-е годы в журнале довольно активно печатается декабрист В. С. Толстой (Сэр Джон Макниль.— 1874, № 4, стлб. 884—898; Из воспоминаний о Грузии. Дело ген. Шварца.— 1877, № 5, стр. 37—47; Кн. М. С. Воронцов.— 1877, № 11, стр. 293—310 и др.). Вероятно, он познакомился с Бартевым все в том же доме Чертковых (Толстой всю жизнь был верен своей юношеской любви к Е. Г. Чертовой). Трудно, однако, рассматривать его мемуарные этюды в ряду собственно декабристских воспоминаний — так избегал автор каких-либо намеков на эту сторону своего прошлого. Несколько больше затрагивалась история движения декабристов в записках П. И. Фаленберга, отрывки из которых были помещены в «Русском архиве» (1877, № 9, стр. 92—105; № 10, стр. 199—217). П. И. Фаленберг, хотя и был принят в члены Южного общества в 1822 г., но фактически никакого участия в его деятельности не принимал и поэтому не мог сообщить в своих записках ничего существенного. Тем не менее и они содержали некоторые сведения о вовлечении автора в общество А. П. Барятинским, о суде и следствии над декабристами.

После значительного перерыва⁶⁵, в 1881 г., Бартев напечатал в журнале воспоминания Г. С. Батенькова «Данные. Повесть собственной жизни». Они были предоставлены ему Н. А. Елагиным (1881, № 2, стр. 276): его отец А. А. Елагин был ближайшим другом Батенькова и вместе с ним участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг. Не менее дружен был Батеньков и с женой Елагина Авдотьей Петровной⁶⁶. Елагины, несомненно, знали о принадлежности Батенькова к тайному обществу. Это доказывает, в частности, письмо⁶⁷, написанное им Батеньковым 18 декабря 1825 г. с тем, чтобы дать им знать, что он еще не арестован⁶⁷. Когда Батеньков был амнистирован и вернулся в Европейскую Россию, он приехал прямо в имение Елагиных. Его друга уже не было в живых, но вся семья Елагиных-Киреевских стала для него родной. После смерти Батенькова к Елагиным перешли все его материалы.

Бартев в молодости также был очень близок к дому Елагиных. Занявшись изучением биографии Жуковского, Бартев познакомился с его племянницей А. П. Елагиной, хранившей множество писем Жуковского к ней, а затем сблизился и со всей семьей. «Знакомство с Елагиными принадлежит к немногим, вполне счастливым обстоятельствам моей жизни. Я полюбил их от всего сердца, и эта семья сделалась мне как родная», — вспоминал Бартев в конце жизни⁶⁸. Какое-то время Бартев даже жил у Елагиных, — во всяком случае, в объявлении его об отъезде за границу в 1858 г. в качестве адреса Бартева указан дом Елагиных⁶⁹. Вероятно, у Елагиных Бартев познакомился с Батеньковым, беседы с которым вызвали у него глубокий интерес⁷⁰. Вполне естественно, что воспоминания старого декабриста, написанные по просьбе Н. А. Елагина, появились именно в «Русском архиве». Они отличаются от других мемуаров декабристов особым, присущим Батенькову стилем изложения и

⁶⁵ Напечатанные в 1878 г. записки С. П. Шипова, лишь мельком задевшего в них декабристскую тему и даже не упомянувшего о собственной принадлежности к Союзу Благоденствия, мы не учитываем в числе декабристских мемуаров.

⁶⁶ Л. М. Иванова. Фонд Г. С. Батенькова. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 13. М., 1952, стр. 43.

⁶⁷ «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля (Из архива Елагиных)». М., 1936, стр. 165.

⁶⁸ П. И. Бартев. Автобиография. — ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 603, л. 25 об.

⁶⁹ См. газетную вырезку в рукописи П. И. Бартева «Мои записки с 18 ноября 1854 по июнь 1858». — Там же, ед. хр. 5, л. 92.

⁷⁰ См. некролог Батенькова, напечатанный Бартевым в газете «День» от 9 ноября 1863 г., стр. 22.

мышления, обилием философских размышлений. Первая часть записок посвящена детству и отрочеству автора и представляет значительный интерес для биографов декабриста, показывая формирование его личности. Во второй части Батеньков, бывший в 1819—1822 гг. помощником Сперанского сначала в Сибири, а затем в Петербурге, анализирует государственные мероприятия Сперанского и его управление Западной Сибирью. На этом воспоминания Батенькова кончались, не касаясь ни словом ни истории тайных обществ, ни взглядов автора. Есть, однако, рассказ о существовании некогда других записок Батенькова, написанных им в Сибири и оставленных у вдовы томского исправника А. М. Лучшевой, в семье которой Батеньков жил на поселении. По этому рассказу, они были по ее завещанию похоронены вместе с ней⁷¹. Если эти записки действительно существовали, то, вероятно, касались следующего этапа биографии автора. Автограф опубликованных записок Батенькова не сохранился, и теперь единственным источником текста является «Русский архив».

Среди последних публикаций декабристских мемуаров, осуществленных Бартевым, особый интерес вызывает история печатания в журнале «Записок» И. И. Горбачевского (1882, № 2, стр. 435—555), вокруг которых возникли споры в дореволюционной и советской исторической науке. Как сообщал Бартев в предисловии, подлинная рукопись «Записок» была привезена ему из Сибири (там же, стр. 435). Судя по датированным пометам, оставленным переписчиком «Записок» на полях снятой с них копии, рукопись была доставлена Бартеву не позднее 1871 г. — времени, когда интерес Бартева к публикации декабристского наследия, как мы видели, был наибольшим. Однако прошло еще десять лет, прежде чем Бартев взялся за ее публикацию. Присланная из Сибири рукопись была анонимной, не имела заглавия, и поэтому Бартев дал ей собственное наименование: «Записки неизвестного из Общества соединенных славян». Сам Бартев высоко оценил эти мемуары. Изменив на этот раз своей традиции хранить нейтралитет, публикуя самые противоречивые материалы, и ничем не обнаруживая свое отношение к тем или иным из них, Бартев писал в предисловии: «Они замечательны беспристрастием изложения и важны потому, что «Общество соединенных славян» до сих пор было известно весьма мало в нашей печати» (там же). Через 8 лет он повторил свою оценку «Записок»: «Подобно запискам Басаргина..., эти записки принадлежат к числу лучших исторических показаний о той эпохе» (1890, № 9, стр. 112). Уже при публикации «Записок» Бартев догадывался об имени их автора: «Кажется, что записки эти составлены бывшим подпоручиком 8 артиллерийской бригады Иваном Ивановичем Горбачевским; но ручаться в этом нельзя» (1882, № 2, стр. 435). Одновременно в примечании Бартев высказывал предположение, что автор этих записок и «Записки о И. И. Сухинове» — одно и то же лицо (1882, № 2, стр. 554)⁷². Вскоре Бартеву представился случай убедиться, что первое его предположение было верно и «Записки» принадлежат именно Горбачевскому. Племянник Горбачевского, известный коллекционер О. И. Квист, предложил Бартеву сличить «Записки неизвестного» с хранившимися у него письмами Горбачевского; почерк оказался идентичным. Тогда Бартев оповестил читателей журнала об авторстве Горбачевского (там же, № 4, стр. 311).

Однако история публикации «Записок» в «Русском архиве» оставляла место для сомнений, тем более что сама подлинная рукопись исчезла. Готовя в 1925 г. «Записки» к отдельному изданию, Б. Е. Сыроечковский предположил, что Бартев имел дело не с автографом, а с копией запи-

⁷¹ А. В. Адрианов. Томская старина. — В кн. «Город Томск». Томск, 1912, стр. 34.

⁷² Таким образом, Бартев колебался между авторством И. И. Горбачевского и В. Н. Соловьева.

сок, сделанной в Сибири⁷³. Авторство же Горбачевского не вызывало сомнений вплоть до появления статьи М. В. Нечкиной «Кто автор «Записок И. И. Горбачевского?»» В ней на основании тех же аргументов, которые использовал Б. Е. Сыроечковский для доказательства своего мнения, а также сравнительного анализа «Записок» и письма Горбачевского М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г., содержащего много сведений о движении декабристов, М. В. Нечкина отвергала авторство Горбачевского и выдвигала гипотезу о принадлежности «Записок» П. Борисову⁷⁴. Предприняв новое издание «Записок» и писем Горбачевского, Б. Е. Сыроечковский, Л. А. Сокольский и И. В. Порох еще раз рассмотрели все имеющиеся данные и в результате этого продолжали настаивать на авторстве Горбачевского⁷⁵. Этим дискуссия, однако, не завершилась. Продолжает сохранять свою точку зрения М. В. Нечкина, в своей рецензии на это издание подвергая сомнению и ход рассуждений авторов и саму методику их исследования⁷⁶. Новая точка зрения была выдвинута Н. Н. Лысенко, предположившим, что рукопись, присланная в «Русский архив», была идентична по почерку хранящейся в архиве Шильдера в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина копии «Записок», сделанной, как он доказал, рукой М. А. Бестужева. Отталкиваясь от этого и привлекая переписку М. А. Бестужева с И. И. Горбачевским и М. И. Семевским, автор утверждал, что «Записки» явились плодом коллективного труда Борисова, Горбачевского и других декабристов, литературно же они были оформлены М. А. Бестужевым⁷⁷. Иного мнения придерживается Г. П. Шатрова, выдвинувшая в качестве автора «Записок» Ф. Ф. Вадковского⁷⁸.

Новым веским аргументом в пользу принадлежности «Записок неизвестного» И. И. Горбачевскому является не привлекавшееся до сих пор свидетельство Д. И. Завалишина, содержащееся в его неопубликованных мемуарах, недавно поступивших на государственное хранение.⁷⁹

В одном из подстрочных примечаний он указывает: «То, что напечатано в «Русском архиве», составляет только отрывок из Записок Горбачевского, да и тот, сколько могу припомнить, напечатан по-видимому не вполне. Горбачевский даже желал, чтоб я взял его Записки для сохранения у меня в Чите, но я не решился взять их, не считая и свои собственные в безопасности, при тогдашней борьбе моей с Муравьевым и Корсаковым...»⁸⁰ Из этих слов следует, что авторство Горбачевского не вызвало у читавшего в Сибири «Записки» Завалишина никаких сомнений. Он так хорошо помнил их текст, что не только указал на публикацию Бартеневым лишь их части, но и на наличие сокращений в ней. Мало вероятно, что Завалишин рассказывает о первой, написанной еще в тюрьме, а впоследствии уничтоженной мемуарной рукописи Горбачевского⁸¹.

⁷³ Основанием послужило несоответствие, по мнению Сыроечковского, мелкого почерка сибирской рукописи, о котором упоминалось в публикации, и крупного почерка самого Горбачевского. Кроме того, историк опирался на сообщение Горбачевского о сожжении им какой-то рукописи.— «Записки И. И. Горбачевского». М., 1925, стр. 28—29.

⁷⁴ «Исторические записки», т. 54. М., 1955, стр. 284—287.

⁷⁵ Подробнее об этом см. их статью в кн.: «И. И. Горбачевский. Записки. Письма», стр. 257—306.

⁷⁶ М. В. Нечкина. Новое издание «Записок» об Обществе соединенных славян.— «История СССР», 1964, № 6, стр. 149—156.

⁷⁷ Н. Н. Лысенко. Как создавались «Записки» декабриста И. И. Горбачевского.— «История СССР», 1968, № 6, стр. 101—112.

⁷⁸ Г. П. Шатрова. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973. См. об этом также статью Р. Г. Эймонтовой в данном томе, стр. 238—239.

⁷⁹ ГБЛ, ф. 712, к. 1, ед. хр. 7.

⁸⁰ «Декабристы II. Как декабристы искренность и чистоту своих побуждений в деле стремления государственного переворота оправдали последующими своими действиями» (там же, лл. 3 об.—4).

⁸¹ Об этом см. письмо М. А. Бестужева М. И. Семевскому от 13.II.1862 г.— «Воспоминания Бестужевых», стр. 446.

Скорее всего, имеется в виду написанная позже вторая рукопись, также уничтоженная (сожженная) затем самим автором, о чем он сам рассказал в письме к М. А. Бестужеву 12 июня 1861 г.⁸², объясняя, что не имел кому ее поручить, уезжая на время. Теперь выясняется, что Горбачевский в конце 50-х годов просил Завалишина взять его рукопись на сохранение. Возможно, что именно после отказа Завалишина Горбачевский вынужден был ее уничтожить. Судя по письму М. А. Бестужева М. И. Семевскому от 13 февраля 1862 г., Горбачевский начал восстанавливать уничтоженную рукопись, хотя дело продвигалось туго⁸³. Этот текст мог в конце концов дойти до Бартенева, и вряд ли он настолько отличался от предшествующего, чтобы Завалишин не узнал в нем уже знакомого произведения. Можно предположить, что именно краткость этой редакции заставила Завалишина признать в ней лишь «отрывок из записок Горбачевского». Свидетельство Завалишина заслуживает в данном случае доверия потому, что он вместе с Горбачевским долго оставался после амнистии в Сибири и был к нему ближе, чем к кому-либо из декабристов.

Цензурная история «Записок» Горбачевского была нелегкой. Цензор считал неуместной публикацию «даже и в специальном журнале статьи, которая воскрешает из сравнительно неотдаленного прошлого идеи царевубийства и социального переворота». Особое негодование цензуры вызвала мысль о сочувствии народа восстанию Черниговского полка и о «новой эпохе жизни русского народа», которая открылась бы в случае успеха восстания. Московский цензурный комитет не только согласился с цензором, но признал необходимым опечатать весь тираж журнала, находившийся в типографии, а набор рассыпать⁸⁴. Только в результате длительных хлопот Бартенева добился все-таки выпуска в свет этого номера журнала, но при условии изъятия всех мест, указанных цензурным комитетом. Журнал в таком виде вышел в свет, а вырезанные из верстки отрывки были сожжены. Однако несколько экземпляров номера сохранилось без цензурных изъятий (они-то и легли в основу последующих отдельных изданий «Записок»). По мнению Б. Е. Сыроечковского, А. А. Сокольского, И. В. Пороха, Бартенева не правил и не сокращал рукопись до представления ее в цензуру. Бартенева склонен был впоследствии смягчать значение этого инцидента с цензурой, объясняя его просто ретивостью недавно назначенного цензора, которому в качестве первой жертвы попала эта книжка журнала (1890, № 9, стр. 112). Однако описанная реакция цензуры решительно противоречит этому утверждению. У цензуры действительно были основания для волнения. «Записки» Горбачевского, впитавшие в себя воспоминания и рассказы многих декабристов, а не только личный опыт автора (в этом отношении особенно важен рассказ «Белая церковь» о восстании Черниговского полка, записанный со слов нескольких его участников), принадлежат к числу наиболее выдающихся мемуарных источников по истории движения декабристов. Нельзя не отметить, что М. И. Семевский, еще в 1860 г. располагавший частью одной из предшествующих редакций «Записок» Горбачевского (полученной им от М. А. Бестужева⁸⁵), так и не решился их напечатать.

Мемуары декабриста А. С. Гангеблова были опубликованы в «Русском архиве» еще через четыре года. В феврале 1886 г. Гангеблов предложил Бартенева свои воспоминания и выслал их конспект для ознакомления⁸⁶. Мемуары понравились Бартенева и через три месяца появились на страницах журнала под авторским названием «Как я попал в декабристы и что затем последовало». Автор разрешил издателю не только сокращать текст, но и изменять его по собственному усмотрению с единственным

⁸² И. И. Горбачевский. Записки. Письма, стр. 173.

⁸³ «Воспоминания Бестужевых», стр. 446.

⁸⁴ И. И. Горбачевский. Записки. Письма, стр. 303.

⁸⁵ «Воспоминания Бестужевых», стр. 428, 443.

⁸⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 578, л. 93.

условием — не извращать смысла⁸⁷. Воспоминания А. С. Гангеблова, вступившего в тайное общество в апреле 1825 г. и, по его словам, вплоть до 14 декабря не знавшего его истинных целей, освещают не историю общества, а лишь следствие, заключение в крепости, из которой Гангеблов был освобожден в октябре 1826 г., и последующую военную службу автора до отставки его в 1832 г. Значительное место в них уделено другу Гангеблова, вовлекшему его в тайное общество, а затем указавшему на него следствие. Имя его автор скрыл, обозначив его Зет. Личность Зет выясняется из переписки Гангеблова с Бартеневым. Прежде чем начать печатать воспоминания, Бартенев считал необходимым узнать, о ком идет речь. 12 мая 1886 г. Гангеблов отвечал ему: «Как ни тяжело мне изменить раз принятому мною намерению утаить подлинное имя того лица, о котором в моих записках говорится под именем Зет, но на этот раз нельзя не сделать исключения — выраженное Вами обещание полной скромности развязало мне язык». Далее он признавался, что за псевдонимом скрыт М. Д. Лаппа⁸⁸. Как писал Гангеблов, он скрыл его имя, чтобы и «малейшая тень не порочила доброй памяти моего несчастного друга»⁸⁹. После появления воспоминаний в «Русском архиве» Гангеблов предложил Бартеневу издать их с некоторыми дополнениями отдельной книгой, не требуя с него никакого гонорара⁹⁰. Это было осуществлено, и в 1888 г. книга вышла в свет.

В этом же году в «Русском архиве» были опубликованы воспоминания М. И. Муравьева-Апостола, записанные с его слов его воспитанницей А. П. Созонович (1888, № 11, стр. 368—372). Не касаясь истории движения декабристов, мемуары эти содержат лишь сведения о проведенном за границей детстве братьев-декабристов, интересные преимущественно для их биографов.

Начиная со второй половины 1880-х годов декабристские мемуары исчезают со страниц «Русского архива». В этом сказались не только усложнение цензурных условий, но более всего эволюция взглядов Бартенева, завершившего уже свой поворот к консерватизму. Даже в период революции 1905—1907 гг., когда в России был напечатан целый ряд запрещенных прежде мемуаров декабристов, «Русский архив» не вернулся к этой теме. Нельзя забывать также, что значительная часть декабристских мемуаров уже вошла в науку, и на сцену выступило новое поколение исследователей, более, чем Бартенев, заинтересованных теперь в дальнейшей разработке этой темы. Кроме того, следует учитывать и возраст Бартенева, значительно снизивший активность его поисков. В начале XX в. журнал вообще шел к явному упадку.

Последней публикацией такого рода после более чем 20-летнего перерыва были напечатанные в журнале в 1908 г. записки М. И. Пущина, наиболее интересным моментом которых является рассказ о совещании у Рылеева накануне восстания, куда автор пришел с намерением отговорить декабристов от их замысла. Вторая часть записок рассказывает о службе Пущина на Кавказе и участии его в войнах России с Персией и Турцией (1908, № 11, стр. 410—464; № 12, стр. 507—576). Но в 1908 г. публикация мемуаров декабриста была обыденным фактом в русской печати, не характеризовавшим общественную позицию журнала; данный же автор принадлежал к числу тех немногих декабристов, которые, невзирая на свое прошлое, сделали военную карьеру при Николае I.

Оценивая в целом вклад Бартенева и его журнала в публикацию такого важнейшего рода источников по истории движения декабристов, как

⁸⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 578, л. 136.

⁸⁸ Там же, л. 186. М. Д. Лаппа, член Союза Благоденствия, впоследствии член Южного общества. В «Алфавите декабристов» его имя указано как «Матвей Демьянович». Письмо уточняет имя Лаппы: «Михайло Демьянович».

⁸⁹ Там же, л. 187.

⁹⁰ Там же, л. 448 об.

мемуары его участников, следует сказать, прежде всего, что вклад этот очень значителен. В 1870-е годы, когда декабристская тема впервые открыто звучала в русской печати, именно Барте́нев, наряду с М. И. Севе́вским, был наиболее активен в ее освещении. Барте́нев очень точно оценивал качества попадавших к нему в руки мемуаров как исторических источников. Этой верности его исторического чутья наука обязана тем, что в поле ее зрения благодаря журналу «Русский архив» попали такие первоклассные источники, как записки Якушкина, Басаргина и Горбачевского. Публикации Барте́нева сыграли огромную роль в формировании общественного мнения, в раскрытии для русского читателя хотя бы части правды о восстании, смысл которого так долго извращался официальной документацией и историографией.

Вместе с тем нельзя не видеть, что Барте́нев использовал далеко не все возможности расширить границы этой правды; изменение и сокращение текста часто делалось не перед лицом непреодолимых требований цензуры, а из желания избежать даже возникновения каких-либо ее претензий. Не были особенно строгими и чисто археографические приемы Барте́нева при публикации декабристских мемуаров (сокращение текста без оговорок, редактирование источников, неточности в передаче текста). В литературе распространено мнение, что археографический уровень «Русского архива» был более низким, чем других журналов второй половины XIX в. Однако приемы, применявшиеся Барте́невым, типичные для его времени, ничем не отличались от приемов других издателей, например М. И. Севе́вского⁹¹. Представления об особых недостатках археографической практики Барте́нева сложились, как нам кажется, вследствие того, что наблюдения, на которых они основаны, делались не на всем материале целиком, а на отдельных и наиболее уязвимых объектах: при переиздании в наше время источников, напечатанных в «Русском архиве». Переиздавались же именно материалы, подобные мемуарам декабристов, общественное звучание которых заставляло Барте́нева подвергать их наибольшей правке и при редактировании, и по требованиям цензуры. Поэтому большая часть мемуаров, введенных в науку Барте́невым, потребовала нового издания, а текст «Русского архива» остался в этих случаях лишь фактом историографии декабризма.

Все эти соображения не меняют все же справедливой оценки той важной общественной и научной роли, которую сыграл журнал «Русский архив» в приобщении русского общества 1870-х — 1880-х годов к истории идей, борьбы и жертв героев 14 декабря.

⁹¹ Н. Г. Сими́на. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70—80-х гг. XIX в.— «Труды ЛОИИ», вып. 7. М.— Л., 1964, стр. 202.

С. В. Чирков

АРХЕОГРАФИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В ТРУДАХ А. Е. ПРЕСНЯКОВА

История отечественной археографии разрабатывается в плане преподавания¹ и в специальных трудах². Изучение истории летописной археографии представляет немаловажную задачу³. Немалая роль в надлежащей постановке такого изучения должна принадлежать исследованию археографической деятельности крупных ученых — историков и филологов. В этом направлении советской наукой сделано немало⁴. Представляет значительный интерес рассмотрение археографической работы А. Е. Преснякова, крупнейшего знатока древнерусских источников, много и плодотворно изучавшего летописи. Труды Преснякова в области археографии до сих пор рассматривались в самом общем виде⁵, хотя тот факт, что А. Е. Пресняков был первым среди историков последователем А. А. Шахматова в изучении летописания⁶ делает, как кажется, нужным подробное обследование творческого наследия Преснякова по этой тематике, в том числе и археографических работ. Существенным представляется и выяснение вклада Преснякова в развитие отечественной летописной археографии в связи с историческим подходом к оценке достижений дореволюционной академической науки в исследовании летописей⁷.

¹ См. Учебные пособия Московского государственного историко-архивного института: «История археографии в дореволюционной России». М., 1969; «История советской археографии», вып. 1—6. М., 1966—1967.

² С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948; П. Г. Соффинов. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960.

³ В. И. Буганов. Об издании русских летописей.— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 17.

⁴ Приведем лишь публикации «Археографического ежегодника» (далее — АЕ): С. Н. Валк. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова.— АЕ за 1962 г. М., 1963; С. О. Шмидт. В. И. Шунков — источниковед и археограф.— АЕ за 1967 г. М., 1969; В. П. Адрианова-Перетц. Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца.— АЕ за 1968 г. М., 1970; В. Д. Кузьмина. Деятельность В. П. Адриановой-Перетц как археографа, библиографа и источниковеда.— Там же; В. Т. Пашуто. Советский археограф С. А. Аннинский.— АЕ за 1969 г. М., 1971; В. И. Менделсон. А. Л. Попов и его археографическое наследие.— АЕ за 1970 г. М., 1971; В. М. Суринов. Публикаторская деятельность Н. И. Вавилова.— Там же; Э. С. Пауна. Н. М. Дружинин — археограф.— АЕ за 1971 г. М., 1972; И. А. Миронова, А. И. Югт. О деятельности М. В. Нечкиной в области археографии и источниковедения.— Там же; В. Л. Рожанова. А. Д. Люблинская — архивист и палеограф.— АЕ за 1972 г. М., 1974.

⁵ Ср. Л. В. Черепнин. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова.— «Исторические записки», т. 33, стр. 210; С. В. Чирков. Археографическая деятельность А. Е. Преснякова (тезисы).— «Материалы конференции молодых ученых Института истории СССР АН СССР». М., 1975, стр. 133.

⁶ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет.— «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук». Л., 1948, стр. 56.

⁷ Д. С. Лихачев. Изучение древнерусской литературы в Академии наук.— «Русская литература», 1974, № 2.

Основная часть источников об археографической деятельности Преснякова сосредоточена в публикациях Археографической комиссии (в «Летописи занятий»), в личном архиве Преснякова и в архиве Археографической комиссии.

Термин археография, как показал С. Н. Валк, служил для обозначения различных понятий, эволюционируя с развитием исторической науки⁸. В «Русской энциклопедии», исторический отдел которой редактировал Пресняков, соответствующая статья определяет задачу археографии как «собрание, описание и издание письменных исторических источников»⁹. С. Н. Валк справедливо полагает, что «это определение, вероятнее всего, принадлежит А. Е. Преснякову... или, во всяком случае, им одобрено»¹⁰. Такое определение археографии было связано с практическими установками русской археографии конца XIX — начала XX в. В указанных в определении трех основных направлениях и проходила археографическая работа Преснякова. Но, наряду с детальным, находим у историка более общее, как бы синкретическое употребление термина: изучение документов минувших эпох вне прямого их использования как источника исторических сведений (т. е. изучение их как памятника прошлого, как следа старой культуры) «имеет... археографическую ценность»¹¹. В задачи такого «археографического» изучения, являющегося предметом архивиста, входит датировка, определение «среды, области или даже учреждения, из которого вышел памятник». Здесь в понятие «археографии» Пресняковым включены первоначальные стадии источниковедения. Вместе с тем, термин «археография» употреблялся историком и в узком смысле «научно-издательского дела» при рассмотрении издания как завершающего этапа архивно-археографической работы¹².

Археографические разыскания сопутствовали уже первым шагам научной работы А. Е. Преснякова. Главные источники его студенческой статьи о Царственной книге (Царственная книга и Синодальная рукопись) были указаны ему С. Ф. Платоновым. Обратившись в архив для изучения, Пресняков вскоре натолкнулся на ряд рукописей (в их числе некоторые тома Лицевого свода, Александро-Невская летопись), которые позволили ему сформулировать важные выводы о единстве разбросанных частей Лицевого свода и об обособленности в его составе Царственной книги¹³. Сам автор признавал за своей первой работой преимущественно археографическое значение: по его мнению, самым ценным в ней был ряд находок рукописей, с которыми ему просто «повезло»¹⁴. Но собирание части рукописей Лицевого свода и списков с него потребовало не только напряженной изыскательской работы в архивохранилищах Петербурга и Москвы, но и определенных навыков текстологического исследования, нужных для распознавания найденных рукописей. В ходе практических архивных разысканий Пресняков приобрел первоначальные навыки выявления и отбора летописных источников. В его архиве находим только отдельные выписки из источников, относящиеся к этому раннему времени; уловить систему в этих выписках почти не удается.

Больше отражен документами следующий этап архивных поисков Преснякова — лето и осень 1893 г., — когда после успеха первой работы он расширяет круг привлекаемых к изучению источников. Запимаясь в Синодальной и Румянцевской библиотеках, в Архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД), Пресняков обнаружил ряд летописных спис-

⁸ С. Н. Валк. Судьбы «археографии». — АЕ за 1961 г. М., 1962, стр. 453.

⁹ «Русская энциклопедия», т. 2. СПб., 1911, стр. 41.

¹⁰ С. Н. Валк. Судьбы «археографии», стр. 460.

¹¹ А. Е. Пресняков. Исторические источники и подлинные документы в научной работе. — «Архивные курсы», ч. I. Пг., 1920, стр. 12.

¹² Там же, стр. 15.

¹³ А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893.

¹⁴ В письме к матери 13 февраля 1893 г. (Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (далее — Архив ЛОИИ СССР), ф. 193, оп. 2, д. 1.

ков московского времени, но отложил подробное их рассмотрение на будущее¹⁵. Осенью в Публичной библиотеке Пресняков среди ряда привлеченных списков натолкнулся на Эттеровский список Львовской летописи, но, по-видимому, не оценил значения находки. В это же время С. Ф. Платоновым были переданы Преснякову бумаги К. Н. Бестужева-Рюмина, содержавшие результаты сличения печатных изданий летописей¹⁶ и немало помогавшие в их изучении. Но зимой 1893 г. начавшаяся подготовка к магистерскому экзамену заставила «пренебречь» обнаруженными «любопытными фактами»¹⁷.

В 90-х годах Пресняков обогатил источниковую основу своих исследований за счет уже появившегося в научном обороте материала. Так, им указано происхождение Лебедевской летописи¹⁸, которая стала важным источником изучения Лицевого свода. Но активная работа по собиранию летописных памятников возобновилась только с 1900 г., когда, при содействии А. А. Шахматова, Пресняков получил академическую стипендию¹⁹. Теперь Пресняков уже сознательно выдвинул задачу собирания рукописного материала московского летописания: только после его разрешения он считал возможным успешное исследование²⁰. «Обширность и неразработанность материала», по мнению Преснякова, тормозили историко-литературное изучение летописей. Он считал практически необходимым «произвести обследование возможно большего количества рукописей, содержащих летописные тексты, для того, чтобы, по возможности, расширить область наблюдений над различными вариантами летописных текстов, вошедших в состав таких сводов, как летописи Воскресенская или Никоновская»²¹. Сохранившийся в архиве историка комплекс выписок из рукописей, содержащих летописные тексты, позволяет в некоторой мере восстановить ход археографической работы Преснякова по осуществлению указанных задач.

В начале 1900 г. в библиотеке МГАМИД его особое внимание привлек летописец, названный Архивским, которому историк посвятил специальную статью²². Зимой и весной того же года в Публичной и Академической библиотеках Пресняков изучал тома Лицевого свода, вернулся к Эттеровской рукописи²³. Летом в библиотеке МГАМИД проводилось уже запланированное изучение Архивского и Рагозинского летописцев, хронографов Желтоводского монастыря, Бекетовского и Древлехранилища (отд. V, р. I, № 28)²⁴. В Синодальной библиотеке в связи с изучением Лицевого свода рассматривались: хроника Амартола Сербского извода XIV в., Успенские минеи, Геннадиевская библия. Внимание Преснякова привлек Типографский летописец, выяснение истории издания которого позволило установить ошибочность представлений о нем, сложившихся в науке²⁵. Были привлечены к изучению Кирилло-Белозерский летописец (Синод. № 486), в составе которого открыты два текста, поздний сборник № 964²⁶.

¹⁵ Тетрадь с архивными выписками датирована 20 сентября 1893 г.— Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 64.

¹⁶ Эти бумаги впоследствии были переданы Пресняковым в архив (Архив ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 2, д. 17).

¹⁷ Там же, ф. 193, оп. 2, д. 1. Письмо от 16 ноября 1893 г.

¹⁸ А. Е. Пресняков. Новые данные для изучения московских летописных сводов.— Журнал Министерства народного просвещения, 1895, № 6.

¹⁹ См. С. В. Чирков. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков. (По материалам архива А. Е. Преснякова).— «Исторические записки», кн. 88. М., 1971.

²⁰ А. Е. Пресняков. Архивский летописец.— «Памяти Л. Н. Майкова». СПб., 1902, стр. 1—14.

²¹ «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1900 г.»— «Сборник ОРЯС АН», т. 69, СПб., 1901, стр. 38—39.

²² Там же, стр. 39—40. Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 65.

²³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 64, 65.

²⁴ Там же, д. 66. Ср. упоминание в «Отчете» за 1900 г., стр. 40.

²⁵ «Отчет» за 1900 г., стр. 40—41; см. ПСРЛ, т. XXIV, стр. I—III.

²⁶ «Отчет» за 1900 г., стр. 41; Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 66.

В сентябре занятия продолжались в Публичной библиотеке, где Пресняков сличал Патриарший и Оболенского списки Никоновской летописи²⁷, привлек Карамзинский список Воскресенской летописи, рассматривая его как «свод особого состава», и сходные списки²⁸. В своих занятиях Пресняков, по его словам, ограничивался частными наблюдениями над рукописями. «Обобщения и обработка начнутся лишь в 1901 году», — писал он²⁹. Но и в следующем году продолжались «частные» наблюдения.

Зимой 1900/01 г. Пресняков сличал различные списки Воскресенской летописи, взялся за изучение Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей в Библиотеке Академии наук³⁰, что пригодилось в дальнейшем при издании Симеоновской летописи. Затем внимание исследователя переклонило на собирание списков Новгородской IV летописи в связи с предполагавшейся ее публикацией. Он обследовал известные и употребленные в первом издании списки летописи, а далее обратился к вновь найденным, особенно заинтересовавшись присланным в Петербург Новороссийским списком. В архиве хранятся выписки из 22 летописных списков, относящихся к изданию Новгородской IV летописи³¹.

Летом 1901 г. Пресняков продолжал занятия в Москве. В Румянцевском музее он обнаружил Ярославский список Рагозинского летописца (по определению Преснякова, единственного, из ему известных, памятника «самостоятельного летописания XVII в.»³²), исследовал новый список Архивского летописца, списки, содержащие «Летописец начала царства», сказание об отъезде Глинских и др. Привлечение указанных, а также ряда других (Супрасльской рукописи МГАМИД, Московско-академической летописи, Парижского списка Воскресенской, списка Московско-Новгородского свода из собрания Дубровского, сборников Румянцевского № 255, Ундольского № 754 и др.³³) позволило Преснякову собрать материал, который «дает для изучения летописных сводов особого состава несколько более твердое основание... и дает возможность пополнить наши сведения об их источниках — протографах, из которых, по всей вероятности, и эти своды «особого состава» черпали»³⁴. По-прежнему привлекали внимание ученого рукописи хронографов.

В Москве им были привлечены к изучению Еллинский летописец и хроника Амартола собрания Ундольского, Румянцевский хронограф № 459, в Петербурге — «Русский временник» собрания Лихачева, ряд хронографов Публичной библиотеки и БАН³⁵, материал которых дал возможность «получить несколько интересных наблюдений... для отчетливого выяснения ранних стадий того любопытного процесса постепенного сближения библейского и хронографического материала с летописным, которое привело в XVI в. к созданию обширного лицевого исторического свода»³⁶.

В своих археографических разысканиях Пресняков шел от собирания и классификации летописного материала к установлению археографических фактов, на которых основывалось источниковедческое изучение. Сам Пресняков называл эти факты «элементарными». Но, сохраняя свое археографическое значение ценного ориентира в поисках и описании рукописей, «элементарные факты» составляют прочную текстологическую основу

²⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 66. Об участии Преснякова в полемике о соотношении списков Никоновской летописи см.: *Н. Ф. Лавров*. Заметки о Никоновской летописи. — Летопись занятий Археографической комиссии (далее — ЛЗАК), вып. 1 (34). Л., 1927, стр. 62—63.

²⁸ «Отчет» за 1900 г., стр. 44; Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 67.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 4. Письмо к матери от 19 ноября 1900 г.

³⁰ Там же, оп. 1, д. 67.

³¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 68—70.

³² «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1901 г.» — «Сборник ОРЯС АН», т. 71. СПб., 1902, стр. 54.

³³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 70—71.

³⁴ «Отчет» за 1901 г., стр. 54—55.

³⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 70.

³⁶ «Отчет» за 1901 г., стр. 58.

дальнейших источниковедческих построений. Сами археографические факты представляют результат первоначального теоретического обобщения данных эмпирического знакомства с источниками. Это обобщение осуществляется историком в аспекте восстановления хода летописного дела на Руси, — ведь только в истории исторической письменности можно определить состав и происхождение летописного памятника. Археография не ограничивалась Пресняковым от задач источниковедческого исследования, значение его архивных занятий и в пополнении фонда известных науке памятников московского летописания, и в обогащении источниковедческой методике. Имело определенное значение для самого Преснякова и ознакомление с крупнейшими архивохранилищами России, организацией их фондов и научно-справочного аппарата.

Задача введения вновь найденных исторических источников в научный оборот выступала прежде всего как задача их археографического описания. Данный способ ознакомления специалистов с результатами архивных разысканий к концу XIX в. стал общепотребительным. Помимо отдельных описаний рукописей появились обстоятельные описания крупных рукописных собраний, подготовленные А. Ф. Бычковым, А. Е. Викторовым, Г. П. Георгиевским, Н. В. Калачовым, М. Г. Курдюмовым, К. И. Невоструевым и др. В этих трудах выработывалась методика описания. В Археографической комиссии, ставшей к началу XX в. крупнейшим центром публикации древнейших источников, описание и издание летописных памятников рассматривались как равно важные и взаимно дополняющие формы их обнародования, были предприняты попытки описания всех рукописей, содержащих летописные тексты³⁷. А. А. Шахматов ставил перед Комиссией цель путем описания и издания (с подведением вариантов по сходным спискам) ввести в оборот науки весь фонд летописных памятников в составе «Полного собрания русских летописей»³⁸.

Необходимость опубликования в той или иной форме результатов архивных поисков встала перед Пресняковым уже в первой работе о Царственной книге, где им были сделаны попытки (в текстуальных примечаниях) краткого описания отдельных рукописей Лицевого свода³⁹. Но подробное их описание историк не мог, конечно, предпринять до составления полного представления о составе свода. Поэтому статья «Московская историческая энциклопедия XVI века», впервые установившая представление о Лицевом своде в целом, включила основной частью описание всего памятника, состав которого был реконструирован исследователем⁴⁰. Описание это построено по традиционно выделявшимся томам свода, к чему обязывала исследовательская традиция, хотя сам же Пресняков показал всю условность их выделения. Автор сослался на описания отдельных томов свода, подготовленные и напечатанные В. М. Щепкиным и Н. П. Лихачевым, что позволило Преснякову сократить объем своей работы. Последовательность описания каждого тома примерно одинакова: указание верного порядка листов рукописи, разбор ее палеографических признаков — почерков, водяных знаков, стиля миниатюр. Затем идет описание содержания рукописи путем указания начала и конца отдельных повестей, известий, библейских сказаний и сличения этих частей текста с имеющимися в научном обороте памятниками. При описании первых томов Лицевого свода Пресняков использовал издания славянской Библии, библейскую Вульгату (по лейпцигскому изданию 1873 г.), сочинения Иосифа Флавия в стереотипном издании Таухница и др. Рукописный материал Пресняковым привлечен в более слабой степени: исключая Толстов-

³⁷ См. С. В. Чирков. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX века. — АЕ за 1974 г. М., 1975.

³⁸ Ср. «Археографические проекты А. А. Шахматова». — АЕ за 1973 г. М., 1974.

³⁹ А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение, стр. 23–25.

⁴⁰ А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. — «Известия Отделения русского языка и словесности» (далее — ИОРЯС), т. V, кн. 3. СПб., 1900.

ский и Кирилло-Белозерский списки Еллинского летописца, он основывается на трудах А. Н. Попова и А. А. Шахматова. Сопоставление с печатными изданиями представляло общепринятый в начале XX в. прием описания⁴¹. Методика опоры на печатные издания и широко известные описания применяется и при описании русской части Лицевого свода. Пресняков последовательно ссылается не на рукописи, а на их упоминания в трудах Лихачева, Шахматова, Щепкина и др.

В основных чертах сходна с вышеуказанной и методика описания нескольких московских летописных памятников, предпринятого Пресняковым в первые годы XX в. Это описание, вошедшее в статьи об Архивском летописце, Львовской летописи (описан Эттеровский список), Типографском летописце, Воскресенском сборнике, включающем Софийский временник⁴². Данные статьи предполагалось включить в магистерскую диссертацию Преснякова. Описание рукописи, как правило, предпосылалось ученым исследованием летописных памятников. Важно отметить, что употреблявшиеся историком принципы описания в основном совпадали с теми, которые, после детальной разработки специальными совещаниями ученых — историков и филологов в 1901—1904 гг. (в их работе участвовал и Пресняков), были приняты Археографической комиссией. Таким образом, можно полагать, что вклад, внесенный Пресняковым в развитие описательской работы в начале XX в., не исчерпывается подготовкой описаний нескольких московских летописных памятников.

Научное издание летописных текстов является важнейшей формой введения их в научный оборот. Обнародование исторического источника посредством его издания, подводя итог его изучению на данном уровне развития науки, одновременно служит средством ее развития. Соприкосновение со значительным пластом летописных источников, еще не известных ученому миру, естественно вело Преснякова к постановке вопроса об их издании. Вопрос этот был поднят уже в первой его работе: обращение к рукописным материалам выявило настолько серьезные недостатки издания Царственной книги М. М. Щербатовым, что они лишали исследователей возможности использовать данное издание в работе. Пресняков высказался о желательности переиздания этого памятника «с исправлением существенных ошибок издания Щербатовского». По его мнению, следовало учесть полученные им результаты изучения памятника, привлечь для разнотчений «Никоновскую летопись с рисунками» и другие рукописи⁴³. Предложения Преснякова вскоре получили осуществление. Царственная книга была напечатана в составе XIII тома «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) вместе с частью Никоновской летописи; редактор XIII тома ПСРЛ С. Ф. Платонов использовал Синодальную рукопись («Никоновскую с рисунками») для вариантов, сославшись на выводы Н. П. Лихачева и А. Е. Преснякова о происхождении ее в XVI в.⁴⁴ Во второй половине тома использованы со ссылками на исследования Преснякова Синодальная рукопись, Александро-Невская и Лебедевская летописи, установлен порядок листов Царственной книги, предложенный Пресняковым⁴⁵. Так еще до начала самостоятельной публикаторской работы Пресняков внес своими трудами определенный вклад в дело издания летописей и в то же время познакомился с опытом археографии более раннего периода.

⁴¹ О. В. Творогов исправил ряд мест в описании Лицевого свода, основываясь на рукописях Хронографа редакции 1512 г., древнерусского перевода хроники Амартола и др. Указанные им пробелы в описании А. Е. Преснякова зависели от уровня развития археографии того времени (О. В. Творогов. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XXVIII. Л., 1974, стр. 353).

⁴² Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 58, 57, 53.

⁴³ А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение, стр. 36.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. III—IV.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. V—VIII.

Начало самостоятельной издательской деятельности А. Е. Преснякова относится к первым годам XX в. Она осуществлялась в стенах «наиболее авторитетного до революции археографического учреждения»⁴⁶ — Петербургской Археографической комиссии. Привлеченный к работе в Комиссии С. Ф. Платоновым, А. Е. Пресняков пришел в нее одновременно с А. А. Шахматовым, участие которого в Комиссии содействовало оживлению публикации летописных источников и обновлению организационных форм этой работы. В издании летописей, как и в их изучении, Пресняков проявил себя последователем Шахматова; в научном сотрудничестве со знаменитым ученым сформировались и эдичионные приемы Преснякова, и его взгляды на значение археографии.

20 декабря 1900 г. А. Е. Пресняков был принят в число сотрудников Археографической комиссии, 5 декабря 1906 г. избран ее членом и оставался им до конца жизни. Уже на следующее заседание после своего назначения сотрудником Пресняков представил записку об издании IV тома ПСРЛ. Записка эта, содержащая проект публикации Новгородской IV летописи, была прочитана на заседании Комиссии А. А. Шахматовым, — А. Е. Пресняков отсутствовал по болезни. Необходимость нового издания летописи обосновывалась Пресняковым возможностью привлечь материалы, не принятые в расчет при первом издании, а также «тем общим представлением об этом памятнике, которое установлено в исследовании А. А. Шахматова и существенно отличается от представлений о нем первых издателей»⁴⁷. Последовательность и методика публикации летописей всегда зависели от хода их изучения исторической наукой⁴⁸; в данном случае необходимость издания в первую очередь Новгородской IV летописи определялась тем ключевым местом, которое этот памятник занял в реконструированном Шахматовым ходе развития московского летописания⁴⁹. Тем более знаменательно проявившееся у Преснякова осознание указанной зависимости. Новое издание IV тома ПСРЛ должно было, по мысли Преснякова, исправить серьезный изъян первого издания, в котором не была помещена часть летописи, содержащая Повесть временных лет. Рассматривая 18 списков из числа изученных им при подготовке издания, Пресняков предложил взять при печатании за основу Строевский список по соображениям исправности текста, привести варианты из 13 других списков, а 4 рукописи, в которых содержится переработка летописи под влиянием особого состава Московского свода, привести в виде описаний⁵⁰. Комиссия приняла предложения Преснякова, но издание пришлось отложить, и осуществлением его занялся в дальнейшем Шахматов, сокративший круг привлеченных к изданию рукописей и после ряда колебаний принявший предложенный Пресняковым основной список.

Осенью 1901 г. Преснякову было поручено редактирование нового, XVIII тома ПСРЛ. В этот том была включена Симеоновская летопись, открытая и описанная Шахматовым⁵¹. Важность публикации этого памятника определялась близостью его текста с погибшей Троицкой летописью. 5 ноября Пресняков представил план издания, основанный на исследовании Шахматова. Важнейшей особенностью издания должно было быть воспроизведение в нем (путем подведения вариантов и частично непосредственно) уцелевших в неоконченном издании начала XIX в. (Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова) и в примечаниях к «Истории государства Рос-

⁴⁶ С. Н. Валк. Советская археография, стр. 21.

⁴⁷ ЛЗАК за 1901 г., вып. 14. СПб., 1902, стр. 17.

⁴⁸ С. Н. Валк. Советская археография, стр. 132—134.

⁴⁹ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — Отчет о 40-м присуждении наград гр. Уварова» СПб., 1899.

⁵⁰ ЛЗАК за 1901 г., вып. 14, стр. 16—21.

⁵¹ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС. т. V, кн. 2. СПб., 1900.

сийского» Н. М. Карамзина отрывков Троицкой летописи. Таким образом, издание носило и некоторые черты научной реконструкции. Для вариантов предлагалось привлечь Ростовскую и Уваровскую летописи⁵². Комиссия утвердила план издания и за отсутствием стабильных правил передачи текста сочла нужным эти правила кратко оговорить: печатать было предложено «без раскрытия титл и с сохранением ударений подлинника»⁵³. Можно, кажется, счесть А. А. Шахматова инициатором постановления о столь приближенном к подлиннику печатании: он как раз в это время осуществлял дипломатическое по приемам издание Ипатьевской летописи (II том ПСРЛ), а в выдвинутой в 1900 г. программе издания ПСРЛ настаивал на сходных эдических приемах для всей серии⁵⁴.

Печатание Симеоновской летописи началось в 1904 г. После его начала Шахматов рекомендовал опубликовать в приложении окончание Вологодско-Пермской летописи с 1472 г.⁵⁵ (года окончания Симеоновской). Пресняков ограничился подведением вариантов по трем спискам Вологодско-Пермской летописи. Как видно, столкнувшись с затруднениями при передаче текста, он вновь попросил указаний у Комиссии. Комиссия просила Преснякова «воспроизводить текст возможно ближе к подлиннику, оговаривая в примечаниях все случаи, где правописание подлинника вызывает сомнение и дает одинаковое основание к различным транскрипциям»⁵⁶. В следующем, 1905 г. Шахматовым был разработан проект правил издания летописей, в котором устанавливались критические эдические приемы для текстов XVI в.⁵⁷ Можно предположить, что распространенный в Комиссии проект Шахматова послужил руководством для редакторов ПСРЛ, в том числе и для Преснякова. В издании Симеоновской летописи были приняты критические приемы передачи текста: титлы раскрыты и выносные буквы введены в строку без указаний, знаки ударения и придыхания опущены, пунктуация приведена в соответствие с современными требованиями, для обозначения прямой речи употреблены кавычки, явные опiski в тексте исправлены с указанием на этот счет в примечаниях. Вызывавший сомнения и споры в Комиссии вопрос об указании дат (Шахматов одно время высказывался за неуклонное соблюдение мировой эры при запутанности летописной хронологии, но затем счел нужным отмечать и годы от рождения Христа для облегчения использования изданий) решен наиболее удовлетворительно: наверху страницы указано лето от сотворения мира, а на поле страницы — соответствующий год. В предисловии помещено краткое археографическое описание использованных рукописей: оно целиком основано на исследовании Шахматова. К изданию приложены распространенный указатель имен и географический указатель с расшифровкой древних наименований.

В целом можно сказать, что издание Симеоновской летописи отвечало по уровню эдической техники научным запросам своего времени, да и теперь вполне сохраняет научное значение. Следует отметить, что Пресняков при подготовке издания решительно встал на позиции Шахматова в текстологической части работы, но в вопросах передачи текста был ближе к традиции, которая сформировалась в Археографической комиссии в длительный период издания А. Ф. Бычковым и С. Ф. Платоновым Никоновской летописи. Характерно, что и Шахматов в определенной мере эволюционировал от первоначального требования преимущественно дипломатических по приемам изданий к признанию основного значения за критическими.

⁵² ЛЗАК за 1901 г., вып. 14, стр. 59—62.

⁵³ Там же, стр. 55.

⁵⁴ Ср. «Археографические проекты А. А. Шахматова». — АЕ за 1973 г.

⁵⁵ ЛЗАК за 1904 г., вып. 17. СПб., 1907, стр. 19.

⁵⁶ Там же, стр. 23—24.

⁵⁷ Ср. «Археографические проекты А. А. Шахматова», стр. 296—297.

Издание Симоновской летописи затянулось до 1913 г. После окончания издания Преснякову было поручено редактирование Тверской летописи в составе XV тома ПСРЛ. Том открывался публикацией Рогожского летописца под редакцией Н. П. Лихачева⁵⁸. Издание первой части тома задержалось на долгие годы из-за трудностей, связанных с доставкой в Комиссию рукописи Рогожской старообрядческой общины. Начинать печатание второй части тома до окончания первой признали неудобным, и в результате второе издание Тверской летописи не осуществилось. Известно, однако, что Пресняков вел работу над ее текстом и, по-видимому, подготовил его к печати⁵⁹ (не менее 16 печатных листов)⁶⁰. В составленном в 1912 г. плане публикации летописи Пресняков предполагал положить в основу Забелинский список, а варианты привести по Погодинскому⁶¹. В 1916 г., при обсуждении планов издания ПСРЛ, Пресняков докладывал «редакционному совещанию» (в ведении которого издание летописей было с 1904 г.) о находке нового списка Тверской летописи⁶². Обнаружить подготовительные материалы к изданию пока не удалось.

Еще одно издание летописи в составе «Полного собрания» осуществлялось при участии Преснякова. В 1907 г. Шахматов «указал на так называемый Типографский летописец как подлежащий изданию в первую очередь»⁶³. Публикация этого памятника, введенного в научный оборот Пресняковым, была поручена С. П. Розанову, А. А. Шахматов осуществлял «смотрение» за изданием. После смерти Шахматова функция «смотрения» (ответственного редактирования) перешла к Преснякову. Летописец появился в печати в составе XXIV тома ПСРЛ в 1921 г. Интересно отметить, что приемы издания Типографского летописца совпадают с публикацией Симоновской, но с единственным отличием, введенным Шахматовым: в вариантах сохранено написание с титлами и выносными.

Немаловажное участие принял А. Е. Пресняков в подготовке некоторых других летописных источников, издание которых производилось или планировалось в Археографической комиссии. Так, он составил план публикации Львовской летописи по Эттеровскому списку (редактировал издание С. А. Адрианов)⁶⁴. Вместе с Шахматовым Пресняков разработал план издания Московского великокняжеского свода 1479 г. по Эрмитажному списку⁶⁵, которое не было выполнено. Для подготавливавшегося П. Г. Васенкой издания Софийской I летописи Пресняков сообщил дополнительный Воскресенский список⁶⁶. Им же составлено предисловие к XXIV тому ПСРЛ⁶⁷. Научное сотрудничество редакторов летописных изданий проявлялось и в обсуждении каждого издания на заседаниях Комиссии, а с 1904 г. этим ведали редакционные совещания, постоянным посетителем которых был Пресняков. В 1916 г. он вошел также в особое совещание для координации издания ПСРЛ⁶⁸.

Сотрудничество А. Е. Преснякова в Археографической комиссии и прежде всего его деятельность по публикации летописных источников снискали признание и высокую оценку современников. В приветственном слове в связи с тридцатилетним юбилеем ученой деятельности Преснякова тогдашний постоянный секретарь Комиссии В. Г. Дружинин отметил,

⁵⁸ ЛЗАК за 1911 г., вып. 24. СПб., 1912, стр. 15; ср. ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922.

⁵⁹ ЛЗАК за 1923—1925 гг., вып. 33. Л., 1926, стр. 8.

⁶⁰ По данным платежных ведомостей Археографической комиссии (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 27, л. 45).

⁶¹ ЛЗАК за 1912 г., вып. 25. СПб., 1913, стр. 25—26.

⁶² ЛЗАК за 1916 г., вып. 29. СПб., 1917, стр. 26.

⁶³ ЛЗАК за 1907 г., вып. 20. СПб., 1908, стр. 24.

⁶⁴ ЛЗАК за 1904 г., вып. 17, стр. 19.

⁶⁵ ЛЗАК за 1908 г., вып. 21. СПб., 1909, стр. 17—19.

⁶⁶ ЛЗАК за 1912 г., вып. 25, стр. 23.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1924, стр. I—III.

⁶⁸ ЛЗАК за 1916 г., вып. 29, стр. 25.

обращаясь к Преснякову: «Ваша кабинетная деятельность по исследованию списков и сводов, которая легла в основу Ваших изданий и высказанных Вами мнений, по большей части мало заметна для постороннего наблюдателя, но на ней-то и зиждется высокая научная ценность Ваших мнений и изданий: эти мнения и наблюдения основаны на долговременном, кропотливом, внимательном изучении списков летописей и летописных сводов; они требовали большой усидчивости, наблюдательности, умения и навыка разбираться во всех этих мелочах, без которых, однако, не могли бы быть достигнуты результаты работы, которые имеются сейчас в наличии. Труды Ваши будут по достоинству оценены теми тружениками науки, кои будут пользоваться изданиями летописей, увидевшими свет во время Вашего пребывания в Комиссии»⁶⁹. В речи, посвященной памяти А. Е. Преснякова (октябрь 1929 г.) председатель Археографической комиссии С. Ф. Платонов назвал его первым после А. А. Шахматова знатком русского летописания, отметив деятельное участие в трудах Комиссии⁷⁰.

Остановимся несколько более подробно, чем в предыдущем изложении, на общих соображениях об археографии, высказанных А. Е. Пресняковым. Обращение к этим высказываниям помогает понять место, которое занимала археография в деятельности историка.

Как представляется, важнейший вывод, продиктованный Преснякову его археографическим опытом, носил источниковедческий характер. Уже в источниковедческих работах ранней поры Пресняков рассматривал недостатки публикаций источников, осуществленных в конце XVIII — начале XIX в. Сравнение этих публикаций с их оригиналами приводило к необходимости дифференцировать источник от его издания. Изучая историографию летописания, Пресняков убедился, насколько серьезное влияние оказала на формирование воззрений исследователей имевшаяся в их распоряжении источниковая основа. Использование только опубликованного летописного материала являлось недостатком «школы» К. Н. Бестужева-Рюмина, неоправданно сужая область наблюдений над текстами летописей⁷¹. Особенности передачи текста летописей их издателями также сказывались на трудах исследователей. Но сам вывод об источниковедческом значении изданий был высказан сравнительно поздно и, что характерно для Преснякова, в связи с преподавательскими задачами. Вывод этот сформулирован в речи «Исторические источники и подлинные документы в научной работе», прочитанной в день открытия Архивных курсов при Петроградском отделении Главархива в 1918 г., причем в общей форме, в отношении к источникам вообще. Высказав мечту всякого историка «иметь под руками весь материал, нужный ему для работы, в хороших научных изданиях», Пресняков говорил о ценности и незаменимости впечатлений, какие дает непосредственное ознакомление с рукописью, хотя бы ее текст и был издан. По заключению Преснякова, «в сущности, всякое издание рукописного материала есть уже некоторая его переработка»⁷². Переработка эта идет в различных направлениях: выбор списков и подбор вариантов, отбор документов из целого фонда и их расположение в издании, передача текста новейшими сравнительно с оригиналом средствами, датирование не имеющих даты источников и составление заголовков, указатели к тексту и, в большинстве случаев, невозможность передать впечатление от подлинной рукописи как от бытовой вещи, как от памятника прошлого, — все это неизбежно влияет на восприятие исследователя, который работает над изданным материалом.

⁶⁹ ЛЗАК за 1923—1925 гг., вып. 33, стр. 8—9. Протокол заседания Археографической комиссии от 6 июня 1923 г.

⁷⁰ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 45, л. 13 об.

⁷¹ Ср. «Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания». — АЕ за 1968 г., стр. 426—427.

⁷² «Архивные курсы. Лекции, читанные в 1918 г.», ч. 1. Пг., 1920, стр. 13.

Рассматривая работу историка, Пресняков намечает логическую цепь его исследования: историк изучает историческую действительность, между ним и действительностью стоит исторический источник. Место издания в этой цепи — между историком и источником. Издание — «среда, преломляющая по-своему непосредственное восприятие источника»⁷³. Отсюда вытекает огромная ответственность издателя, промахи, неловкости и предвзятости которого влекут за собой роковые последствия для исследователя, не всегда имеющего возможность обратиться к подлинникам. Ошибки, да и просто неизбежное несовершенство изданий могут породить историографические схемы, предвзятые точки зрения, ходячие мнения и порой даже факты, не выдерживающие критики при непосредственном обращении к подлинному документу.

Последствия такого понимания издания были намечены Пресняковым. Прежде всего исследователь обязан подвергать источниковедческому анализу именно подлинный материал. Коренной задачей археографии является совершенствование изданий, чтобы избежать, по возможности, ошибок, ведущих к искажению восприятия источника. Средство для этого — научная подготовка издателей, немалый вклад в которую внес и лично Пресняков.

Но как же быть с принципиальным несовершенством изданий, возможно ли достичь идеала? Пресняков ещё не ставил вопроса о принципиальном отличии научного издания текста от подлинного исторического материала, но вплотную подошел к нему. Он утверждает, что идеальное издание недостижимо. Более того, вдумываясь в условия научного издания, Пресняков находит в них противоречие: «для выработки плана и установления приемов издания необходимо предварительное научное знание самого издаваемого материала, то есть, в сущности, то знание, средством и источником для которого должно служить само издание»⁷⁴. Указанное противоречие преодолевалось в практической издательской работе Преснякова; следовало привлечь к делу издания источников архивистов-практиков, близких к архивным фондам и в то же время обладающих серьезной научно-исследовательской подготовкой. И в данном случае проявилось отмеченное выше осознание Пресняковым зависимости издательской практики от состояния исторической науки. Ясно, что публикация наиболее сложных древнейших источников — летописных — должна была осуществляться «сроднившимися» с ними в научном общении специалистами. Пресняков считал, что удачно выполненное издание — результат не только археографических находок, труда по собиранию и охране документов, но и археографических познаний ученого, его «общей научной подготовки»⁷⁵. Имея в виду, что залог успешного изучения летописей Пресняков видел в последовательно проведенном сотрудничестве историков и филологов⁷⁶, можно полагать, что и издание летописей рассматривалось им как общее дело всех, на научном уровне исследующих летописную текстологию. Подобному представлению отвечали сложившиеся в России уже накануне Октябрьской революции формы организации публикаторской работы и кооперации ученых сил, занятых ею.

Таким образом, согласно воззрениям Преснякова, издание в своих приемах и результатах тесно связано с изучением источника на данном уровне науки и в определенной мере есть результат источниковедческого исследования. В той же мере археография выступает как прикладное источниковедение. Источниковедческий аспект археографии, раскрытый А. Е. Пресняковым, проливает свет на внутренние основания деятельности историка в области археографии летописания.

⁷³ «Архивные курсы», стр. 13.

⁷⁴ Там же, стр. 15.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ А. Е. Пресняков. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920, стр. 8.

Рассмотренные работы А. Е. Преснякова дают некоторые материалы для характеристики развития летописной археографии в начале XX в. Кроме того, изучение опыта крупных ученых, занимавшихся публикацией летописных памятников, в том числе и Преснякова, сохраняет, как кажется, известный практический интерес. Ознакомление с рукописным фондом, привлеченным ими к изданию того или иного памятника, с планами, в особенности не получившими своевременного осуществления, способно в отдельных случаях дать толчок исследованию и изданию на новых основаниях известного памятника, либо даже навести на след малоизученного или забытого. Подобно тому, как изучение историографии той или другой проблемы обогащает историческую науку, изучение истории археографии должно положительно влиять на современное развитие этой вспомогательной исторической дисциплины.

Т. В. Багаева

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.
В ЖУРНАЛЕ «КРАСНЫЙ АРХИВ»**

В истории советской археографии 20—30-х годов журнал «Красный архив» занимает особое место. Его публикации вошли в источниковую базу истории революционного движения в России как ее важная составная часть.

Истории революции 1905—1907 гг. «Красный архив» посвятил почти 100 документальных публикаций¹. В их состав вошли: документы к биографии В. И. Ленина, публикации о начале революции и героической революционной борьбе рабочих различных районов России, документы о наступлении царизма на революцию и зверской расправе с рабочими и крестьянами, с революционными выступлениями в армии и флоте. На историю рабочего движения 1905—1907 гг. приходится примерно третья часть публикаций о первой революции в России (30 наименований)². В статье публикации рассматриваются с учетом последовательности освещаемых событий. Исключение сделано для публикации материалов к биографии В. И. Ленина, с которой начинаем обзор.

В публикации, посвященной В. И. Ленину, были помещены преимущественно письма революционеров, добытые агентурным путем, а также донесения в Департамент полиции Петербургского и Московского охранных отделений заведующего заграничной агентурой в Париже и др.³ Они являются ценным источником для изучения истории РСДРП и деятельности вождя рабочего класса В. И. Ленина, истории борьбы большевиков с меньшевиками и другими соглашателями. Документы показывают, как после перехода «Искры» в руки меньшевиков большевики организовали издание газеты «Вперед», как неуклонно проводили линию выработки единой партийной тактики развертывания революции, созыва III съезда партии. «Обращение Бюро комитетов большинства РСДРП», письмо Н. К. Крупской в Одесскую организацию РСДРП и другие письма характеризуют работу III съезда и принятую им ленинскую тактическую линию в духе революционного марксизма, отражают борьбу за проведение в жизнь постановлений съезда.

В письмах участников партийных съездов и конференций, полученных полицией при обыске или путем перлюстрации, охарактеризована работа IV (Объединительного) съезда партии и Таммерфорсской конференции в ноябре 1906 г.⁴

¹ «Красный архив». Систематический указатель публикаций и статей. М., 1957, № 431—529.

² Там же, № 6, 437—440, 444, 445, 454, 455, 457, 463—465, 470, 476, 479, 491, 492, 499, 500, 510, 514, 518, 521, 523, 525, 526, 528, 529.

³ «Красный архив», 1934, № 62. Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914 гг.), стр. 173—214.

⁴ Там же, стр. 191—193, 196.

Отчеты заграничной агентуры о заседаниях V съезда РСДРП в Лондоне (8, 12, 14 мая 1907 г.) рассказывают о победе большевиков на съезде, принявшем большевистские резолюции, в том числе по основному вопросу — об отношении к буржуазным партиям⁵. Агенты охранки вынуждены были признать, что «Ленин — самый блестящий оратор на съезде. Стоит он на крайней революционной точке зрения, говорит с необыкновенным жаром и захватывает даже противников»⁶.

Регулярно собираемые Департаментом полиции сведения свидетельствуют о том, насколько боялось царское правительство вождя пролетариата и партии. Вместе с тем они отражают гигантскую работу большевиков во главе с В. И. Лениным как партии, преданной делу рабочего класса и способной последовательно вести его к поставленной цели.

Событиям 9 января 1905 г. в Петербурге, положившим начало первой русской революции, посвящены публикации: ««Кровавое воскресенье» в Петербурге» («Из перлюстрации Департамента полиции о 9 января 1905 г.»)⁷, «9 января 1905 г.»⁸, «Письмо Гапона»⁹, «К истории «кровавого воскресенья» в Петербурге»¹⁰, «Проект манифеста о событиях 9 января»¹¹ и «Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января»¹², «9 января в Петербурге»¹³.

Опубликованные в них доклады министра финансов В. Н. Коковцева и письмо Гапона рассказывали о принятии самодержавием наряду с жестокими репрессиями гибких мер борьбы с революционным движением. Доклады министра финансов, отчеты фабричного инспектора Петербургской губернии и доклады прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции о событиях 9 января 1905 г. показывают нарастание рабочего революционного движения; характеризуют события на Путиловском заводе (увольнение четырех рабочих), явившиеся поводом для забастовки 3 января путиловцев, а затем рабочих всех заводов и фабрик Петербурга, расстрел рабочих 9 января и отклик на него рабочих всей страны.

День 9 января 1905 г. стал началом революции в России. Документы о разработке манифеста по поводу событий 9 января характеризуют панические попытки правящих кругов восстановить в народе веру в царя. Документы других публикаций, свидетельствующие о разрастающемся революционном движении, показывают бесплодность этих попыток.

Публикация «Отражение событий 1905 г. за границей»¹⁴, состоящая из донесений и депеш русских послов, консулов и советников посольств за границей, из коллекции документов «Секретного архива» министра иностранных дел, дает богатый материал для изучения различных форм выражения протеста международного пролетариата против кровавого расстрела русских рабочих во многих крупных городах Западной Европы и Америки¹⁵.

Публикации о революционном движении рабочих распределяются по географическому признаку следующим образом: Петроград — 5 публикаций, Москва — 2, Сормово — 1, Иваново-Вознесенск — 1, Урал — 1, Новороссийск — 1, Сибирь — 1; по национальным районам: по Украине — 2, Белоруссии — 1, Прибалтике — 3, Казахстану — 1. Эта картина существенно дополняется публикациями обобщающего характера, в которых нашли отражение многие местные события, в том числе и события в Закавказье

⁵ «Красный архив», 1934, № 62, стр. 205—206.

⁶ Там же, стр. 206.

⁷ «Красный архив», 1930, № 39, стр. 177—185.

⁸ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 1—25.

⁹ «Красный архив», 1925, № 9, стр. 294—297.

¹⁰ «Красный архив», 1935, № 68, стр. 41—64.

¹¹ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 26—38.

¹² «Красный архив», 1927, № 20, стр. 240—242.

¹³ «Красный архив», 1930, № 38, стр. 3—19.

¹⁴ «Красный архив», 1925, № 9, стр. 33.

¹⁵ Там же, стр. 36, 40.

(публикация «Хроника вооруженной борьбы», в которой помещены еженедельные записки по Департаменту полиции)¹⁶.

Историю революционного движения с января по декабрь 1905 г. рабочих Сормовского завода освещает путевой журнал нижегородского фабричного инспектора за 1905 г.¹⁷ Оценки событий автором весьма тенденциозны, записи часто делались со слов администрации. Излагая день за днем события за январь — декабрь 1905 г., он не связывал их друг с другом. Некоторые события искажены (например, случай избивения черносотенцами участников стачки 11 января 1905 г., которое изображается в дневнике инспектора как драка рабочих).

В журнале содержатся упоминания о появлении на заводе листовок РСДРП, о выступлениях на рабочих митингах ораторов — социал-демократов. По записям инспектора можно проследить, как разворачивались события от разрозненных экономических стачек до героической борьбы рабочих в период вооруженного восстания 12—14 декабря и жестокой расправы с восставшими 15, 16 и 17 декабря. Декабрьское вооруженное восстание отражено очень скупо, так как инспектор был в Сормове только 2, 9 и затем 20 декабря — после подавления восстания — и описал события этих дней по собранным сведениям.

Знаменитую Иваново-Вознесенскую всеобщую стачку (12 мая — 22 июля 1905 г.) освещала публикация «К тридцатилетию Иваново-Вознесенской всеобщей стачки»¹⁸. Она состоит всего из пяти документов: резолюции массовки иваново-вознесенских рабочих 1 мая 1905 г. и четырех писем иваново-вознесенских рабочих, посланных ими в мае — июне 1905 г. в заграничные большевистские органы «Вперед» и «Пролетарий». Несмотря на небольшой объем, публикация раскрывает конкретный ход всеобщей забастовки. В ней отражено создание в период забастовки собрания уполномоченных депутатов, явившегося одним из первых Советов рабочих депутатов в России. В целом публикация показала, что ивановская социал-демократическая организация была в 1905 г. большевистской, распространяла большевистские прокламации и поддерживала связь с большевистскими газетами.

Документальная публикация «Вооруженное восстание в Мотовилихе в декабре 1905 г.»¹⁹ раскрыла одну из наиболее ярких страниц в истории героической борьбы пролетариата Урала. Помещенные в ней главным образом жандармские донесения отражали подготовку и ход вооруженного восстания в Мотовилихе под руководством местной организации РСДРП (ею руководили большевики Пермского комитета РСДРП). К сожалению, в публикации не была отражена деятельность созданного рабочими районного Совета рабочих депутатов.

В публикации «Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 г.»²⁰ показано, что во время всеобщей политической забастовки рабочие железнодорожных мастерских, порта, цементных заводов создали Совет рабочих депутатов, избравший президиум Исполнительного комитета, состав которого был большевистским. Власть перешла в руки Совета. Письма и отношения черноморского губернатора наказному атаману Кубанско-казачьего войска, командующему войсками Кубанской области, записка заведующего полицией на Кавказе министру внутренних дел отражают панику, охватившую местные власти: 12 декабря представители местной власти во главе с губернатором бежали из города под охраной 2-й сотни Урупского казачьего полка. Революционная власть в Новороссийске продержалась около двух недель. В документах нашло отражение жестокое подавление восстания 25 декабря.

¹⁶ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 159—181.

¹⁷ «Красный архив», 1934, № 64—65, стр. 193.

¹⁸ «Красный архив», 1935, № 69—70, стр. 127.

¹⁹ «Красный архив», 1940, № 103, стр. 85—105.

²⁰ «Красный архив», 1940, № 99, стр. 72—89.

В публикации «Революционные события в Прибалтике в 1905 г.»²¹ было освещено развитие буржуазно-демократической революции в Прибалтийских губерниях: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской. Документы публикации вскрывают обстановку и размах революционных событий, показывают, что специфика борьбы, вытекавшая из паличия двойного гнета, тяготевшего над трудящимися Прибалтийских губерний, не меняла основного направления борьбы, протекавшей в тесном взаимодействии с российским пролетариатом. В опубликованных прокламациях ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии, Рижского комитета Латышской социал-демократической рабочей партии ярко освещается революционный характер происходящих событий и вскрываются причины, вызвавшие их. По донесениям начальников жандармских управлений в Департамент полиции, губернаторов — министру внутренних дел можно проследить классовую солидарность рабочих разных национальностей. Рабочий класс городов и промышленных районов Прибалтики одним из первых ответил на расстрел русских рабочих 9 января 1905 г. забастовками и политическими демонстрациями. В октябрьские дни пролетариат Прибалтики выступил со всем российским пролетариатом. Наивысшего подъема революционное движение в Прибалтике достигло в декабре 1905 г., когда Латышская социал-демократическая рабочая партия призвала рабочих к вооруженному восстанию. Наиболее полно в документах отражены события в Лифляндской губернии, менее полно — в Курляндской и Эстляндской губерниях.

Революции 1905—1907 гг. на Украине посвящены публикации: «Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.»²² и «Декабрьские дни в Донбассе»²³.

Документы первой из названных публикаций освещают революционные события в Харькове, Екатеринославе, Одессе, Киеве, Николаеве, на Волыни и в Каменец-Подольске лишь частично; сведения, сообщаемые в них, весьма отрывочны. Неполнота освещения событий связана с тем, что составители публикации ставили перед собой задачу лишь пополнить ранее изданные по этому вопросу сборники новыми документами. Наиболее ярко отражены события пролетарской борьбы 1905 г. в Донбассе и создание в рабочем поселке Чечелевке «Чечелевской республики», которая находилась в это время целиком во власти рабочей дружины и стачечного комитета. Вместе с тем один из основных этапов борьбы восставшего Донбасса — Горловское вооруженное восстание — не нашло освещения в опубликованных документах.

Революционной борьбе в Белоруссии, где вслед за рабочими поднялись и крестьяне, посвящена публикация «К истории революции 1905—1907 гг. в Белоруссии»²⁴. В нее вошли документы: прокламации Полесского комитета РСДРП, Минской, Брест-Литовской социал-демократических организаций и жандармские донесения, которые отражают постепенное развитие массовой борьбы рабочих, крестьян и солдат в Белоруссии, начиная с пред-революционных событий и кончая августом 1906 г.

Документы свидетельствуют о том, что рабочие менее развитых промышленных районов медленнее втягивались в революционную борьбу.

Документы (ЦГА Казахской ССР) публикации «Из истории рабочего движения в Караганде»²⁵: донесение управляющего Спасским заводом окружному инженеру Степного северного горного округа, петиция служащих и рабочих Успенского медного рудника и донесение полицейского урядника отражают историю забастовки в декабре 1905 г. на Успенском руднике в Караганде, хотя и неполно. Среди сведений о восстании в Ка-

²¹ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 114—156.

²² Там же, стр. 75—113.

²³ «Красный архив», 1935, № 73, стр. 91—125.

²⁴ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 157—188.

²⁵ «Красный архив», 1932, № 53, стр. 158—162.

раганде нет данных об окончании забастовки, отдельные события тракту-ются в них неточно, в частности тенденциозно излагается ход событий в до-несении управляющего заводом. Управляющий стремился доказать, что рабочие-казахи не поплы за вожаками восстания. В подстрочном приме-чании к документу указывается, что в действительности было наоборот, однако документов, подтверждающих это, в публикации нет.

Революционное движение 1905 г., охватившее всю страну уже в период всероссийской октябрьской стачки, заставило царя выступить с манифе-стом 17 октября. Публикация «Манифест 17 октября»²⁶ содержит мате-риалы ЦГИАЛ, относящиеся к деятельности С. Ю. Витте по подготовке манифеста 17 октября и об объектах востанья, в которых был принят этот манифест. В докладной записке от 9 октября Витте убеждал царя в необходимости конституционных уступок²⁷. Воспроизведена резолюция Николая II: «Согласен»²⁸. Ярким разоблачением обмана народных масс царским манифестом и проявления царской «свободы» на деле являются публикации, рассказывающие о борьбе царизма с революционной печатью, о кровавой расправе с рабочими и крестьянами.

Публикация «Царизм в борьбе с революционной печатью в 1905 г.»²⁹, основанная на документах ЦГИАЛ, показывает, что самодержавие вело ожесточенную борьбу с большевистской печатью двумя способами: с од-ной стороны, оно усиливало административные и судебные репрессии про-тив революционной печати, а с другой стороны, организовывало ряд широ-кодоступных монархических печатных органов, чтобы уменьшить влияние на массы революционной печати. «Не подлежит сомнению, — писал в док-ладе Николаю II председатель Совета министров Витте, — что одна из при-чин возбуждения народных масс лежит в противоправительственной про-паганде, принявшей обширные размеры. Необходимо воздействие и в про-тивоположном духе»³⁰. Этой же целью создания мощной реакционной печати в противовес революционной руководствовался министр внутрен-них дел Булыгин, реорганизуя журнал «Сельский вестник» в еженедельную, широкодоступную газету для распространения в крестьянской среде.

Обобщенную картину декабрьских революционных событий давала публикация «Хроника вооруженной борьбы»³¹, в которой помещены еже-недельные записки по Департаменту полиции за период с 8 по 29 декабря 1905 г. В записках отражены декабрьские события по всей России, в том числе в Петербурге, где революционные стачки в декабре не приняли ха-рактер вооруженного восстания ввиду ареста «главных руководителей движения и боевых дружин» и захвата полицией мастерских, в которых изготовлялись различные снаряды³², в Москве, в городах центральной России и Поволжье, в Сибири, на Украине, в Прибалтике, Белоруссии, Польше, на Северном Кавказе и в Закавказье. При строго критическом подходе к «запискам», они могут быть ценным источником о всеобщности вооруженного восстания, о сильном аграрном движении, сопровождавшимся разгромами помещичьих усадеб.

Кровавая расправа с участниками московского вооруженного восста-ния — рабочими Пресни, героически сражавшимися на баррикадах, отра-жена в документах ЦГВИА в публикации «Штурм Пресни»³³. Рапорт на-чальника артиллерии и выписка из журнала военных действий 1-й гренадер-ской артиллерийской бригады генерал-фельдмаршала Брюса дают возмож-ность восстановить картину артиллерийской бомбардировки из тяжелых

²⁶ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 39—106.

²⁷ Там же, стр. 47, 55.

²⁸ Там же, стр. 61.

²⁹ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 140.

³⁰ Там же, стр. 149.

³¹ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 159—181.

³² Там же, стр. 164.

³³ Там же, стр. 385.

орудий фабричного района Пресни, занятого небольшим количеством вооруженных дружинников-рабочих. Обстрел Пресни был произведен 17 декабря. В результате его сгорел ряд зданий, но по свидетельству генерала штаба военного округа «действия артиллерии... дружину не напугали»³⁴.

Историю подавления восстания на Московско-Казанской железной дороге в декабрьские дни отражает публикация «Карательная экспедиция полковника Римана»³⁵. Опубликованный рапорт возглавившего эту экспедицию Римана и приложения к нему: «Список убитых при усмирении восстания», «Опись оружия, найденного и отобранного у мятежников» и другие документы свидетельствуют о героическом сопротивлении восставших и о кровавом терроре карательной экспедиции, расстрелявшей во время подавления восстания большое количество не участвовавших в восстании местных жителей.

Вслед за подавлением декабрьского вооруженного восстания царизм перешел в наступление против революции по всей стране. Историю создания и приговора карательных экспедиций Ренненкампа и Меллер-Закомельского в Сибири позволяет восстановить публикация «К истории карательных экспедиций в Сибири»³⁶. В ней помещены документы из секретного дела архива Главного штаба военного министерства под заглавием «О восстановлении порядка на Сибирской и Самаро-Златоустовской железных дорогах. Командирование генералов Ренненкампа и барона Меллер-Закомельского с отрядом войск». Документы показывают, что вдохновителем расправы над рабочими был Николай II, его ближайшим соучастником — Витте. Подготовка карательных экспедиций держалась в строгой тайне. Повеление царя «сломить дух сопротивления и мятежа... с беспощадной строгостью всяческими мерами»³⁷ было дано Ренненкампу 13 декабря, Меллер-Закомельскому — 20 декабря. Оба посылались с высочайшими полномочиями: Меллер-Закомельский — до Иркутска, Ренненкампа — навстречу ему из Харбина.

Телеграммы царя, генералов, доклад министра внутренних дел Дурново и другие документы публикации помимо данных о кровавой расправе содержат ценные сведения о революционных событиях в Сибири в 1905 г. В декабре Сибирь была фактически отрезана от Европейской России: правительственный телеграф бездействовал, железнодорожный телеграф находился в руках стачечных комитетов, железнодорожное сообщение было под контролем рабочих, пропускаящих в Европейскую Россию почти исключительно поезда с демобилизованными солдатами. «Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на Сибирской магистрали ставит армию и государство в ненормальное положение»³⁸, — сообщал царь в зашифрованной телеграмме 13 декабря в г. Нагасаки для передачи главнокомандующему Линевичу. Документы отражают также стойкое сопротивление рабочих войскам в момент подавления восстания. Например, железнодорожники Красноярска встретили карательные войска с оружием в руках в забаррикадированных мастерских.

Программу решительного наступления на революционное движение по всем направлениям давал «Циркуляр» председателя Совета министров Столыпина от 15 сентября 1906 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам, помещенный в публикации «Мобилизация реакции»³⁹.

В тесной связи с ней находится опубликованная в подборке «Из истории борьбы с революцией в 1905 г.»⁴⁰ переписка графа А. П. Игнатьева — председателя «Особого совещания по пересмотру установленных для ох-

³⁴ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 390.

³⁵ Там же, стр. 398.

³⁶ «Красный архив», 1922, № 1, стр. 329.

³⁷ Там же, стр. 330.

³⁸ Там же.

³⁹ «Красный архив», 1929, № 32, стр. 158.

⁴⁰ Там же, стр. 216.

раны государственного порядка исключительных законоположений» с командующим войсками Сибирского военного округа Н. Н. Сухотиным. Публикация показывает, как часто вводилось правительством в губерниях исключительное положение с неограниченной властью высших местных начальников и с полным подчинением суда административным органам в их борьбе с революционными выступлениями.

Таким образом, опубликованные в «Красном архиве» документы по истории рабочего движения в период первой русской революции являются ценными источниками для изучения этого вопроса. Они позволяют судить об остром политическом характере борьбы пролетариата — гегемона революции, о своеобразии первой буржуазно-демократической революции в России — буржуазно-демократической по своему социальному содержанию, но пролетарской — по средствам борьбы⁴¹, о богатом опыте, который получил пролетариат в революции, об этапах революции, о руководящей роли в революции — партии большевиков. Революционная борьба пролетариата вызвала широкое и мощное крестьянское движение, нашла отклик в армии и флоте. Однако крестьянская борьба против помещиков была еще недостаточно организована, а волнения в армии и флоте и присоединения воинских частей к восставшим были единичными; армия помогала царю подавлять забастовки и восстания.

Рассматривая особенности документальных публикаций «Красного архива» по истории рабочего движения в 1905—1907 гг., необходимо отметить разрозненность и отрывочность их. Вследствие этого они, несмотря на довольно значительный объем в целом, не могли осветить тему достаточно широко. Это можно объяснить характером органа, в котором они печатались, — журнала, где помещались документы по определенному вопросу, подготовленные к печати разными составителями в разных архивах, а отчасти тем, что наряду с публикацией документов в «Красном архиве» Центрархив издавал отдельные сборники документов по этому периоду: «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева в 1905 г.», «Революция 1905 г. и самодержавие», «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.»⁴² и др. Кроме того, публикации готовились без предварительного, координирующего их подготовку плана. Поэтому в журнале не нашло отражения такое ведущее в революции 1905—1907 гг. выступление московского пролетариата, как его октябрьская стачка, разросшаяся во всеобщую, всероссийскую политическую стачку; слабо освещено декабрьское вооруженное восстание, в котором не была показана роль Московского Совета рабочих депутатов. Мало было помещено документов, относящихся к возникновению первых Советов в различных местах России.

Неполноту освещения конкретных вопросов, которым посвящалась та или иная публикация, в известной мере можно отнести за счет особенностей выявления и отбора документов журнальной публикации. В тематическую документальную публикацию журнала, ограниченную объемом, отбирались документы, содержащие наиболее общие сведения о событиях, чтобы при небольшом количестве документов отразить основные этапы исторических событий. Иногда же публикацию составляли один или несколько документов, затрагивающих большую тему. Здесь не помещались ранее опубликованные документы (как это делается в сборниках). Поэтому многие детали, а иногда и существенные вопросы не нашли в журнальных тематических публикациях отражения. В неразрывной связи с этой особенностью находится вопрос о наименованиях публикаций. Удачны были формулировки тем, посвященных узким вопросам (например «Штурм Пресни»). Когда же журнальная публикация посвящалась широкой теме, например Иваново-Вознесенской всеобщей стачке 1905 г.,

⁴¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 311.

⁴² «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева в 1905 г.» М., 1925; «Революция 1905 г. и самодержавие». М., 1928; «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». М., 1939. См. об этом наст. том, стр. 204—221.

рабочему движению на Украине и т. д., заголовок ее должен был показать, что она не претендует на ее полное отражение. В «Красном архиве» это положение учитывалось не всегда. Наряду с заголовками: «К истории рабочего движения на Украине», «Из истории борьбы с революцией в 1905 г.», имелись заголовки: «Прибалтийский край в 1905 г.», «Декабрьские дни в Донбассе» и другие, которыми тема не ограничивалась.

Как отмечалось, в публикациях помещены документы в большинстве своем из центральных государственных исторических архивов Москвы и Ленинграда — фондов Департамента полиции, Министерства юстиции и Главного управления по делам печати (ЦГИАМ — ныне часть ЦГАОР СССР); из Центрального военно-исторического архива — фонда Главного штаба военного министерства. Кроме того, одна публикация дана по материалам Государственного архива Горьковской области (фонда старшего фабричного инспектора) и другая — по материалам Центрального государственного архива Казахской ССР (фонда окружного инженера Степного северного горного округа).

По характеру происхождения документы можно разделить на две группы. Первая, малочисленная группа документов отложилась в результате деятельности социал-демократических и революционных рабочих организаций. Это — листовки комитетов РСДРП и ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии, обращения или постановления Советов рабочих депутатов и, наконец, перлюстрированные письма участников революционной борьбы. Это очень ценные источники, раскрывающие подлинную картину причин революционного движения и его развития.

Подавляющее же большинство документов, опубликованных в «Красном архиве», которые отнесем ко второй группе, вышли из-под пера представителей враждебных классов, полицейско-бюрократического государственного аппарата. Здесь — донесения в Департамент полиции начальников губернских жандармских управлений, охранных отделений, отдельных корпусов жандармов; доклады и телеграммы губернаторов Министерству внутренних дел, представления прокуроров в высшие судебные инстанции, циркуляры Министерства внутренних дел, дневник фабричного инспектора.

За классово враждебными формулировками и отдельными искажениями событий можно с помощью научной критики источников разглядеть истинную картину событий, восстановить исторические факты.

Приемы публикации документов в «Красном архиве» по рассматриваемой теме не были устойчивыми, поскольку они приходится на длительный период с 1922 по 1941 г. Методика воспроизведения текста источников не в полной мере отвечала требованиям точной его передачи: наблюдалась некоторая модернизация текста; не всегда сохранялись специфические особенности документа. Так, во многих документах опускается слово «сего» в обозначении даты — «28 сего января за № 333»⁴³ или «7 сего августа»⁴⁴. Имелись и другие недостатки в передаче текста. Как правило, из текста документа опускались упоминания и ссылки на предшествующую данному документу переписку. Так, в приведенном выше примере опущено «за № 333». Такие пропуски нигде не оговорены. А между тем сохранение в документах ссылок на инициативный или просто ранее посланный документ нередко помогает исследователю установить связь событий. Нами было проведено сравнение опубликованных документов с их оригиналами в фонде Департамента полиции (ДП), особом отделе (ОО), хранящемся теперь в ЦГАОР СССР. Сверка текстов показала, что не всегда был воспроизведен гриф

⁴³ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 106; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 4, ч. 28, 1905 г., л. 7.

⁴⁴ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 108; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 1350, ч. 27, 1905 г., л. 23.

документа «секретно»⁴⁵, «конфиденциально»⁴⁶. Как правило, не переданы резолюции и пометы, хотя они имели значение для понимания дальнейшего хода событий. Так, не воспроизведена резолюция на донесении екатеринославского губернатора в Департамент полиции от 29 сентября 1905 г.⁴⁷: «Снести с воен. мин.»⁴⁸, которая делает понятным появление письма А. Ф. Трепова военному министру от 13 октября 1905 г.⁴⁹ по тому же вопросу.

При передаче текста телеграммы составители вставляли в текст недостающие слова, не заключая их в квадратные скобки. При этом иногда дополнение предлога сделано не там, где требовал текст телеграммы, что влекло за собой изменение следующего слова. Например, в «Телеграмме начальника Одесского жандармского управления шефу жандармов, 3 мая 1905 г.»⁵⁰ читаем: «были попытки небольших групп вызвать к прекращению работ на незабастовавших фабриках...», а в оригинале было: «были попытки небольших групп вызвать прекращение работ незабастовавших фабриках».

Но основные недостатки в передаче текста документов были допущены при публикации документов в извлечениях, что характерно в целом для археографии того времени. Наблюдалось произвольное обращение с текстом документов.

Так, в документе «Из доклада волынского губернатора в Департамент полиции 29 января 1905 г.» допущены следующие изменения:

В «Красном архиве»⁵¹

За несколько дней до начала беспорядков в г. Житомире в местном жандармском управлении были получены агентурные сведения о том, что...

В оригинале⁵²

За несколько дней до начала в г. Житомире беспорядков, о которых мною сообщено в Департамент полиции в отношении от 26 сего января за № 291, в местном жандармском управлении были получены агентурные сведения (неоправдавшиеся впоследствии) о том, что...

Последняя фраза губернатора «неоправдавшиеся впоследствии» опровергается всеми дальнейшими событиями и об этом можно было сообщить в примечании, но не допускать подобные «превращения» текста источника. Кроме того, в документе пропущены такие части текста, которые дали бы исследователю важные сведения о количестве бастующих, о продолжительности забастовки. Пропуск этих данных значительно снижает ценность документа. Уровень источниковедческого анализа публикуемых документов не всегда был высок. Иначе составители разглядели бы за недоуменной фразой губернатора «рабочие не предъявляли никаких претензий», но все же бастовали⁵³, политические мотивы январской забастовки рабочих г. Житомира и не выбросили бы этой фразы из документа.

В заголовках документов не всегда раскрывалось содержание. Иногда это оправдывалось однотипностью даваемых сведений и малочисленностью документов. Так, в публикации «К тридцатилетию Иваново-Вознесенской всеобщей стачки»⁵⁴, содержащей письма революционеров в большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий», документы касаются одного и того

⁴⁵ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 106, 108; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 4, ч. 28, 1905 г., л. 7, 20.

⁴⁶ «Красный архив», 1935, № 73, стр. 103; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 4, ч. 17, т. 4, л. 70.

⁴⁷ «Красный архив», 1935, № 73, стр. 98.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 1905 г., д. 4, ч. 17, т. 4, л. 59.

⁴⁹ «Красный архив», 1935, № 73, стр. 103—104.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 4, ч. 19, лит. А, стр. 99.

⁵¹ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 105.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 4, ч. 28, 1905 г., л. 4.

⁵³ Там же, л. 4 об.

⁵⁴ «Красный архив», 1935, № 69—70.

же события — летней рабочей забастовки. При наличии общего заголовка и исторического введения не было особой надобности в обозначении содержания каждого документа в отдельности. То же можно сказать о документах публикации «К истории «кровавого воскресенья» в Петербурге»⁵⁵, где публикуемые документы носят характер обзора происшедших за этот день событий, и о других аналогичных публикациях. Но в большинстве случаев количество публикуемых документов и богатство сообщаемых фактов требовало раскрытия содержания каждого документа: например, в публикации «Декабрьские дни в Донбассе»⁵⁶, где было дано 45 документов, исходивших от различных корреспондентов различным адресатам и характеризовавших этапы борьбы рабочих и общественной жизни Донбасса в этот период; публикация «Революционные события в Прибалтике» включала 52 документа трех губерний — Лифляндской, Курляндской и Эстляндской. Лишь в отдельных публикациях журнала 1941 г. встречается несколько заголовков с обозначением содержания отдельных документов (например, в публикации «Царизм в борьбе с революционной печатью в 1905 году»)⁵⁷. Отсутствие обозначения содержания документов в заголовках затрудняет свободную ориентировку в документах публикаций.

В некоторых публикациях, например «К истории карательных экспедиций в Сибири»⁵⁸, «Карательная экспедиция полковника Римана»⁵⁹, «Треповский проект речи Николая II»⁶⁰, документы связываются текстом от составителя, поэтому нет специальных заголовков.

В археографическом оформлении документов тогда не было единых общепринятых норм, вследствие этого контрольно-справочные сведения к документам либо совсем не давались (например, в публикации «Из истории борьбы с революцией в 1905 г.»)⁶¹, либо давались в конце всей публикации (например, в публикации «Манифест 17 октября»)⁶², либо — в подстрочных примечаниях. В большинстве публикаций контрольно-справочный аппарат был помещен подстрочно и включал в себя только данные о месте хранения документа и его шифре. Крайне редко встречалось указание, является ли данный документ подлинником, отпуском и т. д., и указание на внешний вид документа (они даны в публикациях «К истории «кровавого воскресенья» в Петербурге»⁶³ и «Манифест 17 октября»).

При пользовании публикациями по истории рабочего движения (как и другими публикациями «Красного архива») нужно учесть, что многие данные о месте хранения документа и его шифре не соответствуют их настоящему местонахождению, так как изменилась сеть государственных архивов.

Некоторые сведения о шифре документов даны неверно, вследствие небрежности составителей⁶⁴.

Расположены документы в публикациях обычно по хронологическому признаку, иногда — по географическому (например, в публикациях «Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.»⁶⁵, «Революционные события в Прибалтике»⁶⁶ документы расположены по губерниям). Недостатком в оформлении документов было отсутствие нумерации докумен-

⁵⁵ «Красный архив», 1935, № 68.

⁵⁶ «Красный архив», 1935, № 73, стр. 91.

⁵⁷ «Красный архив», 1941, № 105, стр. 140.

⁵⁸ «Красный архив», 1922, № 1, стр. 329.

⁵⁹ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 398.

⁶⁰ «Красный архив», 1927, № 20, стр. 240.

⁶¹ «Красный архив», 1929, № 32, стр. 216.

⁶² «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 39.

⁶³ «Красный архив», 1935, № 68, стр. 41.

⁶⁴ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 82; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 4, ч. 10, лит. А, 1905 г., по описи — ч. 19; «Красный архив», 1940, № 102, стр. 86; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, д. 1350, ч. 30, 1905 г., л. 30 — в деле документов нет.

⁶⁵ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 75.

⁶⁶ Там же, стр. 114.

тов почти во всех публикациях, кроме нескольких, например, «Из истории рабочего движения в Караганде»⁶⁷ и «Манифест 17 октября»⁶⁸.

Характер публикации (сравнительная немногочисленность помещаемых в каждой публикации документов) наложил свой отпечаток на основные элементы научно-справочного аппарата — предисловия и примечания. Как правило, в предисловии давалась кратко историческая обстановка периода, которому посвящена публикация, раскрывалось значение и конкретный ход освещаемых в документах событий и сообщалось о местонахождении публикуемых документов. Отдельное археографическое предисловие дано в публикации «Проект манифеста о событиях 9 января»⁶⁹, но и оно содержало лишь характеристику особенностей написания публикуемой рукописи и приемов издания документов, а также указание на ценность данного документа. В некоторых предисловиях помимо указания, откуда извлечены документы, имеются и другие элементы археографического предисловия. Так, в предисловиях к публикациям «К истории карательных экспедиций в Сибири»⁷⁰, «К истории революции 1905 г. на заводе «Сормово»»⁷¹ и другим отмечалось, что нового вносят в историческую науку публикуемые документы.

В нескольких предисловиях (к публикации «Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.»⁷² и др.) были названы составители публикаций.

Ни одно из предисловий не содержало в себе краткой характеристики использованных архивных фондов и обоснования принципа отбора документов. Только в археографическом предисловии к публикации «Проект манифеста о событиях 9 января» были изложены приемы издания документов. Нельзя обойти молчанием и ошибки в трактовке событий. В предисловии к публикации «Хроника вооруженной борьбы»⁷³ проводилась мысль о том, что декабрьское вооруженное восстание никем не подготовлялось, что оно возникло и стало всероссийским «по какой-то внутренней логике событий»⁷⁴. Между тем декабрьское восстание было начато в Москве по решению Московского комитета большевиков от 5 декабря 1905 г.

Примечания к публикациям, как текстуальные, так и по содержанию, давались подстрочно. Примечания после документов были помещены только в одной публикации «9 января»⁷⁵, но в них не было разграничения между примечаниями текстуальными и по содержанию (в комментариях давались сведения об отсутствии подписи на документе, об отсутствии в деле упоминаемого в тексте документа).

В подстрочных примечаниях, касающихся текста документов, даны сведения о тексте, указываются разночтения слов, встречающихся в различных документах, отмечаются пометы, подчеркивания, приписки другой рукой. Это свидетельствует об известной текстологической работе составителей.

В подстрочных примечаниях, касающихся содержания документа, давались сведения справочного характера об упоминаемых в документе событиях, лицах и фабриках. Есть примечания, исправляющие неверные показания документа о сообщаемых им фактах (например, в примечаниях к публикации «Из истории революционного движения в Караганде»⁷⁶). В некоторых публикациях, например «К тридцатилетию Иваново-Вознесен-

⁶⁷ «Красный архив», 1932, № 53.

⁶⁸ «Красный архив», 1925, № 11—12.

⁶⁹ Там же, стр. 26.

⁷⁰ «Красный архив», 1922, № 1, стр. 329.

⁷¹ «Красный архив», 1929, № 32, стр. 192.

⁷² «Красный архив», 1940, № 102, стр. 75.

⁷³ «Красный архив», 1925, № 11—12, стр. 159.

⁷⁴ Там же, стр. 161.

⁷⁵ Там же, стр. 1.

⁷⁶ «Красный архив», 1932, № 53, стр. 158.

ской всеобщей стачки»⁷⁷, в подстрочном примечании указан составитель. Иногда примечания отсутствуют, хотя надобность в них остро ощущается (например, в публикации «Хроника вооруженной борьбы»).

Анализируя приемы публикации документов в «Красном архиве» по рабочему движению 1905—1907 гг., следует помнить об отсутствии в советской археографии в период 1922—1941 гг. четко разработанной методики и единых правил публикации документов.

Вместе с тем заметны и положительные методические приемы: в большинстве своем документальные публикации имели предисловия, раскрывавшие политическое значение освещаемых исторических событий; они были снабжены примечаниями по содержанию, дополнявшими показания документов, что значительно облегчало исследование документов.

Недочеты в подготовке публикаций не являлись присущими только этому журналу. Они характерны для археографической практики 20-х — 30-х годов, когда шел процесс накопления опыта и знаний, необходимых для последовавшей позднее выработки основной единой методики опубликования исторических документов. «Красный архив» безусловно внес свой вклад в это дело. Определенным доказательством ценности опубликованных в нем источников является то, что многие документы «Красного архива» были вновь включены в сборники, подготовленные к 50-летию революции. В целях проверки степени опубликованности и использования документальных публикаций журнала в последующих изданиях было проведено изучение сборников центральной серии «Революция 1905—1907 гг.», республиканских сборников «Революция 1905—1907 гг. на Украине» (т. I — III. Киев, 1955), «Революция 1905—1907 гг. в Эстонии» (Таллин, 1955), «Революция 1905—1907 гг. в Латвии» (Рига, 1956), «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.» (Минск, 1955). Сличение состава опубликованных материалов показало, что активно использовались при подготовке новых изданий археографами: «Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.» (в центральной серии помещено 11 документов⁷⁸, но без ссылок на «Красный архив», в украинском сборнике — 3 документа⁷⁹, тоже без упоминания журнала), «Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 г.» (в центральной серии — 5 документов⁸⁰, из них 4 с отсылкой на журнал, 1 — без нее), «Вооруженное восстание в Мотовилихе» (в центральной серии — 4 документа, из них только в одном случае со ссылкой на журнал)⁸¹, «К тридцатилетию Иваново-Вознесенской всеобщей стачки» (в сборнике «Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь»⁸² — со ссылкой, но не на журнал, а на сборник Центрархива «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г.» М., 1935). Особо следует остановиться на публикации «Революционные события в Прибалтике». Ее документы использованы и в центральной серии с отсылкой на журнал⁸³, и в респуб-

⁷⁷ «Красный архив», 1935, № 68, стр. 127.

⁷⁸ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.», ч. II. М.—Л., 1955, док. № 593, 597, 599, 606, 607, 609, 610 («Красный архив», 1935, № 73 соответственно: стр. 100, 106, 108, 103—104, 105, 106; «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г.», ч. III, кн. 1. М., 1956, док. № 55, 59, 62, 66 («Красный архив», 1935, № 73, стр. 116, 118, 119).

⁷⁹ «Революция 1905—1907 гг. на Украине», т. II, ч. 1. «Революционная борьба на Украине в период первой русской революции 1905 г.» Киев, 1955, док. № 149, 304, 309 («Красный архив», 1935, № 73, стр. 97, 101, 102).

⁸⁰ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II. М., 1955, док. № 471, 476, 477, 481, 485 («Красный архив», 1940, № 99, стр. 74, 75, 76, 77, 78, 81—89).

⁸¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. II, док. № 631, 635, 638, 639 («Красный архив», 1940, № 103, стр. 89, 90, 99—100, 102—104, 105).

⁸² «Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь», ч. I. М., 1957, док. № 293, 301, 303 («Красный архив», 1935, № 69—70, стр. 132—135, 135—136, 136—137).

⁸³ «Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь», ч. II, кн. 1. М., 1961, док. № 219, 287 («Красный архив», 1940, № 102, стр. 142—143).

ликанских сборниках⁸⁴, особенно в латвийском сборнике, где помещено 6 документов, но без отсылок на первую публикацию⁸⁵. Отдельные документы опубликованы более полно, чем в «Красном архиве». А в тексте одного документа («Из донесения начальника Курляндского губернского жандармского управления в Гробинском уезде и Либавском порту в Департамент полиции о стачечном движении в гор. Либаве с 14 по 23 января») опущено начало документа⁸⁶, тогда как в «Красном архиве» опубликовано начало, но нет конца текста⁸⁷. Вследствие этого полный текст воссоздается ныне только при использовании обеих публикаций.

Из публикации «Отражение событий 1905 года за границей» перепечатано 6 документов в сборнике «Начало первой русской революции» со ссылкой на «Красный архив»⁸⁸.

На основе изучения новых изданий можно сделать вывод о большой ценности первых публикаций, а также о том, что журнальные публикации не были в полной мере поглощены новыми сборниками и во многом не утратили своего значения. Это относится даже к тем публикациям, документы из которых перепечатывались позднее. Так, в составе последней из названных публикаций, подготовленной по материалам архива бывшего МИД, всего было опубликовано 28 документов. В соответствующем разделе сборника «Начало первой русской революции» всего 17 документов (из них 6 документов по «Красному архиву»). Оставшиеся неиспользованными документы журнала серьезно дополняют этот раздел сборника.

Из публикации «9 января в Петербурге» были перепечатаны в центральной серии 2 документа (дислокация воинских частей в Петербурге на 9 января и описание действий войсковых частей 9 января)⁸⁹. Остальные документы журнальной публикации из того же дела «О командировании войск для содействия гражданским властям Петербургского военного округа» не были привлечены, но исследователя они несомненно заинтересуют. Из опубликованного в журнале комплекса докладов В. Н. Кокорца Николаю II перепечатан только один доклад⁹⁰, хотя и остальные представляют существенный интерес.

Обращает на себя внимание факт отсутствия отсылок на первую публикацию в большинстве новых изданий, это — серьезное упущение составителей не только потому, что известный уже в печати документ выдается за впервые публикуемый, но и потому, что лишает читателя возможности обратиться к источникам, неразрывно связанным с выборочно опубликованным в тематическом издании документом. К сожалению, сведения об опубликованности отсутствуют во всех рассмотренных республиканских сборниках и в большинстве сборников центральной серии (в одних и тех же изданиях об отдельных документах есть сведения о первой публикации, о других — нет — «Начало первой русской революции», «Высший подъем революции», ч. II). Источники, опубликованные в «Красном архиве», по-прежнему служат углубленному исследованию проблем революции 1905—1907 гг., не утратив определенного значения, хотя это значение теперь имеет иные, чем прежде, функции — дополнить основные крупные публикации. Опыт археографической подготовки документов к печати, накопленный журналом за два десятилетия, сыграл положительную роль и был учтен в послевоенные годы, особенно при решении задач публикации журнальных форм.

⁸⁴ «Революция 1905—1907 гг. в Эстонии». Таллин, 1955, док. № 14 («Красный архив», 1940, № 102, стр. 191).

⁸⁵ «Революция 1905—1907 гг. в Латвии». Документы и материалы. Рига, 1956, док. № 8, 11, 13, 33, 34, 276 («Красный архив», 1940, № 102, стр. 134—149).

⁸⁶ Там же, док. № 11 («Красный архив», 1940, № 102, стр. 23—25).

⁸⁷ «Красный архив», 1940, № 102, стр. 148—149.

⁸⁸ «Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г.» М., 1955, док. № 459, 460, 461, 463, 467, 471 («Красный архив», 1925, № 9, стр. 35).

⁸⁹ «Начало первой русской революции», док. № 34, 44.

⁹⁰ Там же, док. № 12.

Б. В. Левшин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИВА АН СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Великая Отечественная война Советского Союза была суровым испытанием всех сторон политической, экономической, общественной жизни нашей страны. Победа нашего народа убедительно показала прочность советского общественного и государственного строя, превосходство социалистической системы, патриотизм советских людей, преданность делу Коммунистической партии.

В этой войне научные учреждения также с честью выдержали суровый экзамен. Они показали, что в условиях войны способны решать сложные задачи.

Вместе со всеми архивными учреждениями страны Архив АН СССР внес вклад в выполнение стоявших перед ними задач и разделял все трудности военного времени.

Являясь старейшим научным архивом страны, Архив АН СССР накануне войны представлял собой, хотя и не очень крупное по количеству работавших в нем сотрудников, но очень ценное в отношении хранящихся в нем материалов учреждение. Накопив более чем за 200 лет своего существования значительные документальные ценности по истории русской науки и культуры, Архив АН СССР перед войной приступил к их систематической разработке.

Результатом этой работы явилось не только научно-техническое упорядочение фондов, но и издание целого ряда справочников по составу и содержанию документов, а также различных сборников по истории Академии наук и истории отечественной науки.

Архив АН СССР до войны размещался в двух городах. В Ленинграде хранилась наиболее объемная и старая часть документации. Там же находилось управление архивом и большая часть сотрудников. В Москве с 1936 г. действовало Московское отделение Архива АН СССР. В нем сосредоточивалась документация Академии наук СССР с момента переезда ее в Москву. Здесь, естественно, объем документов был меньше.

С началом Великой Отечественной войны перед Архивом АН СССР встала задача сохранить ценнейшие документальные сокровища Академии наук и поставить их на службу интересам Родины. Решать эти задачи Архиву АН СССР пришлось в сложных условиях. Враг рвался к Ленинграду и Москве. Чтобы уберечь архивные документы от гибели, нужно было их надежно укрыть и вывезти из этих крупных городов, которые в первую очередь подвергались вражеским ударам.

Наиболее ценные архивные фонды в ленинградском помещении Ар-

¹ Статья написана на основании делопроизводственных документов Архива АН СССР (далее — ААН СССР, ф. 7м), отчетов Академии наук СССР за военные годы (ААН СССР, р. IV), воспоминаний бывшего директора Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны Г. А. Князева (ААН СССР, ф. 965, фонд не обработан).

хива АН СССР были перемещены с верхнего этажа в нижний, а имевшие меньшую значимость документы подняты из нижних хранилищ в верхние.

Одновременно с помощью приехавшего из Москвы академика С. И. Вавилова, тесно связанного с работой Архива АН СССР через Комиссию по истории Академии наук, удалось договориться с директором Эрмитажа академиком И. А. Орбели об эвакуации основных ценностей Архива АН СССР вместе с вывозившимися из Ленинграда собраниями Эрмитажа. Более полусотни ящиков вместили в себя документы М. В. Ломоносова, документы ученой корреспонденции XVIII—XIX вв., фонды П. Н. Лебедева, И. Кеплера, Г. Ф. Миллера, Г. Гюйссена, отдельные рукописи И. П. Павлова, Г. И. Лангсдорфа и другие документы, главным образом XVIII—XIX вв., и были вывезены из города в июле 1941 г.

В Московском отделении Архива АН СССР подготовка документов к эвакуации началась в последних числах июня 1941 г. Были отобраны наиболее ценные документы личных фондов академиков и членов-корреспондентов Академии наук, подлинные протоколы и стенограммы заседаний Президиума АН СССР, годовые планы и отчеты Академии наук, распоряжения по учреждениям Академии наук, личные дела сотрудников — всего 1500 дел, которые 21 июля 1941 г. были эвакуированы вместе с учреждениями Академии наук в г. Казань.

Конечно, вывезти можно было только небольшую часть самых ценных материалов, основная же масса документов оставалась в хранилищах Архива и надо было обеспечить ее сохранность. Сотрудники Архива АН СССР сделали все, что было в их силах, чтобы ни один из документов, вверенных им государством, не был утрачен.

Архив АН СССР на освобожденные после эвакуации полки начал переводить из Пулков архив Пулковской обсерватории, представлявший большую ценность и включавший в свой состав научную документацию этого крупнейшего научного астрономического центра за 100 лет его деятельности. Над спасением этих документов самоотверженно трудились сотрудники Архива АН СССР Л. Б. Модзалевский и П. М. Стулов вместе с сотрудниками обсерватории. После возвращения с окопных работ Модзалевский и Стулов начали систематически ездить в Пулково и связывать дела архива Пулковской обсерватории. Директор обсерватории почти ежедневно приезжал в Ленинград на автобусе обсерватории и каждый раз привозил 10—20 связок². Архив сохранен благодаря тому, что уже в первые месяцы войны — до разрушения Пулковки — был переведен в Архив АН СССР.

Несмотря на тяжелейшие условия блокады Ленинграда, Архив АН СССР не прекращал своей деятельности. Вражеский обстрел Ленинграда дальнобойной артиллерией и жестокие бомбардировки не причинили зданию Архива сильного вреда и хранившиеся в Архиве документы не пострадали. Хотя прямых попаданий в здание Архива не было, осколками разрывавшихся вблизи бомб и снарядов были выбиты стекла. Наступила осень, затем зима, и в помещении стало невыносимо холодно. Установили печь в читальном зале, но ослабевшая научный сотрудник С. А. Шахматова уже не могла работать. Сотрудники Архива, получавшие продукты 2-й категории, собрали все, что могли, и доставили посылку Шахматовой и ее 12-летнему сыну. Но спасти их не удалось³.

Сотрудники Архива АН СССР во главе с его директором — известным архивистом Г. А. Князевым под рабочую комнату оборудовали одну из комнат, в которой была плита. Ее топили бумагой и пепел разлетался по всей комнате. Самоотверженно трудились М. В. Крутикова и А. В. Цвет-

² ААН СССР, ф. 929, оп. 1, д. 12, л. 86.

³ Там же, д. 5, л. 17.

никова, которые перешли на казарменное положение и охраняли документы по истории Академии наук, истории науки и техники.

В первые же дни войны сотрудники Архива АН СССР П. Н. Корявов, А. М. Черников и заведующий Московским отделением Архива АН СССР Ф. Д. Гетман ушли на фронт. Оставшиеся сотрудники участвовали в строительстве оборонительных сооружений, боролись с пожарами от зажигательных бомб, выполняли другие оборонные работы.

Архив ни на один день не прекращал работу. Его коллектив самоотверженно трудился. Директор Архива АН СССР Г. А. Князев, несмотря на тяжелое состояние здоровья, сумел так организовать работу, что фонды Архива не только не уменьшились, а даже пополнились.

Несмотря на цыngu и истощение, сотрудники перенесли в Архив многие архивные документы и целые фонды, например, академиков С. А. Желбелева, Ф. И. Щербатского, А. А. Ухтомского, Б. М. Ляпунова и других выдающихся ученых, умерших в блокаду. Продолжалась разборка фондов, выполнялись работы по систематизации документов и их описанию. От эвакуированных ученых Архив АН СССР принимал на хранение рукописи научных работ, которые после войны были возвращены владельцам.

В тяжелую блокадную зиму 1941/42 г. умерли сотрудники Архива АН СССР П. М. Стулов, С. А. Шахматова, Т. А. Алексеева, позднее скончалась занимавшаяся изучением документов по истории географических открытий и академических экспедиций В. Ф. Гнучева. Л. Б. Модзалевский выжил только благодаря тому, что был помещен в стационар научных работников, организованный для больных дистрофией в Ленинградском Доме ученых АН СССР. Сотрудницы Архива И. С. Лосева и А. В. Цветникова перевезли его туда с Васильевского острова на ручной тележке.

12 августа 1942 г. на самолете в Москву был вывезен директор Архива АН СССР Г. А. Князев. Старшим в Архиве осталась И. С. Лосева, но в 1943 г. она была мобилизована на трудовой фронт и без вести пропала.

Сотрудники Архива участвовали в заседании Объединенного ученого совета гуманитарных учреждений Академии наук в Ленинграде 1 апреля 1942 г. (после голодной зимы 1941/42 г.). Г. А. Князев, участник этого заседания, вспоминает: «Сотрудники, кто еще стоял на ногах и мог передвигаться, пришли все. Заседание должно было состояться в одной из комнат, выходящих окнами во двор большого академического дома, чтобы не подвергнуться случайностям могущего начаться обстрела. Была попытка протопить печь, но трубы так отсырели, что дым повалил обратно и заполнил все помещение, от топки пришлось отказаться и избрать другую, хотя и маленькую комнатку, но где было меньше дыма, и которую скоро согрели своим дыханием присутствующие. Все были в пальто, шапках. Некоторые на ногах имели какие-то обвязки вместо сапог или валенок. На распухшие от цыngи ноги не надевалась обувь. Лица были землистые, но горели глаза! Еще бы! Какое событие! С каким вниманием и волнением все слушали спокойную, хорошо сказанную, внушительную речь академика И. Ю. Крачковского — председателя собрания»⁴.

В Москве в трудные дни середины октября 1941 г. в Архиве оставалась только одна сотрудница — А. Н. Прокофьева, которая помогла сохранить документальный фонд Московского отделения Архива.

Штат Архива АН СССР к концу 1943 г. состоял всего из пяти научных сотрудников, но порядок поддерживался. На казарменном положении находился один из сотрудников. В помощь ему выделялся дежурный. Доку-

⁴ Г. А. Князев. Советские ученые в блокадную зиму 1942 г. в Ленинграде. — ААН СССР. Научно-исторический кабинет. Рукопись, стр. 5; см. также А. В. Кольцов. Ученые Ленинграда в годы блокады 1941—1943. М.—Л., 1962, стр. 96—97.

менты хранились в коробках и папках, проводилось регулярное проветривание и частичное обеспыливание, благодаря чему обеспечивалась сохранность документов.

К 1943 г. здание Архива АН СССР было, насколько это было возможно, приведено в порядок. Отремонтирована крыша, поврежденная осколками, действовали водопровод и канализация. Окна нижнего этажа заделаны ставнями, а верхнего — частично фанерой.

В Ленинграде от артиллерийского обстрела архивные материалы не пострадали, если не считать небольшого ущерба, нанесенного запасной кладовой Архива с материалами временного хранения.

В декабре 1942 г. распоряжением Президиума АН СССР перед Архивом АН СССР была поставлена задача сохранения архивных ценностей, организации помощи академическим учреждениям в постановке документальной части делопроизводства, а также помощи учреждениям, работавшим на оборону страны. В этих целях по заданию Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии, которая работала под руководством академика А. Е. Ферсмана, Архивом были выявлены документы по водоснабжению и стройматериалам, которые были использованы Командованием Красной Армии при проведении инженерных работ. В январе 1944 г. Московским отделением Архива АН СССР была получена за оказанную помощь благодарность⁵ от Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии.

Выявление документальных материалов по оборонной тематике закончилось в основном в первой половине 1944 г. Всего было выявлено до 400 документов. В 1942 г. были выявлены документы о нефтяных месторождениях Второго Баку, на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке.

Работа по использованию документальных материалов велась в тесном контакте с Главным архивным управлением, через посредство которого шло установление связи с наркоматами и другими учреждениями. Эта работа строилась на основе решения Научного Совета при начальнике ГАУ от 18 февраля 1943 г., резолюций Конференции историков-архивистов от 2 июня 1943 г. и Совещания работников ведомственных архивов от 16 июня 1943 г.

Со второй половины 1944 г. началось выявление документов для восстановления народного хозяйства и культурных ценностей в освобожденных от фашистских захватчиков районах.

Помимо тематических карточек были составлены предметно-тематические ориентировки и краткие характеристики документов, которые были разосланы в соответствующие отделения Академии наук и в заинтересованные учреждения других ведомств. Выявление документов проводилось как по инициативе самого Архива, так и по запросам учреждений. Так, по запросу Академии архитектуры были посланы фотодокументы г. Воронежа. Они были использованы как исторический материал, характеризующий его архитектурный облик, при создании проекта планировки Воронежа.

Сведения о водном и рыбном хозяйствах, о месторождениях полезных ископаемых, по электрификации, автоматике, дорожному хозяйству и другим вопросам были посланы в ряд наркоматов: речного флота, угольной промышленности, земледелия, рыбной промышленности, автомобильного транспорта, в Главное управление гражданского воздушного флота и другие организации.

В 1944—1945 гг. в работу по выявлению документов Архивом были вовлечены и научные архивы учреждений Академии наук. На проведенном в Москве 10 июня 1944 г. совещании с представителями архивов учреждений Академии наук была поставлена задача выявления документов, связанных с восстановлением народного хозяйства и культурных ценностей

⁵ ААН СССР, ф. 7м, оп. 1, 1944 г., д. 22, л. 1.

страны. Эти документы, представленные Советом по изучению производительных сил страны и Институтом горючих ископаемых, были переданы в Главное архивное управление.

Научный архив Института мировой литературы им. А. М. Горького в 1944 г. по просьбе Академии наук Белорусской ССР подобрал документы для Музея Янки Купалы в Минске. Архивом лаборатории научной фотографии и кинематографии АН СССР были выявлены фотодокументы для восстановительных работ и направлены в Брянск, Гомель, Днепропетровск, Витебск, Калугу, Калинин, Кисловодск, Куянск, Железноводск, Одессу, Ростов-на-Дону, Ессентуки и другие города. В эти города были посланы схема ГЭС, сети железных дорог Северного Кавказа, теплоцентрали одного из заводов, документы по спортивным сооружениям и др. Документы Московского отделения Архива АН СССР были использованы при строительстве Симеизской обсерватории. Архив выявил чертежи, планы, рисунки и другие документы для восстановительных работ Главной астрономической обсерватории в Пулкове, сожженной немецкими захватчиками. Для восстановительных работ в академических зданиях в Ленинграде были переданы все нужные для этого хранящиеся в Архиве документы.

Московское отделение Архива АН СССР, при котором в 1943—1944 гг. временно находилась Комиссия по истории Академии наук, эвакуированная из Ленинграда в 1942 г., сперва частично, а потом целиком деятельно помогало комиссии по составлению хронологического обзора, подбору документов для сборника «История Академии наук за советский период» (не был издан).

Основное внимание уделялось поиску документов, относящихся к деятельности Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны. Были выявлены документы, дающие картину научной, научно-организационной, культурно-просветительной деятельности Академии наук в этот период, участия ее ученых в деле повышения обороноспособности нашей Родины, в деле восстановления народного хозяйства и культурных памятников в районах, освобождаемых от фашистских захватчиков. Составлено свыше 3500 хронологических записей, собраны и систематизированы газетные вырезки и копии многих архивных документов.

В первые годы Великой Отечественной войны количество занимавшихся в читальном зале архива уменьшилось до 3 человек в 1942 г. и 4— в 1943 г., но уже в 1944 г. возросло до 35, а в 1945 г.— до 47 человек. В период Великой Отечественной войны в связи с эвакуацией учреждений справочная работа сократилась, но все же в это время было выдано более 300 деловых и 1120 биографических справок.

Одним из видов использования документальных материалов в Московском отделении Архива АН СССР явилось участие в выставках.

Первая выставка была организована в здании Президиума АН СССР в связи с 175-летием со дня смерти М. В. Ломоносова. Было оформлено два больших стенда с документами и фотографиями. В 1944 г. было организовано три выставки. На выставку, посвященную 75-летию президента АН СССР академика В. Л. Комарова, были подобраны документы и составлена хронология его деятельности 1930—1943 гг., которая легла в основу таблицы с датами жизни и деятельности В. Л. Комарова. Эта выставка проводилась в московском Доме ученых АН СССР.

На выставке, посвященной 250-летию со дня рождения Вольтера, на сессии Академии наук СССР, созванной в ознаменование этого юбилея, экспонировались документы, относящиеся к избранию Вольтера в почетные члены Академии наук в 1746 г., его письма и другие материалы.

Третья выставка 1944 г. состоялась в здании Президиума АН СССР в связи с 50-летием со дня смерти выдающегося русского математика П. Л. Чебышева, на которой демонстрировались его дипломы на звание адъюнкта Академии наук, экстраординарного и ординарного академика,

дипломы и грамоты русских ученых обществ, научных учреждений и организаций, а также дипломы и грамоты иностранных академий наук и ученых обществ.

Документы Архива АН СССР были широко использованы в связи с праздновавшимся всей страной в июне 1945 г. 220-летним юбилеем Академии наук.

Архивом составлялись справки по истории академических учреждений, а также по биографиям ученых — членов Академии наук. Были составлены списки академиков на 1725, 1825, 1916, 1925 гг. и членов-корреспондентов на 1825 г., которые вошли в таблицу, напечатанную в юбилейном издании.

Сотрудники Архива АН СССР принимали также участие в составлении летописи по истории Академии наук и в составлении библиографии по истории Академии наук, выявляли портреты и автографы академиков, членов-корреспондентов и других ученых.

В связи с 220-летием Академии наук в Архиве АН СССР в Ленинграде была организована выставка архивных документов по истории Академии наук, в том числе и о ее деятельности в годы Великой Отечественной войны. На выставке демонстрировались документы, характеризующие деятельность ведущих институтов Академии наук и другие документы.

Московским отделением Архива АН СССР в Доме ученых была организована выставка о работе шефских комиссий Академии наук — Комиссии по шефству над госпиталями и Комиссии помощи семьям мобилизованных в ряды Красной Армии.

На этой выставке документы показывали участие сотрудников Академии наук в оказании помощи раненым бойцам и их семьям, письма бойцов с выражением благодарности за заботу, фотоснимки и т. д.

Президиум АН СССР, придававший большое значение охране и сохранению архивных ценностей в условиях военного времени, на своем заседании 15 июня 1943 г. наметил ряд конкретных мероприятий в этом направлении. В этих целях Музейная комиссия Президиума АН СССР была преобразована в Музейную и архивную комиссию с возложением на нее задач общего руководства и контроля за учетом, надзора за хранением музейных и архивных ценностей, проверки их состояния на местах, а также подготовки планового сосредоточения всех разрозненных материалов после окончания войны.

Под руководством представителей этой Комиссии учреждения Академии наук должны были провести учет и описание всех архивных и музейных материалов, хранящихся на местах, погибших и эвакуированных.

В состав Комиссии, работавшей под председательством академика П. И. Степанова, входили видные деятели и крупные ученые Академии наук: С. И. Вавилов, Н. С. Державин, Б. Д. Греков, И. Ю. Крачковский, А. Е. Ферсман и др. Заместителем председателя Комиссии являлся директор Архива АН СССР Г. А. Князев, ученым секретарем Комиссии был научный сотрудник Архива АН СССР Л. Б. Модзалевский.

Таким образом, на Архив АН СССР возлагалась ответственная задача сохранения ценнейших документов Академии наук СССР во время войны. Это было закреплено Постановлением Президиума АН СССР 23 марта 1944 г.

Летом 1943 г. была начата систематическая работа по обследованию архивных документов в учреждениях Академии наук в Москве, Ленинграде и других городах. Обследование в Ленинграде, Москве, Свердловске, Новосибирске и Томске показало, что общее состояние архивных документов удовлетворительное. Никаких значительных утрат, несмотря на войну и повреждения, обнаружено не было.

Архивом велась также большая инспекторско-инструкторская работа и работа по консультированию архивных работников и секретарей учреждений по вопросам охраны и сохранности документов и постановке науч-

ной и деловой документации в 150 учреждениях Академии наук, из них 125 в Москве и филиалах Академии наук и 25 учреждений в Ленинграде.

Большое внимание уделил Архив АН СССР работе по собиранию архивных фондов членов Академии наук и других ученых. В годы войны были получены фонды А. А. Ухтомского, Б. М. Ляпунова, И. А. Каблукова, М. А. Ильинского и др.

Документация, поступившая в Архив, была разобрана, систематизирована и описана.

В Москву из эвакуации документы были возвращены в 1943 г.; а в Архив АН СССР в Ленинграде — только после окончания войны.

Научно-исследовательская работа Архива АН СССР проводилась совместно с Комиссией по истории Академии наук, которой руководил академик С. И. Вавилов. Война не дезорганизовала работу Архива АН СССР. Его коллектив с честью справился с трудностями и показал высокую работоспособность.

А. Б. Закс

**ОПЫТ СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛОВ
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ МУЗЕЕМ
В 1941—1944 ГГ.**

Начало выявления и сбора материалов по истории Великой Отечественной войны было положено ее участниками и современниками. Большой вклад в это дело внесли исторические и краеведческие музеи СССР. Условия жизни военного времени как в тылу, так и на фронте не способствовали сохранению материалов. Ценные реликвии могли легко погибнуть от всевозможных случайностей. Перед музеями встала почетная задача — собрать и сохранить памятники и документы, отражающие великий подвиг советского народа. Одним из первых к этой работе приступил Государственный исторический музей (далее — ГИМ). С июня 1941 г. до середины 1944 г., за три года интенсивного сбора материалов, в инвентарные книги музея было записано более 12 тыс. единиц — вещественных, изобразительных и письменных источников, относящихся к истории Великой Отечественной войны. Рукописные, печатные материалы, фотографии (имеются в виду фотографии, непосредственно полученные от участников войны, их семей или от фотокорреспондентов, а также находившиеся в личных делах) составляют отдельный фонд, систематизированный по тематическому принципу¹. Художественные произведения, выполненные главным образом с натуры или по памяти, а также часть фотографий хранятся в Отделе изобразительных материалов ГИМ. Вещественные памятники распределены по соответствующим отделам музея (оружие, нумизматика и пр.). Собранная коллекция, расширяющая источниковую базу истории Великой Отечественной войны, до сих пор в полной мере не оценена исследователями. Цель данной статьи — привлечь внимание к опыту собирания материалов такого рода.

Опыт ГИМ рассматривается нами в двух аспектах. Во-первых, характеризуется история собирания материала и постепенная разработка (точнее — формирование) методики сбора материалов «по горячим следам событий», что может представить интерес для изучения деятельности учреждений науки и культуры в годы войны и развития методики подобной работы. Во-вторых, даются основные типы источников и выделяются наиболее существенные из собранных тематических групп, что может способствовать введению в научный оборот этих и подобных им материалов².

С начала войны ГИМ приступил к сбору образцов обмундирования, снаряжения и вооружения Советской Армии, а также орденов и медалей,

¹ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ, ОПИ), ф. 452 (фонд документов Великой Отечественной войны Советского Союза), ед. хр. 1—331.

² В дальнейшем изложении помимо материалов ГИМ, ОПИ и Ведомственного архива (далее — ГИМ, ВА) используются воспоминания сотрудников музея, а также статья: А. Б. Закс. Из истории Государственного исторического музея. — «Очерки истории музейного дела в России», вып. III. М., 1961.

плакатов и Окон ТАСС, филателии военного времени и т. п.³ Одновременно с этим, так называемым «систематическим», собиранием были проведены первые опыты и тематического сбора материалов. Круг тем вначале не был намечен. Они определялись ходом событий. В связи с усилением вражеских налетов на Москву и особой ролью ПВО столицы была собрана коллекция, характеризующая разные стороны деятельности МПВО: инструкции, схемы службы МПВО, воззвания, фотографии занятий и действий команд, отдельных людей, отличившихся при защите столицы, образцы обмундирования и снаряжения, а также некоторое количество трофейных материалов⁴.

Когда стал известен подвиг партизанки Зои Космодемьянской, в ее семье были получены фотографии, школьные тетради, личные вещи, записаны воспоминания, тщательно собраны корреспонденции в прессе⁵.

В дни разгрома немецко-фашистских войск под Москвой сотрудники ГИМ приняли участие в работе межведомственной комиссии по расследованию разрушений, причиненных оккупантами, в бригадах, которым была поручена оценка состояния памятников архитектуры. В январе 1942 г. был обследован взорванный фашистами Ново-Иерусалимский собор и весь архитектурный комплекс бывшего Воскресенского монастыря близ г. Истры. Уже по пути в Истру стало ясно, что разрушение памятника было лишь частью плана превращения всего района в зону пустыни. Границу немецкой оккупации можно было определить безошибочно: за ней начиналась сплошная снежная пелена с торчащими черными трубами. В г. Истре видны были лишь остовы взорванных домов: больницы, дома А. П. Чехова, фабрики. На подступах к музею-монастырю — не убранные еще немецкие надписи: «Ахтунг, минен!». На шоссе — разбитая и брошенная вражеская техника. Бригада сочла необходимым расширить рамки своей работы. Она не только зафиксировала состояние памятника специальным актом и приложенными к нему фотографиями, но и сфотографировала разрушенный город, получила ряд материалов в местной партийной организации и провела первый опыт записи рассказов очевидцев. Опрошены были жители — люди разного социального положения и культурного уровня. Эта работа была продолжена специальной группой при местной партийной организации. В последующие пять месяцев бригада работала в Волоколамском районе, в Можайске, Бородине, Дмитрове, Яхrome и, наконец, в Туле⁶. Одновременно началось планомерное комплектование материалов, отражающих разные стороны жизни Москвы, ее защиту с первых дней войны и военные действия на подступах к Москве.

20 октября 1941 г., непосредственно после объявления Москвы на осадном положении, научный коллектив исторических отделов решил организовать выставку «Оборона Москвы». Сознание важности и срочности этой работы стимулировало энергичный и целенаправленный сбор материалов. Контрнаступление советских войск и разгром немецко-фашистских войск под Москвой позволили широко его развернуть.

Материал собирался по трем основным темам: «Москва военная», «Оборонительные операции на подступах к Москве», «Контрнаступление и разгром гитлеровской армии под Москвой». В эти темы включался материал по партизанскому движению. Характеризовалась также фашистская армия.

³ Организаторами сбора были заведующие отделами хранения А. Л. Вейнберг, М. М. Денисова, А. А. Сиверс, Л. И. Якунина.

⁴ Материал собран заведующим кабинетом музееведения ГИМ, ученым секретарем Г. Л. Малицким.

⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 290. Собрано Е. Н. Дмитриевой.

⁶ Материалы комиссии по обследованию разрушений, причиненных немецкими оккупантами. — ГИМ, ВА, тетради № 1, 2; Отдел архитектурной графики ГИМ, А, 1489; Фотоальбомы: «Г. Истра», «Волоколамский район». — ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 293, 295, 296, 297, 300, 301. В бригаде от ГИМ приняли участие: Л. А. Евтюхова, Е. Н. Дмитриева, А. Б. Закс, З. Г. Овсянникова, А. П. Смирнов.

Собранные предметы дали возможность к 1 мая 1942 г. открыть большую выставку «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», а к 7 ноября 1942 г. расширить ее более чем вдвое⁷. Выставка, отвечая задачам пропагандистской работы музея, стала своеобразным и наиболее оперативным способом публикации его научных достижений, стимулировала собирательскую деятельность музея.

К этому времени были определены основные источники комплектования материалов: общегородские и районные партийные организации, военные комиссариаты, предприятия и другие коллективы, непосредственно участвовавшие в обороне Москвы: воинские части, сражавшиеся на подступах к Москве или сформированные из москвичей (ополчение, рабочие коммунистические батальоны), семьи героев Великой Отечественной войны, наконец, военные корреспонденты — фотографы, художники. Материалы подбирались или дублировались и в сформированных хранилищах — в Политуправлении Советской Армии, на складах оружия и трофейных материалов, в фотохронике ТАСС. Для выбора опорных точек полевой работы и разработки общей схемы хода событий сотрудники музея изучали данные прессы, консультировались в Политическом управлении, у военных специалистов, у руководителей партийных организаций⁸. В конце 1942 г. была установлена связь с Комиссией по истории Великой Отечественной войны.

Основные методы работы выявились уже в первых опытах: непосредственный контакт с участниками или с очевидцами события, с семьями героев; изучение местных архивов; фотофиксация; организация актива, с помощью которого проводилась дальнейшая работа. Как и в других экспедициях ГИМ, сбор материала сопровождался обязательным ведением подробных полевых описей — списков материалов в порядке их поступления. В полевых описях регистрировались также записанные беседы и рассказы. Для подтверждения подлинности полученных предметов и правдивости добытых сведений проводилась характерная для музея взаимная проверка источников разного типа.

Одновременно определялся характер и составлялись примерные списки нужных музею материалов. Позднее Г. А. Малицким была выработана инструкция, использованная в методической литературе⁹.

В 1941—1942 гг. тематический сбор шел по основным направлениям и участкам битвы за Москву¹⁰. За этот период в музей поступило 5480 предметов по истории Великой Отечественной войны.

Выставка «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» постоянно пополнялась вновь собранными материалами. Привлекая внимание общественности, она содействовала расширению, собирательской работы.

Через посетителей — бойцов и командиров — передавались письма командованию с просьбой прислать представителей для установления связи с музеем. Совместно намечался круг интересующих музей предметов. В конце 1942 — начале 1943 г. актив музея, т. е. люди, с помощью которых собирался материал, состоял из 33 человек, а к концу 1943 г. — из 87. Эта работа велась прежде всего в гвардейских полках, бригадах, ди-

⁷ Основную работу проводил авторский коллектив выставки: О. А. Блюмфельд, Е. И. Дракохруст, Е. П. Закалинская, А. Б. Закс (зав. отделом), Е. И. Индова, Э. С. Коган, Н. Д. Столова. В тематическом сборе материалов (1942—1944 гг.) участвовали также научные сотрудники Е. Н. Дмитриева, Т. А. Лобанева, З. Г. Овсянникова, М. З. Портнов, фотограф Н. Е. Бугельская — ГИМ, ВА, ф. 2, ед. хр. 71. Отчет за 1942 г.

⁸ ГИМ, ВА, ф. 2, ед. хр. 70, 71. Отчеты ГИМ за 1941—1942 гг.

⁹ «Наркомпросам АССР, краевым, областным и районным Отделам народного образования, всем музеям Наркомпроса РСФСР. О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны. 18 июня 1942 г.» — «Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени (директивные и инструктивные материалы для музеев)», вып. 4. М., 1943, стр. 14—16; *Н. М. Коробков*. Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны. М., 1942.

¹⁰ ГИМ, ВА, ф. 2, ед. хр. 70, 71.

визиях, получивших свое почетное звание в боях за Москву или созданных из полков Московского народного ополчения, рабочих коммунистических батальонов. Успешному сбору материалов способствовала научно-пропагандистская работа, проводившаяся сотрудниками музея: в воинских частях читались лекции, собранный материал демонстрировался тут же, изготовлялись альбомы, оказывалась помощь в составлении истории воинской части.

В итоге проведенной работы к 1 мая 1943 г. была открыта выставка, посвященная Советской гвардии. На ней были представлены материалы по истории 12-го Гвардейского истребительного авиаполка¹¹, 1-й танковой бригады генерал-майора М. Е. Катукова¹², 53-й Гвардейской стрелковой дивизии¹³, Гвардейских полков авиации дальнего действия¹⁴, 1-й Московской краснознаменной мотострелковой дивизии¹⁵.

Сбор материалов по истории воинских частей продолжался и позднее. Из наиболее крупных поступлений 1944 г. отметим материалы по истории 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, в том числе по 9-й стрелковой дивизии генерал-майора А. П. Белобородова¹⁶.

Почти в каждой воинской части можно было получить трофейные материалы, характеризующие облик врага. Среди них — личные документы, письма, записные книжки фашистских офицеров, снятые ими фотокадры, вещи, награбленные у местного населения, — свидетельства преступлений гитлеровских войск, осознания ими провала планов войны.

Одновременно развертывалась работа в районных организациях Москвы. В райвоенкоматах были получены заявления москвичей с просьбой зачислить их в ряды Советской Армии (118 единиц), материалы о Всеобуче, о формировании московского народного ополчения, рабочих коммунистических батальонах, о строительстве бронепоезда имени Д. А. Лестева и др.¹⁷ Были собраны также документы о работе некоторых московских заводов, о Героях Социалистического Труда С. В. Ильюшине, Н. Н. Поликарпове, А. Н. Туполеве, А. С. Яковлеве, В. А. Дегтяреве, Ф. В. Токареве¹⁸.

Патриотический почин колхозного крестьянства отражен в документах о сборе средств в колхозах Шапкинском района Тамбовской области на танковую колонну «Тамбовский колхозник»¹⁹.

Работая в основном над темами, связанными с битвой под Москвой, музей пополнял свое собрание также материалами по другим фронтам и другим периодам Отечественной войны (Сталинградская битва, оборона Ленинграда и Севастополя, Орловская операция и действия орловских партизан, партизанская дивизия Героя Советского Союза С. А. Ковпака, освобождение Белоруссии и Прибалтики, боевые действия в Восточной Пруссии и др.).

Об интенсивности сборов говорят цифры поступлений: за полтора года (1943 — середина 1944 г.) количество материалов ГИМ по Великой Отечественной войне увеличилось на 6829 единиц.

Такова краткая история комплектования собрания ГИМ по Великой Отечественной войне, проведенная научным коллективом ГИМ в основном в 1941—1944 гг. в трудных условиях военного времени²⁰.

¹¹ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 156. Собрано Е. И. Дракохруст и Е. И. Индовой.

¹² Там же, ед. хр. 96—108. Собрано О. А. Блюмфельд.

¹³ Там же, ед. хр. 75—87. Собрано А. Б. Закс и Н. Д. Столовой.

¹⁴ Там же, ед. хр. 109—137. Собрано О. А. Блюмфельд.

¹⁵ Там же, ед. хр. 58. Собрано О. А. Блюмфельд и Т. А. Лобановой.

¹⁶ Там же, ед. хр. 53—57, 68—74, 195—197. Собрано Э. С. Коган.

¹⁷ Там же, ед. хр. 180, 185—186, 181—183, 187, 179, 250.

¹⁸ Там же, ед. хр. 253, 168—176, 275—277, 278—280.

¹⁹ Там же, ед. хр. 251.

²⁰ Сбор материалов по Великой Отечественной войне был продолжен в 1960—1970 гг. и послужил основой для юбилейных выставок 1965, 1971 и 1975 гг. Опыту собирательской работы в годы Великой Отечественной войны посвящен сборник «Материалы Великой Отечественной войны» (далее — «Материалы...»), подготовленный в

Укажем на некоторые особенности музейных материалов ГИМ — источников по истории Великой Отечественной войны.

При собирании вещественных источников учитывалось не только их познавательное значение, но и эмоциональное воздействие. Особенное внимание уделялось военным реликвиям — знаменам войны, фрагментам оборонительных сооружений, а также трофейным материалам, связанным с определенными событиями или местами. Значительное место среди вещественных источников занимают личные вещи героев войны, в особенности отражающие характер их деятельности (например, бурка и кавалерийская сабля Героя Советского Союза Л. М. Доватора, летный комбинезон дважды Героя Советского Союза А. И. Молодчего); предметы со следами события (например, простреленный гвардейский значок танкиста И. Мейстера, бекеша Л. М. Доватора, пробитая вражеской пулей); предметы с надписями, поясняющими их происхождение. Особый интерес представляют вещи, использованные для написания текста и превращенные таким образом в своеобразный письменный источник. Таковы, например, часы немецкого ефрейтора, найденные фотокорреспондентом С. Струнниковым в блиндаже под Сталинградом и переданные в ГИМ. На внешней и внутренней крышках часов нацарапаны надписи на немецком языке: «Ефрейтор Руди Беккер, 26 382, 22/XI 42; Голод. 25/XI 42. Сегодня украли 100 коробок рыбы. 5/XII 42... Едим только конину. В Сталинградском котле». Второй пример. Украинская девушка Лена Мудрук, угнанная в плен, выцарапала на черепице письмо: «Я работаю на кирпичном заводе, работа тяжелая, уже второй год в яме тут, в этой Германии. Как нас забрали от отца и матери, от братьев и сестер, разлучили меня с ними и я тут мучаюсь, голодная и холодная...» Это письмо-черепица было прислано в ГИМ из Н-ской воинской части в 1946 г.²¹

Среди документальных фотографий этого собрания особенно ценны для историка серии, посвященные одной теме, одному событию, одной воинской части. Так, работы Н. Смирнова, П. Сотникова, Л. Устинова, Н. Сафарова и других передают атмосферу жизни Москвы, организацию Всеобуча, оборонных работ в 1941 г.; 381 фотография отражает военный быт 129-й Орловской (бывшей 2-й Московской стрелковой) дивизии с 14 октября 1941 г. до конца 1943 г.²²

Коллекции документальных фотографий, относящихся к разным периодам войны, к разным фронтам, но заснятых одним фотокорреспондентом (например, фотографии С. Струнникова — от Москвы до Сталинграда), являются также источником для изучения творческой биографии автора.

В картинах и рисунках с натуры художников А. Дейнеки, В. Махотина, Б. Рыбченкова, К. Юона, посвященных Москве 1941—1942 гг., Д. Тархова — Калуге в январе 1942 г., Ф. Бочкова — обороне Тулы, А. Ермолаева — 5-й армии генерала Л. А. Говорова и других запечатлены исторические факты и дана их художественная интерпретация. Специфическим для исторического музея являются зарисовки с натуры художников-непрофессионалов, публиковавшихся нередко в фронтовой прессе.

Наконец, значительную часть собрания изобразительных материалов составляет политическая графика — плакаты и Окна ТАСС (среди них особенно ценны авторские оригиналы), значение которых как исторических источников общеизвестно.

Примерно одну треть собрания ГИМ по истории Великой Отечественной войны составляют письменные источники. Музей интересовали, по-

1946—1947 гг. участниками сбора материалов, но не опубликованный (ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 327а). В данной статье использованы материалы сборника.

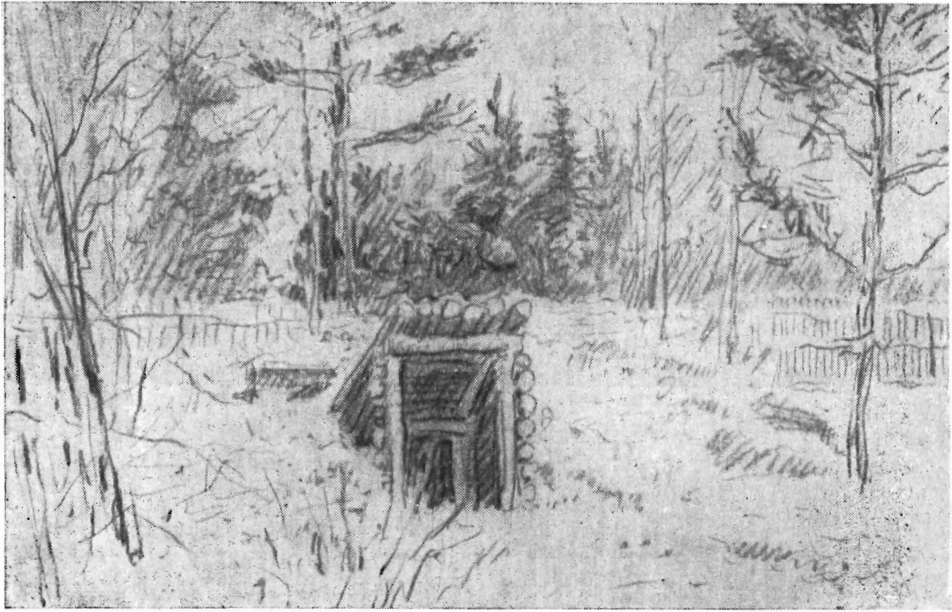
²¹ ГИМ, отдел керамики, № 81967/9637п. Написано на украинском языке. Опубликовано в газете «Правда Украины», 27 февраля 1966 г.

²² ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 89.

*Баррикада на улице Москвы
(фотография С. Струнникова)*

мимо образцов тиражируемых изданий (листочки, воззвания, некоторые приказы и т. п.), личные документы участников войны, эпистолярный материал, местные хроники, описания событий и памятных мест, стенные газеты, подпольные партизанские листовки и журналы, стихи и очерки фронтовиков, их воспоминания, — словом, то, что не попадало обычно в государственные архивы, а также источники, сохранность которых на местах не была обеспечена. Характерны для собраний музея записи рассказов, связанных с переданными в музей памятными вещами и фотографиями и необходимых для составления так называемого «паспорта» музейного предмета. Таковы, например, история знамени ополчения Бауманского района Москвы, сохраненного в трудных условиях окружения и подполья; личного оружия разведчика М. Соскова, переданного после его гибели лучшему разведчику А. Ильину. Нередки рассказы о том, как были захвачены трофейные материалы. Наконец, своеобразным письменным источником являются упомянутые выше полевые описи,

*Блиндаж командующего Западным фронтом генерала Г. К. Жукова
(рис. А. И. Ермолаева)*

дающие сведения об истории формирования собрания и о вошедших в него предметах.

Мы охарактеризовали поступившие в музей материалы по типам источников. На практике они чаще всего собирались комплексно. Научный сотрудник объединял вещественные, изобразительные и письменные источники, собранные нередко в разных пунктах, в соответствии с поставленной темой: история воинской части, жизнь и деятельность героя, работа тыла и др.

Остановимся на некоторых, наиболее значительных тематических собраниях.

Материалы по истории 16-й армии К. К. Рокоссовского²³, в том числе 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени Героя Советского Союза И. В. Панфилова, 9-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. П. Белобородова, 1-й танковой бригады генерал-майора М. Е. Катукова, кавалерийской группы, преобразованной позднее во 2-й кавалерийский корпус Героя Советского Союза Л. М. Доватора, отражают жизнь армии и военные действия, начиная от боев за Смоленск и кончая операциями в Восточной Пруссии. Особую часть собрания составляют документы по оккупационному режиму в Орловской области. Из собранных материалов (помимо вещественных реликвий и трофеев) отметим: комплекты армейских и дивизионных газет; серии фотографий, запечатлевших военные эпизоды, армейский быт, портреты командиров и бойцов; группу фотографий, отражающих жизненный путь командира 9-й гвардейской стрелковой дивизии А. П. Белобородова от командира роты (1929 г.) до командира корпуса (1944 г.); созданную в полевых условиях историю 16-й армии и входящих в нее дивизий, полков (альбомы и текст, 1942—1944 гг.), справку об основных вехах ее боевого пути; написанные фронтовиками рассказы, стихи (в том числе поэма о 16-й армии). Кроме того,

²³ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 53—57, 68—74, 195—197. Отчет Э. С. Коган о командировке в расположение 16-й армии и 9-й гвардейской стрелковой дивизии (личный архив Э. С. Коган).

были записаны рассказы бойцов, скопированы некоторые приказы, сделаны выписки из «Журнала боевых действий», из протоколов допроса пленных.

Полученные в штабе армии подлинные схемы основных военных действий 16-й армии были переданы музеем в Комиссию по истории Великой Отечественной войны.

Материалы 53-й гвардейской (бывшей 130-й) стрелковой дивизии²⁴ представляют особый интерес для истории обороны Москвы. Ее ядром были рабочие коммунистические батальоны, формирование которых началось по инициативе МК и МГК ВКП (б) 13 октября 1941 г.

Документы собрания отражают претворение призыва партии в жизнь. Уже 14 октября Бауманский райком ВКП(б) вручил Г. И. Паппелю удостоверение о назначении его командиром коммунистического батальона. Стенограммы беседы с Г. И. Паппелем, его записная книжка, блокнот содержат фактический материал о событиях тех дней²⁵. 16 октября 1941 г. датировано донесение № 1 начальнику штаба обороны г. Москвы о выступлении рабочего батальона Коминтерновского района на боевой рубеж. Имеется материал о командире этого батальона В. П. Верстаке — его личные вещи, фотографии, служебные удостоверения, автобиография, записная книжка и блокнот, письма с фронта и т. д. Сохранились прощальные записки уходивших в эти дни на фронт Н. А. Минева, И. С. Гайдукова²⁶.

В материалах дивизии отражены охрана одного из оборонительных рубежей под Москвой, военно-тактические занятия и занятия по изучению оружия, земляные работы, быт бойцов. С жизнью дивизии знакомит газета «На защите Москвы», первый номер которой вышел 7 ноября 1941 г., а также ряд материалов, относящихся к подготовке контрнаступления. В дальнейшем дивизия была отправлена на Северо-Западный фронт, но связь ее с Москвой не прерывалась. Ряд документов и фотографий говорят о постоянном, не ослабевавшем внимании к делам и людям дивизии со стороны московских организаций. Поздравление с первыми боевыми успехами подписано первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии А. С. Щербаковым (10 апреля 1942 г.). Приветственные письма и фотографии говорят о посещениях дивизии делегациями МК и МГК ВКП(б), МК и МГК ВЛКСМ, Исполкома Московского совета, ВЦСПС (в связи с юбилейной датой создания дивизии); здесь же рапорты и альбомы, переданные дивизией в МК ВКП(б) к первой и второй годовщине ее боевой жизни, поздравления в связи с преобразованием дивизии в гвардейскую.

Среди материалов находится письмо сына командира одного из подразделений, Вовы Юенко, от 30 декабря 1942 г., в котором мальчик, поздравляя отца с гвардейским званием, нарисовал танк, бегущих фашистов и подписал рисунок: «Твой ответ». Письмо это прострелено в двух местах. Гвардеец Юенко погиб в одном из боев²⁷.

За три года войны музей собрал свыше 20 мемориальных комплексов — групп музейных предметов, связанных с жизнью и деятельностью лиц, память о которых должна быть увековечена. В качестве примера приведем материал о Герое Советского Союза Л. М. Доваторе²⁸, по которым можно судить о структуре подобных комплексов. Группа личных вещей документируется заснятыми на фронте фотографиями, рассказами друзей — свидетелей его подвигов и гибели, а также опубликованными

²⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 75—87.

²⁵ Там же, ед. хр. 181—183.

²⁶ Там же, ед. хр. 103, 66.

²⁷ Там же, ед. хр. 80.

²⁸ Там же, ед. хр. 332, 333. Собраны и обработаны Е. И. Дракохруст (Е. И. Дракохруст. Материалы о Герое Советского Союза Л. М. Доваторе. — «Материалы...», стр. 41—55).

30 XII 1942 г.

Здравствуй дорогой папа и все твои
друзья. Милую вам, свой пионерский при-
вет. И крепко вас люблю. Папа угу-
сь я на хорошо и отлично. Папа
погоравляю вас с званием. Партийцев.
Бейте же поганых фрицев бесчестно
по гурдейки. Папа письмо я тебе
напиш и очень обрадова лся. Папа
накешите как вы там живете. Ну
писать больше ничего. Привет от бабу-
шки Мены тети Шуры и Бориса
и от меня.

ТВОЙ СЫН ВОВА

Вой фронт. ТВОИ
УТВЕТ
ВОВА

ЮНЕНКО Вови.

Письмо Вовы Юенко своему отцу в действующую армию

официальными данными. Серия фотографий знакомит с семьей Доватора, с этапами его жизненного пути. В комплексе имеется полная иконография героя (1921—1941 гг.). Фотографии по содержанию связаны с имеющимися в этом комплексе письменными источниками — конспектами и схемами, составившимися в годы обучения в Военной академии им. М. Ф. Фрунзе, дипломом с отличием, материалом о награждении орденом Красной Звезды. Духовный мир героя раскрывается в письмах с фронта, в которых звучит уверенность в победе, благодарность партии и правительству за высокую оценку боевых заслуг и постоянная забота о семье.

Другие мемориальные комплексы содержат подобные материалы, однако в каждом из них имеются свои особенности. Так, в комплексе, посвященном дважды Герою Советского Союза летчику А. М. Лукьянову²⁹, подобраны документы о строительстве звена самолетов имени А. М. Лукьянова на средства трудящихся Бауманского района. В комплексе дважды Героя Советского Союза летчика С. П. Супруна³⁰ раскрыта его предвоенная деятельность как депутата Верховного Совета СССР. В мемориальных комплексах особенно ясно выявляется прием взаимного документирования вещественных, изобразительных и письменных источников.

Работу тыла ярко отражает история бронепоезда, который начал строиться в октябрьские дни 1941 г. коллективом ремонтного депо имени Войкова (станция Подмосковная Калининской железной дороги) и полу-

²⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 161—167. Собран и обработан Н. Д. Столовой (Н. Д. Столова). Материалы о дважды Герое Советского Союза А. М. Лукьянове. — «Материалы...», стр. 68—77).

³⁰ ГИМ, ОПИ, ед. хр. 158, 340, 341. Собран и обработан Е. И. Индовой (Е. И. Индова). Материалы о дважды Герое Советского Союза подполковнике С. П. Супруне. — «Материалы...», стр. 56—67).

чил свое название «Бронепоезд имени Д. И. Лестева» в память дивизионного комиссара, члена Военного совета Западного фронта. Модель бронепоезда, изготовленная его строителями, экспонировалась на выставке «Москва — фронту» и была передана в ГИМ. В связи с этим начался сбор материала о строительстве бронепоезда. Стенограммы рассказов руководителей и участников строительства рисуют картину самоотверженной работы дружного коллектива. Имена лучших выгравированы на медной дощечке, переданной в музей. Высокая оценка работы коллектива дана в документе — благодарности Военного совета Московского военного округа. В серии фотографий запечатлен облик строителей бронепоезда³¹.

Наряду с тематическим сбором, в процессе которого материалы брались выборочно, нередко в разных пунктах, в музей поступали и естественно сложившиеся группы материалов (личный архив, архив учреждения). Такова своеобразная коллекция писем старшего лейтенанта авиации дальнего действия летчика А. И. Андреева³². История её такова: А. И. Андреев обратился по радио к своему брату-танкисту, рассказал ему о гибели всей их семьи в результате налета фашистской авиации, просил сообщить о себе. В ответ на радиописьмо летчик получил сотни писем со всех концов Советского Союза. Сохранившиеся 436 писем из семи республик и тридцати областей А. И. Андреев передал в ГИМ. Разнообразен состав корреспондентов — среди них: рабочие, агрономы, колхозный, счетовод, учительница и другие. В письмах отражается уверенность в победе, призыв к отмщению за погибших, желание морально поддержать летчика. Многие авторы писем нередко рассказывают об условиях жизни и работе в тылу. Характерен внешний вид писем, отражающий черты быта военного времени. Эта коллекция — одно из свидетельств морального единства тыла и фронта.

Ценным собранием является архив журнала «Фронтовой юмор». Этот иллюстрированный журнал, задуманный группой политработников Западного фронта, при поддержке Д. И. Лестева, начал выходить в ноябре 1941 г. Пять папок из этого архива, полученные в 1943 г. (рукописи, рисунки, отдельные номера журналов), отражают события, связанные с битвой за Москву³³. В дальнейшем архив был значительно пополнен. Для исследователя представляют интерес не только подготовленные к публикации рукописи, но и вся редакционная почта — черновые заметки, переписка с корреспондентами, среди которых большинство рядовые или младший командный состав. Нередко рукописи сопровождаются иллюстрациями, иногда, наоборот, под рисунком дается краткий текст, небольшое стихотворение.

Отметим материалы о подвигах рядовых бойцов, командиров, партизан. Нередки сопоставления с героями 1812 года, с легендарными чапаевцами. Наряду с аллегорическими изображениями Советского воинства, имеются рисунки конкретных событий, часто встречаются карикатуры на темы бегства, разложения и гибели фашистской армии. Среди рисунков работы известных советских художников — А. Г. Бродаты, В. Н. Горяева, Кукрыников и др., однако, основная масса авторов — не профессионалы.

Таковы материалы, собранные коллективом ГИМ в трудные годы Великой Отечественной войны.

³¹ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 179. Собрано Е. Н. Дмитриевой.

³² Там же, ед. хр. 138. Получена и обработана О. А. Блюмфельд (О. А. Блюмфельд. Письма старшего лейтенанта авиации дальнего действия А. И. Андреева. — «Материалы...», стр. 120—137).

³³ ГИМ, ОПИ, ф. 452, ед. хр. 2—24. Получен и обработан Э. С. Коган (Э. С. Коган. Архив журнала «Фронтовой юмор». — «Материалы...», стр. 78—120).

И. Г. Лупало

ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ

(Собрание материалов Музеем революции СССР)

К 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в семи залах Центрального музея революции СССР была развернута выставка части его материалов по этой теме. Свыше тысячи подлинных свидетельств бессмертного подвига произвели на посетителей глубокое впечатление, историки смогли оценить их большое научное, политическое и воспитательное значение.

В настоящее время в музее хранится около 50 тыс. материалов о Великой Отечественной войне, почти 40 тыс. из них — документальные. Это одна из самых обширных наших коллекций, отличающаяся разнообразием материала, полнотой раскрытия темы¹.

Комплектование коллекции проводилось музеем систематически — в военное время по ходу событий, в связи с готовившимися выставками, с 1949 г. — по перспективным планам, на основе которых составляются годовые и квартальные планы. Еще в годы войны определилась главная форма комплектования материалов по этой теме — научная экспедиция С 1942 по 1975 г. музей провел более 50 таких экспедиций.

Большую помощь музею в организации комплектования материалов по военному времени оказала Комиссия по истории Великой Отечественной войны, созданная при Академии наук СССР в декабре 1941 г. Она также делилась с музеем материалами, которые поступали с фронтов в ее адрес в нескольких экземплярах. В 1942 г. сотрудники Комиссии под руководством члена-корреспондента И. И. Минца встретились в музее с воинами, посетившими выставку «Великая Отечественная война». Беседа с ними была застенографирована².

Первые материалы о борьбе с гитлеровскими захватчиками поступили в музей 4 июля 1941 г.³ Это были фотографии из фотохроники ТАСС, запечатлевшие яркие и характерные подробности начала войны. Потом почти каждый день вплоть до мая 1945 г. откладывались в фондах эти волнующие свидетельства великого подвига.

На выставке «Героический путь Красной Армии» в феврале 1942 г. экспонировалось уже много материалов о передовой линии фронта (фотографии, армейская печать, документы об обороне Москвы, о боях за Калинин, Истру, Тулу и др.), о мужестве партизан, самоотверженном труде

¹ О комплектовании коллекции см. И. Г. Лупало. Великая Отечественная война Советского Союза в фондах и экспозиции Центрального музея революции СССР.— «Центральный музей революции СССР. Труды», вып. IV. М., 1973; Л. И. Арапова. Документальные материалы музея о трудовом подвиге рабочего класса в годы Великой Отечественной войны.— Там же.

² По воспоминаниям бывшего сотрудника музея З. А. Прокофьевой, в записи И. Г. Лупало. (из личного архива).

³ Центральный музей революции СССР (далее — МР). Главная инвентарная книга (далее — ГИК), 1941, № 18 269.

в советском тылу⁴. В том же году на выставке «Великая Отечественная война» снова значительное место занимали фотографии из фотохроники ТАСС, полотна, на которых запечатлены события художниками-очевидцами, фронтовая печать. Среди трофейных материалов обращали на себя внимание фотографии зверств гитлеровцев, их письма, приказы и распоряжения оккупационных властей⁵.

В военные годы музей часто получал материалы, в основном фотографии, письма фронтовиков из редакций газет «Правда», «Известия», «Красная Звезда», «Труд», «Гудок», журнала «Фронтовая иллюстрация». Сотрудники музея обращались к военным фотокорреспондентам с просьбой предоставить свои работы. На эти просьбы отзывались С. Струнников, Г. Петрусов, И. Шагин, А. Егоров, М. Рюмкин, В. Темин, А. Узлян. Систематически подбирались плакаты Кукрыниксов (М. Куприянова, П. Крылова, Н. Соколова), Н. Долгорукова, В. Иванова, В. Корецкого, Н. Жукова, А. Кокорекина и других советских художников.

Ценным источником информации о героической борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков являлись рукописи статей, предназначенных для газет стран антигитлеровской коалиции, фотографии и другие материалы, полученные во Всесоюзном обществе зарубежных связей с границей, в Совинформбюро. Например, в музей был передан альбом всех материалов Совинформбюро (вырезки из газет), помещенных в мировой прессе⁶, — об укреплении единства свободолюбивых народов в борьбе с фашизмом, об авангардной роли Советской страны в борьбе с гитлеровской Германией и ее сателлитами.

С целью получения материалов были установлены связи с Наркоматом оборон, Наркоматом Военно-морского флота, ЦК компартий Украины и Белоруссии, ЦК ВЛКСМ, киностудиями, документальные ленты которых являются бесценным источником при изучении истории Великой Отечественной войны.

В книгах поступлений за 1941—1942 гг. среди дарителей материалов значатся Московское городское бюро продовольственных и промтоварных карточек, Институт переливания крови. По информации института научные сотрудники музея связались с комбинатом «Трехгорная мануфактура» и получили донорские карточки ткачих, материалы о шефской работе над госпиталями (письма раненых воинов женщинам-общественницам с благодарностью за их заботу о Красной Армии и др.).

Московский областной педагогический институт прислал в музей обгоревший немецко-чешский словарь. Он был обнаружен в неразорвавшейся полутонной бомбе, сброшенной гитлеровцами на институт в один из налетов на Москву. Вместо взрывчатки бомба была начинена песком. Сделали это, видимо, чешские патриоты, выразив таким образом братскую солидарность с советским народом, взявшим на свои плечи основную тяжесть борьбы с фашистскими захватчиками.

Не забывали музей и его бывшие посетители. По полевой почте пришли ценные материалы от фронтовиков А. С. Прокопьева, В. Д. Козлова, И. А. Пчелкина. Поступали посылки и без фамилий отправителей. Только по содержанию листовок, газет можно было установить, что их прислали воины Западного, Воронежского, 1-го Украинского фронтов.

Присылали материалы с передовой сотрудники музея, ушедшие на фронт в первые дни войны: М. И. Киверин, А. Д. Питерский, Л. Н. Бычков, М. М. Богатилов и др. Они не упускали возможности отправлять с фронта то свежие выпуски газет, то листовки о подвигах товарищей по оружию, а то и запись рассказа о бое.

Однако музей во время войны не ограничивался получением материалов в Москве или в результате переписки. Его сотрудники старались встре-

⁴ МР, Научный архив (далее — НА), п. 877, л. 2.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ МР, ГИК, № 19 892.

таться с участниками боев, собрать материалы по горячим следам событий.

В начале 1942 г. научные сотрудники музея И. К. Цветкова и М. И. Голубева посетили места, связанные с контрнаступлением советских войск под Москвой. Они побывали в Мелихове, где стоял домик А. П. Чехова, видели страшный паводок на Истре, образовавшийся после взрыва немцами плотины Истринского водохранилища, разрушенный храм Новый Иерусалим, посетили оскверненную фашистами Ясную Поляну, были свидетелями радостных встреч жителей освобожденных населенных пунктов с советскими воинами. Около 300 ярких документов о битве за Москву — такой результат этой поездки по местам сражения. Чтобы собрать материалы об обороне Тулы, в том же году З. А. Прокофьева и П. К. Цветкова посетили Тулу⁷.

В январе 1943 г. в героический Ленинград летали заместитель директора музея Г. И. Петровский и научный сотрудник Л. А. Резцов. Позднее в Ленинград за материалами о его подвиге ездила З. А. Прокофьева. «Эта командировка запомнилась мне на всю жизнь, — рассказывала Зинаида Алексеевна. — Следы войны были на каждом шагу. Собирала много, потому что все напоминало о героической обороне города Ленина»⁸.

Вскоре после разгрома немецко-фашистских войск у Волги в Сталинград были направлены И. К. Цветкова и Л. А. Резцов. Они побывали на командном пункте 62-й армии, в штабе легендарной 13-й гвардейской дивизии, в районе волжских переправ, в доме Павлова, на вокзале, который 14 раз переходил из рук в руки, на заводах — тракторном, «Красный Октябрь», «Баррикады», превращенных нашими войсками в крепости обороны. «Вещественные доказательства» грандиозного сражения были повсюду. Научные сотрудники привезли в музей побывавшее в боях оружие, одежду, карты, листовки, газеты, фотографии, документы о сталинградском ополчении. Большой фактический материал содержится в собранных тогда отчетах партийных и хозяйственных работников Сталинграда. Особенно ценны в этом отношении отчет комиссара рабочего батальона завода «Красный Октябрь» Е. Т. Сисерова, отчет первого секретаря Краснооктябрьского райкома партии С. Е. Кашинцева, сводки дирекции тракторного завода о начале восстановительных работ на нем⁹, записи рассказов Т. И. Косовой, П. П. Савченко, П. С. Андреева о боях на территории Сталинградской ГРЭС.

Привезенные из Сталинграда материалы почти полностью были представлены на открывшейся в музее 25 февраля 1943 г. выставке, посвященной разгрому немецко-фашистских войск у Волги. Газета «Известия» сообщала в связи с этой выставкой, что собранные музеем материалы о Сталинградском сражении — фотографии, листовки, газеты, письма солдат (на одном из них указан обратный адрес: «Действующая армия, баррикады Сталинградского тракторного завода»), документы, оружие советских воинов, немецкие пулеметы, минометы, автоматы — дают яркое представление о великой битве на Волге¹⁰.

В 1943 г. М. И. Голубева и Л. А. Резцов побывали в ряде только что освобожденных районов Украины и Белоруссии. Они привезли оттуда фотографии, которые нельзя смотреть без глубокого волнения: разрушенные города, села, драгоценные памятники архитектуры, промышленные предприятия; радостные встречи советских воинов с жителями освобожденных деревень, сел, поселков, городов. Собранные во время этой поездки армейские газеты и листовки впечатляюще рассказывали о стремительном продвижении советских войск к Днепру.

⁷ Отчет музея о работе в 1942 г. — МР, НА, ц. 882, л. 5.

⁸ «Центральный музей революции СССР. Труды», вып. IV. М., 1973, стр. 54—57.

⁹ МР, ГИК, № 33 161/21—48.

¹⁰ «Известия», 28 февраля 1943 г.

В годовом отчете музея за 1944 г. записано: «В секретариате И. В. Сталина получено 540 материалов»¹¹. Подарки, рапорты, письма Центральному Комитету партии и Советскому правительству выражали готовность советских людей отдать все силы делу разгрома врага, показывали нарастание темпов выпуска военной продукции, решение проблемы кадров, успехи сельскохозяйственного производства. Среди них — письма-рапорты трудящихся Казахстана, Татарии, Дагестана, Владимирской области в ЦК ВКП(б)¹², рапорт коллектива Уралмашзавода Наркомату танковой промышленности¹³, письмо в ЦК ВКП(б) от комсомольцев Ленинграда¹⁴, рапорт коллектива Горьковского автозавода ЦК ВКП(б) о восстановлении предприятия¹⁵, альбомы-рапорты от трудящихся Ленинградской, Мурманской и Кировской областей¹⁶, от коллективов московского автозавода «ЗИС»¹⁷, коломенского завода им. В. В. Куйбышева¹⁸, предприятий Наркомата боеприпасов¹⁹, альбомы-рапорты от Наркомата строительных материалов²⁰, Наркомата тяжелой промышленности²¹, письма-рапорты партизан Белоруссии, Ленинградской области, Сумщины²². Многие из этих важных документов не публиковались, поэтому они не могут не представлять интереса для исследователей.

Ценная информация о минувшей войне имеется в сопроводительных письмах к материалам, передававшимся в то время в музей предприятия, различными учреждениями, воинскими частями, отдельными лицами. Так, фронтовик И. А. Пчелкин в своем письме в музей, приложенном к посылке с армейскими газетами, листовками, сообщил интересные подробности из фронтового быта²³.

В годы Великой Отечественной войны музей собрал около 10 тыс. памятников великого подвига, представляющих значительную научную ценность. Сейчас их в пять раз больше.

¹¹ МР, НА, д. 50, л. 18.

¹² МР, ГИК, № 19 731, 19 228, 19 808.

¹³ Там же, № 30 044/15.

¹⁴ Там же, № 19 224.

¹⁵ Там же, № 19 200.

¹⁶ Там же, № 19 177.

¹⁷ Там же, № 19 178.

¹⁸ Там же, № 19 207.

¹⁹ Там же, № 19 212.

²⁰ Там же, № 19 226.

²¹ Там же, № 19 624.

²² Там же, № 19 636.

²³ МР, фонд негативов, № А 70 071.

А. Д. Горский

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ Л. В. ЧЕРЕПНИНА
(к 70-летию со дня рождения)**

В многогранной деятельности академика Льва Владимировича Черепнина как историка большое место занимают проблемы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Использование данных и методов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, учет их требований при создании исторических трудов являются делом само собой разумеющимся для современной исторической науки. Но далеко не все исследователи-историки внесли и вносят свой собственный и существенный вклад в разработку и развитие этих важных дисциплин. Между тем ученые-историки, много внимания уделявшие развитию вспомогательных дисциплин, как правило, являются и крупнейшими исследователями, авторами наиболее значимых, фундаментальных исторических произведений.

Одним из таких исследователей является Л. В. Черепнин, внесший значительный вклад в изучение, разработку и преподавание источниковедения и ряда других вспомогательных исторических дисциплин.

Уже с первых своих шагов в науке Л. В. Черепнин активно включился в археографическую работу, приняв участие в редактировании (совместно с А. И. Яковлевым) одного из изданий текстов «Русской Правды» (1928 г.) и в подготовке к печати (совместно с С. Б. Веселовским и А. И. Яковлевым) «Памятников социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.» (1929 г.). Оба эти издания требовали от молодого исследователя напряженной и сложной работы, особенно второе, в котором впервые публиковался обширный архивный материал. Но именно подготовка этих публикаций под руководством и в содружестве с такими великолепными знатоками русских феодальных архивов, как А. И. Яковлев и С. Б. Веселовский, привила Л. В. Черепнину вкус к нелегкой, кропотливой, требующей пристального внимания, большой эрудиции и точности археографической работе.

Интерес и действенное внимание к этой работе свойственны Л. В. Черепнину на всем протяжении его творческого пути. Архивные поиски, обработка и подготовка к изданию исторических источников, редактирование их публикаций — неотъемлемая часть его деятельности как историка. Достаточно перечислить публикации источников, подготовленные к изданию Л. В. Черепниным или осуществленные с его участием, чтобы представить себе масштабы проделанной им археографической работы. Л. В. Черепниным были подготовлены к печати такие фундаментальные публикации документов, как «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (1950 г.), «Акты феодального землевладения и хозяйства» (ч. I и III; 1951, 1961 гг.); при участии Л. В. Черепнина были подготовлены к печати академические издания: «Судебники XV—XVI веков» (1952 г.; подготовка текста и комментарии к Судебнику 1497 г.), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси

конца XIV — начала XVI в.» (т. I—III, 1952—1964 гг.), «Правда Русская» (т. III, 1963 г.). Л. В. Черепнин является редактором многих публикаций исторических источников: «Документы и материалы по истории Мордовской АССР» (1939—1940 гг.; совместно с В. И. Лебедевым, Б. Д. Грековым и А. И. Яковлевым), «Сказание Авраамия Палицына» (1955 г.), «Акты феодального землевладения и хозяйства» (ч. II, 1956 г.), «Памятники русского права» (вып. 3, 1955 г.; вып. 4, 1956 г.; вып. 5, 1959 г.; вып. 7, 1963 г.), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (т. II и III), «Молдавия в эпоху феодализма», т. I. Славяно-молдавские грамоты (XV в.— первая четверть XVII в.) (1961 г.); членом редколлегий изданий исторических документов и материалов: «Воссоединение Украины с Россией» (т. 1—3, 1953 г.), «История Молдавии» (т. 3, ч. 2, 1969 г.; т. 4, 1964 г.; т. 5, 1961 г.), «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.» (т. I—III, 1965—1970 гг.), «Материалы по истории СССР» (т. II, 1955 г.). Один из видов участия Л. В. Черепнина в археографической работе — рецензирование им публикаций исторических источников: «Русской Правды» (учебное пособие, 1940 г.), II тома академического издания «Правды Русской» (рецензии напечатаны в 1941 и 1948 гг.), «Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова» (рецензия, 1946 г.), «Грамот великого Новгорода и Пскова» (1949 г.), «Книги ключей и долговой книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.» (1949 г.), «Московского летописного свода конца XV в.» (1950 г.), первого тома «Таможенных книг Московского государства XVII в.» (1950 г.). О пристальном внимании Л. В. Черепнина к методике и качеству публикаций исторических источников свидетельствует его рецензия (1971 г.) на «Правила издания исторических документов в СССР», опубликованные в 1969 г. Наконец, перу Л. В. Черепнина принадлежат обзоры документальных публикаций, осуществленных в нашей стране в советское время¹.

Даже из этого сухого перечня изданий видны и объем и разнообразие выполненной археографической работы, и диапазон археографических интересов Л. В. Черепнина, и широта охваченного им круга и видов исторических источников, требующие всесторонней эрудиции и, конечно, огромного труда, в том числе самого «черного» труда по чтению, копированию архивных источников, целого ряда правок и сверок текста на пути его от рукописи до готового печатного воспроизведения.

Высокое качество, научно-исследовательский характер, новаторство, тщательность подготовки публикаций, выполненных Л. В. Черепниным или при его участии, заслужили признание специалистов и не нуждаются в дополнительных рекомендациях.

Базой многих археографических работ Л. В. Черепнина, как и его других трудов, являются многолетние, систематические занятия ученого в архивах, как отечественных, так и зарубежных. Эти занятия получили отражение и в печатных работах Л. В. Черепнина, которые могут быть отнесены к категории архивоведческих. Таковыми являются статьи — обзоры об архивах Швеции, Франции (1959, 1961, 1962 гг.), статья «У истоков архивоведения и актовое источниковедения («практической дипломатики» в России)» (1963 г.). К работам архивоведческого плана может быть отнесено и редактирование Л. В. Черепниным составленных В. Н. Шумиловым описей материалов из фондов ЦГАДА: «Государственное древлехранилище хартий и рукописей» (1971 г.) и «Книги московских приказов в фондах ЦГАДА» (1972 г.)².

¹ Л. В. Черепнин. Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 36—49; Album J. Balon. Namur, Belgique, 1968, p. 125—143.

² «Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135». М., 1971; «Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495—1718 гг.». М., 1972.

Л. В. ЧЕРЕПНИН

Многочисленные работы в области археографии (и архивоведения) — лишь часть сделанного Л. В. Черепниным в области изучения и развития исторических дисциплин. Существен вклад Л. В. Черепнина в развитие таких из них, как палеография, историческая хронология, историческая метрология и, конечно, источниковедение. Специальное внимание Л. В. Черепнина к этим дисциплинам обусловлено интересами не только его исследовательской, но и преподавательской работы: в течение ряда лет Л. В. Черепнин читал курсы и вел практические занятия по палеографии, русской хронологии, русской метрологии и источниковедению в Московском историко-архивном институте, по палеографии и источниковедению — на историческом факультете Московского университета. По поручению кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Л. В. Черепнин закончил и подготовил к печати пособия по русской хронологии и метрологии, вышедшие в свет в 1944 г. В предисловии к «Русской хронологии» заведующий этой кафедрой А. И. Андреев отметил, что хотя оба эти пособия основаны на немногочисленных трудах XVIII—XX вв. по хронологии и метрологии и в них использованы работы Н. В. Устюгова, Л. В. Черепнину «пришлось некоторые вопросы разработать заново и его пособия являются не только обычными работами этого типа, подводящими итоги сделанного ранее, но также новыми исследованиями в области вопросов, не разрешенных до него», что специалисты-историки «найдут в них много нового и ценного по хронологии и метрологии»³. Надо отметить, что данные пособия, послужившие (наряду с «Очерком древнерусской метрологии» Н. В. Устюгова, опубликованным

³ См. также рецензию И. Ф. Колесникова на «Русскую метрологию» Л. В. Черепнина («Исторический журнал», 1945, № 3).

в 1946 г. в т. 19 «Исторических записок») многим поколениям советских студентов, не утратили своего значения до сих пор.

Однако если подготовкой этих двух пособий завершилась (пока!) специальная работа Л. В. Черепнина над проблемами русской исторической хронологии и метрологии, то доработка им по поручению той же кафедры рукописи пособия Н. С. Чаева по русской палеографии, существенно дополненного Л. В. Черепниным с учетом собственного опыта преподавания этой дисциплины («Русская палеография» Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина опубликована в 1946 г.), явилась лишь первой из специальных работ Л. В. Черепнина в области русской палеографии. В 1956 г. вышло в свет учебное пособие Л. В. Черепнина «Русская палеография». Данная работа выросла из пособия Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина 1946 г. (решение о необходимости подготовки нового пособия было вынесено на специальном обсуждении пособия Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина в Историко-архивном институте), причем выросла не только в переносном, но и буквальном смысле: листаж пособия увеличился втрое⁴. Л. В. Черепнин при подготовке «Русской палеографии» попытался учесть критические замечания в адрес пособия 1946 г., как содержащиеся в рецензии Н. В. Устюгова⁵, так и высказанные во время упомянутого обсуждения этого пособия в Историко-архивном институте. Подготовка и издание нового пособия по русской палеографии явились заметной вехой в развитии этой важной вспомогательной дисциплины. Проспект пособия обсуждался на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ, а подготовленная к печати рукопись была обсуждена в секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и на кафедре вспомогательных дисциплин Московского государственного историко-архивного института. Вышедшей в свет книге были посвящены несколько рецензий (А. А. Введенского и В. А. Дядиченко, Н. В. Устюгова, Е. Э. Гранстрем)⁶. Книга была обсуждена в Центральном государственном архиве древних актов⁷. К разбору книги Л. В. Черепнина возвращались некоторые авторы и ряд лет спустя после ее выхода (например, Л. П. Жуковская, М. В. Кукушкина⁸). Уже такой резонанс на выход книги говорит о ее существенном значении. Рецензенты и участники обсуждения книги Л. В. Черепнина в ЦГАДА характеризовали ее как важный и ценный обобщающий, своего рода итоговый труд по палеографии. В числе положительных сторон книги были отмечены ее высокий теоретический уровень, широкий круг рассматриваемых проблем, успешное решение многих из них, расширение (против обычных для такого рода пособий) хронологических рамок и комплекса рассматриваемых памятников письменности, обширность использованной литературы по множеству вопросов как собственно палеографии, так и других вспомогательных дисциплин, рассмотрение истории русского письма на фоне социально-экономического и политического развития общества в тот или иной период.

Естественно, что столь капитальный труд, затрагивающий множество больших и малых проблем, труд, в силу своего обобщающего, итогового характера отражающий, по справедливому замечанию Е. Э. Гранстрем, общее состояние одной из важнейших вспомогательных дисциплин — па-

⁴ При подготовке «Русской палеографии» Л. В. Черепниным использован, как он отмечает, и текст Н. С. Чаева (*Л. В. Черепнин. Русская палеография*. М., 1956, стр. 3, 4, 12, 18, 70, 83—92, 99—101, 104—105, 138—140, 145—146, 150, 152, 153, 159—160, 167, 215—224, 238—239, 241—243, 246—247, 338, 355, 361, 364, 372, 398, 578).

⁵ «Вопросы истории», 1947, № 12.

⁶ Рецензии на книгу Л. В. Черепнина вышли также в Венгрии, Румынии и ФРГ.

⁷ В. П. Назарова и Р. Г. Осипова. О книге Л. В. Черепнина «Русская палеография» (1956 г.). — «Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР», 1957, № 6.

⁸ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963; М. В. Кукушкина. Русская палеография. — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968.

леографии к моменту издания этого пособия, — такой труд не мог не вызвать и критических замечаний по поводу предлагаемых автором решений некоторых спорных или слабо изученных проблем. Но уже сам интерес к книге, полемика в связи с нею по проблемам палеографии, полемика, во время которой высказывались даже взаимоисключающие оценки качества освещения их в книге Л. В. Черепнина, полемика, продолжающаяся в течение ряда лет, вплоть до настоящего времени, свидетельствуют о важном значении, которое имела эта книга для активизации работы в области палеографии.

Сам Л. В. Черепнин после выхода в свет «Русской палеографии» неоднократно возвращался к различным проблемам палеографии, продолжая дискуссию (относительно определения задач палеографии, рассмотрения истории письма на фоне общих явлений социально-экономического и политического развития, об отношении палеографии к другим вспомогательным дисциплинам, истории развития палеографии и т. д.)⁹.

Ощутимый и важный вклад внес Л. В. Черепнин и в разработку кодикологии, все более рассматриваемой в последнее время в качестве самостоятельной вспомогательной дисциплины. При этом различают уже кодикологию не только как науку о рукописных книгах вообще, т. е. о рукописях разного содержания, о разных памятниках письменности, имеющих форму книги, но и специальные виды кодикологии, в том числе кодикологию летописей, дипломатическую кодикологию¹⁰. Именно для развития этой, дипломатической кодикологии, дисциплины, изучающей рукописные книги, содержащие документальный материал (или в виде одного, например законодательного, документа, или представляющие сборники ряда документов), особенно существенны наблюдения Л. В. Черепнина в области изучения русских копейных книг и других рукописных документальных сборников, «формулярников», единственного списка Судебника 1497 г., а также различных рукописных книг делового (приходо-расходные, хозяйственные, дозорные, отдельные, обыскные, таможенные и другие книги) и повествовательного характера.

Кодикологический анализ различных рукописей проводился Л. В. Черепниным и при подготовке их к публикации, и при создании исследовательских работ, и при обследовании архивных хранилищ (например, шведских архивов). В результате такого анализа получены ценные сведения о состоянии, содержании, структуре, времени, месте, составителях, причинах и целях составления самых различных рукописных книг. При этом, разумеется, необходимо было не только применять весь спектр методов вспомогательных исторических дисциплин, но и совершенствовать методы исследования. Л. В. Черепнин является одним из зачинателей специального всестороннего изучения копейных книг, формулярников и некоторых других рукописных сборников (например, сборника текстов новгородских и двинских документов 70-х годов XV в.) в органической связи с социально-экономической и политической обстановкой времени их создания.

Заслуги Л. В. Черепнина в изучении и развитии советской археографии, архивного дела, русской хронологии и метрологии, палеографии и кодикологии бесспорны, но, пожалуй, ни в одну из них им не вложено столько

⁹ См. например, Л. В. Черепнин. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — «Советские архивы», 1967, № 5, стр. 136—137; он же. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — «Источниковедение отечественной истории», вып. 1. М., 1973, стр. 43—50; он же. Русская палеография и другие вспомогательные исторические дисциплины. — «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974, стр. 29.

¹⁰ См. например, И. Н. Лебедева. Кодикология — наука о рукописных книгах. — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. IV. Л., 1972; Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — Там же; Л. В. Черепнин. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, стр. 61—62.

труда, сколько в наиболее общую и многостороннюю из вспомогательных исторических дисциплин — в источниковедение. Да и само обращение к специальным занятиям этими дисциплинами диктовалось потребностями исследовательской работы и непосредственно нуждами источниковедения, которому ученый посвятил многие свои труды. Среди них большое количество статей по самым различным вопросам исторического источниковедения. Особый интерес представляют статьи, посвященные теоретическому источниковедению, осмыслению проблем исторического источниковедения в свете исторического материализма, на основе изучения научного наследия основоположников марксизма-ленинизма (статьи «К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения», «Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина» — 1969 г.; «К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин»¹¹). К этим работам примыкают статьи обобщающего и историографического характера (статья «Источниковедение» во 2-м издании БСЭ, 1953 г.; «Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет», 1967 г.).

Целый цикл статей Л. В. Черепнина посвящен характеристикам отдельных видов исторических источников и проблемам их изучения. Таковы статьи о летописях и летописании (о «Повести временных лет» — статья 1948 г., о «Летописце Даниила Галицкого» — 1941 г., о летописании XVII в. — 1945 г.; к проблемам изучения летописей Л. В. Черепнин вернулся в последние годы¹²), о законодательных памятниках: Псковской и Новгородской судных грамотах (статьи 1945, 1947 гг.), Судебнике 1497 г. (статья о нем 1952 г.), о духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, актах русских феодальных республик (статьи 1946, 1947 гг.), о делопроизводственных книгах и документах XVII в. (статья 1961 г.), о псковских грамотах конца XV в. (1964 г.), о новгородских берестяных грамотах (статьи 1961, 1963, 1966, 1967, 1969, 1971 гг.), о памятниках публицистики (о «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, о «Повести о Тимофее владимирском», о «Повести о Новгородском белом клобуке», о «Послании» Даниила Заточника — соответственно 1960, 1966, 1969 и 1971 гг.).

В ряде статей содержится анализ различных видов источников в плане освещения ими тех или иных исторических проблем, событий. Например, летописи рассматриваются в таких статьях, как источники по истории классовой борьбы (1952 г.), восстания в Твери 1327 г. (статья Л. В. Черепнина 1960 г.), международной жизни XIV — начала XV в. (1961 г.), актовый материал как источник по истории крестьянства, производительных сил и производственных отношений на Руси XV в. (1955 г.), новгородские берестяные грамоты как источники по истории русского крестьянства (1961, 1963 гг.) и классовой борьбы (1967 г.), «Соборное уложение» 1649 г. и «Правила» Василе Лупу 1646 г. как источники по истории закрепощения крестьян в России и Молдавии (1960 г.). Самостоятельное источниковедческое значение имеют статьи Л. В. Черепнина в трех томах «Актів социально-экономічної історії Северо-Восточної Русі кінця XIV — початку XVI в.», содержащие характеристику документов, опубликованных в этих изданиях, а также вводные статьи к публикациям различных источников: «Актам феодального землевладения и хозяйства» (ч. I и III), «Памятникам русского права» (вып. 3—5, 7), «Сказанию» Авраамия Палицына. Особым видом источниковедческих трудов Л. В. Черепнина являются переводы на современный язык Псковской судной грамоты (1940 г. совместно с А. И. Яковлевым), Судебника 1497 г. (1952, 1955 гг.) и комментарии к ним.

¹¹ «Источниковедение отечественной истории», вып. 1. М., 1973.

¹² Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. — «История СССР», 1972, № 4; он же. К спорам о методологии изучения начального летописания. (Ответ А. Г. Кузьмину). — «История СССР», 1973, № 4.

К работам источниковедческого характера можно также отнести рецензии Л. В. Черепнина (о них уже шла речь) на издания различных исторических источников, а также на источниковедческие труды (например, рецензия 1948 г. на работу И. П. Еремина о «Повести временных лет»). Это внимание Л. В. Черепнина к проблемам историографии источниковедения сказывается и в том, что в своих работах, содержащих оценки деятельности различных историков, Л. В. Черепнин всегда отмечает тот вклад, который был ими внесен в изучение и развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Примерами могут служить работы Л. В. Черепнина о В. К. Лукомском (1947 г.), А. С. Лаппо-Данилевском (1949 г.), А. Е. Преснякове (1950 г.), С. В. Бахрушине (1950 г.), К. В. Базилевиче (1950, 1952 гг.), А. И. Яковлеве (1951 г.), Н. Г. Бережкове (1956 г.), И. И. Полосине (1963 г.), И. У. Будовнице (1966 г.), М. В. Нечкиной (1971 г.), Б. Б. Кафенгаузе (1971 г.), И. А. Голубцове (1971 г.), М. М. Богословском (1974 г.)¹³ и С. К. Богоявленском (1974 г.)¹⁴.

Но, конечно, наиболее важным, главным источниковедческим трудом Л. В. Черепнина является его двухтомная монография «Русские феодальные архивы XIV—XV веков», посвященная исследованию актового материала и законодательных памятников средневековой Руси. Этот труд получил широкую известность и всеобщее признание как первое фундаментальное марксистское исследование русских актовых и законодательных источников XIV—XV вв. За 1949—1960 гг. появилось более 10 рецензий на этот труд¹⁵, что само по себе говорит о значительности его. Монографию Л. В. Черепнина отличает высокий теоретический уровень, осмысление и творческое применение при анализе конкретно-исторического материала многих основополагающих указаний классиков марксизма-ленинизма. Автором мобилизован огромный, практически весь известный к моменту издания его труда материал источников, в значительной мере извлеченных из архивных хранилищ, использована обширная специальная литература. В своем труде, являющемся и по сей день крупнейшим исследованием в области актового источниковедения, Л. В. Черепнин подверг критическому анализу предшествующую литературу и исследовал все основные виды русских актов XII—XV вв.: договорные грамоты великих и удельных князей и русских феодальных республик, данные, духовные, купчие, меновные, жалованные, правые и многие другие грамоты, а также Двинскую уставную, Псковскую и Новгородскую судные грамоты, «Правосудие митрополичье», Судебник 1497 г. В своем труде Л. В. Черепнин, основываясь на методологии исторического материализма, сформулировал и применил к рассматриваемому им комплексу источников ряд требований и методов исследования актового и законодательного материала. Именно формулировка и апробирование этих методов (не говоря уже о результатах детального и всестороннего изучения Л. В. Черепниным самых различных видов источников) придали труду Л. В. Черепнина характер своего рода руководства по актовому источниковедению, по историко-материалистической дипломатике. Использование этих методов теперь применительно к русскому средневековому актовому материалу стало обычным в советской исторической науке, но тогда, в 1948 и 1951 гг., развернутая формулировка и предметное обоснование их представляли большое научное достижение. Среди этих методов и принципов такие, как требование исчерпывающего (а не выборочного) привлечения и учета при решении того или иного вопроса всех источников, всех известий, имеющих к нему отношение, как требование при анализе содержания какого-либо источника выяснить причины и цели его создания, учитывать конкретно-историческую обстановку времени его появления, выяснять значение не-

¹³ «Исторические записки», т. 93. М., 1974.

¹⁴ «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974.

¹⁵ Высоко оценен этот труд Л. В. Черепнина также М. Н. Тихомировым (*М. Н. Тихомиров. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, стр. 299—300*).

которых категорий источников как в период их написания, в период их первоначального действия, так и цели использования их в более позднее время. В монографии впервые столь отчетливо было сформулировано и успешно применено требование о необходимости анализа каждого источника в связи с историей того феодального архива (или архивов), в составе которого (или которых) он находился, и в связи с конкретным фондом документов, к которому источник принадлежал, а также в том случае, когда текст документа дошел до нас в составе какого-либо рукописного «кодекса» (копийной книги, формулярника, сборника документов и т. п.) — в связи с историей этого рукописного памятника.

Весьма плодотворным оказалось обращение к рукописным оригиналам даже тех документов, тексты которых уже были изданы. При этом выявились и вовсе новые, неизвестные ранее документы и неизвестные экземпляры текстов уже опубликованных документов — их черновики, проекты, «противни», копии, нередко позволяющие более основательно и детально проследить историю создания окончательного текста документа, последовательность его редакций, ту политическую и общественную борьбу, в ходе которой рождался данный источник как продукт определенной эпохи, классовой среды. Подобному анализу помогают наблюдения над изменениями формуляров документов, правкой (современной их написанию или позднейшей), вставками, разного рода пометами, печатями (или даже следами от них), водяными знаками бумаги, на которой написаны тексты, — словом, применение дипломатического, текстологического и палеографического анализа, самых различных методов разных вспомогательных исторических дисциплин. Полезным приемом расширения и углубления источниковедческого и исторического анализа актового материала XIV—XV вв. было привлечение Л. В. Черепниным более поздних (XVI—XVII вв.) описей государственных архивов и архивов церковных организаций, а также копийных книг XV—XVIII вв. В труде Л. В. Черепнина сделаны попытки реконструкции как состава отдельных феодальных архивов (великих и удельных князей, феодальных республик, церковных корпораций), так и основного содержания некоторых несохранившихся документов, а также текстов грамот, дошедших до нас в дефектном виде.

В монографии сделана также попытка оценить и учесть некоторые количественные данные (об общем числе сохранившихся актов XIV—XV вв., о численности их отдельных видов, об изменениях их количества в разное время). Разумеется, применены в работе Л. В. Черепнина и различные методы датировки, атрибуции документов, проверки их подлинности, полноты состава копийных книг и т. д.

Своеобразным продолжением, третьей частью «Русских феодальных архивов» явилась монография Л. В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (1969 г.), в которой было впервые проведено всестороннее источниковедческое исследование этого нового вида исторических источников, выяснено их значение для изучения самых разнообразных сторон жизни Новгорода Великого и Древней Руси вообще, начиная от развития материального производства и кончая развитием духовной культуры XI—XV вв. И в этом исследовании Л. В. Черепнин зачастую выступает как новатор: и в классификации грамот на бересте, и в реконструкциях текстов многих из них (в том числе таких, которые из-за своей плохой сохранности, казались просто нечитаемыми), и в интерпретации их содержания (для чего Л. В. Черепниным привлечен небывало широкий сопоставительный, сравнительный материал других видов источников). Не удивительно, что и это источниковедческое исследование Л. В. Черепнина получило широкий отклик (одних рецензий опубликовано в 1970—1971 гг. шесть: три — в СССР и три за рубежом — в Чехословакии, ГДР и ФРГ) и высокую оценку в прессе. Несомненно, что и это исследование Л. В. Черепнина является серьезным вкладом в развитие источниковедения и его новой составной части — берестологии.

Обзор занятий Л. В. Черепнина в области вспомогательных исторических дисциплин был бы неполон, если не упомянуть о его работах по исторической библиографии. Одна из них — «Материалы для библиографии по истории мордовского народа», изданная в 1941 г., представляет собой тщательно собранную и для своего времени наиболее полную библиографию по истории Мордовии. Примечательно, что более 30 лет спустя, в 1975 г., при участии Л. В. Черепнина в качестве одного из составителей и научного редактора вышла в свет обширная «Библиография по истории Мордовской АССР», в основу которой были положены «Материалы», изданные Л. В. Черепниным в 1941 г. В 1970 г. был опубликован библиографический обзор Л. В. Черепнина «Советская литература, изданная в 1965—1969 гг.», подготовленный для XIII Международного конгресса исторических наук.

Более 100 самых разнообразных специальных работ (более одной трети всех печатных трудов Л. В. Черепнина) по самым различным (более десятка) историческим дисциплинам: археологии, архивоведению, палеографии, кодикологии, хронологии, метрологии, летописеведению, дипломатике, берестологии, источниковедению, исторической библиографии — работ, освещающих широчайший круг вопросов, начиная от общетеоретических проблем источниковедения до мельчайших деталей текстологического или палеографического анализа; многие сотни, тысячи листов собственноручно скопированных текстов архивных документов, множество типографских гранок, версток, сверок этих текстов на пути их к опубликованию, к введению в широкий научный оборот; сотни блестяще прочитанных лекций и интересно проведенных практических занятий, в ходе которых многие поколения студентов и аспирантов приобрели, начиная буквально с «азов», те знания и навыки, без которых невозможна глубокая исследовательская и педагогическая работа в области истории — таков вклад Л. В. Черепнина в развитие и преподавание источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

В. И. Буганов

Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ КАК АРХЕОГРАФ И ИСТОЧНИКОВЕД
(к 70-летию со дня рождения)

27 сентября 1975 г. исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося советского историка Любомира Григорьевича Бескровного. Советская научная общественность, отмечая большие заслуги исследователя в разработке ряда проблем отечественной исторической науки¹, отдает заслуженную дань высокому уважению и признания тому вкладу, который он внес в ее развитие. Это касается прежде всего исследования военной истории России XVIII—XIX вв., историографии и источниковедения этой важнейшей проблемы. Другие темы, успешно им разрабатываемые, — историческая география России дооктябрьского периода, общие проблемы отечественной истории дооктябрьского периода, а также вопросы охраны памятников истории и культуры нашей страны до Октябрьской революции и в годы Советской власти².

Заметное место в научном творчестве Л. Г. Бескровного занимают археография и источниковедение. В этих областях научного знания ученый, публикуя и исследуя исторические источники, теснейшим образом связывает указанные занятия с магистральными направлениями в своих изысканиях.

Собственные публикации Л. Г. Бескровного и его отзывы на издания других археографов посвящены, прежде всего, важнейшим событиям военной истории России XVIII—XIX вв. При его участии (в качестве члена редколлегии или ответственного редактора) изданы документы о замечательных русских военных деятелях второй половины XVIII в. — адмирале Ф. Ф. Ушакове и фельдмаршале П. А. Румянцеве³. Во введении к тому о Румянцеве Л. Г. Бескровный дает характеристику его военной и дипломатической деятельности за 1775—1796 гг., отраженной в опубликованных в томе документах.

В рецензии на сборник документов по истории Семилетней войны России с Пруссией⁴ Л. Г. Бескровный отмечает, что они показывают героизм русских солдат и военное искусство русских полководцев, превосходившее военное искусство Фридриха II и его генералов, падение роли

¹ См., например, посвященные Л. Г. Бескровному сборники статей: «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков». М., 1969, приуроченный к 60-летию со дня его рождения (вводный очерк об ученом написан П. Г. Рынцюзюнским); «Историческая география России. XII — начало XX вв.». М., 1975, посвященный 70-летию Л. Г. Бескровного.

² Подробнее см. В. И. Буганов. Любомир Григорьевич Бескровный. Творческий путь. — «Историческая география России XII — нач. XX вв.» М., 1975.

³ «Русские флотоводцы». Сборники документов под общей редакцией В. Д. Стырова, Н. А. Питерского, Л. Г. Бескровного. Адмирал Ушаков, т. I. Под ред. Р. Н. Мордвинова. М., 1951; «Русские полководцы». Сб. документов, т. III. П. А. Румянцев, 1775—1796. Под ред. докт. исторических наук Л. Г. Бескровного. М., 1959.

⁴ «Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг.» Под ред. проф. Н. М. Коробкова. М., 1948.

Пруссии как государства. Любомир Григорьевич высказал важную мысль о желательности издания документов, характеризующих важнейшие русские изобретения середины столетия (например, материалы об испытании и внедрении так называемых шуваловских гаубиц, сыгравших немалую роль в ходе войны), организацию тыла русской армии, деятельность молодого А. В. Суворова. Правомерно его пожелание о составлении «исторических примечаний» к подобному документальному сборнику⁵. Эти замечания, на мой взгляд, имеют общее значение для археографической науки, поскольку речь идет о таком методе, как всестороннее освещение темы в той или иной публикации, о подготовке серьезного комментария к документам, которые в ряде случаев требуют не только пояснений терминов, понятий, характерных для XVIII в. (это в сборнике сделано), но и собственно научно-исторического комментария.

В отзыве на устав строевой, караульной и внутренней службы, составленный А. В. Суворовым для Суздальского полка (он командовал им в 1763—1768 гг.)⁶, Л. Г. Бескровный отмечает важное значение этого источника, который показывает, что великий русский полководец отводил большую роль в своей работе с солдатами вопросам их обучения и воспитания. Любомир Григорьевич пишет, что суворовское «Полковое учреждение» развивает принципы «Устава воинского» 1716 г. и является новым этапом в развитии русской военно-теоретической мысли XVIII в.⁷

Особое место в археографической деятельности Л. Г. Бескровного занимает издание источников по истории Отечественной войны 1812 г. и других событий русской военной истории начала XIX в. В первую очередь следует назвать фундаментальное издание документов и материалов о жизни и деятельности великого русского полководца М. И. Кутузова, вышедшее под его редакцией⁸. Во вводных статьях ко всем томам Л. Г. Бескровный, помимо биографических сведений о Кутузове, дал подробные очерки об его военной и дипломатической деятельности, раскрыл ее передовой характер и прогрессивное значение для России, огромный вклад полководца в развитие русского военного искусства. Все это дается в тесной взаимосвязи с публикуемыми в этом издании документами.

Наибольшее количество документов (опубликованных в двух частях IV тома и в томе V) освещает деятельность полководца во время Отечественной войны 1812 г. против наполеоновского нашествия и заграничного похода 1813 г.

С указанным изданием тесно связаны другие публикации, посвященные М. И. Кутузову, Отечественной войне 1812 г. Одна из них знакомит с текстом наставления («Примечания») 1786 г. по боевой подготовке легкой (егерской) пехоты, составителем которого, по предположению Л. Г. Бескровного, автора предисловия, можно считать М. И. Кутузова. По своему значению это руководство, по словам Любомира Григорьевича, стоит в одном ряду с упоминавшимся выше «Полковым учреждением» Суворова. «Примечания», текст которых обнаружил и подготовил к печати Ю. И. Яблочкин, важны в том отношении, что отразили новое и важное явление в истории русского военного искусства конца XVIII — начала XIX в. — переход от линейной тактики к тактике колонн и рассыпного строя⁹.

Л. Г. Бескровный написал вводную статью, с характеристикой хода и исторического значения Отечественной войны 1812 г., к публикации документов об участии в ней донских казаков; они извлечены из фонда Атаманской канцелярии Ростовского государственного областного архива¹⁰.

⁵ «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 115—116.

⁶ А. В. Суворов. Полковое учреждение. М., 1949.

⁷ «Вопросы истории», 1950, № 2, стр. 123—124.

⁸ «М. И. Кутузов». Документы, т. I. М., 1950; т. II. М., 1951; т. III. 1808—1812. М., 1952; т. IV, ч. 1 (июль — октябрь 1812 г.). М., 1954; т. IV, ч. 2 (октябрь — декабрь 1812 г.). М., 1955; т. V. М., 1956.

⁹ «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно». М., 1955, стр. 3—4.

Особое внимание во введении уделено военным действиям донских казаков в составе полков корпуса Платова во время отступления и контрнаступления, в частности у Бородина, Вязьмы, Духовщины, Красного, Борисова на Березине, Вильно, Ковно.

Ряд сборников документов под редакцией Л. Г. Бескровного и с его вводными статьями вышел в свет к 150-летию Отечественной войны 1812 г. В одном из них собраны документальные, эпистолярные и мемуарные источники, рассказывающие о Бородинском сражении¹¹. Во введении к сборнику отмечено, что в него включены лишь важнейшие источники, которые характеризуют подготовку, ход и результаты битвы, в том числе и ранее публиковавшиеся. Документальный материал взят из фондов ЦГВИА, из публикации «М. И. Кутузов» (т. IV, ч. 1). Рассматривая воспоминания и записки современников и участников войны и самого сражения, Любомир Григорьевич пишет об имеющихся в них субъективных оценках и фактических неточностях и необходимости их критического использования, сопоставления с другими данными. Большой интерес представляют включенные в сборник наградные списки на отличившихся в сражении (в том числе и на некоторых будущих декабристов). Большинство их публикуется впервые.

Особый сборник посвящен народной борьбе против иноземных захватчиков¹². Документы этого издания показывают, что запись в ополчение для борьбы с врагом явилась выражением широкого народного движения, глубоко патриотического по своему характеру. Правительство же своим решением лишь официально оформило это движение и к тому же проявляло явное беспокойство ввиду возможных выступлений крестьян-ополченцев против помещиков, сплошь и рядом препятствовавших сбору ратников и уклонявшихся от службы в ополчении.

Большой интерес представляет осуществленная под редакцией Л. Г. Бескровного публикация армейских листовок, которые выпускались походной типографией Главной квартиры русской армии в 1812 — начале 1813 г.¹³ Это — воззвания, обращения к русскому населению, к солдатам противника и народам Европы, приказы главнокомандующего по армии агитационного содержания, сообщения о ходе военных действий, наконец, памфлеты с разоблачением официальных французских сообщений о ходе войны. Подобные летучие издания в таком полном объеме публикуются впервые. Выявлены они в фондах ЦГВИА, Государственном Историческом музее, Государственной публичной исторической библиотеке. Изданы листовки по типографским экземплярам или перепечатаны из прессы 1812—1815 гг., иногда — из научных изданий XIX—XX вв., ставших библиографической редкостью.

Листовки дают представление об агитационно-пропагандистской деятельности русского командования, об идеологической борьбе с наполеоновскими агрессорами. В них имеются новые данные о военных событиях 1812 г. Эти важные документы оказывали большое влияние на общественное мнение русского общества грозной поры двенадцатого года.

Под руководством Л. Г. Бескровного были изданы мемуары А. Чичерина — участника военных событий 1812—1813 гг.¹⁴ Они хранятся в Государственной публичной исторической библиотеке. Л. Г. Бескровный пишет, что автор оставил глубокое и проникновенное описание великих событий, в которых сам участвовал.

¹⁰ «Донские казаки в 1812 г.» Сб. документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 г. Ростов-на-Дону, 1954, стр. 7—22.

¹¹ «Бородино». Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

¹² «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.» Сб. документов. Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1962.

¹³ «Листовки Отечественной войны 1812 г.» Сб. документов. М., 1962.

¹⁴ «Тетрадь Александра Чичерина». — «Новый мир», 1962, № 9, стр. 7—70; «Дневник Александра Чичерина, 1812—1813». М., 1966.

Л. Г. Бескровный — ответственный редактор сборника документов, посвященного заграничному походу 1813 г. Во вводной статье он подробно описал ход военных действий той поры, приведших к крушению наполеоновской империи¹⁵. Любомир Григорьевич принял участие в выявлении документов для сборника. Помимо обычных указателей, к нему сделаны примечания — «исторический комментарий».

Отмечу еще одну важную инициативу Любомира Григорьевича, именно — издание произведений русских военных теоретиков XIX и начала XX в. Первая из подобных публикаций включила труды о стратегии и тактике военных действий и других проблемах военного дела, которые принадлежали декабристам И. Г. Бурцову и П. И. Пестелю, другим передовым военным деятелям дореформенной поры (Н. В. Медем, П. А. Языков, Д. А. Милютин, Ф. И. Горемыкин), теоретикам второй половины XIX — начала XX в., принадлежавшим, с одной стороны, к сторонникам «академического» направления (Г. А. Леер), с другой — приверженцам «русской школы» (М. И. Драгомиров, А. Н. Петров, С. О. Макаров), выдающимся военным деятелям начала XX в., которые после Октябрьской революции приняли активное участие в разработке советской военной науки (Н. П. Михневич, А. А. Незнамов)¹⁶. Вторая публикация содержит труды М. И. Драгомирова, посвященные проблемам воспитания и обучения войск¹⁷.

Во вводных статьях к этим изданиям Л. Г. Бескровный детально рассмотрел военно-теоретические, военно-педагогические взгляды указанных лиц, показал их передовой характер для своего времени.

В рецензии на документальное издание источников по истории русско-китайских отношений в XVII в. Л. Г. Бескровный выступает против фальсифицированных оценок, распространенных в западной и китайской буржуазной историографии и принятых на вооружение современными маоистскими историками¹⁸. Он показывает, что материалы сборника, большая часть которых впервые введена в научный оборот, раскрывают подлинную картину освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, формирования в этом районе границ с соседними государствами, установления с ними политических отношений и экономических связей. Они всесторонне освещают взаимоотношения России и Китая. Если русские власти пытались наладить мирные отношения с Китаем, где в это время правила маньчжурская династия Цин, то последняя отказывалась это сделать, преследуя захватнические и гегемонистские цели. Нельзя не согласиться с Бескровным, когда он высказывает мысль о необходимости издания большого количества документов об освоении Сибири и Дальнего Востока, их административном устройстве, приложения к сборнику карты с указанием путей движения русских людей, границ уездов.

В другой рецензии Л. Г. Бескровный и его соавторы дают высокую оценку известному изданию документов по истории внешней политики России XIX — начала XX в. (речь в ней идет о томах I—III и VI, включающих документы за 1801—1807 гг. и 1811—1812 гг. и изданных в 1960—1962 гг.)¹⁹. В отличие от предыдущих изданий, русских и зарубежных, с их узостью тематики, случайностью в подборе документов, недостатками в приемах публикации текстов, рецензируемые тома отличаются

¹⁵ «Подход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов. М., 1964, стр. V—L.

¹⁶ «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1960.

¹⁷ М. И. Драгомиров. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1956.

¹⁸ Л. Г. Бескровный. Русско-китайские отношения в XVII в.— (Рец.) «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, стр. 175—179.

¹⁹ А. Станиславская, Л. Бескровный, Л. Слезкин. Капитальный вклад в историю дипломатии.— «Международная жизнь», 1967, № 1, стр. 129—131.

цельностью замысла и широтой проблематики, высоким уровнем комментариев (примечаний) и научно-справочного аппарата.

Л. Г. Бескровный — автор-составитель первой в отечественной археографии хрестоматии по истории войн и военного искусства России с древнейших времен до начала XX в.²⁰ В ней помещены отрывки из русских летописей и сочинений иностранных авторов с описанием походов восточных славян, материалы о борьбе русских дружин Святослава и других князей с нападениями кочевников, победах Александра Невского на Неве и Чудском озере. Большое место занимают выдержки из источников о борьбе с татаро-монгольскими завоевателями, войнах XVI в. (взятие Казани, Ливонская война), борьбе русского народа с иностранной интервенцией в начале XVII в., национально-освободительной войне украинцев и белорусов против панско-шляхетского гнета в середине века. Наибольшее количество документов, включенных Бескровным в хрестоматию, рассказывает о событиях XVIII — начала XX в. Это — создание регулярной армии и флота при Петре I, Северная война, Семилетняя война, русско-турецкие войны 60—90-х годов XVIII в., Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова. Особое внимание уделяется документам об Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1853—1856 гг., русско-турецкой войне 1877—1878 гг., наконец, русско-японской войне 1905 г. Помимо указанных выше, привлечены такие виды источников, как уставы, указы, диспозиции, приказы, инструкции, письма, ведомости, рапорты, журналы военных действий, мемуары и многие другие. В своей совокупности они дают довольно полное представление о войнах, которые пришлось вести России, об эволюции русского военного искусства, героизме и бесстрашии русских ратников, солдат и матросов, высококом воинском мастерстве выдающихся полководцев, об организации и комплектовании вооруженных сил.

Л. Г. Бескровный — член редколлегии хрестоматии по отечественной истории XVIII в.²¹, ответственный редактор ценнейшего ротапринтного издания итогов переписей населения России XVII — первой половины XIX в.²², декретов и постановлений Советской власти об охране памятников истории и культуры²³, исторических трудов М. Н. Покровского²⁴, В. К. Яцунского²⁵. Л. Г. Бескровный — член Бюро Археографической комиссии АН СССР.

Столь же плодотворный характер носит разработка Л. Г. Бескровным проблем источниковедения русской военной истории. Результатом преподавания курса на эту тему в Военной академии им. М. В. Фрунзе явились труды, посвященные методике работы с источниками²⁶. Многолетние же занятия в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) дали материал для написания ценного общего обзора материалов по военной истории, которые в нем хранятся²⁷. По материалам того же архива написана, совместно с Л. А. Гольденбергом, статья о картографических источниках²⁸.

²⁰ «Хрестоматия по русской военной истории». Сост. Л. Г. Бескровный. М., 1947.

²¹ «Хрестоматия по истории СССР XVIII в.» Под ред. Л. Г. Бескровного и Б. Б. Кафенгауза. Сост. М. Т. Белявский и Н. И. Павленко. М., 1963.

²² «Переписи населения России XVII — середины XIX в.» (Материалы подворных переписей и ревизий населения России). М., 1972.

²³ «Охрана памятников истории и культуры». М., 1968 (ротапринт). То же. М., 1973.

²⁴ М. Н. Покровский. Избранные произведения, т. II—IV. М., 1965—1967.

²⁵ В. К. Яцунский. Избранные труды. М., 1974.

²⁶ Л. Г. Бескровный. Организация и методика архивной работы по военной истории. М., 1947; он же. Источники и литература к лекциям по источниковедению русского военного искусства. М., 1953.

²⁷ Л. Г. Бескровный. Значение документов ЦГВИА для развития военной историографии (к 150-летию ЦГВИА). — «Советские архивы», 1969, № 6.

²⁸ Л. Г. Бескровный, Л. А. Гольденберг. Систематизация картографических материалов (на примере ЦГВИА). — «Советские архивы», 1971, № 2, стр. 36—50.

Наконец, в первом в советской историографии обобщающем труде по военно-историческому источниковедению Л. Г. Бескровный дал обзор источников по отечественной военной истории с древнейших времен до начала XX в.²⁹ Выступая и здесь первопроходцем, основателем по существу новой научной дисциплины, Бескровный на широком историческом фоне рассматривает разнообразные источники — летописные и законодательные, актовые и эпистолярные, мемуарные и военно-теоретические, картографические и др.

Таким образом, для Бескровного как археографа и источниковеда, посвятившего свои изыскания проблемам прежде всего военной истории Отечества, а также исторической географии и др., характерно широкое привлечение источников, издание их важнейших комплексов (по военно-исторической тематике), наконец, их источниковедческое исследование и обобщение. Тот большой вклад, который сделан Любомиром Григорьевичем в развитие отечественной археографии и источниковедения, спискал ему глубокое уважение и признательность у советской научной общественности, среди всех, кто интересуется прошлым нашей Родины.

²⁹ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. М., 1954; он же. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

П. А. Колесников

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВОЛОГОДСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Студенты исторических факультетов педагогических институтов кроме основных курсов отечественной и всеобщей истории изучают историографию, археологию, историческое краеведение и вспомогательные исторические дисциплины. В программу последних включены палеография, историческая метрология, хронология, нумизматика, топонимика, историческая география и методика археологических разведок и раскопок. К сожалению, не отводится времени на такие необходимые для учебной и научной работы в институте и в школе предметы, как археография, источниковедение, историческая библиография. К тому же в большинстве институтов готовят учителей не только истории и обществоведения, но и одного из иностранных языков. В связи с этим на изучение специальных и вспомогательных исторических дисциплин в учебном плане по этим специальностям отводится меньше часов, чем было предусмотрено по программам 1970 г.¹

Ограниченное число часов на изучение, отсутствие по многим предметам учебных пособий, необходимость дать хотя бы утилитарные знания и по не включенным в программу вспомогательным дисциплинам — все это требует от всех преподавателей истории пединститутов хорошо обоснованных межпредметных связей, исключающих дублирование, но предусматривающих четкую систему изучения, повторения и закрепления знаний и навыков на протяжении всего периода обучения. В какой-то мере можно говорить о складывающейся на кафедре истории СССР Вологодского педагогического института системе работы, опирающейся почти на десятилетний опыт преподавания специальных и вспомогательных исторических дисциплин.

Постоянное внимание преподавателей, как и заметный интерес к этим предметам со стороны студентов определились в известной степени и деятельностью организованных по инициативе кафедры в 1967—1968 гг. двух научных региональных центров: Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР и Северного отделения Археографической комиссии при отделении истории АН СССР. Студенты выступают с докладами и сообщениями на научных конференциях, участвуют в археографических экспедициях, работают в архивах и рукописных фондах музеев, изучают опыт краеведческой работы в школе.

Занятия по истории СССР на первом курсе мы стали начинать лекцией «Введение в историю», в которой, кроме вопросов методологического плана, раскрывается место и значение специальных и вспомогательных исторических дисциплин в системе исторического образования. На одном из первых собраний первокурсников преподаватели и актив научного сту-

¹ Например, программа «Вспомогательные исторические дисциплины» (М., 1970) на лекции предусматривает 44 часа и на практические — 28. Учебный план по специальности «История, обществоведение, английский язык» — соответственно 20 и 10 час.

денческого общества знакомят их с проблематикой и формами учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы на всех курсах. При этом вновь подчеркивается значение знаний указанных выше предметов при выполнении всех видов учебной и научной деятельности студентов. На практических занятиях по истории СССР преподаватели практикуют решение задач, связанных со знанием исторической метрологии, хронологии, палеографии, археографии.

Приступая к работе по новому учебному плану, кафедра сочла возможным и необходимым внести некоторые коррективы в программы. Они не изменяют учебные планы, но, как нам представляется, лучше обеспечивают межпредметные связи и подготовку к научной работе и к курсовым работам, к занятиям в спецкурсах и в спецсеминарах. Все это требует знаний научных основ учебной и исследовательской работы. Но по учебному плану на первом курсе изучаются только историческое краеведение и археология, а вспомогательные исторические дисциплины лишь на третьем. В силу этого кафедра приняла решение провести некоторое перераспределение программного материала.

Так, тему «Методика археологических разведок и раскопок» из программы вспомогательных дисциплин (третий курс) перенесли на первый год обучения в программу по археологии и археологической практике. Последняя в нашем институте почти 20 лет проводится летом после первого года обучения под руководством старшего научного сотрудника Института археологии АН СССР А. В. Никитина, прекрасно осуществляющего как практическое, так и методическое руководство. Именно благодаря ему студенты неплохо овладевают методикой археологических разведок и раскопок, а некоторые его ученики, работая учителями в школе, сумели привить интерес к археологии и своим ученикам, начали привлекать их к участию в археологических экспедициях, да и сами стали заниматься научной работой по истории археологических исследований в крае (Н. В. Гуслисов, Г. С. Воронов и др.).

Чтобы уже на первом курсе лучше подготовить студентов к пониманию социально-экономических процессов истории СССР и своего края, в программу исторического краеведения включено знакомство с палеографией, археографией и исторической метрологией. Время для этого отводится за счет уменьшения часов на тему «Развитие исторического краеведения», вопросы которой находят широкое отражение в спецкурсах и спецсеминарах, в программе по историографии истории СССР, в научных кружках.

Много лет под руководством доцента Б. Г. Михайлова студенты изучают историю революционного движения в крае, под руководством доцента А. З. Цинмана — социально-экономическую историю края второй половины XIX — начала XX в., историю революции 1905—1907 гг., под руководством доцента М. Н. Никольской — становление Советской власти в крае. Многие студенты исторического факультета под руководством кафедры истории КПСС плодотворно работают над историей комсомольской и пионерской организаций области. Автор данной статьи ведет спецкурсы и спецсеминары по историографии истории Европейского Севера, готовя студентов по программе факультатива в школе «Край наш Вологодский». Кружок «Архивариус» (руководитель — доцент Ю. С. Васильев) участвует в археографических экспедициях. Ряд студенческих работ, выполненных в научных кружках, опубликован и получил положительные оценки на конкурсах на лучшую студенческую работу по общественным наукам².

² «История Вологодской городской комсомольской организации». Коллективная работа, руководитель зав. кафедрой истории КПСС доцент К. В. Некрасов. — В кн. «Сборник студенческих работ», вып. VII. Вологда, 1967; С. С. Дмитриев. Из истории Сокольского целлюлозно-бумажного комбината. — В кн.: «Сборник студенческих работ», вып. VIII. Вологда, 1968; С. М. Дубоносова. Из истории борьбы белозерских крестьян в годы первой русской революции. — В кн.: «Сборник студенческих работ», вып. X. Вологда, 1974. Обе работы выполнены под руководством доцента А. З. Цинмана.

Две-три лекции и несколько факультативных практических занятий дают возможность студентам первых курсов освоить методику решения простейших задач по метрологии и хронологии, ознакомиться с палеографией, с понятиями «археография», «музееведение». Так как на археологическую практику мы можем послать только две группы (по 25 человек каждая), то остальные 25 человек участвуют в музейно-археографической практике.

На третьем курсе, изучая вспомогательные исторические дисциплины, студенты расширяют и закрепляют полученные на первом курсе знания по этим предметам. Причем, на практических занятиях большое внимание уделяется решению задач (вычисление площадей земельных угодий по сведениям в источниках о количестве четей в одном поле, «а в дву по тому ж» и по данным сошно-вытного обложения; вычисление посевных площадей по данным о высеянном зерне в четвертях с учетом веса четверти как меры сыпучих тел в различные исторические периоды; оперирование с денежным счетом и решение задач на сопоставление цен с оплатой труда ремесленников и крестьян и величиной податей и повинностей и т. д.).

В конечном счете, на археографию и источниковедение на третьем курсе можно выделить 14—16 час. Это позволяет привести в систему их знания, полученные в ходе изучения основных курсов истории, и познакомиться с наиболее важными источниками, особенно массового порядка: писцовое делопроизводство XV—XVIII вв., источники ревизского учета, документы Генерального межевания, материалы губернаторской и земской статистики и др. Значительное внимание как на этих занятиях, так и при изучении историографии истории СССР уделяется ленинским методам и приемам работы со статистическими материалами, а также источникам советского периода.

На изучение палеографии на третьем курсе, с учетом работы в первом году обучения, удается отвести 4 часа лекционных и 6 час. консультационных вне расписания. Так как в каждой группе бывают студенты, уже с первого года занимающиеся в кружке «Архивариус» и участвующие в археографических экспедициях, то они являются помощниками преподавателя и консультантами студентов, что ускоряет процесс обучения навыкам чтения палеографического текста. За месяц студенты вполне сносно овладевают умением читать документы, написанные скорописью XVI—XVIII вв., а некоторые принимают участие и в подготовке источников по истории края к публикации. Например, студенты Д. Д. Баданин, Н. В. Гуслистов, Т. В. Доватор, В. В. Казаков, К. П. Маркова, В. А. Попов и другие подготовили к печати уникальный документ — Платежную книгу Каргопольского уезда 1555—1556 г.³; Н. И. Баландин и В. П. Червяков — Переписную книгу Устюжны-Железопольской 1713 г.⁴; А. В. Камкин — половничьи порядные; Г. В. Бакина, А. С. Лукинов, В. П. Червяков — статью о Тотемском уезде XVII в., написанную по материалам писцовых и переписных книг; Л. С. Сидорова и Т. К. Егорова — статью о движении населения Важского уезда в первой четверти XVIII в., используя для нее переписную книгу⁵. Опубликована писцовая книга Кеврольского стана 1623 г. с общим анализом статистических данных этого документа по всему уезду⁶. Выпускники 1973 г. Ю. Н. Борисов, В. Н. Жандаров, Н. Г. Иванова,

³ Платежная книга Каргопольского уезда 1555—1556 гг. — «Северный Археографический сборник», вып. 2. Вологда, 1972, стр. 259—290.

⁴ Переписная книга Устюжны-Железопольской 1713 г. — «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. 3. Вологда, 1970, стр. 196—256.

⁵ А. В. Камкин. Порядные крестьян-половников поморских уездов XVI—XIX вв. — «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. 3, стр. 100—107; статьи Г. Бакиной и других в «Сборнике студенческих работ», вып. VIII, стр. 20—27, 28—38.

⁶ «Сборник студенческих работ», вып. X, стр. 57—84. (Подготовили к печати: А. Г. Быков, Н. В. Котельников, В. М. Нелаева, А. В. Патралов, В. Г. Петрачкова, А. Г. Рубцова, А. М. Туркина).

В. А. Попов и другие полностью подготовили к печати Экономические примечания к Генеральному межеванию Тотемского уезда и опубликовали материал по Околотородной волости этого уезда⁷. Ныне изучающие археографию и палеографию готовят к печати дозорную книгу Тотемского уезда 1619 г.

Работая с актовыми материалами и публикациями первых лет Советской власти, большая группа студентов приступила к написанию летописей социалистических преобразований в районах области⁸. Более 40 студентов приняли участие в собирании таких источников, как письма с фронтов Великой Отечественной войны, привлечены к работе с районными газетами как источниками, отразившими героизм советского народа на фронте и в тылу в 1941—1945 гг.⁹

Таким образом, можно сказать, что изучение вспомогательных исторических дисциплин предусматривает и большую учебную, и научно-исследовательскую работу студентов. Такая организация занятий и научной деятельности студентов подкрепляется наличием в кабинете истории СССР значительного фонда фотокопий, микрофильмированных, машинописных и рукописных копий с документов из центральных и местных архивов. При этом для изготовления копий отбираются еще не публиковавшиеся и не вводившиеся в научный оборот документы, главным образом относящиеся к истории Европейского Севера. Это не может не вызывать интереса к ним у студентов, в абсолютном большинстве являющихся воложанами, любящими свой край.

Многолетний опыт преподавания археографии и палеографии дает основание утверждать, что применение приема с идентичными палеографическим и переводным с него текстами ускоряет процесс обучения. Методика проста, но эффективна. Как уже выше отмечалось, предусматривается чтение лекций, в ходе которых преподаватель использует изготовленные большие таблицы с различными вариантами букв и палеографических текстов, использует имеющийся раздаточный материал. После знакомства с особенностями уставного, полууставного и скорописного письма организуется практические занятия с заранее на каждого студента подготовленными идентичными текстами.

Под руководством преподавателя студенты сопоставляют оба текста, каждое слово, каждую букву. После этого они читают и переводят палеографический текст, взаимно проверяя по имеющейся транскрипции. Затем каждый студент получает фотокопии одного-двух листов скорописи с транскрипцией для самостоятельной работы на практических занятиях и дома. После контрольной работы уже без переводного текста они выполняют зачетную работу. Каждый получает 10—15 листов (в зависимости от объема документа и числа студентов) фотокопий палеографического текста нового документа с заданием транскрибировать его в соответствии с принятыми сейчас требованиями. После проверки преподавателем палеографический текст и транскрипция используются как раздаточный материал для работы со студентами последующих годов обучения. Если появляется возможность подготовленный материал опубликовать, тогда из числа сту-

⁷ «Материалы и методические рекомендации по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам». Вологда, 1973.

⁸ «Летопись социалистических преобразований Кубеноозерья». Подготовил к печати Н. Д. Соколов в сб.: «Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни». Вологда, 1973, стр. 209—229. Готовится специальный сборник студенческих работ по этой проблематике.

⁹ Собранные студентами материалы использованы в подготовленном к печати «Северном Археографическом сборнике», вып. IV, посвященном письмам с фронта. Конечно, студенты и ранее участвовали в публикациях интересных материалов из истории края. (См. перечень работ в сб.: «Вопросы школьно-вузовского краеведения». Вологда, 1970, стр. 17—21). В статье говорится в основном о тех студенческих работах, которые подготовлены в ходе изучения специальных и вспомогательных исторических дисциплин в 1967—1975 гг.

дентов избирается редакционная группа, которая и готовит его к печати с источниковедческим и археографическим анализом.

В кабинете истории СССР хранятся фотокопии с 12 писцовых и переписных книг XVII — начала XVIII в., с материалов Генерального межевания трех северных уездов, переписи нескольких волостей Архангельской губернии 1785 г., а также микрофильмированные копии с различных писцовых книг и актов общим объемом более 10 тыс. кадров. Имеются также машинописные и рукописные копии.

Знание археографии и палеографии дает возможность студентам писать и защищать интересные дипломные работы.

Кафедра обсудила накопившийся опыт работы со студентами стационара и наметила меры по улучшению преподавания вспомогательных исторических дисциплин и на заочном отделении. Первые шаги в этом направлении обнадеживают.

Таким образом, в педагогических институтах, работающих по аналогичному учебному плану, при всех трудностях имеются возможности готовить студентов к более квалифицированному руководству краеведческой работой в школе, вооружать их элементарными знаниями и практическим умением использовать в своей работе археографию, палеографию, историческую метрологию и хронологию, топонимику и другие вспомогательные исторические дисциплины.

К 75-летию В. И. Шункова

29 апреля состоялось совместное заседание Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии АН СССР, посвященное 75-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова (1900—1967).

Заседание открыл академик *Б. А. Рыбаков*, который в своем вступительном слове сказал: «Мы собрались сегодня, чтобы отметить 75-летие со дня рождения Виктора Ивановича Шункова. Когда он скончался, это была большая потеря для всех нас. Когда Виктор Иванович только что ушел от нас, мы еще не осознали всю силу этой потери. Прошло 8 лет, и каждый раз, когда надо что-то сделать, мы вспоминаем о нем: «Ах, если бы был Виктор Иванович Шунков!».

Время дает нам почувствовать всю глубину нашей утраты. Виктор Иванович был человеком очень глубоким, с разносторонними интересами и вместе с тем был крупным организатором науки. Он умел нести тяжкое бремя тех тяжелых обязанностей, которые лежали на нем. Мы ощущаем не только потерю ученого и не всегда находим замену Виктору Ивановичу в той или иной области, в которых он нес свои обязанности ученого и гражданина. Вечная память ему».

По просьбе председателя заседания присутствующие почтили память В. И. Шункова минутой молчания.

В. А. Александров

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ШУНКОВ

Десять лет тому назад, в 1967 г., советская историческая наука потеряла ученого, имя которого в сибиреведении олицетворяет новый творческий подход к направлению научных исследований. За эти годы коллеги и ученики Виктора Ивановича Шункова почтили его память многими публикациями и подробно охарактеризовали его примечательную деятельность на научном, научно-организационном и педагогическом поприще, деятельность, начавшуюся в 20-х годах и продолжавшуюся более 40 лет¹. Тематическое разнообразие этих публикаций весьма показательно. В них отразилась оценка современниками научного наследия В. И. Шункова, по объему относительно небольшого для такого крупного ученого, но емкого по глубине содержания и направленности, в равной степени ценного для сибиреведа и для историка-аграрника. Это наследие имеет существенное значение для разных отраслей исторической науки, в частности, источниковедения, исторической географии и демографии.

Отчетливое представление о творчестве В. И. Шункова создает недавно выпущенная книга, содержащая значительную часть его научных трудов². Этот том является не только данью памяти ученого, но и историографическим памятником тому, что он внес в отечественную науку. «Вопросы аграрной истории России» содержат исследования по проблемам сибиреведения, выступления по общим проблемам истории, а также историографические очерки, отзывы и рецензии на ряд фундаментальных исследований советских ученых. Предполагающееся также переиздание книги В. И. Шункова «Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век» в свою очередь продолжит установившуюся традицию увековечения памяти видных представителей научной мысли. Дальнейшая разработка сохранившихся в личном архиве В. И. Шункова материалов, в том числе его лекционных курсов, прочитанных в разных высших учебных заведениях, даст дополнительную возможность характеризовать его методы научного исследования и направленность теоретических обобщений.

Имя В. И. Шункова прежде всего связано с сибиреведением. Именно В. И. Шункову, вслед за С. В. Бахрушиным, принадлежит честь завершения критического пересмотра наследия дворянской и буржуазной отечественной научной мысли и преодоления устоявшихся традиционных взглядов на процесс присоединения Сибири к России и на ее хозяйственно-экономическое освоение русскими. В своих основных исследованиях В. И. Шунков доказал подлинно народный характер заселения русскими сибирских просторов и определяющее значение принесенного ими пашен-

¹ «Виктор Иванович Шунков». М., 1971, стр. 26—30; «Русское население Поморья и Сибири». М., 1973.

² В. И. Шунков. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.

ного земледелия, ставшего в Сибири основной отраслью производства, для дальнейшего развития ее производительных сил.

Каждое научное открытие имеет свою историю. Открытия В. И. Шункова в сибиреведении растянулись почти на 40 лет. Конкретно судить об их истории можно по опубликованным трудам В. И. Шункова в «Вопросах аграрной истории России», по книге «Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в.» и главам во II томе коллективной обобщающей «Истории Сибири». Труды В. И. Шункова в области сибиреведения дают пример последовательности и целенаправленности в раскрытии новой проблемы.

Начало сибиреведческим исследованиям В. И. Шункова положила работа, успех которой, главным образом, заключался в том, что она натолкнула ученого на верный путь в определении основной задачи проблемы. Речь идет о докладах В. И. Шункова, составленных им в процессе аспирантских занятий, — «Пашенное дело в Сибири в XVIII столетии» и «Пашня на Камчатке в XVIII в.» Можно полагать, что хронологически тематика этих докладов была определена научным руководителем В. И. Шункова С. В. Бахрушиным, который, судя по его работам, в 20-х годах вряд ли предполагал о существенном развитии земледелия в Сибири в XVII в. В конце 1927 г. В. И. Шунков завершил свое первое исследование, которое увидело свет в 1929 г. под названием «К истории крестьян Сибири в XVIII в. (крестьяне Тобольского уезда в начале XVIII в.)».

На примере наиболее населенного западносибирского уезда — Тобольского — В. И. Шунков поставил перед собой внешне довольно скромную задачу — рассмотреть вопрос о том, в какой степени к началу XVIII в. сохранялась в Сибири нужда в хлебе и как сильно и в какой форме в связи с этим тобольские крестьяне были охвачены повинностью по обработке «государевой» пашни³. В. И. Шунков заключил, что в Сибири все еще ощущался недостаток в хлебе, а это в свою очередь «влекло натуральное обложение, охватывавшее большую часть крестьянского населения и бывшее одной из самых тяжелых крестьянских повинностей»⁴. Тем самым В. И. Шунков нашел подход к пониманию феодальной сущности социального строя сибирской деревни и заложил основу критики областнических взглядов об «особом» пути развития Сибири после ее присоединения к России. Но и помимо этого В. И. Шунков высказал ряд не менее существенных наблюдений, развитых им впоследствии. К их числу необходимо отнести выводы о возникновении сибирского хлебопашества на протяжении XVII в., о численном преобладании в Тобольском уезде в начале XVIII в. крестьянства, создавшего хлебопроизводящее хозяйство, о неоднородности состава этого крестьянства (государственные, монастырские и митрополичьи), о существовании разных форм феодальной ренты и «исключительном значении» натуральной отработочной повинности⁵.

К этим выводам В. И. Шунков мог прийти в результате привлечения новых типов архивной документации и обработки массового, содержащегося в ней статистического материала. Овладеть таким материалом и проанализировать его мог ученый, умевший видеть потенциальные возможности источников и владевший высокой техникой источниковедческого анализа. Имея в виду эту общую особенность трудов В. И. Шункова, справедливо писала Е. И. Индова: «Виктору Ивановичу удалось для XVII в. — времени, отличающегося отсутствием какой бы то ни было готовой статистики, создать убедительные статистические выкладки»⁶. Для своей первой работы В. И. Шунков привлек официальную документацию, содержащую данные о потребности хлеба на казенные нужды и о выдаче

³ Там же, стр. 3, 4.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 1, 12—15, 17, 21.

⁶ Е. И. Индова. В. И. Шунков — историк-аграрник. — «Археографический ежегодник за 1967 г.». М., 1969, стр. 351.

жалованья натурой — хлебом служилым людям (так называемые сметные списки и окладные книги), поименные списки крестьян по каждому селению с указанием объема выполняемой ими натуральной пошлинной повинности (крестьянские «книги»), а также данные переписи 1740 г.

С. В. Бахрушин, не имевший обыкновения захваливать своих учеников и вообще сдержанный в своих положительных отзывах, высоко оценил исследование В. И. Шункова как по существу выводов и методике, так и по результативности архивных разысканий.

Эта работа В. И. Шункова имела особое значение в определении перспективности всего его дальнейшего творчества. Она показала, что основы сибирского «пашенного дела» русскими переселенцами были заложены в XVII в.; тем самым было обусловлено исключительное внимание В. И. Шункова именно этому времени. Результатом десятилетнего труда явилась диссертация В. И. Шункова «К истории крестьян Западной Сибири в XVII и начале XVIII в.», защищенная в начале 1940 г. и изданная уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., под названием «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в.». В этом исследовании на материале, относящемся не к одному уезду, а ко всей Западной Сибири, В. И. Шунков не только обосновал свои первоначальные выводы, сделанные в 20-х годах, но и последовательно развил тематику проблемы сибирской крестьянской колонизации. Исчерпывающий статистический материал неоспоримо приводил к мысли о решающем значении в колонизации сибирских земель стихийного потока переселенцев и преобладании среди них крестьянства. Этот вывод позволил В. И. Шункову четко сформулировать проблему: «Без изучения процесса образования крестьянского населения, без изучения характера и условий его деятельности нельзя правильно разрешить вопрос о значении русской колонизации для развития производительных сил Сибири, нельзя правильно осветить ее прошлое как составной части Русского государства»⁷. Проблему В. И. Шунков стремился в своей книге разрешить многопланово — процесс колонизации рассматривать в органической связи с общими для всего государства социально-экономическими явлениями, а становление и развитие сибирского пашенного земледелия не отрывать от уровня полеводства и агротехники, характерных для европейской части страны, В. И. Шункову удалось проследить правительственную политику по отношению к колонизационному движению и заинтересованность государства в создании местной, сибирской сельскохозяйственной базы. Не менее принципиально важен был осуществленный В. И. Шунковым пересмотр довольно стойко удерживавшихся в литературе взглядов о том, что присоединение Сибири к России имело отрицательное значение для коренного населения и его хозяйства. В. И. Шунков доказал отсутствие хозяйственного и социального антагонизма между русскими крестьянами и ясачными людьми, поставленными царским правительством в одинаковое положение тягловцев; его же вывод о чересполосном расселении тех и других создавал перспективу для изучения сложнейшего вопроса о хозяйственно-культурных и социальных контактах между ними.

Анализируя процесс создания русскими пашенного земледелия, В. И. Шунков впервые уделил много внимания хозяйственным традициям, приносимым русскими крестьянами и отражавшимся, порой под влиянием местных условий в трансформированном виде, в землепользовании, приемах полеводства, культивировании сельскохозяйственных культур. В результате создавалось представление об органической преемственности центрально-русского и сибирского земледелия, о специфике последнего и, наконец, о его результативности. В. И. Шунков исчерпывающе доказал, что в 80-х годах XVII в. сельское хозяйство Западной Сибири достигло

⁷ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 27.

такого уровня, при котором местные потребности в хлебе в целом полностью обеспечивались.

Последовательно продолжал В. И. Шунков и разработку вопроса о сущности общественных отношений, устанавливавшихся в сибирской деревне. В трудах В. И. Шункова этот вопрос впервые был, в принципе, поставлен правильно. Изучение организации государственной десятинной пашни было одной из наиболее сильных сторон исследований В. И. Шункова; именно при таком подходе становилось возможным наиболее убедительно обосновать существование в Сибири системы «государственного феодализма». В. И. Шунков, развивая положение о том, что «государева» пашня была основной повинностью сибирского крестьянства, в своей книге уделил немало внимания и организации аппарата принуждения.

Еще через десять лет, в 1956 г., В. И. Шунков в своей новой книге «Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век» дал уже обобщающую картину распространения земледелия во всей Сибири, от Зауралья до берегов Амура. Подробная характеристика пяти основных районов сибирского земледелия — Верхотурско-Тобольского, Томско-Кузнецкого, Енисейского, Ленского и Забайкальско-Приамурского — впервые создавала обобщающее, очень конкретное впечатление не только о результатах освоения русскими сибирских земель, но и о процессе их заселения; коль скоро основная масса переселенцев сосредоточивалась именно в этих районах и преимущественно занималась земледелием, то какая-либо дискуссия о результатах присоединения Сибири к России и характере ее освоения становилась беспочвенной. Анализ географического размещения сибирского пашенного земледелия, его техники и систем, определение пахотных площадей в отдельных районах и динамики их развития — все это позволяло судить об уровне земледельческого производства, о возможностях его прогресса в условиях феодального времени и перспективах в дальнейшем.

Сопоставляя порайонно продуктивность земледелия и потребности населения, на большом фактическом материале В. И. Шунков показал также процесс создания сибирского хлебного рынка, имевшего огромное значение для развития экономики Сибири в целом.

Так, последовательно от отдельного вопроса о потребности Сибири в хлебе к началу XVIII в. и выявления основной государственной повинности, которую несли сибирские крестьяне, обрабатывая «государеву» пашню, В. И. Шунков пришел к обоснованию целой исторической схемы возникновения и развития сибирского земледелия и на ее основе — к важнейшим выводам о присоединении Сибири к России и ее освоении, о своеобразии развития сибирской окраины и вместе с тем об органической связи общественных и хозяйственных явлений в Сибири с аналогичными общерусскими явлениями. Эта точка зрения стала основой при создании коллективного обобщающего труда «История Сибири», а главы, написанные В. И. Шунковым для II тома этого труда, составили стержень всего тома.

Сибиреведческая тематика дала В. И. Шункову богатую возможность для подхода к широким общетеоретическим обобщениям. Для В. И. Шункова как ученого показательно, что он счел для себя возможным такие обобщения делать лишь на последнем этапе своего творческого пути. Противник не подтвержденных конкретным материалом социологических построений, В. И. Шунков опирался прежде всего на твердо доказанный исторический факт.

В основном его теоретическая мысль концентрировалась на проблемах генезиса феодальных, а отчасти и капиталистических отношений в России. В одном своем публичном выступлении он четко сформулировал свое понимание процесса познания социально-экономической формации — ее зарождение, функционирование и переход в высшую форму⁸. Очень ярко

⁸ Там же, стр. 265, 266.

интерес к вопросу о зарождении феодализма у коренных народов Сибири отразился в вышедшей уже после смерти В. И. Шункова статье «Генезис феодальных отношений в Сибири»⁹. В другой своей статье, «Основные проблемы изучения Сибири», написанной во время активной подготовки к созданию коллективной пятитомной «Истории Сибири», В. И. Шунков последовательно проводил мысль о существовании для теоретического осмысления общероссийской истории сибирского материала, отражавшего эпоху позднего русского феодализма и зарождения и развития капитализма¹⁰. В статье «Некоторые проблемы истории Сибири», также отражавшей теоретическую работу по подготовке пятитомной «Истории Сибири», В. И. Шунков оттенял другую сторону сложной задачи по раскрытию закономерностей общественного развития; отрицая существование «особого сибирского феодализма или особого сибирского капитализма, ни тем более особого сибирского плана построения социализма», В. И. Шунков писал о необходимости показать, «как отражались в сибирской действительности общерусские явления, как вовлекалась Сибирь в общерусские процессы»¹¹. Общие проблемы развития производительных сил и характера производственных отношений в России были обобщены В. И. Шунковым в выступлениях на X международном конгрессе историков в Риме — «Сельское хозяйство России XVII—XVIII вв.» и «Крепостное право в России»¹² и отразились в выступлении на II сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы¹³. В этих выступлениях, связанных между собой общностью аграрной тематики, четко проявлялось стремление В. И. Шункова скрупулезно уловить взаимосвязь многообразных явлений, обуславливавших последовательность исторического процесса в России. Это стремление пронизывало и научно-организационную деятельность В. И. Шункова, в частности и как руководителя Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства. Ему принадлежит мысль о необходимости изучения в историческом аспекте положительного сельскохозяйственного опыта крестьянства в разных почвенно-климатических зонах нашей страны; он считал необходимым создать многотомную историю крестьянства и тем самым обобщить итоги исследований по одному из основных направлений советской исторической науки.

Смерть В. И. Шункова оборвала эти большие замыслы.

⁹ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 238—253.

¹⁰ Там же, стр. 203, 204.

¹¹ Там же, стр. 226.

¹² Там же, стр. 254—258.

¹³ Там же, стр. 262—264.

Е. Н. Кушева

О РАБОТЕ В. И. ШУНКОВА
ПО ПОДГОТОВКЕ ИЗДАНИЯ КАБАЛЬНЫХ КНИГ
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII В.
И ЗАПИСНЫХ КНИГ СТАРЫХ КРЕПОСТЕЙ 1597—1598 ГГ.

Одна из больших тем истории феодализма в России — история холопства и его места в процессе социально-экономического развития. В последние десятилетия изучению холопства на Руси был посвящен ряд монографий и специальных статей¹, ему уделяется большое внимание в трудах более общего характера². Однако изучение сложной многовековой истории холопства, особенно XVII в., необходимо продолжить. Это заставляет вспомнить о большой работе, проведенной в 30-е годы Виктором Ивановичем Шунковым, которая остается неопубликованной³.

В 1934 г. в Московской группе Историко-археографического института Академии наук СССР была образована бригада для подготовки многотомной публикации о ремесле и формах найма в Московском государстве XVII в. С созданием в 1936 г. Института истории АН СССР в Москве бригада продолжала работу в Археографическом секторе этого института. Бригаду возглавлял А. Н. Сперанский, в нее входили Н. В. Устюгов, В. И. Шунков, Н. Г. Бережков и на начальном этапе А. Н. Штраух⁴. В ходе работы название темы менялось и уточнялось: «История наемного и ремесленного труда в XVII в.», «История форм труда в Московском государстве» и др.

К 1938 г. был готов I том публикации в трех выпусках, машинописный вариант которого хранится в Рукописном отделе Института истории СССР АН СССР⁵. Но издание его не было осуществлено, так как Великая Оте-

¹ Их перечень см. в исследовании: В. М. Панеях. Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975, стр. 3 и др., которое является последней по времени выхода книгой о холопстве.

² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во 2-й половине XVI в. М., 1970; он же. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; Я. Е. Водарский. Население России в конце XVII—начале XVIII в. Автореферат докт. диссертации. М., 1975, стр. 9, 12, 15, 30; он же. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.) М., 1973, стр. 30, 44; он же. К вопросу о холопах в России по переписи 1678 г.— «Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Сессия XI. Тезисы докладов и сообщений», ч. 1. М., 1969. Участие холопов в классовой борьбе отражено в публикациях, монографиях и статьях о крестьянских войнах в России XVII в.

³ Выявление материалов, относящихся к этой работе В. И. Шункова, проведено сотрудником Археографической комиссии В. Ю. Афиани. Результаты его разысканий отражены в тексте настоящей статьи.

⁴ М. Б. Булгаков. Обзор фонда А. Н. Сперанского.— «Археографический ежегодник за 1969 г.» М., 1971, стр. 287.

⁵ Рукописный отдел Института истории СССР АН СССР, шифр А, р. 1, оп. 2, № 40—46, 53/1—IV. Ход работы бригады отражен в личном фонде А. Н. Сперанского (см. указ. статью М. Б. Булгакова). Эта ценная публикация заслуживает специального обзора. С ее подготовкой связана работа Л. В. Черепнина «Библиографический указатель печатных актов по истории ремесла в XVI—XVII вв.» Машинопись второго тома указателя хранится там же, № 52. Машинопись первого тома в фонде отсутствует.

чественная война прервала деятельность Института истории по публикации источников.

Раздел I тома, посвященный западным посадам — В. Новгороду, Пскову, Вязьме, Лукам Великим, Невлю, Опочке и Старой Русе, — был подготовлен В. И. Шунковым⁶. С работой по этой публикации связана статья Виктора Ивановича «Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг.», вышедшая в свет в 1939 г.⁷

Подготовка сборника документов о ремесле и формах труда в XVII в. потребовала от членов бригады широкого ознакомления с фондами ГАФКЭ (Государственного архива феодально-крепостнической эпохи, теперь ЦГАДА). Разыскания материалов по Новгороду и Пскову и их пригородам побудили В. И. Шункова заняться выявлением такого массового источника, как кабальные книги, и поставить вопрос о необходимости их публикации. Работа над кабальными книгами была поручена Виктору Ивановичу как специальная тема⁸. Он вел ее параллельно с подготовкой к печати документов о ремесле и формах найма. Результатом напряженнейшего труда был I том публикации новгородских кабальных книг, законченный также в 1938 г. В него вошли и некоторые записные книги старых крепостей, составление которых было предписано уложением 1597 г.

Личное дело В. И. Шункова в Читальном зале ЦГАДА⁹ и документы его фонда в Архиве АН СССР в Москве¹⁰ дают представление о приемах работы Виктора Ивановича над кабальными книгами и об ее объеме.

Первое издание новгородских книг с записями старых крепостей появилось еще в 1855 г., за ним последовал ряд публикаций книг такого же типа и кабальных, последнее, дореволюционное, — перед первой мировой войной в 1912 г.¹¹ Как писал Шунков в предисловии к своему неизданному труду, это были издания новгородских записных крепостных и кабальных книг или их частей и даже отрывков, которые еще в XIX в. отбились от основного фонда Новгородской приказной палаты и оказались в частных собраниях. Исключением было осуществленное в 1898 г. А. С. Лаппо-Данилевским издание части записной новгородской книги старых крепостей 7106 г. из Московского архива министерства юстиции (МАМЮ). Но тогда это была случайная находка А. Н. Зерцалова, сотрудника МАМЮ, и книга была опубликована без шифра¹². В XIX в. стали известны и три кабальные книги из фонда боярских и городских книг Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГА МИД) — две (в списках) по В. Новгороду и пятинам 1646—1650 гг. (во второй находятся, также в списках, и кабальные книги Порховской приказной избы 1629—1648 гг.) и одна по Нижнему Новгороду 1686—1687 гг.¹³, которыми

⁶ Рукописный отдел Института истории СССР АН СССР, ф. А, р. 1, оп. 2, № 41, 224 маш. стр., с поправками чернилами почерком В. И. Шункова.

⁷ «Исторические записки», 1939, т. 5, стр. 102—117. О ней см.: С. О. Шмидт. Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности [В. И. Шункова] в изд. «Виктор Иванович Шунков». М., 1971 — Академия наук СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 10, стр. 12—13.

⁸ Рукописный отдел Института истории СССР АН СССР, ф. А, р. 1, оп. 2, № 40. Археографическое введение к I тому сборника документов о ремесле и формах найма, стр. 8—9.

⁹ ЦГАДА, Читальный зал, оп. 2, № 212.

¹⁰ Архив АН СССР в Москве, ф. 1555, оп. 1, № 108, 109; Н. Г. Михайлова. Обзор документальных материалов фонда В. И. Шункова. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 320; С. О. Шмидт. В. И. Шунков — источниковед и археограф. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 360—361.

¹¹ Их полный перечень см. в названной выше монографии В. М. Панеяха, стр. 262—265 и в предисловии к публикации В. И. Шункова, стр. 11—15.

¹² РИБ, т. XVII. СПб., 1898, стр. 1.

¹³ Теперь в ЦГАДА, ф. 137, Боярские и городские книги, № 35, 36 и 41; «Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1495—1718 гг.». М., 1972, стр. 106, 113—114.

пользовались в своих исследованиях И. Д. Беляев, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский.

Д. Я. Самоквасов, издавая в 1905—1909 гг. два тома «Новооткрытых документов поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий»¹⁴, очевидно, не знал о всех богатствах фонда Новгородской приказной палаты, находившихся в возглавлявшемся им МАМЮ. Лишь в 1912 г. были обнаружены в архиве 13 новгородских книг-сборников, содержащих кабальные книги и записные книги старых крепостей. Как позже писал А. И. Яковлев, они находились среди бумаг фонда Новгородского уездного суда¹⁵.

В ноябре-декабре 1913 г. С. Ф. Платонов, на заседании Археографической комиссии в Петербурге, сообщил о предложении А. И. Яковлева напечатать в изданиях Комиссии найденные им в МАМЮ 13 «новгородских кабальных книг 1592—1608 гг.»¹⁶ Откликаясь на просьбу комиссии ознакомить ее членов с этими книгами, А. И. Яковлев на заседании Комиссии 14 января 1914 г. «изложил план издания» кабальных книг, «причем выразил пожелание, чтобы Комиссия разрешила сокращать текст однородных записей со ссылками на образцы, которые будут напечатаны полностью». Комиссия приняла предложение А. И. Яковлева и просила его представить «доклад о тех сокращениях, которые он полагает ввести при издании текста книг»¹⁷.

В напечатанных извлечениях из протоколов заседаний Комиссии за последующие годы нет сведений о том, что А. И. Яковлев такой доклад представил. Как позже писал В. И. Шунков, «нет сомнения, что сокращенное издание требует большого напряжения от составителя»¹⁸. Между тем А. И. Яковлеву уже в 1914 г. представилась возможность начать издание новгородских кабальных книг в Московской синодальной типографии¹⁹. Очевидно, это побудило его отказаться от замысла сокращенного издания и начать печатать святые в МАМЮ копии нескольких книг. Как известно, из-за ряда затруднений 1-й том задуманной Яковлевым публикации появился только в 1938 г. Из 13 известных А. И. Яковлеву книг (т. е. переплетов) здесь были напечатаны четыре, включавшие наиболее ранние из сохранившихся книг по Новгороду и пятинам за 1591—1596 гг. и за голодные 1602—1603 гг., всего 33 кабальные книги²⁰.

Таково было положение с изданием новгородских кабальных и записных крепостных книг к середине 30-х годов, когда Шунков начал работу над ними в ГАФКЭ. Прежде всего им были изучены книги фонда боярских и городских книг, поступившие в ГАФКЭ из МГА МИД, затем он перешел к книгам, выявленным в архиве еще в 1912 г. и известным А. И. Яковлеву. В 1936—1937 гг. в ГАФКЭ велась работа по описанию оставшихся не разобранными фондов, определенная как «ведущая задача»²¹. Был выделен фонд Новгородской приказной палаты (теперь ЦГАДА, ф. 1144), а в составленную в 1937 г. опись было включено более 150 номеров новгородских книг-переплетов разнообразного содержания, в том числе кабальных книг, записных книг старых крепостей на людей и крестьянских порядных. Нумерация их сначала продолжала нумерацию

¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1. М., 1905; т. II. М., 1909.

¹⁵ «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг. (1591—1596 и 1602—1603 гг.)». Под ред. А. И. Яковлева. М.—Л., 1938 (далее — НЗКК), стр. III.

¹⁶ Название всех обнаруженных книг «кабальными» было неточно, так как среди них были и книги записей старых крепостей.

¹⁷ «Извлечения из протоколов заседаний Археографической комиссии», № 582, 583, 584, 585.— «Летопись занятий Археографической комиссии» (далее — ЛЗАК), вып. 26. СПб., 1914, стр. 44, 53; вып. 27. Пг., 1915, стр. 3—4, 12.

¹⁸ В. И. Шунков. [рецензия на НЗКК] — «Историк-марксист», 1939, № 2, стр. 160.

¹⁹ ЛЗАК, вып. 28. Пг., 1916, 592-е заседание 20 января 1915 г.

²⁰ НЗКК.

²¹ А. Бирзе. Государственный архив феодально-крепостнической эпохи к 20-летию Ленинского декрета.— «Архивное дело», 1938, № 3 (47), стр. 107.

выявленных в 1912 г. книг, затем была заменена новой, которая значится сейчас в ЦГАДА как нумерация 1937 г.²²

Осуществлявшийся В. И. Шунковым просмотр новгородских кабальных книг шел параллельно с работой сотрудников архива по разбору книг фонда Новгородской приказной палаты, возможно, его поиски эту работу подталкивали, а в какой-то степени и опережали. Им было обследовано более 40 новгородских книг (одна из них включала и кабальные порховские книги), которые в его записях частично не имеют номеров фонда, а значатся с шифрами по вязкам — очевидно, шифрами еще XIX в.

Каждая книга просматривалась В. И. Шунковым полистно; для каждой он составлял подробное описание, сопровождая просмотр записями наблюдений. Сохранившийся в личном архиве Шункова «полуперечень-полуописание» обследованных книг — результат большой источниковедческой работы²³.

Вслед за работой по новгородским и порховским кабальным книгам и записным книгам старых крепостей В. И. Шунков перешел к книгам по Пскову. Они поступили из Пскова в архив Петербургской вотчинной конторы, затем в Петербургский архив старых дел еще в XVIII в., а в 1834 г. были пересланы в Москву в Вотчинный архив, влившийся в 50-е годы XIX в. в МАМЮ, где значились как книги Вотчинной конторы (т. е. Петербургской вотчинной конторы) по Пскову²⁴. В настоящее время псковские книги записей служилых кабал и крестьянских порядных находятся в ЦГАДА в фонде Поместного приказа²⁵. В дореволюционное время к ним обращался ряд исследователей: А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, Д. Я. Самоквасов, Н. С. Суворов, Т. Н. Оберучева-Анциферова²⁶. В 10-е годы XX в., при управляющем МАМЮ Д. В. Цветаеве, предполагалось издание сохранившихся с 1618 г. до конца XVII в. псковских книг с записями крестьянских и бобыльских порядных и служилых кабал, не состоявшееся из-за начала первой мировой войны²⁷.

²² ЦГАДА, ф. 1144 Новгородской приказной палаты, оп. 1, таблица сопоставления нескольких сменявшихся нумераций книг: первичной нумерации по вязкам, нумерации, принятой А. И. Яковлевым, нумерации 1937 и 50-х годов.

²³ С. О. Шмидт. В. И. Шунков — источниковед и археограф, стр. 360.

²⁴ М. Ключков. С.-Петербургский государственный архив старых дел. — ЖМНП, 1913, октябрь, стр. 107, 120; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1. М., 1905, стр. I—XXII.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1209 Поместного приказа. Еще в 30-е годы XIX в. делам и книгам Вотчинной конторы по Пскову были составлены реестры в пяти томах, которые входят сейчас в состав описей дел и книг Поместного приказа. Описи № 300, 304, 305 и 306 содержат указания на книги записей служилых кабал и крестьянских порядных по Пскову и Опочке — ЦГАДА, Указатель описей комплекса «Вотчинная (пб.) контора». II—III, 1961 (машинопись).

²⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразования. СПб., 1890, стр. 133—134; *он же*. Служилые кабалы позднейшего типа. Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 720, 727, 729, 733; М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения Московского государства, вып. 1. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895, стр. V—VIII и др.; вып. II. Грамоты и записи. Юрьев, 1897; *он же*. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 84—85, 134—137, 140—141 и др.; *он же*. К вопросу о крестьянской порядной грамоте и служилой кабале. Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 324; Н. С. Суворов. Псковское церковное и монастырское землевладение в XVI—XVII вв. — ЖМНП, 1905, декабрь; 1906, май; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I и II. М., 1905, 1909; Т. Н. Оберучева-Анциферова. Жилые записи. — ЖМНП, 1917, февраль. Отдел науки, стр. 241 и др. М. А. Дьяконов отмечал большую помощь, оказанную ему в выявлении псковских книг сотрудником МАМЮ В. И. Холмогоровым.

²⁷ «Псков и его пригороды», кн. 1. — Сб. МАМЮ, т. V. М., 1913, предисловие Д. В. Цветаева, стр. I—VI; Д. В. Цветаев. Новые издания МАМЮ по псковским древностям. Псков, 1917; *он же*. Новые издания МАМЮ. — «Русский исторический журнал», кн. 1, 1917, стр. 156—158; Н. П. Чулков. Д. В. Цветаев. — «Архивное дело», вып. 1, 1923, стр. 152.

Имевшиеся в литературе ссылки были использованы В. И. Шунковым для изучения псковских кабальных книг²⁸. Им были описаны, также полностью, 19 переплетов. Общим итогом работы было выявление около 500 книг по Новгороду, Пскову, Порхову и Опочке, охватывающих период с 1591 по 1700 г.²⁹ Огромный объем выявленного материала и его высокая научная ценность побудили поставить вопрос о необходимости сокращенного издания кабальных книг и выработки приемов передачи текста книг. Подготовленный в 1938 г. том и был опытом такого издания.

В настоящее время машинопись тома оказалась поделенной между двумя хранилищами — Рукописным отделом Института истории СССР АН СССР (лл. 1—767; отсутствуют листы 243—291 и 672) и Архивом АН СССР в Москве (лл. 769—1082; отсутствуют лл. 785—837)³⁰. Содержание утраченных листов восстанавливается по предисловию к тому, где дано полное описание книг-переплетов, использованных в публикации³¹. В подготовленный В. И. Шунковым том вошли 24 книги по В. Новгороду и пятинам 1592—1609 гг. с 2401 записью служилых кабал и крепостей на людей, извлеченной из 9 книг-переплетов. Конечная грань объясняется тем, что с 1610 по 1620 г. в фонде Новгородской приказной палаты кабальные книги отсутствуют, что несомненно вызвано шведской оккупацией Новгорода. В. И. Шунков отобрал для публикации только неизданные новгородские книги за указанные годы. Во время работы В. И. Шункова НЗКК еще не вышли в свет, но содержание их было известно, и книги, изданные А. И. Яковлевым в 1938 г., не вошли в публикацию В. И. Шункова. В своей монографии 1975 г. В. М. Панеях дал «Список кабальных книг (В. Новгорода и пятин) 1591—1609 гг.» и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг.³² Сравнение содержания публикации В. И. Шункова с этим списком показывает, что Виктором Ивановичем были выявлены все неопубликованные книги 1592—1609 гг., известные В. М. Панеяху (за исключением находок 60-х годов).

Значение вошедших в том книг определяется прежде всего их хронологическими гранями — это книги периода, насыщенного событиями, — лет, предшествовавших крестьянской войне, тяжелых голодных лет начала XVII в., времени первой крестьянской войны и усиленной законодательной деятельности правительства по вопросам холопства.

В. И. Шунков включил в публикацию две группы книг различного назначения: 1) книги текущей регистрации служилых кабал, введенной, по-видимому, но не дошедшей до нас указу 1586 г., но сохранившиеся только с 1591 г., и 2) записные книги старых крепостей 1597—1598 гг., заведенные по уложению о холопстве от 1 февраля 1597 г., в которых наиболее ранние документы восходят к концу XV в.³³ Для текста актов

²⁸ По-видимому, В. И. Шунков не знал статьи Т. Н. Оберучевой-Анциферовой, что повело к пропуску книги ф. Поместного приказа № 17 279 (31/1119) — 1334 л.

²⁹ В. И. Шунков. Указ. рецензия, стр. 160. В предисловии к неизданной публикации В. И. Шунков называет 400 книг, очевидно, здесь он учитывает только кабальные книги и записные книги старых крепостей, в то время как в печатной рецензии также книги с записями крестьянских порядных и полонянничные.

³⁰ Рукописный отдел Института истории СССР АН СССР, шифр А, р. 1, оп. 2, № 54, 54а, 54б; Архив АН СССР, ф. 1555, оп. 1, № 109. В. М. Панеяху была известна только первая половина подготовленного В. И. Шунковым тома, поэтому его замечание о неполноте этой публикации неточно. В. М. Панеях. Холопство в XVI — начале XVII века, стр. 6, примеч. 9.

³¹ Утрачен текст трех книг из переплета № 13 (7 по нумерации 1958 г.): кабальной книги по Новгороду, 1 марта — 31 августа 1598 г. (лл. 1—32 об.), кабальной книги по Бежецкой пятине Тверской половины 1597/98 г. (лл. 86—166) и новгородской записной книги старых крепостей, служилых кабал на добровольных холопов и документально не оформленных старинных холопов, 18 июля — 31 августа 1598 г. (лл. 35—48, 51—79).

³² В. М. Панеях. Холопство в XVI — начале XVII в., стр. 262—265.

³³ В. М. Панеях предложил для новгородских книг 7106 г. более точную классификацию, выделив еще две группы («Холопство в XVI — начале XVII в., стр. 265) в со-

той и другой группы В. И. Шунков применил разные приемы передачи. Книги записи старых крепостей содержат разнообразные акты, формуляры которых различны; подготавливая к изданию оставшиеся неопубликованными книги этой группы, представляющие выдающийся научный интерес для изучения холопства XVI в., В. И. Шунков передавал их текст полностью. Для книг текущей регистрации служилых кабал им были выработаны приемы сокращенной передачи текста, обоснованные в предисловии: «Необходимым условием подобного сокращения было признано сочетание сокращения с возможностью для читателя на основе данного издания представить себе полный текст любой записи. Поэтому сокращению были подвергнуты лишь те части записей, которые являются полным повторением сведений, уже имеющих в других напечатанных частях. Все несовпадающие части записей опубликованы полностью. При каждом отдельном сокращении сделаны указания на характер той части записи, которая в данном случае опущена. Для этого начальная запись каждой книги, публикуемая всегда полностью, расчленена на составные ее части, из которой каждой дан порядковый номер. Во всех последующих записях вместо опускаемых частей дан в круглых скобках соответствующий порядковый номер с многоточием... Никакие сокращения не допускались в следующих частях записей: текст служилой кабалы, расспросные речи, приметы кабального человека»³⁴.

В ходе подготовки публикации А. Н. Сперанский и В. И. Шунков советовались с Б. Д. Грековым и С. Н. Валком и познакомили их с проектом сокращений. И Б. Д. Греков, и С. Н. Валк одобрили замысел сокращенного издания. Их соображения отражены в письме Б. Д. Грекова А. Н. Сперанскому от 26 мая 1936 г., где Б. Д. Греков передал в копии и мнение С. Н. Валка³⁵. Соглашаясь в основном с проектом, С. Н. Валк предложил некоторые изменения. Его предложение об исключении антропологических признаков закабляемых (с чем Б. Д. Греков согласился) не было принято В. И. Шунковым, что представляется правильным³⁶; соображения С. Н. Валка о нежелательности сводить в отдельные таблицы послухов и писцов были учтены.

Сокращенное издание кабальных книг было одобрено и С. Б. Веселовским, отзыв которого от 31 марта 1938 г. был рассмотрен в заседании Археографического совета Института истории АН СССР 7 апреля 1938 г.³⁷

Ценно предисловие В. И. Шункова к подготовленной публикации (32 стр.), в котором он изложил результаты своей работы в ГАФКЭ и источниковедческого исследования кабальных книг, дал перечни по годам выявленных им кабальных книг по Новгороду и Порхову, Пскову и Опочке, книг записи крестьянских порядных и полоняничных книг³⁸, обосновал необходимость сокращенного издания кабальных книг как массовых источников для изучения одной из форм феодальной зависимости и изложил приемы такого издания их текста. Предисловие дает перспективы дальнейших исследований и публикаций. Часть предисловия

ставе книги-переплета № 13/7, текст которой в машинописи публикации В. И. Шункова в настоящее время утрачен.

³⁴ В. И. Шунков. Указ. публикация. Предисловие, стр. 27—29. Надо заметить, что некоторые книги текущей регистрации, включенные в том, не имеют сокращений, что вызвано, по-видимому, их небольшим объемом.

³⁵ М. Б. Булгаков. Указ. статья, стр. 288—289. Здесь текст письма Б. Д. Грекова А. Н. Сперанскому воспроизведен полностью.

³⁶ И. И. Полосин. Древнерусский литературный портрет.— В кн.: «Социально-политические истории России XVI — нач. XVII в.» М., 1963.

³⁷ Архив АН СССР, ф. 1555, оп. 1, р. I, № 133 и р. III, № 291. Отзыв С. Б. Веселовского напечатан: С. О. Шмидт. В. И. Шунков — источниковед и археограф, стр. 361.

³⁸ Перечни по годам (с лакунами): кабальных книг для В. Новгорода и пятин — с 1591 по 1700 г., для Порхова — с 1622 по 1662 г., для Пскова — с 1618 по 1697 г., для Опочки — за 1657—1658 гг.; книг записей крестьянских порядных для Новгорода и Пскова — с 1626 г.; полоняничных новгородских книг — за 1656—1669 гг. и за 1677 г., стр. 13—17.

вошла в опубликованную в 1939 г. рецензию В. И. Шункова на НЗКК, названную С. О. Шмидтом рецензией-исследованием³⁹.

Подготовленная В. И. Шунковым публикация новгородских кабальных книг не была издана до Великой Отечественной войны. Шунков ушел добровольцем на фронт, а после демобилизации в 1945 г. уже не возвращался к кабальным книгам и к изучению холопства. Как исследователь, он всецело занялся историей крестьянства Сибири — темой, привлечшей его внимание еще в 20-е годы. Но его выступление на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. и напечатанная в связи с конгрессом статья напоминают о его работе в 30-х годах по кабальным книгам⁴⁰.

На совместном заседании Отделения исторических наук АН СССР и Археографической комиссии Отделения истории АН СССР 29 апреля 1975 г., посвященном памяти В. И. Шункова, был поднят вопрос о необходимости опубликования подготовленного им тома новгородских кабальных книг. Со времени работы В. И. Шункова над этой публикацией прошло более 30 лет. В какой же степени истекшие десятилетия отражаются на ее оценке? Что сделано за эти годы в архивах по выявлению и описанию хранящихся в них фондов? Что выполнено советскими историками для источниковедческого изучения материалов о холопстве и для исследования истории холопства XVI—XVII вв.? Наконец, в какой степени вошли в археографическую практику приемы сокращенного издания массовых источников?

Первый вопрос, требующий ответа, — в какой степени полон состав подготовленного В. И. Шунковым тома, не выявлены ли новые книги, которые входят в хронологические рамки публикации. Надо назвать находку двух частей записной книги старых крепостей 7106 г. — в Архиве ЛОИИ и в Отделе рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде. Обе они опубликованы в 1966 г. А. И. Копаневым, следовательно, не подлежат включению в публикацию В. И. Шункова⁴¹. Но вошедшие в нее части записной книги 7106 г. так и остаются в рукописи. Их издание крайне необходимо, тем более, что Институт истории СССР АН СССР в настоящее время поставил своей задачей исчерпывающее издание актов XVI в., но не включает в эту серию записные книги старых крепостей.

Книги эти послужили темой статьи Е. И. Каменцевой⁴² и подверглись исследованию в ценных монографиях в статьях Е. И. Колычевой и В. М. Панеяха⁴³. Выполненное последним подробное источниковедческое изучение книг 7106 г., давшее весьма интересные результаты, вызывает необходимость некоторых уточнений в заголовках и легендах публикации В. И. Шункова.

В 50-е годы в ЦГАДА была проведена работа по вторичному разбору и описанию книг Новгородской приказной палаты, и в их описи 1958 г.

³⁹ С. О. Шмидт. В. И. Шунков — источниковед и археограф, стр. 360.

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 1555, оп. 1, р. 1, № 43. Крепостное право в России (*Le droit de seravage en Russie*). Выступление на X Международном конгрессе историков по докладу Г. Вернадского (на русск. яз. с переводом на франц. яз.). Опубл.: «Atti del X Congresso internazionale. Roma, 4 settembre 1955». — «Giunta Centrale nel gli studi storici», 1957, p. 319—320; *V. Choumkov. Les rapports agraires dans la Russie féodale*. — «Revue historique de droit français et étranger». 4-me série, 1960, juillet — septembre, N 3, p. 454.

⁴¹ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. — «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги БАН СССР». М. — Л., 1966, стр. 151—186. Остается не найденной так называемая «книга Лакнера», опубликованная выборочно Н. Калачовым в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 2-я, пол. 1-я. М., 1855.

⁴² Е. И. Каменцева. Записные книги крепостей дьяка Дм. Алябьева. — «Труды историко-архивного института». М., 1946, т. II, стр. 79—98.

⁴³ Е. И. Колычева. Холопство в Русском государстве конца XV—XVI вв. М., 1967. Автореферат канд. диссертации; она же. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI вв.). М., 1974; В. М. Панеях. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967; она же. Холопство в XVI — начале XVII в. См. также статьи двух названных авторов, ссылки на которые имеются в их монографиях.

появились книги № 10 и 11, не имеющие соответствия в описи 1937 г. и неизвестные В. И. Шункову. Обследование В. М. Панеяха показало их большое значение — они заключают четыре отрывка кабальных книг по Водской, Шелонской и Деревской пятинам за 1601—1603 гг., т. е. за годы голода⁴⁴. Конечно, их включение в публикацию В. И. Шункова обязательно.

Как упоминалось выше, перерыв с 1610 по 1620 г. в новгородских кабальных книгах вызван шведской оккупацией Новгорода. Это заставляет особенно ценить две новгородские кабальные книги 1614—1615 и 1615—1616 гг., хранящиеся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме, их микрофильмы поступили в ЦГАДА в результате командировки В. Н. Шумилова, Л. В. Черепнина и М. И. Александровой в Швецию в 1959 г.⁴⁵ Представляется желательным и их издание в томе, основное содержание которого относится к годам крестьянской войны и интервенции. Проведенная в ЦГАДА работа по фонду Новгородской приказной палаты, по упорядочению описей фонда Поместного приказа, по уточнению пагинации книг, по реставрации ветхих книг поможет, надо полагать, восполнить некоторые лакуны тех погодных перечней выявленных новгородских и псковских кабальных книг, которые Шунков дал в предисловии к своей публикации. Так, псковская книга ф. Поместного приказа № 17 279 (31/1119) объемом более 1300 листов, очевидно, оставшаяся неизвестной В. И. Шункову, дополняет его перечень книг по Пскову за 50—60-е годы XVII в.

В предисловии к публикации и в рецензии на НЗКК В. И. Шунков настойчиво говорил о необходимости «статистического изучения явлений холопства» и о том, что кабальные и крепостные книги дают такую возможность. Такого рода изучение явлений XVI в. по записным книгам старых крепостей проведено Е. И. Колычевой для полного и докладного холопства, для кабального — В. М. Панеяхом.

Исследования последнего показывают, какой благодарный материал для разностороннего статистического изучения явлений холопства в их динамике дают кабальные книги текущей регистрации⁴⁶. Конечная хронологическая грань последней монографии В. М. Панеяха совпадает с конечной гранью публикации В. И. Шункова и вызвана той же причиной. Как эта монография, так и две книги В. И. Корецкого, названные выше, раскрывают важность периода конца XVI — начала XVII в. для изучения истории холопства, что подтверждает научное значение публикации В. И. Шункова.

Но монография В. М. Панеяха кончается 1609 г., между тем как выявленный В. И. Шунковым массив новгородских и псковских книг охватывает весь XVII век. Процесс, протекавший в течение XVII в. среди крестьянства и холопства, вылился в Петровскую эпоху в охват подушной податью обоих разрядов феодальнозависимого населения. Для изучения холопства большое значение имеет монография А. Г. Манькова о развитии крепостного права во второй половине XVII в.⁴⁷ Одна из глав этой книги посвящена

⁴⁴ В. М. Панеях. К вопросу об указе 1601 г. — «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961, стр. 265.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. «Хранилище микрофильмов», оп. За-10, № 84 и 128; Л. В. Черепнин, В. Н. Шумилов, М. И. Александрова. Документы по истории СССР и русско-шведским отношениям в архивах Швеции. — «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 118; Л. В. Черепнин. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. — «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961. Эти книги были известны К. И. Якубову — см. его обзор: «Русские рукописи Стокгольмского государственного архива». II. Приказные книги и тетради. — ЧОИДР, 1890, кн. IV, раздел III. М., стр. 73 и 78, № 96 и 111.

⁴⁶ Первый опыт статистической обработки кабальных книг был выполнен А. И. Яковлевым в его книге: «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» (т. I. М. — Л., 1943), но на ограниченном материале нескольких книг.

⁴⁷ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во 2-й половине XVII в. М. — Л., 1962.

законодательству второй половины XVII в., в указах которого холопы постоянно называются вместе с крестьянами. Это отражает одну из сторон процесса слияния крестьян и холопов. Между тем, как писал В. И. Шунков в рецензии на НЗКК, книги записей крестьянских порядных и служилых кабал дают возможность конкретно-исторического изучения истории крестьян и холопов за XVII в. Оно и сейчас остается одной из первоочередных задач советской исторической науки. Для ее решения необходимо систематическое изучение и новгородских, и псковских кабалных книг. Если крестьянские порядные новгородских книг — тема специальной статьи Е. И. Каменцевой⁴⁸, то псковские книги остаются не тронутыми советскими историками, как и большинство новгородских кабалных книг XVII в.

В. И. Шунков выявил и дал перечень 17 полоняничных книг по Новгороду и пятинам, которые почти исключительно содержат записи в холопство пленных, взятых во время русско-польской войны за Украину 50—60-х годов XVII в. и русско-шведской войны 1657—1658 гг. Анализ ряда указов о пленных привел А. Г. Манькова к выводу, что «царское правительство 2-й пол. XVII в. поднимало вопрос о пополнении рядов крепостных людей за счет военнопленных и иноверцев до уровня общегосударственной задачи»⁴⁹. Данный В. И. Шунковым перечень полоняничных книг напоминает о необходимости специального изучения этого вида холопства.

Несколько замечаний о холопах-полоняниках раннего времени находим в исследовании А. А. Зимина⁵⁰. В названной выше монографии Е. И. Колычевой холопам-полоняникам в XVI в. посвящен раздел первой главы. Новый ценный источник для изучения холопства XVII в. был привлечен А. И. Яковлевым — судебные дела московского приказа холопского суда, обнаруженные в составе фонда Оружейной палаты в ЦГАДА; среди них Яковлев изучил 13 дел о холопах-полоняниках⁵¹. Пользуясь указаниями В. И. Шункова, Е. Н. Кушева опубликовала статью, основанную на изучении двух полоняничных книг 7165 г.⁵² Но основной массив выявленных Шунковым полоняничных книг остается неисследованным. Между тем изучение холопства, возникшего в результате плена, тем более важно, что холоп-пленный оказывался часто в положении, очень близком положению полных холопов XVI в. или старинных холопов XVII в. Особый раздел обширной темы о холопах-пленниках — судьба пленных, взятых в войнах с восточными соседями, а также в ходе крестьянских войн и национальных восстаний.

Некоторые замечания В. И. Шункова, основанные на просмотре новгородской книги самого конца XVII в. или 1700 г. (вязка 24, № 102 — по-видимому, № 78 по описи 1958 г.), направляют внимание на группу источников, еще совсем не введенных в научный оборот. Эта книга напоминала Виктору Ивановичу записные книги 1597—1598 гг. новгородского дьяка Дм. Алябьева, т. е. записные книги старых крепостей, так как в ней оказались записанными крепости, восходящие к середине XVII в.⁵³ В 60-е годы в ЦГАДА была создана коллекция крепостных книг местных учреждений (ф. 615), в описи которой находим множество указаний на книги начала

⁴⁸ Е. И. Каменцева. Условия закрепощения новопорядчиков (по новгородским порядным и судным записям во крестьяне и в бобыли в XVII в.) — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. VII. М., 1954.

⁴⁹ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 224.

⁵⁰ А. А. Зимин. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, стр. 281 и др.

⁵¹ А. И. Яковлев. Указ. соч. Указатель фондов к описям Оружейной палаты (ч. 1), составленный в ЦГАДА, дает ссылки на сотни столбцов Холопьяго приказа — источник, который ждет исследователей. Много дел XVII в. о холопах, в том числе и о холопах-полоняниках содержат также «Приказные дела старых лет» (ЦГАДА).

⁵² Е. Н. Кушева. О плене как источнике холопства во 2-й половине XVII в. — «Исследования по социально-политической истории России». Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971, стр. 217—231.

⁵³ Архив АН СССР, ф. 1555, оп. 1, № 108.

XVIII в. с записями старых крепостей⁵⁴, изучение таких книг, очевидно, значительно пополнит составленный на основании печатных изданий список городов, в приказных избах которых велись в XVII в. кабальные книги⁵⁵, и даст тексты разнообразных актов XVII в. широкого географического охвата. «Книги старых крепостей» конца XVII — начала XVIII в. заслуживают специального источниковедческого исследования. Коллекция крепостных книг содержит огромный материал и для изучения крестьянства и дворовых людей за весь XVIII в. Книги за годы, предшествующие введению подушной подати, как и материалы переписей и первой ревизии, позволяют вернуться к теме В. О. Ключевского «Подушная подать и отмена холопства в России» на широкой базе источников и с новых теоретических позиций.

Таким образом, работа В. И. Шункова над кабальными книгами дает целую программу дальнейших исследований и общего, и частного характера.

Подготовленный В. И. Шунковым том кабальных книг — опыт сокращенного издания массовых источников. В «Правилах издания исторических документов в СССР»⁵⁶ находим специальную главу о «Сокращенной передаче содержания документов». В ней рассматриваются только два вида таких изданий: 1. Таблицы и 2. Регесты. «Кабальные книги» В. И. Шункова — иной тип сокращенного издания, имеющий большое значение для археографической практики⁵⁷.

Изложенное показывает, что подготовленная десятилетия тому назад публикация кабальных книг не потеряла своего большого научного значения и по содержанию включенных в нее материалов, и по передаче их текстов. Предложение издать работу В. И. Шункова является обоснованным.

⁵⁴ К описи имеется обстоятельное предисловие, составленное научными сотрудниками ЦГАДА А. В. Шалаевым и И. М. Рыбаковой под ред. Н. М. Шелуковой.

⁵⁵ «Каталог частных актов Московского государства». — «Проблемы источниковедения». Сб. второй. М. — Л., 1936; В. И. Шунков. Указ. рецензия, стр. 159.

⁵⁶ «Правила издания исторических документов в СССР», М., 1969.

⁵⁷ С. О. Шмидт. Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. (в послевоенные годы). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962». Минск, 1964, стр. 185; он же. В. И. Шунков — источниковед и археограф, стр. 361.

Т. М. Шункова

**В. И. ШУНКОВ —
УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

15 октября 1941 г. Виктор Иванович ушел добровольцем на фронт. В одном из писем он писал: «Родные мои, сегодня ровно полгода, как я в Армии. Как сейчас помню день 15 октября 1941 г. Враг рвался к Москве. Создавалась непосредственная угроза городу. В снежный метельный вечер я на трамвае отправился с Калужской в Фили на сборный пункт добровольцев нашего района. За плечами котомка с вещами. Уже в темноте добрался до здания школы, расположенной на самой окраине города. В школе встретил знакомых. Пришли люди из нашего и других академических институтов. Ночью получали оружие. Началась новая жизнь»¹.

Впоследствии он рассказывал: «На улицах возле военкоматов стояли столы и к ним потянулись очереди желающих идти добровольцами. Записался и я».

24 октября была сформирована 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия, которая располагалась по линии: Химки, Щукино, Нахабино и далее. 19 января 1942 г. дивизия была преобразована в 130-ю стрелковую. Виктор Иванович находился с ноября 1941 г. по январь 1942 г. в Отдельной разведывательной роте. Много позже он вспоминал об этом времени в письме из-за границы: «Когда-то в 1941 г. я стоял на рубежах, прикрывающих Москву от движущихся на нее со стороны Подсолнечной немцев. Тогда я был, как ты знаешь, в разведке. И нашу роту не раз высылали в направлении Черной грязи, Крюкова. В Подсолнечной мы были в тот день, когда ее захватили немцы». Дивизия участвовала в разгроме немецких войск под Москвой. После дивизия была направлена на Калининский фронт, а оттуда — на Северо-Западный в район Демянска и участвовала в освобождении Новой Руссы и в окружении 16-й немецкой армии.

О своей жизни в армии Виктор Иванович писал: «Помимо основной своей работы веду большую пропагандистскую работу. Мои беседы, мои лекции пользуются у бойцов большим и часто шумным успехом. Диапазон моих занятий очень широк: от седых дня появления первых славянских народов до последних событий на нашем фронте и американо-японской войны. На днях с большим подъемом прочел лекцию о Суворове. Сам чувствовал, что захватил внимание слушателей полностью. Читал с перерывом два часа... На днях армейская газета напечатала мою статью о пропагандистской работе. Получил также предложение выезжать для чтения лекций в другие подразделения. Конечно, я устаю. Но когда бойцы заявляют, что мои лекции вызывают еще большее стремление к победе, к подвигу, я забываю усталость и готов еще и еще раз отказаться от отдыха. На днях буду читать об Отечественной войне 1812 г. и Кутузове».

¹ Здесь и далее цитируются письма и записи в дневнике, хранящиеся в семейном архиве В. И. Шункова. В Архиве АН СССР в фонде В. И. Шункова (№ 1555, д. 266) находятся «Воспоминания Т. М. Шунковой», где приводятся выдержки из многих цитируемых в настоящем сообщении документов.

Свои статьи в армейской газете Виктор Иванович подписывал: «красноармеец кандидат исторических наук В. Шунков».

В январе 1942 г. в звании младшего политрука Виктор Иванович был зачислен библиотекарем армии при клубе 130-й гвардейской стрелковой дивизии и исполнял обязанности внештатного лектора в частях своей дивизии и других, стоявших на обороне Москвы. Он писал: «Весь январь много читал лекций в самых различных частях. Возвращаясь к себе часто при звездах, при хрусте снега, при лунном мерцании заснеженных полей и лесов. В такие минуты думается много и хорошо. Мысль, возбужденная еще напряжением при чтении, беседой со слушателями, в этой тишине работает остро и отчетливо. События наших великих дней отливаются в мозгу во всем их огромном масштабе и значимости. Понемногу обдумывается работа об Отечественной войне. И с мыслью о наших днях непрерывно связывается весь далекий исторический материал, о котором приходится говорить на лекциях. Эту связь я стараюсь передать и слушателям, и этому, отчасти, кажется, обязан своим успехом. А успех имею несомненный. Получил много лестных отзывов устных и письменных. Недавно одна часть сделала трогательную припись: «Благодарим тов. Шункова и того, кто его к нам прислал». Мое мирное ремесло пригодились в какой-то мере и в условиях войны. Но оно, конечно, не исчерпывает моих обязанностей и работы. Это только дополнение к основной работе».

8 марта Виктор Иванович писал с Северо-Западного фронта: «Сегодня 8 марта. Снег же по-прежнему хрустит под ногами, а мороз красит носы. Только тени стали синей и резче. Временами снега заиграют такими красками, что, вспоминая Грабаря, хочется сидеть и сидеть, чтобы не пропустить какого-нибудь чуда. Если темными куполами стоят среди полей, обступают дороги. На холмах вечерами дреют столбы сосен. Римский-Корсаков был прав, утверждая: «полна, полна чудес... природа».

Вчера в простой крестьянской избе прокрутили кинокартину «Разгром немцев под Москвой». Посмотри ее, если она пойдет у вас. Помимо всего прочего это та обстановка, в которой я живу и жил эти месяцы. На экране даже лиц видишь много знакомых. Картина, по-моему, производит большое впечатление. Напиши мне о ней...»

14 марта Виктор Иванович был принят в ряды Коммунистической партии. «Вчера был большой день в моей жизни. Вместо кандидатской карточки получил билет члена ВКП(б), мой партийный билет. В какой необычной обстановке я его получил. Тесная крестьянская изба. Ключом кипит жизнь командного пункта. Грохочут тяжелые орудия, слышен стрекот пулеметных очередей. Особенно ответственно и радостно получить партийный билет в этой обстановке. С командного пункта возвращался ночью. Морозная звездная ночь без луны. Лес, снег. По небу пролетают ракеты, местами слышен гул орудийных выстрелов. У сердца лежит красная книжка, партийный билет.

Я ведь был почти принят в партию до ухода в армию. Прошел через партбюро и общее собрание еще в парторганизации Института, но ушел в рабочий батальон. Теперь я рад, что могу сказать: в члены партии принят на передовой линии фронта».

22 марта 1942 г. Виктору Ивановичу было присвоено звание политрука. Тогда же он писал: «...От Москвы далеко, на фронте. Второй месяц наше соединение в боях. Историей я занимаюсь совсем в другом смысле. Вместо того чтобы ее писать, я ее делаю. Таких историков у нас теперь много».

«...Пишу тебе под завывание сильнейшей метели. Ветер гудит и раскачивает сосны, переметает тропы, нагромождает сугробы, свистит в щелях разбитого бомбами дома, в котором мы расположились. Иногда лишь его пересиливает гул самолетов, идущих слепым полетом. Место очень красивое. Холмы, глубокие овраги, сосны. И, может быть, потому еще больше чувствуешь последствия хозяйничанья фашистов. Большое село, рас-

В. И. ШУНКОВ, 1945 г. Чехословакия

кинувшееся на крутых берегах речки, сожжено сплошь. Немцы жгли его, отступая под натиском наших бойцов. Стоят одни трубы, валяются обгорелые бревна, остатки скарба. У колхозников отняли все. Ежедневные сводки Информбюро о зверствах гитлеровцев проходят перед глазами во всей своей конкретности. Можно бесконечно писать о степени озверения этих мерзавцев. И, конечно, об этом будут написаны книги, книги о степени падения и одичания гитлеровской клики.

Есть другие темы, о которых хочется говорить больше, это героизм, мужество, отвага, патриотизм наших бойцов. У меня собирается богатейший материал по этим вопросам...».

Находясь на фронте, Виктор Иванович обращался к своей семье со словами утешения, стараясь вселить бодрость и поддержать веру в светлое будущее. «Хочется сказать тебе, Танюша, не унывай. Повесть войны, которую мы с тобой читаем, как и всякая повесть, окончится. И тогда начнется новая повесть, чудесная повесть мирной жизни, повесть восстановления, поэма строительства. Нужно только завоевать право на то, чтобы прочесть ее. До встречи в этой новой повести, дорогая».

О своей работе он писал в апреле 1942 г.: «Принято говорить «осенние темные ночи». Но вот наступила весна. И ночи темней придумать нельзя... На дорогах — ручьи, реки, озера, моря. Сейчас возвращался из подразделения, где читал лекцию. С трудом определяешь дорогу, в лесу же находишь ее скорее интуитивно, нежели глазом... По дороге встретил 3 дозора, из которых каждый узнал по голосу знакомого лектора. Сегодня по просьбе командования читал для одного из подразделений лекцию: «Александр Невский как военный стратег». Тема о Невском подается в ней в необычном разрезе. День был суматошный и продумать ее было некогда. Последние два часа перед лекцией, на которые я рассчитывал, были заняты осмотром огневых точек. Потому пришлось читать «с маху»,

оперировать материалом, который был в голове, «на ходу» его перестраивать. Ну что же! Я припомнил по этому поводу слова партизана-поэта 1812 г. Дениса Давыдова: «В 1812 г. поздно было учиться. Туча бедствий налетела на Отечество, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями». Вот я и плачú. И понимаешь, Танюша, прочел с подъемом. Увлек слушателей и себя.

Вернулся «домой» и почувствовал, что устал. Как хорошо в такие моменты иметь не 42 года, а 22, или еще лучше — 20... Не подумай, что я постариковски «жалюсь» на годы, нет. Я здоров и чувствую себя удовлетворительно. Это так, между прочим. Это лирика, а она неистребима во мне, как и во всяком человеке».

«Суровая зима прошла быстро. Какой огромный запас впечатлений от проходящих на глазах огромных, гигантских событий. Здесь на заснеженных полях Подмосковья решались судьбы мира, судьбы человечества. Хочется потом, на свободе систематизировать, расширить и обобщить накопившийся материал. В истории человечества немного таких поворотных моментов, как битва за Москву. Мы, историки, чувствуем это особенно остро...».

«...Ночь я провел не у «себя». Был на первомайском собрании у партизан, — писал Виктор Иванович 1 мая, — где делал доклад о Первом мае и обзор международного положения. После доклада долго сидели и разговаривали. Замечательные люди. Мужественные, беззаветно преданные Родине. У них за плечами суровая, тяжелая осень и зима. Но они полны энергии, новых замыслов, стремлений поскорее отбить у врага свой родной город. И разговоры их не столько о прошлом, сколько о ближайших днях и неделях, об осуществлении этих планов. У них я и заночевал».

«...У нас много интересных людей, — писал Виктор Иванович о той части, в которой служил, — ученые, музыканты, журналисты, инженеры и т. д. Когда удается, ведем содержательные, а иногда и увлекательные беседы... Боевая жизнь сама по себе дает бесконечный материал для рассказа. Много волнующих картин подлинного героизма, отваги, сметки».

В мае 1942 г. Виктор Иванович был откомандирован в Москву в Комиссию по истории Отечественной войны и работал там в качестве старшего научного сотрудника. «В ночь на 15 (около 4.30) меня разбудили и вручили в руки предписание о явке в другое место к другому более высокому начальству. В 1½ часа я сдал дела, получил документы и т. д. Благодаря ночному времени не смог проститься с друзьями. Вот с этого дня и началось мое путешествие. Я шел через леса, болота, реки, озера, поля, села, города от начальства к начальству. Получил массу ярких впечатлений... В конце пути асфальтированная, отшлифованная пирами дорога привела меня в Москву. Город по-прежнему прекрасен, умыт весной, согрет солнцем и зеленью. Только увидев его улицы и площади, я понял, как его люблю».

31 января 1943 г. Виктору Ивановичу было присвоено звание капитана. В начале года он тяжело и долго болел. Сказались трудные условия московской жизни.

24 ноября 1943 г. Виктор Иванович выехал на фронт в Киев, недавно освобожденный от оккупантов. До конца войны он был лектором политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта.

Он писал с Украины 30 декабря 1943 г.: «Как вы знаете из газет, зимнее наступление началось. Гонят фашистскую нечисть и наши части. Настроение замечательное... Последнее время много занимался Богданом Хмельницким... Я читал о нем в Москве. Но совсем другое дело готовить этот материал в тех местах, где он жил и действовал...».

Письмо от 16 января 1944 г.: «Утром сегодня читал Суворова. Лекция прошла хорошо. Один капитан долго жал мне руки и благодарил за лекцию. Да и вообще слушали хорошо. Завтра утром предполагаю прочесть Кутузова. Я много раз ее читал, но сегодня, готовясь к лекции, решил не-

сколько перестроить обычное свое изложение. Обычно я уделял большое внимание Отечественной войне 1812 г., а сегодня решил сократить этот раздел и главное внимание уделить Кутузову, его личной характеристике. Это позволит ярче выделить те черты Кутузова, которые роднят его с нашей эпохой и которые достойны подражания в наши дни.

Таким образом, лекция из историко-познавательной плоскости переводится в плоскость историко-поучительную, воспитательную. Посмотрим, как пойдет этот вариант. Читаю офицерскому составу, и хочется, чтобы они в результате лекции не только получили новые знания, но и какую-то зарядку для своей практической работы сегодняшнего дня».

При подходе к границе Виктор Иванович начал писать дневник и вел его до отъезда на Родину после Победы. 28 апреля части его подразделения пересекли границу СССР и Румынии. В дневнике и в письмах — описание городов, которые он проходил. Он с интересом всматривался и описывал чужую жизнь. Прошел он провинции Молдова и Буковина в Румынии, участвовал с войсками в освобождении Трансильвании — Москва салютовала им.

О своей заграничной работе он писал: «...Используя обстановку, развернули огромную работу по повышению теоретического уровня наших работников, по обмену опытом и т. д. Сейчас проходит очередной семинар... Вчера же читал трехчасовую лекцию «Военно-политическое и международное положение Советского Союза». То и другое прошло хорошо. На лекцию собралось много народа сверх числа официальных участников семинара. Меня любят слушать. А тут еще и тема, которая чрезвычайно интересует народ. За вчерашний день устал. Лег поздно, ждал ночных радиопередач, т. к. по этой теме нельзя без этого выступать; пересматривал материалы, т. к. сколько раз ни читай эту лекцию, каждый раз приходится в ней менять материал, вновь обдумывать формулировки, аргументацию и т. д.».

В дневнике описан трудный переход через Карпаты, бои с большими потерями в горах, участие Виктора Ивановича в бою, когда ему пришлось поднимать залегших под пулями солдат и вести их в бой. Работа политработника за границей была очень напряженной. Победа застала Виктора Ивановича недалеко от Брно в Угорском Градище. «Сегодня один из больших дней всемирной истории, — писал он 9 мая 1945 г. — Остатки гитлеровской Германии капитулировали. Напишите мне, что было в этот день в Москве. Здесь — народ ликует. И, я бы сказал, местное население ликует больше нашего брата. У нас еще оружие в руках, мы не у себя — это не дает нам еще полного права на мир, а для них он уже наступил.

Сейчас прошел по городу. Везде трехцветные национальные флаги, на улицах толпы, у многих цветы... Утром прошли с песнями стройные колонны молодежи с лопатами на плечах. Пошли на дорожные и мостовые восстановительные работы. Жизнь идет, и мир оживает».

13 июня 1945 г. Виктор Иванович выехал на Родину, где и был демобилизован.

В 1944 и 1945 гг. на фронте Виктор Иванович был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней.

Тихомировские чтения 1975 года

И. Ф. Угаров

ОСНОВНЫЕ СОВЕТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.

(Краткий обзор)

Первая русская революция сыграла огромную роль в судьбе нашей страны. «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, — писал В. И. Ленин, — революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»¹. Революция 1905—1907 гг. знаменовала собой выход российского пролетариата на международную арену революционной борьбы: центр мирового революционного движения переместился в Россию, а российский пролетариат ходом исторического развития был поставлен во главе мирового революционного и рабочего движения. «История первой народной революции в России, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России», — неиссякаемый источник творческого вдохновения, школа политической борьбы для новых поколений революционных борцов»². Поэтому всестороннее изучение первой русской революции и поныне остается важной задачей. В решении ее огромную роль играют публикации документов и материалов.

Первые публикации по истории революции 1905—1907 гг. появляются, когда еще не потухли грозовые сполохи гражданской войны. В 1919 г.³ в Москве вышел сборник статей, заметок и воспоминаний «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.», в котором были опубликованы также воззвание Московского Совета рабочих депутатов и революционных партий «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам» с призывом начать 7 декабря 1905 г. всеобщую политическую стачку, воззвание делегатов конференции 29 железных дорог и Всероссийского железнодорожного союза с призывом ко всем железнодорожникам присоединиться к объявленной 7 декабря политической стачке и отрывки из дневника члена лекторской группы МК РСДРП(б) К. Н. Левина, который он вел в дни вооруженного восстания в декабре 1905 г. в Москве⁴. Несколько позже был издан ряд других публикаций по истории первой русской революции⁵.

Хотя сборники, как правило, носили смешанный характер (в них публиковались наряду с документальными материалами статьи и воспоминания), а археографическая подготовка публикуемых документов была

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306.

² «Коммунист», 1975, № 2, стр. 5.

³ На обложке дата выхода в свет — 1920 г., на титуле — 1919 г.

⁴ «Материалы по истории пролетарской революции», сб. 3. «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний под ред. Н. Овсянникова. М., 1919, стр. 10—14, 232—261.

⁵ «Лейтенант П. П. Шмидт». Письма, воспоминания, документы. М., 1922, XVI+248 стр.; «Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области 1904—1910 гг.» Воспоминания и документы, собранные и обработанные Ц. Зеликсон-Бобровской. М.—Пг., 1923, 114 стр.; «Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический“». Воспоминания, материалы и документы. Пг.—М., 1923 (1924), 368 стр. и др.

далека от современных требований, они были ценны тем, что вводили в научный оборот неизвестные источники по истории революции 1905—1907 гг., привлекая внимание к этой великой эпопее не только ученых-историков, но и широких слоев общественности, рабочих, крестьян, преданной делу революции интеллигенции.

Фундаментальные публикации документов и материалов (и в то же время наибольшее количество их, с учетом местных изданий) были изданы в связи с 20- и 50-летними юбилеями революции 1905—1907 гг. В настоящем обзоре основное внимание уделено этим двум серийным юбилейным изданиям.

О том, какое большое внимание ленинская партия и Советское государство уделяли изучению истории первой русской революции, свидетельствует создание комиссии ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. Комиссия совместно с Истпартом ЦК РКП(б) в 1925—1927 гг. издала серию публикаций документов по истории первой революции в России под редакцией М. Н. Покровского. Подготовленные ими к печати и изданные сборники документов и материалов носили тематический характер⁶. В серии впервые освещена история революции в целом.

В основу большинства сборников легли архивные материалы, ставшие доступными лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Они публиковались, как правило, впервые, что определяло особую ценность серии. Составители серии, как сказано в предисловии А. М. Панкратовой к сборнику «Стачечное движение», ставили перед собой задачу «так подобрать материал и так его скомбинировать, чтобы из огромной массы имеющихся в архивах документов составить сравнительно небольшой по объему сборник, могущий найти применение и как хрестоматия при изучении истории русской революции. С этой целью приходилось отбирать наиболее ценные, интересные и полные документы, наиболее верные или, по возможности, проверенные факты, хотя именно последнее всего более затруднительно»⁷. Это относится к методике отбора документов к печати по всем сборникам серии.

Значительную часть документов ряда сборников представляют сравнительно хорошо сохранившиеся материалы департамента полиции, охранных отделений и губернских жандармских управлений. Составители подчеркивали специфику этого рода документальных материалов, носящих определенный классовый характер. Факты в документах из враждебного лагеря проверялись путем сравнения с имеющимися данными в прессе, преимущественно большевистской (газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др.). При отборе документов к публикации составителями был положен в основу работы над сборниками классовый подход.

Публикуя документальные материалы из архивов учреждений царизма, авторы не переоценивают полноту отраженных ими событий даже с фактической стороны. В уже упоминавшемся предисловии отмечено, что неполнота и случайность документальных материалов департамента полиции проистекает из того, что в его архив попадало преимущественно то, что забиралось жандармами при обысках, а это далеко не исчерпывающий материал для характеристики деятельности той или иной революционной организации⁸.

⁶ Серия «1905. Материалы и документы». Под ред. М. Н. Покровского: «Стачечное движение». Сост. А. М. Панкратова. М.—Л., 1925, 535 стр.; «Советская печать и литература о Советах». Сост. В. И. Невский. М.—Л., 1925, 532 стр.; «Аграрное движение в 1905—1907 гг.», т. I. Сост. С. Дубровский и Б. Граве. М.—Л., 1925, 680 стр.; «Профессиональное движение». Сост. А. Кац и Ю. Милонов. М.—Л., 1926, 380 стр.; «Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии. М.—Л., 1926, 460 стр.; Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905—1907 гг.). Статьи и воспоминания. Сост. С. М. Познер. М.—Л., 1927, 284 стр. (далее—только названия томов серии).

⁷ «Стачечное движение», стр. V.

⁸ Там же, стр. VII.

Подавляющая часть документов и материалов из архива департамента полиции представлена, пожалуй, лишь в сборниках «Стачное движение» и «Аграрное движение в 1905—1907 гг.». В сборнике «Профессиональное движение» соотношение документов, исходящих из враждебного и революционного лагерей, по количеству склоняется в пользу последнего, что, несомненно, повышает ценность сборника в целом. Что касается сборника «Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905—1907 гг.)», то помещенные в нем материалы из архива департамента полиции иллюстрируют статьи и воспоминания, занимающие в сборнике около 90% его объема. Сборники «Советская печать и литература о Советах», «Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии», как видно даже по их названиям, состоят из материалов Советов рабочих депутатов и листовок Московского комитета и Московской окружной организации РСДРП.

В ряде сборников серии с целью придания им хрестоматийного характера даны общеисторические оценки тех или иных событий от составителя или путем публикации отдельных текстов. Особенно широко это практикуется в сборниках «Стачное движение» и «Профессиональное движение».

Приемы публикации документальных материалов сборников, с точки зрения современных достижений советской археографии, являются еще несовершенными. Советская археография к середине 20-х годов делала только первые шаги. В сентябре 1919 г. вышли в свет «Правила издания документов» Главархива, предписывавшие определенные приемы передачи текста документов в зависимости от времени происхождения и особенностей языка. Там же содержались рекомендации по составлению заголовков, расположению документов в сборнике, составлению научно-справочного аппарата (в основном указателей). Однако эти рекомендации были далеки от совершенства, хотя следует признать ценной установку на точность воспроизведения текста публикуемых документов. Правила не затрагивали ряда важных вопросов археографического оформления подготавливаемых к публикации документов, в частности составления примечаний по содержанию документа.

В Правилах учитывался опыт публикации документов, главным образом периода феодализма.

Основным недостатком публикаций юбилейной серии прежде всего является отсутствие единообразия археографической обработки. В одних изданиях имеются элементы научно-справочного аппарата в виде предметного указателя⁹, в других к нему прибавлены именной указатель и указатель профессиональных организаций¹⁰ или географический¹¹, в третьих они отсутствуют¹². В одних сборниках имеются заголовки составителей к документам, но отсутствуют легенды, в других имеются легенды, но в заголовках отсутствует ряд существенных элементов и т. д. В некоторых сборниках нет археографических предисловий, указаний на подлинность документа, текстуальные примечания не отделены от примечаний по содержанию (все они вынесены под строку) или тех и других вовсе нет и т. д.

В сборнике «Стачное движение» составитель не ставил перед собой задачу дать документальный материал обо всех стачках 1905 г. и лишь ограничился подбором материалов по типичным и наиболее значительным стачкам. К таким стачкам отнесены: забастовка на Путиловском заводе в начале января 1905 г., стачки в России, вспыхнувшие в знак протеста пролетариата против кровавой расправы царизма с петербургскими рабочими 9 января, летняя стачка иваново-вознесенских текстильщиков, за-

⁹ «Советская печать и литература о Советах»; «Аграрное движение в 1905—1907 гг.», том I.

¹⁰ «Профессиональное движение».

¹¹ «Советская печать и литература о Советах».

¹² «Стачное движение».

бастовки металлистов на крупнейших заводах России (Сормовский, Брянский, Тульский патронный, Николаевский судостроительный, Мотовилихинский и др.). Сибирь представлена стачками железнодорожников в Красноярске и Чите, печатников Иркутска. Документы сборника подобраны с таким расчетом, чтобы показать стачечное движение пролетариата всех отраслей производства — металлистов, текстильщиков, железнодорожников, печатников, горнорабочих, пищевиков и др.

Сборник открывается документами о всеобщей стачке рабочих Баку в декабре 1904 г., явившейся как бы предвестником январско-февральских стачек, прокатившихся, как раскаты первого грома революции, по всей стране. Много места отведено в сборнике январской стачке 1905 г. Документы и материалы освещают размах стачек в январе в Петербурге, Москве, Лодзи, Варшаве, Риге и других городах Прибалтики, в Саратове. Помещены статьи В. И. Ленина, опубликованные в большевистской газете «Вперед», корреспонденции из этой газеты, большевистские и другие листовки, освещающие ход стачки или дающие оценку движению. В числе документов «Петиция петербургских рабочих», переданная 11 депутатами гапоновской организации во главе с Г. Гапоном царю¹³. Но в сборнике превалируют документы карательных органов царизма.

В особые разделы выделены документы и материалы, отражающие после 9 января стачки рабочих основных профессий — металлистов (стр. 150—202) и текстильщиков (стр. 203—293). В других разделах документальные материалы о стачечном движении распределены по местностям Российской империи — Юг России (всеобщая стачка в Одессе, забастовки рабочих судостроительного и черноморского заводов в Николаеве, стачка рабочих мастерских Владикавказской железной дороги), Урал (стачка рабочих в Пермской губернии), Сибирь — забастовки красноярских, иркутских и читинских железнодорожников, а также стачка печатников в Иркутске (стр. 294—500). Сборник завершается освещением всероссийской забастовки почтово-телеграфных служащих (стр. 501—535). Таким образом, материалы и документы в сборнике тщательно систематизированы, что облегчает их использование. В целом они дают представление о размахе стачечного движения в России с января до осени 1905 г.

Ценность сборника определяется, в частности, тем, что в нем значительное число документальных материалов опубликовано впервые. В сборнике отсутствуют, если не считать небольшого числа документальных материалов, освещающих почтово-телеграфную стачку в ноябре 1905 г., материалы о Всероссийских октябрьской и декабрьской политических стачках 1905 г., и совсем не освещается период спада революции в 1906—1907 гг. Сравнительно слабо показано стачечное движение в январе и позже в Петербурге и Москве. Правда, составители указали в предисловии, что ленинградский и московский истпарта к юбилею готовили свои сборники и во избежание повторений в серийный сборник не был включен целый ряд документальных материалов. Это сделано также из-за соображений объема сборника.

Уровень археографического оформления сборника невысок. Документы не имеют валовой нумерации. В заголовках документов отсутствуют такие важные элементы, как дата, адресат, содержание документа; нет научно-справочного аппарата.

Бесценным и оригинальным изданием серии является сборник «Советская печать и литература о Советах». В ходе революции 1905—1907 гг. творчество народных масс выработало невиданные ранее боевые организации — Советы рабочих депутатов, являвшиеся органами революционной борьбы, а некоторые из них — зачаточными органами новой революционной власти и вооруженных восстаний. Каждый Совет рабочих депутатов издавал свои воззвания, постановления, а иные из них — свои

¹³ «Стачечное движение», стр. 47—51.

печатные органы «Известия». В. И. Невский впервые собрал воедино все известные ему в то время материалы Советов рабочих депутатов и опубликовал в сборнике юбилейной серии, что давало исследователю возможность сравнивать и параллельно изучать издания Советов рабочих депутатов. В сборнике содержатся два ряда документальных материалов Советов рабочих депутатов: документы и материалы, издаваемые ими самими («Известия», резолюции, постановления, воззвания, листки) и материалы о Советах рабочих депутатов, а также документы Советов рабочих депутатов, извлеченные из легальной прессы 1905 г. (отчеты о заседаниях Советов рабочих депутатов, резолюции, объявления, уставы Советов и др.). В предисловии, носящем характер исторического введения, В. И. Невский писал, что материалы этой категории представляют «часто очень большую ценность, так как в нем находятся отчеты, постановления, воззвания и т. д., каких часто не находишь даже в «Известиях», а часто даются сведения о таких Советах, о которых этих сведений не найдешь больше нигде»¹⁴.

Соответственно этим категориям материалов в сборнике документы размещены по разделам: первый раздел — «Литература Советов»; второй — «Легальная пресса 1905 года о Советах»; небольшой третий раздел: «Провинциальные Советы 1905 года по данным местной прессы, «Новой жизни» и «Начала» (библиография)». Во втором разделе сведения даны о 17 Советах, почерпнутые из большевистских газет «Новая жизнь» и др., а также из газет других направлений, включая буржуазные. В «Новой жизни» и в меньшевистской газете «Начало» содержались сведения о Советах рабочих депутатов из местных газет, издававшихся в 20 городах России. Сборник снабжен краткими географическим и предметным указателями.

Большой материал Советов и о Советах, представленный в сборнике, все же не исчерпывает темы. Это объясняется преимущественно тем, что ряд изданий некоторых Советов рабочих депутатов еще не был найден. По этой причине в сборнике нет № 11 «Известий Петербургского Совета рабочих депутатов», не полностью опубликованы издания Костромского, Таганрогского и ряда других Советов. Сам В. И. Невский отмечал в предисловии, что это издание является недостаточным полным из-за недостатка времени. Тем не менее ни один современный историк, занимающийся проблемами революции 1905—1907 гг., не может обойтись без этого фундаментального сборника.

Параллельно с этим серийным сборником в Москве в 1925 г. вышел сборник «Известия Московского Совета рабочих депутатов 1905 г.», в котором были перепечатаны материалы шести номеров газеты в той же последовательности, в какой они были расположены в каждом номере оригинала. Перепечатка каждого номера газеты открывается фотокопией названия газеты, ее порядкового номера и даты выхода с помещенным рядом сообщением: «Московский Совет рабочих депутатов, Комитет и группа Российской социал-демократической рабочей партии и Комитет партии социалистов-революционеров постановили: объявить в Москве, со среды, 7 декабря, с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание»¹⁵. Текст газет воспроизведен точно по оригиналу, со всеми пропусками и опечатками, которые оговорены в подстрочных примечаниях. Все выделенные жирным шрифтом или разрядкой в оригинале части текста в точности сохранены в перепечатке. Тексту газет предпосланы воспоминания о том, как и где печатались отдельные номера газеты «Известия». Тогда же, в 1925 г., в Ленинграде была издана перепечатка газеты «Известия Советов рабочих депутатов» 1905 г., выходившей в Петербурге.

¹⁴ «Советская печать и литература о Советах». Сост. В. И. Невский, стр. VIII.

¹⁵ Это постановление отсутствует лишь в № 2 газеты.

В сборнике юбилейной серии «Профессиональное движение»¹⁶ тематический принцип расположения материалов сочетается с хронологическим. Документы отобраны и расположены по темам, внутри этих разделов — в хронологической последовательности событий. Такой порядок расположения создает у читателя целостное восприятие всей проблемы в целом. Хрестоматийный характер сборника сказался в том, что наряду с документами в разделах (главах) имеются исторические сведения, составленные на основе документов и литературы. Так, раздел «Столичные и провинциальные профессиональные союзы» состоит из обстоятельного обзора истории возникновения и деятельности профсоюзов в ряде городов (стр. 191—223). Помимо исторических обзоров в отдельных разделах сборнику в целом предпослано обширное историческое введение, представляющее собой самостоятельное исследование с элементами историографического анализа имеющейся литературы. Введение, по замыслу его составителя Ю. Милонова, призвано играть также роль своего рода сводных примечаний к публикуемым в сборнике документам и материалам. И, нужно подчеркнуть, эту роль введение сыграло блестяще. Каждый раздел сборника во введении освещен отдельно и обстоятельно. В сборнике помещены документальные материалы, характеризующие профессиональные организации, начиная с зубатовских и кончая образованием боевых пролетарских профсоюзов, принявших руководство большевистских организаций. Документы показывают развитие рабочих профессиональных союзов в неразрывной связи с рабочим движением и рабочей политикой царского правительства. Это отражено в разделах: «Требования рабочих» (стр. 96—120), «Фабрично-заводские организации» (стр. 121—127), «Комиссия Шидловского» (стр. 128—145), «Комиссия Коковцева» (стр. 164—190).

Большой интерес для исследования данной проблемы вызывает раздел «Уставы профессиональных союзов» (стр. 224—240). Уставы, как правило, дают возможность определить, руководство какой политической партии они принимают. Многие союзы, организованные под влиянием большевиков, включили в свои уставы положения о принадлежности их к определенному партийному комитету большевиков и об отчислении 10% своих средств в кассу данного партийного комитета. Об организационной деятельности профсоюзов свидетельствуют документы, помещенные в разделах: «Подготовка созыва съездов профессиональных союзов» (стр. 274—281), «Первая конференция профессиональных союзов» (стр. 282—288), «Межсоюзные объединения» («Центральное Бюро московских профсоюзов») (стр. 289—298). Большой интерес представляют документальные материалы о взаимоотношениях партии и профсоюзов (стр. 328—363). Наряду с пролетарскими профсоюзами в сборнике отводится место документальным материалам, освещающим деятельность профессионально-политических организаций, объединившихся в мае 1905 г. в «Союз Союзов» (стр. 241—273).

По содержанию и отбору документальных материалов, по композиции и наличию большого числа исторических введений и пояснений сборник «Профессиональное движение» больше рассчитан на исследователя.

Неполнота документальных материалов, ограниченность их, за малым исключением, лишь 1905 г. и отсутствие материалов профсоюзов за 1906—1907 гг., когда их деятельность получила наибольший размах, определенная отрывочность сведений, имеющиеся ошибки методологического и фактического характера значительно снижают ценность сборника.

Археографическое оформление документов дано не лучшим образом даже по меркам того времени. Правда, документы в пределах разделов имеют валовую нумерацию, но их содержание раскрывается в заголовках не полно и нет дат возникновения документов. Примечания, преимущественно по содержанию документов, даны под строкой. Текстуальные при-

¹⁶ «Профессиональное движение». М.—Л., 1926.

мечания встречаются редко. Научно-справочный аппарат представлен предметным, именованным указателями и указателем профессиональных организаций.

Среди важнейших проблем истории первой революции в России — изучение крестьянского движения. Поэтому вполне понятным является включение в юбилейную серию сборника документальных материалов о крестьянском движении в революции 1905—1907 гг.¹⁷ Донесения, телеграммы губернаторов, начальников губернских жандармских управлений, чиновников удельного ведомства в департамент полиции или непосредственно министру внутренних дел, а также донесения местных властей губернаторам или начальникам губернских жандармских управлений, письма помещиков в Министерство внутренних дел, губернаторам и т. п., т. е. документы правительственного лагеря, составляют в сборнике абсолютное большинство — свыше 97%; лишь менее 3% — приговоры и наказания крестьянских обществ или документы, исходящие из революционного лагеря. Составители сборника сочли документы первого вида наиболее полно отражающими ход событий, хотя и в обобщенном виде. В предисловии к сборнику было указано на серьезный недостаток этих документов — их тенденциозность: «Ко всем донесениям... (в департамент полиции.— *И. У.*) приходится относиться с исключительной осторожностью и проверять их как по параллельным показателям, так и по другим источникам»¹⁸. К таким источникам составители относили прежде всего нелегальную печать, освещение событий в которой «представляется исключительно ценным». Однако в сборнике материалов нелегальной печати, даже большевистской, нет. Неоправданно мало, как мы видим, включено в сборник также документов и материалов, исходящих от самих крестьян или крестьянских организаций.

Документальные материалы сборника, несмотря на спорность принципа их отбора к публикации, довольно полно отражают крестьянское движение в стране, его формы, карательную политику царизма. Документы расположены по губерниям, а внутри — в хронологическом порядке. Сибирь, Средняя Азия, Кавказ, Украина, Белоруссия, Прибалтика и Польша вообще в сборнике не представлены, что нельзя считать оправданным; это безусловно, является одним из существенных недостатков сборника. В сборнике имеются материалы лишь по 25 губерниям Северного, Приуралья, Центрально-промышленного, Центрально-черноземного, Средне-Волжского и Нижне-Волжского районов. Причем районирование дано по административно-территориальному делению 20-х годов, а не по тому, каким оно было в 1905—1907 гг. В сборнике отсутствуют, правда, по независимости от составителей обстоятельства, документальные материалы по Саратовской губернии, где в 1905 г. крестьянское движение было наиболее сильно; слабо представлены материалы по Курской губернии за 1907 г. Недостатки археографического оформления документов в сборнике присущи многим публикациям того времени. Нумерация документов отсутствует. В заголовках, как правило, не отражено содержание документов. Нет текстуальных примечаний и примечаний по содержанию. В конце сборника дан очень краткий предметный указатель.

Достоинство сборника по крестьянскому движению в том, что почти все документы в нем публикуются впервые и дают исследователю богатый фактический материал. Это делает сборник ценным источником по изучению крестьянского движения в годы первой революции в России, не потерявшим значения до наших дней, несмотря на отмеченные в нем серьезные недостатки.

Параллельно со сборником «Аграрное движение в 1905—1907 гг.» тогда же в Ленинграде был издан сборник документов и материалов по крестьянскому движению в 1905—1907 гг.

¹⁷ «Аграрное движение в 1905—1907 гг.», т. I.

¹⁸ Там же, стр. IX.

инскому движению в 1905 г.¹⁹ Первую его часть составляют документы о Всероссийском крестьянском союзе и его роли в революции 1905—1907 гг. (стр. 25—84), что в значительной степени дополняет соответствующий сборник юбилейной серии. Значительную часть сборника составляют документы и материалы о крестьянском движении в освещении губернаторов и уполномоченных царского правительства, посланных на подавление крестьянского движения²⁰. Однако документы этой части не повторяют опубликованные в сборнике «Аграрное движение» и являются ценным дополнением к нему. Что касается археографического оформления документов, то оно ниже уровня сборников юбилейной серии.

В юбилейной серии один сборник был посвящен большевистским листовкам Московской партийной организации²¹. В нем собраны 186 известных к тому времени листовок московских большевиков за 1905 г. В приложении даны листовки небольшевистских организаций, изданные МК РСДРП, и листовки московских меньшевиков — всего 21. Сборнику предпослано предисловие, написанное составителем, видным работником Московской окружной организации РСДРП В. И. Орловым. Листовки в сборнике расположены по месяцам, в которых они были изданы в 1905 г. По каждому месяцу к листовкам написана краткая историческая справка, в которой изложены важнейшие революционные события, связанные с появлением помещенных за данный месяц листовок. В пределах месяца листовки имеют валовую нумерацию. В заголовках к листовкам отсутствует указание на дату их появления. В легенде, кроме поисковых данных, отмечен способ воспроизведения (мимеографирование, гектографирование, воспроизведение типографским способом). Передача текста строго сохраняет точность оригинала. Сборник снабжен научно-справочным аппаратом, включающим хронику событий 1905 г., тематический указатель вопросов, по которым изданы листовки, и указатель листовок.

Сборник — одно из лучших изданий листовок московских большевиков за 1905 г. — является ценнейшим источником по изучению истории Московской партийной организации.

Завершающим по дате выхода в свет является сборник юбилейной серии, посвященный Боевой группе при ЦК РСДРП(б)²². Однако он имеет весьма отдаленное отношение к публикации документов и материалов, ибо из 284 страниц 240 занимают статьи и воспоминания, и лишь в приложении (стр. 241—275) дана публикация документов, извлеченных из архива департамента полиции и освещающих преимущественно вопросы о нелегальном ввозе из-за границы в Россию оружия для боевых дружин. Много воспоминаний уделено взрыву парохода «Джон Графтон», груженному оружием для революционной России (стр. 241—247). Значительная часть документов посвящена «Делу о школе в Куоккала» (Боевая организация Петербургского комитета РСДРП) (стр. 247—275). Археографическое оформление документов сборника дано не на высоком уровне: нет единства в составлении заголовков, многие из которых не содержат дат, не раскрывают содержания документов; имеется ряд других недостатков.

Тематический характер юбилейной серии публикаций середины 20-х годов, не теряя ценности для исследователя, больше приемлем для массового читателя. В этом достоинство серии. Однако, на наш взгляд, тематический принцип публикации выдержан не до конца. Поскольку в серии изданных сборников по существу выпали материалы об Октябрьской всероссийской стачке, о вооруженных восстаниях в декабре 1905 г., о Думской социал-демократической фракции и т. п., необходимо было для всестороннего освещения революции этим проблемам посвятить самостоятельные сборники.

¹⁹ Н. Карпов. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Л., 1925 (1926), 276 стр.

²⁰ Там же, стр. 87—273.

²¹ «Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии».

²² «Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905—1907 гг.)».

Несмотря на недостатки, юбилейную серию сборников можно оценить как значительный вклад в публикаторскую деятельность в нашей стране. Исследователи и массовый читатель получили огромное количество впервые опубликованных документальных материалов, сыгравших большую роль в изучении революции 1905—1907 гг. и в воспитании советского народа в духе революционных традиций. Документальные материалы ряда сборников юбилейной серии не потеряли своего научного значения и сейчас, они могут служить существенным дополнением к фундаментальной серии публикаций, осуществленной в связи с 50-летием первой революции в России.

Нельзя не упомянуть о переизданиях Истпартком в связи с 20-летним юбилеем революции 1905—1907 гг. такого ценнейшего источника, как центральные и местные большевистские газеты, выходившие нелегально и легально в 1905 г.²³ Ни один историк партии и ни один историк первой русской революции ни в прошлом, ни теперь не может обойтись без этого источника. Большевистские газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» являются не только ценнейшим источником, но и методологической основой для исследования истории революции 1905—1907 гг.

Газета «Вперед» пришла на смену ленинской «Искре» после захвата ее осенью 1903 г. меньшевиками и сыграла огромную роль в борьбе с оппортунизмом последних, в укреплении большевизма, в подготовке III съезда РСДРП. Чтобы оценить методологическое значение этих большевистских газет, достаточно сказать, что в них было опубликовано свыше 150 статей и заметок В. И. Ленина, печатались партийные документы, а в газете «Пролетарий» — решения III съезда РСДРП. На страницах газет подробно освещалось рабочее и революционное движение в России и деятельность местных большевистских организаций.

В связи с 20-летним юбилеем революции 1905—1907 гг. большая публикаторская работа была проведена в Ленинграде, Москве²⁴ и на местах²⁵.

²³ «„Вперед“ и „Пролетарий“. Первые большевистские газеты 1905 года». Вступ. статья М. С. Ольминского, вып. 1. «Вперед». Еженедельная газета — орган большевиков, № 1—9. М., 1924; вып. 2. «Вперед», № 10—18. М., 1924; вып. 3. «Пролетарий». Еженедельная газета — орган большевиков, № 1—7. М., 1924; вып. 4. «Пролетарий», № 8—14. М., 1925; вып. 5. «Пролетарий», № 15—20. М., 1925; вып. 6. «Пролетарий», № 21—26. М., 1925; «Новая жизнь». Первая легальная социал-демократическая большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 года, вып. 1, № 1—7. Л., 1925; вып. 2, № 8—14. Л., 1925; вып. 3, № 15—21. Л., 1926; вып. 4, № 22—28. Л., 1926; «Вперед». Орган МК РСДРП. 1905 г. Сост. Е. Леви. М.—Л., 1925 (1926).

²⁴ В Ленинграде были изданы сборники: «1905 год в Петербурге», вып. 1. «Социал-демократические листовки». Л.—М., 1925, 455 стр.; вып. 2. «Совет рабочих депутатов». Сб. материалов. Сост. Н. И. Сидоров. Л., 1925, 437 стр.; «Первая русская революция в Петербурге 1905 г.» Сб. I, статей, воспоминаний, материалов и документов. М.—Л., 1925, 171 стр.; сб. II. «По фабрикам и заводам» (Воспоминания участников и материалы архива департамента полиции). Л., 1925, 147 стр.; «Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905—1907 гг.» Л., 1926, 264 стр. Революционному движению в Москве и Московской губернии были посвящены сборники: 1905 г. в Московской губернии. М.—Л., 1925, 156 стр.; Замоскворечье в 1905 г. Сб. воспоминаний, документов и фотографий. М., 1925, 207 стр.; «Общепрофессиональные органы 1905—1907 гг.», вып. 1. «Московские журналы 1905 года»: «Бюллетени Музея содействия труду» и «Материалы по профессиональному движению рабочих». М., 1926, 131 стр. Деятельности Петербургского и Московского Советов рабочих депутатов был посвящен сборник: Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов (в документах). М.—Л., 1926, 138 стр.

²⁵ «1905 год в Гомеле и Подлесском районе. Материалы по истории социал-демократического и рабочего движения в 1893—1906 гг.». Гомель, 1925, 376 стр.; «1905 г. в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения». Самара, 1925, 788 стр.; «Ярославль в первой русской революции». Сб. материалов по истории революции 1905 г. в Ярославской губернии. Ярославль, 1925 (1926), 259 стр.; «Калужская губерния в 1905 г.» Сб. статей, воспоминаний и материалов. Калуга, 1925 (1926), 450 стр.; «Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.» Сб. материалов и документов. Свердловск, 1926, 219 стр.; «1905 год. Крестьянское движение в Тамбовской губернии». Тамбов, 1925 (1926), 132 стр.; «Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азо-

Многие сборники носили смешанный характер. В них наряду с документальными материалами публиковались статьи и воспоминания участников или очевидцев революционных событий 1905 г. К сожалению, единообразия в публикаторской деятельности на местах не было тоже. Тем не менее эти сборники были ценными источниками по революции 1905—1907 гг., поскольку в них впервые публиковалось значительное количество документальных материалов. Они существенно дополнили документы соответствующих сборников юбилейной серии или осветили незатронутые в серии проблемы.

После 20-летнего юбилея первой русской революции в нашей стране в той или иной степени через каждые пять лет отмечалась ее годовщина, издавались сборники документальных материалов: о революционном движении на флоте²⁶, в национальных окраинах²⁷, о жестокой расправе царизма над восставшими²⁸.

Характерной особенностью публикаций документов между 20-летним и 50-летним юбилеями революции 1905—1907 гг. было усиление внимания к партийным документам как в центральных, так и в местных изданиях. В 30-х — начале 50-х годов был издан ряд сборников документов о деятельности большевистской партии в революции 1905—1907 гг.²⁹ Если к 20-летию юбилею революции, кроме серийного сборника «Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии», был издан лишь один сборник листовок местных партийных организаций³⁰, то начиная с конца 30-х годов число центральных и местных аналогичных изданий значительно выросло³¹.

За этот же период на местах были изданы сборники документов, в которых освещалась история революции 1905—1907 гг. в целом³² или по отдельным проблемам. Заостряется внимание на публикации документаль-

ва». Сб. статей, воспоминаний, материалов и документов». Л., 1926, 162 стр.; «Армия в первой революции». Очерки и материалы. М.—Л., 1927, 391 стр.; «Сборник материалов по истории Союза строителей. 1906—6/V 1926». Л., 1926, 146 стр. и др.

²⁶ «Царский флот под красным стягом (1905—1917 гг.). Документы и воспоминания об участии матросов в революционном движении». М., 1931, 253 стр.; «Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг.» Подг. к печ. А. К. Дрезен. М., 1933, 340 стр.

²⁷ «Национальные движения в период первой революции в России». Сб. документов из Архива бывшего департамента полиции. Подг. к печ. И. Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935, 398 стр.

²⁸ «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.» Документы и материалы. Подгот. к печ. В. Макасов. М.—Л., 1932, 432 стр.; «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.» Сб. документов. М., 1936, 259 стр.

²⁹ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь 1906 г.» М., 1932, 368 стр.; «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.» Статьи, воспоминания и документы. М., 1934, 305 стр.; «Партия в революции 1905 г. Документы к истории партии в 1905 г.» М., 1934, 416 стр.

³⁰ «Сборник прокламаций Симбирской группы РСДРП(б). 1905—1917». Ульяновск, 1928, 99 стр.

³¹ «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917», т. 1. «1902—1907». Сост. М. Л. Лурье. М., 1939, 566 стр.; «Прокламации Закавказских большевистских организаций. 1904—1906». Тбилиси, 1939, 244 стр.; «Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг.» Сост. И. А. Айнитдинов. Казань, 1941, 220 стр.; «Листовки московских большевиков в 1905 г.» М., 1941, 332 стр.; «1905 г. на Дону. Листовки Донкома РСДРП». Сост. М. Н. Корчин. Ростов-на-Дону, 1945, 91 стр.; «Листовки тамбовских большевиков 1904—1907 гг.» Сб. документов. Тамбов, 1948, 75 стр.; «Прокламации Симбирской организации РСДРП 1904—1907 гг.» Сб. документов. Сост. М. Бутаев и М. Кривов. Ульяновск, 1951, 112 стр.

³² «Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии». Материалы и документы. Сост. В. В. Симоненко и Г. Д. Костомаров. М., 1939, 304 стр.; «1905. Годы первой русской революции в Среднем Поволжье». М.—Самара, 1931, 191 стр.; «1905 год на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорогах». Сб. статей и документов. М., 1931, 128 стр.; «Большевистские организации в революции 1905—1907 гг.» Сб. материалов и документов. Киев, 1940, 128 стр.; «Революционное движение в Крыму (1880—1904; 1905—1907 гг.)». Сб. документов и материалов. Симферополь, 1940, 188 стр.; «1905 год в Красноярске. (Материалы и документы)». Красноярск, 1941, 188 стр.; «Революция 1905—1907 гг. на Украине». Сб. документов и материалов. Киев, 1949, 518 стр. и др.

ных материалов о Московском вооруженном восстании³³, о Советах рабочих депутатов³⁴, о крестьянском движении³⁵.

Большая публикаторская работа проводилась на страницах исторических журналов — органа центрального Истпарта «Пролетарская революция», органа Ленинградского Истпарта «Красная летопись», в журналах «Красный архив»³⁶, «Каторга и ссылка», «Историк-марксист» и др. Журнал «Пролетарская революция» в первые годы своего выхода имел самостоятельный раздел «Материалы и документы», где помещались публикации по истории партии. С середины 20-х годов он был слит с отделом, где печатались статьи. Это привело к уменьшению публикаций документов. Публиковались последние чаще всего в качестве иллюстраций материала к статьям журнала. В журнале впервые были опубликованы некоторые документы III и V съездов РСДРП³⁷, полное «Заключение» к книге В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907»³⁸, протоколы Петербургской общегородской конференции РСДРП от февраля — начала марта 1906 г.³⁹ и др.

Большое внимание в журнальных публикациях было уделено событиям 9 января и откликам на него в России и за границей⁴⁰. В журнале «Красная летопись» были опубликованы протоколы Петербургского комитета РСДРП от 10 (23) и 16 (29) марта 1905 г., «Отчеты о заседаниях ПК» с 20 сентября по 24 декабря 1906 г. и с 13 февраля по 8 марта 1907 г.⁴¹ Последние документы являются ценнейшим источником для изучения деятельности петербургских большевиков в годы первой революции в России.

Журнальные публикации существенно дополнили источниковую базу изучения революции 1905—1907 гг.

В ходе публикаторской деятельности в СССР совершенствовалась ее методика. «Правила издания исторических документов» 1955 г. аккумулировали в себе опыт уже почти 40-летней публикаторской работы и имели исключительно большое значение в деле развития советской археографии и единых приемов публикации документальных материалов.

На основе этих правил и была создана фундаментальная многотомная серия «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы», предпринятая к 50-летию первой революции в России Институтом истории АН СССР и Главным архивным управлением под общей редакцией академика А. М. Панкратовой (председатель), А. Л. Сидорова, А. А. Новосельского, Л. М. Иванова и Н. В. Матковского⁴².

³³ «Из истории Московского вооруженного восстания». Материалы и документы. Сост. Г. Костомаров, В. Симоненко и А. Дрезен. М., 1930, 232 стр.; «Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г.» Сб. материалов, воспоминаний и документов. К 35-летию декабрьского вооруженного восстания 1905 г. на Пресне. М., 1940, 188 стр.

³⁴ «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г.» В документах. М.—Л., 1935, 77 стр.; П. М. *Экземплярский*. Всеобщая стачка рабочих и Совет р. д. в Иваново-Вознесенске 1905 г. Хроника. Обзор и документы. Иваново, 1940, 76 стр.

³⁵ «Революционная борьба крестьянства в Грузии в 1905 г.» Материалы III съезда РСДРП и корреспонденции из большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». М., 1935, 58 стр.; «Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области». Сб. документов. М., 1936 (1937), 220 стр.; «Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905—1907 гг.» Сб. материалов. Барнаул, 1951, 38 стр.

³⁶ О публикациях в журнале «Красный архив» см. обзор Т. В. Батаевой в наст. томе, стр. 129.

³⁷ «Пролетарская революция», 1922, № 3, стр. 125—126; № 5, стр. 124—160; 1927, № 5 (64), стр. 238—258.

³⁸ Там же, 1924, № 5 (28), стр. 165—172.

³⁹ Там же, 1930, № 12 (107), стр. 157—186; 1931, № 1 (108), стр. 129—144.

⁴⁰ «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 137—138; «Каторга и ссылка», 1930, № 1 (162), стр. 42—47; «Историк-марксист», 1936, № 1, стр. 98—115.

⁴¹ «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 26—33; 1931, № 1 (40), стр. 81—111; 1931, № 2 (41), стр. 56—74.

⁴² Подробнее см.: И. Ф. Угаров, Н. Н. Яковлев. О публикации документов и материалов «Революция 1905—1907 гг. в России». — «История СССР», 1964, № 1.

Вышло из печати 10 томов этой серии по первому периоду революции (1905 г.)⁴³ и 8 томов — по второму периоду (1906—1907 гг.)⁴⁴ общим объемом около 1150 печатных листов.

В отличие от предшествовавших публикаций в томах серии документальные материалы использованы комплексно, т. е. извлечены из многих архивов: Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС и его филиалов, центральных государственных архивов Москвы и Ленинграда, союзных республик, областных архивов и их филиалов, из архива Музея революции СССР. Широко использованы материалы большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и других, а также местных большевистских изданий; кроме того, часть буржуазной и мелкобуржуазной прессы.

Документы и материалы серии систематизированы по районам (Центрально-промышленный, Центрально-земледельческий, Поволжье, Сибирь, Украина, Закавказье и т. д.), а в пределах этих районов — по губерниям и областям. В рамках губерний документы распределены тематически — о рабочем движении, крестьянской борьбе, о революционных выступлениях в армии и др. Публикуемые документы по происхождению состоят из трех групп, исходящих одна из революционного лагеря, другая — из правительственного, третья — из либерального. Значительная часть помещенных в томах документов и материалов публикуется впервые, а ряд других является библиографической редкостью. По содержанию томá серии охватывают весь период революции с января 1905 г. по июнь 1907 г.

Первый том серии «Начало первой русской революции» содержит документы и материалы первых трех месяцев революции (январь — март 1905 г.)⁴⁵ и освещает события 9 января 1905 г. в Петербурге, забастовки протеста, прокатившиеся по России в январе — феврале 1905 г., крестьянское и студенческое движение. Значительное место в томе отведено партийным материалам, в том числе листовкам ЦК РСДРП и местных большевистских комитетов партии, отражающих большую работу большевиков по политическому воспитанию широких слоев пролетариата и руководству революционным движением. Приведенные в томе требования рабочих, предъявленные ими в период стачек протеста против кровавого злодеяния царизма 9 января, и стачек, возникших по другим причинам, позволяют судить об уровне классового самосознания рабочих в начале революции в отдельных местностях России и в отдельных отраслях производства.

Основной недостаток тома — его неполнота. В томе почти отсутствуют документы о позиции русской буржуазии в начале революции. Слабо отражена позиция демократической интеллигенции.

Документы сборника «Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь» показывают, что этот период характеризуется консолидацией революционных сил пролетариата, крестьянства

⁴³ «Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г.». М., 1955, 960 стр.; «Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель — сентябрь», ч. 1. М., 1957, 1010 стр.; ч. 2, кн. 1. М., 1961, 564 стр.; «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.», ч. 1. М., 1955, 777 стр.; ч. 2. М., 1955, 609 стр.; «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 г.», ч. 1. М., 1955, 952 стр.; ч. 2. М., 1955, 1285 стр.; ч. 3 (в двух книгах). М., 1956, 1182 стр.; ч. 4. М., 1957, 1002 стр.

⁴⁴ «Второй период революции. 1906—1907 год», ч. 1. «Январь — апрель 1906 года», кн. 1. М., 1957, 1146 стр.; кн. 2. М., 1959, 751 стр.; ч. 2. «Май — сентябрь 1906 года», кн. 1. М., 1961, 704 стр.; кн. 2. М., 1962, 563 стр.; кн. 3. М., 1963, 772 стр.; ч. 3. «Октябрь — декабрь 1906 года». М., 1963, 652 стр.; «Январь — июнь 1907 года», кн. 1. М., 1963, 588 стр.; кн. 2. М., 1965, 522 стр.

⁴⁵ См. рецензии: Л. Ф. Кузьмина, Л. Н. Пушкарев, И. М. Расчетнова. Новое издание документов революции: 1905—1907 гг. в России. — Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 6. М., 1955; «Серия документальных сборников о революции 1905 г.» — «Исторический архив», 1955, № 1, стр. 251—252; В. А. Петров. Начало первой русской революции. Январь — март 1905 года. — «Вопросы истории», 1956, № 2.

и демократической интеллигенции. Сборник открывается материалами III съезда РСДРП. Во всех разделах книги центральное место занимают материалы о роли местных большевистских комитетов и групп РСДРП в деле политического воспитания пролетариата, в организации стачечного движения. Среди впервые публикуемых документов «Отчёт о деятельности Московского комитета РСДРП весной и летом 1905 г.» (док. 238), на котором В. И. Ленин написал: «Крайне поучительный отчет одного из образцовых комитетов нашей партии» (стр. 366).

В сборнике отражена особая роль в революции стачки иваново-вознесенских рабочих, длившейся почти 2,5 месяца и показавшей, по выражению В. И. Ленина, «неожиданно высокую политическую зрелость рабочих»⁴⁶. Под ее влиянием вспыхнула стачка в Костроме (док. 346, 347, 351, 356 и др.).

Значительно меньше документов посвящено крестьянскому движению. В разделах о крестьянском движении почти отсутствуют документы о Всероссийском крестьянском союзе, который, как отмечал В. И. Ленин, «рос со сказочной быстротой» и являлся действительно народной, массовой организацией⁴⁷. Очень мало представлено документов о волнениях в армии и флоте.

Сборник не свободен и от других недостатков, в частности документальные материалы неполно освещают те или иные события. Так, из 114 документов, отражающих стачечное движение на железных дорогах, нет ни одного о I и II съездах Всероссийского железнодорожного союза, состоявшихся в апреле и июле 1905 г. в Москве. Между тем II съезд постановил «немедленно начать энергичную агитацию в пользу всеобщей забастовки с политическими требованиями»⁴⁸. В сборнике отсутствуют материалы о возникновении весной и летом 1905 г. профессионально-политических союзов учителей, врачей, инженеров и т. п., объединившихся в «Союз союзов»⁴⁹.

В 1955 г. вышли из печати две части документов и материалов «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Достоинство этих публикаций состоит в том, что они являются первой попыткой документального освещения Октябрьской стачки 1905 г. в масштабах всей страны. Тот факт, что из 895 документов и материалов 723, т. е. более 81%, публикуются впервые, свидетельствует о новизне и важности этих двух частей серии. Документы и материалы подтверждают слова В. И. Ленина о том, что «Москва и Петербург поделили между собой честь революционного пролетарского почина»⁵⁰. Вслед за Москвой и Петербургом стачка стала распространяться по всей стране (док. 602, 603, 647, 650 и др.). Документы показывают возникновение в ходе стачки невиданных в истории политических организаций — Советов рабочих депутатов (док. 295, 596, 628 и др.).

Слабее в сборнике освещено возникновение профсоюзов, крестьянское движение (76 документов из 895), позиция либеральной буржуазии, роль революционно-демократической интеллигенции.

Наиболее крупной и важнейшей частью серии являются четыре тома (в 5 книгах) документов и материалов под названием «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г.». Значительная часть документов (430) исходит от организаций РСДРП, преимущественно большевистских; из них 230, т. е. больше половины, составляют листовки местных комитетов партии. О тщательности выявления большевистских листовок для данного издания свидетельствует тот факт, что даже в специальном сборнике «Листовки московских боль-

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 314.

⁴⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 334.

⁴⁸ ЦГА г. Москвы, ф. 142, оп. 19, д. 184, л. 4—4 об.

⁴⁹ Материалы об этих союзах см.: ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 14, д. 787, т. I; д. 792 и др.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

шевиков в период первой русской революции» (М., 1955) отсутствует ряд листовок МК и МОК РСДРП, имеющих в томах названной части серии (док. 390, 392, 399, 429, 433, 558, 562). Листовки и другие документы освещают роль большевиков в подготовке вооруженного восстания, в создании боевых дружин и их вооружении, развертывании военной работы. Особого внимания заслуживают напечатанные в томах этой части серии «Устав рабочей боевой дружины МК РСДРП» (док. 433, ч. I), «Устав Канавинской боевой дружины РСДРП» в Нижнем Новгороде (док. 101, ч. II), ранее опубликованные в «Историческом архиве». В них определяется главная цель боевых дружин, излагается регламент поведения дружинников в период обучения и в боях.

Около 200 документов посвящено развитию стачечной борьбы пролетариата накануне вооруженного восстания, в период «дней свобод» (вторая половина октября — первая половина декабря 1905 г.). Характерной чертой этого периода являлось введение рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня (ч. I, док. 175, 189, 194 и др.; ч. II, док. 525, 596, 722; ч. III, док. 23, 27, 37, 595).

Около 240 документов освещают движение рабочих и других социальных групп за создание Советов рабочих депутатов, их деятельность как зачаточных органов новой революционной власти и вооруженного восстания. Большой интерес представляют документы самих Советов: протоколы, «Известия Советов рабочих депутатов», уставы и отчеты. Однако последняя группа документов значительно менее полно представлена, чем в упомянутом выше сборнике «Советская печать и литература о Советах».

В ноябре — декабре 1905 г. с особой силой развернулось крестьянское движение. В томах, посвященных высшему подъему революции, около четверти всех документов и материалов (670 из 2787) относятся к крестьянскому движению. Документы свидетельствуют о работе большевиков среди крестьян, распространении листовок, посылке рабочих в деревню и т. п. Документы освещают формы крестьянской борьбы с помещиками, показывают жестокую расправу царских властей с крестьянским движением. Более 260 документов — о революционном движении в армии и флоте. 111 документов и материалов (ч. 1, док. 451—561) о Московском вооруженном восстании сравнительно полно отражают руководящую роль МК РСДРП в организации и руководстве политической стачкой и восстанием. Наибольшее количество документов показывают ход восстания в Москве.

Документы освещают вооруженное восстание в Нижнем Новгороде (Канавине и Сормове), в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сочи и Туапсе, Екатеринославе, Александрове, Горловке, Харькове, Мотовилихе, Красноярске, Чите и в ряде других местностей России.

Четыре тома документов и материалов о высшем подъеме революции 1905—1907 гг. дают основательное представление о подготовке, ходе и результатах вооруженных восстаний в стране и являются важным источником для изучения высшего этапа революции. Периоду спада революции посвящены восемь томов под общим названием «Второй период революции. 1906—1907 гг.», охватывающих время с января 1906 г. по июнь 1907 г. Часть 1 (2 книги) охватывает период с января по апрель 1906 г., часть 2 (3 книги) — с мая по сентябрь 1906 г.; часть 3 — с октября по декабрь 1906 г. и две последние книги — с января по июнь 1907 г. Хронологические рамки периода отступления революции определены хотя и несколько условно, но все же с учетом общей закономерности развития событий (вспомним ленинское распределение стачек по кварталам). Документальные материалы сборников отражают продолжающиеся стачечные бои пролетариата, рост его организованности. После подавления Декабрьского восстания в Москве и других городах партия большевиков готовила новое всенародное восстание. С этой целью создавались боевые дружины, усилилась военно-боевая работа большевиков, что отражено в документах

сборников серии, посвященных спаду революции. Документы освещают также продолжающееся развиваться крестьянское движение, деятельность большевиков среди крестьянства, а также местных организаций Всероссийского крестьянского союза. Документы отражают новую волну восстаний в армии и на флоте летом 1906 г. Центральное место в сборниках занимают документы и материалы об острой идейной борьбе между большевиками и меньшевиками, с новой силой развернувшейся в РСДРП после IV съезда партии. Широко представлены документы о Государственной думе, о борьбе большевиков и меньшевиков по вопросам думской тактики, о деятельности в Думе рабочих и крестьянских депутатов; показана борьба большевиков против оппортунистической линии большинства ЦК РСДРП, избранного IV съездом РСДРП. Документы показывают кипучую деятельность В. И. Ленина по руководству партией и в частности Петербургским комитетом РСДРП, его участие и выступления на митингах и собраниях, на партийных конференциях (ч. 2, кн. 1, док. 91, 92, 94, 127, 129, 130, 136).

В целом документальные материалы этих восьми томов всесторонне освещают наименее изученный второй период революции 1905—1907 гг. и являются ценнейшими источниками для разработки его проблем. Вместе с тем даже в этой многотомной серии имеется ряд пробелов в освещении важных вопросов.

Публикуя материалы о борьбе В. И. Ленина за объединение партии, о созыве IV съезда, составители недостаточно полно освещают борьбу за единство местных партийных организаций. Хорошо в целом отражая вопрос рабочего движения, составители сравнительно слабо представили документы о профессиональном движении как в период подъема, так и особенно в период спада революции. Слабо показана деятельность Всероссийского крестьянского союза и его местных организаций; мало документов и материалов по аграрному вопросу, отражающих деятельность крестьянских депутатов в I и II Государственных думах, в частности трудящихся. Следует отметить слабое документальное освещение в серии позиции контрреволюционной буржуазии и ее партий, а также мелкобуржуазных партий и организаций.

Со стороны археографической подготовки эта серия вобрала в себя все лучшее из опыта публикаторской деятельности в СССР. Каждый том снабжен обстоятельным историческим введением, а каждая часть — кратким археографическим предисловием. Расположение документов и материалов строго систематизировано, каждый документ снабжен порядковым номером, заголовком, раскрывающим содержание документа, датирован и снабжен поисковыми данными (легендами). Погрешности передачи текста подлинника исправлены и сопровождаются соответствующими текстуальными примечаниями. Оговорены смысловые ошибки, не поддающиеся исправлению. Серия снабжена весьма совершенным научно-справочным аппаратом. Содержание документов комментируется в примечаниях, помещенных в конце каждой части серии. В примечаниях нередко приводятся дополнительные документальные материалы. В состав научно-справочного аппарата входят также разработанные на высоком археографическом уровне указатели промышленных предприятий, именной, географический, газет, а также перечни опубликованных документов и хроника революционных событий. И что особенно важно подчеркнуть, редакции и составителям удалось добиться единства в археографической подготовке всех частей этой документальной серии публикаций.

Отметим некоторые промахи в археографическом оформлении документов этой серии. Имеются ошибочные определения дат событий и времени появления публикуемых документов. Так, в заголовке публикации док. 551 («Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженное восстание. Ноябрь — декабрь 1905 года», ч. 1, стр. 745) ошибочно указано, что Пресня подвергалась артиллерийскому обстрелу 18 декабря вместо 17 декабря.

Листовка «Первое мая» ошибочно отнесена к 1906 г. (см. док. 240, «Второй период революции. 1906—1907 годы. Январь — апрель 1906 года», ч. 1, кн. 1), тогда как в действительности она была написана в апреле 1905 г. и др. Безусловно необходимо было указать, публикуется ли данный документ впервые. После каждого примечания для удобства пользования следовало указать номер страницы, к которой это примечание относится. Ряд документов, связанных с двумя или несколькими губерниями, помещен в материалах, относящихся к одной губернии, а в материалах другой губернии, к которой данный документ тоже имеет отношение, это не оговорено («Высший подъем революции», ч. 2, док. 330, 398, 558, 565; ч. 3, док. 218, 395, 401, 464; ч. 4, док. 312, 427).

Серия публикаций в связи с 50-летием первой революции в России имеет существенное значение для изучения ее истории и пропаганды революционных традиций советского народа. Она бесспорно оказала и будет в дальнейшем оказывать значительную помощь исследователям этой проблемы.

Помимо отмеченной фундаментальной серии публикаций весьма ценные издания документальных материалов к 50-летию революции 1905—1907 гг. были подготовлены Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁵¹.

Большая публикаторская работа к 50-летию первой революции в России была проделана на местах. Почти в каждой области, крае и республике Советского Союза были изданы сборники документов о революционном движении на соответствующих территориях⁵². Одни сборники содержат документальные материалы о революционном движении в целом по отдельным губерниям⁵³ или о происходивших революционных событиях на территории нынешних союзных и автономных республик⁵⁴. Другие сборники посвящены отдельным темам⁵⁵. Анализ местных публикаций документов — тема самостоятельного обзора.

Значительное внимание к 50-летию революции было уделено публикации историко-партийных документов. Особенно следует отметить публикацию листовок местных партийных комитетов РСДРП (б), являющихся ценным источником по изучению местных организаций большевистской партии. В 1955—1957 гг. были опубликованы листовки московских, украинских, кавказских, латвийских, тамбовских, казанских большевиков. В 1955 г. была издана в Чите перепечатка большевистской газеты «Забайкальский рабочий» (тексты первых восьми номеров), выходившей в 1905—1906 гг.

⁵¹ «Третий съезд РСДРП». Сб. документов и материалов. М., 1955, 720 стр.; «Большевики во главе Всероссийской стачки в октябре 1905 г.». Сб. документов и материалов. М., 1955, 920 стр.; «Листовки большевистских организаций в русской революции 1905—1907 гг.». Сб. в трех частях: ч. 1. Январь — июль 1905 г. М., 1956, 907 стр.; ч. 2. Август — декабрь 1905 г. М., 1956, 600 стр.; ч. 3. 1906 — июнь 1907 г. М., 1956, 911 стр.

⁵² См. рецензии: Г. М. Деренковский, А. Д. Варганьян, А. А. Кузнецов и др. Документальные издания по истории первой русской революции. — «Исторический архив», 1956, № 6.

⁵³ В 1955—1957 гг. были изданы сборники о революционном движении в Иркутской, Пермской, Пензенской, Гомельской, Костромской, Томской, Харьковской, Самарской, Воронежской, Нижегородской, Таврической, Курской, Калужской, Подольской, Смоленской, Тульской, Псковской, Орловской, Астраханской, Полтавской и других губерниях.

⁵⁴ В 1955—1957 гг. изданы сборники о революционном движении на территории Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Бурят-Монголии, Мордовии, Дагестана, Удмуртии, Башкирии, Чувашии, Татарии.

⁵⁵ «Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 г.». Сб. документов и материалов. Иваново, 1955, 252 стр.; «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.». Документы и материалы. Ульяновск, 1955, 258 стр.; «Материалы по истории СССР, т. 4. Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг.». М.—Л., 1957, 475 стр.; «Крестьянское движение 1905—1907 гг. в Тамбовской губернии». Сб. документов. Тамбов, 1957, 230 стр.

С точки зрения археографической подготовки сборников следует отметить их высокий уровень по сравнению с изданиями 20-х и 30-х годов. Почти все сборники провели археографическое оформление согласно правилам публикации 1955 г. Правда, известный разницей археографическом оформлении документов в местных сборниках имеется.

Многотомная серия публикаций и местные сборники документов и материалов взаимно дополняют друг друга и воссоздают целостную картину революционных событий 1905—1907 гг. Издание сборников на местах не лишает ценности многотомной серии, наличие местных публикаций не исключает, а предполагает обращение к ней исследователя. Например, в сборнике по Харьков и Харьковской губернии опубликовано 290 документов и материалов. Из них дублированных с томами серии лишь 43 документа. Но зато в вышедших из печати публикациях серии содержится 153 документа по Харьков и Харьковской губернии, отсутствующих в харьковском сборнике⁵⁶. В сборнике по Воронежской губернии из 365 документов дублировано с серийным изданием 30 документов, но зато последняя дополняет воронежский сборник 67 документами, которых в нем нет⁵⁷. Так же обстоит дело и с другими сборниками. Редакцию юбилейной серии можно упрекнуть лишь в том, что она провела недостаточную работу по координации изданной серии и местных сборников. При внимательном отношении к этой стороне дела дублирование в публикациях серий и местных сборников могло бы быть сведено к минимуму, а имеющийся определенный разницей в археографической подготовке местных изданий можно было бы устранить.

Естественно, после фундаментальной серии и большого количества сборников, изданных к 50-летию революции, размах публикаторской деятельности по этой проблеме уменьшился. В последующие годы из скольких-нибудь значительных публикаций можно отметить лишь два сборника: «Большевицкая печать». Сб. материалов, вып. 2. 1905—1907 гг. (М., 1960, 266 стр.) и «Материалы по истории революции 1905—1907 гг.» (М., 1967, 232 стр.). Местные публикации были представлены в основном сборниками тех местностей, где они не были, изданы к 50-летию революции. В 1960—1974 гг. были изданы сборники о революционном движении в 1906—1907 гг. в Литве, на Херсонщине, на территории нынешней Липецкой области, на Алтае, в Царицыне, а также тематические сборники: о крестьянском движении в Рязанской губернии; о профсоюзах Ставрополя, об Иваново-Вознесенском Совете рабочих депутатов; листовки архангельских большевиков и некоторые другие.

Лучшие традиции публикаторской деятельности исторических журналов 20-х и 30-х годов продолжил журнал «Исторический архив» (1955—1962 гг.). Начавший выходить в год 50-летия первой революции в России журнал весь свой № 1 посвятил публикации документов и материалов по истории революции: о борьбе большевиков за созыв III съезда РСДРП, о 9 января, о вооруженных восстаниях в Донбассе и Нижнем Новгороде. В № 3 и 6 за тот же год опубликованы документы о восстании на броненосце «Потемкин», о вооруженном восстании в Сочи и Чите и др. Документы по истории революции 1905—1907 гг. журнал публиковал и в дальнейшем.

К 70-летию революции вышли три сборника документов, рассчитанные на массового читателя. Сборники «Первая русская революция и ее историческое значение» (М., 1975, подготовлен ИМЛ при ЦК КПСС) и «Революция 1905—1907 годов». Документы и материалы (М., 1975) содержат произведения В. И. Ленина, в которых даны оценки важнейших проблем

⁵⁶ «Харьков и Харьковская губерния в первой русской революции 1905—1907 годов». Сб. документов и материалов. Харьков, 1955, 429 стр.

⁵⁷ «Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 гг.». Сб. документов и материалов. Воронеж, 1955, 508 стр.

первой русской революции, резолюции III, IV и V съездов и конференций РСДРП периода революции 1905—1907 гг., воспоминания участников событий, высказывания видных деятелей международного рабочего движения.

Более трети всего объема сборника «Первая русская революция и ее историческое значение» занимают листовки ЦК РСДРП и местных большевистских организаций, перепечатанные из трехтомного сборника «Листовки большевистских организаций в первой русской революции» (ч. I—III. М., 1956). Научно-справочный аппарат сборника представлен примечаниями по содержанию.

В сборнике «Революция 1905—1907 гг.» имеется раздел: «Документы местных большевистских организаций и Советов рабочих депутатов» (стр. 157—212), специальный раздел посвящен песням и стихам времен первой русской революции. Научно-справочный аппарат сборника представлен хроникой революционных событий (стр. 375—389) и библиографией произведений и материалов, помещенных в нем.

В 1975 г. издан подготовленный Институтом истории партии МГК и МК КПСС сборник воспоминаний, документов и материалов «На баррикадах Москвы» (сост. И. Ф. Угаров и В. П. Величина). Документы и материалы, составляющие около трети всего сборника, отражают бурные революционные события в Москве и Подмоскowie в период высшего подъема революции 1905—1907 гг. Ряд корреспонденций газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов» опубликован впервые. Сборник отличается тщательностью археографической подготовки и содержит обширный научно-справочный аппарат: примечания, перечень документов, указатели (именной, географический, предприятий, учреждений и учебных заведений).

Издание двух юбилейных многотомных серий публикаций в 20-х и 50-х годах и сборников документов и материалов, посвященных в основном 20-летию и 50-летию русской революции, — знаменательное явление в культурной жизни нашей страны. Почти 60-летняя публикаторская деятельность в нашей стране, в том числе по проблемам первой революции в России, создала обширную и всестороннюю источниковую базу для разработки фундаментальной истории революции 1905—1907 гг.

Р. Г. Эймонтова

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВ В СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ *

Многое о декабристах было опубликовано еще в дореволюционное время. Великая Октябрьская социалистическая революция создала особо благоприятные возможности для изучения движения декабристов, сняв существовавшие до того запреты на публикацию материалов историко-революционного содержания и открыв для исследователей архивы. К изданию источников этой тематики приступили сразу же после революции. Разработанный в 1918 г. Главархивом перспективный план предусматривал, в частности, публикацию серии «Политические процессы» (в несколько сот томов), которую предполагалось начать с декабристских материалов¹. В 1919 г. часть следственных дел декабристов была уже подготовлена к печати, и только по техническим причинам они тогда не могли быть изданы².

Мощным толчком к углубленному изучению движения декабристов явился 100-летний юбилей со дня восстания, отмечавшийся в 1925 г. Эта дата стала важной вехой и в деле публикации источников по проблеме. В связи с предстоящим юбилеем во всех архивохранилищах СССР была проведена систематическая работа по выявлению материалов декабристской тематики. Она оказалась на редкость плодотворной: удалось обнаружить множество ценнейших документов — прежде всего группу следственных дел членов Южного общества, считавшуюся утраченной³.

Никогда публикация декабристских материалов не принимала такого размаха, как во время подготовки и проведения этого юбилея и некоторое время спустя после него — т. е. в 1920-х — начале 1930-х годов. В короткое время наука обогатилась массой неизвестных ранее материалов. Особый интерес вызывали восстание Черниговского полка и участие народных масс в революционных выступлениях. Из декабристских организаций наибольшее внимание привлекали Южное общество и Общество соединенных славян. Их считали несравненно демократичнее и радикальнее Северного, революционность которого недооценивалась, а то и отрицалась. В целом же для этих лет характерен довольно широкий подход и к отбору источников декабристской тематики и к типуготавливаемых изданий. Комментарии же, как правило, отражали господствовавшую тогда в науке концепцию школы М. Н. Покровского.

Именно в год 100-летнего юбилея со дня восстания началась публикация Центрархивом под редакцией М. Н. Покровского многотомного до-

* См. также: Р. Г. Эймонтова. Советские публикации источников по истории движения декабристов. — «Вопросы истории», 1975, № 12, стр. 19—31.

¹ В. В. Максиков. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959, стр. 100—101; «История советской археографии», вып. 1. М. С. Селезнев. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первые шаги советской археографии (1917—1920 гг.). М., 1966, стр. 33.

² «Восстание декабристов». Материалы, т. 1. М.—Л., 1925, стр. IX (далее — ВД).

³ ВД, т. 4. М.—Л., 1929, стр. VII.

кументального издания «*Восстание декабристов*». Первоначально предполагалось, что оно включит восемь томов следственных материалов, а также конституционные проекты, мемуары и записки декабристов⁴. Впоследствии было решено ограничиться материалами Следственной комиссии и Верховного уголовного суда. В этом архивном фонде сосредоточено собрание важнейших документальных источников по проблеме. Суду было предано свыше 120 человек — наиболее активных участников движения. Их показания охватывают весь круг вопросов, связанных с историей первого революционного выступления в России. Для исследователя они имеют первостепенное значение, хотя специфические условия их происхождения создают ряд трудностей при использовании этого рода материалов. В составе следственных дел сохранились программные, уставные, агитационные документы тайных обществ, часть конспиративной переписки декабристов и т. д. До первой русской революции исследователи (за единичными исключениями) к этому фонду не допускались. Осуществленные в 1905—1906 гг. разрозненные, фрагментарные и не вполне исправные публикации некоторых его материалов не могли удовлетворить потребностей науки. Теперь же было предпринято научное издание полного текста следственных дел — важнейшей части фонда.

Задачей издания М. Н. Покровский считал помощь университетскому преподаванию и начинающим ученым. Это должно было определить и очередность выхода отдельных томов. Раньше всего стремились издать то, что признавалось тогда наиболее важным, — т. е. материалы Южного общества и Общества соединенных славян. Однако над ними предстояла еще большая работа, тогда как часть следственных дел членов Северного общества была подготовлена к печати еще в 1919 г. С них и решили начать публикацию. Когда же позднее появилась возможность приступить к изданию следственных дел «южан» и «славян»; то ею немедленно воспользовались, а материалы Северного общества были отложены в сторону.

Первый том включал дела виднейших участников декабристского движения — К. Ф. Рылеева, Н. М. Муравьева, Е. П. Оболенского, С. П. Трубецкого, а также Александра и Михаила Бестужевых, П. Г. Каховского и Д. А. Щепина-Ростовского.

В том же 1925 г. вышел восьмой, как предполагалось, — завершающий, том издания — «*Алфавит декабристов*», содержащий богатый документальный и справочный материал. В основу тома был положен «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...», составленный в 1827 г. для Николая I правителем дел Следственной комиссии А. Д. Боровковым. Этот документ представлял собой краткую итоговую сводку материалов следствия о каждом из декабристов. Документальные приложения содержали: текст справок из архива III Отделения о тех участниках восстания Черниговского полка, которые судились особым судом в Могилеве и потому не вошли в «Алфавит» Боровкова; извлечение из материалов Аудиториатского департамента об Обществе военных друзей, некоторые другие документы III Отделения, дополнявшие сведения «Алфавита». Самостоятельное значение имеет составленный Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом указатель к «Алфавиту», явившийся результатом большой исследовательской работы. В нем дополнены, уточнены и хронологически продолжены сведения Боровкова. Восьмой том включил в общей сложности данные более чем о 500 лицах — не только преданных суду и подвергнутых различным наказаниям участниках движения, но и о тех, кто был оправдан, оставлен «без внимания», погиб, умер, привлечен по недоразумению и т. д. Разумеется, исследования последующих лет позволили внести немало дополнений и поправок в составленный 50 лет назад указатель Модзалевского и Сиверса. Однако

⁴ «История советской археографии». Учебное пособие, вып. 2. И. И. Корнева и Е. М. Тальман. Археография в 1920-е годы до середины 30-х годов. М., 1966, стр. 38.

и в настоящее время он остается незаменимым пособием при наведении справок о декабристах.

В ближайшие два года — 1926 и 1927 — вышли из печати следующие четыре тома «Восстания декабристов». Второй и третий продолжили публикацию следственных дел членов Северного общества (на них она и оборвалась). Четвертый том был целиком посвящен следствию по делам двух крупнейших деятелей Южного общества — П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола, пятый (опередивший по времени выхода в свет два предыдущих) содержал дела братьев А. И. и П. И. Борисовых, И. И. Горбачевского и некоторых других членов Общества соединенных славян.

Первые три тома были подготовлены А. А. Покровским, четвертый — Б. Е. Сыроечковским, пятый — Н. П. Чулковым; все — на высоком для своего времени археографическом уровне. Текст документов воспроизводился по возможности точно, со всеми особенностями их правописания и пунктуации, обычно в той же последовательности, в какой они расположены в деле. В подстрочных примечаниях указывались разночтения, всевозможные пометы, штампы, подчеркивания, выскобленные в тексте места, восстанавливалось зачеркнутое, отмечались слова, вписанные на полях и между строк, уточнялось, чьим почерком написан документ, оговаривались внесенные в текст исправления. Принятые в издании правила публикации изложены в общих чертах во вступительной статье А. А. Покровского ко всей серии и — более детально — в послесловии Б. Е. Сыроечковского к четвертому и предисловии Ю. Г. Оксмана к шестому томам. Поскольку разные тома готовились к печати разными составителями, в конкретном применении этих правил не всегда проявлялось строгое единообразие, что уже отмечалось в археографической литературе. В частности, подвергалась критике наблюдавшаяся порой чрезмерная пунктуальность при воспроизведении оригинала — вплоть до буквальной передачи неграмотно написанных слов (разительный пример — показания А. И. Тютчева в пятом томе). Недочетами издания археографы признают также сохранение в первых пяти томах прежних заголовков следственных дел (где декабристы названы «государственными преступниками»), помещение контрольно-справочных сведений не в основном тексте, а в приложениях, отсутствие источниковедческого анализа документов, а также комментариев по содержанию показаний, пробелы в указателях к некоторым томам⁵. Но не следует забывать, что это были первые шаги советской археографии, и каждый том служил своего рода поиском наиболее целесообразных методов и приемов публикации такого рода источников.

Первый и четвертый тома открывались предисловиями М. Н. Покровского, имевшими исторический характер и отражавшими его концепцию декабристского движения. В них говорилось также о задачах и замысле издания. В первом томе была помещена и статья ученого-архивиста А. А. Покровского «Следствие над декабристами», в которой описывался ход следствия, характеризовались его обстановка, условия; приемы и их влияние на показания декабристов. Вместо легенд к документам в конце томов давалась общая характеристика каждого следственного дела — преимущественно с историко-палеографической стороны. Здесь говорилось о внешних особенностях архивных подлинников, указывались предшествующие публикации, давался перечень показаний декабриста, включенных в другие следственные дела, приводилась таблица встречавшихся в оригинале водяных знаков и т. д. В ряде случаев проводилось сопоставление показаний декабристов, восстанавливалась последовательность хода следствия по данному делу. В послесловиях к томам широко привлекались документы из входивших в тот же фонд делопроизводственных материалов Следственной комиссии и Верховного уголовного суда⁶; более

⁵ «История советской археографии», вып. 2. М., 1966, стр. 40—44.

⁶ Н. Я. Эйдельман. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов. — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, стр. 159—176.

важные из них приводились полностью⁷. Тщательная работа по составлению археографических послесловий отмечалась в научной литературе⁸. Все тома были снабжены указателями — именным и предметно-географическим. Оглавление имело весьма суммарный характер и содержало только данные о том, чьи следственные дела и в каком порядке публикуются в данном томе. Перечень включенных документов давался исключительно по описям следственных дел, без указания страниц книги, что затрудняло пользование ими. Редакторские заголовки отсутствовали — большинство документов давалось просто под номерами (этот прием сохранился и в последних томах).

Особый характер имел вышедший в 1929 г. шестой том — «*Восстание Черниговского пехотного полка*», подготовленный к печати Ю. Г. Оксманом. Он основывался не на фонде Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, а включал документы из других фондов — в том числе официальную переписку, относящуюся ко времени восстания, уцелевшие материалы Могилевской и Белоцерковской военно-судных комиссий, приговоры солдатам — участникам восстания и некоторые другие документы. Рецензировавшая том М. В. Нечкина назвала его «основным собранием ценнейших документов о восстании»⁹. По приемам публикации он несколько отличался от предшествовавших томов. Сохраняя особенности языка писавших, передача текста в остальном приблизилась к современной орфографии и пунктуации. В оглавлении приводился перечень опубликованных документов с указанием страниц книги. В тексте имелись редакторские заголовки документов (наряду с заглавиями подлинника). Том открывался обстоятельной статьей Ю. Г. Оксмана, содержащей критико-библиографический обзор всей русской и зарубежной литературы о восстании Черниговского полка за 100 с лишним лет.

В седьмом томе предполагалось напечатать «*Русскую правду*» Пестеля. Подготовка его оказалась в археографическом отношении наиболее трудоемкой и сложной. Впервые «Русская правда» была издана (не по подлиннику) в 1906 г. П. Е. Щеголевым. Это издание оказалось недостаточно исправным и тогда же вызвало критические замечания¹⁰. В 1920-х годах началась работа по подготовке нового, более отвечающего научным требованиям издания этого важнейшего идеологического памятника декабристов; в ней участвовали П. Е. Щеголев, С. Н. Чернов и др. К 1930 г. том был подготовлен и сдан в печать, однако оказалось, что многие проблемы остались в нем нерешенными и работу — в силу ее особой сложности — еще нельзя считать законченной. От издания «Русской правды» в то время отказались, убедившись в необходимости продолжения ее источниковедческого изучения.

Удачнее получилось с конституционным проектом Н. М. Муравьева, опубликованным; впрочем, независимо от многотомника «Восстание декабристов». Исследовавший его Н. М. Дружинин дал в конце 1920-х годов глубокий источниковедческий анализ этого памятника, выяснил последовательность отдельных редакций, их датировку, установил характер и происхождение вариантов, авторскую принадлежность критических замечаний на проект¹¹. А несколько лет спустя он напечатал все три сохранившихся текста конституции (список С. П. Трубецкого 1822 г., список 1824 г. из бумаг И. И. Пущина и изложение проекта, написанное Н. Муравьевым в крепости по требованию Следственной комиссии) в при-

⁷ См., например, ВД, т. 3, стр. 414; т. 4, стр. 419, 428—429.

⁸ С. Н. Валк. Советская археография. М., 1948, стр. 249.

⁹ «Историк-марксист», 1929, № 13, стр. 249.

¹⁰ «Восстание декабристов». Библиография. Сост. Н. М. Ченцов. М.—Л., 1929, № 2630.

¹¹ Н. М. Дружинин. Конституция Никиты Муравьева. (Происхождение и различия вариантов). — «Декабристы и их время», т. I. М., [1928], стр. 62—108. См. также: Э. С. Паина. Н. М. Дружинин — археограф. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 240—247.

ложении к своей монографии¹². Эти материалы публиковались и раньше, но со значительными неточностями. Публикация Н. М. Дружинина является наиболее полной и признается в науке самой авторитетной.

В деле издания источников по истории движения декабристов исключительно велики заслуги *Центрархива*. Он развернул активную деятельность, и подготовленные им издания были на редкость разнообразны. Главное место среди них принадлежит многотомнику «Восстание декабристов», но параллельно велись и другие работы. Немало нового содержал посвященный декабристам юбилейный номер журнала «*Красный архив*» (т. 6/13 за 1925 г.). Том открывался солидной подборкой документов «Восстание Черниговского полка в показаниях участников». Публиковался важный идеологический документ «Конституция Государственный завет» (краткое изложение «Русской правды» Пестеля). Серьезный интерес представляли рассуждение В. Ф. Раевского «О солдате» и письма его к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину 1820—1822 гг., показания и письма к царю М. Ф. Орлова. Содержательными были материалы о восстании 14 декабря 1825 г. — рассказ очевидца И. Я. Телешева и показания солдат Московского полка. Статья М. В. Нечкиной вводила в научный оборот группу официальных документов о заговоре И. И. Сухинова в Зерентуйском руднике 1828 г. Здесь же нашли место документы о попытке И. Д. Якушкина освободить своих крестьян, одна из оправдательных записок Н. Тургенева и др.

Богаты публикациями по декабристской тематике были и другие номера «Красного архива» за 20-е — начало 30-х годов¹³.

Ценным приобретением для науки явилась подготовленная *Б. Е. Сыроечковским* и изданная в 1926 г. Центрархивом книга «*Междоусобие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи*». В нее вошли собственноручные записки Николая I о вступлении на престол, его заметки на полях рукописи М. А. Корфа, запись рассказов о 14 декабря вел. кн. Михаила Павловича, воспоминания принца Евг. Вюртембергского, переписка Николая I с братьями Константином и Михаилом и его матери имп. Марии Федоровны с сыновьями Николаем и Константином, отрывки из дневников императриц Александры Федоровны (жены Николая I) и Марии Федоровны и т. д.

В том же году Центрархив выпустил *хрестоматию* о декабристах, подготовленную Ю. Г. Оксманом при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского¹⁴. Она предназначалась главным образом для учебных целей, но имела в виду и более широкий круг читателей. Книга отличалась насыщенностью фактическим материалом, который охватывал историю движения с ранних декабристских организаций по 1826 г. В соответствии с распространенными тогда взглядами относительно большее внимание в хрестоматии уделялось Южному обществу, восстанию Черниговского полка, солдатам — участникам восстания. В ней были представлены программные, уставные, агитационные документы тайных обществ, показания декабристов, официальные материалы, воспоминания и т. д. Художественные произведения составители не включили — преимущество отдавалось документальному материалу, освещающему идеологию и социальные основы движения. Некоторые документы публиковались впервые, многие были проверены по архивным подлинникам. В рецензиях признавалось, что данная хрестоматия может служить хорошим справочником и для исследователя. Среди многих изданий этого рода она была признана лучшей.

Интересно, что Центрархив не ограничился публикацией источников. Он издал и капитальную библиографию по проблеме. Библиографический

¹² Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

¹³ Р. Я. Зверев. «Красный архив». Исторический журнал. 1922—1941. Аннотированный указатель содержания. М., 1960, стр. 30—36.

¹⁴ «Восстание декабристов». Библиография, № 3587.

указатель Н. М. Ченцова «Восстание декабристов» отразил с большой полнотой всю дореволюционную и советскую литературу — всего около 4,5 тысяч названий вошли в него. Этот труд сыграл значительную роль в дальнейшем изучении проблемы.

Распространенным типом издания в то время становится посвященный декабристской тематике сборник разнородных по содержанию, происхождению, характеру источников, порой — источников и статей. Таких сборников во второй половине 20-х годов вышло довольно много. Некоторые из них обращают на себя особое внимание.

Сборник трудов Пушкинского Дома «Декабристы. Неизданные материалы и статьи» был издан в 1925 г. Всесоюзным обществом политкаторжан под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. В нем впервые публиковались материалы из рукописных собраний Пушкинского Дома, одесских архивов и некоторых других хранилищ. Центральное место заняла группа официальных документов о восстании Черниговского полка (из походного архива полковника П. А. Набокова и из бумаг генерала Ф. Г. Гогеля). Там же напечатаны донос тайного агента III Отделения о настроениях и толках в Петербурге после казни декабристов, документальные данные о розыске и аресте поручика И. И. Сухинова, о деле В. И. Сухачева — организатора «Общества независимых» в Одессе и др. Значительная часть материалов относится к периоду каторги и ссылки, в том числе дневник В. И. Штейнгеля с описанием перехода ссыльных декабристов из Читы в Петровский завод в 1830 г. и донесение Бенкендорфу сенатора Б. А. Куракина с изложением своих впечатлений о декабристах во время их следования в Сибирь. В сборник вошли также письма декабристов, воспоминания Батенькова о Сперанском и другие материалы.

Академия наук издала в 1926 г. трехтомный сборник «Памяти декабристов». В нем напечатано немало интересного из архивных собраний Пушкинского Дома и Рукописного отдела библиотеки АН СССР. В частности, публиковались письма и другие материалы к биографии А. А. Бестужева, М. П. Бестужева-Рюмина, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, П. А. Муханова, С. Г. Волконского, И. И. Пущина, Н. И. Тургенева, М. А. Фонвизина, Д. И. Завалишина, содержавшие выразительные штрихи для характеристики мировоззрения и личности названных деятелей. Письма литератора А. Е. Измайлова конца 1825 — начала 1826 г. содержали любопытные сведения о настроениях в консервативных кругах Петербурга и распространившихся там толках, слухах, анекдотах о 14 декабря. В «Объяснении» жандармского капитана Несмеянова подробно рассказывалось об аресте С. И. Муравьева-Апостола и начале восстания Черниговского полка. В сборнике были напечатаны также вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева и обзор хранящихся в Академии наук архивных материалов о декабристах.

В связи с выходом сборника «Памяти декабристов» в научной литературе было высказано мнение о том, что Академии наук следовало бы заняться систематической подготовкой к печати цельных фондов из своих рукописных собраний (например, П. Д. Киселева, Бестужевых и т. д.)¹⁵. Однако реальных последствий это пожелание не имело. Больше признания получил у нас принцип выборочной публикации источников из разных фондов.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина издала в 1926 г. сборник материалов под названием «Декабристы». Наиболее важны из его публикаций большая группа документов о волнениях в Семеновском полку и список с последней, наиболее обработанной редакцией конституции Никиты Муравьева (из бумаг И. И. Пущина). Рецензировавший сборник Н. М. Дружинин признал его значительным явлением юбилея, хотя кри-

¹⁵ «Каторга и ссылка», 1927, № 6, стр. 258.

тически отозвался о некоторых комментариях и отметил многие дефекты в новой публикации конституции Муравьева.

Ряд писем Н. А. и М. А. Бестужевых, С. Г. Волконского, А. П. Юшневского, А. О. Корниловича, а также два документа об аресте П. И. Пестеля напечатаны в вышедшем тогда же юбилейном сборнике *«Бунт декабристов»*. На неизданных архивных материалах основаны помещенные в нем статьи С. Н. Чернова *«Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов»* и К. Кудряшева *«Народная молва о декабрьских событиях 1825 г.»*.

Несколько юбилейных сборников было посвящено сибирскому периоду. Среди них особенно заметны два — *«Декабристы на каторге и в ссылке»* и *«Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных»*¹⁶. В первом опубликовано несколько десятков писем декабристов, статья М. С. Лунина *«Взгляд на дела Польши»* и ряд других материалов. Во втором публиковались письма из Сибири сына декабриста — Е. И. Якушкина, живо описавшего свои впечатления от встреч с товарищами отца, переписка многих из них и тетрадь петрашевца Ф. Толя с записями рассказов декабристов.

Ряд публикаций о декабристах и откликах на декабрьские события 1825 г. содержали юбилейные номера журналов *«Былое»* (№ 5 за 1925 г.) и *«Каторга и ссылка»* (№ 8 за тот же год).

Немало интересных изданий вышло на Украине и в Сибири¹⁷. Ценная публикация местных архивных материалов принадлежала Центрархиву Украины, выпустившему в 1926 г. сборник *«Рух декабристів на Україні»* и отдельный оттиск из него под названием *«Повстання декабристів на Україні»* под редакцией Д. Багалея. В этих изданиях центральное место заняло найденное в Киевском историческом архиве дело *«О возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка, под предводительством того полка подполковника Муравьева-Апостола»*, включающее донесения губернских и уездных властей. Публиковались также данные о розыске экземпляров *«Катехизиса»* С. Муравьева-Апостола, ведомости о солдатах, участвовавших в восстании, и ряд других документов.

К числу наиболее известных сборников по истории декабристского движения принадлежит и двухтомник *«Декабристы и их время»*, подготовленный Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев уже в начале 30-х годов. Наряду со статьями в нем опубликован ряд интересных материалов — записи С. П. Трубецкого о междуархивии и декабристах, письма И. Д. Якушкина 1816—1821 гг. и воспоминания о нем Е. П. Оболенского, два письма М. Ф. Орлова 1819—1820 гг. Д. П. Бутурлину по историческим вопросам, письмо М. П. Бестужева-Рюмина к П. Я. Чаадаеву и письмо о декабристе его племянника К. Н. Бестужева-Рюмина Л. Н. Толстому, неопубликованный отрывок из записок Д. И. Завалишина о замысле побега декабристов из Читы и др.

Выходили и книги однородного содержания — литературно-художественные произведения декабристов, сочинения и мемуары отдельных деятелей движения.

Пушкинский Дом выпустил сборник вновь найденных текстов В. Ф. Равевского, А. И. Одоевского, К. Ф. Рыльева, М. С. Лунина, Н. А. Бестужева, присоединив сюда же стихотворения о декабристах Н. М. Языкова и А. И. Полежаева¹⁸.

Среди имен, привлекавших к себе особое внимание, был несомненно М. С. Лунин. Его яркие публицистические произведения — *«Взгляд на тайное общество»*, разбор донесения Следственной комиссии, письма к сестре — продолжали в годы ссылки традицию непримиримой борьбы декабристов с самодержавием и отстаивали революционную концепцию

¹⁶ *«Восстание декабристов»*. Библиография, № 3325 и 3356.

¹⁷ Там же, №№ 3246, 3263, 3299, 3300, 852, 853.

¹⁸ Там же, № 3244.

движения. Рукописи Лунина, как известно, распространялись в списках и имели мощное пропагандирующее воздействие. Еще до юбилея вышло собрание сочинений и писем декабриста¹⁹. Уже после этого в разных изданиях был опубликован ряд ранее неизвестных его произведений и писем²⁰.

В уточненном и расширенном виде были переизданы воспоминания А. М. Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола, И. И. Горбачевского, И. Д. Якушкина, И. И. Пущина²¹. Записки декабристов и раньше издавались обычно с приложением некоторых других дополняющих их материалов — писем, документов из семейного архива и т. д. Однако такие приложения нередко были случайны по составу. В советское время этот тип издания получил дальнейшее развитие и стал более целенаправленным, объединив вокруг воспоминаний автора все наиболее значительное из его литературного наследия, а также важнейшие биографические материалы.

Такой подход нашел выразительное воплощение в первом отдельном издании «Записок» Н. И. Лорера (1931 г.) — ценного источника для изучения деятельности Южного общества декабристов. Это издание, подготовленное М. В. Нечкиной, в археографическом отношении очень интересно. В основу его положена рукопись, собственноручно исправленная и дополненная автором, что позволило восполнить более 1800 цензурных купюр и искажений, допущенных в дореволюционных публикациях (перечень их приведен в конце книги). В подстрочных примечаниях приведены заметки на полях рукописи ее первых читателей — тех, кто получил ее непосредственно от Н. И. Лорера, мнение которых автор учитывал при доработке своих записок. Текст подлинника воспроизведен в этом издании по новой орфографии. Для облегчения восприятия он разделен на главы, которым даны подзаголовки, взятые преимущественно из текста «Записок». Кроме воспоминаний, в книге напечатаны следственное дело Лорера, его рассказы, стихотворение, письма (большой частью — впервые), а также воспоминания П. Н. Свистунова о восстании Семеновского полка. По такому примерно типу строятся и новейшие издания декабристских мемуаров.

Тогда же (в 1931 г.) вышла более полная и более точная (по сравнению с предыдущими) публикация «Воспоминания Бестужевых»²². В конце 20-х — начале 30-х годов появились отдельные издания «Писем из Сибири» М. и Н. Бестужевых, «Статей и писем» Н. А. Бестужева.

Были переизданы пользовавшиеся популярностью воспоминания жев декабристов — М. Н. Волконской (в 1924 г.) и П. Е. Анненковой (в 1932 г.).

Весомым вкладом в мемуарную литературу о декабристах был выход в свет в 1931—1933 гг. двухтомника «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». В него вошло немало интересных материалов. Большинство из них в свое время публиковалось в разных изданиях, но в неточном и урезанном виде. При подготовке сборника к печати тексты были тщательно выверены по подлинным рукописям или наиболее авторитетным спискам. Среди включенных материалов — «Записки» А. В. Поджио, с их ярко-радикальной окраской, перевод французской рукописи

¹⁹ «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Пб., 1923, 152 стр. Первое, менее полное изд.: «Декабрист Михаил Сергеевич Лунин. Очерк его биографии, его завещание, письма из ссылки и политические статьи «Взгляд на тайное общество» и «Разбор донесения тайной следственной комиссии гос. императору в 1826 году». Пг., 1917, 79 стр.

²⁰ С. Гессен. Новые материалы и исследования о декабристе М. С. Луине. — «Каторга и ссылка», 1928, № 7, стр. 181—183; см. также «Восстание декабристов». Библиография, № 3986—3992.

²¹ «Восстание декабристов». Библиография, № 2412, 2464, 1965, 3143, 2680.

²² «Движение декабристов». Указатель литературы. 1928—1959. Сост. Р. Г. Эймонтова. При участии А. А. Солениковой. М., 1960, № 19.

А. М. Муравьева «Моя жизнь», статья И. Д. Якушкина о 14 декабря, написанная со слов участников восстания, очерк Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь», составленный по рассказам участников восстания Черниговского полка, записка декабриста В. Н. Соловьева об И. И. Сухинове, «Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах» П. Н. Свистунова, воспоминания Г. С. Батенькова, П. И. Фаленберга, Н. Р. Цебрикова, О. В. Горского, А. Ф. Фролова. Кроме свидетельств самих декабристов в сборник вошли воспоминания их современницы С. В. Капнист-Скалон и очевидца восстания Черниговского полка владельца села Мотовиловки И. Руликовского.

Таким образом, юбилейные и ближайшие к ним годы были необычайно богаты публикациями. Конечно, не все издания были равноценными по своему научному уровню. Ю. Г. Оксман в одной из рецензий не без основания отмечал, что на некоторых из них лежит «печать истерической спешки», и обращал внимание научной общественности на «безусловную опасность широко у нас сейчас практикуемых палетов на архивные фонды; нарушающих ход систематических разысканий и, вольно или невольно, подменяющих результаты последних недоброкачественными публикациями сырого и случайного материала»²³. Не всегда достаточно продуманным был отбор публикуемых источников. Нередко наблюдались случаи дублирования, когда один и тот же источник появлялся в разных изданиях. Порой не на высоте были комментарии. Но все же в целом эти годы дали много исключительно ценных публикаций — их появление М. В. Нечкина уже тогда признала «самым важным результатом юбилея»²⁴.

В археографическом отношении публикации тех лет представляли картину разнообразную. При передаче текста документов преобладало стремление к максимальной точности — с сохранением не только особенностей языка, но и правописания, даже пунктуации подлинника (хотя к концу 20-х годов замечается уже и другая тенденция). Когда же речь шла об источниках эпистолярного и особенно мемуарного характера, публикаторы обычно придерживались современной им орфографии и пунктуации. Вообще же единства в подходе к этим вопросам не было, и нередко даже в рамках одного издания они решались по-разному (как это было, например, с трехтомником «Памяти декабристов»).

В последующие годы (примерно с середины 1930-х годов до окончания Великой Отечественной войны) интенсивность публикаторской деятельности заметно снижается. Возникает явный перевес исследовательской и научно-популярной литературы над публикациями источников. Работа направляется главным образом в русло освоения и изучения вошедшей в научный оборот массы фактического материала, его осмысления в духе ленинской концепции освободительного движения, в отходе от ошибок школы М. Н. Покровского. При этом, разумеется, процесс выявления новых архивных материалов непрерывно продолжается, и они появляются на страницах печати или в виде специальных публикаций или — чаще — в тексте монографий и исследовательских статей.

Работа над многотомником «Восстание декабристов» прерывается из-за трудностей с издательской базой. Возобновившаяся было в 1940 г. работа над «Русской правдой» была прервана начавшейся вскоре войной. В течение двух десятилетий (1930—1940-е годы) не вышло ни одного тома «Восстания декабристов». Значительных изданий декабристских материалов в это время появляется мало. Это преимущественно источники эпистолярные и собрания сочинений декабристов-поэтов.

Среди публикаций общего характера наиболее заметны два сборника под названием «Декабристы».

²³ «Каторга и ссылка», 1927, № 1, стр. 247—248.

²⁴ М. В. Нечкина. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925 гг.). — «Историк-марксист», 1926, № 2, стр. 242.

Первый из них издан под редакцией Н. П. Чулкова в составе «Летописей Государственного Литературного музея»²⁵. В нем помещены новые материалы о доносе Шервуда, неопубликованные документы о восстании Черниговского полка, несколько писем и записок официального характера, относящихся к следствию, суду и жизни декабристов в ссылке. Основной же корпус сборника состоит из материалов об отдельных декабристах — преобладает их переписка сибирского периода. Опубликованы письма И. Д. Якушкина, Г. С. Батенькова, А. А. Бестужева-Марлинского и многих других декабристов (всего 22 человека), а также переписка об издании сочинений К. Ф. Рылеева. Некоторые письма (М. П. Бестужева-Рюмина, С. И. Муравьева-Апостола, Н. М. Муравьева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, Ф. П. Шаховского) написаны в первой половине 1820-х годов и даже раньше. В сборнике напечатан также план драматического произведения Рылеева о Мазепе, русский перевод опубликованной в Англии статьи Н. Тургенева 1852 г. против рабства в Америке и крепостного права в России. Представляют интерес письмо Е. С. Уваровой о ее брате М. С. Лунине, три письма В. А. Олениной и два письма П. А. Вяземского издателю «Русского архива» Бартеневу с воспоминаниями и отзывами о декабристах. Комментарии Н. П. Чулкова насыщены фактическим материалом (в том числе архивным), к книге приложен обстоятельный указатель имен. В качестве недочетов сборника отмечались отсутствие вступительной статьи, неравноценность и неоднотипность комментариев, а также отдельные неточности в них²⁶.

Другой сборник под тем же названием (значительно меньший по объему) подготовил Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина²⁷. Среди его публикаций — неизвестное ранее стихотворение Рылеева («Любовь к отчизне»). В напечатанных здесь же выдержках из дневника флигель-адъютанта Николая I Н. Д. Дурново за ноябрь 1825 — июль 1826 г. говорится о междуцарствии, восстании 14 декабря, его разгроме, поездке автора на юг в связи с восстанием Черниговского полка и т. д. Часть этих записей публиковалась и до революции, но в неточном переводе, с ошибками и пропусками. И в этом сборнике основное место заняла переписка декабристов — было опубликовано более 20 писем из личного фонда И. И. Пущина. В нем помещены также обзоры декабристских материалов Отдела рукописей. Рецензент С. Я. Штрайх положительно отзывался о составе публикаций, комментарии же вызвали с его стороны критические замечания²⁸.

В обоих сборниках заметно преобладали источники эпистолярного характера. Из переписки декабристов составлена еще одна книга, вышедшая примерно в те же годы и подготовленная также Отделом рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина²⁹.

К 30-м годам относится несколько значительных публикаций, связанных с именем *Николая Тургенева*. Это, прежде всего, том его писем к брату за 1811—1821 гг. (в приложении публиковались письма 1826 г., а также переписка братьев Тургеневых с В. А. Жуковским и С. П. Жихаревым 1817—1825 гг.) и переиздание его известной книги «Опыт теории налогов». В начале 30-х годов был подготовлен к печати очередной том его дневников и писем за 1824—1826 гг. (в составе «Архива братьев Тургеневых»), но он так и не вышел — сохранилось ничтожное количество отпечатанных экземпляров³⁰. Видно, состав тома не удовлетворял тем новым, более строгим

²⁵ «Декабристы». М., 1938. (Государственный литературный музей. «Летописи», кн. 3).

²⁶ «Историк-марксист», 1939, № 5—6, стр. 249—250; «Литературное обозрение», 1939, № 13, стр. 50—54.

²⁷ «Декабристы». М., 1939. (Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. «Записки Отдела рукописей», вып. 3).

²⁸ «Литературное обозрение», 1940, № 11, стр. 48—51.

²⁹ «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толя». М., 1936.

³⁰ «Движение декабристов». Указатель литературы. 1928—1959, № 2608—2609, 2605.

требованиям отбора источников для публикации, которые стали практиковаться в 30-х годах.

Одним из наиболее плодотворных направлений в те годы была работа литературоведов по изучению и публикации литературного наследия поэтов-декабристов. В 1934 г. появились почти одновременно полное собрание стихотворений *К. Ф. Рыльева* (под редакцией Ю. Г. Оксмана) и полное собрание его сочинений (под редакцией А. Г. Цейтлина). В 1938 г. стихотворения поэта-декабриста были изданы в малой серии «Библиотеки поэта». К 30-м годам относится еще несколько публикаций отдельных произведений и писем Рыльева³¹. Плодотворно изучалось творчество другого видного поэта-декабриста *В. К. Кюхельбекера*. Вышел отдельным изданием его «Дневник», были впервые опубликованы его роман «Последний Колонна» и трагедия «Прокофий Ляпунов». Большую роль в выявлении литературного наследия В. Кюхельбекера сыграл великолепный знаток его творчества Ю. Н. Тынянов. Под редакцией Тынянова подготовлен двухтомник сочинений декабриста, включивший немало новых публикаций, и книга стихотворений В. Кюхельбекера в малой серии «Библиотеки поэта»³². Советскими литературоведами (прежде всего И. А. Кубасовым и М. А. Брискманом) проделана большая работа по разысканию новых текстов *А. И. Одоевского*. В 1934 г. вышло полное собрание стихотворений и писем поэта, где впервые так широко представлено его творчество. А через два года стихи Одоевского были изданы в малой серии «Библиотеки поэта». Примерно в то же время появились «Избранные повести» *А. Бестужева-Марлинского*, несколько публикаций его писем, две поэмы и другие произведения *Ф. Глинки*, воспоминания *П. А. Катенина* о А. С. Пушкине и его стихотворения в малой серии «Библиотеки поэта», «Вечер в Кишиневе» *В. Ф. Раевского*³³.

Начавшаяся Великая Отечественная война и связанная с ней перестройка всей научной и издательской деятельности временно приостановила подготовку новых публикаций. Впрочем, и в военные годы вышли некоторые произведения декабристов военно-патриотической тематики (извлечения из «Писем русского офицера» *Ф. Глинки*, «Лейтенант Белозор» *А. Бестужева-Марлинского*)³⁴.

Важное значение имело возобновление в 1944 г. работы над многотомником «*Восстание декабристов*». Инициатива принадлежала М. В. Нечкиной, которая с тех пор непосредственно руководит этим изданием.

Послевоенные годы отмечены заметным оживлением в деле публикации декабристских материалов. В какой-то мере это связано с приближавшимся новым — 125-летним — юбилеем восстания.

После 20-летнего перерыва вышел очередной девятый том издания «*Восстание декабристов*». Теперь цель его понималась иначе — как помощь научно-исследовательской работе³⁵. Иным стал и подход к очередности публикуемых следственных дел: было решено строго следовать их порядковой нумерации в материалах следствия.

Изданные в 1950—1954 гг. девятый, десятый и одиннадцатый тома продолжали публикацию следственных дел деятелей Южного общества. В них напечатаны важнейшие по значению дела М. П. Бестужева-Рюмина, М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Юшневского, С. Г. Волконского, А. П. Барятинского и других «южан».

Все тома снабжены предисловиями (фактически — развернутыми вступительными статьями) ответственного редактора академика М. В. Нечки-

³¹ «Движение декабристов». Указатель литературы. 1928—1959, № 2373—2381.

³² Там же, № 2007—2017.

³³ Там же, № 1323—1332, 1753—1756, 1892—1897, 2326.

³⁴ Там же, № 1757, 1333.

³⁵ ВД, т. 9, стр. 9—10.

ной. В методологическом отношении они существенно отличаются от прежних томов. Кроме того, в них присутствует глубокий источниковедческий анализ следственного материала, чего не было в первых томах. В археографических послесловиях к каждому тому, как и прежде, давалось научное описание рукописей.

В возобновленном издании был оставлен в силе ряд прежних приемов публикации — прежде всего принцип передачи текста документов в точном соответствии с оригиналом. Правописание последнего в основном сохранялось, но было несколько приближено к современному. В оглавлении стали перечисляться все включенные в том документы, это облегчило работу с публикуемыми материалами.

Отклик на новые тома в печати был весьма благожелательным. В написанных с большим знанием дела рецензиях Б. Е. Сыроечковского отмечалась тщательность воспроизведения текста подлинника, научные достоинства вступительных статей и т. д. Вместе с тем рецензент обращал внимание на некоторые пробелы в научно-справочном аппарате, ряд неточностей в передаче текста, отдельные отступления от принятых правил публикации, выражал неудовлетворенность слишком суммарным обзором хода следствия, скупостью сведений, сообщенных указателями. В целом же оценка была вполне позитивной³⁶. В специальной археографической литературе новые тома признаны более совершенными по сравнению с предшествующими³⁷.

Некоторые интересные материалы из фондов Института русской литературы (Пушкинского Дома) и других архивов помещены в сборнике «Декабристы и их время»³⁸. Среди них — два письма Рылеева и неизданные воспоминания о нем участника Общества любителей российской словесности И. Н. Лобойко, 30 писем В. К. Кюхельбекера из крепостей и ссылки, основанная на новых материалах статья М. А. Брискмана об агитационных песнях декабристов, письмо Павла Бестужева к А. Бестужеву-Марлинскому о смерти А. С. Пушкина и т. д. Заслуживают внимания напечатанные в том же сборнике обзор произведений, писем, документов декабристов, хранящихся в Пушкинском Доме, и обзор изобразительных материалов о них.

Плодотворно изучалось в конце 40-х — начале 50-х годов публицистическое и литературное наследие «первого декабриста» В. Ф. Раевского — деятельного члена кишиневской управы тайного общества — одного из радикально настроенных участников движения. Успешно исследовали его творчество В. Г. Базанов и П. С. Бейсов. Они ввели в научный оборот многие неизвестные ранее сочинения и бумаги Раевского — в том числе его «Собственноручную автобиографическую записку» 1858 г., «Протест» 1823 г. против действий Следственной комиссии, «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», десятки стихотворений, письма и т. д. В. Г. Базанов подготовил к печати первое собрание стихотворений декабриста³⁹.

Примерно в те же годы подготовлена и издана антология поэтов-декабристов⁴⁰.

³⁶ «Вопросы истории», 1951, № 11; 1954, № 6; 1956, № 1.

³⁷ И. А. Миронова, А. И. Юхт. О деятельности М. В. Нечкиной в области археологии и источниковедения. — «Археологический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 248—262; «История советской археологии». Учебное пособие, вып. 5. Т. В. Багаева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. Археология в послевоенные годы (1945—1955). М., 1967, стр. 54—57.

³⁸ «Декабристы и их время». Материалы и сообщения. М. — Л., 1951.

³⁹ «Движение декабристов». Указатель литературы. 1928—1959, № 2329, 2330, 2344—2346, 2363. Некоторые из этих публикаций вызвали, правда, критические замечания, касавшиеся неточной передачи текста, а также фактических ошибок и пробелов в комментариях («Литературное наследство», т. 60, кн. 1, 1956, стр. 129, 139—140; «Советская книга», 1952, № 8, стр. 99).

⁴⁰ «Поэзия декабристов». Л., 1950.

Серьезным достижением советских ученых явилось осуществление академических изданий двух выдающихся памятников декабристской мемуарной литературы — воспоминаний И. Д. Якушкина и братьев Бестужевых. Они вышли в серии «Литературные памятники».

Записки *Якушкина*, содержащие общий очерк движения декабристов и их жизни в ссылке, принадлежат к числу наиболее достоверных источников по истории декабризма. Еще до революции они публиковались много раз — сначала за границей, потом и в России. Их академическое издание, вышедшее в 1951 г., фактически включило все сохранившееся литературное наследие Якушкина (записки, воспоминания о женах декабристов, письма, документы, связанные с попыткой освобождения своих крестьян), а также воспоминания о нем⁴¹.

В том же году вышло новое издание воспоминаний братьев *Бестужевых*, представляющее собой целый комплекс разновременных и разнохарактерных мемуарных и эпистолярных источников. При их подготовке к печати был снова тщательно проверен текст, устранены ошибки прежних изданий, включены некоторые не публиковавшиеся прежде материалы, по-новому решена сложная проблема композиции издания. В предисловии «От редакции» изложена история публикации текстов⁴².

Оба этих первоклассных памятника декабристской мемуаристики были выпущены комиссией Академии наук по изданию научно-популярной литературы.

Вообще подготовке изданий, рассчитанных на широкие читательские круги, уделялось тогда особое внимание.

В 1951 г. вышел трехтомник «*Избранные социально-политические и философские произведения декабристов*», подготовленный кафедрой философии Московского государственного университета. Он включил отрывки из конституционных проектов, агитационных произведений, воспоминаний и других литературных сочинений декабристов, их писем, показаний на следствии, а также стихотворения и статьи их современников и последователей. Первый том заняли материалы Северного общества, второй — Южного, третий отводился Обществу соединенных славян, декабристам в Сибири, влиянию декабристов на русскую общественную мысль. В приложениях к томам были помещены правительственные и другие официальные документы, воспоминания и рассказы современников и т. д. В рецензии И. В. Пореха отмечалось⁴³, что подобная хрестоматия — дело нужное. Вместе с тем общий отзыв рецензента был довольно суров. Наиболее серьезный упрек с его стороны вызвали комментарии. Критиковался также отбор текстов, структура книги, отсутствие вспомогательных указателей.

В том же 1951 г. в Ленинграде вышла составленная В. Н. Орловым антология «*Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика*». Кроме литературного творчества декабристов и гражданской поэзии их эпохи в ней представлены публицистические произведения Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, М. С. Лунина, прокламации, связанные с волнениями в Семеновском полку 1820 г., тексты из конституции Муравьева, из показаний Пестеля, письма Каховского и А. Бестужева царю и т. д. Составителю удалось подобрать материал большого эмоционального воздействия и в то же время серьезного познавательного значения. Впрочем, в рецензиях отмечался и ряд недостатков антологии — перепечатка текстов без проверки по подлинникам, не всегда удачный отбор документов, отдельные неточности и т. д. О комментариях рецензенты отзывались одобрительно⁴⁴.

⁴¹ «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951.

⁴² «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951.

⁴³ «Советская книга», 1952, № 5, стр. 76—83.

⁴⁴ «Советская книга», 1952, № 8, стр. 97—101; Б. С. Мейлах. Литература декабристов.— «Литературная газета», от 2 апреля 1953 г.

Вообще годы 125-летнего юбилея со дня восстания отмечены не столько появлением новых материалов, сколько переизданием ранее известных избранных произведений декабристов. Усилия ученых направились главным образом в сторону совершенствования методов публикации и комментирования материала, что во многом подготовило достижения последующих лет.

Относящаяся к тому времени библиография о движении декабристов также имела, как правило, рекомендательный характер и была представлена преимущественно краткими списками литературы научно-популярного характера.

В период с середины 50-х годов по настоящее время состав опубликованных источников по истории движения декабристов существенно пополнился. К ним прежде всего относятся очередные тома *«Восстания декабристов»*.

В 1958 г. вышел долгожданный седьмой том — *«Русская правда» Пестеля и сочинения, ей предшествующие*. Первое полное академическое издание этого важнейшего идеологического памятника декабризма стало событием в науке. Том включал не только сохранившуюся часть текста *«Русской правды»* (вместе со всеми вариантами и примечаниями), но и прямо или косвенно связанные с ней материалы и сочинения Пестеля. Среди них такие важнейшие документы, как *«Конституция Государственный завет»*, *«Дележ земель»* и др. Много сделал для подготовки седьмого тома к печати А. А. Покровский. Большая заслуга в этом деле принадлежит и М. В. Нечкиной, руководившей работой на очень ответственном завершающем этапе и осуществившей редактирование всего текста. Ей же принадлежит открывшая том обширная исследовательская статья *«„Русская правда“ и движение декабристов»*. Другая вступительная статья, написанная А. А. Покровским, специально посвящалась археографическому анализу документального комплекса *«Русской правды»*⁴⁵.

В научной печати с одобрением говорилось о точности воспроизведения текстов в томе. Тщательный археографический анализ документов рецензент признал наиболее сильной стороной издания. В качестве недочетов отмечалось отсутствие в книге именного и предметного указателей, а также историографического очерка во вступительной статье. Выражалось сожаление, что в томе не приведены показания Пестеля и других декабристов о *«Русской правде»*⁴⁶.

После выхода *«Русской правды»* в публикации многотомника вновь наступил длительный перерыв, вызванный трудностью найти издательскую базу для его продолжения. Только одиннадцать лет спустя появился очередной двенадцатый том *«Восстания декабристов»*. Он продолжил публикацию следственных дел членов Южного общества. В археографическом отношении двенадцатый том серьезно отличается от предшествующих. В нем впервые допущен значительный отход от прежних текстологических приемов и приближение к новым правилам издания исторических документов. *«Практика цитирования показаний декабристов в монографической литературе, — писала по этому поводу академик М. В. Нечкина, — давно показала, что воспроизведение случайных описок или ошибочной орфографии в тексте томов «Восстания декабристов», а также небрежной пунктуации затрудняет чтение подлинника»*⁴⁷. При этом в предисловии оговаривалось, что полный переход к новым правилам на завершающей стадии издания невозможен.

К этому фундаментальному изданию тематически примыкает небольшая, но заслуживающая внимания публикация *«К истории суда над декабристами»* в журнале *«Вопросы архивоведения»* (1963, № 1). Она вклю-

⁴⁵ Подробнее об этом издании см.: И. А. Миронова, А. И. Юхт. Указ. статья.

⁴⁶ В. А. Федоров. [Рецензия на т. 7 *«Восстание декабристов»*.] — *История СССР*, 1959, № 5, стр. 160—162.

⁴⁷ ВД, т. 12, стр. 21.

чает шесть агентурных записок сенатора В. И. Болгарского, извлеченных из секретного архива III Отделения. В записках, относящихся к июню — июлю 1826 г., освещается ход заседаний Верховного уголовного суда (членом которого был этот тайный осведомитель). Представляет интерес изображенная Болгарским борьба мнений между сторонниками крутой расправы с декабристами и «филантропами», решение участи отдельных декабристов и т. д.

К числу наиболее значительных публикаций по истории движения декабристов принадлежит сборник «*Декабристы-литераторы*»⁴⁸, явившийся крупным вкладом в изучение проблемы и существенно обогативший ее источниковую базу.

Первый том открывался обширным разделом «Из неизданного литературного наследия К. Ф. Рыльева». Здесь публиковались новые и уточненные тексты, неизвестные отрывки, редакции, черновые варианты произведений поэта-декабриста, его неизданная переписка (дополненная библиографией писем к Рылеву), деловые бумаги. Специальная подборка «Рылеев на следствии» (из неопубликованных следственных дел) позволила во многом по-новому понять его поведение в крепости. В том же разделе напечатаны воспоминания и рассказы о Рылеве, сообщения о его произведениях и неосуществившихся литературных замыслах и т. д. Несколько статей посвящены установлению подлинного текста агитационных песен К. Рыльева и А. Бестужева.

В разделе «Из неизданного литературного наследия В. К. Кюхельбекера» публиковались: его лекция о русской литературе и языке, прочитанная в 1821 г. в Париже, статья 30-х годов «Поэзия и проза», свыше 50 писем Кюхельбекера конца 20-х — 40-х годов, ряд писем к нему (преимущественно времени ссылки), библиография ранее опубликованных писем к Кюхельбекеру. Здесь же напечатаны воспоминания о декабристе, сообщения о его литературной деятельности накануне 14 декабря и в последние годы жизни, а также документы о розыске Кюхельбекера властями в декабре 1825 г.

Для изучения исторических взглядов декабристов много дают материалы раздела «Декабристы — критики «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина», где опубликованы два письма М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому 1818 г. и записка Никиты Муравьева «Мысли об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина».

Том завершался историко-библиографическим обзором М. К. Азадовского «Затерянные и утраченные произведения декабристов». Известно, что до наших дней дошло далеко не все из творческого наследия декабристов; многое было уничтожено самими участниками движения из конспиративных соображений, в ожидании арестов и т. д. В обзоре М. К. Азадовского сделана попытка обобщить встречающиеся в источниках сведения о несохранившихся уставных и программных документах тайных обществ, агитационно-пропагандистских произведениях декабристов, их политической переписке, публицистических, художественных, научных сочинениях, дневниках и мемуарах. Разумеется, такая работа могла быть предпринята только ученым широкой эрудиции, сочетавшим в себе, подобно Азадовскому, знатока библиографии и исследователя.

Немало интересных находок содержал и второй том сборника «Декабристы-литераторы». Видное место среди них заняли новонайденные произведения М. Ф. Орлова — два приказа по 16-й дивизии (дополнившие известные ранее сведения о борьбе декабристов с арачьевщиной в армии) и 16 писем к П. А. Вяземскому 1819—1829 гг. Заслуживает внимания памятник агитационно-пропагандистской литературы декабристов — «Рассуждение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина в

⁴⁸ «Декабристы-литераторы», т. 1, 2 (кн. 1 и 2). М., 1954—1956 («Литературное наследство», т. 59—60).

переработке Н. Муравьева. Существенно дополнили декабристскую мемуаристику напечатанные в том «Воспоминания» В. Ф. Раевского. Опубликовавший их М. К. Азадовский полагал, что, несмотря на незавершенность и неполноту, они «могут быть поставлены наравне с лучшими страницами декабристской мемуарной литературы». По верности автора передовым идеям своей молодости публикатор сравнил их с воспоминаниями Горбачевского, Якушкина, братьев Бестужевых. Воспоминания Раевского широки по охвату. В центре их — арест автора, следствие по его делу, путь в Сибирь. Однако В. Раевский не ограничивается этим, но говорит и о войне 1812 г., о предпосылках движения декабристов, тайном обществе, доносах на него, ланкастерских школах. Особый интерес представляют его свидетельства о солдатских настроениях и новые данные о разгроме кишиневской управы декабристов.

В том публиковались неизвестные письма В. Ф. Раевского, А. и М. Бестужевых, «Памятная записка» 1829 г. (автобиография) Ю. Люблинского, неизвестные стихотворения и письма А. Одоевского, рассказ Н. Бестужева «Похороны», сатирические стихи В. Л. Давыдова, статья Г. С. Батенькова о «Мертвых душах» Гоголя и др.

Солидным вкладом в иконографию декабристов явилась последняя книга «Декабристов-литераторов» — монография И. С. Зильберштейна «Николай Бестужев и его живописное наследие. История создания портретной галереи декабристов». В ней воспроизведены десятки портретов работы Н. Бестужева. Прекрасно иллюстрированы и остальные книги сборника «Декабристы-литераторы». Составленный Н. Эфрос указатель помогает ориентироваться в этом собрании иллюстративных источников.

Из сборников общего характера нужно назвать еще подготовленную Отделом рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина под редакцией М. К. Азадовского и изданную в 1955 г. книгу «Декабристы. Новые материалы». Она вводила в круг мемуаристов декабристского движения два новых лица. Публиковавшиеся в ней впервые воспоминания малоизвестного ранее декабриста В. С. Толстого (вызванные появлением записок А. Е. Розена) содержали ряд новых данных о деятельности петербургской ячейки Южного общества, о восстании 14 декабря, расправе царизма с декабристами и т. д. Их дополняли многочисленные заметки В. Толстого на полях и между строк книги Розена и его следственное дело. Значительный интерес представила публикация сохранившейся части автобиографических записок основателя Союза спасения — А. Н. Муравьева. Она охватила 1810—1812 гг. и выразительно запечатлела настроения передовой дворянской молодежи, истоки формирования идеологии декабристов, события Отечественной войны 1812 г. В сборник вошли также письма Н. А. Бестужева и И. Д. Якушкина и сообщение о Г. С. Батенькове как авторе анонимно изданного в 1824 г. сочинения «О египетских письменах» — первой русской книги о расшифровке египетских иероглифов.

Значительные успехи достигнуты в последние десятилетия в деле разыскания, публикации и переиздания сочинений отдельных декабристов. Вышли собрания сочинений, мемуары, другие произведения многих деятелей движения, появились новые публикации в журналах и сборниках.

Видное место среди этих изданий заняли книги серии «Литературные памятники», предназначенной для выдающихся произведений мировой литературы. После воспоминаний Якушкина и братьев Бестужевых еще несколько выпусков этой серии отведены литературному наследию декабристов.

В конце 50-х годов впервые издано собрание сочинений и писем декабриста-историка А. О. Корниловича⁴⁹. В него вошли художественные произведения писателя, статьи по истории и политические записки, написанные в Петропавловской крепости (не все), свыше 100 писем. Многие публи-

⁴⁹ А. О. Корнилович. Сочинения и письма. М.—Л., 1957.

ковалось впервые. В приложении напечатаны статьи Б. Б. Кафенгауза и А. Г. Грумм-Гржимайло о Корниловиче и его письмах, указатель имен и адресатов. Высокие научные достоинства этого издания отмечались в литературе. Уже после его выхода в свет исследователи обнаружили еще ряд неизвестных статей и писем Корниловича, установили авторство декабриста в отношении многих статей по истории, печатавшихся в журналах и альманахах 1810—1820-х годов⁵⁰.

Один из следующих выпусков серии был посвящен известному альманаху К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева «Полярной звезде»⁵¹. В академическое издание этого памятника вошел полный текст «Полярной звезды» на 1823, 1824, 1825 гг., а также альманаха «Звездочка» на 1826 г. и дополнений к нему по цензурной рукописи. Издание снабжено статьей о литературно-эстетических позициях «Полярной звезды» и обстоятельными комментариями. К книге приложены перечни сотрудников обоих альманахов, списки писателей и периодических изданий, упоминаемых в обзорах А. Бестужева, указаны отзывы на «Полярную звезду» в печати 1822—1832 гг. и т. д.

В серии «Литературные памятники» вышло и первое собрание избранных произведений М. Ф. Орлова⁵². Книга содержит его воспоминания о капитуляции Парижа в 1814 г., первую полную публикацию трактата «О государственном кредите», политические речи М. Ф. Орлова, письма об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, приказы по 16-й дивизии, антинаполеоновский памфлет «Размышления русского военного о 29-м бюллетене», 30 писем и т. д. Завершает ее обстоятельная статья С. Я. Борового «М. Ф. Орлов и его литературное наследие». Приложен перечень не вошедших в книгу сочинений и писем декабриста, а также список основной литературы о нем. Книга получила высокую оценку в научной печати. При этом были высказаны критические замечания относительно отбора писем⁵³.

В том же году серия «Литературные памятники» пополнилась новым изданием так называемых «Записок И. И. Горбачевского», опубликованных впервые в «Русском архиве» под названием «Записки неизвестного из Общества соединенных славян» и после этого не раз переиздававшихся⁵⁴. Как уже отмечалось исследователями, эти «Записки» отличаются от обычного типа личных воспоминаний и скорее приближаются к историческому труду об Обществе соединенных славян, основанному на воспоминаниях участников общества. Вопрос об их авторстве вызвал полемику. Начала ее М. В. Нечкина, в свое время специально изучавшая Общество соединенных славян и посвятившая ему монографию. Именно она ввела в научный оборот неизвестную ранее наборную копию записок, которая и легла в основу последнего уточненного издания. В своей статье М. В. Нечкина выдвигала гипотезу о том, что подлинным автором записок является не Горбачевский, а П. И. Борисов⁵⁵. Однако редакторы нового издания не согласились с ее доводами — записки вышли по-прежнему под именем Горбачевского. Это вызвало критическую рецензию М. В. Нечкиной⁵⁶, где она поддерживала прежнюю гипотезу об авторстве П. И. Бо-

⁵⁰ А. Г. Грумм-Гржимайло. А. О. Корнилович — исследователь архивных источников и археограф. — «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 180—193; Ю. Логман. Неизвестные и утраченные труды А. О. Корниловича. — «Русская литература», 1961, № 2, стр. 121—125.

⁵¹ «Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым». М. — Л., 1960.

⁵² М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.

⁵³ С. Б. Окунь. Ценный сборник. — «Новый мир», 1963, № 11, стр. 261—264.

⁵⁴ И. И. Горбачевский. Записки, письма. М., 1963; см. также «Восстание декабристов». Библиография, № 1959, 1962, 1965.

⁵⁵ М. В. Нечкина. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского»? — «Исторические записки», т. 54, 1955, стр. 284—297.

⁵⁶ М. В. Нечкина. Новое издание «Записок об Обществе соединенных славян». — «История СССР», 1964, № 6, стр. 149—156.

рисова. М. В. Нечкина специально остановилась на археографической стороне рецензируемого издания. Отметив его «неоспоримую ценность» и большую (по сравнению с прежними публикациями) близость к подлиннику, она вместе с тем обратила внимание на отсутствие в нем научного описания рукописи и изложения принципов передачи текста, а также некоторые другие недочеты. С точки зрения археографии данная рецензия представляет самостоятельный интерес, поскольку в ней детально рассмотрены требования к методике воспроизведения текста источника и характеру редакторских комментариев в научных изданиях.

Позднее были высказаны и другие соображения об авторстве приписываемых Горбачевскому «Записок». По мнению Н. Н. Лысенко, литературное оформление коллективных воспоминаний «славян» принадлежало М. А. Бестужеву⁵⁷. Г. П. Шатрова пришла к выводу, что их автором был Ф. Ф. Вадковский⁵⁸.

Среди появившихся в последние десятилетия декабристских мемуаров нельзя не упомянуть и замечательных «Записок о Пушкине» его друга И. И. Пуцина, а также дважды изданных в Чите записок М. Н. Волконской⁵⁹. К заслужившим издавна популярность воспоминаниям жен декабристов Волконской и Анненковой в последнее время прибавился еще один близкий по характеру источник — дневник А. В. Якушкиной, который она вела в конце 1827 г. — в первые месяцы после отправки мужа в Сибирь⁶⁰.

Появилось несколько ценных публикаций из творческого наследия Н. И. Тургенева. Сочинения этого яркого и оригинального мыслителя, одного из крупнейших теоретиков раннего декабризма, продолжают привлекать внимание советских исследователей. Среди новых публикаций — неизвестная ранее первая часть трактата Н. Тургенева «Политика. Нечто о главных основаниях теории политики»⁶¹ и вновь найденная рукопись «Сопоставление Англии и Франции»⁶². Обнаруженная Т. Головановой неопубликованная статья Н. И. Тургенева о временной приостановке объявления манифеста 19 февраля 1861 г. (предназначавшаяся, по мнению публикатора, для «Коджокола») содержит новые данные об отношении декабриста к крестьянской реформе⁶³. Сюда же примыкает обширная публикация «[И. С.] Тургенев и семья декабриста Н. И. Тургенева»⁶⁴.

Отдельной книгой вышла рукопись Н. А. Бестужева «Опыт истории российского флота» (Л., 1961).

В последние десятилетия деятельно продолжалась дальнейшая разработка творческого наследия поэтов-декабристов. В результате проведенных исследований и сделанных находок удалось осуществить новые — расширенные и уточненные — издания сочинений Рылеева, Глинки, Одоевского, Бестужева-Марлинского, Раевского, Катенина, Кюхельбекера. Большин-

⁵⁷ Н. Н. Лысенко. Как создавались «Записки» декабриста И. И. Горбачевского. — «История СССР», 1968, № 6, стр. 101—112.

⁵⁸ Г. П. Шатрова. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973, стр. 91—113.

⁵⁹ И. И. Пуцин. Записки о Пушкине. Письма М., 1956; «Записки княгини М. Н. Волконской». Чита, 1956; изд. 2. Чита, 1960.

⁶⁰ А. В. Якушкина. Дневник. С послесл. Н. В. Якушкина «Несостоявшаяся поездка А. В. Якушкиной в Сибирь». — «Новый мир», 1964, № 12, стр. 138—159.

⁶¹ С. С. Ланда. Неизвестный политический трактат декабриста Н. И. Тургенева. — В кн.: «Проблемы общественного движения и историографии». К 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1971, стр. 62—101. Почти одновременно та же рукопись была опубликована в Саратове. (Е. Б. Бешенковский, М. Я. Билиннис, В. В. Пугачев. Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева. (Первая часть «Политики»). — В кн.: «Освободительное движение в России», сб. 1. Саратов, 1971, стр. 105—125). В этой статье (стр. 125. «Вместо заключения») и в сб. 2 (стр. 139—140) — критические замечания авторов о публикации С. С. Ланды. Там же рассмотрен вопрос о принципах публикации рукописей Н. Тургенева.

⁶² «Освободительное движение в России», сб. 2, стр. 108—140.

⁶³ Т. Голованова. Н. И. Тургенев о крестьянской реформе. — «Русская литература», 1961, № 4, стр. 134—142.

⁶⁴ «Литературное наследство», т. 76, 1967, стр. 359—414.

ство из них вышло в большой и малой сериях «Библиотеки поэта»⁶⁵. Кроме того, были изданы антологии поэтов-декабристов⁶⁶.

Своеобразной разновидностью публикаций декабристских материалов явилось осуществленное в недавнее время факсимильное воспроизведение «Полярной звезды» Герцена и Огарева, где впервые увидели свет многие запретные тогда произведения декабристов. После 1825 г. именно «Полярная звезда» «подняла традицию декабристов»⁶⁷, положила начало публикации их произведений. Здесь напечатаны сочинения Рыльева, Лунина, Н. Бестужева, Якушкина и других декабристов. Некоторые декабристские материалы (записка В. И. Штейнгеля о Сибири и письмо его к Николаю I, воспоминания очевидцев о 14 декабря) нашли место в «Исторических сборниках» Вольной русской типографии. Многие из этого впоследствии не раз перепечатывались в других изданиях — в более полном и точном виде, но первая публикация продолжает сохранять важное историографическое значение. Факсимильное издание не ограничилось, разумеется, механическим воспроизведением этих материалов. Оно сопровождается тщательно разработанными научными комментариями, устанавливающими авторство ряда текстов, историю публикаций и т. д.

Последний период отмечен дальнейшим повышением научного уровня выпускаемых изданий, что выражается в применении более совершенных методов передачи текста источников, в лучшем археографическом оформлении публикаций, в большей разработанности справочного аппарата, тщательности комментариев. Значительная заслуга в этом деле принадлежит «Правилам издания исторических документов в СССР» (1955 и 1969 гг. издания), в которых закреплён и обобщён многолетний опыт работы советских археографов.

В археографической деятельности, связанной с декабристской тематикой, заметен процесс сближения между научным и научно-популярным типами изданий. Не только в последнем, но и в первом случае получили преобладание формы с применением выборочного подхода к публикуемым источникам. Единственное пофондовое издание — многотомник «Восстание декабристов». Полные собрания сочинений публицистов и писателей из числа декабристов редки. С другой стороны, совершенствование археографических методов и приемов, применяемых при подготовке книг научно-популярного профиля, делает лучшие из них пригодными и для использования в научной работе. Наглядным примером могут служить выпуски серий «Литературные памятники», «Библиотека поэта», «Литературные мемуары».

Кстати, сам факт издания произведений декабристов в составе различных серий весьма характерен для нашего времени. В этом, видимо, сказывается тяга к поддержанию определенных традиций и к созданию устойчивых типов издания.

Нельзя не отметить и вновь возросшее внимание к библиографическому учету имеющихся публикаций. После длительного перерыва, прошедшего со времени выхода в свет в 1929 г. труда Н. М. Ченцова, Историческая библиотека РСФСР подготовила хронологически примыкающий к нему указатель литературы о декабристах за 1929—1960 гг. В настоящее время

⁶⁵ «Движение декабристов». Указатель литературы. 1928—1959, № 2403, 1763, 2169, 1343; см. также: К. Ф. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971; Ф. Н. Глинка. Стихотворения. Л., 1961; А. А. Бестужев-Марлинский. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961; В. Ф. Раевский. Сочинения. Ульяновск, 1961; В. Ф. Раевский. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1967; П. А. Катенин. Избр. произведения. М.—Л., 1965; В. К. Кюхельбекер. Избр. произведения. В 2-х т. М.—Л., 1967.

⁶⁶ «Поэты-декабристы» [В. Ф. Раевский, А. А. Бестужев, П. Колошин, Н. С. и П. С. Бобринцевы-Пушкины, Н. И. Лорер, Н. А. Бестужев, Г. С. Батеньков, Н. А. Чижов, М. А. Бестужев, В. Л. Давыдов]. Сб. стихов. Л., 1960; «Поэты-декабристы» [В. Ф. Раевский, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский, А. А. Бестужев-Марлинский, Ф. Н. Глинка, Г. С. Батеньков]. М., 1967.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

та же библиотека ведет работу над библиографическим пособием, которое должно отразить литературу этой тематики с 1960 по 1975 г. Движение декабристов — одна из немногих проблем отечественной истории, так последовательно и систематически представленных в библиографии. Не приходится доказывать, что это обстоятельство сильно облегчает работу исследователя. Кроме названных фундаментальных указателей, имеются внутрикнижные библиографии, также чрезвычайно полезные⁶⁸. При разыскании неопубликованных источников помогают указатели и обзоры архивных собраний декабристских материалов⁶⁹.

Немало нового в деле публикации декабристских материалов принес 150-летний юбилей со дня восстания 1825 г.

Наиболее важным достижением является заметный сдвиг в начатой полвека назад многотомной публикации *«Восстание декабристов»* — сдвиг, который, надо надеяться, приведет в ближайшие годы к ее завершению. Недавно вышел из печати тринадцатый том многотомника, завершивший издание следственных дел членов Южного общества и Общества соединенных славян, осужденных Верховным уголовным судом. Подготавливаемые к печати четырнадцатый и пятнадцатый тома завершат публикацию материалов Северного общества. Они включают 35 следственных дел декабристов, в том числе Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, Н. И. Тургенева, К. П. Торсона, братьев А. П. и П. П. Беляевых, П. Н. Свистунова, И. А. Анненкова, А. М. Муравьева (брат Никиты) и др. В приложениях к последнему тому будут помещены документы, связанные с приговором над декабристами, и сводный указатель имен ко всему изданию (не исключено, впрочем, что эти материалы составят отдельный том).

«Восстание декабристов» — одно из наших лучших документальных изданий. Советская археография может справедливо им гордиться. Его высокая научная ценность не раз отмечалась в литературе. Исследователи с нетерпением ждут его завершения.

После 20-летнего перерыва снова появилось несколько сборников с публикациями, посвященными декабристам. Среди них — первый том подготовленного сотрудниками Исторического музея под редакцией акад. М. В. Нечкиной двухтомника *«Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому»*. В томе около 290 писем декабристов, относящихся преимущественно ко времени до восстания 1825 г. Письма существенно пополнили состав декабристских эпистолярных памятников (среди которых до последнего времени преобладала переписка сибирского периода). Во вступительной статье И. С. Калантырской характеризуется значение публикуемого комплекса источников для изучения движения декабристов и особенно ранней преддекабристской организации — Священной артели.

Очень интересен и вышедший недавно 36-й выпуск *«Записок Отдела рукописей»* Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Привлекает внимание включенная в него публикация «Мемуары для истории оппозиции в России». Это — извлечение из дневника историка С. Ф. Уварова (племянника декабриста М. С. Лунина), с записями устных рассказов декабриста М. М. Нарышкина, его жены Е. П. Нарышкиной и некоторых других лиц о декабристах. Записи сделаны в конце 50-х — начале 60-х годов в Париже.

В тот же выпуск «Записок» входит обширная публикация писем М. А. Фонвизина и В. И. Штейнгеля к И. И. Пущину, а также статьи и сообщения о декабристских архивных материалах, хранящихся в Отделе рукописей.

⁶⁸ См., например *«Движение декабристов»*. Указатель литературы. 1928—1959, № 27, 2372, 2396; М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 350—355.

⁶⁹ *«Движение декабристов»*. Указатель литературы. 1928—1959, № 56, 58, 59, 62—65 и др.

В сборнике Пушкинского Дома «Литературное наследие декабристов» также помещены некоторые публикации источников, в том числе рукопись неизвестного автора «О преемнике Александра» (на французском языке и в переводе на русский), отрывки из мемуаров инженера и писателя А. И. Штукенберга о встречах с декабристами в Сибири, некоторые тексты В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, документы, связанные с биографией Ф. Н. Глинки.

150-летию восстания декабристов посвящен 96-й том «Исторических записок». В нем имеется несколько статей и сообщений, знакомящих с неопубликованными источниками. Среди этих источников записные книжки А. И. Сулакадзева с откликами на восстание 14 декабря 1825 г., записка М. А. Фонвизина по крестьянскому вопросу, новые данные о биографии М. П. Бестужева-Рюмина, два отрывка из «Мемуаров» Антона Штукенберга, напечатанные также в сборнике Пушкинского Дома и в № 5 журнала «Сибирь» за 1975 г., письмо В. И. Пестеля, передающее его разговор с царем в начале 1826 г. о судьбе брата, и другие материалы.

Кроме названных сборников появились и некоторые интересные журнальные публикации. В «Новом мире» (1975, № 12) опубликовано несколько писем декабристов и «Донесение» III Отделения в связи с приближавшимся 50-летием восстания 1825 г. В журнале «Дружба народов» (1975, № 12) напечатаны запрещенные цензурой в 1860-х годах воспоминания сибирского писателя Н. С. Щукина, очевидца событий 14 декабря на Сенатской площади. Документальные очерки Н. Я. Эйдельмана «Из декабристских архивов» («Дружба народов», 1975, № 11) включили страницы из записок чиновника Самарского-Быховца о днях, проведенных в Каменке с С. Г. Волконским в 1823 г., и любопытные документы и письма из сибирских архивов. Социал-демократическую листовку 1903 г. «Памяти павших за свободу героев декабристов» опубликовал журнал «Советские архивы» (1975, № 6). Там же напечатаны два письма А. М. Муравьева к матери и документы о пребывании жен декабристов в Сибири. В журнале «Звезда» появилась первая публикация воспоминаний З. И. Лебцельтерн о ее сестре Е. И. Трубецкой.

В Красноярске снова переизданы «Записки княгини М. Н. Волконской».

К юбилею вышло и несколько интересных книг, предназначенных для широких читательских кругов. В Иркутске издана трехтомная антология, посвященная декабристам в Сибири⁷⁰. В нее вошли тексты из наиболее известных декабристских мемуаров, публицистические произведения декабристов, написанные в Сибири и о Сибири, воспоминания о декабристах их родных и современников, исследовательские работы о декабристах в Сибири. В Ленинграде издана составленная В. Н. Орловым двухтомная антология «Декабристы», представляющая сильно сокращенное переиздание подготовленной им же и выпущенной в 1951 г. антологии «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика», с дополнением ее некоторыми новыми материалами. В Москве вышла книга Э. А. Павлюченко «Декабристы рассказывают», куда вошли отрывки из писем, дневников, воспоминаний, стихотворений декабристов, их показаний на следствии, официальных документов. В приведенных текстах говорится о формировании мировоззрения будущих дворянских революционеров, об их участии в Отечественной войне 1812 г., об истории тайных обществ, следствии, суде, годах изгнания. Книга богато иллюстрирована портретами и рисунками.

В советской археографии проблема отбора источников для публикации всегда была одной из главных. История революционного движения принадлежит к ведущим направлениям советской исторической науки. Для публикаций декабристской тематики предоставлены широкие возможности.

⁷⁰ Названия ее томов: «Своей судьбой гордимся мы», «Дум высокое стремленье», «В сердцах отечества сынов».

Публикаторская деятельность по этой проблеме ведется с момента возникновения советской археографии до настоящего времени. Ее развитие прошло в основном те же периоды, что и история советской археографии в целом. Заметное влияние на количество публикаций по истории движения декабристов оказали юбилейные даты со дня восстания.

Публикация документов и материалов о движении декабристов принадлежит к числу значительных достижений советской археографии. В этой работе приняли участие крупные научные силы страны. Среди них такие имена, как М. Н. Покровский, П. Е. Щеголев, С. Н. Чернов, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, Ю. Г. Оксман, А. А. Покровский, М. К. Азадовский, Ю. Н. Тынянов, В. Г. Базанов, Б. Е. Сыроечковский. Труд публикаторов-декабристоведов явился органической составной частью усилий советских ученых и сыграл весьма заметную роль в выработке общих принципов и приемов советской археографии.

Создание солидной печатной базы источников стало насущно важной предпосылкой для успешного развития советского декабристоведения.

В деле публикации источников по истории движения декабристов нашими учеными проделана огромная работа, но многое еще предстоит сделать. Издано пока далеко не все, заслуживающее внимания. Главная неотложная задача — продолжение документального издания «Восстание декабристов». После завершения публикации следственных дел декабристов, преданных Верховному уголовному суду, на очереди окажутся следственные дела членов Союза благоденствия и других участников движения, избежавших суда. Нет сомнения, что в архивах, частных собраниях, библиотеках таится немало материалов, еще не ставших достоянием науки. Часть известных уже источников, вероятно, нуждается в переиздании. Впереди — новые находки и новые публикации. Богатый опыт советской археографии поможет осуществить их на достаточно высоком уровне.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Первые слова председателя Археографической комиссии *С. О. Шмидта*, открывшего заседание, были посвящены памяти выдающегося историка, археографа, источниковеда и архивиста Сигизмунда Натановича Валка, инициатора создания и бессменного руководителя Ленинградского отделения Комиссии. Вся жизнь С. Н. Валка — практика и теоретика археографии — неразрывно связана со становлением и развитием советской археографии и советского архивоведения. Он совершенно справедливо считается классиком советской археографии. Подчеркнув невозможность этой утраты для исторической науки, С. О. Шмидт сказал, что теперь, вероятно, уже нет такого человека, который мог бы один заменить Сигизмунда Натановича Валка во всех тех областях, которыми он занимался.

Далее С. О. Шмидт рассказал о цели Тихомировских чтений, о том внимании, которое уделял М. Н. Тихомиров изучению и публикации источников всех периодов истории нашей страны. Поэтому естественен выбор тем докладов для заседания, связанных с юбилейными датами года, ¹— 150-летием восстания декабристов и 70-летием первой русской революции.

После Великой Октябрьской социалистической революции в научный оборот были введены огромные массы исторических источников. История революционного движения утвердилась как отрасль исторической науки. С. О. Шмидт сказал в этой связи прежде всего о значении трудов В. И. Ленина, заложивших методологическую основу истории революционного движения, отметил заслуги советских ученых в изучении и научном издании источников по этой проблематике (в том числе не известных и не издававшихся до революции), вклад академиков Н. М. Дружинина и М. В. Нечкиной в разработку истории движения декабристов и других периодов освободительного движения в России. Археографическая деятельность этих ученых нашла уже освещение на страницах «Археографического ежегодника» ². На примере изучения и публикации источников по истории восстания декабристов и первой русской революции ясно видна теснейшая взаимосвязь между археографией, источниковедением и архивоведением как взаимодействующими отраслями исторической науки, сказал С. О. Шмидт. Он особо выделил при этом роль работников архивов, подчеркнув, что их огромный труд способствует подготовке документальных изданий и созданию необходимой источниковой базы, без которой не могла бы развиваться историческая наука. Выходящие сейчас издания, сказал в заключение С. О. Шмидт, в значительной степени основаны на новейших

¹ В феврале 1975 г. состоялось заседание Археографической комиссии, посвященное археографии, источниковедению и публикации источников о Великой Отечественной войне. Отчет о нем см. стр. 346—350 настоящего издания.

² См. «Археографический ежегодник за 1971 г.» М., 1972, стр. 240—262.

материалах, которые благодаря помощи архивистов становятся достоянием широкой научной общественности и используются не только в научных, но и в пропагандистских целях, помогая учиться уважению к прошлому.

С докладом об источниках по истории движения декабристов выступила *Р. Г. Эймонтова* (Институт истории СССР АН СССР)³. Анализ советских публикаций по истории революции 1905—1907 гг. был посвящен доклад *И. Ф. Угарова* (Институт истории партии при МГК и МК КПСС)⁴.

С. С. Левина (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина) рассказала о работе, которую ведет библиотека совместно с другими крупнейшими библиотеками и архивами страны по библиографированию произведений нелегальной печати. В связи с высказанными пожеланиями готовится второе, дополненное издание «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания». На приглашение сотрудничать откликнулись 90 библиотек, архивов и музеев. Учреждениям, участвующим в этой работе, и историкам революционного движения был разослан «Список необнаруженных русских нелегальных и запрещенных изданий XIX века, известных по печатным и архивным источникам», который в 1975 г. выпущен библиотекой. Составители рассчитывают получить новый материал, советы и замечания, которые помогут в подготовке второго издания Каталога.

Подготовлен к изданию «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Листовки», являющийся продолжением «Сводного каталога» книг и периодических изданий. *С. С. Левина* обратила внимание на значение и особенности листовок как источника по истории революционного движения, подчеркнула заслуги *С. Н. Валка* в разработке методики их изучения и описания, указала, что сделано историками в последние годы в изучении и публикации листовок, дала оценку состояния библиографии. Из сохранившихся в архивах и библиотеках листовок XIX века лишь незначительная часть отражена в специальных указателях (350 листовок). Цель «Сводного каталога» листовок — восполнить этот пробел в библиографии. *С. С. Левина* мотивировала его хронологические рамки (1830—1890 гг.), охарактеризовала значение, состав, элементы библиографического описания, принципы построения.

В Каталог включены листовки революционного характера, антиправительственные воззвания либеральной направленности, отдельные листовки противников революционного движения, связанные с революционными событиями и рассчитанные на нелегальное распространение, изданные на русском языке в России и за рубежом типографским способом и напечатанные на гектографе, mimeографе и т. п. (рукописные воззвания не включены). Всего представлено более 2200 листовок, из которых 700 были перепечатаны в различных научных изданиях, о 700 — имеются сведения в литературе, более чем о 800 листовках литературных данных обнаружить не удалось. Таким образом, сказала *С. С. Левина*, в научный оборот вводится обширный новый материал.

Она рассказала, что составители обнаружили 4 листовки (и варианты к 9 воззваниям) Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (в дополнение к 67 опубликованным *С. Н. Валком* в 1934 г. и 3 найденным после него). Среди них — mimeографированное издание ленинского воззвания «К рабочим и работницам фабрики Торнтон»⁵.

С. С. Левина назвала элементы библиографического описания листовок и отметила, что содержащиеся в нем сведения (об авторстве, месте изда-

³ Публикуется на стр. 222—243 настоящего издания.

⁴ Публикуется на стр. 204—221 настоящего издания. Краткое изложение обоих докладов см.: «Советские архивы», 1975, № 6.

⁵ Подробнее см.: *Л. Н. Петрова*. К истории издания листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтон». — «Археографический ежегодник за 1971 г.» М., 1972, стр. 191—194.

ния, дате, типографии, издательских организациях) помогают их идентификации и в то же время дают представление о происхождении листовок, выполняя, таким образом, и библиографическую и источниковедческую функции. С. С. Левина указала на значение установления этих данных, большей частью отсутствующих в нелегальных изданиях и особенно в листовках. Используя исторические работы, библиографические материалы, архивные документы, результаты книговедческого исследования, составители определили в 260 случаях индивидуальное авторство, многие издательские организации, место издания листовок, там, где оно не было обозначено, типографии. Указав на значение и трудности датировки этого вида источника, С. С. Левина сообщила, что только для 30 листовок не удалось установить точной даты, несколько сот листовок датировано с точностью до десяти дней, 400 — в пределах месяца, 400 — от месяца до года.

В заключение она сказала о пользе сотрудничества библиотечных и архивных работников. Исторически сложилось так, что основные фонды листовок сосредоточены в архивах, а как произведения печати листовки являются объектом профессиональной деятельности библиографов. С. С. Левина закончила выступление словами признательности к сотрудникам ЦГАОР в Москве и ЦГИА в Ленинграде.

А. В. Семенова (Институт истории СССР АН СССР) в дополнение к докладу Р. Г. Эймонтовой информировала более подробно о том, как идет работа над тремя последними томами издания «Восстание декабристов», завершающими публикацию первой серии следственных дел участников восстания. Она охарактеризовала степень готовности каждого тома, состав и значение публикуемых документов. С выходом XIII тома заканчивается публикация следственных дел членов Южного общества и Общества соединенных славян. В XIV томе публикуются 15 дел членов Северного общества. После выхода его в свет наука получит много новых ценных материалов, сказала А. В. Семенова. Как непосредственный участник подготовки этого тома, она рассказала о его содержании более подробно, перечислив имена всех декабристов, чьи следственные дела публикуются. Ею были выделены следующие дела: Г. С. Батенькова и В. И. Штейнгеля как содержащие ценные сведения об идеологии членов Северного общества и подготовке восстания 14 декабря; группы офицеров кавалергардского полка, в совокупности с другими материалами, позволяющие внести некоторые коррективы в сложившиеся представления об участии кавалергардов в событиях 14 декабря; пять моряков, свидетельствующие о подготовке восстания 14 декабря в гвардейском экипаже; дело М. М. Нарышкина, особенно интересное сведениями о тайных организациях декабристов с 1818 г. (Союзе Благоденствия, Северном и Южном обществах) и подробной характеристикой деятельности Московской управы Северного общества.

Несмотря на то что эти источники известны исследователям и использовались в научных трудах, их комментированное издание и изучение в комплексе с другими документами, отметила А. В. Семенова, позволяют более полно осветить некоторые факты из истории движения декабристов. В XV том войдут 20 дел членов Северного общества (в частности, дело Н. И. Тургенева), а также материалы следствия и суда над декабристами; полностью будет опубликован приговор. Это даст возможность более рельефно показать предвзятый характер всего процесса и явно преднамеренный исход суда, продиктованный Николаем I.

В заключение А. В. Семенова обратила внимание на отличие текстологических приемов публикации дел в XIII, XIV, XV томах, как и в XII томе, в сравнении с ранее вышедшими томами Серии, приближающихся к современным правилам издания документов, благодаря чему облегчается работа исследователей и сохраняются особенности стиля документов.

В. В. Крылов (Московский Государственный Историко-архивный институт) дополнил доклад И. Ф. Угарова фактическим материалом о дея-

тельности Истпарта и журнала «Пролетарская революция» по публикации документов о революции 1905—1907 гг., получившей широкий размах в связи с 20-летним ее юбилеем. В. В. Крылов сообщил, что Коллегия Истпарта приняла 3 декабря 1923 г. специальное решение, которое обязывало «Пролетарскую революцию» начать печатать материалы о 1905 г., а с ноября 1924 г. публиковать их в каждом номере⁶. Большую работу по выполнению этого решения, и прежде всего по публикации ленинских документов и воспоминаний о В. И. Ленине, провела Анна Ильинична Елизарова, являвшаяся ответственным секретарем редакции журнала. В начале 1924 г. в «Пролетарской революции» (№ 2) было опубликовано циркулярное письмо Истпарта (от 6 декабря 1923 г.), в котором отделам Истпарта на местах напоминалось о необходимости собирания материалов по истории первой русской революции.

Большое значение для развертывания публикаторской деятельности имело рассмотрение Секретариатом ЦК партии вопроса о плане подготовки к 20-летию юбилею революции 1905—1907 гг. На заседании с докладом выступил М. С. Ольминский, изложивший основные направления деятельности Истпарта по реализации этого плана⁷.

В. В. Крылов назвал документы, впервые опубликованные журналом «Пролетарская революция», и охарактеризовал их значение. В их числе была указана переписка В. И. Ленина и Н. К. Крупской с С. И. Гусевым (январь — апрель 1905 г.)⁸, а также с местными социал-демократическими организациями (Петербургской, Одесской и др.)⁹; протоколы заседаний Петербургского большевистского комитета (февраль 1905 г.)¹⁰, документы по истории Совета рабочих депутатов в Одессе (ноябрь — декабрь 1905 г.)¹¹; Ленинские документы, связанные с работой Петербургской общегородской конференции РСДРП (11 (24) февраля 1906 г.) и II Петербургской общегородской конференцией (конец февраля — начало марта 1906 г.), и протоколы обеих конференций¹²; прокламации и листовки Петербургского комитета и местных социал-демократических организаций (Бакинского, Томского, Московского, Сибирского комитетов и др.)¹³.

В. В. Крылов отметил также вклад журнала в публикацию воспоминаний участников революционных событий, назвал их имена и указал тематику. В подавляющем большинстве случаев уровень публикаций, как сказал выступавший, был для того времени достаточно высоким — документы имели заголовки, сопровождалась необходимыми примечаниями, указывалось место хранения, публикацию предваряла вводная статья. В. В. Крылов указал на значение рецензирования журналом сборников документов и воспоминаний, издававшихся отделами Истпарта на местах для совершенствования методики публикации источников. В заключение он обратил внимание на трудности в розыске документов по теме и желательность издания библиографического указателя, подобно выпущенному в 1930 г. Коммунистической академией¹⁴.

Л. П. Петровский (ЦГВИА) указал на целесообразность подготовки в связи с юбилейными датами серийных изданий, рассчитанных на массового читателя и печатающихся большими тиражами. Как пример он

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 4, л. 8.

⁷ Там же, д. 94, лл. 30—33; см. также «Пролетарская революция», 1924, № 8—9, стр. 410.

⁸ «Пролетарская революция», 1925, № 2, стр. 17—74 и 85; см. также *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 16—18, 15, 26—27; 19—20, 22—23, 10.

⁹ «Пролетарская революция», 1925, № 3, стр. 9—45; № 4, стр. 12—40; № 6, стр. 5—63; № 7, стр. 5—53. См. также *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 401—402; т. 47, стр. 4—9; т. 9, стр. 244—248; т. 47, стр. 12—13, 21, 24—25, 28—29.

¹⁰ «Пролетарская революция», 1924, № 12, стр. 31—44.

¹¹ «Пролетарская революция», 1924, № 1, стр. 203—238.

¹² «Пролетарская революция», 1930, № 12, стр. 157—189; 1931, № 1, стр. 129—147. См. также *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 183—199, 204—208.

¹³ «Пролетарская революция», 1924, № 11, стр. 62—82; № 12, стр. 83—112.

¹⁴ «Первая русская революция. Указатель литературы». М., 1930.

назвал серию биографий декабристов, которая включала бы, кроме биографических сведений, документы о деятельности декабристов и небольшие по объему материалы из их литературного наследия.

Л. П. Петровский обратил внимание на трудности работы с первыми томами серии «Восстание декабристов», отметив, что опубликованные в них документы не всегда можно найти в архивах. Неточны и неполны в ряде случаев поисковые данные, ссылки даны по старым архивным шифрам, в то время как указанные материалы впоследствии были включены в состав новых фондов и коллекций. Известно, что в ЦГВИА были переданы документы о декабристах из филиала Архива в Ленинграде и из ЦГИА Грузинской ССР, в ЦГАОР СССР были переданы документы Верховного суда и следственной комиссии из ЦГИА Москвы. Л. П. Петровский предложил в предисловиях к не вышедшим еще томам серии указать, в каких архивах нашей страны и за рубежом в настоящее время имеются документы о декабристах и какие фонды и коллекции, указанные в предшествующих томах, входят теперь в собрания других архивов.

Большое внимание уделил Л. П. Петровский библиографии. Высоко оценил изданные библиографические указатели¹⁵, отметил возрастающее значение литературы, выходящей на местах, и констатировал, что содержащаяся в местных изданиях ценная информация остается неизвестной исследователям. Для совершенствования постановки библиографической работы и координации усилий в этом направлении различных научных и издательских организаций предложил создать координационный центр по сбору информации, разработать специальный информационный бланк для рассылки с этой целью в местные издательства, в редакции газет и журналов.

Последняя часть выступления была посвящена изучению архивных фондов и совершенствованию научно-справочного аппарата архивов. Л. П. Петровский рассказал, что в ЦГВИА хранятся три рукописных тома, названных «Заметки минувшего», которые долгое время значились как материалы, принадлежащие декабристу В. И. Штейнгелю. Рукопись представляет дневниковые записи без указания автора и включает копии писем В. И. Штейнгеля к Николаю I, А. И. Герцена к Александру II и записи о биографиях некоторых деятелей эпохи. Анализируя содержание рукописи, имеющиеся в ней сведения о датах жизни автора, сообщенные им самим (год рождения — 1816, в 1876 г. — стал генерал-лейтенантом, 70-е годы — поездка к Кавказским минеральным водам), Л. П. Петровский пришел к выводу, что В. И. Штейнгель, умерший в 1862 г., не может быть автором «Заметок минувшего».

Л. П. Петровский привлек внимание к выходящему в Саратове изданию «Освободительное движение в России», на страницах которого историки ставят интересные проблемы и приводят много документов из местных архивов. В заключение он информировал о подготовленном научно-справочном пособии информационно-поискового типа — «Движение декабристов. Краткая характеристика и именной указатель к фондам и коллекциям ЦГВИА СССР», его составе, принципах построения, методике пользования им и преимуществах в сравнении с обычными именными каталогами архивов. Пособие содержит, рассказал Л. П. Петровский, краткую характеристику документов, выявленных в 58 фондах и коллекциях архива, именной указатель более чем на 2800 имен (декабристы и лица, причастные к их деятельности, солдаты и матросы — участники движения, члены других тайных обществ), на каждое из которых дана краткая биографическая справка и указаны все дела, где имеются сведе-

¹⁵ «Восстание декабристов. Библиография». Составил Н. М. Ченцов. М.—Л., 1929; «Движение декабристов. Указатель литературы 1928—1959 гг.». Составила Р. Г. Эймонтова. При участии А. А. Солейниковой. Под общей редакцией академика М. В. Нечкиной. М., 1960.

ния или упоминания, хотя бы один раз, предметно-тематический указатель.

В. А. Черных (Археографическая комиссия) сказал, что история революционного движения — это единая проблематика, в которой много сквозных тем, что хорошо было показано в выступлении С. С. Левинной. Этим интересны и издаваемые в Саратове сборники «Освободительное движение в России», в которых история освободительного движения рассматривается как общая исследовательская проблема — от Радищева, декабристов и до начала пролетарского периода революционного движения. Поэтому правомерно дополнение докладов, которые были посвящены двум крайним этапам этого развития — декабристскому и пролетарскому — обращением к его среднему звену — разночинскому периоду освободительного движения в России. Изучению и публикации источников этого периода и была посвящена основная часть выступления. Последние полтора десятилетия, сказал В. А. Черных, характеризуются размахом публикаторской деятельности по истории революционного движения в России. Появились новые формы публикаций документов — фотомеханическое воспроизведение. В. А. Черных назвал осуществленные таким способом издания («Колокол», «Полярная Звезда», «Голоса из России») и подготавливаемые (фотомеханическое воспроизведение французского «Колокола» и «Русских прибавлений» к нему, издававшихся Герценом в 1868 г.). Отметил, что в обоих докладах четко прозвучала мысль о важности сотрудничества при подготовке публикаций работников научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, архивов, музеев и библиотек. Только при таком подходе возможно планомерное и широкое выявление источников и широкий охват их при публикации. Особо подчеркнул плодотворность совместных усилий историков и литературоведов в издании документов как по декабристской тематике, так и по разночинскому периоду, упомянув в этой связи академическое издание Собрания сочинений А. И. Герцена, в подготовке которого вместе с литературоведами участвовали историки и философы, работники архивов и библиотек. Это сотрудничество должно быть продолжено, сказал В. А. Черных, и назвал основные направления дальнейшей работы. В исследующей библиографии нелегальных изданий XIX в. не учтена литература, опубликованная русскими революционными эмигрантами на иностранных языках, начиная с декабристов, Николая Тургенева и кончая большевистскими изданиями. Эта большая исследовательская тема может быть решена совместными усилиями и потребует обследования хранилищ не только нашей страны, но и основных европейских хранилищ. Важной задачей, вокруг которой необходимо объединить широкий круг исследователей, является комментирование таких важнейших изданий, как герценовский «Колокол». В. А. Черных поставил вопрос о переиздании Собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, подготовленного в 40-х — 50-х годах и не отвечающего уже современным научным требованиям. Отметил, что за последние годы много сделано по собиранию и публикации наследия Н. П. Огарева, П. Л. Лаврова; издаются сочинения П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского. Представляло бы большой интерес, сказал В. А. Черных, издание полного собрания писем Н. П. Огарева, долгое время находившегося в центре революционного движения, эпистолярное наследие которого все еще не собрано. Как одну из важных задач назвал также изучение наследия М. А. Бакунина. Советские исследователи в 20-е годы положили начало публикации его сочинений и переписки, но работа эта была доведена до 1861 г. и до сих пор не возобновлена. В настоящее время предпринято издание собрания сочинений М. А. Бакунина в Голландии, крайне тенденциозное в смысле подбора материала и комментирования. Было бы неправильно, подчеркнул В. А. Черных, уступить публикацию наследия кого-либо из деятелей русского революционного движения нашим идеологическим противникам.

Выступавший предложил предусмотреть в перспективных планах как сквозную тему библиографический справочник об участниках революционного движения в России. Издание такого справочника (под редакцией А. А. Шиловой и М. Г. Карнауховой), который должен был охватить период от декабристов до революции 1905—1907 гг., было предпринято, но работа осталась неоконченной. В настоящее время собраны новые материалы об участниках революционного движения в России, что позволяет вернуться к подготовке справочника и завершению этого издания.

Он обратил внимание на значение эпистолярных источников для изучения истории освободительного движения, отметив, что привлекаются они недостаточно, в то время как письма частных лиц, особенно на переломных этапах истории, оказываются незаменимыми свидетельствами для понимания времени. Огромные эпистолярные фонды, собранные в архивах, нуждаются в систематизации, необходима единая методика их описания.

В заключение В. А. Черных поделился своими соображениями о постановке информации о справочных материалах к архивным фондам и предложил, наряду с совершенствованием их содержания, публиковать не только обзоры и описания, но и такие необходимые каждому исследователю пособия, как архивные описи.

С. О. Шмидт (Археографическая комиссия), подводя итоги обсуждения, отметил, что тематика заседания, посвященного по традиции Тихомировских чтений важнейшим вопросам современной археографии и источниковедения, имеет научное и общественное значение. Здесь особенно ощущается необходимость партийного подхода к изучению материала. Возросший интерес буржуазных ученых к истории нашей страны начала XIX и XX вв., подчеркнул С. О. Шмидт, налагает на нас дополнительную ответственность при издании и комментировании источников.

Доклады и сообщения показали, насколько плодотворно творческое взаимодействие археографии, источниковедения и архивоведения при подготовке документальных изданий. И теоретическая работа в этих областях невозможна вне практической деятельности по публикации документов и выявлению их в архиве. С. О. Шмидт отметил значение трудов М. Н. Тихомирова и С. Н. Валка (особенно много сделавшего в публикации материалов XIX — начала XX в.) и их методического опыта.

Достижения исторической науки в целом и советской археографии в изучении и издании источников по истории революционного движения XIX — начала XX в., в значительной степени впервые введенных в научный оборот советскими учеными, позволяють говорить о советской археографической традиции, сказал С. О. Шмидт, которая учитывает и использует сделанное предшественниками 50 лет назад, когда только зарождались основы собственно советской археографии. Прозвучавшая в докладах мысль о периодах подъема и спада в публикаторской деятельности не случайна и отражает совершенно естественный путь развития науки. Исследователям нужно было «переварить» вновь изданные материалы, сравнить конкретные наблюдения с тем, что появилось в печати и с учетом нового пересмотра или развить дальше сложившиеся точки зрения. Состоявшееся заседание является тоже своеобразным подведением итогов и определением перспектив. Это важно и для истории советской археографии. Отметив, что в развитии советской археографии за истекшие 50 лет достигнуты значительные успехи, С. О. Шмидт подчеркнул неотложность разработки историографии и источниковедения археографии, чем практически мало занимались. На примере А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова видно, что источниковедение археографии — одна из ведущих тем. О достижениях советской археографии свидетельствует и возросший уровень организации археографической работы. При наличии единого государственного архивного фонда и единых правил публикации источников, разработанных совместно научно-исследовательскими и ар-

хивными учреждениями, археографическая работа немыслима без коллективных усилий, особенно когда речь идет о больших серийных изданиях. С. О. Шмидт рассказал о проведенных и намеченных мероприятиях по развитию сотрудничества и особо выделил значение состоявшегося 27 мая 1975 г. совместного заседания Коллегии ГАУ и Бюро Отделения истории АН СССР, обсудившего доклад Ф. И. Долгих о перспективном плане совместных научных публикаций. В обсуждении приняли участие академики Б. А. Рыбаков, Е. М. Жуков, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, члены-корреспонденты М. П. Ким, С. Л. Тихвинский и другие ученые. Принятые решения, направляющие деятельность архивных и академических учреждений, сказал С. О. Шмидт, раскрывают серьезную перспективу совместной работы.

Л. Н. Растопчина

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Буганов

«ДВОРЦОВЫЕ РАЗРЯДЫ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Разрядные книги первой половины XVII в. принадлежат к числу широко известных источников. Основные издания, включающие подобного рода памятники¹, используются в работах, посвященных различным вопросам истории России XVII в. К числу таких разновидностей разрядных книг принадлежат и так называемые «дворцовые разряды». Между тем если разрядные книги до начала XVII в. в определенной степени изучены с источниковедческой точки зрения², то разрядные книги XVII в. почти не подвергались специальному рассмотрению; это в первую очередь относится к «дворцовым разрядам».

Опись дел Разрядного приказа, вынесенных во время московского пожара 1626 г., говорит только о трех видах разрядных документов XVII в.: 1) перечневые разрядные книги за 1613—1626 (7121—7134) гг. и отдельно за 7134 г.; 2) разрядные «подлинники» за каждый год; только первая книга была составлена сразу за два — 1613—1614 (7121—7122) гг.; 3) разрядные «столпы», т. е. столбцы, двух последних 7133—7134 (1624—1626) гг.³ П. Н. Милюков, анализируя это показание описи 1626 г., считал, что «столпы» — это сырой материал разрядных записей, из которых делали «подлинники» в виде книги; «подлинники» и «перечни» по ним составлялись по окончании каждого года⁴. О других разрядных книгах XVII в. П. Н. Милюков не говорит, хотя ему было известно указанное выше издание важнейшей разновидности разрядных книг XVII в. — так называемых «дворцовых разрядов». Между тем последние заключают в своем составе текст разрядов, прямо продолжающих текст разрядных книг с древнейшими записями последней четверти XV — начала XVII в. (так называемая пространный редакция). Достаточно сказать, что ряд списков так называемых «дворцовых разрядов» содержит единый разрядный текст за XVI — первую половину XVII в.; сохранилось более 60 списков, заключающих полный текст или отрывки разрядов этого вида; часть из них использована при издании «дворцовых разрядов».

Опись 1626 г., как и в отношении разрядных книг XVI — начала XVII в., говорит не о всех видах разрядных книг XVII в., а лишь о некоторых из них. В частности, в ней не упоминаются книги, которые в се-

¹ «Дворцовые разряды» (далее — ДР), тт. I—IV. СПб., 1850—1855; «Дополнения к т. III «Дворцовых разрядов»». СПб., 1854; «Книги разрядные» (далее — КР), тт. I—II. СПб., 1853—1855.

² П. Н. Милюков. Официальные и частные редакции разрядных книг. — «Чтения Общества истории и древностей российских», 1887, кн. 2; *он же*. К вопросу о составлении разрядных книг. — «Журнал Министерства народного просвещения». — 1889, май; Н. П. Лизачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907; В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

³ Н. П. Лизачев. Указ. соч., Приложение, стр. 31.

⁴ П. Н. Милюков. К вопросу о составлении разрядных книг, стр. 174—175.

редине XIX в. получили искусственное, ошибочное название «дворцовых разрядов». Их издатели (И. Д. Беляев, А. Н. Попов и др.) выбор такого названия обосновывали тем, что сохранившаяся официальная книга 1674/75 (7183) г., «...как очевидно, составлена в Приказе Большого дворца, ибо в ней означены все распоряжения придворной службы и вообще все происходившее при дворе в сей год», в том числе записи, непосредственно не имеющие отношения к придворной службе, т. е. записи о полевой, гарнизонной службе и т. д. Так как все другие рукописи по содержанию сходны с этой книгой 1674/75 г., то все они относятся к «дворцовым разрядам», составлявшимся в Приказе Большого дворца. Издатели утверждают даже, что все распоряжения о назначении лиц служилого сословия на государственную службу шли в Разрядный приказ через Приказ Большого дворца⁵.

С этим мнением нельзя согласиться. Приказ Большого дворца имел чисто хозяйственные функции, ведая дворцовым хозяйством царской фамилии (царскими дворцовыми селами и угодьями), снабжением царского двора всем необходимым (дворы сытенный, кормовой, хлебный, житный)⁶. Он не имел никакого отношения к ведению разрядов не только военно-оперативного характера, но и записей придворных церемоний. Всеми этими делами занимался Разрядный приказ как в XVI, так и в XVII в. Об этом свидетельствует, например, указ Алексея Михайловича от 1669 г. о распределении дел между подьячими Разрядного приказа согласно которому одному из них, А. Пименову, велено было записывать в особую книгу «...великого государя выходы, из Москвы походы (в монастыри, в царские села для охоты и т. д. — В. Б.) и столы с чинами, и из окрестных государств посольские приезды»⁷. Относительно названий различных типов разрядных книг XVII в. исследователь местничества А. И. Маркевич правильно заметил, что их издатели (в середине XIX в.) неправильно назвали два вида разрядных книг, так как записные книги (имеются в виду так называемые «подлинники», по терминологии описи 1626 г.) получили наименование «книг разрядных», а основной вид разрядных книг XVII в., которые он считает «настоящими», — наименование «дворцовых разрядов»⁸. Это ошибочное название идет от Г. Ф. Миллера, который свое издание разрядов 1632—1655 гг. назвал «дворцовыми записками»⁹. Это наименование стало традиционным и до сих пор бытует в научной литературе¹⁰.

По своему значению Разрядный приказ был гораздо более значительным учреждением, чем Приказ Большого дворца, через который он, конечно, не смог получать распоряжений по тем вопросам, которыми он сам непосредственно занимался. В так называемых «дворцовых разрядах», помимо сведений о приемах послов, «столах», записано много известий военно-оперативного и разрядно-местнического характера, которые еще в XVI в. заносились в разрядные книги с древнейшими записями, составлявшимися в Разрядном приказе; в XVII в. продолжается эта линия. Так называемые «дворцовые разряды» являются памятниками разрядного делопроизводства, продолжающими текст древнейших

⁵ ДР, т. I, стр. XI—XII, прим.; стр. XVIII—XXV.

⁶ Там же, стр. XIV—XVIII; К. А. Неволин. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. — Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1857, стр. 150—157.

⁷ И. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. 1. М., 1872, стр. 477—478, 496—497.

⁸ А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888, стр. 212, прим. 4.

⁹ «Повседневные дворцовые времена государей царей и великих князей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича записки», чч. 1—2. М., 1769.

¹⁰ См., например: К. В. Базилевиц. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 163; автор даже разряды конца XV — начала XVI в. называет «родословными и дворцовыми разрядами».

разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. (1475—1613 гг.).

Издатели так называемых «дворцовых разрядов» и «книг разрядных» («подлинников») разделили все разрядные книги на официальные и частные¹¹.

Все списки (в большинстве частные) разрядных книг XVII в. типа так называемых «дворцовых разрядов» передают устойчивый, общий для них всех текст официальных разрядов этого времени. Конечно, в одних списках этот текст излагается более, в других менее подробно. Принадлежность списков частным фамилиям наложила на них, как это имело место и в отношении разрядных книг XVI в., неизбежный отпечаток. Этим объясняется, например, факт присутствия в начале ряда списков этой разновидности отрывка из Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского, посвященного освобождению Москвы в 1612 г. ополчением во главе с К. Мининым и кн. Д. Пожарским. В некоторые списки отрывок взят из Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского во второй редакции, т. е. примерно в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в., когда была составлена вторая редакция Повести¹², или несколько позже. Ясно, что этот отрывок является позднейшей вставкой в официальный текст разрядов, который начинается с выдержанных в строго официальном духе записей об избрании на царство М. Ф. Романова¹³.

Интересно, что первый «подлинник» за 1613—1614 (7121—7122) гг. начинается тоже с этих записей¹⁴. Последние не имели прямого отношения к разрядам обеих разновидностей, особенно ко второй. Помещение их в начале разрядных книг свидетельствует о несомненной официальнойности обоих видов, о том, что само ведение разрядных книг первой половины XVII в. типа «дворцовых разрядов» и появление новой разновидности (так называемых «подлинников») было делом новой династии.

«Дворцовые разряды» имеют в своем составе, как и разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в., кроме записей военно-оперативного характера, сведения о дворцовых церемониях и свадебные разряды: царевича Михаила Кайбуловича 1623 г.¹⁵ и царя Михаила Федоровича 1626 г.¹⁶, причем в последних помещаются описания свадебных обрядов. Все сведения располагаются в основном в хронологической последовательности. Как и в XVI в., местнические споры записывались «в Розряде в книгу». Так, в день венчания на царство Михаила Федоровича 11 июля звание бояр было пожаловано кн. И. Б. Черкасскому и кн. Д. М. Пожарскому, на которых подали челобитья боярин В. П. Морозов и думный дворянин Г. Г. Пушкин. Царь указал «для своего царского венца во всяких чинех быть без мест... А челобитья всех велел отставить и думному розрядному дьяку Сыдавному Васильеву приказал государь в те же поры при всех боярех, велел в розряде записать (курсив мой.— В. Б.)»¹⁷. Эта запись о местническом деле и приговор по нему есть, и в «подлиннике»¹⁸. Местнический спор между боярином Ф. И. Шереметевым и кн. Д. Долгоруким и приговор по нему от 21 декабря 1624 г. также записаны в обоих видах разрядных книг¹⁹, причем в «дворцовых разрядах» отмечается: «И в государеве розряде то записано (курсив мой.— В. Б.)». Какой вид разрядных книг подразумевается здесь

¹¹ ДР, т. I, стр. X—XI; КР, т. I, стр. I.

¹² ДР, т. I, стлб. 1—8; С. А. Белокуров. Разрядные записи, стр. 60—63; ср. Русская историческая библиотека (РИБ), т. XIII, изд. 2. СПб., 1909, стр. 702—705; см. также: П. Г. Любомиров. Очерки истории нижегородского ополчения. М., 1939, стр. 317.

¹³ ДР, т. I, стлб. 9—90.

¹⁴ Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Увар. 897, лл. 1—110 об.

¹⁵ ДР, т. I, стлб. 537—541. В «подлинниках» свадебные разряды отсутствуют.

¹⁶ Там же, стлб. 763—787.

¹⁷ ДР, т. I, стлб. 96; см. также стлб. 122, 310 и др.

¹⁸ ГИМ, Увар. 897, л. 253.

¹⁹ ДР, т. I, стлб. 656—657; КР, т. I, стлб. 1158—1160.

под «государевым розрядом»? «Государев разряд» второй половины XVI — начала XVII в., как обычно, исключал записи о «столах» и т. д. То же было характерно для «Государева разряда» первой половины XVII в.²⁰ Следовательно, он не мог включить в свой состав эту запись, так как местнический спор происходил во время «стола» того же 21 декабря 1624 г.

К типу «Государева разряда» близко стоят «подлинники», которые нередко включают в свой состав известия подобного рода и в данном случае содержат запись о столе и местническом споре 21 декабря 1624 г. Но эта разновидность с конца 20-х годов XVII в. (именно с 1628 г.) вообще исключает записи о придворных церемониях и местнических спорах; это свидетельствует против того, что именно она подразумевается под «государевым разрядом» XVII в. Ведь местнические споры и записи их в разрядные книги не прекратились, конечно, после 1628 (7137) г. Может быть, здесь под «государевым разрядом» подразумеваются именно «дворцовые разряды», которые, как и в XVI в., были главным видом разрядных книг, куда заносились записи о местнических спорах. Если в «подлинниках» эти записи занимают незначительное место и постепенно совсем исчезают, то в «дворцовых разрядах» им принадлежит видное место.

Разберем следующий пример. В июле 1622 (7130) г. бил челом В. А. Третьяков на кн. Ю. П. Буйносова-Ростовского²¹. Он ссылаясь на свое челобитье на того же кн. Ю. П. Буйнова-Ростовского во время «стола» 24 мая 1618 (7126) г. По этой ссылке «...государь про то велел из розряду выписать; и выписано из *государева разряду* (курсив мой. — В. Б.): в прошлом во 126 году бил челом Василей (Третьяков. — В. Б.) на князь Юрья Буйносова в отечестве..., и государь велел за бесчестье князь Юрьева послать в тюрьму Василья...»²². Действительно, этот местнический спор между В. Третьяковым и кн. Ю. П. Буйносовым-Ростовским во время «стола» 24 мая 1618 г. записан в «подлиннике»²³ и несколько подробнее в «дворцовых разрядах»²⁴. Далее в местническом споре 1622 г. приводится другая выписка из той же записи о споре 24 мая 1618 г.: «...да и то в *государеве разряде написано* (курсив мой. — В. Б.) будет станет Василей бить челом государю в отечестве хоть на последнего Ростовского князя, ино на Василья давать оборонь...»²⁵. Этой части приговора по местническому спору нет ни в «дворцовых разрядах», ни в «подлинниках». Не совсем понятно, откуда взят конец приговора по делу 24 мая 1618 г. Ведение специальных разрядных книг только с записями местнических споров является весьма проблематичным. Остается предположить, что здесь были взяты сведения из столбцов, на которых был записан спор 24 мая 1618 г. и которые явились источником записей о нем в составе «дворцовых разрядов» и «подлинников», или же из текста «дворцовых разрядов», но более первичного, чем тот, который дошел в большинстве списков этой разновидности (см. ниже о первичном и вторичном текстах «дворцовых разрядов»).

²⁰ В. И. Буганов. «Государев разряд» первой половины XVII в.— «Проблемы источниковедения», VIII. М., 1959, стр. 370.

²¹ ДР, т. I, стлб. 514—517.

²² Там же, стлб. 516.

²³ КР, т. I, стлб. 555—556.

²⁴ ДР, т. I, стлб. 325—327.

²⁵ Там же, стлб. 516, см. также дальше: «...а что написано в *государеве разряде* (курсив мой. — В. Б.), что могло быть тебе, Василью, и с последним Ростовским..., и то своровал думной дьяк Сыдавной Васильев, так сказал тебе и велел написать без государева указа и без боярского приговору...»; интересно, что в конце этой записи говорится: «...а ныне государь тебя, Василья, пожаловал, те записки и сказки (т. е. то, что ему сказал и велел записать в разрядной книге Сыдавной Васильев. — В. Б.) в розряде не велел поставить в дело», т. е. самочинное решение думного разрядного дьяка законным признано не было (см. там же, стлб. 517).

По самому спору 1622 г. царь «...велел сказать и в *розрядную свою государеву книгу записать* (курсив мой. — В. Б.) тот свой государев указ и приговор, что Василей Третьяков обвинен в отечестве князь Юрью Буйносову...»²⁶. Спор 1622 г. и приговор по нему записаны только в «дворцовых разрядах», в «подлиннике» его нет. «Государевой разрядной книгой» являются в данном случае именно «дворцовые разряды». В этом нет ничего удивительного, так как они являются официальным источником, в начале которого помещены записи о воцарении М. Ф. Романова, выдержанные в строго официальном духе. «Дворцовые разряды» с записями за XVII в. являются тем видом разрядных книг, куда вносятся, помимо большого количества записей о местнических спорах, ряд известий о военных действиях, служебных назначениях, царских приговорах, придворных событиях и т. д. Все это записывалось в них регулярно, с подписями дьяков. Так, например, царский приговор от 3 ноября 1632 г. о безместности службы всех служилых людей на время войны с Польшей²⁷ царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич «...велели... *записать в Розряде, в книгу* (курсив мой. — В. Б.) и к тому указу... им, думным дьяком Ивану Гавреневу да Ивану Грязеву, велели руки приложить»²⁸.

В XVII в., как и в XVI, разрядные книги этого типа велись более или менее регулярно, записи вносились в них обычно в той последовательности, в какой они происходили. Но в «дворцовых разрядах» первой половины XVII в. наблюдаются уже некоторые изменения. Список воевод по городам в них обычно выносится в конец разряда, только иногда он располагается внутри разряда среди других записей в соответствии с датой, к которой относится назначение воевод²⁹. Следовательно, записи в «дворцовых разрядах» делались в основном по истечении данного года. Об этом же говорят ссылки на разряды следующих годов. Так, по местническому спору И. С. Погожего с Ф. С. Плещеевым, посланным в Тихвин в июне 1613 (7121) г., «скаска им была во 122 году»³⁰. Действительно, в разряде следующего 7122 г. приводится запись об этом же споре и «сказке», которые имели место осенью — зимой 1613 (7122) г. (запись не датирована, она помещена между известиями от 10 октября и 6 декабря 1613 г.)³¹. Следовательно, запись от июня 1613 (7121) г. могла быть сделана не раньше этого времени (осень — зима 1613 (7122) г.).

Ссылки на следующие годы имеются в ряде других разрядов³². В разряде 7133 г. список городовых воевод объединяет даже данные за целых четыре года (7133—7136 гг.): «Лета 7000 со 133 году и во 134 году, и во 135 по 136 год были воеводы в городах, переменались кто в котором году и в котором городе был и кто кого переменял»³³. Здесь, действительно, объединены сведения за четыре года; это можно проверить, так как в разрядах за следующие 7134, 7135 и 7136 гг. тоже приводятся списки воевод некоторых этих городов. Возьмем г. Астрахань за все четыре года:

²⁶ ДР, т. I, стлб. 516.

²⁷ «...Покаместа служба минется с королем литовским, — быть у государевых дел всем без мест, кто с кем ни будет, и в случаях тое службы не подавать» (ДР, т. II, стлб. 298).

²⁸ Там же, стлб. 299.

²⁹ Там же, т. I, стлб. 533 и сл. (7131 г.), 582 (7132 г.); т. II, стлб. 285—297, 410—412.

³⁰ Там же, т. I, стлб. 95.

³¹ Там же, стлб. 118—119.

³² Там же, т. I, стлб. 144 (в разряде 7122 г., ссылка на 7123 г.), 232 (в 7124 — на 7125 г.), 437 (в 128 — на 129 г.), 897 (в 135 — на 136 г.), 980 (в 136 — на 137 г.); т. II, стлб. 87 (в 137 — на 138 г.) и т. д.

³³ Там же, т. I, стлб. 730, список воевод по городам — стлб. 730—746.

В Астрахани боярин и воеводы Петр Петрович Головин да Алексей Игнатьев сын Zubov, да дьяки Семен Андреев да Семен Самсонов; а на их место стольник и воеводы князь Юрья княж Петров сын Буйносов Ростовской да Семен Иванов сын Волинской, да дьяки Степан Караулов да Григорей Нечаев³⁴

В Астрахани боярин и воеводы Петр Петрович Головин да Алексей Игнатьев сын Zubov, да дьяки Остафей Кувшинов да Семен Самсонов³⁵

В Астрахани воеводы стольник князь Юрья Петрович Буйносов Ростовской да Семен Иванов сын Волинской, да дьяки Степан Караулов да Григорей Нечаев³⁶

Те же, что в 7135 г.³⁷

Запись 7133 г., таким образом, в своей первой части объединяет сведения за 7133 и 7134 г. (хотя и не сообщает о замене дьяка С. А. Андреева дьяком А. Кувшиновым), во второй — за 7135 и 7136 гг. То же наблюдается и в записях о воеводах других городов. Ясно, что этот перечень мог быть записан только в 7136 — начале 7137 г., т. е. во второй половине 1628 г.; он был присоединен к разряду за 7133 (1624/25) г. В подобных случаях записи за данный год могли составляться в следующем году или через несколько лет; не исключено также, что основной массив записей за данный год мог быть записан в том же году и к нему через определенное время могли быть прибавлены записи за следующий(-щие) год(-ы).

Как и в XVI в., в Разрядном приказе в XVII в. велись различные виды разрядных книг. Об этом, в частности, свидетельствует наличие рукописей с текстом более подробным и древним, чем текст списков, сведенных в издании так называемых «дворцовых разрядов». Сверка этих текстов показывает, что первый является текстом более древним, подробным, а печатный текст так называемых «дворцовых разрядов» — вторичным, более позднего происхождения. Например, в разряде за 1613/14 (7122) г. вторичный текст в записях о посылке воевод против шведов объединяет данные за сентябрь 1613 — февраль 1614 гг.³⁸ Первичный текст, сохранившийся (неполностью) в составе разрядной книги Музейного собрания из Рукописного отдела ГБЛ, располагает этот материал не вместе, а в соответствии с датировкой отдельных записей в разных местах разряда за этот год среди других известий. Кроме того, этот текст более подробен. Сначала в нем говорится о посылке воевод кн. Д. Т. Трубецкого и других в Великий Новгород в сентябре 1613 г.; это известие приводится и во вторичном тексте³⁹. Далее первичный текст сообщает о посылке сборщиков в город Суздаль, Муром, Арзамас и другие для сбора ратных людей, которым было велено идти в Великий Новгород; затем в записи за декабрь 1613 г. особо говорится о посылке для сбора ратных людей В. И. Бутурлина в Ярославль⁴⁰. Во вторичном тексте нет записи о посылке сборщиков в Суздаль и другие города, а запись о посылке В. И. Бутурлина не датирована и вставлена в запись за сентябрь 1613 г.⁴¹ Грамота от января 1614 (7122) г. к кн. Д. Т. Трубецкому и другим воеводам передается сходно в обоих текстах⁴². Только в пер-

³⁴ Там же, стлб. 740.

³⁵ Там же, стлб. 845—846.

³⁶ Там же, стлб. 936—937.

³⁷ Там же, стлб. 1033.

³⁸ ДР, т. I, стлб. 107—108.

³⁹ ГБЛ, Музейное собрание, д. 738 (далее — М 738), л. 18 об.; ДР, т. I, стлб. 107.

⁴⁰ ГБЛ, М 738, лл. 18 об.—19, 23 об.

⁴¹ ДР, т. I, стлб. 107.

⁴² ГБЛ, М 738, л. 23 об.; ДР, т. I, стлб. 107—108.

вичном тексте запись: «А грамота послана с Ондреем с Толчиным да с Ондреем же с Толчиным послан наряд» более правильно расположена после самой грамоты; во вторичном тексте первая часть этой записи стоит перед текстом грамоты, а вторая («да с Андреем же послан наряд») — после него. Вслед за этой записью в первичном тексте помещены известия о посылке И. Н. Давыдова и И. Л. Скобельцына к Новгороду Великому «остропшкы ставить на Волдай», о посылке с Заяцкого Яму С. И. Волынского и т. д.⁴³, отсутствующие во вторичном тексте.

Конец этой группы записей сходен в обоих текстах, но в первичном более подробен и первоначален:

Первичный текст

А [боярин] князь Дмитрий [Тимофеевич Трубетцкой] пошел [ис Торшку] под Новгород на вседной неделе [в четверг и стал на Бронницах]⁴⁴.

Вторичный текст

А князь Дмитрий пошел под Новгород на вседной недели⁴⁵.

Вторичный текст имеет, таким образом, следы более позднего происхождения по сравнению с текстом первичным; последний по времени составления стоит близко ко времени происхождения самих событий; вторичный текст — результат более поздней обработки разрядных записей. Тем не менее оба они заключают в своем составе записи разрядных книг первой половины XVII в. типа так называемых «дворцовых разрядов».

Таким образом, так называемые «дворцовые разряды» составлялись в Разрядном приказе в основном путем ежегодного пополнения их записей; мнение об их ведении в Приказе Большого дворца и их наименование, принятое издателями («дворцовые записки» — в 60-е годы XVIII в., «дворцовые разряды» — в 50-е годы XIX в.), являются ошибочными. Так называемые «дворцовые разряды» включают разнообразные сведения военно-оперативного, разрядно-местнического характера; они являлись основным видом разрядных книг, в которые в первой половине XVII в. записывались сведения о местнических спорах (другие разновидности разрядных книг этого времени некоторые записи подобного рода исключали). В Разрядном приказе составлялись разрядные книги этого вида различной степени полноты; сохранились списки, содержащие более полные и древние тексты ряда известий за указанное время.

⁴³ ГБЛ, М 738, л. 24.

⁴⁴ Там же; в скобках заключен текст, отсутствующий во вторичном тексте.

⁴⁵ ДР, т. I, стлб. 108; далее в тексте подтверждается тот факт, что кн. Д. Т. Трубетцкой «стал на Бронницах», так как ниже приводится запись об отписке Трубетцкого именно из Бронниц — там же, стлб. 108—109.

А. С. Днепровский, К. М. Ярхо

**ЗАПИСКИ XVIII В.
«ДРАГОЦЕННАЯ ПАМЯТЬ» КАЛУЖАНИНА И ГУБКИНА**

В частной коллекции калужского краеведа К. М. Ярхо хранится рукопись, озаглавленная «Драгоценная память или разные записки собранные из записок Григория Васильевича Губкина, продолжаемые его сыном Иваном меньшим Губкиным в Калуге в 18-м столетии»¹. Рукопись охватывает события с 1703 г. (отдельные факты, выписанные И. Г. Губкиным из несохранившихся записок отца) до начала XIX в. (в это время записи вели уже его дети).

И. Г. Губкин происходил из «старинных жителей» г. Калуги, занимался коммерческой деятельностью (в дальнейшем содержал на откупе питейные сборы), в 1780—1782 гг. «был по выбору общества в Калужском магистрате первым бургомистром». Он много ездил по стране; записки, нередко носящие характер дорожных заметок, упоминают 52 названия городов, местечек, сел и т. д. Внимание автора привлекали самые различные события, в первую очередь связанные с его родным городом. Он выписал данные переписей населения Калуги по четвертой и пятой ревизиям; перечислил базарные цены на зерно, овощи и иные продукты питания за 1785, 1795 и 1796 гг.; отметил, что 20 сентября 1724 г. после долгих лет существования в г. Калуге двух магистратов «все под один суд приведены, и в магистрате засели бургомистр и ратман».

Подробно описан большой пожар 27 июля 1754 г. и причиненные им убытки. Современники считали, что поджог совершил «злодей» с завода гончарных изделий Кушинникова. Из записок узнаем также, что 8 декабря 1758 г. «в осьмом часу ночи разбойники в Лаврентьеве монастыре зарезали архимандрита Илариона». Не исключено, что эти события явились отголосками значительного восстания 1752 г. рабочих Ромодановского железодельного завода Демидова под Калугой, перекинувшегося на Полотняный завод.

Интересовали Губкина и необычные явления природы: «большое северное сияние над Калугой» 8 февраля 1778 г.; появление днем 24 августа 1794 г. «гораздо яркой звезды»; она «в две минуты сделалась огненным шаром и тотчас рассыпалась» на мелкие части; «жесточайшие морозы и превеликие оттепели», сильные дожди, засухи и т. д. Часто здесь же сообщается о том, какая погода стояла в это время в других районах страны и как она отражалась на урожаях. На протяжении всех «Записок» прослеживаются сроки, когда замерзала и вскрывалась р. Ока в пределах Калуги.

¹ Машинописная копия (ед. хр. без номера) хранится в рукописном фонде особого учета Государственного архива Калужской области. Ссылки на рукопись см.: Ю. А. Вусович. Медико-топографическое описание города Калуги. Калуга, 1929; краткая информация о рукописи дана в заметке К. М. Ярхо «Старая рукопись рассказывает». — «Знамя», 17 января 1965 г.

Большой интерес представляют материалы «Записок» для изучения истории архитектуры г. Калуги. В связи с утверждением в 1778 г. регулярного плана города И. Г. Губкин руководил измерениями, необходимыми для пробивки проектируемых магистралей и застройки новых кварталов. В ходе этой работы он описал городские земляные валы (общую протяженность, изломы, длину отдельных участков). «Записки» подробно фиксируют данные о строительстве многих архитектурных сооружений города (указывается начало строительства, ход его и завершение). В целом ряде случаев эти сведения дают возможность точно ответить на вопросы, по поводу которых в искусствоведческой литературе имеются разноречивые указания или широкая датировка (в пределах века); они также позволяют выявить позднейшие перестройки и тем самым представить первоначальный или хотя бы более ранний облик многих сооружений города. Можно отметить данные о строительстве Гостиного двора, здания присутственных мест, многих жилых зданий, деревянного моста через р. Оку (1784 г.), Каменного моста в г. Калуге через ров (1778 г.), а также церквей Иоанна Предтечи (1734 г.), Богоявления (1735 г.), Васильевской (1744 г.), Жен мироносиц (1769 г.), Козьмы и Демьяна (1797 г.).

«Записки» горожанина XVIII в. И. Г. Губкина, написанные живым, образным языком, содержащие столь разнообразный материал, несомненно заслуживают внимания исследователей и публикации.

Н. В. Зейфман

ПИСЬМА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ К Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Эпистолярное наследие декабристов, при скудости источников, позволяющих судить об их идейной эволюции, представляет собой материал первостепенной важности. Переписка декабристов, публикация которой ведется уже более 100 лет, все еще не полностью введена в научный оборот. Ждут обнаружения хранящиеся в архивах сотни писем декабристов, без учета которых невозможно дальнейшее изучение движения, его связи и взаимоотношений с общественно-политической мыслью 50—60-х годов XIX в.

Имена Штейнгель и Батеньков многое говорят историку декабризма¹. Оба — члены Северного общества, сторонники конституционной монархии, к 1825 г. — зрелые и опытные в делах государственного управления люди, оба известны своими глубокими оценками декабристского движения, смело высказанными в период следствия над восставшими²; они были осуждены по одному разряду (III разряд, в который только эти двое и вошли, — 20 лет каторги), они оказались среди немногих, доживших до амнистии и до эпохи буржуазных реформ, наконец, обоих признавали в среде декабристов людьми выдающегося ума³.

В эпистолярном наследии В. И. Штейнгеля центральное место принадлежит двум его адресатам — И. И. Пущину и Г. С. Батенькову — наиболее близким ему людям из «наших», как он называет декабристский круг. Недавно к старой публикации писем Штейнгеля к Пущину (24 письма за 1854, середину 1857 — начало 1858 гг.)⁴ прибавилась

¹ В. И. Семевский. Барон Владимир Иванович Штейнгель (биографический очерк). — «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I. СПб., 1905, стр. 281—320; «Записки барона В. И. Штейнгеля». — Там же, стр. 321—474; А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. М., 1895, стр. 175—184; Л. М. Рейснер. Портреты декабристов. Барон Штейнгель. — «Красная новь», 1926, № 2, стр. 119—126; Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 154—157; Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, стр. 204—207. Библиографию сочинений Батенькова, его опубликованных и неопубликованных писем и литературы о нем см.: «Из архива Елагиных. Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля». М., 1936, стр. 218—233; Т. Г. Снытко. Г. С. Батеньков — литератор. — «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. М., 1956, стр. 289—320.

² Письма В. И. Штейнгеля к Николаю I из Петропавловской крепости (11 и 29 января 1826 г.) см.: «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, стр. 475—495. Первое письмо было широко распространено в списках и впервые опубликовано в 1859 г. в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне» (кн. 1. М., 1971, стр. 101—125). «Заявление Г. С. Батенькова следственной комиссии 18 марта 1826». — В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 676—677.

³ Л. М. Рейснер. Избранное. М., 1965, стр. 387; «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951, стр. 377 (письмо И. Д. Якушкина — Е. И. Якушкину, 24 июля 1854 г.).

⁴ «Летописи Государственного литературного музея», кн. 3. «Декабристы». М., 1931, стр. 367—399 (далее — «Летописи»).

публикация его обширной корреспонденции к Пушкину за 1855, 1859 гг. (29 писем)⁵. Письма к Батенькову хронологически дополняют предшествующие публикации писем Штейнгеля. Они хранятся в архиве Г. С. Батенькова в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁶. Всего их 46 за 1853—1862 гг.⁷ 21 письмо отослано из Тобольска, где жил на поселении Штейнгель, в Томск, где был поселен Батеньков. Остальные относятся к периоду после амнистии и адресованы в тульское имение Елагиных, у которых сначала поселился Батеньков, а затем — в Калугу, где он купил дом, — из Царского Села (Штейнгель жил у сына, инспектора Александровского лицея) и Петербурга⁸. Ответные письма Батенькова хранились у сына Штейнгеля, затем оказались у редактора «Русской старины» М. И. Семевского и частично (в отрывках) были опубликованы⁹.

Пять писем Штейнгеля, которые публикуются в приложении к настоящему обзору, дают представление о разнообразной тематике и значении рассматриваемого комплекса его писем к Батенькову. Они содержат новые штрихи к портрету Штейнгеля, и отраженно освещают Батенькова, а также других декабристов, в Сибири и после амнистии; они дают возможность проследить эволюцию мировоззрения Штейнгеля на завершающем этапе жизни и, в более общем плане, представляют дополнительный материал для изучения вопроса об отношении декабристов к крестьянской реформе.

Наибольший интерес представляют разбросанные в письмах политические замечания и наблюдения Штейнгеля. Конечно, с 1853 г., «столь чудовищного событиями», его внимание приковано к Крымской войне, он болезненно отмечает потери, утешается тем, что Севастополь стоит, и не хочет — как «ветеран 12 года» — допускать сомнения в победе. Но главное, он надеется, что война не пройдет для России бесследно. «Настоящее положение — испытание, — пишет он 24 июня 1855 г. — Оно будет истощительное для нового укрепления сил. Порядок вещей покамест остается тот же; но не может быть, чтобы, по устранении внешних опасностей, не было обращено внимание на внутренние немощи. Грех будет перед богом и перед кровью, столь обильно и великодушно пролитую».

Ожидание перемен, охватившее декабристов после внезапной смерти Николая I, у Штейнгеля долгое время сопровождается скептическими настроениями. 30 мая 1855 г.: «Покамест, как видишь, нет никакой ощу[ти]тельной перемены в прежнем порядке вещей, кроме перекройки: это дело портных и легко» (один из первых указов Александра II касался изменения военной формы). 2 января 1856 г. — радостное сообщение, что число студентов в Московском университете больше не ограничивается: «Видно убеждение, к чему ведет отставание от прогресса. Слава богу!»; 3 февраля — сильное сомнение в реальности освобождения; 28 мая — опасение, что ответное письмо Батенькова «попало в чужие

⁵ Л. В. Гапачко, Н. В. Зейфман. Из переписки декабристов. Письма М. А. Фонвизина и В. И. Штейнгеля к И. И. Пушкину. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 36. М., 1975.

⁶ ГБЛ, ф. 20, к. 13, ед. хр. 33—34.

⁷ За 1853 г. — 2 письма, 1854 г. — 6, 1855 г. — 9, 1856 г. — 4, 1857 г. — 3 (ед. хр. 33); 1858 г. — 6, 1859 г. — 8, 1860 г. — 4, 1861 г. — 2, 1862 г. — 2 (ед. хр. 34).

⁸ Еще два письма Штейнгеля к Батенькову — от 27 апреля и 25 декабря 1861 г. — хранятся в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 49 (Г. С. Батенькова), № 22) и одно письмо — от 25 мая 1861 г. — в Институте русской литературы (ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»), оп. 2, № 3133).

⁹ «Русская старина», 1889, № 8. Письма от 15 апреля, 16 и 24 мая, 4 июля 1856 г.; от 15 января и 4 марта 1857 г. В архиве «Русской старины» в Институте русской литературы кроме перечисленных сохранились еще два письма Батенькова к Штейнгелю от 27 июля 1856 г. и 4 февраля 1857 г. (ф. 265, оп. 2, № 2468, тетрадь Семевского, лл. 93—112).

руки — от неосторожности; все еще спускать рукава не время: шуки нет — зубы остались»; в том же письме: «Политики — не касаюсь. Многое смешно, многое жалко, многое... но — время лучше определит».

Те же перепады настроения — в отношении Штейнгеля к крестьянской реформе. На первых порах — радостное удовлетворение: «В Швартгольме могло ли нам во сне пригрезиться, что господь, по неисповедимой своей благодати, допустит нас дожить до осуществления мечты, нас погубившей» (15.IX.1858). Затем период разочарования, недоверия, уныния: «Все эти *развития* идей, *поднимание* вопросов, *гуманные* стремления по пути к *прогрессу* мне кажутся обаянием, чтоб не сказать — надуванием. А посмотри, как сквозит эгоизм, гордость и своекорыстие» (23.XI.1859). Да и Батеньков, близко знакомый с батальями в Калужском крестьянском комитете, где губернатор В. А. Арцимович, декабрист П. Н. Свистунов и другие немногочисленные либералы¹⁰ пытались удержать дворянство от «своекорыстных стремлений» (по выражению Штейнгеля), не обольщался надеждами. «Ты там замечаешь, — отвечал 14 мая 1860 г. Штейнгель, — что *вообще-то* — как говаривал покойный друг наш (И. И. Пущин. — *Н. З.*) — не очень утешительно; здесь это еще виднее, и какое-то свинцовое чувство теснит в сердце». Манифест 19 февраля Штейнгель встречает радостно, старается отбросить сомнения: «Хоть я всегда говорю: «завтра не наше», но уж теперь, кажется, всякое сомнение прочь о том, что дожили» (1.III.1861). Но отмена крепостного права важна для Штейнгеля не только сама по себе, а как первый шаг на пути того преобразования России, о котором мечтали декабристы. В крестьянской реформе он хочет видеть начало: «О перерождении России не дерзну говорить: благословляю только благость господя, что допустил меня дожить до этого вожделенного времени, и видеть начало результата принесенной нами жертвы» (25.I.1862).

Одно время Штейнгель причислялся некоторыми исследователями к тем декабристам, «которые стали под конец жизни прямыми апологетами православия и самодержавной власти, [...] что привело к глубокому разрыву между ними и новым поколением русской передовой демократической интеллигенции»¹¹.

Для реабилитации Штейнгеля достаточно фактов его сотрудничества в вольной русской печати¹². Несмотря на свойственные ему либеральные надежды на молодого царя, Штейнгель предстает в письмах к Батенькову человеком, глубоко и верно судившим о коренных вопросах своего времени — о войне, о внутренней политике и государственных деятелях, о крестьянской реформе; человеком, преисполненным мыслей о России и «пламенного желания ей полного блага» (14.V.1860). Традиционные для эпистолярной его эпохи ссылки на евангельские тексты, поиски аналогий среди библейских сюжетов, конечно, не говорят об апологии официального православия. В этом же плане примечательна особая приязнь Штейнгеля к молодежи нового склада: «неразлучным другом фантазии» любовно называет он еще в 1854 г. Н. А. Траверсе (в 1862 г. арестованного за связи с Герценом); «прекрасный, умный человек», «мне крайне по душе» — так отзывался он об одном из авторов Козьмы Пруткова В. М. Жемчужникове; в публикуемом ниже письме от 2 января 1859 г. он наилучшим образом рекомендует Батенькову Н. А. Серно-Соловьевича и позднее передает ему

¹⁰ А. А. Корнилов. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче. СПб., 1904.

¹¹ М. К. Азадовский. Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник. — В кн.: «Воспоминания Бестужевых». М. — Л., 1951, стр. 662—663. Несправедливость такого рода заключений относительно, например, Е. И. Оболенского и М. И. Муравьева-Апостола доказана последними исследованиями: Л. Б. Добринская. Декабрист Евгений Оболенский после сибирской ссылки. — «Освободительное движение в России», вып. 1. Саратов, 1971, стр. 33—35; Н. Рабкина. Версия и документ. — «Прометей», т. 3. М., 1967, стр. 122—133.

¹² Н. Я. Эйдельман. Указ. соч., стр. 204—207, 262.

сердечные приветы от своего семейства: «Мы все его непритворно любим. Это «отрадный» молодой человек» (30.IV.1859).

Много новых и неожиданных оттенков дают письма Штейнгеля для характеристики его мировоззрения. Этическое начало, которое лежит в его основе, проявляется в отношении Штейнгеля ко всему: к государственности («Не отрицаю необходимости Альбиона; но он давно разъехался с правотою и честностию, а при этой разлуке мудрено содействовать чему-либо благовому». 24.VI.1855); к историческому прогрессу («Человечество, кажется, и не думает исправляться: настоящее лучшее свидетельство. В Крыму кровавая арена, а в Париже и Лондоне — ложи и рукоплекания; тот же бесчеловечный Колизей». 26.VIII.1855); к международной политике («Твоя англо-саксы в Индейской и Китайской войне так острамились, нравственно — разумею, что совершенно мне омерзели, разумеется — оптом, а не в частности». 15.IX.1858); и даже к науке («Признаюсь тебе, я сердит на нее, или лучше на людей, которые опошлили ее своею надменностью, не сделав никакого приложения ни к нравственности, ни к смягчению нравов вообще, и выказав одну почти, с малым исключением, конечно, одну почти алчность к барышам». 7.IV.1860).

Интересны философские размышления Штейнгеля. Свою религиозность, в частности, он выводит из невозможности рационального познания мира. «Что до мистических дум, — отвечает он Батенькову 7 апреля 1860 г., — не проникая от века непроницаемое, я крепко утвердился в истине, сказанной мудрейшим из людей: «Знаю только то, что ничего не знаю!» Теологию свою ограничил тоже немногим: «Верую, господи! помози моему неверию». Это высказывание позволяет скорректировать укоренившееся представление о глубокой религиозности Штейнгеля.

Для Штейнгеля характерны неоднократные мысленные обращения к 14 декабря 1825 г., отсчет прожитых после этой даты лет, готовность с гордостью и терпением «избыть» свою участь до конца. ««Крест» свой, — пишет он 28 мая 1856 г., — я на 1-ю ст[епень] Георгия те[перь] не променяю». Для него важно сознание идейной общности декабристов: «Вчера получил письмо от нашего Ив[ана] Ив[ановича] с неприятным известием, что положение болезненное нашего почтенного товарища Ив[ана] Дм[итриевича] Якушкина [...] очень сомнительно, хотя наш Вольф при нем» (25.II.1854). Сюда же причисляются и «наша Олинька Анненкова», и молодой человек Лобковский, которого он просит принять, как «нашего», и молодой Ивашев — «очень нам близкий», — круг расширяется за счет новых, но близких по убеждению людей. В письмах чувствуется живой интерес к судьбам товарищей, к событиям в их семьях, обязательна горестная фиксация утрат.

На случай собственной смерти Штейнгель отсылает сыну для хранения все полученные им от Батенькова письма — «как драгоценности». (24.VI.1855). В этом акте — осознание исторической миссии декабристов, надежда на признание потомков, на переоценку ценностей. «Письма твои будут читать мои дети, и, станется, внуки, — пишет Штейнгель 25 июля 1855 г. — Я думаю, что они из них лучше уверятся в достоинстве отца и деда. Кто знает, как будут указывать на нас прочие. Неужли все как на злодеев; а 30 лет претерпенных!..»

Трогательно теплые и благодарные чувства Штейнгель испытывает к Батенькову и к Пущину: «Всякое твое слово — бальсам для моего сердца: чистая твоя душа, пламенное твое участие видны, как отблеск луча в Кюги-Нуре»; «рад я пуще всего, что ты у меня здоров» (к Батенькову). «Он «высоко» благородный человек, не говоря об уме, о счастливом характере», «неподражаемый в благородной деятельности», «незавбренный друг наш» (о Пущине). Оба помогли Штейнгелю в его стесненных материальных обстоятельствах, Батеньков — изредка, Пущин — постоянно, из средств малой декабристской артели, которыми он распоряжался. Штейнгель жил почти в нищете, найти занятие, которое «дало бы кусок хлеба», мешали

годы (р. 1783); оставленная в Европейской России семья сама нуждалась, а в Сибири росли дети — Мария и Андрей (впоследствии получившие фамилию Бароновых). Штейнгель, со своей стороны, и сам в кругу забот и добрых дел: то просит Батенькова помочь в устройстве на службу знакомого молодого человека, то принять кого-то проездом, то пристроить прачку Агафью, перебирающуюся в Томск: «Вот тебе Агафья — добрая, работающая женщина, которая мыла на меня белье, всегда чисто, прекрасно, верно» (16.VI.1854); и в следующем письме беспокоящее: «Являлась ли к тебе Агафья?», и снова: «Ну жаль мне, что Агафья сглуповала». Сообщая Батенькову, что при посредстве Пущина получил заработок, Штейнгель пишет: «Вижу тут устроение божие: воздаяние за добро, какое всегда старался делать ближним, когда и как мог. Этот долг не пропадет. О, как я это испытал в течение 20 лет, что выпущен из клетки» (3.II.1856). Отношение к Штейнгелю в Тобольске характерно для отношения к декабристам в Сибири вообще: «Здесь всеми обласкан. Не достало бы ни на что времени, если удовлетворять приглашениям» (10.XI.1854). П. П. Ершов зовет его в посаженные отцы; председатель губернского суда «не однажды отзывался мне, что любит меня, как отца», ректор духовной семинарии просит бывать почаще — все это важно Штейнгелю как признак благородного сочувствия.

Как для всего, написанного Штейнгелем, так и для писем его к Батенькову характерен лапидарный, насыщенный язык, блестящее владение словом, неожиданный юмор (о задуманном Батеньковым переводе многолетней истории Византии: «...кто покупать станет? У имеющих деньги, вероятно, имеется и умение прочесть по-французски». 7.II.1858; о собственном слабеющем здоровье: «Та же природа говорит и мне: «Полно, брат, пора и честь знать». И что могу сказать в ответ, кроме: «Слушаю-с!»» 27.III.1859). Письма Штейнгеля представляют собой не только исторический, но и литературный памятник эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ *

№ 1

19 февраля [18]54

Он пролетел, все еще юный, все еще неразлучный друг фантазии: распевелилось, отогрелось мое сердце; но это минута, после которой тягость тягчайшая. Недаром седая древность прорекла: «хорошего понемножку».

Благодарю тебя, мой брат, мой друг, за все — благодарю без слов, чтоб языком не ослабить чувства. Пробьюсь сколько, а там — все бог!¹ Он, по благодати своей, поможет и крест донести. Во всяком случае — недалеко; говорю о себе.

Какая бы буря ни была, если мы подлинно «со Христом и за Христа!», бояться не только Луны, ни западных ренегатов, нечего. Гедену это было достаточно, чтобы побить тысячи. Вообще в этой формуле «х» чрезвычайно интересен. С последнею почтою, из некоторых извлечений, видно, что тон иностранных газет начинает изменяться².

В полной мере постигаю и чувствую, что хорошо бы нам было и умереть под «одной скобкой»³; но закон необходимости выше всех «хорошо бы». Нет сомнения, ты переживешь меня: ты — осмой ефесской отрок⁴.

«Приезжий» — проезжий близкий имеет доступ до последней ступени к «высочайшей», и может провесть зло до сведения. Но разве оно неизвестно?.. К этому, то ли время, чтобы заниматься лечением этой гангрены!

* Письма публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением, однако, некоторых особенностей, отражающих фонетику середины прошлого века. Недописанные слова воспроизводятся в квадратных скобках.

Весь результат может быть: вред одному, двум, трем лицам, без всякой пользы обществу! Заместники, хоть их посади святых, скоро примутся за то же⁵. Эти вещи достигаются народною нравственностью, где она возможна! Ты сказал: «города имеют также свое счастье» — прибавлю: и целые государства.

Сообщи теперь тебе нечаянность, какая случилась со мною. Она будет тебе приятна. 10-го числа я попал — в посаженные отцы. Наш инспектор гимназии — автор «Конька Горбунка», женился на дочери генерала Черкасова. Оба, с нареченною матерью г[оспо]ж[ой] Андрониковой, убедили меня согласиться⁶. И на другой день молодой сказал мне, что ему «приятно называть меня отцом». Меня утешает то, что есть еще люди, способные отличить и уважить благородное несчастье в самой бедности!

Я был прерван приездом ко мне молодого человека, письмоводителя нашего владыки⁷, и теперь не знаю, успею ли отправить письмо. На дворе же снег и вьюга, хотя продирается яснота.

Прости! Крепко обнимаю тебя

В. Штейнфельд

№ 2

13 сент[ября 18]54

Уф! какая тяжесть на совести, мой любезнейший брат! Сколько — целую массу разлившую, Иртыша и Тобола вкупе, унесло в Северный океан, и часть, может быть, теперь в каплях дождевых опять падает уже на нас, чтоб возвратиться в Иртыш, а три письма твои лежат перед глазами — без ответа! Одна только уверенность в твоём доверии к моим чувствам может облегчить эту тяжесть. Второе твоё письмо, содержащее приятнейшую сердечную беседу, особенное доставило мне утешение; хотелось отвечать тоже сердечно — и, по этому хотению, откладывалось до свободного состояния духа; но где же его дождешься, при обстоятельствах удручающих. Кое-как воспользуюсь ненастными часами, призадержавшими в своём скромном углу.

Наперед, вот краткий перечень событий, под влиянием которых существовал с июня месяца. В июне самом прощание (и провожание) с ректором¹, и с зятем и дочерью Анненкова², это все тянулось: вот завтра, вот послезавтра непременно. Последние теперь уж в П[етер]б[урге] и уже знакомы с моими³: имею известие. Тут новый пароход пришел, которого механик г. Арну знаком с моим Вячеславом, и теперь возвратился в Бельгию. Июль принес мне горестное известие, что добрый шурин мой⁴, которого любил, как брата родного, приехав в П[етер]б[ург] и остановясь у Юлии, скончался холерой. В это же время приехал новый губернатор⁵ (3 числа). По вызову его, 6 числа, я был у него: учтивость в приеме Анненкова — придворная, стало растворению сердца тут не место. Он мне сказал, что *имеет честь* быть знаком с моим сыном — и даже обязан ему много. Объяснил потом, что меньшой брат его⁶ был в лице и Вяч[еслав] ему был наставник и благодетель. Разговор, с моей стороны, наведен был на настоящее его положение, с изъяснением удивления, как он, зная все, решился ехать⁷. Он отвечал уверенностью, что при благонамеренности ген[ерал]-г[убернато]ра⁸, надеется сделать что-нибудь полезное. Последнее мое слово, когда он проводил меня до передней, было: помоги Вам господь! Он застал, при сбывающем водополье, все развороченным и деятельно занялся, как поправлением, так и пособием бедным и разоренным. Твой хваленый⁹ удивил всех: даже не спускался с горы, когда сносило дома! Неохотно говорю эту истину, не любя говорить дурное о людях. Все имеют слабую сторону, не исключая и нас с тобою. 19 июля приехал Казимирский¹⁰. Казалось, познакомились хорошо; но что-то не искренно. Пуще для меня всего понравилось, что он о тебе говорил с чувством и хорошо. Затем приехали молодые люди, воспитанники Вячеслава, Анненков и Штакельберх (барон)¹¹. Тут хлопоты, по поручениям нашего доброго

Ив[ана] И[ванови]ча¹² — по просьбам разных плачущих и пр. После приезд (это уже в августе) генерала, отъезд преосвящ[енно]го¹³. Болезнь Вольфа, смерть Пет[ра] Д[митриеви]ча Жилина, нашего друга, и наконец, кончина внезапная другого друга — прокурора, которого третьего дни предали земле¹⁴. Во все это время ожидание, с почты на почту, денег — и поиски, где бы перехватить. Положение такое мешает всякому строю мыслей: не принимался за перо. Бар[он] Шилинг¹⁵, если знаешь или слышал, показывая мне всегда особенную attention, предложил заниматься у него. Я принял предложение, как ныне в моде — в виде опыта. Не знаю, что будет; по крайней мере, несколько я успокоился; но станет ли сил; и надолго ли. Да будет воля божия! Губ[ернатор] завтра едет по губернии: я виделся с ним у Шил[инга] вчера, и Шил[инг] сам едет в Омск к именинам Надежды; а когда она не именинница!

Прости. Крепко жму тебе руки
твоею душою до гроба
брат В. Штейнгель.

Меня удивило: кто эти *многие*, которым хочется обо мне знать?

Об Амуре, ты, чай, знаешь. Фантазии моей юности, на Восточном океане, осуществляются¹⁶.

Забыл сказать: познакомился с новым ректором Паисием¹⁷, которому вскоре понравилась моя беседа, и он все просит «почаще». Он хвалит вашего владыку¹⁸, как мужа ученого и доброго.

№ 3

4 мая [18]56¹

Наконец, со вчерашнего вечера, у меня твой пасхальный привет, мой добрый друг и брат. Обнимаю тебя полною сердечною благодарностию: ты меня успокоил. Спасибо! тысячу раз — спасибо! Рассуди сам, что я должен был думать!.. Три месяца тому ровно назад, именно 3-го февраля, я написал к тебе письмо с приложением списка с письма ко мне свата вице-адм[ирала] Анжу, и зная тебя, и как все, до меня касающееся, тебя интересует, я ожидал наверное, что ты с первою почтою отзовешься восторгом. Не тут-то было: летят недели, а письма нет, как нет. Между тем с Ейсмотом не встречался и спросить не у кого: «Не знают ли о тебе чего?» Неужели мое письмо то не дошло до тебя? Никогда этого не бывало². Как бы то ни было, слава богу, что ты благополучно здравствуешь!

Умирать необходимо, и мы на близкой очереди, следовательно, lamentация не у места. Вечное блаженство доброму Михаилу Яковлевичу. Можно даже позавидовать, что он так умилительно погасил любовь свою к отечеству³. Жаль Февронию Васильевну. Напиши мне, что она думает предпринять.

И у моих родных спектомания не излечима; никак остановить их не могу, чтобы не подчивали меня надеждами и ожиданиями, а твердили бы со мною: «Да будет воля твоя». Пора убедиться, что и нам светит особая звезда. Не знаю, на каком авторитете основаны удостоверения, о которых пишешь, и что значит «увидеть и разглядеть»⁴. Желания доброго, еще юного, упоенного *перспективою* сердца, могут к этому клониться; но допустят ли? вот вопрос. Властосилие должно уступать советам лжеохранительной преданности. Мы с тобою насмотрелись опытов. Мало ли что «Первый»⁵ хотел, и что ж выходило? — шик! вечная полумера. Подождем! Живы будем — увидим, не увидим — услышим. Зла так много, что долго-долго не окрести его. А в Евангелии сказано: «Аще соль обуюет, чим осолится?» И в последних газетах пример: возле рек крови и бедствий, нерадение, и попечение о кармане!!!..

Вместо скорби о разобщении, адресуй на имя ее благор[одия] Феклы Васильевны Шабановой, в собств[енном] доме, в Тобол[ьске] и дубль-

пакета не нужно. Предупрежду ее. Она из Томска ни от кого писем не получает.

Сюда ждут Иннокентия, архиепископа Якутского и пр. Жду с нетерпением. Я уже знаком с ним, и крайне интересно будет побеседовать с ним о положении востока⁶.

О Молч[анове] не стоит говорить. Жаль Нелинку; पुще всего жаль этого гетероженного соединения! Иначе и думать нельзя, что это случилось при содействии «лукавого». Дивить нечего: где чуть надмение — он тут!⁷

1-го мая и 2-го у нас был дождь и снег, и теперь все серо, и только +3°. Вода прибывает. В Кургане и около Ялуторовска наводнение. На дорогах проезда нет. Впрочем это à l'ordre du jour *

Прости, мой брат, мой друг. С нетерпением буду ждать твоего отклика. Твой душою и сердцем до гроба

В. Штейнгель

№ 4

СПб. 2 января 1859

Прошу тебя, мой друг-брат, принять доставителя этих строк, как бы ты принял меня самого, даже с тою же доверенностию к его благородным чувствам. Это воспитанник Лицея, под руководством моего сына; и, стало, внук мой по духу. Имя его Николай Александрович; фамилья Серно-Соловьевич. Он успел уже обратить на себя внимание самого государя¹. Прочее все от него самого узнаешь.

Обнимаю тебя сердечным приветом на этот Новый год

твой душою и сердцем

Б[арон] В. Штейнгель

Р. С. Петру Николаевичу и Татьяне Александровне² передай мое душевное поздравление с Новым годом и желание прочного утверждения за ними покой[ной] и приятной жизни.

№ 5

СПб. 23 ноября [18]59

Вчерась ввечеру получил твое письмо, любезный брат о Христе и о несчастии, и спешу сказать тебе душевное спасибо за то, что еще-таки вспомнил старика, уже почти до оглушения пришибленного и старостию, и болезнию, и обстоятельствами.

Да, без греха сказать можно, что последний фазис страдания для меня тяжелее предшедших. Ни сил, ни духа тех уже нет. Меня и Шамиль не занимал, и не видал я его¹. Совершенно согласен с тобою, что в подв[е]дении итогов видится много утешительного. Всякое утро, просыпаясь, твержу себе: «а ведь лучше бы не просыпаться!» Все эти *развития* идей, *поднимание* вопросов, *гуманные* стремления по пути к *прогрессу* мне кажутся обаянием, чтоб не сказать — надуванием. А посмотри, как сквозит эгоизм, гордость и своекорыстие. И что бы ни делали, что бы ни говорили, человечество — увы! не будет лучшим. «Хотяще быти законоучители, не разумеша ни яже глаголют, ни о них же утверждают», — говорит св. Павел в сегодняшнем Апостоле! Законы всевышнего нам не постижимы; чем ближе к концу, тем более в том утверждаюсь, смиряясь и благоговая.

9 числа господь даровал мне внуку Марию Вячеславну. Вообрази, что и тут не могу ощущать чистой радости!

Да хранит тебя мать божия, да испросит тебе у господя приятную старость за то 20-летнее лишение, какое ты перенес к удивлению всех нас, осужденных вместе.

Прости! умру с неизменными чувствами уважения к тебе и братской дружбы.

Б[арон] В. Штейнгель

* В порядке вещей (франц.).

Р. С. Скажи взаимный привет всем, кто вспоминал обо мне.

Немца твоего² недавно встретил на улице. Он тотчас спросил о тебе. Все в нем обнаруживает то прочное влияние, какое имело на него знакомство с тобою в молодых годах. Когда пойду, если пойду, в собор учебн[ых] заведений, зайду к нему; это по дороге, и тогда исполню твое поручение. Нигде так не ощутительно, как здесь, что давать поручения в тыщу раз легче, нежели исполнять их.

Если можешь узнать верный адрес Марии Казимировны Юшневской³, в Киеве, напиши мне, когда будешь писать расположен.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1

¹ В предыдущем письме, от 15 декабря 1853 г., Штейнгель писал Батенькову: «Сокрушает более всего, что не могу найти себе дела, которое бы дало кусок хлеба. Наняться в писцы в какое-либо присутственное место можно бы, но подыматься на 30-саженную гору два раза в сутки невмочь. Помощи ниоткуда верной: из П[етер]бурга пишут, что сами в долги должны были войти». В ответ на это и последовала помощь Батенькова. 2 мая 1854 г. Штейнгель, жалующься на нужду, писал И. И. Пущину: «Так, в одну из жестоких минут явился с начала года маркиз с помощью от томского брата Гавриила» («Летописи», стр. 367). Судя по этому упоминанию, в первом абзаце письма речь идет о маркизе Николае Александровиче де Траверсе (1829—1869), лицеисте выпуска 1850 г., чиновнике особых поручений при томском губернаторе (1851—1854). Он был в Тобольске проездом в Петербург, где состоял при Министерстве внутренних дел, был камерюнкером в придворном штате. В 1862 г. был арестован за связь с Герпеном, в заключении сошел с ума. Далее в письме под «приезжим» имеется в виду он же. ² Гедеон — израильский судья, победивший, по библейской легенде, с 300 воинами 135 тыс. неприятелей-идолопоклонников. В последующих словах об изменении гона иностранной печати — намек на успехи русских войн в конце 1853 г. (бой под Ахалцыхом 14/26 ноября, разгром Бебутовым главных турецких сил при Башкадыкларе 19 ноября/1 декабря. Синопское сражение). ³ Очевидно, под одной скобкой имеется в виду общий разряд, по которому Штейнгель и Батеньков были осуждены. ⁴ Имеется в виду легенда о семи эфесских отроках, скрывшихся от гонений на христиан в пещере, где их замуровали, чтобы уморить голодом. Однако они просто заснули и проспали 187 лет, после чего вышли из пещеры и рассказали о своем подвиге потомкам. Батеньков же, как известно, 20 лет провел в строгом одиночном заключении в Петропавловской крепости. ⁵ Речь идет, видимо, о взяточничестве. ⁶ Петр Павлович Ершов (1815—1869), женился третьим браком на дочери генерал-майора Е. Н. Черкасовой. Ольга Васильевна Андроникова — тобольская жительница, приятель-

ница декабристов. ⁷ Евлампий (Петр Пятницкий), архиепископ тобольский и сибирский (1852—1856). Кто был письмоводителем, установить не удалось.

№ 2

¹ Ректор Тобольской духовной семинарии архимандрит Порфирий 15 июня 1854 г. уехал на соответствующую должность в Кострому. ² Речь идет о дочери декабриста Ивана Александровича Анненкова Ольге (1830—1891) и ее муже, военном инженере Константине Ивановиче Иванове (ум. 1887). ³ В Петербурге жили члены семьи В. И. Штейнгеля: жена — Пелагея Петровна (урожд. Воиноватова), сыновья — Вячеслав (1823—1897), офицер лейб-гвардии егерского полка, с 1851 г. — воспитатель, в 1853—1858 г. — инспектор Александровского лицея, затем редактор «Российской военной хроники», генерал; Владимир (р. 1825), офицер лейб-гвардии Гатчинского полка, в 1861 г. вышел в отставку; дочери — Юлия (в замужестве Топильская), Надежда и Людмила. ⁴ Григорий Петрович Воиноватов, брат жены Штейнгеля, живший в их семье в Москве в 1810-х годах. ⁵ Виктор Антонович Арцимович (1820—1893), тобольский гражданский губернатор (июль 1858—1862), один из либеральных деятелей крестьянской реформы. ⁶ Антон Антонович Арцимович (1832—1910), впоследствии сенатор. ⁷ В. А. Арцимович был свидетелем разнообразных злоупотреблений в системе управления Западной Сибирью, когда участвовал в 1851 г. в ревизии генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, при котором состоял старшим чиновником. О том положении, в котором он застал Тобольскую губернию, и о его первых шагах см.: «Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики». СПб., 1904, стр. 17—22. ⁸ Густав Христианович Гасфорд (1794—1874), генерал-губернатор Западной Сибири. ⁹ Александр Васильевич Виноградский, в 1840-х годах — председатель Томского губернского правления, в 1853—1855 г. — на той же должности в Тобольске, с середины 1855 г. снова в Томске, в 1859—1863 г. — тобольский губернатор. Предположение, что речь идет именно о нем, основано на соответствующих высказываниях в более поздних письмах: «Об Алекс[андре] В[асильевиче] не спорю; отдаю ему полную справедливость; но грешен — первые впечатле-

ния на меня сильно действуют» (15.XII. 1854); 30 мая 1855 г. Штейнгель сообщает, что Виноградский переводится в Томск: «...вероятно, для тебя это будет приятно». ¹⁰ Яков Дмитриевич Казимирский, генерал-майор, начальник жандармского округа в Омске, друг многих декабристов. ¹¹ Федор Александрович Авиенков и Александр Федорович Штапельберг — выпускники Александровского лицея 1853 г., чиновники особых поручений при В. А. Арцимовиче. ¹² Пуццина. ¹³ Генерал — Александр Карлович Дометти (1793—1877), командующий 24-й пехотной дивизией со штабом в Тобольске, дружески расположенный к декабристам; преосвященный — Евлампий, в августе 1854 г. он совершил поездку по епархии. ¹⁴ Фердинанд Богданович Вольф — декабрист, живший на поселении в Тобольске, умер в декабре 1854 г.; П. Д. Жилин — тобольский чиновник, умер 30 августа 1854 г.; Дмитрий Иванович Францов, тобольский губернский прокурор. ¹⁵ Ипполит Иванович фон Шиллинг — председатель тобольского губернского суда. ¹⁶ Речь идет о русской колонизации Амура, в частности, о первой правительственной экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, начавшейся в мае 1854 г. Дальневосточные дела особенно интересовали Штейнгеля, так как после окончания морского корпуса он служил в 1800-х годах в Сибири и хорошо знал Камчатку. ¹⁷ Архимандрит Паисий — ректор Тобольской духовной семинарии. ¹⁸ Парфений (Попов, 1811—1873), епископ томский и енисейский (1854—1860).

№ 3

¹ Ответ на письмо Батенькова от 15 апреля 1856 г. («Русская старина», 1889, № 8, стр. 340). ² Письмо Штейнгеля от 3 февраля 1856 г. сохранилось. Петр Федорович Анжу (1796—1869), адмирал, исследователь Арктики, служивший в юности под началом друга Штейнгеля адмирала П. И. Рикорда. Вячеслав Штейнгель женился на дочери Анжу Людмиле (1834—1897) в ноябре 1855 г. 19 декабря 1856 г. в почтительном и теплом письме П. Ф. Анжу выразил Штейнгелю свою радость по поводу нового родства. Ейсмот (Эйсмут), Иосиф Болеславич, вероятно — ссыльный поляк, живший в Тобольске. ³ Михаил Яковлевич Ядринцев, сибирский купец, управляющий частными делами по откупам, хороший знакомый Штейнгеля по Тобольску, последние годы жизни жил в Тюмени. В день кончины, как пишет Батеньков, М. Я. Ядринцев «непрерывно требовал показать ему гот листок, где написано о мире; с усиленным зрением прочел и, перекрестясь, произнес уже последнюю молитву и благодарность» («Русская старина», 1889, № 8, стр. 340). ⁴ Батеньков писал: «Есть мно-

го, мой милый друг, удостоверений, что в нынешнее лето располагаются отпустить нас, и даже выражено желание увидеть и разглядеть» (там же). ⁵ Имеются в виду Александр I и Александр II. На высказанную здесь мысль Штейнгеля Батеньков отвечал 16 мая: «Весьма основательно смотришь ты на будущее. Леньность, рутинность и эгоизм хорошо закрылись названиями охранителей и, не умея сами жить, вероятно и других не допустят» (там же, стр. 341). ⁶ Иннокентий (Иван Евсеевич Вениаминов, 1797—1879), епископ камчатский (1840—1868), миссионер. ⁷ Дмитрий Васильевич Молчанов, чиновник Главного управления Восточной Сибири, муж Елены Сергеевны Волконской (Нелиньки), дочери декабриста. С. Г. Волконский был против этого брака, но на нем настаивала М. Н. Волконская в надежде, что благодаря карьере Молчанова ее дочь вырвется из Сибири. В мае 1856 г. в Государственном совете решалось дело Молчанова по обвинению во взяточничестве. Он был болен прогрессирующим параличом, сошел с ума и умер в 1857 г.

№ 4

¹ Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1866), революционер-демократ. Александровский лицеист закончил в 1853 г., затем служил в Государственной канцелярии, имел непосредственное отношение к Главному комитету по крестьянскому делу, в связи с чем был хорошо знаком с ходом подготовки крестьянской реформы. В середине 1859 г. он составил резкую записку об отмене крепостного права и передал ее лично царю во время прогулки его в Царском Селе. Вместо ожидаемых всеми репрессий Александр II выразил ему благодарность, однако из столицы Серно-Соловьевич был отправлен в Калугу производителем дворянского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян (*М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов».* СПб., 1908, стр. 42—44; *Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма.* М., 1963, стр. 362—363). ² Свистуновы — декабрист и его жена, поселившиеся после амнистии в Калуге.

№ 5

¹ После капитуляции Шамиля в августе 1859 г. он был привезен в Петербург, а затем отправлен на поселение в Калугу. ² Федор Иванович Гонигман (1785—1872), ветеринарный врач, в молодости служил в Томске, был в одной с Батеньковым мажоранской ложе. В конце 1850-х годов — ветеринарный врач дворцовой конюшенной конторы. Его имя часто упоминается в письмах Штейнгеля в связи с поручениями Батенькова. ³ М. К. Юшневская (р. 1790), вдова декабриста, выехавшая из Сибири в 1855 г.

К. Ф. Шаццло

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ «СВОБОДЫ» В ПЕТЕРБУРГЕ
(18 октября 1905 г. по воспоминаниям В. Я. Богучарского)

Осенью 1905 г. революция в России вступила в полосу наивысшего подъема. «*Всероссийская политическая стачка*, — писал В. И. Ленин 13 октября 1905 г., — охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской»¹. В результате бескомпромиссной борьбы самых широких демократических слоев наступило временное равновесие сил, которое В. И. Ленин определил так: «Царизм *уже не* в силах, — революция *еще не* в силах победить»².

Из этого равновесия для царизма неизбежно вытекала необходимость лавирования, политика «лисьего хвоста и волчьей пасти», к которой русские самодержцы обращались всякий раз, когда для них исчезала возможность голого насилия. Плодом подобного маневрирования и явился Манифест 17 октября, «даровавший» России политические свободы и законодательную Думу.

Буквально в первые же часы после подписания царем Манифеста обнаружилась его подлинная ценность. В этом убеждают нас интересные воспоминания о событиях 17 и 18 октября 1905 г., принадлежащие перу известного историка общественного движения в России, активного деятеля «Союза Освобождения» и «Союза Союзов» В. Я. Богучарского. В его личном фонде³ хранятся как сами воспоминания (лл. 229—237), так и дословно переписанный текст их в дневнике (лл. 108—114) за 19 октября 1907 г.⁴ (Различия чисто редакционные. При переписке в дневник добавлены небольшие пояснительные вставки).

В воспоминаниях В. Я. Богучарский пишет о первой, ранее не известной встрече представителей «общественности» с новым премьер-министром С. Ю. Витте, о первых неудачных попытках его привлечь эту «общественность» на сторону «обновленного строя». В них ярко описывается то время, когда, по определению В. И. Ленина, царю были «одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманывать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний, Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата»⁵. Не случайно эти две фамилии — Витте и Трепов — так часто упоминает и мемуарист — участник делегации к первому и свидетель безуспешных переговоров по телефону со вторым.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

² Там же, стр. 5.

³ Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (далее — ЦГАЛИ СССР), ф. 1696, оп. 1, д. 39. Далее в тексте указываются только листы этого дела.

⁴ 19 октября 1907 г. в дневнике В. Я. Богучарский записал: «Ровно два года тому назад я набросал свои записки о днях 17 и 18 октября 1905 г. в Петербурге. Они у меня сохранились, и поэтому я воспроизвожу их здесь с буквальной точностью» (там же, л. 108).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 76.

В воспоминаниях лапидарно, но ярко передаются колебания либеральной интеллигенции, то ликующей по поводу провозглашенных свобод, то возмущающейся реальной российской действительностью. В них, хотя и явно недостаточно, но все же уделено место и «улице» с ее демонстрациями и митингами, казаками и солдатами, не жалевшими, по приказу Трепова, патронов.

Вот что было записано Богучарским 19 октября 1905 г. (л. 233):

«Вечером 17. X соединенное бюро «Союза Союзов» собралось в здании ВЭО [Вольного экономического общества] для некоторых текущих дел, вызванных политической забастовкой. Литературное бюро (к которому я принадлежал)* собралось сначала отдельно в «советской» для рассмотрения составленного мною проекта открытого письма к гласным Петербургской городской думы о необходимости учреждения городской милиции. (Это письмо от имени Союза Союзов было поручено мне составить накануне 17. X)*. Были тут [Н. Ф.] Анненский, [В. А.] Мякотин, [В. И.] Семеновский, [С. А.] Венгеров и многие другие. Я прочел проект письма. Текст в общем был одобрен, но едва мы приступили к его дальнейшему обсуждению, как меня позвали к телефону. Оказалось, что меня вызвал из редакции газеты «Наша жизнь» ее (тогдашний)* фактический редактор Н. П. Ашешов. Он сообщил мне известие чрезвычайной важности: в редакции получено официальное известие, что в эту же ночь будет напечатан высочайший манифест о конституции, и что хотя текст его в редакции будет через 1½ — 2 часа, но и теперь известно, что манифестом даруется свобода печати, свобода собраний, свобода союзов, а Государственной думе предоставляются функции не законосовещательного, а законодательного учреждения. Разумеется, я поспешил сообщить сенсационное известие товарищам. Разумеется, оно произвело сильное впечатление. Было решено, что хотя манифест и не упраздняет вопроса о милиции, но мотивировка ее необходимости должна быть теперь другая. С этим я вполне согласился и взял свой проект письма обратно. Часа 2 еще после этого множество собравшихся членов разных союзов не приступало к занятиям и лишь возбужденно разговаривало отдельными группами. Наконец, явился Ашешов с текстом манифеста, который и был при глубоком внимании прочтен с кафедры большой залы Вольного Экономического общества. Начались оживленные прения. Они сводились к тому, что признавали издание манифеста большим завоеванием, но, однако, не таким, благодаря которому можно было бы приостановить или даже ослабить борьбу, — и потому признавалось необходимым остаться на прежней платформе и проводить политическую забастовку. В этом смысле и была принята резолюция.

Вдруг разнесся слух, что около Технологического института кем-то брошена бомба, повидимому, никому не причинившая вреда, но вызвавшая среди солдат, которыми, как и все высшие учебные заведения, был оцеплен институт, большое волнение. Вслед затем узнаем, что солдаты (знаменитые впоследствии «семеновцы»)* открыли стрельбу по Технологическому институту. Решено было послать депутацию к графу Витте (он с этого дня стал главою кабинета)*, дабы протестовать против действий войск и требовать принятия мер к прекращению стрельбы. В депутацию избрали [Н. Ф.] Анненского, [А. И.] Венцовского, [О. О.] Грузенберга и меня. До отъезда к Витте мы успели переговорить по телефону с Технологическим институтом и узнать, что раненых там нет, что студенты никакой бомбы не бросали и что неизвестна даже причина, вследствие которой солдаты открыли огонь. Дело было часу в 1-м ночи. Витте уже лег спать, но еще до нашего приезда был поднят с кровати телефонными звонками. Поднял его директор Технологического института Воронов, обращавшийся

* Слова, взятые в скобки и отмеченные звездочками, отсутствуют в подлиннике воспоминаний и вставлены в текст из дневниковой записи от 19 октября 1907 г.

к нему с просьбой принять меры к прекращению стрельбы. Тут прибыли сначала [Н. Ф.] Анненский и [А. И.] Венцковский, а вскоре [О. О.] Грузенберг и я. Несмотря на поздний час, мы были приняты. Когда мы объявили цель нашего посещения, Витте сказал нам, что, узнавши от Воронова о происшествии, он уже снесся по этому поводу с Треповым и от него получил известия, что «остервененные» брошенною в них бомбою солдаты сами открыли огонь без приказа и что к ним уже отправлен бригадный генерал для их успокоения. Затем Витте стал говорить с нами на животрепещущую злобу дня. Он сказал, что государь глубоко потрясен всем происходящим, что он добр и готов отречься не только от самодержавия, но и от престола, если это потребуется для России и пр. и пр. Вслед за тем Витте стал жаловаться, что он не может найти людей для вручения им министерских портфелей, что он разослал по телеграфу предложения в этом смысле некоторым общественным деятелям, но не получает даже ответа, что такие телеграммы он послал некоторым лицам, живущим в деревне, а одну в Киев (по всей видимости, кн. Евгению Трубецкому)*, что без содействия интеллигенции он ничего не может поделать, что он «умоляет» (его буквальное выражение) нас «спасти» вместе с ним «Россию» и т. д. в том же роде.

Венцковский заметил Витте, что для осуществления поставленных им, Витте, задач необходимо не только найти новых людей, но и разогнать старых и прежде всего прогнать ненавистного Трепова. Витте ответил, что сделать это он не может, причем прибавил, что репутация Трепова соткана из сплошных недоразумений, что этот генерал был во всех комиссиях последнего времени одним из самых либеральных деятелей. Когда-нибудь будут обнародованы протоколы этих комиссий,— сказал Витте,— и тогда все воздадут должное Трепову⁶.

Грузенберг заявил, что напрасно Витте рассчитывает на интеллигенцию, которая если бы даже и захотела вступить на предложенный ей путь, то и тогда из этого ничего не получится, ибо в настоящее время интеллигенция так же бессильна, как и правительство. Теперь поддержку надо иметь в народе и только в народе. Сам народ требует себе политических прав и не помирится, пока он их не получит. Необходимо, чтобы правительство приняло полностью «четырёххвостую» формулу избирательного права. Витте ответил, что он принимает эту формулу *вполне* и готов внести ее, как правительственную в Государственную Думу, которая теперь будет пополнена представителями интеллигенции и рабочего класса. Эти слова о приемлемости правительством «4-х хвостки» и готовности внести ее в Думу Витте повторил несколько раз.

Анненский указал на отсутствие в манифесте амнистии и снятия военного положения и чрезвычайной охраны. Витте ответил, что вопрос об амнистии теперь очередной, а что касается исключительных мер к охранению общественного порядка, то он не может упразднить их немедленно, ибо необходимость таких мер вызывается почти анархическим состоянием страны.

Я спросил Витте, чем объяснить, что в его всеподданнейшем докладе о необходимости конституции (напечатанном на следующий день в «Правительственном вестнике» вместе с манифестом, но нам уже тогда известном)* прямо говорится о «свободе печати», тогда как в манифесте заявляется лишь о «свободе слова». Какое значение имеет в манифесте замена одного выражения другим,— ограничительное или расширительное? Витте ответил, что, безусловно, *расширительное*, что употребленное в манифесте выражение нужно понимать в смысле *свободы слова устного и печатного*.

— Так что именно так мы можем это выражение и толковать?

⁶ Явная ложь Витте вряд ли нуждается в серьезных опровержениях, тем более что и до опубликования протоколов или каких-либо иных документов вся Россия знала приказ Трепова от 13 октября: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!».

— Не только можете толковать, но и ссылаться в этом толковании на меня.

— Значит, цензура отныне не существует? — поставил я на ту же тему еще один вопрос.

— Позвольте, господа, — ответил Витте, — надо, чтобы между нами не было недоразумений. Юридически цензура, разумеется, будет существовать, — отменить ее может только Государственная Дума, — но фактически цензуры не будет, а для вас, я думаю, фактическое положение дела в настоящее время и является самым ценным.

Желая не оставлять «недоразумений», Витте своим последним утверждением именно их-то и оставил, но мы пришли не для диспута, и на последних словах Витте и кончилось наше с ним свидание. (То была первая встреча первого министра в первый же день его «владычества» с до того времени абсолютно чуждыми ему людьми. Начиная со следующего же дня такие «встречи» стали явлением довольно частым. Много тогда перевидал Витте и «депутаций» и отдельных представителей освободительного движения) *).

Приведенный отрывок из воспоминаний В. Я. Богучарского удивительно ярко иллюстрирует правоту одного из заявлений революционных рабочих Петербурга, процитированных В. И. Лениным: «Нам дарована свобода печати, но цензура продолжает существовать. Обещана свобода науки, но университет занят солдатами. Дарована неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены арестованными. Дарован Витте, но продолжает существовать Трепов. Дарована конституция, но продолжает существовать самодержавие. Нам все дано, но у нас ничего нет»⁷.

Либеральным деятелям тоже было более или менее ясно, что «все дано, но ничего нет», что сила по-прежнему находится в руках Трепова и его сатрапов, что Витте и не собирается делать далеко идущие уступки. «Даже либеральные буржуа не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям?» — справедливо спрашивал В. И. Ленин⁸.

Поэтому вряд ли прав Е. Д. Черменский, пытающийся найти еще какие-то дополнительные аргументы, кроме уже известных в советской исторической литературе, для объяснения причин срыва переговоров «общественных деятелей» с Витте⁹. Было ясно, что Манифест 17 октября — далеко еще не окончательная победа революции, что реальная власть по-прежнему в руках старых царских министров, войти вместе с которыми в состав одного кабинета, да еще на второстепенных должностях, — значит совершить «общественным деятелям» над собой «политическое хакарири».

«Мы возвратились от Витте, — продолжал далее Богучарский, — в Вольное экономическое общество в третьем часу ночи, передали там свой разговор с премьером многим лицам, нас еще там ожидавшим, и тем день 17 октября для нас закончился. Когда мы проезжали от Витте по Невскому, там уже продавался манифест. Слышны были крики «ура», но около Технологического института нас остановила военная стража и пропустила лишь после продолжительных с ней объяснений. Таким образом, существовало одновременно два взаимоисключающих явления.

На другой день (18 октября) манифест, кроме «Правительственного вестника», появился только в «Свете» (все остальные газеты продолжали бастовать), который сопровождал его статьей в том смысле, что этот, мол, акт является осуществлением заветного желания редакции и пр. и пр. (хотя редактор, г. Комаров и К^о только и делали, что боролись с освободительным движением. Наборщики всех других газет не пожелали стать на работы и для печатания манифеста) *).

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 74.

⁸ Там же, стр. 30.

⁹ Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, стр. 155—156.

Настроение весьма повышенное, большей частью — радостное. От высших учебных заведений войска убраны, исчезли и разъезжавшие по улицам все эти дни патрули. По-видимому, полная перемена. Но вдруг мы узнаем, что скрытый во дворе Технологического института отряд конногвардейцев с офицером Фроловым во главе внезапно вылетел из ворот института и начал саблями разгонять собравшуюся толпу. При этом саблей был ранен в голову, как говорят, самим Фроловым профессор Е. В. Тарле. Вот так «конституция»!

Но внешне картина меняется: узнаем, что в 4 часа дня назначен грандиозный митинг на Казанской площади. С сидевшим у меня в это время [Л. Л.] Бенуа мы едем около часу дня в помещавшуюся на Невском, близости от Казанской площади, редакцию газеты «Наша жизнь». На Невском большое оживление и необычайные картины. У городской Думы видим оратора, свободно произносящего с думской площадки к собравшейся на улице публике речь. Казалось, вот-вот прибежит полиция, налетят казаки, но ничего подобного нет. Петербург превратился в свободный город. Эта картина была лишь маленькой прелюдией к тому, что последовало дальше.

В редакции «Нашей жизни» узнаю, что Витте приглашал к себе утром редакторов всех газет и просил их помочь ему «в умиротворении страны». Редакторы указали, что для этого необходимо прежде всего объявление амнистии, и Витте обещал безотлагательно заняться этим вопросом.

...Всякой интеллигентной публики собралось в редакции множество, возбужденные речи, ожидания еще более грандиозных событий. Но вот, часов около 4-х, стоя у выходящих на Невский окон редакции, мы увидели такую сцену: толпившаяся на тротуарах публика вдруг начала быстро разбегаться в каком-то паническом страхе. Извозчики ударили по лошадям и быстро исчезли в боковых улицах. Все подумали, что со стороны Адмиралтейства, наверное, идут войска, которые и произвели такое смятение. Из окон было не видно, что делается за пределами небольшого поля зрения, и я выскочил узнать причину смятения на улицу. Оказалось, что публика испугалась вследствие полнейшего недоразумения: со стороны Адмиралтейства двигались по Невскому не войска, а нечто другое: двигалась первая группа манифестантов с красным знаменем и ее-то появление и вызвало переполох! Очевидно, ожидали, что на манифестантов сейчас же налетят казаки, пойдет перепалка, и публика заблаговременно бежала. Но ничего подобного, однако, не случилось. Манифестанты свободно прошли с развевавшимися знаменами к Казанской площади, где и остановились. Начиная митинг, на который и прибывали все новые и новые группы манифестантов. Особенно красиво было шествие по Невскому «студенческого легиона». На знаменах — революционные лозунги: «Немедленное Учредительное собрание», «Земля и Воля», «РСДРП», «ПСР» и т. д. Знамен было много, несли их преимущественно студенты, но были и знаменосцы-рабочие, собравшиеся, однако, как это с горечью сообщил мне председатель митинга на Казанской площади, мой хороший знакомый Г., в количестве гораздо меньшем, чем того ожидали организаторы митинга. Прошел слух, вполне потом подтвердившийся, что с Путиловского завода шествие не было допущено войсками, что дело дошло до выстрелов, в результате чего были убитые и раненые. Когда я прошел на Казанскую площадь, там митинг происходил в полном порядке: полиция и войска не вмешивались. Инцидент произошел лишь при встрече шествия с красным знаменем с демонстрантами под знаменем трехцветным, на одном из которых была надпись «За свободу и царя». Дело дошло до обмена револьверными выстрелами. В результате оказались жертвы.

Часов около 5 вся огромная, собравшаяся на Казанской площади толпа двинулась правильными рядами, под знаменами, по направлению к университету, где снова должен был состояться митинг. Это была очень красивая картина. Процессия двигалась в полном порядке, повсюду радостные клики, пение революционных песен. Настроение высоко приподнятое.

Вечером мы, члены различных центральных союзных бюро «Союза Союзов», собрались снова в Вольном экономическом обществе. Тема — вопрос об амнистии. Приходили известия, что толпы призываются к настоятельному освобождению из тюрем заключенных. Кровапролитие, и притом кровапролитие бесцельное и ненужное, казалось неизбежным. Мы снова отправили депутацию к Витте. Она привезла нам ответ в том смысле, что разрешение вопроса об амнистии — дело нескольких дней. Еще до возвращения депутации [М. П.] Миклашевский-Неведомский предложил сообщить по телефону в решительных выражениях Трепову, что в случае столкновения демонстрантов с войсками ответственность за кровапролитие падет на него. Собрание уполномочило Миклашевского переговорить в этом смысле по телефону с генерал-губернатором Треповым, но как только вызванный к телефону Трепов узнал, в чем дело, он грубо прервал разговор и, очевидно, тут же распорядился послать к Вольному экономическому обществу сотню казаков. Явился пристав и объявил нам распоряжение градоначальника (получившего, очевидно, приказание от Трепова) разойтись.

Мы решили не подчиниться этому распоряжению до того момента, когда в самый зал будут введены казаки, а затем потребовать составления протокола. Пристав начал разговаривать по телефону с градоначальником и слышно было, как он говорил, между прочим, что от собрания, которое представляет собой «несомненно Союз Союзов», отправлена к Витте депутация, что в составе ее находится [Ф. И.] Родичев, что председатель собрания не говорит своей фамилии (это был В. А. Мякотин) и что ему неоткуда ее узнать, что цель посылки депутации ему неизвестна, но что может быть она отправлена с целью протестовать против действий градоначальника. (Это было неверно, ибо депутация отправилась еще до инцидента с Треповым). Последнее обстоятельство быть может было для градоначальника решающим, так как приказание разогнать собрание тут же отменилось и казаки были удалены.

Собрание приняло целый ряд решений: об отчислении в стачечный фонд каждым членом союза суммы, равной его 3-х дневному заработку, об организации в центральном и всех остальных бюро союзов особой «управы», которая должна быть облечена необходимыми полномочиями и т. д. Затем часа в 4 утра собрание разошлось без дальнейших инцидентов.

19 октября уже с утра было получено известие, что предшествовавший день ознаменовался большим количеством кровавых событий, чем это можно было думать. Оказалось, что кроме Путиловского завода солдаты стреляли еще на углу Гороховой и Загородного, а также на Сампсониевском. Мне рассказывала очевидица (Т. М. Л.), как на углу Загородного и Гороховой на ее глазах был убит пулей в лоб мужчина, взлезший на фонарь для произнесения речи либо для того, чтобы лучше было видно, — неизвестно. Конечно, несчастный был убит наповал. Хотя было еще несколько выстрелов, но других жертв рассказывавшая мне про это девушка-очевидица не видела. Говорили, что на Сампсониевском солдатскими пулями были убиты 2 курсистки и 1 студент.

С утра также стало известно, что у всех высших учебных заведений снова поставлены войска, которые туда никого не пропускают. Разнесся слух, что около университета казаки зарубили студента. Я ушел на собрание литературного бюро, которое было назначено в квартире Н. Ф. Анненского» (л. 236).

На этом изложение событий, происходивших в Петербурге в первый день «свободы», В. Я. Богучарский закончил. Очевидец добросовестно засвидетельствовал нам, насколько слова царизма расходились с его делами. Чем увереннее в дальнейшем стал чувствовать себя царизм, тем это расхождение становилось все большим и большим. Посчитав революцию окончательно подавленной, самодержавие отбросило фиговый листок «манифеста о свободах» и появилось перед страной в своем подлинном азиатско-деспотическом виде.

К. Е. Новохатский

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. В. ПАССЕКА

Привлечение материалов, сохранившихся в личных архивных фондах историков, несомненно углубляет познание истории отечественной исторической науки, дает возможность уточнить некоторые историографические характеристики, а иногда даже приводит к пересмотру оценок мировоззрения и деятельности тех или иных историков.

В историографии пока отсутствует достаточно полное представление о творческой личности и деятельности В. В. Пассека, поэтому особенно важны и интересны остатки его рукописного наследия и архивные материалы, связанные с его жизнью.

Вадим Васильевич Пассек (1808—1842) был одаренным ученым и популяризатором исторических знаний¹. Он происходил из семьи сосланного в Сибирь за «неуважение к трону» поселенца и с ранних лет находился под воздействием дворянско-просветительских и демократических взглядов отца. Еще учась в Московском университете, он решил стать «лектором истории», а кратковременная, но горячая дружба с А. И. Герценом в послеуниверситетские годы и близость к герценовскому кружку также оказали несомненное влияние на всю его последующую деятельность. После разгрома кружка (хотя Пассек к 1834 г. окончательно отошел от него), он не был допущен к преподаванию в Харьковском университете. Однако его отношение к истории не изменилось, а научные воззрения этого времени нашли свое выражение в опоэтизированной форме в «Путевых записках Вадима». Живя в течение нескольких лет на Украине, предпринимая многочисленные поездки и путешествия, Пассек собирал материалы по археологии, истории, географии края для познания «основных начал, по которым действовало минувшее и станет действовать грядущее»², изучал народный быт. Накопление разнообразного фактического материала и стремление как можно шире популяризировать исторические знания породили замысел «Очерков России» — издания, имевшего целью «завлекать в знание», привязывать «русского к его прошедшему, — без чего он не может истинно любить своего отечества, не может и радоваться его прекрасной будущей судьбе»³. После возвращения в 1839 г. в Москву Пассек обрабатывал

¹ Литературу о нем см. в статье: *К. Е. Новохатский*. Историк В. В. Пассек. — «Проблемы историографии всеобщей истории и истории СССР». Смоленск, 1975, стр. 281—287.

² «Путевые записки Вадима». М., 1834, стр. 167.

³ Цит. по публикации: *С. Б. Филимонов*. Записка В. В. Пассека о программе издания «Очерков России». — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 414. «Очерки России» — научно-популярное издание, где публиковались материалы разнообразного характера, касающиеся истории, народонаселения и природы России. Помимо статей самого Пассека, в «Очерках» помещены материалы, подготовленные И. И. Срезневским, А. И. Герценом, Д. В. Пассеком, А. Ф. Вельгманом, А. Л. Рославским и др. Всего было издано 5 сборников (кн. I. СПб., 1838; кн. II. М., 1840; кн. III. М., 1840; кн. IV. М., 1840; кн. V. М., 1842).

собранные археологические материалы, интересовался историей Москвы, продолжал подготовку и издание «Очерков». В это же время он был назначен редактором неофициальной части «Московских губернских ведомостей», которую вскоре превратил также в своеобразные «Очерки России».

Хотя исторические и общественные взгляды ученого находились еще в процессе становления, его археологические, этнографические, фольклористические исследования и литературно-общественная деятельность в целом были направлены на изучение и широкую популяризацию исторического прошлого народа, утверждение народного начала в истории. В условиях, когда в идеологии доминировала теория «официальной народности», искренний интерес ученого к истинной народности носил объективно прогрессивный характер, а «Очерки России», созданные им в «исторический век» (выражение В. Г. Белинского⁴), отразив требования времени, привлекли внимание и заслужили признание современников.

Однако личность и деятельность ученого нашли несколько одностороннее отражение в литературе⁵. Существенную роль в этом сыграла неосведомленность о сохранившихся архивных материалах Пассека.

Поэтому представляется, что введение в научный оборот архивных документов самого Пассека, а также относящихся к нему, имеет особо важное значение для научно обоснованной оценки общественных и научных взглядов и деятельности ученого. В данной статье сделана попытка определить возможности и пути для выявления подобных материалов.

Опубликованные Пассеком произведения ограничиваются юношеской книгой «Путевые записки Вадима» и рядом статей научно-популярного характера в «Очерках России» и периодических изданиях тех лет. После его смерти была опубликована сравнительно небольшая часть его наследия: В. И. Срезневским подготовлена публикация писем Пассека другу и соратнику по «Очеркам России» И. И. Срезневскому⁶; фрагменты некоторых писем М. П. Погодину, университетскому учителю Пассека, были помещены Н. П. Барсуковым в труде о Погодине⁷; небольшая часть творческих и эпистолярных материалов с купюрами и изменениями была опубликована женой ученого Т. П. Пассек в составе ее воспоминаний⁸.

Документальных материалов Пассека, хранящихся единым комплексом, — личного архивного фонда, который при своеобразии деятельности ученого, его обширных научных и литературных связях, видимо, мог бы содержать значительное число эпистолярных и подготовительных творческих материалов, — в архивах СССР не обнаружено. Выявленные документы Пассека и о нем, в основном эпистолярного характера, находятся в шести крупных хранилищах: Центральном государственном историческом архиве Украинской ССР (ЦГИА УССР), Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАГМ), Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ); Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), Институте русской литературы АН СССР — Пушкинском Доме (ИРЛИ), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), где они имеются в фондах родственников и знакомых Пассека, в фонде Московского университета, в отдельных коллекциях.

В ЦГИА УССР хранится фамильный фонд Пассеков (ф. 1631), обшир-

⁴ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 2. М., 1948, стр. 225.

⁵ Подробнее об этом см.: К. Е. Новозагский. Указ. соч.

⁶ В. И. Срезневский. Вадим Васильевич Пассек и его письма к И. И. Срезневскому (1837—1839). — «Русская старина», 1893, № 9.

⁷ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV. СПб., 1891, стр. 411—412; т. V. СПб., 1892, стр. 71—73.

⁸ Т. П. Пассек. Из дальних лет. Т. I—III. СПб., 1878—1889; 1905—1906. Советские издания: Т. П. Пассек. Из дальних лет. Воспоминания. М.—Л., 1931; т. 1—2. М., 1963 (далее ссылки даны по последнему изданию).

ный по объему (3525 ед. хр.) и хронологическому охвату (1710—1858 гг.)⁹. Описание материалов фонда представлено одной описью, подготовленной, по всей вероятности, в 1937 г.; ее подробные статьи весьма полно отражают содержание документов (особенно писем). Значительная часть фонда — приходо-расходные книги, ведомости, сметы и другие хозяйственные материалы по управлению имением Пассеков в селе Спасском («Пассековке тож») Харьковской губернии. Они представляют самостоятельный интерес в плане изучения экономики феодального хозяйства конца XVIII — первой половины XIX в. Другая обширная группа материалов относится к биографии Василия Васильевича Пассека, отца ученого. Это документы о его ссылке, научных занятиях, а также о тяжбе Пассеков за восстановление дворянского звания, прав на имение и т. д. Многочисленные автобиографические записки Василия Пассека дают сведения о его взглядах и занятиях, о принципах воспитания детей, о положении семьи в ссылке и других факторах, повлиявших на формирование характера и интересов его сына, будущего историка¹⁰. Проекты и трактаты по естественнонаучным, экономическим, нравственным и другим вопросам¹¹, интересные для изучения общественной и научной мысли конца XVIII — начала XIX в., характеризуют Василия Пассека как человека передовых воззрений, разделявшего прогрессивные идеи дворянского просветительства.

Весомую часть фонда составляет переписка членов многочисленной семьи Василия Пассека (в которой Вадим был десятым, но не младшим ребенком) между собой и с другими лицами. Здесь имеется значительное число писем В. В. Пассека родным за 1825—1834 гг. (28 писем) и примерно столько же писем 1825—1836 гг., адресованных ему или же непосредственно его касающихся. Интересны два письма юного Пассека, написанных брату Евгению после возвращения Пассеков из сибирской ссылки и показывающих заботу братьев об устройстве и обеспечении семьи¹².

Письма Пассека 1825—1831 гг., студенческого периода, старшим братьям Евгению, Леониду и Диомиду, учившимся в Петербурге, и ответные их письма — пока единственный источник, дающий представление об университетских занятиях Пассека, его интересе к истории и знакомстве уже в то время с М. П. Погодиным, о литературных вкусах и первых поэтических опытах¹³, о круге чтения братьев¹⁴. В письмах подтверждаются данные мемуаров о том, что старшие братья (и Вадим, в том числе) должны были, учась, одновременно работать, чтобы помочь нуждавшейся семье¹⁵. В письме от 13 апреля 1829 г. М. М. Сперанскому (копия его хранится в фонде) Е. В. Пассек писал, что братья «учатся и должны учить других, дабы доставить семье отеческой посильный кусок хлеба». Здесь же он просил помочь семье и принять брата Вадима на службу во II Отделение, которое под фактическим руководством Сперанского занималось кодификацией законов; описывая при этом университетские успехи Пассека, он упоминал об «отличии, в прошедшем июне, сделанном ему университетом за сочинение лучшей диссертации о наследстве и что это случилось еще во 2-й год его учебного курса»¹⁶.

Сравнительно многочисленна переписка Пассека и членов семьи с ним после окончания университета и до его отъезда в 1834 г. на Украину.

⁹ «Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве. Путеводитель». Киев, 1958, стр. 250—251.

¹⁰ ЦГИА УССР, ф. 1631, оп. 1, д. 1117, 1157, 1159—1161, 1963, 2825, 2830, 3012.

¹¹ Там же, д. 1686—1687, 1943, 1960, 2114.

¹² Там же, д. 477, 592.

¹³ «Ты, брат, закритиковал мои стихи, знаю, что слабы и видел даже в которых местах, но это первый плод стихотворческий моих чувствований...», — писал Пассек брату Евгению 15 мая 1827 г. (там же, д. 598).

¹⁴ Там же, д. 66.

¹⁵ Там же, д. 393.

¹⁶ Там же, д. 1140. О диссертации см. также письмо Е. В. Пассека родным 10 октября 1828 г. (там же, д. 55).

Несколько писем Вадима и Евгения во время их поездки весной — летом 1832 г. в харьковское имение указывают на большую близость в это время семейства Пассеков с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, тем самым подтверждая не только вхождение Вадима в герценовский кружок¹⁷, но и его горячую дружескую привязанность к Герцену. Так, в письмах братьев от 17 мая 1832 г. родным имеются приписки, обращенные к Герцену и Огареву, и упоминания о них: «Как ты служишь, Александр Иванович? Брата твоего (Е. И. Герцена.— К. Н.) видели... Вместо записок Александру и Николаю посылаем первому кошелек, второму печать. Приедем, привезем что-нибудь получше»; «Кланяйтесь в особенности Ивановичу и Платоновичу, скажите им, увидите их, что я люблю их как братьев, и попросите их, чтобы поберегли ради любви моей свое драгоценное здоровье»¹⁸.

В фонде хранятся и несколько автографов А. И. Герцена — коллективных писем А. И. Герцена, В. В. и Т. П. Пассек, А. Н. Савича к Е. В. и Д. В. Пассекам в Петербург¹⁹. Они опубликованы в составе герценовской переписки²⁰.

Семейная переписка Пассеков дает представление о зарождении у Вадима первых научных планов²¹, о попытке издания совместно с братьями и друзьями по кружку Герцена — Огарева литературного и научного «Альманаха», который впервые упоминается в письме Евгения Вадиму 19 ноября 1832 г.²² Письма братьев Пассека свидетельствуют о различном отношении в семье к его решению стать ученым. Если Д. В. Пассек 23 октября 1832 г. писал: «Вадим будет ученым, Вадим поэт», то Е. В. Пассек в письме от 1 декабря того же года предлагал Вадиму приехать в Петербург «послужить года на два, на три»²³. Письма братьев показывают и заботу их друг о друге, «отношения более, лучше, чище нежели братские»²⁴, царившие в этом «семействе львенков», как окрестил его Герцен²⁵. Для характеристики некоторых моментов биографии Пассека любопытны и его письма родным сугубо личного характера, касавшиеся отношений с будущей женой, кузиной Герцена Т. П. Кучиной; например, письмо 30 июня 1832 г. с просьбой благословить его брак и др.²⁶ Многие письма интересны тем, что рисуют окружавших Пассека людей: таково письмо сестры Ольги старшим братьям от 11 января 1833 г. о поразившем ее разговоре с Герценом²⁷.

Ряд писем этого времени дает возможность проследить некоторые знакомства молодого Пассека помимо кружка Герцена — Огарева: с соучениками по университету, с популярными писателями М. Н. Загоскиным и А. Ф. Вельманом²⁸.

В письмах матери Вадима Екатерины Ивановны сыновьям не раз упоминается о его занятиях в период работы над магистерской диссертацией и первой книгой — «Путевыми записками Вадима» — в 1833—1834 гг.²⁹

¹⁷ См. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах. Т. VIII. М., 1956, стр. 136 (далее — Герцен); Т. П. Пассек, т. 1, стр. 422.

¹⁸ ЦГИА УССР, ф. 1631, оп. 1, д. 926, 98.

¹⁹ Там же, д. 495, 679, 680, 681, 682.

²⁰ Герцен, т. XXI. М., 1961, стр. 10, 13, 16.

²¹ ЦГИА УССР, ф. 1631, оп. 1, д. 926, 964.

²² Там же, д. 422—426, л. 5.

²³ Там же, д. 182, 422—426, л. 8.

²⁴ Там же, д. 617.

²⁵ Герцен, т. VIII, стр. 138.

²⁶ ЦГИА УССР, ф. 1631, оп. 1, д. 100, 133.

²⁷ «Вчера, разговаривая с Герценом о разных предметах,— писала О. В. Пассек,— мы, наконец, договорились до людей — он сказал, что я очень счастлива, потому что не знаю и не имею понятия о людях и что весьма ошибаюсь, судивши их по нашему семейству и по товарищам братьев, людям истинно благородным...» (там же, д. 484).

²⁸ Там же, д. 393, 896, 167, 170.

²⁹ Там же, д. 470—472, л. 1; д. 650—654, лл. 1, 3.

Имеются в семейной переписке многочисленные сообщения, позволяющие установить или уточнить время, маршруты и характер поездок Пассека в 1832—1836 гг.: на Украину по семейным делам весной — летом 1832 г. и в начале 1833 г.; в Подмоскowie для работы над диссертацией летом 1833 г. и в Тверь в начале 1834 г.; отъезд на Украину в 1834 г.; научные путешествия по Харьковской губернии в 1836 г. и в Киев в августе того же года³⁰. Эти сведения, если вспомнить слова Пассека: «Должно умом и сердцем взглянуть в настоящий быт народа! Должно быть с ним, видеть его во всех изменениях, под всеми впечатлениями обстоятельств и условиями внешней природы...»³¹, — помогают общей характеристике и его научных интересов.

К материалам, дающим представление о зарождении у Пассека интереса к истории, о становлении его научных взглядов, примыкают несколько документов ЦГАГМ из фонда Московского университета, впервые введенных в научный оборот Л. И. Насонкиной³². В деле о приеме Д. В. и В. В. Пассеков в университет имеется аттестат об окончании Тобольской гимназии, который свидетельствует, что Вадим имел «изрядные» успехи во всеобщей географии, истории, российской статистике и в рисовальном искусстве³³. Здесь же хранятся заявление и «паспорт» Пассека, а также обязательная при приеме в университет подписка о непринадлежности к тайным обществам. Эти документы и дело об окончании Пассеком университета³⁴ позволяют уточнить некоторые факты университетского периода его биографии: дату поступления в университет, упоминавшееся в письмах Е. В. Пассека отличие за диссертацию, самоотверженное участие в борьбе с холерой в 1830 г. и др. Кроме того, здесь мы находим подтверждение тому, что знакомство Пассека и Герцена осенью 1831 г. могло произойти в университете: хотя Пассек окончил курс еще в июне 1830 г., но, судя по аттестату, числился при университете до 10 мая 1832 г.³⁵

Значительным хранилищем материалов Пассека и о нем является ОР ГБЛ, где в фондах М. П. Погодина и А. Ф. Вельтмана сосредоточена его переписка с этими двумя лицами, относящаяся к периоду расцвета научной деятельности (1835—1839 гг.) и к последнему, московскому периоду его жизни (1839—1842 гг.). В фонде Михаила Петровича Погодина (ф. 231) находится 26 писем Пассека. Значение этой переписки не только в том, что она дает представление о продолжительности и характере взаимоотношений двух ученых: она позволяет судить о тех сторонах деятельности Пассека, о которых почти не имеется других источников, о его научных и общественных взглядах. Ценными являются сведения и о его связях с Обществом истории и древностей российских, о разносторонности его интересов, круге знакомств, материальном положении в конце жизни и т. п. Как уже упоминалось, часть этой переписки опубликована в работе Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», однако письма даны там со значительными сокращениями и интерпретированы лишь в плане биографии Погодина.

Довольно регулярная переписка с Погодиным, явившаяся продолжением еще университетского знакомства (о чем свидетельствует письмо Пассека Погодину в мае 1832 г.³⁶), установилась с письма Пассека осенью 1836 г. В нем Пассек сообщал о намерении издавать «Очерки России»,

³⁰ Там же, д. 93, 98, 100, 926, 964, 449, 106, 679, 112, 898—899, л. 1; д. 2702, 118, 164, 185, 188.

³¹ «Путевые записки Вадима», стр. 168.

³² Л. И. Насонкина. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972, стр. 295.

³³ ЦГАГМ, ф. 418, оп. 96, д. 3, л. 3. Впоследствии значительная часть иллюстраций в «Очерках России» была выполнена самим Пассеком.

³⁴ Там же, оп. 102, д. 31.

³⁵ Там же, л. 2.

³⁶ ОР ГБЛ, ф. 231, карт. 50, ед. хр. 54.

приглашал Погодина принять участие и направлял их программу³⁷. Последующие письма Пассека 1837—1838 гг.³⁸ посвящены его археологическим и издательским занятиям, взаимоотношениям с Обществом истории и древностей российских. Они дают представление также о времени и характере статистических занятий ученого, в какой-то мере о круге его чтения на Украине³⁹ и полны замечаний о путешествиях.

По содержанию к этой группе писем примыкает ответ П. И. Кенпена от 2 июня 1838 г. на просьбу Погодина проконсультировать Пассека в археологических разысканиях, свидетельствующий о высокой оценке этих исследований крупным специалистом своего времени⁴⁰.

Московская переписка Пассека с Погодиным разнообразна по содержанию. Здесь упоминания об издании «Очерков России»⁴¹, о назначении Пассека редактором «Прибавлений к Московским губернским ведомостям» и его работе в этой должности⁴², т. е. основных занятиях ученого в московский период. Письма позволяют сделать некоторые наблюдения и о его чисто литературных занятиях, книжных интересах, характере связей с различными лицами, в первую очередь — с Погодиным. Письма эти, пожалуй, — пока единственный источник, красноречиво свидетельствующий о том, что, кроме научной и литературной основы взаимоотношений Пассека с Погодиным, существовала и иная: возможно, Пассек вынужден был поддерживать своего университетского учителя и потому, что находился от него в униженной материальной зависимости. Сохранившееся письмо от 13 января 1841 г. с оценкой Пассеком первого номера погодинского «Москвитянина» позволяет в значительной степени пересмотреть бытующее мнение об идейном единодушии Пассека с Погодиным. Из него можно сделать вывод, что Пассек более чем осторожно относился к теории «официальной народности», апологетом которой являлся издатель журнала⁴³. Некоторые сведения для истории взаимоотношений Пассека и Погодина дают письма Т. П. Пассек к последнему после смерти Вадима⁴⁴. Однако односторонняя сохранность переписки Пассека с Погодиным, специфичность этого вида исторических источников иногда мешают дать окончательные суждения о тех или иных аспектах взаимоотношений ученых.

Не столь многочисленны письма Пассека в фонде Александра Фомича Вельтмана (шесть писем)⁴⁵, но они не менее интересны. Прежде всего, это два письма 1835 г., характеризующие тогдашние литературно-эстетические вкусы Пассека и, кроме того, уточняющие датировку его знакомства с Вельтманом⁴⁶. Остальные письма относятся ко времени поездки Пассека в октябре 1840 г. в Петербург и дают множество сведений, в первую очередь, для биографии самого ученого: об издании и продаже «Очерков России», служебном и материальном положении, близости к Вельтману и некоторым другим писателям, журналистам, издателям, об отношении к событиям литературной и художественной жизни и т. д. Некоторые же из фактов и оценок, сообщаемых в письмах, носят более широкий характер и могут оказаться интересными для исследователей общественной и культурной жизни России 30—40-х годов XIX в. Так, в письме Вельтману от 14 октября Пассек писал: «...Впрочем, Смирдин, доиздавая

³⁷ ОР ГБЛ, ф. 231, карт. 52, ед. хр. 72. Местонахождение этого экземпляра программы неизвестно.

³⁸ Там же, карт. 23, ед. хр. 77.

³⁹ Там же, письма 1, 2.

⁴⁰ Там же, карт. 15, ед. хр. 24.

⁴¹ Там же, карт. 23, ед. хр. 77, письма 6, 7, 12, 13, 18, 19, 21.

⁴² Там же, письма 15, 16, 17.

⁴³ Там же, письмо 15.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 78, письма 3, 6, 7, 9.

⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 47, карт. 4, ед. хр. 51.

⁴⁶ Судя по первому письму Пассека, знакомство произошло до отъезда Пассеков на Украину в 1834 г. (Там же. Ср.: Т. П. Пассек, т. 2, стр. 270).

журналы, кажется, избегает покупки и сбывает №№ как-нибудь, лишь бы вышли. Для Ваших соображений должен Вам сказать, что на будущий год «Сын отечества» и «Библиотека для чтения» издаются Сенковским, который как писатель будет избегать приобретения статей за деньги. Об этом он уже говорил. Плату назначает только за «сокращение» романов и ученых книг, если они стоят того. «Отечественные записки» не платят и того, что должны. «Пантеон», кажется, больше говорит, нежели делает, и уже безденежен. Издатель его Поляков до сих пор не может отдать мне ста рублей, а Кони доволен тем, что «и он» издатель... Скажите Михаилу Николаевичу (Загоскину.— *К. Н.*), что Кони отказывается печатать «Ифигению», находя ее несоответствующею цели «Пантеона». Несколько слов о Кремле Карла Ивановича отдала Гречу в «Пчелу». Вчера видели Брюллова и Помпею». Или 19 октября он сообщал: «А propos de Греч: он мне передал втайне о новом его предприятии издавать «Русский вестник», помните ли, тот «Вестник», который когда-то издавался. Сам он заведует всем изданием. Переводов не помещается. Цена за лист 150 р. Участвуют Полевой, Кукольник и многие, кроме Булгарина. Он приглашает Вас и просит об этом через меня...»⁴⁷ Любопытно и явно не в пользу Погодина сравнение общего тона писем, написанных Пассеком ему и Вельтману примерно в одно и то же время.

Кроме того, в фонде Вельтмана обнаружены: письмо Д. В. Пассека от 15 декабря 1842 г., показывающее попытки близких продолжить после смерти Пассека дело его жизни — издание «Очерков России»; два недатированных письма Т. П. Пассек, тоже вскоре после смерти Вадима, лишней раз подтверждающие близость Пассека и Вельтмана; письмо Вельтману одного из его знакомых, педагога и литератора Н. И. Билевича, написанное также после смерти Пассека и представляющее определенный интерес в плане оценки современниками его личных качеств и общественной деятельности («...во все время нашего знакомства нас связывала, конечно, не тесная приязнь, но чистое, искреннее расположение, и мне было горько не отдать последнего долга праху почтеннейшего и добрейшего из людей»)⁴⁸.

В ОР ГБЛ в фонде Ф. М. Достоевского (ф. 93) сохранилось письмо Пассека жене, относящееся, видимо, к 1833—1836 гг.; оно интересно как возможная нить дальнейших поисков материалов Пассека⁴⁹.

Значительное число источников о жизни и творчестве Пассека находится в ЦГАЛИ СССР в фонде И. И., В. И. и О. И. Срезневских (ф. 436). Это, в первую очередь, 19 писем Пассека Измаилу Ивановичу Срезневскому 1837—1839 гг. и одно недатированное ответное письмо Срезневского, видимо, неотправленное⁵⁰. Письма раскрывают творческую, научную основу взаимоотношений ученых, общность их взглядов на многие вопросы. Они дают представление о поездках Пассека и его знакомствах в Петербурге, Харькове, Одессе, об археологических раскопках, а также содержат любопытные факты, характеризующие эпоху (об одесском обществе, о чуме в Одессе и т. п.). Однако при всем разнообразии тематики основное место в переписке занимает вопрос об издании «Очерков России». Изучая эти письма, можно в общих чертах восстановить историю создания первых книг «Очерков», представить себе степень участия И. И. Срезневского в их подготовке и издании, материальную базу издания, первоначальный состав сборников, принципы подготовки материала, многообразные сложности, возникавшие перед издателем.

Все письма Пассека из фонда Срезневских были использованы в упо-

⁴⁷ ОР ГБЛ, ф. 47, карт. 4, ед. хр. 51.

⁴⁸ Там же, ед. хр. 52, 55; карт 2, ед. хр. 21.

⁴⁹ ОР ГБЛ, ф. 93, разр. II, карт. 7, ед. хр. 69. Т. П. Пассек в конце 70-х и в 80-х годах состояла в переписке с Ф. М. и А. Г. Достоевскими (там же, ед. хр. 70, 71).

⁵⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 436, д. 1328, 1084.

мянутой публикации В. И. Срезневского. Сравнение автографов с публикацией показывает, что письма приведены В. И. Срезневским полностью, без каких-либо сокращений и изменений, на высоком археографическом уровне⁵¹.

Вторую группу источников о Пассеке, выявленных в фонде Срезневских, составляют материалы, собранные и подготовленные В. И. Срезневским в процессе его работы над биографиями И. И. Срезневского и лиц, его окружавших (в том числе и Пассека). Это часть переписки — копии четырех писем 1834 г. из фонда канцелярии попечителя Харьковского учебного округа. Они показывают меры, принятые властями, чтобы не допустить Пассека за знакомство с А. И. Герценом к преподаванию в университете, и неблагоприятную роль в этом помощника попечителя и дальнего родственника Пассеков А. Н. Панина⁵². Материалы эти не были приведены В. И. Срезневским в предшествовавшей публикации биографического очерка о Пассеке⁵³. К этой же группе относится «Список писем В. В. Пассека к И. И. Срезневскому», также составленный В. И. Срезневским⁵⁴ и включающий все упоминавшиеся письма.

Следует особо отметить обнаруженный в так называемой «пражской коллекции» герценовских материалов ЦГАЛИ СССР (ф. 2197) автограф юношеского стихотворения Пассека, посвященного А. И. Герцену, — «Моя юность (К другу)»⁵⁵. Оно представляет интерес не столько с художественной стороны, а более как свидетельство близких взаимоотношений двух друзей и их интерпретации Пассеком.

Замечательным в своем роде является собрание материалов Пассека и о нем в Пушкинском Доме (ИРЛИ). Это личный фонд, далеко не полный, жены ученого Татьяны Петровны Пассек (ф. 430, 54 ед. хр.). Здесь сохранились четыре письма-автографа Пассека, восемь писем к нему и одно письмо из переписки родственников, своим содержанием непосредственно затрагивающее и его⁵⁶.

Пространное письмо Пассека, видимо, конца 30-х годов Д. В. Пассеку «о деле семейном» подробно характеризует внутрисемейные отношения, трудности материального положения семьи. Интересно письмо ученого к Т. П. Пассек во время его поездки в Петербург в 1840 г. В нем подробно описывается дорога из Москвы в Петербург, внешний облик столицы, сообщаются сведения о знакомствах ученого, его дальнейших намерениях, о распространении «Очерков России» (по своему содержанию оно примыкает к петербургским письмам Пассека Вельтману). Это письмо опубликовано в воспоминаниях Т. П. Пассек в обычной для нее манере — с сокращениями и изменениями отдельных частей текста⁵⁷. Письмо Вадима и Татьяны к его матери Е. И. Пассек 9 февраля 1842 г. — одно из немногих известных писем последнего года жизни Пассека — носит в основном семейный характер. Однако в нем сообщены сведения о научно-литературных занятиях Пассека («скоро я выдам книжку о Москве»)⁵⁸, упомянуто и о новостях общероссийского значения: предстоящей постройке железной дороги от Москвы до Петербурга и до Коломны, улучшении сообщения с Казанью.

Из писем к Пассеку особое внимание привлекает, прежде всего, письмо Евгения Пассека от 13 августа 1834 г., в котором он дал развернутую рецензию на первую книгу брата — «Путевые записки Вадима». Найдя книгу

⁵¹ В фонде вместе с подлинниками писем (д. 1328) хранится корректура публикации.

⁵² ЦГАЛИ СССР, ф. 436, д. 2037, тетр. 3, лл. 46—49.

⁵³ «Русская старина», 1893, № 5.

⁵⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 436, д. 2040.

⁵⁵ Там же, ф. 2197, оп. 1, д. 337.

⁵⁶ ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 21, 23, 29, 30.

⁵⁷ Т. П. Пассек, т. 2, стр. 283.

⁵⁸ Имеется в виду «Московская справочная книжка, изданная В. Пассеком». М., 1842.

«в целом достойною не только любви, как приятной, но и уважения, как умной, полезной», Е. В. Пассек тем не менее сделал довольно серьезные замечания фактологического характера, а также по поводу трактовки отдельных положений: о заселении южнорусских земель, о роли «защиты веры» в антифеодальной и национально-освободительной борьбе украинского народа⁵⁹.

Весьма важными для оценки деятельности Пассека и выяснения отношения к ней современников являются, наряду с опубликованными в периодической печати отзывами, письма-отзывы современников⁶⁰. Подобный отзыв М. Н. Загоскина на первую книгу «Очерков России» хранится в фонде Т. П. Пассек⁶¹. Об авторитете ученого в последние годы его жизни в кругу близких литераторов может свидетельствовать письмо Д. Струкова от 18 июня 1841 г.: именно к нему обратился Струков с просьбой привлечь московских писателей и журналистов к изданию сборника в помощь известному петербургскому издателю А. Ф. Смирдину⁶².

В фонде Т. П. Пассек, кроме переписки, находятся и единственные обнаруженные до сих пор материалы Пассека творческого характера⁶³. Это несколько статей и отрывков, которые, видимо, должны были быть включены в «Очерки России» («Путевые записки Вадима Пассека», «О картине Карла Ивановича Рабуса «Кремль ночью»») и отрывок, в котором отсутствует середина, — «Записки путевые Вадима Пассека»). Статьи сохранились в списках, сделанных, возможно, при подготовке к изданию⁶⁴. Первая статья имеет в конце запись «село Спасское-Пассекровка» и дату «1832 года июня 20», однако по содержанию относится скорее к позднему времени, т. к. в ее начале имеется следующая фраза: «Пять лет не видались мы с Москвою». Далее описано географическое положение городов на пути из Харькова в Москву, их достопримечательности, легенды, связанные с возникновением. Заканчивается статья описанием и сравнением быта и национального характера русских и украинцев, содержание этой ее части близко примыкает к письму Пассека родным от 17 мая 1832 г. Быть может, готовя рукопись к печати, он соединил в одном очерке письмо (с путевыми впечатлениями от первой поездки на Украину) и сочинение последующего времени. Вторая статья не датирована, но имеет подпись «Вадим Пассек». Посвящена она описанию, в характерном для Пассека романтического стиле, картины «Вид Кремля при лунном свете» известного тогда художника К. И. Рабуса, с которым ученый был знаком. Отрывок «Записок путевых Вадима Пассека» близок к опубликованной в «Очерках России» заметке «Зимние торговые дороги от Москвы до Харькова и от Харькова до Одессы»⁶⁵. В вольном переложении часть этого отрывка опубликована в воспоминаниях Т. П. Пассек⁶⁶.

В Пушкинском Доме имеются и отдельные документы о семье Пассек-Пассеков, рассредоточенные в других фондах⁶⁷. Среди них письмо сестры Пассека Людмилы к А. И. Герцену; оно хранится в собрании Г. Н. Вырубова⁶⁸, относится ко времени отдаления Пассека и А. И. Герцена и показывает противоречивость их взаимоотношений в этот период.

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 23—2, письмо 5.

⁶⁰ См., например, отзыв И. И. Лажечникова на «Путевые записки Вадима». — Т. П. Пассек, т. 2, стр. 192.

⁶¹ Письмо Загоскина Пассеку 13 декабря 1838 г. (ИРЛИ, ф. 430, д. 31).

⁶² Там же, ед. хр. 32.

⁶³ Там же, ед. хр. 28.

⁶⁴ Т. П. Пассек, т. 2, стр. 237.

⁶⁵ «Очерки России», кн. 1. СПб., 1838, стр. 255—259.

⁶⁶ Т. П. Пассек, т. 2, стр. 233.

⁶⁷ Материалы, относящиеся к делу о наследстве Василия Васильевича Пассека, 9 января 1828 г. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1974); прошение Екатерины Ивановны Пассек о восстановлении в правах ее мужа и о зачислении детей в учебные заведения на казенный счет, 1825 г. (там же, ф. 93, оп. 3, № 950).

⁶⁸ Там же, ф. 78, ед. хр. 4.

Три автографа Пассека находятся в составе двух фондов Отдела рукописей ГПБ: в фонде М. Н. Загоскина (ф. 291) — два письма; А. А. Краевского (ф. 391) — одно. Письма Загоскину от 1 сентября 1832 г. и 7 марта 1835 г.⁶⁹ не только констатируют давнее знакомство, но и показывают его близкий и откровенный характер. Первое из них важно и для понимания умонастроений Пассека в период его вхождения в кружок Герцена — Огарева. Велико значение письма Пассека Андрею Александровичу Краевскому от 21 апреля 1837 г. (в котором он просит опубликовать посылаемую программу «Очерков России»⁷⁰) для воссоздания истории возникновения замысла «Очерков» и их издания, особенно при сопоставлении этого письма с упомянутым выше письмом Погодину осенью 1836 г. и с опубликованной недавно программой издания⁷¹.

В письме Т. П. Пассек Краевскому от 20 октября 1879 г. она вспоминает о роли «Отечественных записок» Краевского в жизни ее мужа⁷². Это письмо интересно и тем, что показывает, насколько односторонне понимались ею в период появления ее мемуаров взаимоотношения Герцена и Пассека: она стремилась подчеркнуть отсутствие идейных разногласий и дружей молодости. В плане оценки воспоминаний Т. П. Пассек одним из их героев («прекрасные воспоминания») интересна записка к ней Огарева, предположительно датированная 70-ми годами и хранящаяся в собрании П. Л. Вакселя⁷³.

Итак, рассмотрение документов, имеющих прямое или косвенное отношение к Пассеку, позволяет констатировать, что отдельные периоды его биографии и некоторые стороны научной деятельности в них отразились довольно полно.

Однако из анализа содержания всех архивных материалов в совокупности и их сопоставления с печатными становится также очевидным, что мы располагаем далеко не полностью сохранившимися и в настоящее время недостаточно выявленным эпистолярным и творческим наследием ученого. Имеются сведения о более широком круге материалов Пассека и о нем: так, в письмах Пассека брату Евгению 15 мая 1827 г., Погодину в мае 1832 г., в воспоминаниях Герцена⁷⁴ есть замечания о том, что Вадим писал в юности стихи и прозаические произведения. Основная часть этих литературных материалов пока не найдена.

В упоминавшемся письме Сперанскому Евгений Пассек пишет о студенческой диссертации брата о наследстве, о ней же идет речь и в аттестате об окончании университета. Диссертация эта, к сожалению, не обнаружена, как и магистерская диссертация молодого ученого, факт создания которой устанавливается воспоминаниями и эпистолярными источниками⁷⁵. Характер сведений, сообщенных Пассеком в первой его опубликованной работе⁷⁶, заставляет предполагать существование каких-либо предварительных записей о сибирских наблюдениях (историко-этнографических, археологических, географических). Мы ими не располагаем. Очерк о холере в Москве⁷⁷ указывает на ведение его автором дневниковых запи-

⁶⁹ ОР ГПБ, ф. 291, № 128, письма 1, 2.

⁷⁰ Там же, ф. 391, № 609. Местонахождение этого экземпляра программы неизвестно.

⁷¹ «Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 412—415.

⁷² «...Я помню,— писала Татьяна Петровна,— как Вы посетили меня в Москве и знаю, как расположен был к Вам Вадим Васильевич и весь тот юный даровитый круг, о котором я упоминаю и которому Ваши «Отечественные записки» открыли дверь, чрез которую выступали их цели и убеждения...» (ОР ГПБ, ф. 391, № 610).

⁷³ ОР ГПБ, ф. 124, № 3129.

⁷⁴ ЦГИА УССР, ф. 1631, д. 598; ОР ГБЛ, ф. 231, разд. II, карт. 50, ед. хр. 54; Герцен, т. VIII, стр. 158—159.

⁷⁵ Т. П. Пассек, т. 2, стр. 32; ЦГИА УССР, ф. 1631, д. 650—654, л. 1 (Письмо Е. И. Пассек сыну Евгению 29 апреля 1834 г.).

⁷⁶ В. В. Пассек. Замечания о Сибири.— «Московский вестник», ч. 5, 1830, № 17—20, стр. 120—133.

⁷⁷ В. В. Пассек. Три дня в Москве во время холеры (из записок москвича).— «Москва», ч. 2, 1831, № 27—29.

сей. Неизвестна и статья Пассека «Периоды жизни», предполагавшаяся к изданию в «Альманахе», который он с друзьями собирался выпускать в 1833 г.⁷⁸ До нас дошли и не все автографы писем ученого, опубликованных в мемуарах Т. П. Пассек.

Здесь отмечено лишь несколько фактов об утраченных или еще не выявленных документах, относящихся к сравнительно короткому периоду жизни Пассека, но они наглядно подтверждают возможность существования многочисленных и важных источников. Поэтому для глубокого исследования жизни и творчества Пассека особенно большое значение приобретает дальнейший поиск документов.

Рассмотренные материалы, расширяя наши познания о тех или иных сторонах жизни и деятельности В. В. Пассека, уточняя существующие факты и оценки, помогая воссоздать его научную биографию, способствуют тем самым и уточнению представлений о многих немаловажных моментах истории отечественной науки и общественной мысли.

⁷⁸ Т. П. Пассек, т. 1, стр. 442.

Н. Н. Беспамятных

ФОНД И. Д. ЛУКАШЕВИЧА В БИБЛИОТЕКЕ ВИЛЬНЮССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Иосиф Дементьевич Лукашевич — революционер-народоволец, участник событий 1 марта 1887 г., соратник А. И. Ульянова, ученый — оставил богатое рукописное наследие.

Задача настоящей статьи — дать обзор фонда И. Д. Лукашевича, хранящегося в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса (далее — БВГУ, РО, ф. 10), и привлечь внимание историков к этим материалам.

Монографии о И. Д. Лукашевиче нет. Его наиболее полная биография содержится в ряде рукописей¹ и печатных источниках², отдельные эпизоды его жизни и деятельности воспроизведены в литературе, посвященной преимущественно революционной деятельности А. И. Ульянова и, частично, в естественнонаучной литературе³.

Иосиф Дементьевич (Юзеф-Вацлав Доминикович) Лукашевич родился 1 декабря 1863 г. под г. Вильно. В 1875—1883 гг. учился в Виленской гимназии, которую закончил с серебряной медалью⁴. С 1883 г. Лукашевич — студент естественного факультета Петербургского университета. Он принимал активное участие в создании «Террористической фракции «Народной воли»» и в подготовке неудавшегося покушения на Александра III. С 5 мая 1887 г. по 28 октября 1905 г. Лукашевич находился в заключении в Шлиссельбургской крепости. После освобождения Лукашевич отошел от политической деятельности и продолжал заниматься научной работой.

¹ БВГУ РО, ф. 10, д. 7.— «Воспоминания»; ф. 10, д. 37 — *Ch. Bohdanowicz. Joseph Lukaszewicz*; ф. 10, д. 52.— «Wspomnienia naszej matki i nasze o bracie Józefie Lukaszewiczu».

² *И. Д. Лукашевич. Воспоминания о деле 1-го марта 1887 г.*— «Былое», 1917, № 1—2; «1 марта 1887 года. Воспоминания И. Д. Лукашевича». Пг., 1920; *И. Д. Лукашевич. Из воспоминаний.*— В сб.: «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.— Л., 1927; «1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др.». М.— Л., 1927, стр. 386; *В. Фигнер. Иосиф Дементьевич Лукашевич.*— В сб.: «Галерея шлиссельбургских узников», ч. 1. СПб., 1907, стр. 132—141; «Księga pamiątkowa ku uczczeniu C.C.C.L. rocznicy założenia i X wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego», t. II. Wilno, 1929, s. 365—366.

³ *И. И. Бабков. Организация высшего географического образования и роль И. Д. Лукашевича.*— «Вестник ЛГУ. Геология. География», вып. 1. 1969, стр. 111—117; *Л. С. Берг. Новый русский труд по земледелию И. Д. Лукашевича.* М., 1912; *П. В. Витгенбург. И. Д. Лукашевич.*— «Известия центрального гидрометеорологического бюро», вып. 8. Л., 1929, стр. 409—413; *Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Избранные труды*, т. II. М.— Л., 1950, стр. 120, 196, 226; «Памяти Иосифа Дементьевича Лукашевича».— «Каторга и ссылка», 1929, кн. 54, стр. 170—175; *Н. Ф. Погребов. И. Д. Лукашевич.*— «Геологический вестник», т. 6, № 4—6, 1928, стр. 82—83; *Н. А. Троицкий. «Народная воля» перед царским судом. 1880—1891.* Саратов, 1971, стр. 124, 130, 137, 143, 189; *Ф. Н. Чернышев. Отзыв о сочинении О. Д. Лукашевича «Неорганическая жизнь Земли».* Пг., 1916 и др.

⁴ БВГУ, РО, ф. 10, д. 52, л. 3.

По выходе из крепости Лукашевич был направлен на жительство в свою деревню, в Виленскую губернию, а в 1907 г. по ходатайству Академии наук ему было разрешено жить в Петербурге. После 20-летнего перерыва он заканчивает Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук (1907 г.), готовит к печати написанные в заключении сочинения. В 1908—1911 гг. выходит в свет работа «Неорганическая жизнь Земли», за которую он был награжден серебряной медалью Русского географического общества. В 1913—1916 гг. Лукашевич работал в Петербургском геологическом комитете, в 1916—1918 гг. преподавал на Высших географических курсах, преобразованных в 1919 г. в Географический институт. И. Д. Лукашевич был одним из организаторов высшего географического образования в Советской России⁵. Он вел преподавательскую работу в других учебных заведениях и состоял членом ряда научных обществ России.

В октябре 1919 г., как отмечает Лукашевич в одном из писем⁶, он возвратился в Вильно, где занимал пост инспектора местного отдела просвещения. В этом же году ему было предложено занять «должность заместителя профессора»⁷, а в 1920 г.—должность профессора естественно-математического факультета Виленского университета, которую занимал до конца жизни (20 октября 1928 г.).

В последнее время интерес к И. Д. Лукашевичу возрос. В изучении его деятельности и рукописного наследия многое сделано литовскими учеными⁸.

Архив Лукашевича после его смерти, согласно завещанию, передала университету его вдова Анна Лукашевич. В дальнейшем архивный материал по мере выявления новых документов пополнялся, и в настоящее время насчитывается 63 единицы хранения. Лишь немногие рукописи, имеющиеся в фонде Лукашевича, были опубликованы⁹.

⁵ И. И. Бабков. Указ. соч., стр. 114.

⁶ БВГУ, РО, ф. 10, д. 58, л. 9.

⁷ «Księga pamiątkowa ku uczczeniu CCCL rocznicy założenia i X wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego», т. II, s. 366.

⁸ E. Danilevičius. Ligi gyvos galvos...— «Svyturys», 1969, N 24, p. 9—10; *idem*. Gudžioje vienatvėje.— «Kalba Vilnius», 1969, N 35, p. 5; «Lietuvos TSR istorija», т. II. Vilnius, 1963, p. 168; V. Merkys. Narodnikai ir pirmieji marksistai Lietuvoje. Vilnius, 1967, p. 60—70; Z. Trofimovas. Telegrama iš Vilniaus.— «Tiesa», 1966, IX, 17; P. Vaitiekūnas, V. Kotovič. Profesorius Juozas Lukoševičius.— «Geografija ir geologija», т. 6. Vilnius, 1969, p. 179—187; A. Gaigalas, S. Vaitiekūnas. Revoliucionierius gamtininkas Juozas Lukoševičius (1863—1928).— «Mūsų gamta», 1966, N 12, p. 7; S. Vaitiekūnas. Revoliucionierius ir mokslininkas.— «Komjaunimo tiesa», 1968, X, 19; J. Vaitkus. Vienas iš septynieto.— «Mokslas ir gyvenimas», 1965, N 9, p. 6—7.

⁹ Перечень печатных трудов И. Д. Лукашевича: Пояснительная записка к геологической коллекции «Круговорот горных пород». [Вильно], 1910; Механика земной коры.— «Записки Минералогического общества», т. 14. СПб., 1908; Неорганическая жизнь Земли, ч. 1. Физико-химические процессы земного шара. СПб., 1908; ч. 2. Жизнь горных пород. СПб., 1909; Строение Земли в связи с ее историей. СПб., 1911; Что такое жизнь? Биологический этюд. СПб., 1909; Успехи земледелия. (Происхождение континентов).— «Современник», т. 1, 1911; Научная хроника. (Землетрясения в Верном. Близкий конец железного века. Регенерация у животных).— «Современник», т. 2, 1911; Неовиталисты и их противники.— «Современник», т. 3, 1911; Климаты Земли в минувшие века.— «Современник», т. 7, 1911; Мировой эфир и механическое мировоззрение.— «Современник», т. 12, 1911; Научное обозрение.— «Современный мир», т. 11, 1912; Современное состояние дарвинизма. Кризис.— «Русская мысль», т. 8, 1913; Старунские находки; мамонт и волосатый носорог вместе с современной им флорой и фауной.— «Природа», т. 1, 1914; О причинах ледниковой эпохи.— «Природа», тт. 7—8, 1915; Леонид Иванович Лутугин. (Некролог).— «Природа», т. 12, 1915; Программа лекций по геоморфологии, читанных в 1916 (весенний семестр). Пг., 1916; Гидрометеорологический очерк устья р. Енисей и Енисейского залива.— «Груды отдела торговых портов», вып. 4, 1917; Развитие наших знаний о мире и положение географии в общей системе знаний.— «Известия Географического института», вып. 1, 1919; Краткий очерк возникновения Высших географических курсов, их деятельности и преобразования в Географический институт, вып. 1. Пг., 1919; Воспоминания о деле 1 марта 1887 г.— «Былое», 1917, № 1—2; 1 марта 1887 г. Воспоминания. Пг., 1920; Добавления к воспоминаниям.— В сб.:

Изучению и обработке фонд Лукашевича подвергался только в последние годы¹⁰. Он состоит из четырех разделов: 1) научные труды, 2) деятельность в Виленском университете, 3) персонала и 4) переписка.

Большая часть документальных материалов относится к тому периоду, когда их автор, И. Д. Лукашевич, находился в Шлиссельбургской крепости.

Документы первого раздела представлены рукописями научного содержания и материалами к ним, составляющими 28 единиц. Почти все рукописи на русском языке. Лукашевич вел записи в тетрадях, которые в д. 3 объединены в 18 томов или, по терминологии Лукашевича, «связок», плотно исписанных черпилами или карандашом мелким разборчивым почерком. Каждая тетрадь пронумерована рукой Лукашевича и почти всюду им проставлены даты начала заполнения тетрадей. Таким образом, вопрос о датировке рукописей, за некоторым исключением, решается без особых трудностей. Каждая тетрадь имеет гриф с номером камеры заключения (камера № 9, с 1888 г. — № 26).

Занятия И. Д. Лукашевича начались с изучения фундаментальных научных трудов, которые он подробно конспектировал и делал из них выписки. Тома I (1887—1888), II (1888) и III (1889) заключают в себе конспекты «Всемирной истории» Ф. К. Шлоссера, «Истории России» С. М. Соловьева, «О духе законов» Ш. Монтескье (конспект на французском языке), «Описательной социологии Англии» Г. Спенсера, «Земля и люди» Е. Реклю и др. Всего более 30 книг. В последующих томах наряду с конспектами известных в свое время трудов («История Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра и др.) имеются конспекты статей из периодических изданий («Исторический вестник», «Нива», «Русская мысль», «Врач» и др.). В томе VI имеется 25 выписок из I и II томов «Капитала» К. Маркса (на 6 листах). Рукопись озаглавлена: «М. т. I, 98» и «т. II, 1885»¹¹.

Отсутствие авторских датировок в томах V, VI, VIII, IX и других компенсируется наличием указаний на год издания каждого журнала. Большинство трудов, которые изучал Лукашевич, были изданы в 70—90-е годы XIX в. и содержали, следовательно, последние данные отечественной и зарубежной науки.

В томе IV (1889—1894) наряду с конспектами содержатся также его собственные сочинения: «Центры психических отправления», «Удовлетворяет ли философская система Спенсера современному состоянию науки?», «Заметка к теории сопротивления материалов», «Двойственный характер наук», «Немецкая марка» и др. Каждая из этих статей представляет собой синтез критически изученных автором трудов по данной тематике, имевшихся в его распоряжении в условиях заключения. Например, очерк «Немецкая марка» представляет собой собственное изложение истории общинной организации сельского населения, построенное на основе книги Г. Маурера «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти», которой пользовался и ценил, несмотря на ее ограниченность, Ф. Энгельс.

В IV т. Лукашевич формулирует главную задачу, разрешению которой посвятил много лет. Она заключалась в создании такого труда, который синтезировал бы все области знания. «Я полагаю, что необходимо объединить это разрозненное знание, которое не может быть подведено под формулу существовавшего»¹², — писал он в одном из первых научных очерков. Этот замысел согласуется с необыкновенной широтой его научных

«Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927; Prace niewydane (1. Czy nasza planeta przeby'a fazę gwiazdy świecącej? 2. Obrachunek wieku lądów i mórz. 3. Promieniotwórczość i magnetyzm ziemi). Kraków, 1930.

¹⁰ Указатель «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (тт. 1—2. М., 1962—1963 гг.) еще не фиксирует фонд Лукашевича.

¹¹ БВГУ, РО, ф. 10, д. 3, т. VI, лл. 229—233.

¹² Там же, л. 500.

интересов. К достижению цели он шел, изучая разнообразную научную литературу, полный перечень которой состоит из многих сотен наименований. Значительная часть литературы им законспектирована: Он начинает эту работу с классификации всех наук в плане их генетических связей в очерке «Двойственный характер наук».

В томе V (1895—1896) интерес представляет рукопись обширной работы Лукашевича «Что такое общество?». Работа состоит из трех разделов: 1) Вступление, 2) Виды общественных организаций, 3) Что такое право? Автор рассматривает политическую организацию общества, происхождение общественных институтов и их взаимодействие, касается некоторых сторон экономической жизни общества, происхождения и сущности социальных групп, главным образом, семьи, развития и роли государства, права, культуры, общественного и индивидуального сознания.

Несмотря на попытки преодолеть натурализм во взглядах на общество, Лукашевич подводил общественные явления под законы живой природы, отождествляя иногда процессы животного мира с социальными. Признавая идею развития, он видел лишь его количественную сторону. Экономика, политика, идеология взаимно не детерминированы. Взгляд на классы и государство непоследователен, хотя в некоторых формулировках прослеживается влияние марксизма. В целом философское мировоззрение И. Д. Лукашевича можно квалифицировать как позитивистское.

В VII—XVIII томах (1895—1905) содержатся данные справочного характера по экономике, географии, о социальном составе населения большинства европейских стран (том IX), рукописи его работ «Физиологическая постоянная человеческого тела», «Геологические заметки по Реклю» (том XIII) и других, свидетельствующих о росте его интереса к экономическим, географическим и, прежде всего, естественнонаучным знаниям.

В сочинении «Элементарные начала научной философии» Лукашевич частично реализовал свою идею создания универсальной философии. По первоначальному плану сочинение должно было состоять из следующих семи частей: I. Общие начала научной философии. II. Общий обзор точных наук. III. Неорганическая жизнь Земли. IV. Органическая жизнь Земли. V. Отправления нервной системы. VI. Учение об организованной деятельности. VII. Учение об обществе. Полностью были написаны третья¹³, четвертая¹⁴, пятая¹⁵ части.

В третьей части этого обширного сочинения разработан генезис горных пород в зависимости от их положения в земной коре. В четвертой части главное внимание уделено механизму происхождения «целесообразных организаций» без участия естественного отбора. Часть пятая состоит из двух разделов: 1. Происхождение, строение и функционирование нервной системы. 2. Учение о психических явлениях. К остальным четырем частям имеются отдельные фрагменты и несистематизированные материалы, содержащиеся в нескольких томах¹⁶.

Перечислим рукописи ряда других работ, написанных Лукашевичем в Шлиссельбургской крепости: «Данные геологии», «Учение об эталонах», «Общие методы соединений и разложений в органической химии» (1894), «Жизнь горных пород» (1896), «Неовиталисты и их противники», «Механика земной коры» (13.XI.1907)¹⁷.

Период жизни Лукашевича после его освобождения представлен работами по философии, геологии, антропологии и докладами на заседаниях научных обществ; имеются выполненные им геологические карты, явившиеся итогом экспедиций, разработки лекций по географии, геоморфоло-

¹³ БВГУ, РО, ф. 10, д. 9. (Опубл.).

¹⁴ Там же, д. 3, т. X.

¹⁵ Там же, т. XVIII.

¹⁶ Там же, д. 5, 8, 25.

¹⁷ Там же, д. 3, т. XIV, XVI; д. 6, 8, 20 (опубл.), 17 (опубл.).

гии и фрагменты учебника физической географии¹⁸. Задача географии, по Лукашевичу, заключается во всестороннем изучении земной поверхности и описании ее жизни¹⁹.

В рукописях имеются дополнительные материалы к работе «Неорганическая жизнь Земли» (приложения, указатели литературы, рисунки)²⁰. Многочисленными и искусно выполненными автором иллюстрациями (рисунки, чертежи, географические карты, схемы) снабжены многие другие рукописи.

После выхода из Шлиссельбургской крепости И. Д. Лукашевич написал «Воспоминания о деле 1 марта 1887 г.» и в 1906 г. сдал рукопись в редакцию журнала «Былое». Редактор В. Я. Яковлев-Богучарский и А. И. Елизарова-Ульянова пришли к выводу, что «статью эту при самодержавном строе печатать нельзя, ибо она с головой выдает автора, рисуя его более серьезным участником покушения, чем каким признал его суд»²¹. До сих пор это сочинение является одним из наиболее подробных и обстоятельных источников для изучения истории «Террористической фракции «Народной воли»» и подготовки покушения на Александра III. Издания этой рукописи хорошо известны. Они идентичны. При сравнении рукописи с печатным текстом выявляются некоторые несовпадения. Текст публикаций носит на себе следы авторских правок: полностью раскрыты некоторые фамилии и явные адреса. За пределами публикаций, рассчитанных на массового читателя, осталось подробное описание процесса изготовления динамита в домашних условиях. Принципиальных различий между рукописным и печатным вариантами «Воспоминаний» нет.

В. Н. Фигнер в своих воспоминаниях обратила внимание на педагогический талант И. Д. Лукашевича: «Когда то в одном, то в другом дворике Шлиссельбургской крепости он читал среди маленькой аудитории лекции по ботанике и зоологии, кристаллографии и кристаллооптике, или с кем-нибудь занимался аналитической химией, гистологией, психологией, филологией, — нельзя было не думать с горечью о том, что его место на профессорской кафедре, где его ясное и сжатое красноречие, простота и наглядность изложения, искусство экспериментатора — все дары чудесного лектора сделали бы его кумиром студенчества»²².

В первом разделе фонда встречаются документы, свидетельствующие об этих занятиях: записки заключенных с вопросами научного содержания и ответы на них Лукашевича.

Материалы о деятельности И. Д. Лукашевича в Виленском университете невелики (7 ед. хр.) и характеризуют преимущественно его административную работу. Среди них имеется устав естественно-математического факультета. В соответствии с уставом в обязанности Лукашевича как профессора входило посещение заседаний Совета факультета. В фонде 14 приглашений с повестками заседаний (1920—1928)²³. Последнее сообщает Лукашевичу о заседании Совета по вопросу о выборах декана, назначенных на 9 декабря 1928 г. — за 11 дней до его кончины. Ни в одном из приглашений не запланировано выступление И. Д. Лукашевича.

Ко второму разделу относятся также циркулярные письма Министерства вероисповеданий и просвещения Польши и их копии о программах и экзаменах по геологии, адресованные Лукашевичу, черновики его писем в Совет с ходатайствами по хозяйственным вопросам (увеличение помещений, выделение средств для создания нормальных условий работы отделения минералогии), с характеристиками некоторых кандидатов на профессорскую должность.

¹⁸ БВГУ, РО, ф. 10, д. 16, 23 (Опубл.), 26.

¹⁹ Там же, д. 26, л. 6.

²⁰ Там же, д. 21.

²¹ «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», стр. 182.

²² В. Фигнер. Указ. соч., стр. 140.

²³ БВГУ, РО, ф. 10, д. 35.

И. Д. Лукашевич стремился к расширению связей Виленского университета с научными центрами Литвы, СССР, Германии. Имеется, например, документ об обмене литературой между библиотеками Виленского университета и Геологического комитета в Ленинграде (12.V.1928)²⁴.

Научно-педагогическая деятельность Лукашевича в Виленском университете представлена разработанной им программой курса геологии. Интересны его выводы о недостатках постановки образования в высших учебных заведениях Польши, изложенные в черновике²⁵.

Основная масса документов (18 ед. хр.) личного и биографического характера относится к последним годам его жизни. Но среди них дневник Лукашевича на польском языке о поездке его в г. Ялту — самая ранняя (1885) из имеющихся в фонде рукописей.

Сохранились приглашения Лукашевича на научные конференции и заседания научных обществ дореволюционной России (1910 г.) и Польши (1922—1928), а также программы этих конференций и заседаний. Там же имеются приглашения от имени студентов на выпускные вечера. Некоторые документы свидетельствуют о намерениях Лукашевича оставить работу в университете в связи с преклонным возрастом и болезнью. Здесь имеются копии: свидетельства об учебе его в Виленской гимназии, диплома I степени об окончании Петербургского университета (от 25 августа 1907 г.)²⁶, удостоверений Русского географического общества и Общества любителей естествознания в Петербурге об избрании Лукашевича действительным членом²⁷, удостоверения о присуждении ему серебряной медали за работу «Неорганическая жизнь Земли»²⁸, справок о занимаемых должностях, стаже работы в Вильно (стаж отсчитывался с 1 сентября 1912 г.), жаловании и копии ответов из Министерства на запросы профессора о возможности выхода на пенсию.

В архиве имеется телеграмма Петербургского телеграфного агентства «Об амнистии» от 17 октября 1905 г. с пометками относительно категории осужденных, к которой принадлежал Лукашевич, а также свидетельство о браке с Анной Лукашевич, выданное в Петрограде 21 августа 1919 г.

Остальные документы — «Биография», написанная К. Богдановичем (на франц. яз.), воспоминания братьев и матери о Лукашевиче и бланк описи его наследства (на польск. яз.) — связаны с его кончиной. Имеются семейные фотографии Лукашевича.

Переписка И. Д. Лукашевича (10 ед. хр.), относящаяся к 1879—1928 гг., содержит 90 писем на польском (личная переписка) и русском языках. Среди его корреспондентов — бывший участник террористического заговора 1887 г. М. В. Новорусский. Имеются также черновики ряда писем, заметки. Личная переписка последних лет жизни Лукашевича свидетельствует о том, что он серьезно болел.

Фонд в его настоящем виде не охватывает полностью всех документов и материалов как самого Лукашевича, так и о нем. В архиве имеются, хотя и немногочисленные, но важные, документы о деятельности его в «Террористической фракции «Народной воли»». Отсутствуют судебные материалы, документы о его деятельности в первые годы после освобождения и т. д. Но этот фонд продолжает пополняться.

²⁴ БВГУ, РО, ф. 10, д. 29.

²⁵ Там же, д. 32, л. 5.

²⁶ Там же, д. 38.

²⁷ Там же, д. 42.

²⁸ Там же, д. 51.

Е. Г. Авшаров

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ЛИЧНЫХ ФОНДАХ Н. А. СКВОРЦОВА И М. И. АЛЕКСАНДРОВСКОГО

Деятельность Московского археологического общества по изучению древнерусского искусства и культуры во второй половине XIX в., крупные труды И. Е. Забелина и введение им в научный оборот новых источников способствовали усилению интереса к изучению истории Москвы. Этому содействовала и образованная в 1909 г. при Московском археологическом обществе Комиссия по изучению старой Москвы («Старая Москва»), деятельными участниками которой были преподаватель Московского археологического института Н. А. Скворцов и ее секретарь М. И. Александровский. Материалы их личных фондов являются предметом данного обзора; главное внимание уделяется рукописям творческого характера.

Занимаясь долгое время историей Москвы, оба ученых собрали большой фактический материал, имеющий самостоятельную ценность. В связи с усилением внимания к вопросам охраны памятников, с проведением реставрационных работ и подготовкой «Свода памятников истории и культуры» весьма значителен интерес к их фондам, дающим представление об их работах по истории Москвы и Московской области.

Николай Алексеевич Скворцов (1861—1917) родился в Москве, в 1887 г. окончил Московский археологический институт. В 1892—1898 гг. сотрудничал в Комитете по составлению историко-статистических описаний церковей Московской епархии, в 1902—1909 гг. — в Комитете по описанию Синодальной ризницы, в 1902—1917 гг. — в Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии; в 1909—1917 гг. был председателем Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения (ЦАО ОЛДПР); в 1912—1917 гг. читал курс лекций по археологии и топографии Москвы в Московском археологическом институте¹.

Фонд Н. А. Скворцова хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ, ф. 275, 204 ед. хр.) и является частью утраченного архива ОЛДПР. После смерти Скворцова его бумаги были вывезены в помещение ОЛДПР в Лиховом переулке и свалены под лестницей, где пролежали до 1921 г., пока ими не заинтересовалась «Старая Москва»². Впоследствии они были переданы в ОР ГБЛ, где подверглись научно-технической обработке в 1932 г. Небольшая часть материалов Скворцова хранится в Отделе письменных источников Государственного

¹ Автобиографию Н. А. Скворцова см.: ОР ГБЛ, ф. 275, папка № 3, ед. хр. 2, лл. 7 об.; формулярный список — ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 128, лл. 43—44. См. также: П. Н. Миллер. Николай Алексеевич Скворцов. Доклад на 128-м заседании «Старой Москвы» 29 июня 1922 г. — ОПИ ГИМ, ф. 134, ед. хр. 194, 4 лл., автограф.

² См. протокол 128-го заседания «Старой Москвы» от 29 июня 1922 г. — ОР ГБЛ, ф. 177, карт. № 1, ед. хр. 9, лл. 43 об. — 44.

исторического музея, в фонде М. И. Александровского, с которым его связывала давняя дружба (ОПИ ГИМ, ф. 465, 13 ед. хр.).

В фонде Скворцова сохранились преимущественно рукописи-автографы неопубликованных работ (34 ед. хр.). Наиболее ранними из них являются историко-статистические описания церквей различных уездов Московской губернии, выполненные в период 1892—1896 гг. по заданию Историко-статистического комитета и составленные по материалам церковных летописей и архивов Московской духовной консистории и Московской синодальной конторы. В них собраны сведения по истории церквей и сел XVIII—XIX вв. Богородского (88 л.), Бронницкого (155 л.), Волоколамского (121 л.), Дмитровского (84 л.)³, а также Звенигородского (143 л., 186 л.), Коломенского (167 л.)⁴ и других уездов, о церквях Коломны (63 л.) и о коломенском Успенском соборе (44 л.)⁵.

Сохранились автографы двух докладов в ЦАО ОЛДПР. В работе «Жития преподобного Саввы Сторожевского» (1907 г., 50 л.)⁶ сделана попытка датировать основание Савво-Сторожевского монастыря 1377—1378 гг., не связывая его с приглашением Саввы Сторожевского князем Юрием Звенигородским. Доклад «О кресте с колокольни Ивана Великого» (1911 г., 7 л.)⁷ посвящен опровержению слухов о похищении его в 1812 г. во время отступления французской армией. Имеются автографы двух воскресных лекций, прочитанных в 1909 г. в Большом зале Епархиального дома: «И. Е. Забелин как историк Москвы» и «Архитектура старинных московских церквей» (20 л., 117 л.)⁸.

Обращает на себя внимание единственный рукописный вариант вступительной лекции к курсу в Московском археологическом институте «Важность изучения истории и археологии города Москвы» (1912 г., 46 л.)⁹. В фонде Александровского имеется выполненное Скворцовым в 1909 г. «Описание антиминсов, печатных и рукописных, хранящихся в Синодальной ризнице» (108 л.)¹⁰, материалы которого составили самостоятельный раздел этого курса. Вместе с тем сохранилась группа черновых записей и отдельных листов с «историко-топографическими материалами» и «заметками» (в общей сложности 12 ед. хр.): «Дома в Москве» (145 л.), «Местности в Москве» (10 л.), «Монастыри, подворья и дворы частных лиц и государственных учреждений» (279 л.), «Московские монастыри» (23 л.), «Слободы в Москве» (42 л.) и др.¹¹, которые, видимо, свидетельствуют о намерении Скворцова дальше разрабатывать лекционный курс, первоначально охватывавший только территорию Кремля.

Автографы большинства опубликованных работ Скворцова не сохранились. Утрачены и его бумаги, находившиеся у секретаря ЦАО Н. П. Виноградова. Известно, что среди них были выписки Скворцова из «портфелей» А. Ф. Малиновского¹² и работы: «К вопросу о постройке шатровых церквей. (Доклад на IV съезде архитекторов в 1910 г.)»; «Жития святой Анны Капинской»; «Преподобный Герасим Болдинский. К истории канонизации святых русской церкви»¹³.

³ ОР ГБЛ, ф. 275, папка № 5, ед. хр. 4, 3; папка № 4, ед. хр. 1, 2.

⁴ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 121, 122, 114.

⁵ Там же, ед. хр. 119, 121.

⁶ Там же, ед. хр. 125.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 275, папка № 13, ед. хр. 5.

⁸ Там же, папка № 14, ед. хр. 3; папка № 2, ед. хр. 1.

⁹ Там же, папка № 2, ед. хр. 2.

¹⁰ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 126.

¹¹ ОР ГБЛ, ф. 275, папка № 5, ед. хр. 1; папка № 8, ед. хр. 1; ед. хр. 2; папка № 9, ед. хр. 2; папка № 12, ед. хр. 1; папка № 12, ед. хр. 2 и др.

¹² Н. П. Виноградов. Московский Китай-город по бумагам А. Ф. Малиновского и выпискам из них профессора Н. А. Скворцова.— ОР ГБЛ, ф. 177, карт. № 41, ед. хр. 5, л. 1, 1925 г., автограф.

¹³ Н. П. Виноградов. Памяти Н. А. Скворцова.— Там же, карт. № 41, ед. хр. 18, лл. 1—1 об.

Михаил Иванович Александровский (1865—1942) родился в Москве в семье магистра богословия И. Н. Александровского. В 1887 г., после окончания Историко-филологического факультета Московского университета, был оставлен при нем для продолжения научной работы под руководством академика Н. С. Тихонравова, но в связи с тяжелым материальным положением вынужден был вскоре оставить университет и до 1911 г. преподавал в гимназиях. Во время занятий в университете принял участие в издании учениками Тихонравова Толковой палеи, в котором также участвовали М. Н. Сперанский, А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин¹⁴.

В 1912—1918 гг. он участвовал в деятельности ЦАО; в 1918—1930 гг. работал в Комиссии по делам музеев и охраны памятников при Московском Совете, в Управлении музеями-усадебными и музеями-монастырями Московской губернии при Московском отделе народного образования Наркомпроса РСФСР; был заведующим Отделом архитектурной графики ГИМ; участвовал в работе Комиссии по переименованию московских улиц, Общества изучения русской усадьбы; в 1922—1926 гг. был секретарем «Старой Москвы». В 1932—1937 гг. работал в Архивно-исторической бригаде Комиссии по строительству метрополитена при Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (МОГАИМК); в 1938—1942 гг. — во Всесоюзной академии архитектуры и в Комиссии по истории Москвы при Институте истории АН СССР.

Фонд Александровского, хранящийся в ОПИ ГИМ (ф. 465, 133 ед. хр.) был передан туда его сестрой А. И. Александровской и подвергся научно-технической обработке в 1971 г. Другие его материалы находятся в Отделе архитектурной графики ГИМ (3 тетради); в ОР ГБЛ, в фонде Московского областного бюро краеведения, среди материалов «Старой Москвы» (ф. 177, 5 ед. хр.)¹⁵; в Музее истории и реконструкции Москвы, в фонде П. Н. Миллера (МИРМ, ф. 8169, 5 ед. хр.), среди материалов Архивно-исторической бригады МОГАИМК и Группы по истории Москвы при Институте истории АН СССР.

Сохранилось довольно большое число автографов-рукописей его неопубликованных работ. Наиболее ранние из них: «Указатель древних церквей в местности Сретенского сорока» (1917 г., 15 л.); «Исторический указатель московских церквей» (1917 г., 38 л.)¹⁶, представляющий собой дальнейшую разработку изданного «Указателя московских церквей» (М., 1915). К этой же группе примыкает доклад в «Старой Москве» «О древних названиях московских церквей по ружным книгам» (1920-е годы, 13 л.)¹⁷.

Наибольшее внимание обращает на себя «Исторический указатель древних сооружений в Москве», частично хранящийся в ОПИ ГИМ (1927 г., 51 л.), в который вошли не только церкви, но и гражданские сооружения XV—XVIII вв.¹⁸ В 1940 г. Александровский представил в Группу по истории Москвы при Институте истории АН СССР аннотированный «Список архитектурных ценностей Москвы, имеющих значение первоисточников для составления научной истории Москвы, характерных тем обстоятельствам, среди которых они возникли и характерных для своей эпохи» (31 л.)¹⁹.

¹⁴ «Толковая палея по списку 1406 г., сделанному в Коломне и хранящемуся в Троице-Сергиевой лавре под № 38». [М.], 1890, I+208 стр.

¹⁵ Характеристику протоколов «Старой Москвы», дающих также представление о деятельности М. И. Александровского, см.: С. В. Филимонов. Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг. Автореферат канд. дисс. М., 1974, стр. 22—23.

¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 5; ед. хр. 6; см. также: ГИМ, Отдел архитектурной графики, № 81223/КП 2575.

¹⁷ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. № 38, ед. хр. 31.

¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 8.

¹⁹ МИРМ, ф. 8169, папка № 24, ед. хр. 211.

С начала 1920-х годов он обратился к «исторической топографии» Москвы, продолжая предшествующие исследования Скворцова, посвященные изучению древнего рельефа Москвы, истории планировки и застройки и уличной топонимике. Работы Александровского, посвященные этой тематике, вместе с указанными выше, вошли в основу курса лекций по истории Москвы, прочитанного им в Обществе друзей ГИМ в конце 1920-х годов. Среди них: «Топография Москвы XIII—XV веков (1921 г., 13 лл.; 17 лл.)»²⁰, «Замечания на план Москвы (XV века), составленный профессором А. В. Чайновым» (1921 г., 2 лл.)²¹, «Недостаточность наших знаний о древней Москве» (1928 г., 9 лл.); «О местностях в Москве» (1928 г., 9 лл.); «Общий очерк первоначального заселения и застройки Москвы» (1932, 16 лл.)²².

Большой материал по топонимике московских улиц был собран Александровским в 1936 г. (44 лл.) во время подготовки к печати совместно с П. Н. Миллером и П. В. Сытиным книги «Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы» (М., 1938), который тем более интересен, что лишь частично использован в книге²³.

Истории застройки улицы Горького посвящены три статьи (машинопись с авторской правкой), написанные в 1936 г. во время работы в Архивно-исторической бригаде МОГАИМК для сборника «По трассе II очереди Московского метрополитена»²⁴; «Застройка и планировка местности по трассе метро II очереди от Пушкинской площади до Старых триумфальных ворот с XV по XX в.» (56 лл.), «Застройка местности в районе станции метро «Площадь Маяковского»» (36 лл.), «Тверские ворота Белого Города» (3 лл.)²⁵.

Не ограничиваясь территорией Москвы, в 1932 г. ученый подготовил большую работу «Исторический указатель сел и зданий бывшего Московского уезда» (107 лл.)²⁶, которую предполагало опубликовать Московское областное бюро краеведения.

Большое место в материалах Александровского занимают исследования 1930-х — 1940-х годов. Это автографы рукописей по истории древнерусской архитектуры: «Раннемосковское зодчество» (1933 г., 9 лл.), «Шатровые каменные церкви XVII века» (1934 г., 27 лл.; вариант 1942 г. 17 лл.), «Датировка Дьяковской церкви» (1936 г., 44 лл.), исторические очерки «Иван Великий» (1936 г., 16 лл.), в котором рассматривается вопрос о построении колокольни Ивана Великого в 1508 г., и «Покровское-Стрешнево» (1936 г., 27 лл.) и др.²⁷ Ученым были составлены также аннотации к изображениям неизвестных зданий в «Собрании чертежей, планов, фасадов, профилей парадных домов в городе Москве» М. Ф. Казакова (1939 г., 16 лл.)²⁸.

В ОПИ ГИМ сохранилось большое количество исторических справок: «О доме бывшего Мещанского общества в Охотном ряду» (1926 г., 2 лл.); «Собор в Верее» (1929 г., 1 л.), «О церкви Георгия в Лучниках» (1932 г., 2 лл.) и др.²⁹, посвящих подчас характер маленьких исследований.

Среди небольшой группы отзывов Александровского обращает на себя внимание подробная рецензия (17 лл.) на статью М. Н. Тихомирова

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 38, ед. хр. 35; ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 11.

²¹ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 18, лл. 5—6. Изложение доклада А. В. Чайнова см. в протоколе 100 заседания «Старой Москвы» от 29 мая 1921 г. (ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 1, ед. хр. 8, лл. 15 об.— 16 об.).

²² ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 7.

²³ Там же, ед. хр. 15.

²⁴ Сборник, подготовленный к печати, см.: МИРМ, ф. 8169, папка № 5, ед. хр. 35, 350 лл.

²⁵ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 14, 13; МИРМ, ф. 8169, папка № 3, ед. хр. 24.

²⁶ Там же, ед. хр. 10, 107 лл.

²⁷ Там же, ед. хр. 7, 12.

²⁸ Там же, ед. хр. 17.

²⁹ Там же, ед. хр. 7, 12.

«Из истории города Москвы» («История в школе», 1936, № 3, 4), которой Александровский дал очень высокую оценку³⁰.

Довольно значительная по объему переписка дает представление о его личных и научных связях. Среди корреспондентов: О. Н. Бадер, Н. Б. Бакланов, Н. П. Виноградов, Е. А. Звягинцев, Б. С. Пушкин, Н. А. Скворцов, П. В. Сытин и др. Имеются также письма академиков В. М. Истрина (51 письмо), А. А. Шахматова (2 письма)³¹, Х. М. Лопарева (3 письма), П. К. Симони (1 письмо).

Из материалов других лиц, сохранившихся в фонде Александровского, кроме рассмотренных выше рукописей Скворцова, обращают на себя внимание машинописные экземпляры докладов, прочитанных в «Старой Москве» в 1921—1923 гг. С. Ф. Германовым — «Московская Мещанская слобода и церковь святых мучеников Адриана и Натальи» (156 лл.), Н. С. Померанцевым — «Московский Царь-колокол» (21 лл.), В. В. Шереметевским — «Исторический элемент в Московской храмовой номенклатуре» (90 лл.)³².

Таков в общих чертах состав творческих материалов по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н. А. Скворцова и М. И. Александровского.

³⁰ ОПИ ГИМ, ф. 465, ед. хр. 18.

³¹ Там же, ед. хр. 105, лл. 59—62.

³² Там же, ед. хр. 112, 113, 130; Автографы В. В. Шереметевского см.: ГБЛ, ф. 177, карт. № 52, ед. хр. 11, 54 лл.; ед. хр. 12, 8 лл.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Н. А. СКВОРЦОВА *

Московский Кремль. Уничтоженные монастыри, соборы, церкви и подворья в Кремле.— «Русский архив», 1893, кн. 2, № 8, стр. 433—448; кн. 3, № 9, стр. 5—35.

Уничтоженные в московском Китай-городе церкви. М., 1895, 44 стр.

Храм Рождества Христова в Кудрине. Описание, составленное священником Георгиевской на Красной горке церкви Н. Скворцовым. М., 1898, 116 стр.

Уничтоженный Троицкий в Березниках монастырь. Об иконе святого Иоанна Златоуста в церкви Покрова в Кудрине. М., 1901, 8 стр.

Уничтоженные в Московском уезде церкви. М., 1902, 100 стр.

Церковь во имя святителя Николая Чудотворца в Голутвине, Замоскворецкого сорока в Москве. Историко-статистическое описание храма, составленное священником Н. А. Скворцовым. М., 1903, 131 стр.

Княже-куракинская Николаевская церковь в Москве, у Красных ворот, при странноприимном доме князей Куракиных. М., 1904, 91 стр.

Церковь во имя нерукотворного образа Спасителя на Божедомке, более известная по приделу св. великомученицы Параскевы Пятницы.— В кн.: «Московская церковная старина», т. I, М., 1904, статья V, 5 стр. Отд. изд. [Б. м., б. г.], 5 стр. («Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии»).

Церковь св. великомученика Георгия на Красной горке.— Там же, статья XV, 15 стр.

Церковь св. Иоанна Предтечи в Старой конюшенной.— Там же, статья XVII, 7 стр. Отд. изд. М., 1904, 7 стр.

Костромские церковные древности (в связи с IV областным историко-археологическим съездом в Костроме в 1909 г.).— «Чтения ОЛДПР», 1910, кн. 1, стр. 47—58. Отд. изд. М., 1910, 14 стр.

Материалы для истории русской церкви. Московские пожары 1629 и 1688 гг.— «Чтения ОЛДПР», 1911, кн. 9, стр. 607—615. Отд. изд. М., 1911, 11 стр.

Материалы для истории церквей Московской епархии в эпоху Отечественной войны 1812 г., вып. 1. Церкви Москвы, Китай-городского и Ивановского сороков. М., 1911, 36 стр.

Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. Архив Московской святейшего синода конторы, вып. 1—2.— «Чтения ОИДР», 1911, кн. 4, отд. II, VIII+264 стр.; 1914, кн. 4, 811 стр. Отд. изд., вып. 1. М., 1911, VIII+266 стр.; вып. 2. М., 1914, VIII+811 стр.

Можайский уезд Московской губернии (существующие и уничтоженные сель-

* Список работ Н. А. Скворцова и М. И. Александровского составлены по материалам их фондов. В них не включены заметки, помещенные в «Московских церковных ведомостях» в 1896—1898 гг., «Московских ведомостях» в 1912—1914 гг. Названия работ проверены de visu; расположены в хронологическом порядке, а внутри одного года — по алфавиту названий.

ские церкви).—В кн.: «Московская церковная старина», т. IV. М., 1911, статья V, 45 стр. Отд. изд. М., 1907, 45 стр. («Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии»).

О состоянии церквей и причтов Пречистенского сорока Москвы после неприятельского нашествия в 1812 г. (ведомость без номера в архиве Московской духовной консистории).— «Чтения ОЛДПР», 1911, кн. 4, стр. 304—310.

Храм Знамения пресвятой богородицы за Петровскими воротами в Никитском сороке города Москвы (историко-археологический очерк). М., 1911, 34 стр.

Рец. на кн.: «Росписной список города Москвы 1638 г.» Под ред. И. С. Беляева («Труды Московского отдела имп. Русского военно-исторического общества», т. 1. М., 1911).— «Чтения ОЛДПР», 1911, кн. 5—6, стр. 390—395.

Археология и топография Москвы. Курс лекций, читанных в имп. Московском археологическом институте в 1912—1913 г. М., 1913, II+493 стр.

Московская Тихвинская, что в Малых Лужниках, за Новодевичьим монастырем церковь. Историческое описание, составленное священником Н. А. Скворцовым. [Б. м., б. г.], 109 стр.

СПИСОК

ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ М. И. АЛЕКСАНДРОВСКОГО

Подгот. к печ.: «Толковая папая по списку 1406 г., сделанному в Коломне и хранящемуся в Троице-Сергиевой лавре под № 38». [М.], 1890, I+208 стр.

Краткий указатель московских церквей. М., 1914, 33 стр.

Дополнение к «Краткому указателю московских церквей (домовые церкви, не отличающиеся особенной архитектурой)». [М.], 1914, 8 стр.

Краткий указатель кремлевских церквей. М., 1915, 32 стр.

Указатель московских церквей. М., 1915, 75 стр.

Указатель кремлевских церквей. М., 1916, 32 стр.

Указатель древних церквей в местности Ивановского сорока. М., 1917, 36 стр.

Происхождение новых названий московских улиц.— «Коммунальное хозяйство», 1922, № 8—9, стр. 24—36 (совместно с П. В. Сытиным).

Государственный исторический музей.— «Москва в древних изображениях. Каталог выставки». М., 1926, 25 стр. (совместно с В. А. Дударевой, В. М. Лобановым, П. Н. Миллером).

К истории шатровых храмов XVII в.— «Сборник Общества изучения русской усадьбы», 1927, № 8—9, стр. 39.

Подгот. к печ.: «Памятники усадебного искусства», вып. 1. Московский уезд. М., 1928, 106 стр. («Труды Картографической комиссии Общества изучения русской усадьбы»).

Л. А. Котлярская, А. Г. Маньков, Х. Д. Сорина

ОБЗОР АРХИВА А. Н. ВЕРШИНСКОГО

Видный историк-краевед Анатолий Николаевич Вершинский (1888—1944 гг.) родился в селе Игуменка, Городненской волости, Тверского уезда Тверской губернии.

В 1911 г. А. Н. Вершинский окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, прослушав одновременно курс Археологического института. Он был оставлен в Университете для научной подготовки под руководством проф. И. А. Шляпкина и одновременно преподавал историю в одной из петербургских гимназий.

Научную деятельность А. Н. Вершинский начал с изучения древних памятников на территории Старицкого уезда и в качестве редактора журнала «Тверская старина» (1911—1913 гг.), где им был опубликован целый ряд статей, рецензий и документов по истории Тверского края¹. С 1922 г. и до конца жизни А. Н. Вершинский работал в Тверском (с 1931 г.— Калининском) педагогическом институте, где в течение 10 лет (1922—1932 гг.) заведовал словесно-историческим отделением института, а затем до конца жизни, по 1944 г., являлся заведующим кафедрой истории СССР. В 1927 г. А. Н. Вершинский был утвержден доцентом, а в 1934 г. ему было присвоено звание профессора².

Взгляды А. Н. Вершинского, как и многих представителей старшего поколения советских историков той поры, прошедших до революции буржуазную школу, в процессе становления марксистской исторической науки в 20—30-е годы эволюционировали в направлении марксистского понимания истории. Это сказалось прежде всего в его научной деятельности в области краеведения. Если до 20-х годов, особенно в досоветский период, А. Н. Вершинского интересовали памятники старины Тверского края, главным образом, церковной старины, то начиная с 20-х годов изучение им прошлого Тверской земли приобретает широкий диапазон, охватывающий не только вопросы культуры, но и вопросы социально-экономической истории края.

А. Н. Вершинский возглавлял и лично проводил в Тверском (а затем Калининском) пединституте большую работу по краеведению. Краеведение в его представлении связано не только с прошлым, но и в не меньшей мере — с настоящим, с задачами текущего времени, связано с подготовкой учителей, прежде всего, историков, а также с запросами губернских (поз-

¹ См. «Список опубликованных работ А. Н. Вершинского» — стр. 306—308 (далее — Список).

² О деятельности А. Н. Вершинского за время работы в Калининском пед. институте см.: П. П. Полянский, В. У. Сланевский. Калининский государственный педагогический институт имени М. И. Калинина (исторический очерк). Калинин, 1958, стр. 40, 42, 55, 57, 60—65, 77, 86, 92, 94; Н. Радциг. О работе исторического факультета Калининского государственного педагогического института. — «Исторический журнал», 1945, № 4, стр. 110—111; «А. Н. Вершинский». Некролог. — «Пролетарская правда» (Калинин), 5 августа 1944 г.

же областных) организаций и учреждений. Так исследование местной истории в социально-экономическом плане приобретает большое практическое значение для социалистического строительства того времени. Именно это и определило размах и направление большой общественной деятельности А. Н. Вершинского. В течение ряда лет он был членом президиума Ассоциации по изучению производительных сил Тверской губернии, членом городской плановой комиссии, избирался депутатом Центрального районного Совета г. Калинина, был членом методического бюро губернского Отдела народного образования, входил в состав редколлегии краеведческого журнала «Тверской край»³, был членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения⁴, председателем бюро Секции научных работников г. Калинина.

Важной формой изучения местного края было проведение под руководством А. Н. Вершинского ряда экспедиций с участием студентов и преподавателей. Тематика экспедиций определялась задачами педагогического образования и заданиями губернских (позже областных) организаций и учреждений. Наиболее видными экспедициями были: историко-этнографическая экспедиция 1922 г. в Новоторжский уезд; экспедиция для изучения культуры и быта в Берновской волости (бывшая вотчина Вульффов) и археологическая экспедиция в Старицу в 1923 г. под руководством А. Н. Вершинского и проф. А. М. Соколова. Большое значение имела экспедиция 1925—1926 гг. по изучению местных промыслов и быта населения Верхней Мологи. В Верхневолжской комплексной экспедиции 1925—1927 гг., проведенной согласно предложениям Тверской губернской плановой комиссии, А. Н. Вершинский возглавлял исследование экономики края. Ряд экспедиций был осуществлен в районы Тверской губернии, населенные карелами⁵. В 1937—1938 гг. А. Н. Вершинский возглавлял исторический раздел комплексной экспедиции Московского университета по изучению Калининской области. Большие материалы, имеющие общеоисторическое значение, дали руководимые А. Н. Вершинским археологические раскопки на территории Тверского кремля, на реках Медведица, Тверца и Тьма.

При Калининском педагогическом институте А. Н. Вершинским был организован кабинет краеведения, в работе которого принимали участие крупные научные силы и учителя средних школ. Поскольку история Тверского края была разработана недостаточно, краеведческие работы А. Н. Вершинского имели оригинальный характер и основывались на неиспользованных в литературе материалах. Вместе с тем изучение истории Тверского края А. Н. Вершинский умело сочетал с разработкой общих вопросов истории СССР. Зная лично и поддерживавший с ним научные контакты Б. Д. Греков писал, что А. Н. Вершинский, «оставаясь специалистом по истории Тверского края... на тверском материале делает опыты разработки общих проблем исторической науки»⁶. В начале 1942 г., вернувшись в Калинин вскоре после освобождения города Советской Армией, А. Н. Вершинский возглавил в институте большую исследовательскую работу по собиранию и обработке материалов Великой Отечественной войны, в частности, военных операций Калининского фронта, о зверствах немецко-фашистских оккупантов на территории Калинина и области.

Результаты большой исследовательской, экспедиционной, организаторской и пропагандистской деятельности проф. А. Н. Вершинского частично

³ П. П. Полянский, В. У. Сланевский. Указ. соч., стр. 64.

⁴ Государственный архив Калининской области (далее — ГАКО), ф. 2691, д. 8, л. 2. Сообщение этого бюро об избрании Вершинского в феврале 1926 г. членом-корреспондентом бюро подписано Н. Я. Марром.

⁵ Итоги этих экспедиций отражены в ряде печатных работ А. Н. Вершинского (см. Список).

⁶ П. П. Полянский, В. У. Сланевский. Указ. соч., стр. 62.

получили отражение в его опубликованных трудах (см. Список) и в архиве историка⁷.

Имея ограниченные возможности публикации в условиях областного центра, А. Н. Вершинский значительную часть собранных и литературно обработанных материалов оставлял в более пространной редакции у себя. Это увеличивает значение архива А. Н. Вершинского. Другая его особенность связана с тем обстоятельством, что ученый разрабатывал историю своего края в тесной связи с общей историей страны.

Документальные материалы А. Н. Вершинского были переданы его сыном Ю. А. Вершинским в Государственный архив Калининской области в 1960 г.⁸ В ГАКО создан личный фонд А. Н. Вершинского. В процессе обработки и описания фонда в архиве материалы были разбиты на шесть тематических групп по номиналу, характерному для личных фондов: 1) биографические материалы; 2) материалы преподавательской и общественной деятельности; 3) материалы краеведческих экспедиций и экскурсий; 4) научные труды, статьи и материалы к ним; 5) материалы Калининского фронта Великой Отечественной войны, собранные А. Н. Вершинским; 6) разное.

Опись фонда включает номер, краткое обозначение содержания единиц хранения и времени, к которому они относятся. Листы пронумерованы лишь в делах первой группы.

Данный обзор фонда А. Н. Вершинского строится применительно к разбивке его на тематические группы в архиве, но в порядке важности этих групп.

Центральное место в фонде занимают рукописи как изданных, так и неопубликованных монографий, статей и материалов к ним (четвертая группа, 124 единицы хранения). Именно этот раздел фонда дает представление о лаборатории ученого, о его творческом пути. Для характеристики творческого наследия А. Н. Вершинского целесообразно выделить хронологически два периода: до 20-х годов и затем 20-е годы — начало 40-х годов. В первом периоде большую группу составляют рукописи опубликованных и неопубликованных статей, заметок, в том числе кандидатское сочинение 1911 г. по истории Микулино-Городищенского княжества. В связи с его написанием были собраны документы о памятниках материальной культуры Микулинского городища, в частности о Микулинском соборе XVII в., список селений Микулинского уезда по писцовым книгам XVI в. Сохранились рукопись неопубликованной статьи о князе Владимире Андреевиче Старице, различные заметки, выписки, списки литературы по тверским древностям.

Во втором периоде преобладающий комплекс материалов относится к истории Тверской губернии (позднее Калининской области) с феодальных времен до советского периода включительно в различных ее аспектах — социально-экономическом, культурном: доклад «Роль Академии наук в изучении Тверского края», подготовленный в связи с ее 200-летним юбилеем в 1924 г.; статья «От феодальной Твери к социалистическому Калинин», рукопись «Очерки истории Калининской области» (1937 г.); лекции, заметки по истории Твери — Калинина, о знаменитых людях, уроженцах Калининской области; рукопись неопубликованного исторического очерка Калинина до середины XIX в. с отзывом проф. А. В. Шестакова (машинописный экземпляр) и фрагменты статей по истории Твери. Сохранились обширные материалы — выписки, наброски, планы, фотографии, отдельные очерки по истории городов Калининской области, вошедшие в сокращенном виде в книгу «Города Калининской области» (1939 г.). История областного

⁷ Отчеты экспедиций по изучению экономики края были в свое время переданы в губернские хозяйственные органы, а археологические материалы — в областной музей. Небольшая часть рукописей еще находится у дочери историка А. А. Вершинской в Ленинграде.

⁸ ГАКО, ф. 2691, д. 1—320.

центра, Калинина, в книгу не вошла, так как предполагалось издать отдельную монографию, и сохранилась лишь в рукописи 1937 г.

К 30-м годам относится ценное исследование А. Н. Вершинского по истории верхневолжских карел. На территории бывшей Тверской губернии проживало довольно много карел. По данным переписи 1926 г., они составляли 6,3% населения, а в отдельных волостях даже преобладали. Изучение истории карел имело поэтому актуальное значение для социалистического строительства и осуществления национальной политики Советского государства.

В фонде имеется рукопись изданной работы: «Очерки истории верхневолжских карел в XVI—XIX вв.» (1935 г.) и материалы к ней; неопубликованные работы на эту тему, включающие более подробное изложение истории верхневолжских карел по периодам: «Карелы в XVI—XVII вв.», «Верхневолжские карелы в первой половине XIX в.»; «Верхневьчугские карелы во второй половине XIX в.»; «Тверские карелы в эпоху промышленного капитализма». Материалы экспедиции (дневник, отчет и записи историко-экономического отряда) по изучению карел Лихославльского и Толмачевского районов, работы студентов на ту же тему; статистические таблицы о количестве детей и школ в карельских селениях Калининской области; записи песен, поверий, вырезки из газет о состоянии образования у карел. Материалы к работе «Библиография карел Московской области» (1931 г.), неизданная карта тверской Карелии середины XIX в., составленная А. Н. Вершинским.

В четвертой группе 13 единиц хранения представляют копии документов из истории промышленности, в частности текстильной, крупным центром которой была Тверь; копии отчетов морозовской мануфактуры за 50—60-е годы XIX в. и Товарищества тверской мануфактуры (1875—1892 гг.); подготовленное к печати завещание Саввы Морозова 1849 г. (вступительная статья и комментарии к нему Вершинского); «Состав рабочих прядильной фабрики Воржановской мануфактуры (1913—1918 гг.)»; «Каменская писчебумажная фабрика прежде и теперь»; таблица «Промышленность Центрально-промышленной области (1900—1920 гг.)».

Внимание А. Н. Вершинского привлекали и вопросы развития капитализма в сельском хозяйстве Тверской губернии. В фонде сохранились материалы к работе «Салтыковская вотчина в XIX в.» (1929 г.) и более полный по сравнению с изданным текст этой работы; рукопись неопубликованной работы «Развитие капитализма в промышленности и сельском хозяйстве Тверской и Псковской губерниях во 2-й половине XIX в.»

В четвертой группе архивных материалов имеются рукописи неопубликованных статей: «К истории классического образования в Тверской губернии в конце XVIII в.», воспоминания А. Н. Вершинского об историке И. А. Шляпкине (умер в 1918 г.); «К вопросу о происхождении рода Суворовых» (33 стр.); «Из неизданных материалов о М. Е. Салтыкове» и «Пушкинские уголки в Тверской губернии в 1923 г.».

Раздел фонда А. Н. Вершинского, в котором сосредоточены материалы Калининского фронта Великой Отечественной войны (пятая группа по описи ГАКО, 29 единиц хранения) имеет не только местное значение, но связан с историей страны в целом.

А. Н. Вершинский входил в состав комиссии по расследованию злодеяний фашистов в Калининской области и лично провел большую работу по собиранию материалов о них. Сохранилась рукопись статьи А. Н. Вершинского об организации сбора материалов о злодеяниях гитлеровцев. Кроме копий официальных документов — актов о зверствах фашистов на территории Калининской области, вырезок из газет, в фонде имеются записи рассказов очевидцев, живших на оккупированной территории, копии писем с фронта, записи произведений фольклора, различные материалы экспедиций Калининского пединститута в районы области, находившиеся в оккупации; хроника событий Калининского фронта за октябрь — декабрь

1941 г., составленная А. Н. Вершинским; рукописи его статей «Калинин и его район после немецкой оккупации», «К истории битвы за Москву», «К освобождению Великих Лук». Указанные материалы частично использованы в книге А. Н. Вершинского «Бои за Калинин» (1945 г.).

Заметную часть фонда А. Н. Вершинского (37 единиц хранения) составляют материалы краеведческих экспедиций и экскурсий (третья группа). Здесь имеются теоретические обоснования краеведческих проблем, разработки, планы конкретных маршрутов экспедиций и экскурсий (среди них — маршруты экскурсий по пушкинским местам в Старицком, Высокоском и других районах области со сведениями об усадьбе Вульффов в Старицком уезде и заметками о посещении Вульффов А. С. Пушкиным). Сохранились конспекты лекций по краеведению. Эти материалы привлекают внимание краеведов и сейчас. Они свидетельствуют о том, что основная работа по изучению и пропаганде краеведения Тверского края возглавлялась в 20—40-е годы А. Н. Вершинским.

Небольшая группа дел охватывает материалы экспедиций: Верхнемоложской экспедиции 1925 г., материалы по истории хозяйства, этнографии, археологии края (9 единиц хранения); экспедиции по Бежецкому уезду 1926 г. (2 единицы хранения); Лихославльской экспедиции 1930 г. (3 единицы хранения) — дневники, анкеты обследования кустарей, заметки о промыслах, таблицы численности населения, цен, посевов различных культур, записи свадебных обрядов.

Сохранилась часть стенограммы конференции в Калининском конце 30-х годов, посвященной археологическим раскопкам в Калининской области, в частности, текст выступления Н. Н. Воронина по докладам профессоров А. Н. Вершинского и А. С. Башкирова, заключительное слово Вершинского.

Во второй группе материалов преподавательской и общественной деятельности А. Н. Вершинского (53 единицы хранения) собраны программы, конспекты лекций по общему курсу истории СССР, спецкурсов по феодальному периоду и краеведению, черновики и копии планов работ и отчетов кафедры истории СССР за 1940—1941 гг.

В группе биографических материалов (12 единиц хранения) находится переписка Вершинского по научным и педагогическим вопросам с учреждениями, организациями и разными лицами (среди корреспондентов А. Н. Вершинского был ряд историков).

В последней части фонда, обозначенной в описи рубрикой «Разное» (65 единиц хранения) сосредоточены конспекты различных книг и статей, прочитанных А. Н. Вершинским, выписки, наброски статей, статьи в виде вырезок из газет, машинописных копий, оттисков по истории и археологии различных авторов (Н. П. Милонова, А. А. Спицына, С. А. Дилевского, К. Грота и др.). Сюда же включены составленные Вершинским библиографические справки по истории Тверского края; карты Тверской губернии и ее отдельных частей, являющиеся сейчас большой библиографической редкостью.

В группу рукописей А. Н. Вершинского, хранящихся у его дочери А. А. Вершинской, входят неопубликованные работы, обобщающие результаты археологических экспедиций: статья «Памятники дьяконовской и славянской культуры на устье реки Тьмы» (машинописный экземпляр, 42 стр.), написанная на материалах прошлых раскопок и раскопок 1939 г., произведенных сотрудниками кафедры истории СССР Калининского пединститута; статья «К истории феодальных отношений в Верхнем Поволжье в X—XII вв. (по данным археологических раскопок 1938 г. на р. Медведице)» (машинописный экземпляр, 42 стр.) с приложением трех снимков раскопа и карты селищ и курганов нижнего течения Тверцы. Статья Вершинского и Милонова «К истории Северо-Восточной Руси в IX—XII вв. (памятники ранне-феодальной эпохи на р. Медведице)» (1938 г., машинописный экземпляр, 66 стр.). Статья сочетает обзор археологических исследований и памятников материальной культуры с очерком экономиче-

ских и социальных отношений у населения р. Медведицы в X—XIII вв.; доклад (неизвестно когда и где прочитанный) «Кривичи и вопрос о генезисе Великорусской народности» и материалы к нему (машинописный экземпляр, 19 стр.). Монография — «Культура великого княжества Тверского XIV—XV вв.» (рукопись на 123 стр.). Статьи: «К вопросу о Казанском летописце, как историческом источнике» (машинописный экземпляр, 16 стр.); «Украинское движение 1860 г. и Н. И. Костомаров» (машинописный экземпляр, 40 стр.) с приложением переписки Н. М. Костомарова с С. Опатовичем (копии писем); «Вотчина Щедрина-Салтыкова в 50—70-х годах XIX века» (машинописный экземпляр, 25 стр., опубли.); учебное пособие по эпиграфике — «Исторические надписи как источник истории СССР» (рукопись на 125 л.).

Только в рукописи сохранился большой труд без заглавия, посвященный истории Калининской области (территория Верхней Волги, Западной Двины и Ловати) с IX в. по 1917 г. (машинописный экземпляр, 382 стр.). Основные разделы работы: 1) IX—XVIII в.; 2) разложение крепостного хозяйства в первой половине XIX в. (Тверская и юго-восточная часть Псковской губернии); 3) развитие капитализма. 1860—1890 гг.; 4) ремесленно-кустарная промышленность и сельское хозяйство Тверской и Псковской губерний в конце XIX в. (аграрная реформа); 5) торговля в конце XIX — начале XX в.; 6) революция 1905—1907 гг. и Тверская губерния; 7) отражение событий первой мировой войны в Тверской губернии; 8) Февральская буржуазно-демократическая революция в Тверской губернии; 9) Великая Октябрьская социалистическая революция в Тверской губернии.

К этой работе примыкают наброски «Крестьянская реформа 1861 г. в Тверской губернии» и статьи (в рукописи): «Старые промыслы Калининской области» и «Промышленность Тверской губернии, 1860—1870 гг.»; «Краткий исторический очерк о г. Калинин (до 30-х годов XX в.)» — машинописный экземпляр, 24 стр.

Сохранились машинописные тексты лекций Вершинского по Калининскому радио о таких замечательных людях — уроженцах Калининской области, как: Афанасий Никитин, Павел Росовский, М. Я. Тверской, Деомид Корманов, Шигона Поджогин, Л. Ф. Магницкий, И. И. Болотников, А. Т. Хлопуша (Соколов), А. И. Крылов, В. А. Озеров, Н. А. Львов, академик П. А. Плетнев, проф. П. Н. Суворов, И. Е. Забелин и др. Сохранилась также рукопись опубликованной статьи «Проблемы изучения замечательных людей области» (машинописный экземпляр, 13 стр.).

Охарактеризованные в статье материалы архива А. Н. Вершинского дают представление не только о деятельности видного историка 20—40-х годов, но и о развитии исторической науки и исторического образования на местах — в условиях областных центров и педагогических институтов нашей страны. Немалая часть научного наследия А. Н. Вершинского осталась неопубликованной. Из числа таких работ укажем монографии по истории культуры Тверского княжества XIV—XV вв., по истории г. Калинина и Калининской области, пособие по эпиграфике — «Исторические надписи как источник истории СССР», ряд статей, основанных на материалах археологических раскопок на территории Тверского кремля и прилегающих районов. Эти материалы далеко не в полном объеме известны исторической науке. Издание избранных трудов А. Н. Вершинского представляется полезным и важным для науки делом.

**СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
А. Н. ВЕРШИНСКОГО¹**

1911

- К истории внутренней торговли Московского государства. Торговля в Тверском уезде в конце XVI в.— «Тверская старина», 1911, № 7, стр. 24—29; № 8, стр. 23—33; отд. изд. Старица, 1912, 17 стр.
- К истории путей сообщения Киевской Руси с северо-востоком (с картой).— «Тверская старина», 1911, № 6, стр. 16—19; отд. изд. Старица, 1912, 4 стр.
- К 50-летию юбилею со дня освобождения крестьян.— «Тверская старина», 1911, № 2, стр. 3—9; № 3, стр. 3—10.
- Надпись XVII века на стене Вознесенской церкви в г. Старице.— «Тверская старина», 1911, № 5, стр. 3—6; отд. изд. Старица, 1911, 6 стр. с 1 илл.
- Находки древних монет в верхнем Поволжье в связи с историей древнерусской торговли.— «Тверская старина», 1911, № 9, стр. 12—20 (с картой); № 10—11, стр. 15—19.
- Пора ли писать историю Тверского крестьянства?— «Тверская старина», 1911, № 2, стр. 11—14.
- Раскопки курганов близ с. Микулина — Городища.— «Тверская старина», 1911, № 1, стр. 7—15.
- Тверской музей. Иконы Симона Ушакова. Иконы Новгородских святых и медные кресты с изображением св. Никиты, казнящего беса. Змеевики (описание коллекции Тверского музея).— «Тверская старина», 1911, № 1, стр. 37—40; № 3, стр. 27—30; № 5, стр. 45—47.
- Рец. на кн.: М. Малевич. Мои воспоминания (б. м., б. г.).— «Тверская старина», № 10—11, стр. 25—26.
- Рец. на кн.: А. А. Спицын. Археологические раскопки. СПб., 1910.— «Тверская старина», 1911, № 3, стр. 35—37.
- Подгот. к печ. История о первом патриархе Иове Московском и всея России.— «Тверская старина», 1911, № 4, стр. 26—35; № 5, стр. 16—23; № 6, стр. 35—40; предисл. и вступ. статья.— «Тверская старина», 1911, № 3, стр. 47, 48—56; отд. изд. Старица, 1911, 32 стр.
- Подгот. к печ. и ред. Микулинская летопись (1354—1678 г.).— «Тверская ста-

рина», 1911, № 2, стр. 51—53; предисл.— там же, стр. 46—50; № 3, стр. 38—46; № 4, стр. 36—45; № 5, стр. 41—44; № 6, стр. 41—48; № 7, стр. 34—41; № 8, стр. 48—52; № 9, стр. 25—29; № 10—11, стр. 27—34; № 12, стр. 23—30; 1912, № 1, стр. 63—68; отд. изд. Старица, 1912, 75 стр.

Подгот. к печ. Тверские писцовые книги XVI в. Первая писцовая книга (1539—1540 г.).— «Тверская старина», 1911, № 7, стр. 1—6; предисл.— там же, стр. III—VI; № 8, стр. 7—12; № 9, стр. 13—16; № 10—11, стр. 41—49; № 12, стр. 31—37; 1912, № 1, стр. 38—44; № 2, стр. 45—50; № 3, стр. 73—78; № 4, стр. 57—62; № 5, стр. 63—68; № 6, стр. 67—74; 1913, № 1, стр. 75—78; № 2, стр. 81—84; № 3—4, стр. 85—88; № 5—6, стр. 89—92.

Ред. «Тверская старина», 1911—1913 гг.

1912

- Известия о Тверском крае из путешествия в Россию и Москву герцога Ганса Младшего Датского в начале XVII в.— «Тверская старина», 1912, № 4, стр. 8—10.
- К вопросу о времени основания Твери.— «Тверская старина», 1912, № 5, стр. 6—8.
- Князь Д. И. Микулинский.— «Тверская старина», 1912, № 6, стр. 6—10.
- Крест на холме «Божий дом» в с. Дягунине Зубцовского уезда.— «Тверская старина», 1912, № 3, стр. 17—18.
- Курган близ д. Высокое Старицкого уезда.— «Тверская старина», 1912 г., № 3, стр. 19—21.
- Курганные древности. Курганы близ д. Симоново Старицкого уезда.— «Тверская старина», 1912, № 2, стр. 34—36.
- Материалы по истории архитектуры Тверской губернии.— «Тверская старина», 1913, № 1, стр. 14—19; № 3—4, стр. 26—42.
- Материалы по курганным древностям Тверской губернии.— «Тверская старина», 1912, № 4, стр. 12—13.
- Народные обычаи, поверья и гадания.— «Тверская старина», 1912, № 3, стр. 35—36.
- Необходимость изучения местной старины.— «Тверская старина», 1912, № 1, стр. 5—8.
- 1812 год в Тверской губернии по запискам и воспоминаниям современников.— «Тверская старина», 1912, № 3, стр. 3—9; № 4, стр. 3—5; отд. изд. Старица, 1912, 9 стр.
- Рец. на кн.: В. О. Ключевский. Опыты и исследования. М., 1912.— «Тверская старина», 1912, № 4, стр. 43.
- Рец. на кн.: В. И. Колосов. Краткое описание Тверского музея. Тверь, 1911.— «Тверская старина», 1912, № 1, стр. 40—42.
- Подгот. к печ. Опись Старицкого Успенского монастыря 1741 г.— «Тверская

старина», 1912, № 2, стр. 60—71; № 3, стр. 57—72; № 4, стр. 53—65.

Подгот. к печ. 1812 год в Тверской губернии. Материалы по истории Отечественной войны.— «Тверская старина», 1912, № 3, стр. 24—34; предисл.— там же, стр. 22—23; № 4, стр. 21—31; отд. изд. Старица, 1912, 24 стр.

Некролог. Николай Петрович Смирнов.— «Тверская старина», 1912, № 5, стр. 35.

1913

Материалы по истории древнерусских одежд (старинные наряды и головные уборы Тверской губернии).— «Тверская старина», 1913, № 1, стр. 20—24; отд. изд. Старица, 1913, 5 стр. с илл.

Памятники древнерусских крепостных сооружений в Тверской губернии. Микулинский детинец.— «Тверская старина», 1913, № 3—4, стр. 43—46 (с илл. в плане); отд. изд. Старица, 1914, 4 стр.

Рец. на кн.: В. И. Колосов. Краткое описание Тверского музея [окончание].— «Тверская старина», 1913, № 3—4, стр. 82—83.

Рец. на кн.: А. И. Соболевский. Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912.— «Тверская старина», 1913, № 5—6, стр. 81—83.

Подгот. к печ. Договоры тверских князей с Великим Новгородом.— «Тверская старина», 1913, № 1. Предисловие — стр. 1. Текст — стр. 2—8. Приложение; № 2, Приложение, стр. 9—16; № 3—4, Приложение, стр. 17—23; № 5—6, Приложение, стр. 25—36.

1914

Микулинский собор как памятник древнерусского зодчества. Историко-архитектурный очерк. Тверь, 1914, 33 стр. с илл. и картой.

1915

Немцы в русской промышленности в первой половине XVIII в. М., 1915, 37 стр.

1923

Тверской край. Указатель книг по истории, этнографии и экономической географии, ч. 1—2. Тверь, 1923—1924, 15+54 стр.

1925

Верхнемоложский край.— «Тверской край», 1925, № 1, стр. 32—39; № 2, стр. 48—55 (раздел VI — стр. 55—60 написан Ю. М. Соколовым); отд. изд. Тверь, 1925, 20 стр. с илл.

Работа Тверского педагогического института в области изучения производительных сил Тверского края (1919—1924 гг.).— «Материалы Общества изучения Тверского края», вып. 3. Тверь, 1925, стр. 16—17.

Экономика губернии в освещении журнальной литературы.— «Тверской край», 1925, № 3, стр. 104—107.

Ред. (совместно с И. А. Виноградовым, К. И. Никольским, В. Д. Серовым). «Ма-

териалы Общества изучения Тверского края», вып. 3. Тверь, 1925, 34 стр.; статья «Следы неолита в бассейне р. Шоши».— Там же, стр. 25—27.

Рец. на кн.: «Труды Госплана», кн. V. Производительные силы Центрально-промышленной области. М., 1925.— «Тверской край», 1925, № 1, стр. 79—81.

1926

Верхнемоложская экспедиция 1925 г.— «Известия Тверского педагогического института», вып. I. Тверь, 1926, стр. 13—17.

2-я Верхнемоложская экспедиция.— «Известия Тверского педагогического института», вып. II. Тверь, 1926, стр. 97—103.

Итоги изучения хозяйства Тверской губернии и перспективы его исследования [Доклад на 1-ой губернской конференции по изучению естественных и производительных сил Тверской губернии 5—9 марта 1926 г.]. Тверь, [1926], 15 стр. Резолюция по докладу.— «Тверской край», 1926, № 4, стр. 59—60.

Книги, выпущенные к перевыборной кампании в Тверской губернии.— «Тверской край», 1926, № 5, стр. 79—81.

Тверская текстильная промышленность в ее прошлом.— «Известия Тверского педагогического института», вып. II. Тверь, 1926, стр. 50—69; отд. изд. Тверь, 1926, 19 стр.

Рец. на кн.: А. Большаков. Советская деревня (1917—1925 гг.). Л., 1925.— «Тверской край», 1926, № 3, стр. 73—76.

Рец. на кн.: П. В. Оль. Иностранцы капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Ленинград, 1925.— «Тверской край», 1926, № 1, стр. 68—69.

Рец. на кн.: «Экономическая география СССР». Под ред. М. Б. Вольфа и Г. А. Мебуса. М., 1926.— «Тверской край», 1926, № 9, стр. 63.

1927

Ред. (совместно с А. Ильинским). Верхнемоложская экспедиция 1925—1926 гг.— «Известия Тверского педагогического института», вып. I. Приложение ко II и III вып. Тверь, 1927, 177 стр.; статья «Промыслы Примоложья» — там же, стр. 59—109; отд. изд. Тверь, 1927, 51 стр.

1928

К вопросу об очередных задачах в области культурной революции.— «Тверской край», 1928, № 9, стр. 67—75.

Роль научных экспедиций в деле культурного строительства.— «Тверской край», 1928, № 7—8, стр. 91—94.

Ред. «Дальние экскурсии по Тверской губернии». Тверь, 1928, 101 стр. с илл., ди-агр. и карт.; статьи: «Дальние экскурсии по Тверской губернии»; «Экспедиция от Селижарова до Ржева»; «Экспедиция от Ржева до Старицы»; «Экспедиция от Старицы до Твери»; «Экспедиция от Твери до Кимр» (совместно с А. Ильинским); «Экспедиция по р. Мологе» (совместно с Л. Никоновым) — там же, стр. 5—12, 21—69, 83—96.

Ред. (совместно с Д. С. Базановым, В. М. Брадисом, Н. Д. Никольским и П. И. Лерхом). «Известия Тверского педагогического института», вып. IV. Тверь, 1928, 154 стр.; статьи: «К истории волнений среди экономических крестьян в XVIII и начале XIX в.»; «Работа Верхнемоложской экспедиции в 1927 г.» — там же, стр. 78—86, 145—148.

Ред. «Краеведческий атлас Тверской губернии». Тверь, 1928. Карты — 4 л., объяснительный текст — 20 стр., предисл. — там же, стр. 2; статьи: «Территория и население»; «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные районы Тверской губернии»; «Крупная и средняя промышленность»; «Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность» — там же, стр. 3—4, 7—10, 10—12, 13—20.

Ред. (совместно с К. И. Никольским). «Материалы Общества изучения Тверского края», вып. 6. Тверь, 1928, 88 стр.; статья «Народное образование в Тверской губернии в XVIII в.» — там же, стр. 47—61.

1929

Население Тверского края. — «Тверской край», 1929, № 6, стр. 38—61 (совместно с Д. Золотаревым); отд. изд. Тверь, 1929, 24 стр. с этнограф. картой, составл. С. Д. Сеницыным.

Научные учреждения и организация Тверского округа, перспективы их развития. — «Тверской край», 1929, № 7—8, стр. 155—163.

Салтыковская вотчина в XIX в. (этюды по истории крепостного хозяйства). — «Известия Тверского педагогического института», вып. V. Тверь, 1929, стр. 3—37.

Характеристика районов Тверского округа. — «Тверской край», 1929, № 7—8, стр. 164—177.

1930

«Хлопчатобумажная промышленность России и английские кризисы 60-х гг.

XIX в.» По переписке Морозовых. Тверь, 1930, 27 стр.

1931

«Библиография карел Московской области». М., 1931, 31 стр.

Совместно с В. А. Галкиным, Н. А. Гейнеке и др. «По Московской области. Туристические маршруты». М.—Л., 1931, 192 стр. с илл.

1932

Список карельских поселений. Московская область. Калинин. 1932, 22 стр.

1935

Возникновение феодальной Твери. — «Проблемы истории докапиталистических обществ». М.—Л., 1935, № 9—10, стр. 109—125.

Очерки истории верхневолжских карел XVI—XIX вв. — «Исторический сборник». М.—Л., 1935, № 4, стр. 73—105.

1936

В вотчине Вульфов в первой половине XIX века. — «В наши дни» (Калинин), 1936, № 2, стр. 74—88.

1939

«Города Калининской области (Исторические очерки)». Калинин, 1939, 122 стр. с илл.

1943

К вопросу об изучении биографий замечательных людей области (из опыта работы кафедры истории СССР Калининского государственного педагогического института). — «Исторический журнал», 1943, № 10, стр. 105—106.

1945

«Бои за город Калинин». Калинин, 1945, 56 стр.

Е. П. Подъяпольская

О СУДЬБЕ ОДНОЙ КНИГИ П. Г. ЛЮБОМИРОВА

В 1935 г. (7 декабря) скончался крупный специалист по истории СССР Павел Григорьевич Любомиров (1885—1935), автор ряда работ по истории, экономике и культуре XVII—XVIII вв. Любомиров умер 50 лет, в расцвете творчества, в счастливой поре отдачи продуманного и выношенного.

Накануне смерти он держал в руках «сигнал» последней вышедшей при его жизни книги неизданных сочинений М. М. Щербатова¹, в издательствах Москвы и Ленинграда находились рукописи его работ, ждавшие печатного станка². В кабинете Любомирова лежали другие законченные рукописи и авторские машинописи книг и статей, в архиве ученого в образцовом порядке хранились готовые материалы для дальнейших задуманных работ, в письменном столе — листок с перечнем многочисленных тем и отметка около каждой: «готова» или «готова, только написать».

Была очевидна необходимость опубликовать литературное наследство ученого.

Немедленно был описан архив Любомирова, выделены подготовленные им к печати труды, составлен список законченных работ, и началось нелегкое дело по продвижению в печать трудов ученого. Горячее активное участие в этом приняли историки С. Н. Чернов, Н. Л. Рубинштейн и академик С. Г. Струмилин. Архив Павла Григорьевича, с его работами, лекциями и материалами по истории религии и сектанства, вызвал глубокий интерес В. Д. Бонч-Бруевича. Ученый совет Государственного исторического музея посвятил памяти П. Г. Любомирова траурное заседание, на котором собравшиеся (исследователи, педагоги, ученики покойного) также настойчиво высказывались за скорейшее опубликование историко-литературного наследства Любомирова.

В ходе работ над архивом П. Г. Любомирова и подготовкой к печати законченных работ образовался крепко спаянный рабочий коллектив: вдова покойного Е. Ф. Любомирова-Березова, Н. Л. Рубинштейн и ученицы Павла Григорьевича — Е. Н. Кушева и Е. П. Подъяпольская. Этот

¹ «Князь М. М. Щербатов. Неизданные сочинения». М., 1935. Издание подготовил и редактировал П. Г. Любомиров; он же написал всгупительную статью «Князь Щербатов и его сочинения».

² Заметка о смерти Любомирова, помещенная в «Известиях», сообщала: «В настоящее время выходит из печати работа покойного, посвященная истории металлургии и металлообработки в XVII—XVIII и в начале XIX вв., а также его работы о А. Н. Радищеве и М. М. Щербатове» («Известия», 9 декабря 1935 г., № 285). Кроме того, судя по записям П. Г. Любомирова и со слов его вдовы Е. Ф. Любомировой, в разных издательствах и учреждениях находились следующие работы: «Лесо-социальное производство в России до начала XIX в.» (ГИМ), «Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности России» (АН СССР), «Труды Вольного экономического общества» (местонахождение неизвестно), «История техники агрикультуры» (Ин-т истории науки и техники). Почти все они были напечатаны, но последняя работа так и осталась неразысканной.

коллектив был обеспечен неизменной дружеской помощью и консультацией со стороны С. Г. Струмилина, В. Д. Бонч-Бруевича и находившегося в Ленинграде С. Н. Чернова. Посмертное издание трудов П. Г. Любомирова шло в течение 1936—1941 гг. успешно, почти бесперебойно. За это время в Издательстве Академии наук СССР и Соцэктизе появились две книги³, шесть статей: три из них входили в книгу о Нижегородском ополчении, как приложение⁴, две о Радищеве⁵ и статья «Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России»⁶. Кроме того, был сдан в печать сборник «Статьи по истории России XVII—XVIII вв.», включавший 17 названий. Всего было издано за эти годы 81 п. л.

Трагический 1941 год — начало Великой Отечественной войны, с ее суровыми испытаниями, неисчислимыми человеческими жертвами, гибелью неповторимых культурных ценностей, — коснулся и научного наследия покойного Любомирова. Сборник «Статьи по истории России XVII—XVIII вв.», прошедший все стадии подготовки к изданию и издательской работы, вплоть до волнующей надписи: «По исправлении печатать»⁷, вплоть до погрузки тиража в вагоны, так и не дошел до читателя.

История сборника такова. В начале 1938 г. он был подписан к печати. Однако все московские типографии были перегружены. Выход из положения был найден не скоро, но все же найден: выручили менее заполненные типографии союзных республик, — книга Любомирова была напечатана в Каунасе⁸. Однако весь тираж ее (10 000 экз.), вместе с матрицами, погиб во время разрушительного налета гитлеровской авиации на железнодорожные пути Каунаса. Сборник открывался большой работой «Крепостная Россия в XVII и XVIII вв.», напечатанной в 1934 г. в Энциклопедическом «Словаре» Гранат (т. 36)⁹, которая представляла собой общий очерк истории России, служивший ряд лет необходимым пособием по истории России XVII—XVIII вв. для студенческой молодежи. В статье «Крепостная Россия» ценен опыт экономического районирования России для двух периодов — XVII и XVIII веков. Любомиров очень хотел переработать свой очерк в книгу, но так и не успел этого осуществить. Помимо общего очерка по истории России, сборник содержал группы статей по истории культуры и идеологии (7 статей), по истории экономики России в целом (3 статьи) и Нижнего Поволжья в частности (5 статей). Каждая работа, построенная на свежем архивном материале, дышала новизной и оригинальностью.

Привожу оглавление сборника:

1. Крепостная Россия XVII—XVIII вв. (Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат», 1934, т. 36, вып. III, стб. 471—770)¹⁰.

2. Раскол в русской церкви (там же, т. 35, 1934, стб. 621—650).

3. Князь Щербатов и его сочинения (В книге: «Князь М. М. Щербатов. Незданные сочинения». М., 1935, стр. VI—XXXI).

³ «Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.» М., 1939 (переиздание книги 1917 г.); «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности России (XVII—XVIII и начала XIX века)». Л., 1937.

⁴ Одна — ранее не издававшаяся — «Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг.» и две вышедшие в Саратове: «Изображение Пожарского в новом списке «Хронографа 1617 г.» (Приложение к журналу «Культура», 1922, № 2—3), «Новые материалы для истории Смутного времени («Уч. записки Саратовского Гос. Ун-та», педфак, т. V, вып. 2, 1926).

⁵ «Описание моего владения», «Род Радищевых». — «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М. — Л., 1936, т. 5, стр. 193—209, 291—351.

⁶ «Исторический сборник». М. — Л., 1936, т. 5, стр. 39—76.

⁷ Сохранился титульный лист книги: П. Г. Любомиров. Статьи по истории России XVII и XVIII вв. М., 1938.

⁸ В конце 1939 г. книга была вторично включена в издательский план 1940 г. Титульный лист не сохранился, но, вероятно, остался прежним (т. е. М., 1938), так как книга печаталась в Каунасе по матрицам, присланным из Москвы.

⁹ Текст «Крепостной России» в «Очерках» был дан по рукописи автора без внесенной в «Словаре» Гранат редакционной правки.

¹⁰ Здесь и далее в скобках отмечено, где работа печаталась ранее.

4. Центральная идея «Путешествия из Петербурга в Москву» (Печаталась впервые).
5. Автобиографическая повесть А. Н. Радищева («Звенья». М., 1934, вып. III—IV, стр. 5—20).
6. Мелкие заметки о Радищеве: а) Что читал Радищев; б) Радищев в курсе литературы 1830-х годов (Печаталась впервые).
7. Благонамеренное «Путешествие из Петербурга в Москву» (Глушков и Радищев).— («Ученые записки СГУ», 1927, т. 6, вып. 3, стр. 317—330).
8. Труды Вольного экономического общества (Печаталась впервые).
9. О культуре полбы в России до середины XVIII в. («Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XVIII, вып. 1, 1927—1928. Л., 1928, стр. 67—96).
10. Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности в России в XVII—XVIII вв. (Печаталась впервые).
11. Шелкоткацкая промышленность в России в середине XVIII в. («Ученые записки СГУ», 1929, т. 7, вып. 3, стр. 117—148).
12. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX в. («Наш край», Астрахань, 1926, № 2, стр. 50—60).
13. Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 г. («Наш край». Астрахань, 1927, № 2, стр. 61—77).
14. Заселение Астраханского края в XVIII в. («Наш край». Астрахань, 1926, № 4, стр. 54—77).
15. Нижнее Поволжье полтора столетия назад («Нижнее Поволжье», Саратов, 1924, № 1, стр. 21—31).
16. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX в. («Труды Нижне-Волжского научного общества краеведения», вып. 35, часть 3, Саратов, 1928, стр. 1—79).
17. Список работ П. Г. Любомирова. Сост. Е. П. Подъяпольская.

В заключение прибавлю, что начавшаяся война разметала тот небольшой коллектив, который участвовал в издании посмертных трудов Любомирова: Е. Ф. Любомирова и Н. Л. Рубинштейн оказались в Саратове, Е. Н. Кушева — в Ташкенте, Е. П. Подъяпольская — в Самарканде, С. Н. Чернов в январе 1942 г. погиб в оккупированном фашистами Детском селе (под Ленинградом). После окончания Великой Отечественной войны были опубликованы статья «Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII вв.»—«Исторические записки», т. 16 — и книга «Очерки по истории русской промышленности».

Однако книга, разбомбленная в самом начале войны, так и погибла, причем статьи из нее о Радищеве¹¹ остались неопубликованными. Попытки найти хотя бы один экземпляр в Каунасе не имели успеха. Сохранился только неполный экземпляр сверки 1938 г. Он хранился у меня, после войны я передала его Е. Ф. Любомировой, а после ее смерти он поступил вместе с архивом П. Г. Любомирова в Государственный исторический музей. Личный фонд П. Г. Любомирова заслуживает подробного обзора. Особенно ценны в нем материалы к оставшимся ненаписанными частям задуманного П. Г. Любомировым большого труда по истории русской промышленности¹².

¹¹ В приведенном выше оглавлении книги № 4 и 6.

¹² План этого труда, сохранившийся в бумагах П. Г. Любомирова, опубликован на стр. 267 его посмертного сборника «Очерки по истории русской промышленности» (М., 1947).

Л. В. Бадя

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА А. М. ПАНКРАТОВОЙ О РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.

Академик Анна Михайловна Панкратова (1897—1957) посвятила истории первой русской революции более 40 исследований различного характера. Значительное место событиям 1905—1907 гг. уделялось уже в ее первой монографии «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику» (М., 1923), в 1925 г. она составила и снабдила предисловием первый в советской литературе сборник документов и материалов, посвященный стачечному движению в 1905 г.¹ Ряд статей А. М. Панкратовой появился к юбилею первой русской революции в 1930—1931 гг. В них на основе архивных материалов, прессы, воспоминаний и других источников исследованы как общие проблемы революционного движения накануне и в годы первой русской революции, так и отдельные его события². К 35-летию революции А. М. Панкратова опубликовала книгу, которая явилась в некотором роде обобщением всего, что она писала ранее о первой русской революции³.

В 1955 г., когда отмечался 50-летний юбилей революции 1905 г., А. М. Панкратова по решению Президиума Академии наук СССР была назначена председателем юбилейного комитета, участвовала в разработке «плана научных работ и различных мероприятий по празднованию полувековой годовщины первой русской революции»⁴. Она редактировала такие известные публикации, как большая серия документальных сборников по истории революции 1905—1907 гг., сборники статей о революционном движении в России и в ее национальных районах, о международном значении первой русской революции⁵ и др. По приглашению польских историков она участвовала в издании сборника документов о революции 1905—1907 гг. в Польше, написала предисловие к нему⁶.

Ее перу принадлежит несколько статей о первой народной революции эпохи империализма, о ее влиянии на развитие революционного движения в других странах, о революционных событиях 1905 г. в Москве.

Труды А. М. Панкратовой по истории подготовки и проведения революции 1905 г. в России явились важным вкладом в советскую историогра-

¹ «1905. Стаечное движение». М.—Л., 1925.

² Подробнее см.: Л. В. Бадя. А. М. Панкратова и изучение истории рабочего класса СССР (конец 1920-х — первая половина 1930-х годов). — «Исторические записки», т. 93, 1974, стр. 212—217.

³ А. М. Панкратова. Первая русская революция 1905—1907 гг. М., 1940: изд. 2, 1951.

⁴ Архив АН СССР, ф. 411, оп. 3, д. 212, л. 26.

⁵ «Революция 1905—1907 годов в России». Документы и материалы. М., 1955—1965; «Первая русская революция 1905—1907 гг.» Сб. статей. М., 1955; «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сб. статей. М., 1955; «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. 1—2. М., 1955, 1956.

⁶ «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 года». Сб. документов. Перев. с польск. М., 1956.

фию, обогатив ее разработкой марксистско-ленинской концепции революционной борьбы российского пролетариата и новыми документами.

Ей принадлежит заслуга широкой популяризации истории первой русской революции, особенно в связи с 50-летием революции: кроме выступлений с научными докладами на сессиях и конференциях в Москве, Ленинграде, Иванове, Гомеле, в Чехословакии и Венгрии, А. М. Панкратова участвовала в подготовке и редактировании научно-популярных сборников статей и документов, много ездила по стране с чтением лекций, консультировала фильмы и спектакли, рецензировала литературные произведения советских авторов на эту тему. Роль А. М. Панкратовой в изучении истории революции 1905—1907 гг. исследована недостаточно⁷.

Несомненный интерес для исследователей представляют архивные материалы А. М. Панкратовой, связанные с ее работой над историей первой русской революции, большая часть которых хранится в ее личном фонде в Архиве Академии наук СССР (ф. 697). Эти материалы немногочисленны — всего около 50 единиц хранения из 1000 с лишним единиц фонда⁸. Их можно дополнить отдельными документами, сохранившимися в фондах Коммунистической академии при ЦИК СССР (ф. 350), Института истории Комкадемии (ф. 359), Общества историков-марксистов (ф. 377), Отделения исторических наук Академии наук СССР (ф. 1577), Ученого совета Института истории Академии наук СССР (ф. 457) и других в Архиве АН СССР. В них содержатся сведения о работе А. М. Панкратовой и возглавляемых ею научных коллективов ученых.

Архивные материалы перечисленных фондов условно можно разделить на следующие группы: 1. рукописи опубликованных и неопубликованных трудов; 2. подготовительные материалы к ним; 3. отзывы о трудах других лиц; 4. служебные материалы; 5. переписка.

Большая часть рукописей датирована 1955 г., когда отмечалось 50-летие революции. Среди них варианты изданных статей: «Всемирно-историческое значение первой русской революции»⁹; «Международное значение первой русской революции»¹⁰, предисловие к книге кратких очерков «Молодежи о первой русской революции. Художественно-публицистический сборник о революции 1905—1907 гг.» (М., 1955)¹¹. Сохранились также рукописи докладов А. М. Панкратовой «В. И. Ленин о первой русской революции» (опубликовано краткое содержание)¹² и «Международное значение первой русской революции 1905—1907 гг.»¹³, запись беседы с корреспондентом газеты «Московский комсомолец» о 50-летию революции¹⁴, текст выступления на радио «Генеральная репетиция Великого Октября» (декабрь 1955 г.)¹⁵ и др. Все эти рукописи, как правило, несут следы работы автора: вставки, заметки на полях и в тексте.

Из неопубликованных работ А. М. Панкратовой привлекают внимание небольшие по объему рукописи «50 лет декабрьского вооруженного вос-

⁷ «Академик Анна Михайловна Панкратова». — В кн. «Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика А. М. Панкратовой». Сб. статей. М., 1958, стр. 23; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 440; *Н. И. Приймак*. Советская историография первой русской революции 1905—1907 гг. (середина 30-х — 60-е гг.). — В кн.: «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России», ч. II. Л., 1967.

⁸ Краткий обзор фонда см. в кн.: «Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов», т. VI. Л., 1971, стр. 160—163.

⁹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 170; «Вестник АН СССР», 1955, № 12. Здесь и далее даны временные номера дел, так как фонд А. М. Панкратовой находится в стадии обработки.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 165; «Советская культура», 3 декабря 1955 г.

¹¹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 173.

¹² Там же, д. 175; «Вестник АН СССР», 1955, № 6.

¹³ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 136. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», М., 1955, вып. 8.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 160. «Московский комсомолец», 12 октября 1955 г.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 164.

стания», «Декабрьское вооруженное восстание в России в 1905 году», «О перемещении центра революционного движения в Россию и всемирно-историческом значении первой русской революции»¹⁶.

В течение ряда лет А. М. Панкратова читала на курсах первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов в Академии общественных наук при ЦК КПСС 4-часовую лекцию «Классы и партии в революции 1905 года». В ее фонде хранятся стенограммы лекции за 1950, 1951 и 1954 гг.¹⁷ Сравнительный анализ текстов (в стенограмме 1951 г. отсутствует 2-я часть лекции) показывает, что А. М. Панкратова постоянно работала над лекционным материалом, особенно над его вводной частью. В стенограмме 1954 г., например, появился историографический обзор, более четко сформулированы основные проблемы, затрагиваемые в лекции. Кроме характеристики российской буржуазии, пролетариата и крестьянства и освещения расстановки общественных сил накануне и в ходе революции, А. М. Панкратова давала анализ развития революционной борьбы в России, показала закономерность превращения пролетариата в гегемона революции, указывала на отличие буржуазно-демократической революции в России от буржуазных революций XVII—XIX вв. на Западе.

В июне 1953 г. А. М. Панкратова возглавила делегацию советских ученых на конгрессе историков в Будапеште. По просьбе венгерских коллег она прочитала там доклад «Международное значение первой русской революции», в котором использовала материалы о событиях 1905—1907 гг. в Венгрии. Выступая на заседании Отделения исторических наук Академии наук СССР с сообщением о конгрессе, А. М. Панкратова рассказала о предложении венгерских историков издать в 1955 г. объединенными усилиями исследователей из социалистических стран сборник о первой русской революции¹⁸. Замысел был претворен в жизнь — юбилейный сборник «Первая русская революция и международное революционное движение» (ч. I—II. М., 1955—1956)¹⁹ явился первым и удачным опытом международного сотрудничества историков. А. М. Панкратова была его редактором, вела переговоры с авторами, среди которых были историки-марксисты О. Кодедова (ЧССР), Г. Манакорда (Италия), И. И. Сюкияйнен (Финляндия), П. Ханак (Венгрия), Л. Штерн (ГДР) и др.

В отчете за 1955 г. А. М. Панкратова писала, что в сборнике «впервые в нашей исторической литературе на основании новых материалов, с привлечением архивов не только советских, но и зарубежных, показано глубокое влияние революции 1905 г. как первой народной революции эпохи империализма»²⁰.

19 октября 1955 г. А. М. Панкратова выступала на юбилейной сессии Чехословацкой Академии наук в Праге с докладом «Революция 1905—1907 гг. в России — первая народная революция эпохи империализма»²¹.

Основная масса сохранившихся черновых, подготовительных материалов А. М. Панкратовой к трудам о революции 1905 г. относится к 1950-м годам. Исключением являются две тетрадки с выписками 1931 г. из произведений В. И. Ленина, из журнала «Просвещение» за 1908—1912 гг., из газеты «Новое время» и других о влиянии первой русской революции на события в Китае, Персии и Турции²². Освещение этого вопроса присутствует почти во всех трудах А. М. Панкратовой о революции 1905 г.

Несколько единиц хранения содержат выписки из трудов классиков марксизма-ленинизма, статей дореволюционных и советских историков,

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 1, д. 165, 165а, 178.

¹⁷ Там же, д. 15.

¹⁸ Там же, ф. 457, оп. 1, 1953 г., д. 298, л. 36.

¹⁹ В предисловии к первой части сборника указывается, что он «издан во исполнение решения, принятого в июне 1953 г. на конгрессе историков, состоявшемся в Будапеште» (стр. 5).

²⁰ Архив АН СССР, ф. 411, оп. 3, д. 212, л. 28.

²¹ Там же, ф. 697, оп. 1, д. 159. Машинописный текст доклада.

²² Там же, д. 1.

документальных публикаций, вырезки из газет, копии архивных материалов, много набросков, заметок, из которых впоследствии выросли статьи и доклады. А. М. Панкратова имела обыкновение записывать свои мысли в блокнотах, реже в тетрадях, часто они озаглавлены автором: «Ленин в ноябре — декабре 1905 г.», «Самодержавие и пролетариат»²³ и др. На страничках блокнота сохранился черновик доклада А. М. Панкратовой на юбилейной сессии Академии наук Украинской ССР о 1905 г. на Украине (июнь 1954)²⁴.

Особого внимания в фонде А. М. Панкратовой заслуживает такой источник, как ее отзывы и рецензии на исследования других историков, в том числе на труды ее учеников: П. И. Емельянова, Л. К. Ерманя, М. А. Красовской, Ф. Е. Лося и др. Каждую диссертацию и монографию об одном из важнейших этапов революционной борьбы российского рабочего класса А. М. Панкратова рассматривала как часть общей работы историков. Почти в каждом отзыве проводится мысль, что только при наличии большого количества локальных исследований, основанных на использовании документов не только центральных, но и местных архивов, можно написать обобщающую работу по истории революции 1905—1907 гг.²⁵ В то же время она постоянно подчеркивала необходимость изучения локальных процессов в тесной связи с общеисторическим и общеполитическим развитием страны в целом.

Отзывы А. М. Панкратовой не только характеризуют ее подход и требования к научным исследованиям коллег, в них часто содержатся ее высказывания по важнейшим проблемам истории первой русской революции, не получившие отражения в ее трудах. Особенно ценны в этом отношении отзывы о монографии М. К. Ветошкина «Забайкальские большевики и читинское вооруженное восстание 1905—1906 гг.» (1951 г.); о докторских диссертациях Ф. П. Быстрых «Революционное движение и большевистские организации Урала накануне и в период революции 1905—1907 гг.» (1954), Я. П. Крастыня «Революция 1905 года в Латвии» (1948), Г. И. Мосберг «Революция 1905 г. в Эстонии» (1953), о кандидатской и докторской диссертациях А. В. Пяковского о первой русской революции и ее влиянии на народы Туркестана (1948, 1954), о кандидатской диссертации И. И. Бабилова «Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне революции 1905 года» (1954)²⁶ и др.

Из служебных материалов, касающихся деятельности А. М. Панкратовой в 1930—1950-е годы, большой интерес представляют научно-издательские планы руководимой ею секции по изучению истории пролетариата СССР Института истории Комкадемии на 1929—1930 гг., 1930—1931 гг.²⁷ В них отразилась работа коллектива историков-специалистов по подготовке к 25-летию первой русской революции, в частности, по изданию юбилейного сборника «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.» (М., 1930), одним из авторов и редактором которого была А. М. Панкратова. Материалы свидетельствуют о наличии у секции плана разработки истории профдвижения в годы первой русской революции.

В отчете о работе секции (январь 1931 г.) указывалось на тесную связь ученых с рабочими массами. По предложению А. М. Панкратовой секция занималась монографическим изучением истории двух московских предприятий — «Трехгорной мануфактуры» и завода «Серп и молот», революционному движению 1905—1907 гг. на этих предприятиях посвящались специальные сборники. А. М. Панкратова стояла в центре этой работы. Под ее руководством проходили сбор автобиографий старых рабочих — участников революции, пропагандистская работа на заводе и фабрике.

²³ Там же, д. 176, 179.

²⁴ Там же, д. 147.

²⁵ Там же, д. 212, л. 1.

²⁶ Там же, д. 241, 238, 302, 334, 360, 220.

²⁷ Там же, ф. 359, оп. 1 (1929—1935 гг.), д. 5, 10, 11, 30, 31.

«Наряду с научно-популярными докладами работники секции участвовали в организации юбилейных выставок, собраний и ударных бригад имени революции 1905 года»²⁸, — говорилось в отчете.

Сведения о работе А. М. Панкратовой содержатся также в ее отчетах за 1929, 1930, 1935, 1952, 1953, 1955 гг. Документы свидетельствуют о напряженной деятельности исследователя и организатора науки. Статьи, документальные сборники, редактирование юбилейных номеров советских исторических журналов, сборников статей и документов, выступления на научных конгрессах историков и конференциях с участием самых широких слоев общественности — вот лишь небольшой перечень сделанного А. М. Панкратовой в связи с изучением истории первой русской революции. А. М. Панкратова всегда была блестящим популяризатором научных знаний. В отчете за 1935 г. она писала, что одним из ее поручений было редактирование страниц по истории революции 1905 года в газете «Правда»²⁹. Из отчета об общественно-политической работе в 1955 г. виден огромный труд историка по распространению знаний о революционном движении в 1905 г.; по этой тематике ею были прочитаны лекции и доклады: 26 января 1955 г. — в Центральном доме работников искусств, 29 января — в Колонном зале Дома Союзов, 31 января — в Кремле, 2 февраля — в МК КПСС для лекторов и докладчиков, 9 февраля — в Обществе по распространению научных и политических знаний, 10 февраля — на всесоюзном совещании лекторов и т. д.³⁰

Тогда же А. М. Панкратова консультировала фильмы и спектакли о революции 1905—1907 гг.³¹

Дополнительным источником по проблеме может служить переписка А. М. Панкратовой с советскими и зарубежными историками. Из писем аспирантам, специализирующимся по вопросам истории революции 1905 г., видно, какие проблемы интересовали ее как руководителя, как много внимания уделяла она своим ученикам, как тактично направляла их работу. Особенно показательна в этом отношении переписка с М. А. Красовской (1953—1956 гг.), писавшей под руководством А. М. Панкратовой кандидатскую диссертацию об изучении в средней школе предпосылок и истории первой русской революции³².

Как председатель Национального комитета советских историков и главный редактор журнала «Вопросы истории» А. М. Панкратова поддерживала научные контакты с историками других стран. Из ее переписки с учеными из Чехословакии, например, можно почерпнуть сведения о подготовке сборника «Первая русская революция и международное революционное движение», о праздновании юбилея революции 1905 г. в 1955 г. за рубежом и др.³³ Переписка же свидетельствует о том, какое значение придавала А. М. Панкратова сбору документальных материалов по истории революции. В письме Ф. В. Константинову (февраль 1956 г.) она писала о необходимости широкого сбора и квалифицированной записи воспоминаний участников революционного движения³⁴. Сама она начала эту работу, о чем говорят письма к ней старого одесского рабочего, участника революции 1905 г. Я. Н. Лисеева с приложенными к ним анкетами и воспоминаниями рабочих-пекарей³⁵.

Таким образом, материалы о революции 1905—1907 гг., сохранившиеся в Архиве АН СССР, дают возможность более подробно исследовать работу А. М. Панкратовой по изучению этой страницы нашей истории.

²⁸ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 49, л. 96 об.

²⁹ Там же, оп. 1 (1929—1935 гг.), д. 234, л. 75.

³⁰ Там же, ф. 457, оп. 1, 1955 г., д. 325, л. 27—27 об.

³¹ Там же, л. 28; ф. 697, оп. 1, д. 464.

³² Там же, ф. 697, оп. 3, д. 352.

³³ Там же, оп. 2, д. 93.

³⁴ Там же, оп. 3, д. 59.

³⁵ Там же, оп. 1, д. 208а.

С. Б. Филимонов

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Слабая изученность такого примечательного явления в общественной, научной и культурной жизни Урала периода Великой Отечественной войны, как активизация краеведческого движения¹, во многом объясняется аналогичным положением в источниковедении истории краеведения. Поэтому в виде постановки вопроса об источниках по истории исторического краеведения на Урале в годы Великой Отечественной войны вниманию читателей предлагается обзор материалов, отложившихся в архивохранилищах Свердловска², связанных в первую очередь с деятельностью функционировавшего в 1939—1946 гг. при Свердловском областном краеведческом музее (СОКМ) Свердловского областного совета краеведения (СОСК) во главе с А. А. Пьянковым³, а также некоторых других, смежных по профилю работы, научных учреждений.

Среди далеко не полностью сохранившихся документов Совета краеведения — планы работы и отчеты СОСК и отдельных его подразделений; протоколы заседаний Президиума Совета и некоторых секций СОСК; списки членов (насчитывавшие в 1942 г. около 200 человек); программы, вопросники и инструкции, составлявшиеся, видимо, с их участием; докладные записки; переписка; рукописи работ, предполагавшиеся к публикации и др.

Эти источники подтверждают традиционное, связанное со всей историей уральского краеведения⁴ стремление краеведческих организаций Екатеринбурга — Свердловска к всестороннему изучению Урала в целом, с особой яркостью проявившееся в годы Великой Отечественной войны (когда, согласно отчетам Совета за 1941—1942 гг., в его деятельности, наряду с видными краеведами — А. А. Анфиногеновым, П. П. Бажовым⁵,

¹ «Урал в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Указатель литературы 1941—1943 гг. Свердловск, 1974.

² Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО), ф. р-678 (Свердловского областного совета краеведения); Свердловский областной краеведческий музей (далее СОКМ), фонд рукописей.

³ Сведения о встречах А. А. Пьянкова с В. И. Лениным, о его знакомстве с А. Д. Цюрупой приведены в очерке В. П. Бирюкова, написанном не ранее 1953 г. («Старый большевик и его воспоминания об Ильиче». — ГАСО, ф. р-2266 (В. П. Бирюкова), оп. 1, д. 541, лл. 1—12).

⁴ Считаю необходимым обратить внимание интересующихся историей уральского краеведения советского времени на неопубликованные работы Л. М. Хандросса: «Уральское общество любителей естествознания (1917—1929 гг.)», 1951 г. — СОКМ, № 5716/124, лл. 1—119; «Уральское областное бюро краеведения (1924—1935 гг.)», 1952 г. — там же, № 5716/122, лл. 1—53 об.; «Общество изучения Свердловской области (1935—1937 гг.)», 1955 г. — ГАСО, ф. р-2013 (Л. М. Хандросса), оп. 1, д. 18, лл. 2—7; «Свердловский областной совет краеведения (1939—1946 гг.)», 1951 г. — СОКМ, № 5716/120, лл. 1—64.

⁵ Участие П. П. Бажова в краеведческом движении (сотрудничество с 1926 г. в Уральском областном бюро краеведения) отчетливо прослеживается по материалам СОСК, особенно его Исторической секции. В планах работы секции на 1939, 1941—

В. П. Бирюковым, Д. А. Владимирским, М. О. Клером, Л. М. Хандроссом и др., принимали участие такие ученые, как В. И. Вернадский, В. П. Волгин, В. В. Данилевский, А. А. Иессен, С. Г. Струмилин, В. Н. Сукачев, А. Е. Ферсман, Л. Д. Шевяков⁶).

Уже 4 июля 1941 г., как зафиксировано в протоколе заседания Президиума СОСК⁷, при обсуждении плана работы Совета «на ближайшее время» было постановлено: «...б) обратиться к краеведческим организациям и лицам не останавливать работы; в) проработать вопрос об участии краеведческих организаций и отдельных краеведов в оборонной работе».

Какие же проблемы признавались наиболее важными в исследовательских работах Совета военных лет? Ответ на этот вопрос (подтверждающийся многими источниками) наиболее четко сформулирован в обращении СОСК к краеведческим организациям области от 28 октября 1942 г.⁸: «...Работа краеведов в условиях Великой Отечественной войны должна отвечать насущным нуждам фронта и задачам скорейшего разгрома ненавистного врага — германских фашистов. Свердловский областной совет краеведения наметил и проводит план своих работ в разрезе следующих основных тем: а) выявление и изучение забытых и новых месторождений стратегического сырья на Урале; б) изучение и использование в прошлом и настоящем гидроэнергетических ресурсов Урала (учет и изучение фабрично-заводских плотин); в) изучение и использование технического и лекарственного сырья на Урале; г) Урал в Великой Отечественной войне».

Толчком к интенсивной разработке последней темы, представляющей особый интерес в плане изучения истории советского исторического краеведения, послужило межобластное совещание, созданное в Свердловске 9—11 октября 1942 г. Уральским филиалом Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны, Свердловским областным краеведческим музеем и Советом краеведения. Согласно отчету СОСК о работе за 1942 г.⁹, в совещании принимали участие представители краеведческих музеев и отдельные краеведы Молотовской, Свердловской, Челябинской областей, Башкирской и Удмуртской АССР. На нем были заслушаны следующие доклады: *В. В. Данилевский*. О задачах работы по истории Урала во время Великой Отечественной войны; *П. Н. Степанов*. Организация работы по изучению народного хозяйства Урала в связи с Великой Отечественной войной; *Н. К. Гудзий*. Организация работы по изучению культуры, литературы и фольклора Урала во время Великой Отечественной войны; *В. А. Петров*. О работе по составлению летописи Урала во время

1942, 1944 гг. намечались доклады писателя — «Работы по собиранию и опубликованию уральского фольклорного материала»; «200-летие Висимо-Шайтанского завода», «150-летие [со времени] пребывания на Урале пис[ателя] Радищева»; планировалась его работа над «исторической документацией деятелей Урала по произведениям Д. Н. Мамина-Сибиряка», «составлением диалектологического атласа Урала», статьей «Художественная литература Урала и оборона страны» (ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 4, л. 45; д. 8, л. 73; д. 13, лл. 57 об., 62; д. 20, л. 55). Протоколы заседаний Исторической секции и Президиума СОСК за 1939—1942 гг. зафиксировали инициативу Бажова в постановке вопроса «о возможности периодического издания типа «Записок У[ральского] о[бщества] л[юбителей] е[стествознания]», его участие в составлении историко-географического словаря Урала, указания писателя на «обширность фольклорных данных о Ермаке...» и др. (ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 4, л. 58 об.; д. 13, лл. 1, 17, 26, 33 об.). Не случайно решением Свердловского облисполкома от 23 февраля 1945 г. «за многолетнюю и плодотворную работу по краеведению» Бажов был награжден почетной грамотой (ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 22, л. 125).

⁶ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 6, лл. 9 об., 21. Машинописная копия застенографированного доклада А. Е. Ферсмана «Урал как геохимическая база оборонной промышленности и роль краеведов Урала в обороне Родины», прочитанного свердловским краеведам 15 декабря 1941 г. — там же, д. 123, лл. 1—26.

⁷ Там же, д. 4, л. 31.

⁸ Там же, д. 5, лл. 18—19 об.

⁹ Там же, д. 6, лл. 22 об.—23.

войны; А. И. Виноградов и А. П. Курбатова. Об организации сбора вещественных материалов, относящихся к Великой Отечественной войне. Кроме этих основных докладчиков, на совещании выступили представители районных краеведческих музеев с содокладами о работе по сбору материалов о Великой Отечественной войне. В заключение была обсуждена разработанная Б. В. Веселовским «Примерная программа для собирания краеведами Урала материалов по истории Великой Отечественной войны».

К сожалению, материалов совещания обнаружить не удалось (по некоторым данным, стенограмма совещания в октябре 1942 г. находилась в Уральском филиале Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны). В машинописной незаверенной копии резолюции совещания¹⁰, насчитывающей 17 пунктов, отмечалась своевременность его созыва, ценность выступлений, инициатива «краеведческих музеев Свердловской области, в особенности Областного краеведческого музея, по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны»¹¹. Развертыванию деятельности краеведов в этом направлении должны были способствовать: руководство и помощь со стороны партийных¹², комсомольских и профсоюзных организаций; связь краеведов со школами, избами-читальнями, учреждениями политпросвета; рассылка краеведам инструкций и методических указаний «по сбору материалов по всем разделам программы»¹³ (военный, по народному хозяйству, по культуре, литературе, искусству, по науке и технике). Оговаривалась возможность использования собранных краеведами материалов Уральским филиалом Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны.

«Примерная программа...» (4 стр.)¹⁴ была издана Свердловским областным краеведческим музеем и Советом краеведения в начале 1943 г. (Приблизительно в это же время Советом краеведения и Свердловской областной детской экскурсионно-туристической станцией издается схожая «Памятка для учащихся школ по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны»). «Примерная программа...» состояла из следующих разделов: Перечень (ориентировочный) вопросов, подлежащих освещению; Перечень основного документального материала, записей и записок, собираемых и составляемых краеведами; Организация работы краеведов по собиранию и систематизации материалов по истории Отечественной войны; Примерный перечень вещественных материалов, подлежащих со-

¹⁰ СОКМ, 1943 г., д. 2, л. 33—33 об.

¹¹ Эту инициативу подтверждают: протокол заседания Президиума СОСК от 3 сентября 1942 г., на котором редактировалось составленное, видимо, Д. А. Владимирским «письмо по сбору материалов по истории Отечественной войны», обсуждалась работа, уже начатая Областным краеведческим музеем «по сбору материалов для картотеки героев Отечественной войны»; в плане работы СОСК на четвертый квартал 1942 г. предполагалось «сделать выезды в районы для собирания документов и фольклора по Отечественной войне» (ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 4, л. 57—57 об.; д. 5, л. 22).

¹² И действительно, в феврале 1943 г. Свердловский обком ВКП(б) и Свердловский облисполком обратились к горкомам, райкомам партии, горсоветам и райсоветам области с письмом, в котором указывалось: «В целях сохранения для истории всех предметов и материалов, которые отражают эпоху Великой Отечественной войны, при Обкоме ВКП(б) создана областная комиссия по истории Отечественной войны... Ввиду исключительной важности этой работы, Областной комитет ВКП(б) и Областной совет депутатов трудящихся считают необходимым, чтобы все учреждения, предприятия и организации, в которых имеются материалы (вещественные или письменные), отражающие эпоху Отечественной войны, героические дела советских людей на фронте и в тылу, выделили их для помещения в музеях (в областном или районных) в качестве исторических экспонатов...» (СОКМ, 1943 г., д. 8, л. 49).

¹³ В резолюции одобрялась предложенная Б. В. Веселовским «Примерная программа...»; рекомендовалось внести в нее поправки, сделанные П. Н. Степановым, А. А. Пьянковым, В. А. Петровым; окончательная редакция документа поручалась Б. В. Веселовскому, В. В. Данилевскому, Н. А. Курбатовой, А. А. Пьянкову.

¹⁴ Подробнее о программах, разработанных с участием свердловских краеведов см.: С. Филимонов. Краеведы огненных лет.— «Вечерний Свердловск», 3 сентября 1975 г.

биранию краеведами Урала по истории Великой Отечественной войны. Здесь же указывалось: «Общий инструктаж краеведов осуществляют Уральский филиал [Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны] и Областной краеведческий музей. В частности, для краеведов разрабатывается Уральским филиалом следующий инструкционный материал, размножаемый и рассылаемый краеведческим организациям: 1. По составлению «Летописи Отечественной войны ... района». 2. По составлению биографий Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда и стахановцев военного времени. 3. По отбору писем с фронта и на фронт. 4. По собиранию фольклорного материала. 5. По выявлению новой лексики. 6. По описанию района, колхозов и предприятий местной промышленности в связи с Отечественной войной»¹⁵.

Удалось выявить неподписанные, не имеющие даты машинописные копии некоторых лет из перечисленных документов. В «Инструкции по составлению летописи Великой Отечественной войны на Урале в пределах района»¹⁶ определялась задача летописи («изложение в строгой хронологической последовательности основных событий в районе, связанных с Отечественной войной»); отмечалась возможность составления, наряду с общей летописью всего района, летописи событий на отдельных предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях; назывались основные источники — газеты, боевые листки, многотиражки, «молнии», стенгазеты, книги, брошюры, журналы, рукописные документы, письма, дневники, устные рассказы, воспоминания и т. д.; перечислялись факты, подлежащие «безусловной регистрации»: «все районные конференции и совещания, пленумы райкома, райсовета, горсоветов; воскресники и другие массовые мероприятия, митинги общерайонные, городские; сводки данных о митингах на предприятиях, в колхозах и учреждениях; обращения и письма предприятий, колхозов, учреждений, мобилизующие на дальнейшее развертывание социалистического соревнования на лучшую помощь фронту; итоги социалистического соревнования района с другими районами, предприятий, колхозов и учреждений между собой; новые формы стахановского движения и новые рекорды его достижений, рационализаторства, образцы лучшего использования местных ресурсов и резервов, новые ведущие достижения в области техники, открытие новых месторождений, освоение новых сельскохозяйственных культур, инициатива в помощи фронту, предприятиям, колхозам, транспорту; начальные факты кампаний по мобилизации средств на нужды обороны, сбора теплых вещей и подарков для фронта и освобожденных от фашистов территорий, посылка делегаций на фронт, корреспонденции делегаций с фронта и отчеты делегатов после возвращения, участие уроженцев района и его жителей на фронте, проезд делегатов с фронта и их выступления на предприятиях, колхозах и учреждениях».

«Вопросник для собирания особенностей языка эпохи Великой Отечественной войны»¹⁷ состоял из нескольких разделов: «Слова, относящиеся к Красной Армии» (предлагалось записывать новые слова и выражения, бытующие среди красноармейцев в отношении советской боевой техники, военных профессий и родов войск, боевых действий: пушки — «катюши», «ястребки» — истребители и т. д.); «Слова, относящиеся к врагу» (спрашивалось, не существует ли особых названий для солдат, офицеров, генералов немецкой армии, «главарей фашизма»; для вражеского вооружения, продуктов питания и предметов обихода; орденов и знаков отличия; газет, листовок, афиш, объявлений и т. д.); «Для рабочих»; «Для колхозной деревни» (рекомендовалось фиксировать слова и выражения, характеризующие героический труд нашего народа на фабриках, заводах, в кол-

¹⁵ Примерная программа..., стр. 3.

¹⁶ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 95, лл. 1—2.

¹⁷ СОКМ, № 5716/386, лл. 1—4 об.

хозах, а также отношение тружеников тыла к «злым врагам — фашистам») ¹⁸.

Немалый интерес представляет и детально разработанная «Программа для сбора материалов о суррогатировании (замене) пищевых веществ, промышленных и кустарных изделий на Урале во время мировой, гражданской и Великой Отечественной войн» ¹⁹.

Каким же образом установки совещания отразились на деятельности Совета краеведения? В планы работы СОСК были включены: подготовка монографий «Свердловск в дни Отечественной войны» и аналогичной — о г. Шадринске; разработка темы «Сельское хозяйство в Отечественной войне»; «корреспондентская связь с уральцами-фронтовиками и получение от них необходимых материалов»²⁰; созданная осенью 1943 г. при Исторической секции СОСК Группа по изучению культуры и языков народностей Урала должна была исследовать обряды и обычаи, относящиеся к периоду Отечественной войны, народное творчество этих лет, влияние Отечественной войны на язык крестьянского населения Урала, военную лексику ²¹; на заседании Президиума Совета 23 сентября 1943 г. был рассмотрен проект А. А. Пьянкова «Об организации Уральского музея оборонной промышленности» ²², а 18 апреля 1945 г. Президиум заслушал предложение писателя А. В. Баранова о написании им книги «Выдающиеся люди Урала в дни Великой Отечественной войны» ²³.

Как показывают источники, некоторые замыслы удалось осуществить: вышеназванным проблемам был посвящен ряд работ В. П. Бирюкова 1943—1945 гг. ²⁴; В. А. Петровым был «систематизирован и подготовлен к печати материал «Хроники Великой Отечественной войны за 1941—1942 гг.» ²⁵; по «выяснению и изучению роли колхозов области во время Великой Отечественной войны» — из 26 хозяйств, историю которых предполагалось воссоздать, было начато «описание» пяти ²⁶; в результате установившейся переписки с мобилизованным в Советскую Армию краеведом было получено несколько интересных фронтовых писем, листовок и вырезок из фронтовых газет ²⁷; член Исторической секции А. Д. Баранцев 29 октября 1943 г. прочел доклад «О работе учащихся области по сбору языковых материалов в дни Отечественной войны» ²⁸.

¹⁸ Вставка от руки неустановленного лица на обороте последнего листа нацеливала на запись слов и выражений, относящихся к быту и повседневной жизни.

¹⁹ СОСКМ: № 5716/465, лл. 1—2 об. Любопытно, что программа (как явствует из предисловия к ней) была составлена еще в 20-х годах в Уральском областном бюро краеведения и лишь упоминанием (вставками от руки) о Великой Отечественной войне была приспособлена к изучению и этого периода. При составлении программы, несомненно, были использованы материалы, опубликованные на страницах печатного органа Центрального бюро краеведения. В. А. Шавинский. Живая археология и новые формы; Анкета по вопросу «Живая археология и новые формы». — «Краеведение», 1923, № 2, стр. 98—102; 1924, № 3, стр. 268.

²⁰ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 5, л. 26.

²¹ Там же, д. 13, л. 70.

²² СОСКМ, 1943 г., д. 3, лл. 65—67.

²³ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 22, лл. 17—19.

²⁴ «Великая Отечественная война в народном устно-поэтическом творчестве» (ГАСО, ф. р-2266, оп. 1, д. 40, лл. 1—4); «Уральский фольклор времени Великой Отечественной войны» (там же, д. 113, лл. 1—4); «Устное творчество в дни Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (там же, д. 133; лл. 1—12); «Новое в словаре Урала за время Великой Отечественной войны» (там же, д. 240, лл. 1—7); «Шадринск за первый год войны (июнь 1941 г.—июнь 1942 г.) Очерк» (там же, д. 496, лл. 1—24) и др.

²⁵ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 6, л. 74 об. Машинописная копия работы В. А. Петрова «Год Отечественной войны на Урале. Опыт работы по составлению хроники Свердловской, Челябинской и Молотовской областей за первый год Отечественной войны» 1943 г.—СОСКМ, № 5716/462, т. 1—4, лл. 1—626.

²⁶ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 6, л. 74. Здесь же — в отчете СОСК о работе за январь — июнь 1943 г.—сообщалось, что «по согласованию с Обкомом ВКП(б) и Облзо по этому вопросу составлены письма и разосланы на места специальные указания».

²⁷ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 6, л. 32.

²⁸ Там же, д. 22, л. 89. Материалов доклада обнаружить не удалось.

Нельзя не отметить и еще один аспект в деятельности Совета краеведения: в надежде (так и не сбывшейся) возобновить издание органа уральских краеведов, СОСК заранее подбирал материал. Часть из отложившихся в результате рукописей работ по различным вопросам ураловедения относится к истории Великой Отечественной войны²⁹.

Таким образом, следует согласиться с выводом, содержащимся в отчете Совета краеведения о работе за 1941 г.: «Великая Отечественная война не только не остановила работы свердловских краеведов, но внесла в нее значительно более глубокое и ценное содержание»³⁰. Деятельность СОСК в области исторического краеведения была направлена на осуществление главной задачи, охарактеризованной уральскими краеведами как «...священный долг всячески собирать и сберегать все, относящееся к истории Великой Отечественной войны, которая будет изучаться историками как величайшее событие в мировой истории»³¹. В стремлении «...наивозможно шире пропагандировать важность этого начинания и привлечь к работе по сборанию материалов все местные организации...»³² умело использовался анкетный метод, положительно зарекомендовавший себя в советском историческом краеведении 20-х годов³³. Рассмотренные документы указывают дальнейший путь изучения источников по истории исторического краеведения на Урале военных лет: привлечение материалов Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны и ее Уральского филиала, фондов функционировавших в то время на территории данного региона краеведческих учреждений и организаций, личных архивных фондов участников краеведческого движения. (К этим изысканиям следует привлечь археографические экспедиции, ежегодно организуемые историческим факультетом Уральского государственного университета им. А. М. Горького.) Кроме того (что особенно важно!), предлагаемые работы, даже при условии лишь частичной реализации упомянутых программ, вопросников, инструкций и т. д., несомненно обогатят наше представление об источниковой базе истории СССР периода Великой Отечественной войны, позволят еще более детально и глубоко осмыслить величие подвига, свершенного советским народом³⁴.

²⁹ *Большаков, Гицель, Кузнецов*. Военно-шефская работа Свердловского государственного театра музыкальной комедии, б/д (ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 52, лл. 1—30); *С. В. Короленко*. Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко в городе Свердловске, 1943 г. (там же, д. 80, лл. 1—11); *Н. А. Куренков*. Высшие учебные заведения гор[ода] Свердловска и Свердловской области в годы Отечественной войны [1945 г.] (там же, д. 85, лл. 1—20); *Б. Г. Музруков*. Уралмаш помогает Красной Армии громить врага, 1944 г. (там же, д. 91, лл. 1—7); *С. Н. Павлова*. Лирика в творчестве поэтов Отечественной войны, б/д (там же, д. 103, лл. 1—6 об.); *З. И. Сидорова*. Русская песня и ее роль в Отечественной войне, б/д (там же, д. 119, лл. 1—11); *С. Ф. Стрелецкий*. Отчет об эвакуации гос[ударственного] историко-археологического Херсонесского музея (сентябрь — декабрь 1941 г.), 1942 г. (там же, д. 117, лл. 1—35).

³⁰ ГАСО, ф. р-678, оп. 1, д. 6, л. 15 об.

³¹ «Памятка для учащихся школ...», стр. 2.

³² «Примерная программа...», стр. 1.

³³ *С. Б. Филимонов*. Источники истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг. Автореферат канд. диссертации. М., 1974.

³⁴ Когда «Археографический ежегодник» был уже сверстан, автору удалось ознакомиться с двумя машинописными, неподписанными, не имеющими даты документами из личного собрания А. Г. Козлова (переданы последнему Л. М. Хандроссом): запиской «Об организации на Урале работы по истории Великой Отечественной войны», перечисляющей задачи и основные темы в деятельности Уральского филиала Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны; проектом «Схемы систематизации газетных вырезок», освещающих историю Урала в период Великой Отечественной войны.

Э. А. Павлюченко, Я. Н. Шапов¹

**«ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ»
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
КАК АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, как специализированный отдел крупнейшей библиотеки Советского Союза, призван удовлетворять требованиям, предъявляемым и к научно-методическим центрам книговедения, и к центральным архивохранилищам. В его деятельности сочетаются обеспечение сохранности и обработка фондов с широкой информацией о рукописных материалах. По его инициативе было начато и осуществлено известное издание «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (тт. 1—2. М., 1963; т. 3 готовится к печати), активна его роль в коллективной разработке методики описания всех видов рукописных материалов (например «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР», «Методические рекомендации по научно-технической обработке архивных фондов личного происхождения» и др.).

Однако главным печатным органом Отдела рукописей было и остается особое научное издание — ежегодные «Записки Отдела рукописей». Издаваемые библиотекой в течение нескольких десятилетий, с 1938 г. «Записки Отдела рукописей» в настоящее время, пожалуй, старейшее советское археографическое и книговедческое издание. Целью его является оперативная информация о фондах и отдельных ценных рукописях, хранящихся в Библиотеке, и о новых поступлениях в нее, причем информация на современном уровне и в различных формах: в виде обзоров архивных фондов, собраний рукописных книг, групп рукописей, описаний собраний рукописных книг, публикаций и обзоров текстов, научных каталогов и пр.

В соответствии с разнообразным составом хранящихся в отделе источников, это издание содержит статьи и материалы, посвященные очень широкому, — как хронологически, так и тематически, — кругу рукописей и документов. Здесь даются новые сведения о рукописях, начиная со знаменитого Архангельского евангелия XI вв. (вып. 25, 1967) и кончая современными нам архивами, например К. И. Чуковского (1882—1969) (вып. 34, 35, 1973—1974), сообщается о рукописных книгах и об актовых материалах XII—XIX вв., об архивах деятелей отечественной истории, ученых, писателей и др. Большая часть материала — отечественного происхождения, но в «Записках» находят отражение и ценные иностранные рукописи.

Задача настоящего сообщения — дать археографический обзор содержания «Записок» за несколько лет, посвященного материалам по отечественной истории²; за его пределами остаются богатые и тоже широко освещенные в «Записках» фонды, относящиеся к истории литературы, издательского и библиотечного дела.

Богатство и разнообразие документальных материалов отдела застав-

¹ Э. А. Павлюченко написана часть сообщения, посвященная рукописям XIX—XX вв., Я. Н. Шаповым — обзор работ о рукописях XI—XVIII вв.

² «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 26—34. М., 1963—1973.

ляют его искать формы подачи информации, более подходящие для различных типов этих материалов. Этим определяется существование трех постоянных разделов «Записок»: 1) обзоры, статьи, сообщения, описания, 2) каталоги новых поступлений, 3) публикации.

Несомненно важным разделом являются новые поступления. Из года в год библиотека приобретает ценнейшие рукописные книги, целые архивные фонды и их части, путем покупки, в археографических экспедициях, благодаря завещаниям и дарениям. Условия краткого обзора позволяют лишь очень бегло отметить некоторые из наиболее ценных поступлений последних лет, например, архивные фонды выдающихся советских ученых: историков А. Л. Сидорова (вып. 34), Б. П. Козьмина (вып. 31, 1969, вып. 33, 1972), где, в частности, сосредоточены важные документы о революционном движении в России, юриста и историка М. Н. Гернета, (вып. 33, 34), библиографа И. Ф. Масанова (вып. 33); а также архивные материалы С. В. Ковалевской (вып. 26, 1963), П. А. Кропоткина (вып. 34) и др. Нужно указать также на семейный архив И. Т. Беляева, генерала русской армии, впоследствии жившего в Парагвае и ставшего выдающимся этнографом, исследователем языка и быта парагвайских индейцев (вып. 32, 1971); письма Рихарда Вагнера (вып. 26), Норберта Винера (вып. 31) и многих других деятелей мировой культуры, попавшие сюда в составе архивов их корреспондентов или благодаря их посредничеству.

В результате настойчивой деятельности Отдела рукописей по собиранию архивов дореволюционных и советских ученых-историков, литературоведов, книгovedов, библиографов, появилась возможность проследить по его фондам значительную область истории отечественной науки от первой половины XIX в. до наших дней.

Касаясь международных связей библиотеки, нельзя не упомянуть о поступлении в Отдел рукописей в последнее десятилетие микрофильмов зарубежных архивных материалов, относящихся к русской истории и культуре: комплекс амстердамских документов А. И. Герцена и Н. П. Огарева (вып. 34), богатое собрание документов о дуэли А. С. Пушкина (вып. 35), письма русских царей, адресованные Брауншвейгскому дому (вып. 32).

Сообщение о новых материалах в «Записках» — нередко единственная информация о них, к тому же остающаяся таковой иногда на многие годы, до того, как в печати появится исследование, написанное на основе или при использовании этих документов. Естественно большое внимание сотрудников Отдела рукописей, ведущих эту информацию, и к правильному отбору этих материалов, и к форме их описания. В зависимости от характера документов и их места в определенной совокупности (отдельный документ или книга, часть фонда, целый архив и т. д.) сведения различны. Так, сведения о единичных поступлениях (рукописных книгах и документальных материалах), пополняющих каждый год собрание Отдела рукописей, а также о собраниях рукописных книг (см. например, вып. 26) даются в виде подробной аннотированной описи, воспроизводящей, кроме формальных данных о рукописях, также все важнейшие их реалии (имена, географические названия) и указывающей основное содержание объектов описания. В описаниях отдельных рукописных книг дается перечень (иногда, по необходимости, выборочный) входящих в них произведений, приводятся важнейшие владельческие, вкладные и другие записи. Таким образом, сведения о единичных поступлениях за многие годы составляют сейчас опубликованный ценный каталог части фондов отдела.

Информация о поступающих материалах, представляющих собой архивный фонд или его часть, приводится, в соответствии с характером материала, в более обобщенном виде. Наряду с формальными данными (даты, объем в единицах хранения и листах) здесь указывается сфера деятельности фондообразователя, характеризуются по группам сами документы, дается перечень других лиц, материалы которых есть в фонде, в частности, лиц, связанных с архивообразователем перепиской.

В разделе обзоров, сообщений и описаний, как и в разделе публикаций, содержится более углубленная, часто исследовательская информация о наиболее ценных и актуальных для развития современной науки рукописных материалах библиотеки, касающихся истории, общественно-политической мысли, литературы и письменности. Таково исследование С. М. Каштанова жалованных грамот XVI в. Троице-Сергиеву монастырю (вып. 28, 1966), которое позволило восстановить источники, содержание и текст недошедшей общей грамоты 1650 г. и проследить историю борьбы монастыря за феодальные привилегии и некоторые черты эволюции социально-экономической структуры общества в XV—XVI вв. Эта же тема, как и история архива феодала, постоянно использовавшегося в его экономической и политической деятельности, рассматривается в статье Л. И. Ивиной (вып. 27, 1965), написанной на основе комплексного изучения сборника документов Троице-Сергиева монастыря XVI—XVII вв. Неизвестное письменное наследие выдающегося русского писателя и публициста XVII в. Аввакума и круга близких к нему деятелей было изучено и опубликовано И. М. Кудрявцевым (вып. 33). Он описал сборник XVII в. с подлинными подписями пустозерских узников Аввакума, Лазаря, Федора и Елифания, определив, что этот сборник является своеобразной записной книжкой писателя XVII в., позволяющей проникнуть в его творческую лабораторию. Здесь же находится необычное сочинение (как нам представляется — текстовая часть певческого произведения), которое И. М. Кудрявцев с большой осторожностью приписывает русскому музыканту и теоретику музыки XVII в. Тихону Макарьевскому. В связи с недостаточной изученностью рукописной традиции «полемиического поединка» Ивана Грозного и Андрея Курбского особую ценность приобретает описание и исследование Ю. Д. Рыковым списков «Истории о великом князе Московском» Курбского, хранящихся в библиотеке (вып. 34). Это описание принесет пользу и в изучении памятника, и при подготовке его нового критического издания.

Большой интерес представляет обширный обзор архива Булгаковых — государственных и общественных деятелей России XVIII—XIX вв., помещенный в двух выпусках «Записок Отдела рукописей» (вып. 30, 1968 и 31). Автор обзора Ю. И. Герасимова выявляет широкий общественно-политический и культурный пласт русской жизни; количество тем, имен, названий в этом обзоре столь велико, что хотелось бы выразить пожелание вводить в оглавление — сверх присутствующего в каждом выпуске «Записок» указателя имен и названий — краткий последовательный перечень «сюжетов» (например, Московский почтамт; распоряжения Козодавлева; Петербургский почтамт; Почтовая конвенция; Почтовая реформа и т. д.). Это пожелание тем более уместно, что автор обзора порой выделяет курсивом названия тем, но делает это менее последовательно, чем это принято при описании «новых поступлений».

Выработанный тип обзора-исследования представляется абсолютно оправданным в данном и других случаях; он необходим как пособие для исследователя на пути между кратким перечнем новых поступлений и будущими исследованиями.

Чрезвычайно важны указания о неполноте или отсутствии тех или иных материалов в архиве, стимулирующие новые исследования и размышления. Так, анализируя состав коллекции рукописных исторических и литературных документов, собранных А. Я. и К. Я. Булгаковыми, Ю. И. Герасимова отмечает: «Почти нет в коллекции сатирических произведений, широко распространенных в России, кроме двух довольно известных — сатиры на гр. П. А. Клейнмихеля «Итак сбылись заветные желанья! Прости навек, наш грозный падишах...» ...и А. Е. Измайлова «Инструкция жене моей тверской вице-губернаторше» (вып. 31, стр. 84).

Дополнением к этому соображению служит примечание к публикации Н. Я. Эйдельмана «Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера» (вып. 33). В связи с тем, что А. Я. Булгаков перлюстрировал письмо Пуш-

кина к жене, отмечается: «Согласно рассказу Деларю, Пушкин отомстил А. Я. Булгакову, послав по почте порочащее его письмо, которое, «как оказалось по справкам, действительно не дошло по назначению, но в III отделение переслано не было» (стр. 318). В архиве Булгаковых копия этого пушкинского письма, к сожалению, не обнаруживается, но отсутствие ее довольно красноречиво.

Редакция «Записок Отдела рукописей» стремится вводить в научный оборот материалы, отвечающие запросам широкого круга ученых.

Так, ни один из исследователей русского общественного движения второй половины XIX в. не сможет обойтись без материалов архива Кропоткиных, содержание которого раскрыто в статье Л. В. Гапачко и Е. В. Старостина (вып. 34).

Еще одна важная особенность этой статьи характерна вообще для задач, которые ставит перед собой рассматриваемое издание — тщательное изучение истории фонда, обязательно присутствующее в любой обзорной статье, стремление не только описать материалы, хранящиеся в Отделе рукописей ГБЛ, но и реконструировать первоначальный состав фонда, в силу своей исторической судьбы разбившегося на части, оказавшиеся в разных местах.

Богатый новый материал для характеристики политической жизни России на рубеже XIX и XX вв. дает статья Н. В. Зейфман об архиве известного земского деятеля Д. Н. Шипова. Его «Воспоминания и думы о пережитом» (М., 1918) известны как один из центральных источников по истории земства в конце XIX — начале XX в. Архив же представляет собой ту документальную базу, на основании которой были написаны воспоминания, и дает автору статьи большие возможности для характеристики достоверности воспоминаний и оценки их значения как источника.

Крайне редким в наших хранилищах архивом адвоката, участника политических процессов 1900-х годов, является фонд П. И. Корженевского, которому посвящена содержательная статья А. Б. Сидоровой (вып. 33). Богатый документами рядовых участников революции 1905—1907 гг., материалами, связанными с аграрными волнениями и рабочим движением, преследованием социал-демократической пропаганды и распространения нелегальной литературы, архив этот не только вводит в науку множество ценных источников, но и является примером того, как важны для нее архивы людей, хотя и не сыгравших выдающуюся роль в истории, но оказавшихся причастными к ее переломным моментам.

Среди материалов исторических деятелей советского периода обращает на себя внимание архив В. И. Невского (статья Л. В. Гапачко, вып. 29, 1966), старого большевика, одного из первых советских историков, директора Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Уникальный комплекс его материалов только в последние годы вошел в поле зрения ученых. Немаловажную роль в этом сыграло всестороннее освещение этого собрания в «Записках Отдела рукописей», позволившее по-новому оценить роль Невского в становлении советской науки и культуры. Ценным дополнением к статье явилась помещенная в качестве приложения к ней библиография работ Невского. Сочетание археографических и библиографических методов раскрытия наследия деятелей прошлого — тоже один из присущих этому изданию приемов, оказывающих существенную помощь исследователям³.

Хранящиеся в Отделе рукописей и освещаемые в «Записках» материалы отражают нередко почти не изученные стороны исторических социальных преобразований в нашей стране. Примером этого является работа

³ Подобным образом ранее освещалось наследие М. И. Венюкова (вып. 23, 1960), Н. А. Рубакина (вып. 26). В приложении к статье А. Л. Паниной об архиве издательства Сабашниковых помещен каталог продукции издательства (вып. 33).

А. И. Клибанова «Материалы о религиозном сектантстве в послеоктябрьский период в архиве В. Г. Черткова» (вып. 28). Комплекс материалов, которому она посвящена, имеет уникальное значение первичной документации, исходившей и от рядовых сектантов, и от их руководителей, документации, почти не сохранившейся в архивах. Между тем значение ее очень велико. Она раскрывает картину внутренней борьбы в сектантстве, сложные процессы преодоления религиозного сознания и его модификации, протекавшие в условиях гражданской войны и борьбы за социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Преобладающая часть обозреваемых в статьях материалов появилась в России или посвящена России; однако именно по рукописным фондам одного из крупнейших отечественных хранилищ особенно ясно видна широта международных связей и мировое значение русской культуры. Характерным примером в этом отношении может быть архив Орловых-Давыдовых (статья К. А. Майковой, вып. 32, 1971). Анализируя состав названного архива, К. А. Майкова отмечает список с найденных в Версале после казни Людовика XVI заметок этого короля о сочинении Рюльера «Революция в России» и «большую рукопись Г. В. Орлова о Швейцарии» (стр. 21); перевод-переложение басен И. А. Крылова, вышедший в Париже в 1825 г., широко известен, но К. А. Майкова сообщает, что именно в Ленинской библиотеке «лежат подлинные рукописи литераторов, чьи переложения вошли в издание 1825 г.» (стр. 22), здесь же хранятся материалы, отражающие отношения Вальтера Скотта с Денисом Давыдовым (стр. 31—32) и т. д. В «Отрадинском архиве» Орловых-Давыдовых сохранились некоторые письма и рукописи, позволяющие судить о распространении сочинений французских просветителей в придворном кругу и в дворянской среде России (стр. 17—19).

В отличие от раздела «Новые поступления», опубликованные в «Записках» обзоры, сообщения, описания и публикации подготовлены, как мы видели, не только сотрудниками библиотеки, но и исследователями — ее читателями. Привлечение последних к участию в органе библиотеки полезно, поскольку в процессе работы исследователей нередко обнаруживаются или опознаются документы, не вошедшие в науку, да и при изучении специальных научных тем есть выводы и наблюдения широкого источниковедческого и археографического значения, ценные для всех исследователей, использующих те же источники. Так, изучение почерков рукописей, вышедших из московских книгописных мастерских XV—XVI вв., которое ведется Б. М. Клоссом, позволило ему выявить известные рукописи, редактированные и писанные участником московского еретического кружка 1480-х годов Иваном Черным (вып. 32), а также установить источники и характер его работы.

Разнообразие видов памятников, различия в методике использования их как исторических источников и памятников литературы и письменности требуют разнообразия и археографических приемов, и характера сообщений об этих памятниках. Уникальность содержания отдельных рукописных книг, большей частью сборников, вызывает необходимость статей с монографическим описанием и исследованием (а, частью, и публикацией небольших текстов) этих рукописей. Таковы названные работы И. М. Кудрявцева, Л. И. Ивиной, а также статья Я. Н. Шапова, устанавливающая состав пергаменного сербского Рашского списка кормчей книги 1305 г., хранящегося частями в двух местах (вып. 33). Изучению текста памятника, сохранившегося в единственном списке, но являющегося звеном в сложной цепи редакций «Жития Сергия Радонежского» в списке XVI в. из собрания Ундольского посвящена работа западногерманского исследователя Л. Мюллера (вып. 34). Определяя источники обработки и характер их использования, сопоставляя в форме таблиц отдельные сведения и части жития, автор определяет эту редакцию как наиболее обширную, включающую почти все сведения о Сергии, известные в русской письменности.

Уникальный по своему значению, значительный по объему памятник — мемуары итальянского певца Филиппо Балатри («Жизнь и путешествия» в 9 томах) — потребовал особой формы исследования с подробным обзором содержания наиболее ценной его части (тт. 1—6) о пребывании в России в 1698—1701 гг. Здесь содержится рассказ очевидца о многих событиях и лицах того времени. Статья Ю. И. Герасимовой (вып. 27, 1965) дает хорошее представление о значении этого «сказания иностранца о России», — как традиционно называются такого рода сочинения в русской историографии, — для истории петровских преобразований, но не может заменить его издания, которое очень желательно.

Под руководством академика М. Н. Тихомирова в нашей стране была начата работа по созданию впервые сводного каталога древних рукописей (до XVI в.). Среди древнерусских и южнославянских рукописных книг библиотеки наиболее ранние — XI и XII вв. Научное описание этих ценнейших памятников письменности в форме каталога дает большая работа Н. Б. Тихомирова, опубликованная в четырех выпусках «Записок» (вып. 25; вып. 27; вып. 30; вып. 33). Являясь по форме традиционным для такого рода работ, каталог по-существу представляет уникальное исследование древнейшего пласта славянской письменности — двадцати рукописей одного хранилища в сопоставлении со всем известным в науке фондом книг этого времени. Комплексное их изучение с применением методики палеографического, кодикологического, лингвистического анализа, исследование содержания позволяет автору как бы заново ввести большую часть этих рукописей в науку, на этот раз со всесторонне обоснованными датами, часто со впервые установленным косвенными путями местом их написания, определением их содержания и исчерпывающей библиографией. Это делает каталог Н. Б. Тихомирова не только значительным исследованием, но и образцом для работ такого рода по рукописям других хранилищ.

Особым разделом археографии и источниковедения как исторических дисциплин является филигранография — изучение и использование в работе исследователя знаков писчей бумаги. В «Записках» опубликовано несколько работ на эту тему, принадлежащих крупному специалисту в области истории бумажных знаков С. А. Клепикову. Таковы подготовленные автором на основе разработанной им методики алфавитные справочники по наиболее распространенным в России и поэтому важным для датировки рукописей XVII—XVIII вв. знакам: «голова шута» и «герб Амстердама», снабженные аннотированной новейшей библиографией темы (вып. 26).

Последним постоянным разделом «Записок» являются публикации. Здесь по правилам, принятым в советской археографической практике для документов и литературных памятников различного времени, систематически издаются небольшие по объему, но наиболее ценные документы, исторические и литературные произведения, письма и пр.

Характерной чертой публикаций в этом издании является большая предварительная исследовательская работа над издаваемым источником, результаты которой довольно полно отражаются и в легенде к публикации и в других формах (реальный комментарий к тексту и пр.). Это облегчает введение новых памятников в науку, поскольку одновременно сообщаются сведения и о месте источника среди других, восстанавливается история создания текста, определяется автор и условия появления анонимного сочинения. Все это делает раздел публикаций неотъемлемой составной частью издания, имеющей свою специфику, но преследующей ту же основную цель — информацию о наиболее ценных материалах, сообщаемую на том уровне, которого требует сегодня наука.

Тематика и временной охват публикаций широки и также соответствуют содержанию хранящихся в библиотеке рукописных материалов. Так, среди публикаций мы найдем документы XII в. (новгородский устав кн. Святослава Ольговича 1137 г. по списку конца XV—XVI в. (публика-

ция Я. Н. Шапова, вып. 26), тверскую историческую повесть XV в. о Софье Ярославне Тверской (публикация Л. В. Тигановой, вып. 33); произведение XVI в. — неизвестное послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию, рисующее острую идеологическую борьбу в России в конце XV — начале XVI в. (публикация В. Б. Кобрин, вып. 28, 1966) и Сказание о взятии Полоцка русскими войсками в 1563 г., входящее в состав разрядных книг (публикация В. И. Буганова, вып. 31). К XVII в. относится большая публикация нового московского летописца 1630-х годов, содержащего оригинальные сведения за вторую половину XVI — начало XVII в. (публикация В. И. Буганова и В. И. Корецкого, вып. 32) и публикация трех неизвестных писем протопопа Аввакума последних лет его жизни, причем в той форме, которую они имели до переработки старообрядческими «издателями» его письменного наследия конца XVII — XVIII вв. (публикация Н. С. Демковой и В. И. Малышева, вып. 32). Вновь найденное письмо Петра Первого к начальнику Олонекских заводов В. Геннину 1718 г. с заказом оружия вместе с ответными письмами последнего рисует большую работу по перевооружению русской армии, которая велась во время Северной войны (публикация Е. Н. Ошаниной, вып. 34).

Принципиально важный слой общественно-политических документов выявляется в двух публикациях К. И. Бутиной, касающихся документов из разысканного недавно Отделом рукописей архива Е. Ф. Корша, на которых следует остановиться особо. («Письма Н. Г. Чернышевского к Е. Ф. Коршу», вып. 31; «Материалы А. И. Герцена из архива Коршей», вып. 32).

Три неизвестных прежде письма Чернышевского к Коршу за 1858 г. существенно пополняют эпистолярное наследие революционера, представленное прежде всего лишь 18 письмами за этот год. Письма имеют также особую ценность, документируя один из своеобразных этапов предреформенной общественно-политической жизни. Как известно, в литературе давно идут споры об истинном характере взаимоотношений в то время Чернышевского и его соратников по «Современнику» с либеральными публицистами. В письме от 5 февраля 1858 г. Чернышевский обращается к Е. Ф. Коршу: «Вы пишете о различии наших мнений о некоторых вопросах, — оно действительно довольно велико; но, конечно, я постараюсь выбирать для статей своих, посылаемых к Вам, такие темы, в которых мои мнения одинаковы с Вашими». В этих строках читается довольно четкая формула временного блока различных антикрепостнических элементов, от которого Чернышевский не отказывался. Именно в освещении данной сложной и еще не разработанной до конца проблемы и состоит особое значение публикации К. И. Бутиной.

Как верно указывается в вступительной статье и комментариях к письмам, Н. Г. Чернышевский все время сохранял принципиальную самостоятельность собственного взгляда на события, стремясь вовлечь либеральный «Атеней» в более решительные антикрепостнические действия.

Однако не следует представлять противоречия Чернышевского и либералов в 1858 г. глубже, острее, чем они были в реальности, такими, какими они стали через один — два года по мере углубления революционного кризиса в стране. Письма Чернышевского свидетельствуют о его серьезных планах сотрудничества с «Атенею». Поражает откровенный тон последнего письма за 1858 г. с прямыми намеками Чернышевского на важные события, которые должны переменить жизнь России «через два года» (предполагаемое время освобождения крестьян), и еще более важные (подразумеваются революционные) события, которые произойдут позже, «если б оно [решение] замедлилось лет на пять» (вып. 31, стр. 236). Здесь интересен и самый взгляд Чернышевского и то, что он им делится с умеренным либералом Коршем.

Письма А. И. Герцена к Е. Ф. Коршу, выявленные в том же архиве, кроме интересных и живых герценовских строк содержат материал, важ-

ный для установления близости позиций Герцена и Н. Г. Чернышевского. Последнее по хронологии письмо Герцена написано в те же дни, что и одно из интереснейших писем Чернышевского к тому же адресату (письмо Герцена — 10 июня 1858 г. нового стиля, письмо Чернышевского — 5 июня старого стиля), и позволяет произвести важное, интересное сравнение позиций двух великих мыслителей, тем более что в обоих письмах дается оценка почти одних и тех же событий. Кроме существенных общественно-политических наблюдений оба письма содержат богатый материал для историко-психологического анализа (эмоциональные формы оценок, эпистолярный стиль и т. п.).

В этой связи следует отметить громадный материал, содержащийся в хранилищах Отдела рукописей и в его «Записках», относящийся к вопросам изучения личности.

В статьях и публикациях, наряду с широкими обобщениями, идущими по линии классового и социально-исторического анализа, присутствует немало личностных характеристик, деталей, типических подробностей, без которых невозможна разработка научных биографий.

С этой точки зрения чрезвычайно интересна работа Н. В. Зейфман «Источники по истории правительственной политики в области образования в 1880-х годах и материалы по истории декабризма» (вып. 32), построенная на анализе архива М. С. Волконского. Автор научно воссоздает образ М. С. Волконского, ранее знакомого читателям главным образом по мемуарной декабристской литературе. Ценные наблюдения и оценки личностного характера углубляют и расширяют возможные сферы использования обозреваемого архива.

Внимательное изучение «Записок Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина показывает, что сотрудники одного из важных научных и археографических центров отчетливо сознают необходимость исследования исторической психологии, отдельной личности, воссоздания научных биографий, имеющих не только научное, но и нравственное значение.

В заметке «Памяти Елизаветы Николаевны Коншиной», посвященной старшей сотруднице Отдела рукописей, проработавшей здесь без малого 50 лет, отмечается характерная для покойного ученого черта: «За долгие годы работы в Отделе рукописей Елизавета Николаевна воспитала не одно поколение сотрудников, раскрывая перед ними в повседневном общении поэзию и нравственную основу трудного пути архивиста-исследователя» (вып. 34, стр. 302). Такой стиль работы сохраняется в Отделе рукописей и передается из поколения в поколение.

«Записки Отдела рукописей» снискали заслуженную благодарность своих постоянных читателей и являются по праву настольной книгой археографов и исследователей.

СПИСОК ТРУДОВ Е. П. ПОДЪЯПОЛЬСКОЙ *
(к 80-летию со дня рождения)

11 ноября 1975 г. исполнилось 80 лет видному специалисту по истории феодализма, источниковеду и археографу, кандидату исторических наук Елене Петровне Подъяпольской. В связи с ее юбилеем в Институте истории СССР АН СССР состоялось заседание сектора истории СССР периода феодализма, открывшееся вступительным словом академика Л. В. Черепнина. С приветствиями и поздравлениями на заседании выступили В. И. Буганов, Е. Н. Кушева, Л. Н. Пушкарев, С. О. Шмидт, М. И. Автократова, И. А. Булыгин, С. М. Троицкий и др.

Публикуя список научных трудов Е. П. Подъяпольской, редколлегия «Археографического ежегодника» и Бюро Археографической комиссии сердечно поздравляют Е. П. Подъяпольскую с юбилейной датой, желая ей бодрости и новых научных успехов.

1926

Саратовская областная музейная конференция (12—15 октября 1926 г.). Саратов, 27 стр. (автор не обозначен).

1927

О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. — «Известия Нижне-Волжского краеведческого ин-та», Саратов, т. II, стр. 143—213. Отд. отт. Саратов, 71 стр.

Сказка IV ревизии. [Таблица для обработки данных IV ревизии]. Саратов.

1929

К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII столетия. — «Известия Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького». Саратов, т. III, стр. 247—269; Отд. изд. Саратов, 23 стр.

Сост.: «Опись документов и дел рукописного отделения Библиотеки [Нижне-Волжского] общества [краеведения]», [ч. I]. Саратов, 33 стр. (на шмуцтитуле загл.: «Опись серии «Документов» (продолжение)»).

* Составитель П. В. Пронина.

1935

Подгот. к печ., примеч.: Из переписки И. М. Сеченова [Письмо И. М. Сеченова Ф. Ф. Веселаго от 31 октября 1858 г.] — «Известия», 17 августа (без подписи).

1937

Сост. шести карт в кн.: П. Г. Любомиров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России XVII, XVIII и начала XIX вв. Географическое размещение металлопромышленности. М., 304 стр. (совм. с Е. Н. Кушевой и Е. Ф. Любомировой).

Перепечатка трех карт в кн.: Н. Н. Рубцов. История литейного производства в СССР. М.—Л., 1947, 274 стр.

1939

Советание научных работников Государственного архива феодально-крепостнической эпохи по вопросу о систематизации и описании столбцов. — «Архивное дело», № 1 (49), стр. 164—168.

1940

Подгот. к печ.: Новые материалы о М. В. Ломоносове [1.] Материалы о фабрике цветного стекла и бисера, заведенной М. В. Ломоносовым; [2.] Материалы о работах М. В. Ломоносова по мозаике. Ввод. статья И. Грабаря. — «Красный архив», № 3 (100), стр. 158—194 (совм. с Л. Л. Гришиной и И. И. Корневой).

1941

Сост.: Список трудов профессора П. Г. Любомирова. — В кн.: П. Г. Любомиров. Статьи по истории России XVII—XVIII в. М., стр. 1—7. [Тираж погиб во время Великой Отечественной войны в Каунасе? Сохранилась корректура — ОПИ ГИМ, ф. 470, оп. 1, ед. хр. 201].

1943

Совещание директоров Институтов малярии и медицинской паразитологии.— «Медицинская паразитология и паразитарные болезни», № 3, стр. 90—94 (с О. М. Кехчер и Г. А. Раевским).

1946

Подгот. к печ., сост. примечаний. «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VII, вып. 2. М.—Л., VII, 641—935 стр. (совм. с А. П. Глаголевой, С. А. Фейгиной, Н. А. Баклановой и Т. К. Крыловой).

1947

Подгот. к печ.: П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 763 стр. (совм. с Е. Ф. Любомировой и Е. Н. Кушевой).

1948

Подгот. к печ.: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VIII, вып. 1. М.—Л., 406 стр. (совм. с А. П. Глаголевой, С. А. Фейгиной, Т. К. Крыловой и Н. А. Баклановой).

1950

Подгот. к печ.: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. IX, вып. 1. М.—Л., 526 стр. (с А. П. Глаголевой).

1951

Подгот. к печ., сост. примечаний: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VIII, вып. 2. М., 1178 стр. (совм. с А. П. Глаголевой, Н. А. Баклановой, Т. К. Крыловой и С. А. Фейгиной).

Рец. на кн.: Б. Б. Кафенгауз. И. Т. Посшков. Жизнь и деятельность. (М.—Л., 1951, 191 стр.) — «Советская книга», № 7, стр. 64—67.

1952

Сост.: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. IX, вып. 2. М., 531—1619 стр. (совм. с А. П. Глаголевой, Н. А. Баклановой и Е. И. Индовой).

Ревизские сказки как исторический источник.— В кн.: «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». Сб. статей. М., стр. 311—321.

1953

[Как было принято в Москве известие о гибели Булавина].— В кн.: «История Москвы», т. II. М., стр. 107 (текст в книге; без подписи).

[Москва в народном творчестве петров-

* Рецензии на тт. VII—XI (вып. 1) этого издания указаны в статье *Е. П. Подъяпольская*. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». — «Археологический ежегодник за 1972 год». М., 1974, стр. 70.

ского времени].— Там же, стр. 169—171 (текст в книге; без подписи).

Рец. на кн.: М. В. Ломоносов. Сочинения, т. VI. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. (М.—Л., 1952, 689 стр.) — «Вопросы истории», № 9, стр. 136—141 (с П. К. Алефиренко).

1954

Восстание на Дону в 1707—1708 гг.— В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М., стр. 253—279 (с В. И. Лебедевым).

1955

К истории нелегальных изданий книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». — «Проблемы источниковедения», т. IV, стр. 20—45.

1956

Сост., автор примечаний: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. X. М., 871 стр. (совм. с А. П. Глаголевой).

Рец. на кн.: «Описание собрания рукописных материалов А. В. Суворова». Сост. Л. А. Мандрыкиной. (Л., 1955, 301 стр.) — «Исторический архив», № 4, стр. 281—283 (совм. с Н. С. Орловой).

1957

Подгот. к печ. и вступит. статья: «Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707—1709 гг.»— В кн.: «Материалы по истории СССР», т. V. М., стр. 503—564.

1959

Военные советы 1708—1709 гг.— В кн.: «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». М., стр. 112—136.

[Некрологи А. И. Андрееву].— «Исторический архив», № 4, стр. 246; «Проблемы источниковедения», т. VIII, стр. 495—498 (с А. П. Глаголевой, Т. С. Майковой, без подписи).

Петр I и художник Ян Купецкий.— В кн.: «Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы». М., стр. 245—264.

Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII в.— «Проблемы источниковедения», т. VIII, стр. 314—342.

1960

Подгот. к печ., вступит. статья, примеч.: «Новое о восстании К. Булавина». — «Исторический архив», № 6, стр. 119—142.

Подгот. к печ.: С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Избр. статьи по истории декабризма. Саратов, 421 стр. (совм. с М. А. Чернохой, Е. Н. Кушевой и Н. А. Фидипповой). *Сост.:* «Список научных трудов Сергея Николаевича Чернова». — Там же, стр. 408—415 (с Е. Н. Кушевой).

1961

Как родилась песня. Этюд из истории песен феодальной эпохи (1709 г.—середина XIX в.)—В кн.: «Вопросы социально-экономической истории и историко-экономического периода феодализма в России». Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., стр. 290—295.

1962

Восстание Булавина. 1707—1709. М., 216 стр.*
Сост., автор примечаний: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1. М., 606 стр. (совм. с А. П. Глаголевой, Я. Е. Водарским и Т. С. Майковой).

1963

К вопросу о русско-чешских культурных связях в первой четверти XVIII в. (Автограф чешского художника Яна Купецкого в советском архиве).—В кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей. К 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., стр. 304—306.

1964

К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута**.—В кн.: «Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященный 75-летию С. Н. Валка. Л., стр. 314—318 (Труды ЛОИИ СССР, вып. 7).

Подгот. к печ., автор примечаний, сост. библиографии: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2. М., 743 стр. (с Я. Е. Водарским, Т. С. Майковой и А. П. Глаголевой).

1966

Восстание Булавина.—В кн.: «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.»*** М.—Л., тл. III, стр. 176—203.

* См. рецензии: В. И. Буганов.—«Правда», 21 августа 1971 г.; В. И. Буганов и В. И. Лебедев.—«Вопросы истории», 1963, № 12, стр. 124—127; В. И. Кириллов.—«Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 135; А. П. Пронштейн.—«История СССР», 1965, № 4, стр. 161—164; Е. В. Хорошунюв.—«История СССР», 1963, № 4, стр. 228; А. Л. Шапиро.—«История СССР», 1963, № 4, стр. 156—157; Р. Hoffmann.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1963, Jg. 11, N 7, S. 1392; V. Husa (V. H.).—«Československý časopis historický». Praha, 1964, N 1, s. 130; C. Șerban (C. Ș.).—«Studii. Revista de Istorie». București, 1963, N 5, p. 1195—1196; R. Wittram.—«Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1965, Bd. 13, N 3, S. 457—458.

** См. рецензию: С. А. Фейгина.—«Советские архивы», 1970, № 4, стр. 117—118.

Об участии городских низов в Булавинском восстании.—В кн.: «Города феодальной России». Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., стр. 371—374.
Тайны тайнописи.—«Наука и жизнь», № 10, стр. 117—118.

1967

Тайны тайнописи.—«Наука и жизнь», № 1, стр. 48—49; № 5, стр. 117.

1968

Тайны тайнописи.—«Наука и жизнь», № 4, стр. 130—131; № 6, стр. 129.

1970

Алексей Андреевич Новосельский (1891—1967).—«Археографический ежегодник за 1968 год». М., стр. 462—464.

Тайны тайнописи.—«Наука и жизнь», № 12, стр. 121.

1972

Русские известия о восстании венгерских крестьян 1703—1705 гг.—В кн.: «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященных Льву Владимировичу Черепину». М., стр. 108—113.

1974

Известия о роде Булавиных.—В кн.: «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М., стр. 65—71.

Неизвестные стихи на смерть Петра I.—В кн.: «XVIII век», сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., стр. 296—299 (совм. с С. Р. Долговой).

Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого».—«Археографический ежегодник за 1972 год». М., стр. 56—70.

1975

К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и мемуарам Петра I).—В кн.: «Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.» Сб. статей памяти А. А. Новосельского. М., стр. 181—189.

*** См. рецензии: Г. Бурдей.—«Волга», 1967, № 4, стр. 163—165; Б. Кафенгауз.—«Новый мир», 1966, № 7, стр. 284; Ю. Р. Клокман.—«История СССР», 1967, № 5, стр. 172; А. П. Пронштейн.—«Вопросы истории», 1967, № 7, стр. 151—161; С. М. Троицкий.—«Преподавание истории в школе», 1967, № 3, стр. 108—109; P. Avrich.—«American historical review», N. Y., 1967, vol. 73, N 1, p. 179—180; H. Neubauer.—«Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1967, Bd. 15, N 2, S. 282—283; C. Șerban.—«Studii. Revista de Istorie». București, 1967, t. 20, N 3, p. 604—605.

III. ПУБЛИКАЦИИ

«АРТИКУЛЫ, СКАЗАННЫЕ ЧЕРЕЗ КРИШТОФА ГРАЕВСКОГО» — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 70-Х ГОДОВ XVI В.

В мае 1575 г. польская шляхта собиралась на съезд в Стенжицу, чтобы низложить бежавшего из страны короля Генриха Валуа и избрать на его место нового правителя. Согласия среди избирателей не было, между сторонниками разных кандидатов вспыхивали споры, выливающиеся в вооруженные столкновения. В разгар этих споров среди собиравшихся в Стенжице избирателей стало распространяться письмо некоего Криштофа Граевского своему брату Петру. В этом письме¹ К. Граевский жаловался на то, что его незаконно арестовали литовцы за то, что он пытался сообщить собравшимся для элекции польским феодалам условия унии между Россией и Речью Посполитой, которые изложил Граевскому в Москве сам Иван IV. Далее были приведены и сами эти условия. Они начинались с заявления, что Иван IV ищет польского трона не из жадности власти и богатств, а для того, чтобы соединить свои силы с польскими и нанести решительный удар угрожающей существованию христианских государств Османской империи. Иван IV также обещал «соединить свои народы с Польщей такими же узами, какими некогда Ягайло соединил (с Польшей) Литву». Царь, говорилось далее, исповедует православную религию и не хочет легкомысленно отказываться от нее, но не отказывается принять и другую веру, если ему будет доказано, что она более совершенна, с этой целью пусть будет осуществлен публичный диспут.

Письмо заканчивается заверением, что царь настолько доверяет добрым качествам поляков, что готов лично прибыть с небольшой свитой в Польшу, чтобы обсудить условия унии с избирателями.

Этот весьма, как видим, необычный по содержанию документ, вызвавший, надо думать, немалые толки среди современников², стал предметом дискуссий исследователей.

Это и неудивительно, поскольку, как известно, в период напряженной борьбы за польский трон в 1574—1576 гг. Иван IV не выдвинул официально своих условий «соединения» России и Речи Посполитой и вообще держался выжидательной тактики, что и стало в дальнейшем причиной споров о истинных целях его политики. В этих условиях «письмо Граевского» стало одним из главных источников, по которым можно было определить русский внешнеполитический курс середины 70-х годов XVI в.

¹ Оригинал письма не сохранился, но его содержание подробно изложено в хронике участника Стенжицкого съезда С. Ожельского: *S. Orzelski. Bezkrólewia ksiąg ósmio- czyli dzieje Polski od zgońu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576*, t. II. SPb.—Mohylew, 1866, str. 115—117.

² Толки, вызванные письмом среди польской шляхты, получили яркое отражение в диалоге Я. Д. Соликовского «Коморник и бурмистр» — *J. Szubek. Pisma polityczne w czasów pierwszego bezkrólewia*. Kraków, 1906, N L, XIV.

Специальное изучение этого источника очень скоро привело к возникновению весьма серьезных сомнений в подлинности документа. Так, Ф. М. Уманец пришел к заключению о том, что это письмо — апокриф. Иван IV, по его мнению, не мог пойти на такое нарушение русского дипломатического этикета, чтобы дать аудиенцию лицу, не занимавшему официального положения и передать через него предложения столь большой важности. Вместе с тем, по его мнению, для Ивана IV было совершенно неприемлемым заключение унии с Польшей на тех условиях, на которых некогда Ягайло присоединил Литву к Польше. «Вся фабула письма Граевского, — заключал исследователь, — придумана, по всей вероятности, только для того, чтобы заинтересовать сейм его особой и вызвать ходатайство об его освобождении³». Точка зрения Ф. М. Уманца получила в дальнейшем поддержку Л. А. Дербова⁴, но общего признания не получила, поскольку новые архивные находки опровернули существенную часть построений этого исследователя.

В 1905 г. И. С. Рябинин обнаружил в так называемом «Архиве Царства Польского», т. е. бывшем государственном архиве Речи Посполитой, датированную августом 1575 г. запись допроса К. Граевского рядом литовских сенаторов⁵. Из этого документа ясно следовало, что К. Граевский в 1575 г. на самом деле ездил в Москву, где встречался не только с самим царем, действительно излагавшим ему условия унии, но и с ближайшими советниками Ивана IV — думным дворянином Афанасием Нагим и дьяком Ершом Михайловым, разъяснявшим шляхтичу смысл высказываний своего государя. Одновременно сообщение Граевского (в его показаниях), что Иван IV сам говорил с ним «относительно латинской и греческой веры» явилось веским доводом за то, что одно из наиболее сомнительных условий письма — обещание царя устроить диспут о вере, — по-видимому, действительно восходит к подлинным высказываниям Ивана IV. Тем самым устранялась значительная часть доводов, заставлявших исследователей сомневаться в подлинности письма Граевского. Вместе с тем сохранял свою силу довод Уманца, что для русского правительства изложенные в письме условия унии были совершенно неприемлемы: ни в одном из русских официальных заявлений не могло быть и речи об отказе династии Рюриковичей от наследственных прав на русский трон — именно это скрывалось под определением «соединения по образцу Ягеллового». Это противоречие, в известной мере, еще более обострилось, когда выяснилось, что за текстом письма Граевского стоят реальные исторические факты.

Попытку разрешения этого противоречия предпринял В. Новодворский, сформулировавший свою гипотезу еще до появления публикации И. С. Рябинина. По его мнению, изложенные в письме Граевского обещания были со стороны Ивана IV лишь «дипломатическою уловкою с целью усилить еще более расположение к себе своих сторонников в Речи Посполитой»⁶. Гипотеза В. Новодворского удовлетворительно объясняла всю совокупность известных исследователям материалов. Неудивительно поэтому, что к ней присоединились последующие исследователи, занимавшиеся историей русско-польских отношений в 70-х годах XVI в. В. Д. Королюк⁷, а затем И. Б. Греков⁸ считавшие, правда, в отличие от В. Новодворского, что целью дипломатической акции Ивана IV было затянуть избирательную борьбу

³ Ф. М. Уманец. Русско-литовская партия в Польше. 1574—1576. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1875, декабрь, стр. 264.

⁴ Л. А. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол в 1572—1576 гг. — «Ученые записки Саратовского университета», т. 39. Саратов, 1954, стр. 215.

⁵ «Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву, с предисловием И. С. Рябинина». — «Чтения ОИДР», 1905, кн. I.

⁶ В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582). СПб., 1904, стр. 24.

⁷ В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1954, стр. 89, 91.

⁸ И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. XIV—XVI вв. М., 1963, стр. 349—350.

в Речи Посполитой и что царь вообще не ставил своей целью добиваться польского трона.

Исследователи при этом исходили из предположения, что в так называемом письме Граевского русские предложения изложены именно так, как их изложил Граевскому сам Иван IV. Между тем это исходное положение нуждается в критической проверке, поскольку в настоящее время в библиотеке Польской Академии наук в Курнике обнаружена иная версия русских предложений. Это — сохранившийся в составе сборника документов начала 70-х годов листок, исписанный с двух сторон белорусской скорописью второй половины XVI в. с заголовком «Артикулы от князя великого Московского через Криштофа Граевского сказаны». Сопоставление этого нового текста с письмом Граевского позволяет выявить в них ряд совпадающих условий. Так, в обеих версиях говорится о согласии царя устроить религиозный диспут, чтобы определить, какая из христианских религий является истинной. Наличие в них столь специфического условия, вовсе не характерного для русских проектов унии, ясно свидетельствует об общности происхождения обоих текстов.

Вместе с тем следует констатировать, что между сравниваемыми текстами гораздо более различия, чем сходства. Прежде всего, в каждой из версий имеются такие условия, которые в другой отсутствуют. Так, в «письме», например, говорится об обещании выступить вместе с Речью Посполитой против турок, о чем умалчивают «артикулы». В то же время в «артикулах» излагается, например, пожелание царя, чтобы у него в кухне были московские повара, о чем не говорилось в «письме». Это можно было бы объяснить тем, что оба имеющихся текста с разной степенью полноты изложили свой общий источник. Однако в одном из наиболее важных пунктов содержание обеих версий оказывается в непримиримом противоречии между собой.

Если в «письме» говорилось о соединении России и Речи Посполитой «по примеру Ягайлы», то в самом начале «артикулов» выражалось пожелание царя, чтобы Корона и Литва всегда «пана мели одного з народу его; покол дом его ставати будет». Как уже указывалось в представлении польских политических теоретиков XVI в. формула о «примере Ягайлы» или упоминание унии при Ягайле означала полное слияние двух государств под властью одного монарха, выбор которого был делом исключительно свободного волеизъявления феодалов нового политического организма (так называемая «свободная элекция»). Между тем пожелание, чтобы последующие монархи выбирались лишь из числа потомков Ивана IV, находилось в прямом противоречии с такими построениями, ограничивая «свободу элекции» — этот, по убеждению шляхты XVI в., один из устоев шляхетских вольностей.

Можно отметить и другое расхождение между версиями. Если в «письме» говорилось о желании Ивана IV лично приехать в Польшу для переговоров с избирателями, то в «артикулах» мы, наоборот, находим просьбу дать проезжую грамоту для царских послов и не назначать выборов до их приезда.

Наличие между имеющимися версиями столь значительных различий заставляет поставить вопрос, какую из них следует признать аутентичным изложением предложений Ивана IV.

Для этого следует рассмотреть вопрос о происхождении имеющихся у нас текстов и сопоставить их содержание с официальными русскими проектами унии 70-х годов XVI в.

Что касается текста, использованного Ожельским, то здесь положение довольно неясно. Правда, Ожельский указывает, что «письмо» К. Граевского было адресовано его брату Петру Граевскому, старосте Вискому⁹, однако в его хронике нет указаний, чтобы автор получил текст письма

⁹ S. Orzelski. Op. cit., t. II, str. 115.

непосредственно от старосты. О происхождении текста в этих условиях можно строить лишь догадки.

Более определенные данные о происхождении «артикулов» дает состав сборника, в котором они находятся. В нем выявляется целый ряд документов, восходящих к архиву Великого Княжества Литовского и одновременно связанных с отношениями между Россией и Речью Посполитой: грамота полоцкого наместника витебскому воеводе от 26 мая 1572 г. (к. 13), грамота сенаторов, находившихся при теле Сигизмунда II, М. Радзивиллу Рыжему от 7 июля 1572 г. с советами, как удержать Ивана IV от войны с Речью Посполитой (к. 21), «память» коронных сенаторов К. Радавивиллу от 21 июля 1572 г., посланному к литовской раде с сообщением, что в настоящее время они не могут дать ответа, какую политику следует вести по отношению к России (к. 22—23), послание архиепископа Я. Уханьского Литовской раде от 23 декабря 1573 г. с сообщением, что он постарается узнать мнение коронных сенаторов, как следует поступить с русским посольством (к. 42), грамота Ивана IV сенату Речи Посполитой, март 1576 г. (к. 67).

Такой состав сборника дает формальное основание и «артикулы» рассматривать как официальный документ, почерпнутый составителями сборника из литовского государственного архива. Таким образом, если о происхождении одной версии мы, по существу, ничего не знаем, то происхождение другой ведет нас в ту среду, где, конечно, располагали сведениями о предложениях, сделанных К. Граевскому Иваном IV, и это, естественно, повышает доверие именно к ее сведениям.

К аналогичным результатам приводит и сопоставление обеих версий с официальными русскими документами. В то время, как в «письме» обнаруживается для русских документов беспрецедентное обещание стать вторым Ягайло для Речи Посполитой, то в «артикулах» этого условия, вызывавшего столь справедливые сомнения исследователей, нет. Вместе с тем большая часть условий, изложенных в «артикулах», находит близкие, а иногда и дословные аналогии в условиях унии, изложенных Иваном IV в начале 1573 г. литовскому послу М. Гарабурде¹⁰. В обоих документах совпадают не только ряд основных условий (чтобы в дальнейшем государи избирались только из числа потомков царя, чтобы коронацию производил православный митрополит, чтобы в будущем общем титуле Ивана IV как царя и короля польского на первое место был поставлен Киев), но и некоторые второстепенные пункты (например, о том, что тела Ивана IV и его детей после смерти должны хорониться в Москве «посполу с прародителями»). Это обстоятельство является, несомненно, новым веским доводом в пользу того, что не «письмо», а именно «артикулы» дают нам аутентичное изложение русских предложений.

Все это позволяет сделать вывод, что при характеристике русского внешнеполитического курса в период второго бескоролья следует опираться именно на «артикулы», в то время как «письмо», представляющее собой осуществленную с неизвестными целями произвольную переработку сообщений К. Граевского, следует рассматривать как публицистический документ, возникший уже на польской почве, и исключить из числа источников по истории русской внешней политики.

Однако не следует рассматривать «артикулы» как точное изложение предложений Ивана IV. Перед нами не официальный документ, исходящий непосредственно от царя, а запись рассказов Граевского, о чем говорит уже сам заголовок документа: отсюда изобилие в тексте «артикулов» разного рода полонизмов, определенная бессистемность изложения, не характерная для русских официальных документов краткость и недосказанность целого ряда пунктов¹¹.

¹⁰ Текст царского ответа см.: «Historica Russiae Monumenta», t. I. SPb., 1841, NCLXX.

¹¹ Как указывал в «Показаниях» К. Граевский, сам Иван IV излагал ему условия

Одновременно сопоставление «артикулов» с «Показаниями» К. Граевского свидетельствует о том, что в имеющемся у нас тексте отразились не все русские предложения. Так, например, в «Показаниях» К. Граевский упоминает, что Иван IV говорил с ним «о Киеве», т. е. об уступке Киева России¹², но в «артикулах» такого пункта нет. В равной мере не освещаются в «артикулах» и такие важные для обеих сторон вопросы, занимавшие всегда большое место в русско-польской дипломатической переписке, как вопрос о судьбе Ливонии и Полоцка. Объяснение таких странных пробелов, думается, следует искать в том, что, по собственному признанию К. Граевского, содержание русских предложений он изложил в двух письмах Яну Ходкевичу, а имеющаяся у нас запись, вероятно, основывается лишь на одном из этих писем.

Таким образом, «артикулы» — это, хотя и достоверный, но все же достаточно неполный и неточный источник по истории русской внешней политики. Однако в условиях гибели основной массы источников по истории русско-польских отношений 1570—1575 гг. и этот текст имеет для ученых большое значение.

Б. Н. Флоря.

«Артикулы от князя великого Московского через Криштофа Граевского сказаны»

Первей хочет злучити Москву с Коруною Полскою и з Великим Князством Литовским абы все посполом волное и едностаиное обирање пана мели одного з народу его, покол дом его ставати будет.

Другое: все справы и вольности поприсягнути и утвердити, як сами похочут.

Третье: абы ему вольно было давати оселости звлаца в пустых краех, которых есть в Москви немало, людем тым, котори бы того годне заслужовали.

Абы корунован был не через арцибискупа, але через митрополита, а вежде духовенство все костела Римского своим [так!] владзе и в пожитках заховати хочет: а где ж бы тем на том противно было, тогда на том перестати.

Абы титул свои зачинал от Киева, а потом Полски.

Выводит теж стародавность народу цесарства Русского, котори поведил, их здавна перед нашими монархи было.

О саженью рады: абы наперед всех воевода киевский месце мел, а потом рада московская так переплетаючи як Литовскую с Корунною, при нем осаконы.

По смерти теж его, дети его абы тела их до Москвы выпуцены были, абы там посполу с прародителями лежали.

Абы теж было учинено * [так!], на котором абы розезнанье и померкованье веры, и которая была слушная вынайдена, хотячи на том перестати.

В кухни абы повары московские были, а то для того абы в посты русские ляхи потрав не скоренили [так!] **, але все иншии врядники и обычае тутошние хочет ховати.

Просит теж, абы кглеит на послы был посланыи, аже бы пана не обрали, аж бы послове его суть были.

Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku, rkp. 1537, k. 50—50v.

унии «почти целый час», а затем его высказывания дополнительно разъясняли А. Нагой и Е. Михайлов. Из этого видно, что сказано было несравненно больше, чем уместилось на одном листке бумаги.

¹² И. С. Рябинин. Указ. соч., стр. 11.

* В оригинале пропущено, очевидно, слово «собрание».

** Должно быть: «скоромнили».

НАКАЗ О РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА СЫНА БОЯРСКОГО 1593 Г.

В литературе отмечалось, что «помещение в местнических делах многочисленных документов делает их очень важным источником для истории XVI—XVII вв.»¹ Особый интерес, на наш взгляд, представляют местнические столкновения людей малознатных, лишенных возможности подкреплять служебные притязания ссылками на «официальные» источники — государев родословец и разрядные книги². Для аргументации «честности» своего происхождения им приходилось предъявлять в Разрядном приказе документы семейных архивов и обращаться к родовым легендам.

К таким «неродословным» людям принадлежал и московский дворянин Иван Владимирович Благой, местничавшийся в 1627 г. с «захудалым» ярославским князем, также московским дворянином, Иваном Федоровичем Шаховским³. В имущественном отношении противники были далеки от верхов двора: в 1632 г. за И. В. Благой числилось 410 четвертей вотчин и 300 четвертей запустевших поместий («все пусто, нет ни одного бобыля»), а за кн. И. Ф. Шаховским — 255 четвертей вотчин и 320 четвертей поместий («худы») ⁴.

До настоящего времени происхождение Благоих не было известно⁵. Поэтому для генеалогии русского дворянства существенный интерес имеет родословие, представленное в ходе местнического спора И. В. Благой, утверждавшим, что «они люди родословные — род их Всеволож» (л. 9):

«Роспись Благоих

Князь Олександр Всеволож, а у князя Олександра сын Иван, а у Ивана Олександровича сын Иван Молодший, а у Ивана сын Дмитрий, а у Дмитрия сын Володимир, а у Володимера сын Федор Кивер Дурной, а у Федора сын Микита Благой, — и от Микиты пошли Благоия. А князь великий сослал Микиту в Новгород. А у Микиты Благово сын Данило, а у Данила сын Василей, а у Василья сын Петр, а у Петра сын отец мой Володимир»⁶.

Это родословие имеет существенные отличия от росписи Всеволожей-Заболоцких в Бархатной книге⁷. Возможно, мы имеем дело с собственным

¹ А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888, стр. 451.

² О постепенном расширении сферы действия местничества и его «демократизации» см.: С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства. М., 1973, стр. 298—301.

³ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Столбцы Московского стола, № 28, столбик 1. Изложение дела см.: А. И. Маркевич. О местничестве, ч. 1. Киев, 1879, стр. 461—464.

⁴ Е. Д. Сташевский. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911, стр. 50, 222.

⁵ П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, стр. 297; Л. М. Савелов. Родословные записи, вып. 1. М., 1906, стр. 178.

⁶ ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 28, столбик 1, л. 54.

⁷ «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», ч. 2. М., 1787, стр. 45.

сочинением Ивана Благого. Но если и принять версию происхождения Благих от смоленских князей, несомненно одно — к XVI в. они уже не занимали при дворе высокого положения. Напротив, по мнению С. Б. Веселовского, «Благие принадлежали к немногим родам городских детей боярских, которые при царе Иване поднялись в ряды московского дворянства»⁸.

Среди документов, на которые опирался в местнической тяжбе И. В. Благой, быть может наибольший интерес представляет наказ, выданный Григорию Ивановичу Благому, Василию Федоровичу Тархову и Мине Ивановичу Лыкову в октябре 1593 г. для расследования убийства сына боярского Р. П. Корсакова на дороге от Москвы к Троице-Сергиеву монастырю⁹. Подлинник наказа был возвращен Г. И. Благому приказными дьяками и впоследствии, очевидно, утрачен, а копия, снятая в Разрядном приказе, подклеена к местническому делу (лл. 45—46).

Наказ о сыске убийц Р. П. Корсакова относится, по всей вероятности, к делопроизводству Разбойного приказа, однако состав упоминающихся в нем судей не дает ясного ответа на вопрос о его происхождении, поскольку данные о судьях Разбойного и Судных приказов на осень 1593 г. не известны. Руководителями приказа названы в источнике окольничий М. Г. Салтыков, проводивший позднее розыск по делу Романовых¹⁰, думный дворянин И. П. Татищев и дьяк Дорофей Бохин. В 1592/93 г. И. П. Татищев (вместе с боярином кн. В. Ф. Скопиным-Шуйским и дьяком А. Малыгиным) ведал Владимирским Судным приказом¹¹, известно также, что Д. Бохин в 1584 г. был дьяком Разбойного приказа¹². В марте 1593 г. в Разбойной избе сидел дьяк Афанасий Демьянов, но к октябрю 1593 г. он был отправлен с посольством в Крым¹³.

Источники конца XVI в. сохранили немало свидетельств о нападениях на феодалов: в 1588 г. был убит «разбойниками» конный псарь С. Баскаков, в 1590 г. — новгородцы И. Обутков и Т. Супонев, в 1593 г. — арзамаский помещик М. Хмелевский и др.¹⁴ Наказ 1593 г. не только прибавляет к ним новый факт «разбоя», но и содержит красочное описание уголовного розыска. Сыщики, посланные в Троице-Сергиев монастырь, не были рядовыми детьми боярскими: Г. И. Благой и М. И. Лыков служили в 1580—1590-х годах выборными дворянами по Ржеву и Волоку¹⁵, а дворовый по Волоку В. Ф. Тархов имел среди волоцких детей боярских высший оклад — 450 четвертей¹⁶. Им вменялось в обязанность выяснить маршрут Ратая Корсакова, места его ночлегов и остановок, имена попутчиков и т. д. В части, касающейся допроса свидетелей и наложения ареста на имуще-

⁸ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 204.

⁹ Помимо наказа 1593 г. местническое дело содержит и другие известия о событиях конца XVI — начала XVII в.: о захвате г. Алексина — одного из оплотов Болотникова отрядом царя Василия Шуйского во главе с И. Давыдовым и кн. Ю. Шаховским, о боях с «тушинцами» под Торопцом, о взятии в 1617 г. воеводой И. В. Благим «острожков» в Бельском уезде, поставленных «польскими людьми и русскими ворами» А. Гонсевского (ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 28, столбик 1, лл. 17, 47—48) и др.

¹⁰ «Полное собрание русских летописей», т. 14. М., 1965, стр. 53.

¹¹ ГПБ, Эрм. 390-б, л. 814 об.

¹² «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». Собрал и издал А. Юшков, ч. 1. М., 1898, стр. 217, 227.

¹³ Н. П. Лизачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 491; В. И. Саваа. О Посольском приказе в XVI в., вып. 1. Харьков, 1917, стр. 148.

¹⁴ В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, стр. 264—267.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 751, столбик 3, л. 51; С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. Боярские списки конца XVI — начала XVII века как исторический источник. — «Советские архивы», 1973, № 2, стр. 94.

¹⁶ «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» Подг. к печ. А. А. Зимин. М.—Л., 1950, стр. 223.

ство убийц, публикуемый документ перекликается с губными грамотами XVI в. и уставными книгами Разбойного приказа¹⁷.

С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский

Список с наказа слово в слово

Лета 7102-го октября в 10 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии велел Григорью Ивановичю Благому да Василью Тархову да Мине Лыкову ехать к Троице в Сергиев монастырь для того — бил челом государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии Посник Корсаков. А сказал: ходил сын его Ратай сее осени к Троице за государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Русии бити челом, и сын де его Ратай изгиб безвесно.

И Григорью да Василью да Мине, приехав к Троице, в монастыре и в монастырском в селе в Клементьевском, и едуци от Троицы к Москве по дороге и около дороги по селом и по деревням обыскати и сыскати всякими многими людьми сыски накрепко: Посников сын Корсакова Ратай у Троицы в монастыре был? И его у Троицы и в селе в Клементьевском или по дороге где-нибудь видали ли? И будет видели, и каким обычаем, и с кем он ехал, и где по станом, и с кем становился, и где начевал? И где он и каким обычаем изгиб?

Да кто что скажет, и Григорью да Василью да Мине у тех людей имати письмо за их и за отцов их духовных руками. Да на кого в том Посникова сына в Ратаеве убийстве имянно скажут, и Григорью да Василью да Мине тех людей переимати, а дворы их и животы, переписав, запечатати и приказати беречи кому пригож[е] с порукою да государева указу. Да тех убойцов, перековав крепко, с великим береженьем, с провожатыми привести к Москве. А на Москве явиться с ними в приказе [к] околичному Михаилу Глебовичю Салтыкову да думному дворянину Игнагью Петровичю Татищеву да дьяку Дорофею Бохину часа того.

А однолично Григорью да Василью да Мине про того Посникова сына про Ратая с[ыс]кивати всякими сыски * накрепко, чтоб про него сыскать допряма, где ему и от кого, и каким обычем убийство учинилось.

А каков Посников сын Ратай рожеем и волосом и приметам, и каково на нем платье было, и для того сыску послан в Григорьем с товарищи Посник Корсаков.

А у наказу рука дьяка Дорофея Бохина.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 28, столпик 1, лл. 45—46.

¹⁷ «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства». М., 1909; «Памятники русского права», вып. 4. М., 1956, стр. 356—370; вып. 5. М., 1959, стр. 188—199.

* Слово сыски ошибочно написано дважды.

РАДИОГРАММА НАРКОМВОЕНА В СТАВКУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО 4(17) НОЯБРЯ 1917 Г.

Разгром мятежа Керенского — Краснова и победа вооруженного восстания в Москве дали возможность ЦК большевистской партии и Советскому правительству вплотную сосредоточиться на решении вопросов, обеспечивающих реализацию Декрета о мире, принятого II Всероссийским съездом Советов. С особенным нетерпением ждала этого армия. Многочисленные резолюции и наказания солдатских митингов и собраний, получаемые в начале ноября 1917 г. в Петрограде по радио и через делегатов воинских частей, показывали решительную поддержку солдатскими массами политики революционной власти, готовность с оружием в руках отстаивать ее завоевания. Не случайно в ряде упомянутых документов в резкой форме выражался протест против контрреволюционной деятельности верхушки армейского командования и, в частности, штаба верховного главнокомандующего русской армией в Могилеве¹.

Ставка в Могилеве была центром контрреволюции, с первых часов восстания последовательно боровшимся с рабоче-крестьянской властью. Используя в своих целях всевозможные каналы управления и связи, генералитет не только саботировал мирную политику Советской власти, но и активнейшим образом пытался влиять на события. Сколачивание контрреволюционных отрядов, лихорадочная деятельность по их переброске, расширение противобольшевистской агитации все больше отдаляли Ставку от руководства внешним фронтом, раскрывая ее главное стремление: организовать вооруженную борьбу на внутреннем фронте, создать условия для создания под покровительством генералитета контрреволюционного правительства, противостоящего Совнаркому².

В условиях революционной борьбы в стране, когда тесно сплетающиеся проблемы внутренней и внешней политики должны были решаться наиболее быстрым и радикальным образом, перед рабоче-крестьянской властью во весь рост встала задача устранения влияния Ставки, распространяемого с помощью разнообразных средств связи, находящихся в ведении армии или приверженцев буржуазно-помещичьего строя. О том, что потенциал таких средств еще был значителен в те дни, неоднократно отмечалось во многих опубликованных источниках и литературе³. Об одной

¹ «Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г.— март 1918 г.» Сб. документов под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1973, стр. 40, 43, 44, 55, 57, 59, 60, 61; «Петроградский Военно-революционный Комитет. Документы и материалы». В трех томах (далее — Петроградский ВРК), т. 2. М., 1966, стр. 41—46, 101—102, 307—308, 413—414.

² В. Д. Поликарпов. Революционные органы при Ставке верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 — март 1918 г.). — «Исторические записки», № 86. М., 1970, стр. 7—13.

³ «Петроградский ВРК», т. 1—2. М., 1966; «Связисты в борьбе за власть Советов». Воспоминания. М., 1967; Н. Н. Митрофанов. Радио Октября. День за днем... М., 1974 и др.

из первых мер в этой области свидетельствует публикуемая радиограмма Народного комиссариата по военным и морским делам (Наркомвоена) верховному главнокомандующему генералу Н. Н. Духонину. Она обнаружена в фонде Морского генерального штаба (далее — Генмор) в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота СССР⁴.

Среди документов, переданных в первые дни Великой Октябрьской социалистической революции через радиостанцию Генмора, находившуюся в Петроградском порту на острове «Новая Голландия» и в обиходе известную больше по названию этого острова, данная радиограмма обращает на себя внимание подлинными подписями народных комиссаров Н. И. Подвойского, Н. В. Крыленко и В. А. Антонова-Овсеенко. Судя по небольшой правке, которой подвергся машинописный текст, последняя его редакция была проведена рукой В. А. Антонова-Овсеенко. Пометка радиста А. Юрцева свидетельствует, что текст был передан им 4[17] ноября 1917 г. около 11 час. 15 мин. Документы ЦГАВМФ СССР позволяют предположить, что указанное время, по-видимому, обозначает момент подтверждения приема текста радиостанцией Ставки, так как в корабельных радиотелеграфных журналах крейсеров «Богатырь» и «Адмирал Макаров», стоявших на ревальском рейде, зафиксировано и более раннее время приема радиограммы — 10 час. 50 мин.⁵.

Содержание этого обращения к Ставке в лаконичной форме отразило сущность актуальных вопросов, находившихся 3 и 4 ноября 1917 г. в центре внимания ЦК большевистской партии. Военная опасность для столицы была весьма велика, и немедленное требование подчиниться Рабоче-крестьянскому правительству и прекратить движение войск на Петроград, Москву и другие революционные города в данной обстановке имело громадное военное, политическое и пропагандистское значение. Утром 4[17] ноября такое требование могло быть предъявлено штабу верховного главнокомандующего только по радио, служившему большевистской партии и ее ЦК эффективным средством связи с первых дней Великого Октября. Это вовсе не означает, что средства проводной оперативной связи, соединяющей Петроград со Ставкой были неисправны. «...Прямая телеграфная связь Ставки с Петроградом с 26 октября прекратилась, — указывал в рапорте в этот день начальник связи Ставки полковник Сергеевский. — Накопившиеся в громадном количестве в полевой телеграфной конторе № 113 депеши, адресованные в Петроград за неимением обходных путей в течение последних дней остаются переданными и будут пересланы в Петроград почтой»⁶. В этот же день в 12 час. 20 мин., снова имея в виду проводную связь, Сергеевский телеграфировал в штаб Кавказского фронта: «Петроградом связи нет. Телеграммы союзных представителей Ставке также не передаются»⁷. Дело в том, что переход к контролируемой связи с фронтами и экстренная организация сети комиссаров при полевых конторах, которой с 3(16) ноября занялся Петроградский ВРК⁸, еще не смогли предоставить руководителям Наркомвоена возможности воспользоваться обычным видом военной связи. Внутренний караул на прямом проводе в Главном управлении Генерального штаба был снят в 15 час. 4[17] ноября. В 21 час появилась связь Ставки с Петроградом и произошел разговор между дежурным Генштаба и начальником связи Ставки полковником Сергеевским⁹.

⁴ ЦГАВМФ СССР, ф. р-342, оп. 1, д. 1, л. 46.

⁵ ЦГАВМФ СССР, ф. р-212, оп. 1, д. 10, л. 39; ф. р-58, оп. 2, д. 343, л. 155 об.—156 об. По радиотелеграфному журналу линкора «Севастополь» известна вечерняя передача радиограммы с «Новой Голландии» с началом в 20 час. 43 мин. (ЦГАВМФ, ф. р-58, оп. 2, д. 431, л. 112 об.).

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 745, л. 13.

⁷ Там же, л. 15.

⁸ «Петроградский ВРК», т. 2, стр. 99—100.

⁹ ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 745, л. 118—121.

«В переговорах по прямому проводу с Духониным Комиссия по военным делам неоднократно и настойчиво требовала от него немедленного подчинения Рабоче-крестьянскому правительству и категорического запрещения движения на Петроград войск,— писал Н. И. Подвойский.— Духонин обещал приостановить движение, но на основной вопрос о подчинении новой власти давал уклончивые ответы.

Тогда Владимир Ильич взял это дело в свои руки»¹⁰.

Дальнейшее развитие событий подробно известно: 7 ноября В. И. Ленин от имени Советского правительства предписал Духонину предложить перемирие всем воюющим державам. За неподчинение Духонин был смещен, В. И. Ленин и Н. В. Крыленко обратились по радио ко всем революционным солдатам с призывом сорвать заговор генералитета, взять дело мира в свои руки¹¹. Примечательно, что эта срочная радиограмма, написанная, по свидетельствам современников, В. И. Лениным на радиостанции «Новая Голландия»,¹² была передана впервые оттуда же, как и публикуемая радиограмма.

Н. Н. Митрофанов

[4 ноября 1917 г.]

Ставка, главноверху Духонину

В настоящее время в России существует правительство Совета Народных Комиссаров, ответственное перед Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских депутатов, избранным на II-ом Всероссийском съезде Советов¹. Гражданская война внутри страны, вызванная контрреволюционерами, идущими против Советской власти, до крайности обострив общее положение, с тем большей настоятельностью *выдвигает на первый план интересы* обороны страны для обеспечения внешней безопасности. Приказом от 1-го ноября Вы приняли на себя согласно уставу о Военно-Полевом управлении войск верховное командование над армией, действующей против неприятеля². Народный Комиссариат по военным и морским делам, под контролем которого возобновилась работа всех главных учреждений военного ведомства в целях продолжения снабжения и продовольствия армии, предписывает Вам, ограничившись вопросом по внешней обороне, приостановить все продвижение войск внутрь страны, непосредственно не связанное с стратегическими соображениями³. Народный комиссариат обращает Ваше внимание на новое появление ударников под Гатчиной и предвещает, что их постигнет судьба эшелонов Керенского. Народный Комиссариат предписывает все передвижения войск внутрь страны производить лишь с санкции народных комиссаров или специально делегированных ими эмиссаров.

О получении поставьте в известность⁴.

Именем революции Народный Комиссариат по военным и морским делам.

Народный комиссар по военным и морским делам Н. Подвойский⁵.

Н. Крыленко, Антонов

ЦГАВМФ СССР, ф. р-342, оп. 1, д. 1, л. 46.

¹⁰ Н. И. Подвойский. Солдатские массы на фронтах в борьбе за мир. Публ. и комментарий А. П. Кладта.— «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 146—147.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 81—82.

¹² И. В. Сталин. О Ленине.— Соч., т. 6, стр. 63; «Военные моряки на фронтах гражданской войны». М.—Л., 1939, стр. 11—12. См. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 552.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сообщение о советском правительстве, подписанное Н. И. Подвойским в 19 час. 3 ноября 1917 г. как председателем Петроградского ВРК и опубликованное 4 ноября 1917 г. в «Бюллетене № 5 Военно-революционного комитета Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов» также подчеркивало, что «у власти стоит правительство, сформированное 2-м Съездом Советов» («Петроградский ВРК», т. 2, стр. 9).
- ² На основании Положения о полевом управлении войск Духонин вступил во временное исполнение должности верховного главнокомандующего, о чем разослал телеграмму 1 ноября 1917 г. (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы». М., 1957, стр. 805).
- ³ О создании и первых шагах Народного Комиссариата по военным и морским делам см. *Н. И. Подвойский. Год 1917*. М., 1958, стр. 181—185. Во временное управление военным министерством с 30 октября вступил генерал А. А. Маниковский, на которого были возло-
- жены обязанности по налаживанию непрерывной работы военного министерства в интересах обслуживания армии и страны и поддержания связи с военными представителями союзных государств.
- ⁴ Такого сообщения не удалось обнаружить. Однако факт получения радиogramмы устанавливается из переговоров Духонина с генералом Щербачевым по прямому проводу вечером 5 ноября 1917 г. (ЦГВИА, ф. 2003, оп. X, д. 186, лл. 164—165). В ответ на радиogramму Наркомвоена Духонин 4 ноября вновь подтвердил свой приказ от 1 ноября о вступлении в должность. (*Г. Лелевич. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, приложение, стр. 40—41*). Текст, заканчивавшийся словами: «О вышеизложенном объявляю для ориентировки всех начальствующих лиц, комитетов и комиссаров», был передан по радио 5 ноября в 11 час. 25 мин. (ЦГАВМФ, ф. р-58, оп. 2, д. 431, л. 116).
- ⁵ Этот абзац вписан рукой Н. И. Подвойского.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1975 Г.

Научные заседания

26 февраля состоялось совместное заседание Археографической комиссии и редколлегии серийного издания «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах» («Наука», 1964—1975), посвященное 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На повестке дня стоял один вопрос: «Освещение проблем второй мировой войны в публикациях серии». Открывая заседание, председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт с удовлетворением отметил, что на нем присутствуют члены редколлегии серии и авторы опубликованных книг — участники событий Великой Отечественной войны.

Вышедшие работы, сказал он, пополнили источниковую базу истории второй мировой войны. Это — и специальные публикации исторических источников, и новые документальные материалы, введенные в научный оборот авторами исследований и воспоминаний. Поучителен с точки зрения археографии опыт издания мемуаров именно тех военачальников, которые по своим знаниям, роли, сыгранной в военных действиях, по масштабам охвата событий могли сообщить наиболее ценные сведения. При этом мемуаристы зачастую выступали одновременно и как историки, в их книгах фактический материал и его обобщение органически слиты.

Плодотворным оказалось сотрудничество научных работников и полководцев Великой Отечественной войны в использовании тех документов, которые создавались в военное время с участием этих военачальников, но естественно не были и не могли быть тогда — в момент создания — предметом исторического исследования ни самих создателей, ни историков. В науку, таким образом, вошли люди, которые были участниками исторических событий того времени. Теперь они приняли участие в создании исторических работ о них. Такие исследования, где воспоминания и личный исторический опыт занимают особенно большое место, заслуживают самого серьезного научного анализа. Полезно было бы так-

же сравнить их в историографически-методическом плане с некоторыми историко-мемуарными трудами военачальников гражданской войны. Это издание, заключил С. О. Шмидт, войдет как составная часть в историю советской исторической науки, в том числе и в историю советского источниковедения и советской археографии.

Председатель редколлегии серии член-корреспондент АН СССР А. М. Самсонов (Институт истории СССР АН СССР) в вступительном слове отметил, что советская историческая наука за истекшее десятилетие достигла больших успехов в разработке истории Великой Отечественной войны. Он охарактеризовал содержание, профиль, особенности и принципы рассматриваемых изданий. Проблемами минувшей войны занимаются как военные, так и гражданские историки. Великая Отечественная война, вторая мировая война в целом представляют явления такого масштаба, которые не укладываются в рамки чисто военного искусства, а требуют общеисторического подхода. Головным в разработке этих проблем является Институт военной истории Министерства обороны СССР, который входит и в состав Отделения истории АН СССР. Исследованиями истории второй мировой войны занимаются также Институт истории СССР АН СССР, Институт всеобщей истории и другие институты. Большая роль в организации работы по освещению истории Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом принадлежит центральным и местным издательствам. Помимо академических учреждений, издательство к этой работе привлечена также научная общественность, в том числе военная, сказал А. М. Самсонов, отметив, что деятельность военно-научных обществ в этом отношении оценена еще недостаточно. Пример такого участия общественности — издание «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». Начатое по инициативе издательства «Наука» в 1964 г., в дальнейшем оно стало одним из академических серийных изданий Редакционно-издательского совета АН СССР. В состав редкол-

легии вошли: член-корр. АН СССР А. М. Самсонов (председатель), А. Н. Грылев, Г. Д. Комков, В. Т. Фомин, В. М. Ковальчук, В. И. Зуев, И. И. Зелкин (ученый секретарь). Постоянные контакты с теми научными учреждениями, которые занимаются этой проблематикой и, в первую очередь, с Институтом военной истории и институтами Академии наук, в сотрудничестве с которыми был выпущен целый ряд книг, помощь работников Военно-научного управления Генерального штаба и Главного политического управления Вооруженных сил СССР, а также непосредственных участников Великой Отечественной войны — авторов книг сыграли положительную роль в подготовке этого серийного издания.

В выпущенных работах атрибуты научного исследования (документирование, научно-справочный аппарат) сочетаются с популярностью изложения и массовостью тиража. Требование ссылок на источники распространялось и на мемуары. Прошли многие годы после окончания войны, сказал А. М. Самсонов, и даже те авторы, которые сами участвовали в событиях, не могут все помнить. В подтверждение важности документирования изложения А. М. Самсонов рассказал, что в 1967 г. он встречался с Маршалом Г. К. Жуковым и беседовал с ним по интересующим его как исследователя вопросам. Записав эти беседы, он послал их Г. К. Жукову. В этом тексте были приведены и две цитаты из документальных источников: одна о положении на Юго-Западном направлении весной 1942 г., вторая — о подготовке плана контрнаступления под Сталинградом. Г. К. Жуков подтвердил точность записи и завизировал присланный материал, в том числе и те уточнения, которые были сделаны — на основании приведенных архивных источников — к его статье в сборнике «Сталинградская эпопея». В заключение А. М. Самсонов коротко сказал о некоторых задачах дальнейшего изучения источников по истории Великой Отечественной войны.

Доклад на тему: «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах. Проблемы. Итоги» сделал Д. М. Проэктор (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР). Он охарактеризовал место и значение в историографии Великой Отечественной и второй мировой войн работ, вышедших в издательстве «Наука» под этим грифом. Все они делятся на три группы: историко-мемуарные работы, исследовательские труды, сборники документов. За десять лет — с 1964 по 1974 г. — опубликовано 88 книг (из них 13 названий вторым изданием). Большую часть их составляют мемуары и сборники документов.

В докладе был дан анализ каждой из этих групп. Учитывая профиль деятельности Археографической комиссии и задачи данного заседания, докладчик ос-

новное внимание уделит мемуарам. Особенность их в том, подчеркнул Д. М. Проэктор, что в них запечатлены неповторимые свидетельства руководителей и участников крупнейших операций Великой Отечественной войны, которые рассматривают наиболее важные проблемы ее истории, рассказывают о деятельности Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного Главнокомандования и тем самым вносят свой вклад в изучение этого героического периода в жизни нашей страны. Далее Д. М. Проэктор охарактеризовал ряд мемуарных изданий, посвященных узловым вопросам руководства военными операциями и работой тыла в годы войны. Он высоко оценил сборник статей «9 мая 1945 года» (М., 1970), указав, что среди 23 его авторов — Маршалы А. М. Василевский, А. А. Гречко, Г. К. Жуков, вице-адмирал Н. Г. Кузнецов, командующие фронтами и армиями, ряд начальников штабов фронтов, начальник тыла фронта и другие высшие военные руководители. Особо выделены статьи А. М. Василевского, давшего всесторонний анализ деятельности Генерального штаба, действий Ставки Верховного Главнокомандования по организации коренного перелома в войне; С. М. Штеменко, рассказавшего о трудностях завершающей кампании войны и разоблачившего тем самым тезис зарубежной исторической литературы о том, что фашистская армия к тому времени уже совершенно обессилела; А. А. Гречко, в статье которого освещено международное значение Победы, народный характер Великой Отечественной войны, значение советского военного искусства.

Из сборника «Сталинградская эпопея» (М., 1968) докладчиком названы статья Маршала Г. К. Жукова, в которой раскрыта «лаборатория» деятельности Ставки Верховного Главнокомандования в критический период войны, показан механизм выработки важнейших стратегических решений, в том числе плана контрнаступления под Сталинградом; воспоминания Маршала В. И. Чуйкова, в которых описаны самые тяжелые дни Сталинградской обороны, стойкость советских воинов, помощь тыла, раскрыта глубина замысла плана контрнаступления.

Сборник воспоминаний «Освобождение Белоруссии. 1944» (Изд. 2-е. М., 1974), содержит много интересных материалов о подготовке, проведении и результатах этого грандиозного военного сражения лета 1944 г. Авторы статей внесли существенные дополнения в исследования о Белорусской операции. В книге Маршала войск связи И. Т. Пересыпкина «Связь в Великой Отечественной войне» (М., 1973) в сжатой форме изложено развитие организации связи Красной Армии в годы войны, совершенствование техники связи во всех звеньях — от Генерального штаба до войсковых соединений; показан героизм связистов во фронтовой обстановке. В работе генерал-лейтенанта

Н. А. Антипенко «На главном направлении» (Изд. 2-е. М., 1971) дан анализ организации обеспечения тыловыми службами фронта наступательных операций войск, показано успешное преодоление трудностей благодаря мастерству тех, кто работал на этом ответственном участке.

Докладчик дал также характеристику некоторых мемуаров, посвященных отдельным битвам или важнейшим военным операциям. Автор книги «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма» (Изд. 2-е, кн. 1—2. М., 1973) Маршал К. С. Москаленко — участник первых боев против немецко-фашистских агрессоров ярко описал начало войны. Эта книга — еще один удар по фальсификаторам истории на Западе, изображавшим первые недели войны как «триумфальное шествие» фашистских войск. В его воспоминаниях нарисована картина упорных боев лета 1941 г., делается попытка выяснить причины тяжелых неудач на Украине в сентябре 1941 г., анализируются бои под Москвой, Харьковом и другие важнейшие военные операции. Близки по характеру к этим воспоминаниям мемуары генерала Д. Д. Лелюшенко — «Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма». (Изд. 3-е. М., 1975), в которых приведены ценные свидетельства как о тяжелых, так и о победоносных периодах войны, о встречах с высшим руководством Вооруженных Силами.

Подводя итог рассмотрению мемуаров, Проэктор сказал, что, к сожалению, многих авторов уже нет в живых, и это напоминает, как важна организация издания воспоминаний участников войны.

Далее докладчик проанализировал исследовательские работы, написанные профессиональными историками¹. В большинстве рассмотренных работ использованные документы отражены в сносках, в некоторых — даны в приложе-

ниях. С археографической точки зрения особый интерес представляет книга В. И. Дашичева², в которой научный анализ тут же подкрепляется публикацией большого документального материала.

Значение публикаций документов было раскрыто докладчиком на примере сборника «Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941» (М., 1970), подготовленного Институтом истории СССР совместно с Главным управлением пограничных войск.

В заключение Проэктор сказал, что книги, вышедшие под грифом «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах», представляют важный вклад в советскую историческую науку. Без учета введенных в научный оборот источников, фактического материала и обобщений нельзя представить дальнейшую работу исследователей как в нашей стране, так и за рубежом.

В обсуждении приняли участие генерал-лейтенант Н. А. Антипенко, генерал-майор [А. Н. Грылев], В. И. Дашичев (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), М. И. Семиряга (Институт военной истории МО СССР), А. А. Курносое (Археографическая комиссия), В. А. Анфилов (Институт истории СССР АН СССР). Все выступавшие дали высокую оценку серийных изданий, их военно-исторического и историографического значения, работы редколлегии. Выражалось удовлетворение, что обсуждение результатов деятельности большого коллектива историков фактически за 10 лет проводится по инициативе Археографической комиссии (В. А. Анфилов). Было высказано мнение, что типы издания — воспоминания, документальные сборники, монографические работы представляют удачное сочетание форм исследования второй мировой войны (А. Н. Грылев). Указывалось, что авторы привлечены не только из Москвы, но и из других городов — Ленинграда, Киева и т. д. (М. И. Семиряга). Подчеркивалась плодотворность широкого участия научной общественности страны в разработке истории второй мировой войны и истории Великой Отечественной войны и объединения для этого усилий различных научных учреждений (Н. А. Антипенко, А. Н. Грылев).

В ходе обсуждения отмечались недостаточно разработанные проблемы истории войны (Н. А. Антипенко, В. И. Дашичев, М. И. Семиряга), главное внимание было уделено публикации источников (в том числе мемуарных) и характеру мемуаров. А. Н. Грылев сказал, что документальных и справочных изданий выпускается еще мало. Как положительный факт он отметил, что воспоминания, вышедшие в серии, подкреплены доку-

¹ Особое внимание было уделено следующим книгам: В. А. Анфилов. Бесмертный подвиг (М., 1971); он же. Провал «блицкрига» (М., 1974); А. М. Самсонов. Сталинградская битва. (Изд. 2-е. М., 1968); он же. От Волги до Балтики. Очерк истории 3-го гвардейского механизированного корпуса. 1942—1945 гг. (Изд. 2-е. М., 1973); А. Н. Грылев. Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 г. (М., 1970); В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). (М., 1965); В. М. Кулиш. История второго фронта. (М., 1971); М. И. Семиряга. Советские люди в европейском Сопротивлении. (М., 1970); Б. Г. Соловьев. Вермахт на пути к гибели. Крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. (М., 1973); А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны (М., 1966).

² В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы (т. I—II. М., 1973).

ментальными материалами. В. И. Дашичев поставил вопрос о публикации документов Советского военного командования, указав, что работа эта разворачивается медленно, и о расширении круга авторов мемуаров. По его мнению в мемуарной литературе, изданной в научных целях, должны быть широко представлены не только военачальники, но также и рядовые участники войны, особенно кавалеры трех орденов Славы, значительное место должны занять воспоминания тех, кто ковал победу в тылу, стоял во главе экономики, промышленности, сельского хозяйства, работал над созданием и совершенствованием военной техники. В. И. Дашичев отметил также достоинства советской мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. Для сопоставления в качестве примеров были названы мемуары представителей французского военного командования (М. Вейгана, А. Петена, Ф. Фолша и др.), опубликованные после первой мировой войны, для которых характерны догматизация опыта и самовосхваление, и мемуары бывших гитлеровских генералов, целью которых было снять с генералитета вину за поражение. Воспоминания немецких генералов стали источником всевозможных легенд и фальсификаций и пришли в такое противоречие с документами гитлеровского командования, изданными после второй мировой войны, что многие немецкие историки последнего поколения вынуждены были отмежевываться от этих легенд. В качестве примера В. И. Дашичев привел книгу Ферстера о битве под Москвой, изданную в ФРГ.

Мемуары советских военачальников, подчеркнул В. И. Дашичев, выступающих перед читателями творчески мыслящими и действующими личностями, сохранившими вместе с тем (как это и предполагается самим жанром мемуаров) свою индивидуальность в освещении событий, выгодно отличаются от буржуазной мемуарной литературы научной объективностью.

В связи с важностью внешнеполитического аспекта истории второй мировой войны, а также с тем, что на Западе появилась литература, дающая искаженное представление о внешней политике Советской страны в период Великой Отечественной войны, М. И. Семряга сказал о желательности издания воспоминаний участников конференций в Тегеране, Ялте, Потсдаме и тех советских дипломатов, которые находились в годы войны в нейтральных странах, чтобы разоблачить фальсификаторов.

Анализ мемуарной литературы о Великой Отечественной войне был дан в выступлении А. А. Курносова, который выделил три периода в ее развитии и дал их краткую характеристику³. Особенности современного этапа развития ме-

муаров о войне — и их существенной части — обсуждаемых изданий — А. А. Курносов видит во введении мемуарной литературы в круг требований исторической науки. В связи с этим возникает целый ряд сложных вопросов. Среди них вопрос о документировании мемуаров. Для каждой книги должно быть найдено очень четкое соотношение между собственно воспоминаниями и документами. Если документ играет в мемуарах роль исторического факта, который автор комментирует, раскрывает, дополняет (например, воспоминания, как появились те или иные директивы, в каких столкновениях мнений и страстей был создан тот или иной стратегический план), то тогда его наличие в тексте оправдано и необходимо. Когда же каждое слово текста стремится подкрепить документом, то личность автора может потеряться среди бесчисленного количества ссылок и, хотя все будет выглядеть вполне обстоятельно, собственно мемуары «пропадут». В большинстве мемуарных изданий серии найдено удачное соотношение воспоминаний и документов.

Выступивший затем В. А. Анфилов сказал, что если в мемуарах ставится тот или иной принципиальный вопрос, правомерно требовать в таких случаях подкрепления сказанного соответствующими документами; другое дело, когда воспоминания могут помочь понять значение отдельных звеньев в цепи событий, и документов о них не сохранилось. Ценность мемуаров, по его мнению, в том и состоит, что это суждение участника того или иного события, которое не нашло отражения в документах (например, автор свидетельствует как рождалось то или иное решение, как оно провоздилось в жизнь).

А. М. Самсонов от имени редколлегии поблагодарил выступавших и, подводя итоги обсуждению, более подробно остановился на вопросе о том, какой должна быть мемуарная книга. Возражая А. А. Курносову, он сказал, что принцип документирования воспоминаний едва ли надо рассматривать как опасность перенасыщения их документами в ущерб самому жанру мемуаров. В качестве доказательства и в развитие сказанного во вступительном слове привел в пример статью Маршала А. М. Василевского для сборника «Освобождение Белоруссии». Сам автор, рассказал Самсонов, дав согласие написать ее, выразил опасение, подойдет ли для такого типа издания статья, в которой будут приведены многие документы. Учитывая профиль издательства, сказал Самсонов, я ответил ему, что это не только не усложнит, а наоборот обогатит статью, и действительно, когда сборник вышел, статья стала особенно интересна для читателей и исследователей. В ней приводятся дове-

Курносова на стр. 3—11 настоящего издания. Два других периода представляют содержание последующей работы исследователя.

³ Общую периодизацию и освещение первого периода см. в статье А. А.

сения, которые Маршал Василевский, как представитель Ставки, адресовал Верховному Главнокомандующему о подготовке и ходе Белорусской операции, расширившие представления об этой исторической битве. При этом, заметил Самсонов, был сохранен и присущий мемуарам стиль изложения. Далее он ответил на высказанные в ходе обсуждения пожелания об издании советских военных документов, включая документы Ставки, и документов по истории внешней политики СССР в годы второй мировой и Великой Отечественной войн. По его мнению, решить задачу издания документов Советского Верховного Главнокомандования и документов фронтов может только Институт военной истории.

С. О. Шмидт, закрывая заседание, отметил, что обсуждение отражает тот широкий общественный интерес, который существует к проблемам Великой Отечественной и второй мировой войн. Выразил сомнение в целесообразности пожелания В. И. Дашичева о публикации научными институтами воспоминаний рядовых участников войны, указав, что такого рода документы издают местные издательства, и число таких изданий будет увеличиваться. Шмидт согласился с мнением А. М. Самсонова, что вопрос о публикации документов военных архивов может быть решен только Институтом военной истории, и подчеркнул важность использования фондов Центрального архива Министерства обороны СССР, особенно выявления документов о массовости героизма и подвигов советских воинов (подобно Гастелло, Талалихину, Матросову). В заключение Шмидт остановился на том значении, которое имеет методический опыт подготовки такого типа изданий.

*Ю. В. Андрушайтите,
Л. Н. Расгончина*

1 апреля — заседание Археографической комиссии с докладом В. А. Дьякова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Архивная эвристика на пограничье истории и литературоведения». Докладчик, основываясь на личном опыте, высказал ряд наблюдений о методике архивных поисков и значении для их успеха отдельных элементов справочного аппарата архивов. Свои выводы он предварил несколькими примерами о разыскании документов, тематически связанных с историей революционного движения и литературной жизни в XIX в. Первой была названа обнаруженная докладчиком в библиотеке ЦГВИА рукопись о Черкесии Хан-Гирея — адыгейского ученого и писателя первой половины XIX в. (о существовании ее специалисты знали), представляющая ценный источник по истории, этнографии и культуре народов Кавказа¹. Второй пример, приведенный В. А.

Дьяковым, связан с именами Зыгмунта Сераковского² и Тараса Шевченко³. Выявленные в ЦГВИА материалы были использованы в этих работах докладчика. Успеху поисков содействовало предварительное изучение структуры Военного министерства и системы военного делопроизводства. Документы Инспекторского департамента Военного министерства, где оказалось немало новых материалов о «политически неблагонадежных» военнослужащих царской армии, дали возможность уточнить некоторые факты биографии Сераковского, выяснить ряд вопросов, касающихся его взаимоотношений с Шевченко, в том числе доказать, что их личная встреча во время оренбургской ссылки была невозможной. Местонахождение же неизвестного исследователя дела «об определении» Шевченко рядовым в один из батальонов Оренбургского корпуса было определено докладчиком в огромном фонде Инспекторского департамента в результате тщательного изучения, с одной стороны, биографии поэта, с другой — функций составных частей названного департамента и организации его делопроизводства.

Третьим примером, на котором основывались выводы докладчика, была история разыскания подлинника известного протеста 106 офицеров против телесных наказаний в армии, опубликованного в марте 1862 г. в «Северной пчеле» без указания фамилий. Текст протеста был перепечатан в «Колоколе» и получил широкий общественный резонанс. И на этот раз В. А. Дьякову удалось «вычислить» местонахождение документа, опираясь на сведения о его дальнейшей истории и тщательное изучение структуры и делопроизводства Военного министерства. Подлинник протеста со списком расшифрованных подписей и указанием частей, в которых служили офицеры, оказался в специальном секретном деле, заведенном в обер-аудиторской части Инспекторского департамента. Поручик И. Л. Фатеев, чьей рукой был написан текст, и его ближайшие соратники, подписавшие протест вслед за ним, имели тесные связи с революционными кругами, и, следовательно

СССР», 1958, № 5, стр. 173—178; *он же*. Султан Хан-Гирей и его «Записки о Черкесии». — «Опшмахо». Нальчик, 1960, № 1, стр. 73—80 (на кабард. яз.).

² См. В. А. Дьяков. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, его статьи о Сераковском в «Историческом архиве» (1959, № 2) и в сборниках, посвященных восстанию 1863 г. («Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960; «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964).

³ В. А. Дьяков. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964, а также статьи о Т. Шевченко в сборниках: «Тарас Шевченко» (М., 1962) и «Збірник праць одинадцяті наукової шевченківської конференції» (Киев, 1963).

¹ В. А. Дьяков. Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем. — «История

но, речь шла о сознательном антиправительственном выступлении⁴.

В фондах ЦГВИА были найдены В. А. Дьяковым и некоторые интересные документы о распространении в армии так называемой «потайной литературы». Будучи историком, а не литературоведом, докладчик видел свою основную задачу в том, чтобы проследить, как попадали произведения «потайной литературы» к военнослужащим и какое влияние они оказывали на участников движения⁵. Что касается техники архивных поисков (в ЦГВИА, отчасти в ЦГАОР СССР и других архивохранилищах), то она также опиралась на предварительное изучение литературы вопроса и на точное соотношение исследовательских задач со сведениями о структуре фондообразователя и с особенностями самого архивного фонда.

В процессе выявления в ЦГВИА источников по истории русского и польского освободительного движения в первой половине XIX в. В. А. Дьяковым были обнаружены два неизвестных исследователям дела и отдельные документы о поэте А. И. Полежаеве (прежде всего в фонде Первой, или Действующей, армии). Особенно интересным оказалось дело, содержащее документы о кружке братьев Критских (1830 г.) и связи с ним Полежаева. Хотя найденные документы во многом дублировали ранее известные источники, в них было немало и таких сведений, которые несомненно могли заинтересовать биографов Полежаева⁶.

Последний пример связан с Гийомом Аполлинером (1880—1918 гг.). Этот известный французский поэт оказался в поле зрения В. А. Дьякова в связи с тем, что по существовавшей в литературе версии его дедом по материнской линии был участник восстания 1863 г. и бывший офицер русской армии Михаил Костровицкий. Много лет собирая биографические материалы об участниках польского освободительного движения, хорошо зная состав и структуру соответствующих архивных фондов, докладчик, по его словам, довольно быстро установил, что действительно дедом Гийома Аполли-

нера был другой Костровицкий — Аполлинарий, тоже офицер русской армии, но ничего общего с освободительным движением не имевший. Обнаруженные материалы вызвали большой интерес польских и французских литераторов⁷.

Подводя итоги, В. А. Дьяков особо подчеркнул, что литературоведческие источники в ряде случаев неотделимы от исторических. Поэтому, занимаясь изучением пограничной тематики, историку не следует отгораживаться от них и забывать о нуждах литературоведения. Основываясь на своем опыте, В. А. Дьяков сказал, что обследование архивов лучше всего вести широким фронтом, накапливая материалы одновременно по разным сюжетам. Очень важным докладчик считает предварительное определение всех тех фондов, описи которых следует просматривать. Начинать целесообразно с тех фондов, где можно ожидать обнаружения наиболее важных источников по теме. Это существенно сокращает самую трудоемкую стадию работы по выявлению материалов, которой является просмотр описей и их «конспектирование», т. е. учет единиц хранения с названиями, позволяющими предполагать наличие в них нужных материалов. Чтобы облегчить ориентировку в этих выписках, которых накапливалось много, приходилось иногда составлять указатели к ним (тематические, хронологические, именные). Следующим важным этапом работы, по мнению докладчика, является предварительная источниковедческая оценка (на основании имеющейся специальной литературы) того, что было на этой первой предварительной стадии обследования архивов в них выявлено. Только после этого целесообразно начинать детальное изучение самих материалов, группируя их сначала по тематическим узлам, а затем внутри этих тематических групп по предполагаемой значимости документов.

Вторая группа вопросов, на которые обратил внимание В. А. Дьяков в своих выводах, касалась состояния справочного аппарата архивов. Указав, что от справочного аппарата во многом зависит успех исследователя, В. А. Дьяков отметил недостатки существующих путеводителей и высказался за расширение в них историко-учрежденческой части за счет излишне конкретных и не имеющих точного адреса сведений о содержании хранящихся материалов. Таким сведениям, заметил докладчик, место в тематических обзор-

⁴ Подробнее см.: В. А. Дьяков, А. Ф. Смирнов. Протест 106 офицеров.— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 224—237.

⁵ В. А. Дьяков. Записные книжки А. А. Красовского и В. В. Хромцекого. (Распространение нелегальных поэтических произведений среди военнослужащих в 1859—1863 гг.)— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1962, стр. 418—422; В. А. Дьяков, В. Е. Фильгус. Революционные кружки в Новгороде в 1859—1863 гг.— Там же, стр. 497—499.

⁶ Подробнее см.: В. А. Дьяков. Под сермяжной броней (новые материалы о военной службе А. И. Полежаева).— «Русская литература», 1975, № 2, стр. 158—168.

⁷ Подробнее см.: *Wł. Dżakow*. Apollinary Kostrowicki — dziadek Guillaume'a Apollinaire'a (na podstawie nowych dokumentów).— «Miesięcznik Literacki», 1975, No 1, s. 35—47. Отклик на эту статью, опубликованную в польском литературном журнале, появлялся во Франции: «La Quinzaine littéraire», т. 16—30.IV.1975, р. 6—7; там же, 16—31.V, р. 29; «Le Monde», 30.V.1975, р. 23.

рах, а не в путеводителях которые нельзя ориентировать на интересы одного или нескольких ученых. Внимание исследователей, сказал он, обычно сосредоточивается на этом втором разделе, в то время как гораздо большее значение для поисков имеют сведения о структуре фондообразователя, системе делопроизводства, истории фонда и т. д. Отметим, что самой важной частью справочного аппарата архива является опись, В. А. Дьяков выразил сожаление, что реестры описей считаются в архивах рабочим материалом и как правило не даются исследователям. Он высказал ряд критических замечаний по поводу практики так называемого «усовершенствования» описей и отметил, что делопроизводственным описям, заголовки которых не подвергались переработке (сделанной иногда к тому же недостаточно квалифицированно и наспех), исследователь верит больше и для этого есть определенные основания. Для совершенствования описей В. А. Дьяков предложил, в частности, дополнить их справками о функциях соответствующих структурных частей, системе делопроизводства, а также указателями — именными, географическими и т. д. Необходимо рекомендовать исследователям и делопроизводственным указателям, составленные еще в учреждениях, которые иногда лежат в архивах мертвым грузом, сказал докладчик. Наконец, он обратил внимание на важность тематической каталогизации, основанной на заголовках в описи (расписывание документов в большинстве случаев непоследовательно) и на публикацию описей.

В обсуждении доклада В. А. Дьякова приняли участие сотрудники Археографической комиссии.

В. А. Черных отметил, что в сообщении В. А. Дьякова представляет интерес не только характеристика содержания и значения разысканных им документов, но и сама методика поиска. Отметив ценность высказанных докладчиком наблюдений о недостатках системы научно-справочного аппарата архивов и рукописных отделов библиотек и путях их усовершенствования, В. А. Черных сказал, что очень важно, чтобы все архивы и рукописные отделы имели справочники типа путеводителей, построенные по единой системе. Целесообразна также подготовка справочников по государственным учреждениям и общественным организациям центрального и регионального масштаба, с указанием в каких хранилищах находятся фонды этих учреждений и организаций, материалы каких структурных частей и за какие годы сохранились и за какие отсутствуют. Важным подспорьем в подготовке такого справочника может явиться Центральный фондный каталог Главархива СССР. Ценность доклада, сказала О. А. Князевская, не только в собственно историческом материале и научных выводах, сообщенных В. А. Дьяковым, но и в полноте тех наблюдений, которые бы-

ли сделаны докладчиком по методике архивной эвристики и о путях конкретных разысканий исследователя. Она поддержала предложение докладчика о целесообразности публикации архивных описей в их полном виде и о недопустимости лишь каких-то отдельных извлечений из описей. В данном случае, заметила О. А. Князевская, невольно напрашивается параллель с отношением к содержанию древнеславянских сборников, для которых в описаниях и каталогах представляется совершенно необходимым полный перечень всех статей.

В. Б. Павлов-Сильванский подчеркнул, что доклад В. А. Дьякова продолжает тематику научных заседаний Археографической комиссии, так удачно начатую выступлением В. М. Далина «Материалы по истории общественного движения во Франции в советских архивах»⁸. Докладчик, помимо рассказа о поистине захватывающих перипетиях разысканий и их результатах, ставит ряд серьезных вопросов методики поисков документов по избранной теме и методики разработки хранившихся в архивах фондов. Доклад показал, как важно для исследователя, приступающего к работе в архивах, знать историю учреждений, их связи, соподчинение и т. д., а отсюда и порядок прохождения документов в системе государственного аппарата. Это дает возможность достаточно обоснованно предполагать, где именно могут быть интересующие исследователя материалы. Кроме того, без знания этого документа, обнаруженные в фондах того или иного учреждения, нередко так и остаются единичными находками, в то время как значительные комплексы тех же дел могут находиться в составе других учреждений, иногда хранившихся даже в том же архиве. Такое положение в немалой степени объясняют два обстоятельства, имеющие отношение непосредственно к работе архивов. При разработке фондов архивисты подчас уделяют недостаточное внимание выявлению так называемых «фондовых включений» и составлению на них каталогов. Осуществление же этой работы помогло бы разобраться в сложных учрежденческих и междуучрежденческих связях и тем самым отыскать следы множества важнейших исторических материалов, объединить части тех комплексов документов (дел), которые по ряду причин оказались в разных архивах. Во многом еще не решены вопросы усовершенствования старых описей: их изучения, снабжения научными предисловиями и указателями; не менее важно сделать эти описи доступными для исследователей. Описание еще не описанных фондов или решение заново описать те или иные фонды не исключают необходимости научной работы над старыми описями, их усовершенствования. Являясь для своего времени рабочи-

⁸ «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, стр. 354—356.

ми документами учреждений и архивов — фондообразователей современных архивов, они могут существенно прояснить для архивистов и исследователей те вопросы, настоятельную важность и большую перспективность которых показал доклад В. А. Дьякова.

С. О. Шмидт отметил особо научно-методическое значение сообщения, определяющее во многом перспективы дальнейшей работы по совершенствованию справочного аппарата архивохранилищ и сформулировал задачу более детального историографического изучения системы описания документальных материалов в архивах. Это могло бы стать темой серии дипломных и диссертационных работ, составленных по единой программе, позволяющей впоследствии обобщить эти наблюдения и выработать практические рекомендации и для исследователей, изучающих архивные материалы, и для научных сотрудников архивов, описывающих эти материалы.

29 апреля — совместное заседание Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, посвященное 75-летию со дня рождения член-корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова (1900—1967). Заседание открыл акад. Б. А. Рыбаков, который сказал о больших научных заслугах В. И. Шункова.

С докладами выступили: В. А. Александров («Труды В. И. Шункова и их издание»), Е. Н. Кушева («Подготовка В. И. Шунковым издания новгородских кабальных книг»), Т. М. Шункова («В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны»). Доклады положены в основу статей, публикуемых в настоящем издании⁹.

Председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт информировал собравшихся о том, что Комиссия вошла в Отделение с ходатайством об издании новгородских кабальных книг.

15 мая — совместное заседание Археографической комиссии и сектора истории советской культуры Института истории СССР АН СССР. С докладом «Издание документов по истории советской культуры (из опыта ЦГАЛИ СССР)» выступила директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова. Она отметила, что публикация документов является органической частью работы ЦГАЛИ. В докладе было проанализировано развитие и содержание археографической деятельности архива, охарактеризованы состав и археографические особенности выпущенных и подготовленных документальных изданий. Публикация наследия деятелей советской культуры, которой предшествует, как показала Н. Б. Волкова, большая подготовительная работа по выявлению, описанию и каталогизации архивных материалов, ведется ЦГАЛИ самостоятельно и в сотрудничестве с другими научно-иссле-

довательскими организациями по следующему основному направлению: изучение творческого наследия писателей, разработка истории советского театра и истории советского кино¹⁰.

Отвечая на заданные вопросы, она информировала, что ЦГАЛИ будет принимать участие в серийной публикации документов по истории культурного строительства, куда входят и издания архива по истории советского театра и советской кинематографии; готовится проект программы для разработки материалов к этой серии. В предстоящем пятилетии предполагается продолжить работу по публикации собрания сочинений С. М. Эйзенштейна и других документов по истории советской кинематографии, подготовить к изданию переписку А. А. Блока, дневники Е. Л. Шварца, сборник документов Михаила Чехова (на основе полученных из-за рубежа почти всех его материалов и материалов его жены). Будет продолжено издание выпусков «Встречи с прошлым». Предполагается издать описание фонда князей Виземских («Остафьевский архив»). Готовятся 4-й и 5-й выпуски Путеводителя по архиву.

В. А. Черных (Археографическая комиссия) сказал, что доклад интересен не только в информационном плане, но имеет значение для осмысления опыта археографической практики и перспектив развития археографии. Понятие археографии прозвучало в докладе как синоним публикации, что свидетельствует о том, насколько узко понимается иногда, что такое археография. В то же время содержание доклада и представленный в нем опыт работы ЦГАЛИ показывают неразрывную связь публикации документов с их сборанием и описанием. Развивая свою мысль, В. А. Черных обратился к эволюции текстологии за последние 10—12 лет. Раньше понятие текстологии, отметил он, было равнозначно археографии, но в то же время между ними была стена, так как текстологи публиковали литературные, а не исторические памятники. Потребовались труды Д. С. Лихачева, текстологические дискуссии (в них, к сожалению, не приняли участие историки), которые показали, что то, что раньше понималось под текстологией — это лишь практические выводы из всей исследовательской работы над источником, что текстология — это изучение текста, а издание текста — это выводы из этого изучения, т. е. выводы текстологии. Доклад наталкивает на мысль, не требует ли уточнения само понятие археографии? Что же существенно общего у археографии с текстологией? Если археография — только издание документов, то что же тогда такое археографические экспедиции? По-видимому, само понятие археографии должно трактоваться

⁹ Вступительное слово акад. Б. А. Рыбакова и статьи см. стр. 183—203 наст. издания.

¹⁰ Полный текст доклада будет опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1976 год».

более широко. Таковы те вопросы, сказал В. А. Черных, которые возникают для размышления после доклада.

Председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт, присоединившись к высокой оценке, данной докладу, подчеркнул практическое значение опыта ЦГАЛИ, как в научно-организационном отношении, так и в постановке архивоведческой и археографической работы. У нас немного примеров, сказал он, когда бы выявление, давшее большое количество новой документации, было проведено не только в центральных, но и в областных и краевых архивах по единому плану и столь целенаправленно, как это было сделано при подготовке документальных сборников по истории советского театра. Заслуживает внимания и опыт ЦГАЛИ по изучению, каталогизации и описанию хранившихся в архиве материалов и вновь поступающих, что является одновременно подготовительной стадией выявления документов для издания, опыт, свидетельствующий о высокой архивоведческой и археографической культуре работы. Сопровождение, состоявшееся в Перми в 1974 г.¹¹, заметил С. О. Шмидт, показало, на каком высоком уровне стоит в этом отношении работа в некоторых архивохранилищах. Напомним, что А. Е. Пресняков еще при создании Архивных курсов высказывался за то, чтобы изучение и издание документов было в руках архивистов, С. О. Шмидт отметил, что работники архивов теперь все больше ведут научную работу. Он поддержал мнение В. А. Черных о необходимости обсуждения вопроса о связи археографии с другими дисциплинами, содержании и объеме этого понятия.

В заключение С. О. Шмидт сказал, что состоявшееся обсуждение свидетельствует о целесообразности проведения и в дальнейшем совместных заседаний Археографической комиссии и секторов Института истории СССР с сообщениями специалистов — научных сотрудников архивов об издании документов.

3 июня — пленарное заседание Археографической комиссии — «Тихомировские чтения 1975 г.»¹².

12 сентября — заседание Археографической комиссии, посвященное памяти академика М. Н. Тихомирова в связи с десятилетием со дня его смерти. О новых материалах о М. Н. Тихомирове, обнаруженных в Государственном архиве Куйбышевской области, рассказал М. Т. Белянский (Московский государственный университет). Были заслушаны также доклады о М. Н. Тихомирове как историке русского феодального города — Е. В. Чистяковой (Университет дружбы народов им. П. Лумумбы), об освещении в трудах М. Н. Тихомирова вопросов военной истории России — И. И. Ростунова

(Институт военной истории МО СССР) и истории народов Поволжья — Ш. Ф. Мухамедьярова (Институт истории СССР АН СССР)¹³.

19 сентября — заседание Археографической комиссии с повесткой дня: 1) Доклад «Итоги и перспективы развития полевой археографии», подготовленный Д. И. Тверской.¹⁴ 2) Сообщение З. А. Огризко «Материалы по теории и практике музейного дела и по социально-экономической истории России в личном архиве Д. И. Тверской». В заседании приняла участие многие сотрудники Государственного исторического музея и Научно-исследовательского института культуры, с которыми была связана многолетняя трудовая деятельность Д. И. Тверской.

К нашей глубокой скорби, обратился к присутствовавшим председатель Комиссии С. О. Шмидт, заседание приходится проводить совсем не так, как первоначально предполагалось. 10 августа трагически погибла старший научный сотрудник Археографической комиссии Дина Исааковна Тверская. На ее столе лежали материалы к докладу «М. Н. Тихомиров и музей», который готовила ею к заседанию, посвященному памяти ее учителя, только что завершенная статья для журнала «История СССР» о развитии полевой археографии¹⁴ и доклад на ту же тему для конференции в Геленджике¹⁵, который планировалось предварительно обсудить на заседании Комиссии. Многие из здесь собравшихся, сказал С. О. Шмидт, знали Д. И. Тверскую не только как одаренного научного работника, с творческим и удивительно организованным складом ума, но и как человека большого сердца, который умел отдавать себя людям. Смерть ее — тяжелая утрата для науки и невосполнимая потеря для коллектива, в котором она работала. По просьбе председательствующего участники заседания почтили память Дины Исааковны Тверской минутой молчания.

Мы еще не готовы, продолжил С. О. Шмидт, обобщить все, что сделано Диной Исааковной, определить тот вклад, который внесен ею в науку и пропаганду научных знаний, в развитие советского музееведения и археографии. Сейчас можно говорить только о том, что подготовлено ею и с чем удалось лишь первоначально ознакомиться в ее личном архиве.

¹³ Тексты докладов будут напечатаны в «Археографическом ежегоднике за 1976 год».

¹⁴ Д. И. Тверская. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — «История СССР», 1976, № 1, стр. 106—124.

¹⁵ Состоялась в сентябре 1975 г. Посвящена изучению и преподаванию источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. См. также стр. 364—365 наст. изд.

¹¹ См. наст. изд., стр. 361—362.

¹² Доклады и отчет о заседании см. стр. 204—251 наст. изд.

Д. И. Тверской принадлежит заслуга, и это признано в научной литературе, детального источниковедческого изучения таких важнейших вопросов социально-экономической истории России, как проблема образования всероссийского рынка, история торговли и цен в XVII веке. Работы Дины Исааковны по этой тематике и по теории и практике музейного дела, опубликованные¹⁶ и выявленные в ее архиве (и судя по всему готовые для печати), — не только свидетельствуют об эрудиции их автора, но и воплощают результаты практической деятельности музееведа. Ее доклады, статьи, методические разработки, практически реализованные в подготовленных ею экспозициях, служат примером для подражания и объектом для изучения. Именно ей мы обязаны и тем, что вопросы полевой археографии стали на сегодняшнем заседании предметом обсуждения. Карты и схемы, составленные Диной Исааковной и показывающие где, когда, с какой степенью интенсивности, в каких районах, какие экспедиции работали, представляют первый опыт систематизации и обобщения того, что сделано в полевой археографии в послевоенные годы. На выводы и наблюдения Д. И. Тверской, сказал С. О. Шмидт, Комиссия будет опираться в своей дальнейшей работе.

Доклад «Итоги и перспективы развития полевой археографии», подготовленный Д. И. Тверской, зачитал ученый секретарь Археографической комиссии В. А. Черных. Предварительно он отметил, что, как было указано самой Диной Исааковной, доклад представляет часть большой работы по изучению и обобщению опыта постановки полевой археографии и освещает лишь некоторые узловые вопросы¹⁷. В. А. Черных подчеркнул также научное и практическое значение таблиц, составленных Д. И. Тверской, для деятельности Археографической комиссии и координации усилий организаций, ведущих экспедиционное обследование различных районов страны.

Этими данными Комиссия пользуется повседневно. Такую же практическую ценность представляет и библиография литературы об археографических экспедициях, собранная Д. И. Тверской.

Э. А. Огрязко (Государственный исторический музей) выступила с сообщением «Материалы по теории и практике музейного дела и по социально-экономической истории России в личном архиве Д. И. Тверской». Она указала, что за такой короткий срок трудно было полностью его разобрать и оценить значение имеющихся материалов. Сейчас можно дать только самую общую их характеристику, сказала Э. А. Огрязко, отметив,

что та высокая культура работы во всем, к чему прикасалась Дина Исааковна, наложила отпечаток и на ее научный архив. Изученные материалы Тверской разделены докладчиком на три раздела: научно-экспозиционная работа, собирательская работа, исторические исследования, в каждом из которых, в свою очередь; можно выделить определенные тематические группы.

Важное направление деятельности музея — научное обоснование экспозиции. К этой задаче Д. И. Тверская подходила необычайно серьезно. Сохранились образцово сделанные выписки из литературы и источников, таблицы, свидетельствующие о предварительной работе, проведенной для составления карты новых городов XVI в. и представляющей исследование по истории городов и их картографическому отображению. Подготовку справочной таблицы о разворачивании классовой борьбы в России XVI в., помещенной в экспозиции, отражают выписки из литературы, подсчеты, данные о географическом распределении выступлений, их характеристика. Готовясь к созданию экспозиции, Дина Исааковна дала одновременно научное описание музейных предметов. Подходя к музейным предметам как к особому роду источникам, она, помимо точного описания и анализа вещи, приводила ее определение по литературе, ссылаясь на указания в источниках, и каждый музейный предмет представлял всесторонне охарактеризованным. Анализировались и письменные источники. Так, при разборе наказа таможенным головам 1670 г. указаны местонахождение документа, бумага, на которой он написан, особенности стиля.

Другой комплекс материалов — путеводители к уже существующей экспозиции. Д. И. Тверская наряду с описанием составлявших ее экспонатов вносила уточнения в освещение темы и ставила важные в научном отношении акценты. Сохранились путеводитель по экспозиции, посвященный развитию ремесла в конце XV—XVI в., включавший характеристику развития ремесла и состояния историографии вопроса (с коррективами Д. И. Тверской) и путеводитель по экспозиции, представлявшей историю городов и торговли в XVI в.

Особую группу образует наследие Д. И. Тверской, касающееся общих вопросов подготовки экспозиции. Это текст ее доклада на заседании ученого совета музея о структуре экспозиции по истории позднего феодализма, подготовительные материалы для Музея боярского быта (его предполагалось развернуть на ул. Разина), содержащие научную сводку по истории здания и его последней реставрации, материалы к генеральной структуре Владимиро-Суздальского музея-заповедника (разработана совместно с А. Б. Закс), замечания к предложениям художников. Доклад Дины Исааковны помимо практического значения (как сотрудникам музея строить свою экс-

¹⁶ См. стр. 371 наст. изд.

¹⁷ Впервые об этой работе Д. И. Тверской доложила на конференции в Перми в 1974 г. См. также стр. 361 наст. изд.

позицию) имеет и общее значение, поскольку в структуре экспозиции находят отражение такие вопросы, как научная периодизация, соотношение отдельных тем, пропаганда научных знаний. В докладе были сформулированы требования к будущей экспозиции. Важность для музейной практики вопроса о мемориальных комплексах и создание в настоящее время музеев-заповедников придает особую актуальность материалам личного архива Д. И. Тверской по этой тематике. Практический интерес представляет наследие Д. И. Тверской и для решения такой проблемы, как взаимоотношения музейных работников и художников. В заключение З. А. Огризко подчеркнула методический и источниковедческий интерес материалов, связанных с научно-экспозиционной работой, и практическую ценность для музейных работников составленных описаний музейных предметов.

Следующий раздел архива отражает участие Дины Исааковны в работе экспедиций ГИМ по теме развитие капитализма (Ленинградско-Нарвской, Якутско-Бодайбинской, Дальневосточной, Забайкальской). Материалы по экспедициям тоже очень четко распадаются на определенные группы: 1) Научная подготовка экспедиций. Подобрана литература, источники, разработан план, что очень важно, так как часто экспедиции отправляются, наметив лишь тему. 2) Отчеты об экспедициях, представляющие научно-исследовательские очерки на определенную тему, раскрывающие вместе с тем методику постановки экспедиционной работы. В них дан тщательный анализ собранных вещественных памятников, которые, как показано, могут служить основанием для очень важных выводов. Так, по клеймам на рельсах, Д. И. Тверская установила, откуда и каким путем шло снабжение строительства Сибирской железной дороги. Работая в архиве над фондом амурского генерал-губернатора, она собрала очень интересный материал о переселениях. Ею была разработана (совместно с другими сотрудниками) методика записи рассказов-воспоминаний старейших рабочих и служащих Ленских приисков (Якутско-Бодайбинская экспедиция). В отчете о работе Забайкальской экспедиции нашли отражение материалы о большевике В. М. Серове. Во время Ленинградско-Нарвской экспедиции найдены новые данные по истории Путиловского завода, выявлен материал о других предприятиях этого района.

По теме научно-исследовательской работы Д. И. Тверской — цены в XVII в. (она начала заниматься ею еще в ГИМе) — имеется доклад, сделанный на научной конференции и содержащий обзор источников. Для него было обработано более 130 приходо-расходных книг центральных правительственных учреждений, монастырей и отдельных купцов. Диной Исааковной составлены таблицы о

хронологическом расположении книг за вторую половину XVII в., дающие наглядное представление, за какие годы эти книги имеются и за какие отсутствуют; сделаны выписки о движении товаров, выборка товаров по отдельным видам, разработана форма таблицы, включающая сведения о социальной принадлежности продавца, времени, месте, количестве проданного товара, его цене. Это исследование, несмотря на незаконченность, представляет, по существу, готовый материал для последующего описания и обобщения и даже в таком виде имеет самостоятельное источниковедческое значение, как постановка вопроса и метод обработки приходо-расходных книг.

Занимаясь ценами, Д. И. Тверская собрала данные к терминологическому словарю, включавшему те понятия, которые возникали и действовали в сфере торговли (термины, обозначающие товары, меры веса, длины, цены, название профессий, связанных с ремеслом и торговлей, — всего 315 карточек). Беря термины из приходо-расходных книг, Дина Исааковна тут же давала ссылку на литературу и источники, где термин встречается, и указывала все его толкования. Это делает картотеку очень ценной, хотя сейчас нельзя сказать, все ли термины учтены.

Из работ общего характера сохранились тексты лекций (и подготовительные материалы к ним), прочитанных Д. И. Тверской в МГУ по истории музейного дела с XVI в. до настоящего времени; глава «Музей как научно-исследовательское учреждение», написанная ею как сотрудником Научно-исследовательского института музееведения¹⁸ для предполагаемого издания «Основы советского музееведения», рассказанного на музейных работников в качестве практического руководства. З. А. Огризко, отметив, что была опубликована только часть этой главы, указала на целесообразность полной ее публикации.

В заключение она подчеркнула значение анализируемых материалов для практической деятельности музейных работников и деятельности музейного дела в целом и призвала сделать результаты исследований Д. И. Тверской, даже если они и незавершены, достоянием научной общественности.

И. В. Поздеева (МГУ) от имени археографической группы кафедры источниковедения Истфака выразила глубокое сожаление, что доклад Д. И. Тверской, явившийся событием для всех археографов, занимающихся полевыми исследованиями, приходится обсуждать при таких трагических обстоятельствах. В докладе нашли отражение все основные проблемы, которые стоят сейчас перед полевой археографией, и намечены пу-

¹⁸ В настоящее время Научно-исследовательский институт культуры (*Прим. ред.*).

ти их решения. Указав, что вопрос о координации деятельности археографических экспедиций встал еще в 1969—1970 гг., И. В. Поздеева подчеркнула, что то, что сделано Диной Исааковной, представляет действительную базу для координации. Важную роль в проведении в дальнейшем работы по координации должны сыграть Всесоюзная конференция по полевой археографии, назревшая давно, о которой много думала и говорила Дина Исааковна, обобщение методики работы комплексных археографических экспедиций и публикации этих материалов, ежегодные конференции-отчеты, призванные довести до сведения полевых археографов, источниковедов и историков результаты экспедиций года. Д. И. Тверской сделано чрезвычайно много для того, чтобы стало возможным перспективное планирование полевых археографических исследований во всесоюзном масштабе. Разработка и осуществление такого плана может явиться действительно новым этапом в организации этой работы и оказать существенное влияние на ее результаты. Наш долг перед наукой и перед Диной Исааковной осуществить этот план, сказала И. В. Поздеева.

Перспективность и важность дальнейших полевых исследований доказана Д. И. Тверской на основании обобщения собранного ею большого статистического материала. В докладе четко прозвучала мысль, составляющая основу ее оптимизма, что пришло время усложнения методики проведения археографических экспедиций и перенесения центра тяжести на комплексное изучение историко-культурных проблем, опирающееся на все рукописные и книжные печатные коллекции, собранные в данном районе всеми учреждениями. Насколько права была Дина Исааковна, подтверждает работа коллектива археографов МГУ этим летом, результатами которой мы, сказала И. В. Поздеева, к сожалению, не успели с ней поделиться. Без серьезного отношения к этой новой полевой методике, о которой Дина Исааковна предполагала подготовить несколько публикаций, не может быть осуществлена и разработка перспективного плана полевых исследований. В этой связи особенно важной представляется мысль, впервые сформулированная в докладе, о том, что полевая археография становится самостоятельной областью исследования.

Далее И. В. Поздеева отметила важность вопроса о подготовке кадров археографов, особенно полевых. Эта работа проводится сейчас практически максимум в четырех вузах страны. Археографической группой МГУ был разработан учебный план для подготовки археографов, в том числе полевых, который осуществляется в МГУ. Разработана программа, структура и методика проведения соответствующих спецкурсов и семинаров, которые читаются источниковедом, историкам, филологам, работающим

с Древнерусскими рукописными источниками.

В заключение И. В. Поздеева рассказала о том, какую роль играла Д. И. Тверская как сотрудник Археографической комиссии и как человек в преодолении тех трудностей, с которыми встречались полевые археографы. Наши достижения в последние годы, заметила И. В. Поздеева, вряд ли были бы возможны без поддержки Археографической комиссии и прежде всего поразительно человечески теплой помощи самой Дины Исааковны. Сегодня уместно сказать, закончила она, что наша работа в дальнейшем и то, что мы постараемся сделать, будут связаны с глубочайшей благодарностью и постоянной памятью о Дине Исааковне Тверской.

С. О. Шмидт в заключительном слове обратил главное внимание на задачи разработки научного наследия Д. И. Тверской. Наш долг, призвал он собравшихся, сделать достоянием ученых то, что сама Дина Исааковна еще не считала готовым для печати, но что в значительной степени практически уже готово. Согласившись с З. А. Огвизко, что времени для должного ознакомления с материалами архива Д. И. Тверской было действительно мало, С. О. Шмидт сказал, что заслуживает одобрения то, что уже сделано, и отрадно, что эта работа будет продолжена. По его мнению, в дальнейшем следует учесть также опубликованные работы, статьи и методические пособия, посвященные музейным сюжетам. Это позволило бы, в частности, выяснить, в какой мере использованы музейными работниками и историками результаты исследования тех вопросов истории Российского государства, которые были поставлены и в значительной степени разрешены Д. И. Тверской. Говоря о дальнейшей судьбе научного наследия Д. И. Тверской, С. О. Шмидт прежде всего подчеркнул, что опубликование ее статьи в столь авторитетном органе, каким является журнал «История СССР», уже само по себе является известной рекомендацией для направления будущей работы полевых исследователей. Он предложил опубликовать в «Археографическом ежегоднике» и других периодических изданиях развернутые обзоры тех материалов, которые сохранились в ее личном архиве, в ГИМе, Научно-исследовательском институте культуры и Археографической комиссии; подумать о подготовке специального сборника работ Д. И. Тверской, завершенных и незавершенных, по социально-экономической истории XVI—XVII вв.; предусмотреть издание сборника опубликованных и неопубликованных ее трудов, связанных с музееведением и археографической практикой, в котором в том или ином виде нашли бы отражение указанные материалы по методике подготовки экспозиции и организации экспедиций, расширенный вариант статьи для «Основ советского музееведения», лекционный курс

по истории музееведения. Экспедиционная деятельность тех, кто интересуется памятниками письменности, и тех, кто интересуется памятниками материальной культуры, тесно связана. Пафосом последних научных устремлений Дины Исааковны было доказательство и пропаганда среди ученых необходимости комплексных полевых исследований для собирания и изучения не только памятников духовной и материальной культуры. Она не успела только теоретически это обосновать. С. О. Шмидт выразил надежду, что предложения будут поддержаны присутствующими, и сотрудники Исторического музея и специалисты по XVII в. помогут Археографической комиссии в их осуществлении.

18 ноября — совместное заседание сектора истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР и Археографической комиссии. С докладом «Пражский архив П. А. Остроухова» выступил В. Т. Пашуто (Институт истории СССР АН СССР). Он сообщил, что архив был передан ему вдовой ученого во время его командировки в ЧССР в 1974 г. и предназначен для хранения в ЦГАОР СССР. Предварительный разбор и систематизацию, облегчившие понимание архива в целом и атрибуцию отдельных документов, были проведены дочерью П. А. Остроухова и ее мужем.

Материалы архива распределены В. Т. Пашуто на пять групп: 1) Неопубликованные работы. 2) Опубликованные труды (книги, оттиски, газетные статьи). Сюда же вошли материалы защиты и рукопись магистерской диссертации. 3) Переписка П. А. Остроухова с разными лицами и учреждениями. В эту же группу включены печатные экземпляры «Записок» Русского университета в Праге. 4) Научно-административные материалы, относящиеся к деятельности русских научных зарубежных организаций. 5) Подготовительные материалы к истории Нижегородской ярмарки.

Докладчик осветил деятельность П. А. Остроухова (1885—1965) и состав его Пражского архива¹⁹. Он сообщил также, что в результате изучения зарубежных архивов русских ученых в историографию вошли новые имена.

Отвечая на заданные вопросы, В. Т. Пашуто сказал, что фонд В. Ф. Булгакова в СССР им еще не обследован, изученный фонд *Seminarium Kondakovianum* находится в Музее истории искусств в Праге. Он обратил внимание на значение находящейся в этом фонде переписки ученых, в частности М. А. Андреевой, Н. К. Рериха, Д. А. Расовского и других, и отметил, что то, что опубликовано из этого фонда, представляет очень боль-

шой интерес, особенно издания по истории икон.

В обсуждении доклада приняли участие Е. Н. Кушева, Б. Г. Литвак, Я. Н. Щанов (Институт истории СССР АН СССР), давшие высокую оценку докладу и отметившие значение литературного наследия русских ученых, работавших за рубежом. Как подчеркнул Я. Н. Щанов, В. Т. Пашуто — первый советский историк, который занялся изучением истории русской науки за рубежом и выделил из общей массы русских эмигрантов тех, кто, находясь в сложных условиях эмиграции, продолжал служить науке и не занимался антисоветской деятельностью. Докладчик успел, сказал Щанов, познакомиться с жившими за рубежом представителями русской науки (П. И. Савицким, П. А. Остроуховым и др.) и помочь им возобновить контакты с Родиной. Такие контакты были возобновлены и А. В. Флоровским, значительная часть фонда которого находится теперь в Архиве АН СССР.

С. О. Шмидт (Археографическая комиссия) отметил, что совместные заседания с секторами институтов Отделения истории входят в практику работы Комиссии. Обсуждаемые на них доклады печатаются затем в «Археографическом ежегоднике».

С. О. Шмидт подчеркнул вклад В. Т. Пашуто в изучение архивов русских ученых, отложившихся в Праге, и значение его работы не только для истории русской эмиграции, но и для истории русской науки и культуры в целом. Его доклад важен не только для тех, кто интересуется П. А. Остроуховым. Многие русские ученые за рубежом писали на русском языке и на русские темы, были хранителями уникальных коллекций и документов. Несомненна заслуга В. Т. Пашуто в постановке самой проблемы и в возвращении на Родину того, что ей должно принадлежать.

В заключение С. О. Шмидт обратил в этой связи внимание на неодинаковое значение для историографии разных частей архива П. А. Остроухова, на ценность того фактического материала, который содержится в опубликованных и неопубликованных трудах ученого и работах, посвященных Нижегородской ярмарке, и должен быть введен в научный оборот, на желательность освещения вопроса о том, как П. А. Остроухов следил за выходящей советской литературой.

В. Т. Пашуто в заключительном слове поделился некоторыми наблюдениями по теме своей работы «Феодальная Россия в эмигрантской литературе (1920—1945)».

Новые издания Археографической комиссии

«Археографический ежегодник за 1974 год». М., 1975, 384 стр. (АН СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия). Редколлегия. Отв. ред. С. О. Шмидт.

¹⁹ Текст доклада будет напечатан в «Археографическом ежегоднике за 1976 год».

М. Н. Тихомиров. Древняя Русь. М., 1975, 394 стр. (АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия, Архив АН СССР). Редколлегия. Отв. ред. С. О. Шмидт. Редакция тома: А. В. Арпиховский и М. Т. Белявский при участии Н. Б. Шеламановой.

Сборник трудов академика М. Н. Тихомирова состоит из 14 работ ученого, опубликованных в 1938—1959 гг. (две из них печатаются на русском языке впервые), и Приложений. В книгу вошло исследование «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» (1955) и другие работы, связанные с изучением различных аспектов проблемы становления феодальных отношений, статьи, доклады, рецензии, посвященные истории Киевской Руси, международному значе-

нию Древнерусского государства, борьбе русского народа против иноземных захватчиков. В Приложениях впервые публикуются (по материалам Архива АН СССР) доклад М. Н. Тихомирова на заседании группы по истории Москвы в Институте истории АН СССР — «Древнейшая история г. Москвы XII—XIV вв.» (1940), «Из дневника поездки на Чудское озеро» (1958), «Ярославо дворище» (1939 г., выступление на защите кандидатской диссертации А. А. Строкова в Институте истории АН СССР). Две последние работы тематически примыкают к статье «О месте Ледового побоища» (1950), напечатанной в основном тексте.

Л. Н. Распопчина

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР

Ленинградское

В связи с кончиной председателя Ленинградского отделения Археографической комиссии, ответственного редактора сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» доктора исторических наук С. Н. Валка распоряжением Президиума Академии наук СССР от 2 октября 1975 г. председателем Ленинградского отделения Археографической комиссии и членом Бюро Археографической комиссии АН СССР утвержден доктор исторических наук А. И. Копанев.

Решением Бюро Отделения истории АН СССР от 17 июня 1975 г. заместителями председателя Ленинградского отделения Археографической комиссии утверждены д.и.н. А. С. Мыльников и д.и.н. В. И. Рутенбург; членами Бюро Ленинградского отделения Археографической комиссии утверждены: академик Д. С. Лихачев, д.ф.н. Е. Э. Гранстрем, к.и.н. М. В. Кукушкина, И. Н. Фирсов, ученым секретарем — И. З. Либерзон.

Этим же решением Бюро Отделения истории АН СССР редколлегия сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» утверждена в следующем составе: д.и.н. Н. Е. Носов (ответственный редактор), д.и.н. А. И. Копанев, академик Д. С. Лихачев, д.и.н. В. И. Рутенбург, к.и.н. В. Г. Чернуха (отв. секретарь), член-корр. АН СССР В. Л. Янин.

Состоялись три заседания Ленинградского отделения Археографической комиссии (в январе, июне и ноябре 1975 г.), посвященные итогам археографических экспедиций 1974 и 1975 гг.¹

Северное

Подготовлен к печати четвертый выпуск «Северного археографического сборника», в котором публикуются письма с фронтов Великой Отечественной войны. К выявлению и сбору писем, сохранившихся у населения, а также в архивах и музеях, были привлечены преподаватели и студенты Вологодского педагогического и политехнического институтов, сотрудники музеев и архивов, ветераны войны, учителя и учащиеся. Собрано более 2 тыс. подлинных писем, бережно хранившихся в семьях погибших. Значительная часть этих писем, по желанию их владельцев, передана на постоянное хранение в Партийный архив Вологодского обкома КПСС.

Вышла в свет «Хрестоматия по истории Вологодской области», подготовленная Северным отделением Археографической комиссии и кафедрой истории СССР Вологодского пединститута в помощь преподавателям VII—VIII классов сельских школ; подготовлен к печати второй выпуск хрестоматии для учителей IX—X классов.

Летом 1975 г. проведена вторая археографическая экспедиция в Тарноский район Вологодской области; выявлено и собрано у населения 25 рукописных и печатных книг XVIII—XIX вв. Собранные за два года материалы переданы на хранение в Вологодской областной краеведческий музей.

Вологодская, Архангельская и Коми секции Северного отделения Археографической комиссии провели подготовку ко Второй Северной археографической конференции².

¹ См. настоящий том, стр. 367—368.

² Конференция состоялась в Вологде в феврале 1976 г.

Сибирское

Сибирское отделение Археографической комиссии в 1975 г. продолжало работу по координации полевых археографических исследований на территории Сибири. Археографические экспедиции были предприняты в Томскую, Кемеровскую, Читинскую, Восточно-Казахстанскую области, Бурятскую и Тувинскую АССР. В экспедициях приняли участие Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (ИИФиФ), Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР и Новосибирский государственный университет.

В результате экспедиций и отдельных приобретений коллекции Сибирского отделения АН СССР пополнились 24 старопечатными книгами и 35 рукописями XVI—XIX вв. Среди приобретенных книг три уникальных издания XVI в.: первая украинская печатная книга — «Апостол», изданный Иваном Федоровым во Львове в 1574 г., Острожское издание «Книжица в 10 отделах» (1598 г.) и «Апостол» виленской типографии Мамоничей.

Экспедиции показали, что за последние годы вновь резко усилилось перемещение книг старообрядческой традиции из одних районов Сибири в другие. Так, у русского населения ряда районов Тувинской АССР, где успешно работали экспедиции 1966—1969 гг., констатировались после ряда интересных находок нецелесообразность дальнейших поисков, опять появились ценные для науки старинные издания и рукописи, привезенные недавно из Кемеровской области, с низовьев Енисея и из других районов Сибири. Наблюдается также перемещение старопечатных книг и рукописей с Алтая в среднеазиатские старообрядческие общины.

В апреле 1975 г. ИИФиФ СО АН СССР совместно с Новосибирским университетом провел традиционную археографическую конференцию, на которой заслушано более 20 докладов, посвященных изучению рукописных сборников и отдельных памятников древнерусской письменности. Доклады по археографической тематике были сделаны также на конференции молодых специалистов в ИИФиФ; один из них — доклад Л. С. Соболевой о рукописях литературного цикла о Борисе и Глебе — был отмечен премией. Сибирские археографы выступили также с рядом докладов на конференции молодых специалистов в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР.

Вышел в свет сборник «Археография и источниковедение Сибири» (Новосибирск, 1975), подготовленный Сибирским отделением Археографической комиссии АН СССР и сектором археографии ИИФиФ СО АН СССР. Сборник посвящен проблемам изучения древнерусской рукописной и старопечатной книги на территории Сибири, характеристике источ-

ников по истории Сибири XVII—XIX вв.; публикуются обзоры и описания собраний рукописных и старопечатных книг, в том числе старейшей в Сибири коллекции Тобольского архива; изданы тексты наказов сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г., помещена информация об археографической работе в Бурятии и другие материалы.

Уральское

Вышел в свет «Уральский археографический ежегодник за 1973 год» (Свердловск, 1975, 154 стр. Отв. ред. Б. А. Сутырин). Это четвертый выпуск ежегодника, издаваемого поочередно в Перми и Свердловске. В нем помещены статьи и сообщения по широкому кругу археографических и источниковедческих проблем истории Урала XVIII—XX вв., а также обзоры и публикации архивных документов.

Уральский государственный университет организовал археографическую экспедицию в районы Свердловской области. Собрано 50 рукописей и 34 старопечатные книги XVI—XIX вв., переданные на хранение в Библиотеку Уральского университета. Сведения о результатах экспедиции опубликованы в газете «Уральский рабочий» от 30 октября 1975 г.

23—25 октября 1975 г. в Свердловске состоялась Уральская региональная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы советской археографии», созванная Уральским государственным университетом при участии Главархива РСФСР, МГИАИ и Уральского отделения Археографической комиссии.

Южноуральское

Южноуральское отделение Археографической комиссии организовало в мае 1975 г. в г. Оренбурге Вторую Южноуральскую археографическую конференцию, посвященную проблемам археографии и источниковедения истории литературы и языка³.

Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР предпринял две археографические экспедиции в районы Башкирской АССР для сбора тюркоязычных памятников. В 95 населенных пунктах собрано 338 рукописных памятников XVII—XX вв. и 39 старопечатных книг. Собранные материалы переданы на хранение в Научный архив Башкирского филиала АН СССР. Информация об экспедициях опубликована в газете «Совет Башкортостань» от 9 сентября 1975 г.

*

³ См. настоящий том, стр. 363.

УРАЛЬСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

26—29 ноября 1974 г. в г. Перми состоялась Уральская археографическая конференция, в работе которой приняли участие представители Археографической комиссии АН СССР, ее Уральского, Южноуральского и Северного отделений, Института истории СССР АН СССР, Главных архивных управлений СССР и РСФСР, Московского, Уральского, Пермского и Удмуртского государственных университетов, Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, Вологодского, Кировского и Челябинского пединститутов, а также государственных и партийных архивов, музеев, библиотек Пермской, Свердловской, Кировской и Челябинской областей.

На конференции были заслушаны и обсуждены около 70 докладов и сообщений по проблемам археографии и источниковедения. Председатель Археографической комиссии АН СССР *С. О. Шмидт* выступил с докладом «Деятельность Археографической комиссии АН СССР. Итоги и перспективы»; председатель Уральского отделения Археографической комиссии *И. С. Капцугович* сделал отчет о работе отделения за 1971—1974 гг.

Сотрудники Археографической комиссии АН СССР выступили на конференции с докладами и сообщениями: *Д. И. Тверская* «О некоторых итогах и перспективах развития полевой археографии»; *В. А. Черныш* «О преподавании археографии, палеографии и архивоведения в университетах и педагогических институтах СССР»; *В. Ю. Афины* «О подготовке Каталога личных фондов историков».

Доклад *Л. С. Беляевой* (Главархив СССР) посвящен некоторым вопросам методики подготовки документальных публикаций по истории советского общества; *В. Г. Комлев* (Главархив РСФСР) сделал доклад о сотрудничестве архивных учреждений РСФСР с отделениями Археографической комиссии АН СССР¹.

Опыт преподавания археографии и палеографии в высших учебных заведениях обобщен в докладах и сообщениях *Е. В. Чистяковой* (Университет дружбы народов им. П. Лумумбы), *Р. И. Голубцовой* (Уральский университет), *П. А. Колесникова* (Вологодский пединститут)².

Проблемам организации и методики проведения археографических экспедиций посвящены доклады *И. В. Поздеевой* (МГУ) «Результаты и перспективы полевой археографической работы на Урале»; *Н. Н. Супрун* (Пермская областная библиотека) «Комплексное археографическое обследование района».

Вопросы публикации архивных документов освещались в докладе *Л. А. Трефиловой* (Пермский университет) «Итоги и задачи публикации документов в

Пермской области», а также в ряде сообщений сотрудников государственных архивов.

В докладах *Л. С. Кашитина* (Госархив Пермской области), *В. Е. Четина* (Челябинская секция Археографической комиссии) и других сообщалось о библиографических материалах уральских ученых и краеведов, находящихся в государственных архивах Урала. Глубокие традиции библиографической работы на Урале (в этой работе принимали участие *Н. Г. Остроумов*, *А. А. Черданцев*, *В. П. Бирюков*, *А. К. Шарц* и др.) существенно облегчают использование этих материалов как в предполагаемом издании библиографического словаря уральских ученых, так и в Каталоге личных фондов историков, над которым работает Археографическая комиссия АН СССР.

Значительный интерес вызвали также доклады и сообщения: *В. Я. Кривоногова* (зам. председателя Уральского отделения Археографической комиссии) «Личный архивный фонд уральского ученого-краеведа *Н. К. Чупина*»; *А. И. Серова* (Уральский университет) «Библиография археографической литературы»; *А. И. Александрова* (Челябинск) о следопытской работе школьников; *С. Е. Никитиной* (Институт языковедения АН СССР) «Основные жанры песенного фольклора старообрядцев Среднего Урала»; *Р. Г. Пилоя* (Уральский университет) «Документы поканающего права древней Руси»; *Е. Н. Лукьяновой* (Пермский университет) «Протоколы Пермского городского Совета РС и КД — источник по истории борьбы за упрочение Советской власти»; *А. Г. Козлова* (Уральский университет) «Опыт использования опубликованных источников в монографической литературе по истории горного Урала XVIII в.»; *В. А. Оборина* (Пермский университет) и *В. А. Шмырова* (Чердынский краеведческий музей) «Источники по истории городов Урала XVI—XVII вв.»; *С. Д. Мякушева* (Институт истории СССР АН СССР) «Герои труда — уральцы»; *И. В. Поздеевой* (МГУ) «Пермская деревянная скульптура и миниатюра XVIII века»; *Н. Д. Аленичковой* (Госархив Пермской области) — о тематике исследований по материалам Пермского архива и многие другие.

В резолюции конференции отмечается значительный размах археографической деятельности на Урале, повышение научного уровня исследований в этой области, усиление контактов между академическими учреждениями, вузами, архивами, библиотеками, музеями; накоплен значительный опыт выявления, собирания и публикации письменных памятников истории советского общества; важные результаты дали археографические экспедиции в Пермскую и Свердловскую области, проведенные под научным руководством археографов Московского университета.

¹ См. стр. 12 наст. изд.

² См. стр. 178 наст. изд.

Конференция одобрила работу Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР и его секций: Пермской, Свердловской, Челябинской, Кировской, Удмуртской.

Материалы конференции будут опубликованы в «Уральском археографическом ежегоднике».

По окончании конференции в Перми было проведено координационное совещание с участием руководителей Уральского, Южноуральского и Северного отделений Археографической комиссии АН СССР.

В. Ч.

ВТОРАЯ ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ¹

26—28 мая 1975 г. в Оренбурге состоялась вторая Южноуральская конференция по археографии и источниковедению истории литературы и языка, организованная Южноуральским отделением Археографической комиссии АН СССР, Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Оренбургским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры ². На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 75 докладов и сообщений; работали четыре секции: литературы дооктябрьского периода, литературы советского периода, фольклористики, лингвистики.

Председатель Южноуральского отделения Археографической комиссии Р. Г. Кузеев в отчетном докладе о деятельности Отделения за 1973—1975 гг. обратил внимание на достигнутый в регионе уровень исторических и филологических знаний, обширность и сложность проблематики исследований. Перед Отделением стоят важные задачи: организации и развития научно-исследовательских работ в области теории и методики археографии, текстологии (в особенности тюркской); осуществления плановой и целенаправленной публикации источников; координации публикаторской деятельности учреждений Южного Урала; расширения полевых археографических работ и др.

Доклад В. А. Черных (Москва) был посвящен определению области взаимодействия археографии и текстологии при подготовке к изданию памятников XIX—XX вв., а также путей совместной разработки методических вопросов, представляющих общий интерес для обеих этих дисциплин. Л. Н. Большаков (Оренбург) в своем докладе остановился на некоторых проблемах источниковедения истории литературы. Развитие широких кон-

цепционных литературоведческих исследований немислимо без непрерывного обогащения и глубокой разработки документальной базы науки. В качестве основных докладчик выделил проблемы взаимодействия творчества и среды, изучения эпистолярных материалов, установления авторства произведений. В докладе И. В. Поздеевой (Москва) была предпринята попытка сформулировать принципы организации комплексных полевых исследований, определить основные их направления, а также методику подготовки археографических экспедиций. В докладе С. Г. Сафуанова (Уфа) шла речь об источниках, раскрывающих основные аспекты взаимосвязи башкирской литературы с литературами народов СССР, и отмечалась важная роль текущей периодики, научных и мемуарных публикаций, архивных материалов.

Доклад Г. Ф. Благовой (Москва) поддержал предложение выделять два подраздела в медиевистической текстологии — литературоведческую и лингвистическую (лингвотекстологию). Применяя лингвотекстологический анализ, докладчик определил специфику Керовского списка «Бабур-наме» и его издания Н. И. Ильминским по сравнению с другими списками, в частности, с Хайдаровской рукописью. А. А. Курносоев (Москва) посвятил доклад рассмотрению текстологических приемов при исследовании мемуаров о Великой Отечественной войне.

Источником о жизни и творчестве дореволюционных поэтов и писателей были посвящены доклады В. С. Бородин (Киев) «Некоторые вопросы источниковедения и текстологического изучения творчества Т. Г. Шевченко периода его ссылки в Оренбургский край» и П. Е. Маргвиеского (Оренбург) «Автографы А. Н. Плещеева и переписка о нем в архивах Оренбурга и Алма-Аты». Анализ библиографических и архивных материалов, проливающих свет на связанные с Оренбуржем важные моменты биографии и творчества А. С. Пушкина и А. И. Герцена, дали С. А. Попов (Оренбург) и Б. Т. Уткин (Челябинск).

Вопросы общих и частных методов исследования эпистолярных и мемуарных источников нашли свое отражение в докладах Р. В. Овчинникова (Москва) по истории пугачевского движения и А. А. Шамова (Челябинск) об Н. А. Рубакине. Материалам о жизни и деятельности

¹ Первая Южноуральская конференция по археографии, источниковедению и архивоведению состоялась в Уфе в феврале 1972 г. Материалы ее опубликованы в «Южноуральском археографическом сборнике», вып. 1, Уфа, 1973.

² Краткое изложение материалов см.: «Южноуральская конференция по археографии и источниковедению истории литературы и языка. Тезисы докладов и сообщений». Уфа, 1975 (ротационный принт).

поэта-просветителя М. Акмуллы и первого башкирского ученого-историка М. И. Уметбаева посвящали свои сообщения А. Х. Вильданов (Уфа) и Г. С. Кунафин (Уфа).

С. В. Чирков (Москва) рассказал об истории летописной археографии в начале XX в., о связи приемов издания летописей с их изучением, В. С. Тольц (Москва) — о некоторых вопросах источниковедческого анализа, в частности, датирования башкирских шежере. Ш. Ш. Абилов (Казань) выступил с сообщением «Археографические экспедиции сектора литературы Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова», в котором излагались цели, задачи и методика проведения институтом экспедиций.

Характеристике (с привлечением новых архивных материалов) местных журналов и газет до Октября, их общественно-политическому и историко-литературному значению и их роли как исторических источников были посвящены доклады В. И. Ахмадиева (Уфа), У. И. Гимадиева (Уфа), Р. Б. Иمامудинова (Оренбург), А. К. Бочагов (Оренбург) рассказал о рукописном экземпляре первой казахской газеты, подготовленном в 1880 г. к изданию на основе русской графики Ибраем Алтынсариним. А. И. Бельый (Уральск) посвятил сообщение газете «Уральские войсковые ведомости» — единственному печатному органу на территории Уральского казачьего войска во второй половине XIX в.

Значительное место среди докладов заняли исследования источников о советской литературе. Л. И. Фугоранский (Оренбург) охарактеризовал совокупность печатных материалов о творческой деятельности С. П. Шипачева в Оренбурге (1919—1921 гг.); А. П. Гальцева (Челябинск) исследовала документы личного архива писателя Б. А. Ручьева; В. В. Эйденова (Свердловск) проследила формирование стиля А. П. Платонова по страницам его газетных и журнальных публикаций 1918—1922 гг. Различные аспекты творческих связей украинских и башкирских писателей в 1941—1945 гг. осветил по архивным материалам М. Г. Разимкулов (Уфа). С. Б. Филимонов (Свердловск) отметил заслуги П. П. Бажова как собирателя и исследователя источников по истории советской деревни и краеведению 1920-х годов. По теме «Оренбуржье и советские писатели» выступили Н. И. Сайгин (Оренбург), П. С. Филатов (Бузулук), М. М. Чумаков (г. Спасское, Оренбургская обл.).

Вновь найденным фольклорным источникам, их научно-текстологической обработке и художественным особенностям были посвящены доклады и сообщения А. Н. Киреева (Уфа), Н. Т. Заирова (Уфа), В. В. Сидорова (Уфа), С. Ф. Миржановой (Уфа). В. П. Грицкевич (Ленинград) обратил внимание на такие малоизученные источники середины XIX в.

по истории быта и фольклора башкирского народа, как письма, дневники и статьи политических ссыльных в Приуралье из Белоруссии и Литвы Т. Зана, Я. Чечоты, Б. Залесского. О русско-башкирских фольклорных связях, принципах подготовки текстов к научному изданию и систематизации фольклорных материалов рассказали Л. Г. Бараг (Уфа), М. М. Сагитов (Уфа), Г. А. Лазарева (Челябинск). П. П. Малый (Оренбург), Л. П. Атанова (Уфа), М. Ф. Разимкулова (Оренбург), А. М. Сулейманов (Уфа) исследовали источники по истории и современному состоянию музыкального фольклора Оренбуржья и Башкирии. Этногенетические предания-легенды башкир были темой сообщения Б. Г. Азметшина (Уфа).

Ряд докладов и сообщений был посвящен проблемам языкового анализа письменных памятников, их текстологическому изучению, лексикографии. Э. Р. Тенишев (Москва) в докладе «О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. (К постановке вопроса)» подчеркнул актуальность изучения тюркоязычных письменных памятников и необходимость функционального подхода при исследовании их языка. Р. Х. Халикова (Уфа) на материалах Госархива Оренбургской области познакомила с методикой лингвистического анализа башкирских письменных источников XVIII—XIX вв. Т. М. Гарипов (Уфа) охарактеризовал способы транскрибирования арабографических источников на урало-поволжском тюрки, а также подверг критике некоторые приемы их издания: факсимиле тюркских рукописей должны сопровождаться не только транскрипциями (часто неаутентичными), но прежде всего единой транслитерацией.

В докладе В. Х. Хакова (Казань) рассматривались вопросы классификации кыпчакских письменных памятников и влияния их языка на развитие современных тюркских языков. М. А. Азметов (Уфа) посвятил доклад орхоно-енисейским письменным памятникам и их отношению к современному башкирскому языку. Об отражении истории башкирского письменного литературного языка в шежере говорилось в докладе В. Ш. Псянчина (Уфа). Б. А. Абилясимов (Алма-Ата) охарактеризовал письменные источники по истории казахского литературного языка XIX в. — рукописные материалы и печатные издания. И. Г. Галляудинов (Москва) на материале «Тарих-наме Булгар» Ялсыгулова показал целесообразность применения сравнительно-текстологического анализа при исследовании языка памятника и его списков. Э. Г. Ураксин (Уфа) дал анализ «Инжила» — перевода «Евангелия» на башкирский язык, напечатанного в 1902 г. в Казани. Доклады Р. З. Шакурова (Уфа) и Б. А. Моисеева (Оренбург) были посвящены характеристике источников по топонимике Уфы и Оренбуржья.

Ф. С. Фасеев (Казань) дал описание рукописей поэмы «Кысса-и Юсеф» Кул Гали, хранящихся в нашей стране и ГДР. Результаты собирания и изучения рукописей, а также картографирование пунктов их нахождения дали основание предположить, что эпицентром распространения поэмы было Среднее Поволжье. *Л. Ф. Гавриковой* (Ленинград) был сделан обзор фонда члена-корр. АН СССР тюрколога А. К. Боровкова в ЛО Архива АН СССР. Среди его материалов (общий объем около 800 дел) имеются неопубликованные рукописи. В докладе *Ю. А. Виноградова* (Ленинград) поднимались вопросы организации специальных лексикографических архивов и централизованного хранения картотек по лексикографии; *М. Ш. Файнштейн* (Ленинград) по материалам ЛО Архива АН СССР изложил историю создания и принципы составления первого академического словаря русского языка в 1783—1794 гг.

Л. Л. Аюпова (Уфа) проанализировала русско-башкирские языковые связи на материалах русских летописей, башкирских шежере, исторических документов XVI—XVII вв., русских и башкирских говоров на территории Башкирии. Методика изучения современных диалектов и говоров оренбургских казаков и украинцев отразилась в докладах *Л. В. Ивановой* (Оренбург) и *И. С. Изоговой* (Оренбург).

На заключительном пленарном заседании с докладами выступили В. Н. Баскаков (Ленинград), Г. Б. Хусаинов (Уфа), М. А. Усманов (Казань), В. П. Бударагин (Ленинград). *В. Н. Баскаков* рассказал о типе, составе и композиции готовящегося «Словаря русских писателей». Это биобиблиографическое издание с широким хронологическим охватом (начиная с Древней Руси) наряду с именами широко известных писателей будет включать имена летописцев, агиографов, деятелей книжной культуры и провинциальной печати. *Г. Б. Хусаинов* сообщил об археографических экспедициях Башкирского филиала АН СССР в 1973—

1974 гг., собравших на северо-западе Башкирии 412 рукописей. Особый научный интерес представляют рукописи: «Кысса-и Юсеф» Кул Гали (XIII в.) книга хикметов поэтов XVII в. М. Кулуд, У. Имяни, поэма Саади «Бостон»; а также старопечатные книги, журналы и др. В докладе *М. А. Усманова* (Казань) говорилось о вновь найденных в архивах Симферополя, Киева, Ленинграда ярлыках ханств Джучиева улуса XIV—XVI вв., ningрад) посвятил доклад экспедиционно-ведческого анализа. *В. П. Бударагин* (Ленинград) посвятил доклад экспедиционной методике собирания древнерусских рукописей; он подчеркнул важность и обдуманность выбора района поисков, постепенность археографического обследования для создания цельного представления о книжной культуре региона, необходимость сохранения территориального принципа при комплектовании привозимых материалов.

Конференция показала возросшую роль специальных дисциплин в историко-филологических исследованиях, плодотворность научного сотрудничества специалистов разного профиля, активизацию собирания и изучения ими памятников прошлого. Принятые ею рекомендации касались периодического созыва подобных региональных совещаний, создания проблемных постоянно действующих секций Южноуральского отделения Археографической комиссии в целях координации научно-исследовательских работ, усиления публикаторской деятельности, организации и хранения лексикографических картотек и учета подобных фондов, расширения полевых археографических работ на территории Южного Урала, усиления контактов Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР со всеми заинтересованными учреждениями, подготовки кадров археографов, улучшения условий хранения ценных памятников истории и культуры в музеях Оренбурга.

Р. Х. Халикова, З. Г. Уражин

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

В сентябре 1975 г. в Геленджике состоялась Северокавказская конференция по проблеме «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины (изучение и преподавание)». Конференция была организована Отделением истории АН СССР, Институтом истории СССР АН СССР, Археографической комиссией АН СССР, Северокавказским научным центром высшей школы, Московским, Кубанским, Ростовским государственными университетами. В ее работе приняли также участие представители научных учреждений и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова-на-Дону, Краснодара, Нальчика, Грозного, Томска, Уфы, Эля-

сты, Вологды и других городов. Всего на конференции было заслушано 18 докладов и сообщений, 21 человек принял участие в дискуссии.

Региональная по форме конференция по составу участников и содержанию вышла далеко за рамки одного района. Значительная часть представленных докладов была посвящена общим проблемам источниковедения. Среди них доклады *Г. А. Трукана* (Москва) «Основные проблемы источниковедения истории советского общества в современной советской историографии», *В. И. Бовыкина* (Москва) «Методологические проблемы источниковедения», *Г. М. Иванова* (Томск) «Основные принципы марксист-

ско-ленинской теории исторического источника», *М. А. Варшавчика* (Киев) «О структуре источниковедческой критики», *И. Д. Ковальченко* (Москва) «Задачи изучения массовых источников по истории СССР», *Е. А. Луцкого* (Москва) «Источниковедение произведений В. И. Ленина», *С. О. Шмидта* (Москва) «Систематизация исторических источников».

Вопросы теории источниковедения в той или иной форме поднимались также в докладах и сообщениях, посвященных изучению конкретных групп источников: *В. П. Крикунова* (Грозный) «Некоторые вопросы изучения источников пореформенной эпохи», *В. И. Недосекина* (Краснодар) «Наказы в Законодательную комиссию 1767 года как исторический источник», *Н. Б. Селунской* (Москва) «Проблемы массового источника в современной американской историографии», *Л. М. Щегунина* (Ростов-на-Дону) «Данные антропонимики как исторический источник», *Д. Г. Песчаного* (Краснодар) «К вопросу об изучении болгарских источников о строительстве социализма» и др.

Значительное место в работе конференции было отведено вопросам преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Они нашли отражение в докладах и сообщениях *А. П. Пронштейна* (Ростов-на-Дону) «О построении вузовского курса источниковедения истории СССР», *А. В. Муравьева* (Москва) «Задачи и содержание вузовского курса исторической географии», *И. Я. Виска* (Тамбов) «Из опыта преподавания источниковедения новой и новейшей истории», *В. Я. Кияшко* (Ростов-на-Дону) «Опыт проведения практических занятий по хронологии».

В докладах, сообщениях и развернувшейся по ним дискуссии особое внимание участников конференции привлекли содержание и структура источниковедческого исследования, его функция в процессе исторического познания, соотношение методологии и методики в источниковедении, взаимосвязь источниковедения с вспомогательными историческими дисциплинами. Вопросам преподавания исторической библиографии были посвящены выступления *Ю. Я. Синцова* (Москва) и *З. В. Барминой* (Уфа).

Проблемы археографии — собрания, описания и публикации источников — нашли освещение в специально посвященном им докладе *Д. И. Тверской* (Москва) «Итоги и перспективы развития полевой археографии», который был зачитан на конференции, а также ряде выступлений в ходе его обсуждения. Доклад основан на большом фактическом материале, полученном автором в результате анкетного обследования. Анализ данных свидетельствует о значительных успехах полевой археографии, достигнутых за последние годы и, в частности, о расширении круга учреждений, организующих экспедиции, регионов, где ведутся поиски. Особенно значительная

роль в этой работе принадлежит ИРЛИ АН СССР, Отделу рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, МГУ, в основном усилиями которых найдено в общей сложности свыше 5 тыс. памятников славяно-русской письменности и 2 тыс. старопечатных книг.

Отсутствие четкой координации в работе по сбору памятников и, как следствие, неравномерность в изучении отдельных районов страны, разобщенность и разрозненность территориальных коллекций, крайне медленные темпы научного описания найденных рукописей, острая нехватка квалифицированных кадров специалистов для организации экспедиций — эти и другие нерешенные вопросы, по мнению автора, сдерживают дальнейшее развитие полевой археографии. *Д. И. Тверская* предложила шире использовать опыт организации и проведения комплексных археографических экспедиций. Основные положения доклада *Д. И. Тверской* нашли поддержку в выступлениях *И. В. Поздеевой* (Москва). На основании опыта многолетней работы археографической группы МГУ она подробно остановилась на преимуществах проведения комплексных археографических экспедиций, связывая с ними перспективы развития полевой археографии.

Вопросы публикации документов как органической части источниковедческой работы были затронуты в докладах и выступлениях участников конференции. Интересным опытом собрания и публикации писем солдат Великой Отечественной войны поделился *А. В. Островский* (Вологда). Наряду с успехами в издании документов выступающие отметили, что в этой области имеется много нерешенных проблем. Так, обращалось внимание на необходимость публикации более широкого круга источников (правительственных документов, программ, уставов), совершенствование методов подготовки документов к изданию (*В. И. Недосекин*) и, в частности, определения границ редакторского вмешательства в текст публикуемых документов (*Л. Н. Пушкарев*). В своем выступлении *Г. И. Попова* (ГАУ СССР) отметила теснейшую связь теоретических и практических проблем источниковедения с повседневной деятельностью государственных архивов. Она рассказала участникам конференции о работе по совершенствованию информационной деятельности архивных учреждений, а также о предварительных результатах анализа различных форм использования материалов архивов, прежде всего через читальные залы. В выступлениях, посвященных проблемам преподавания, отмечалась острая необходимость подготовки специальных публикаций источников и хрестоматий, рассчитанных на использование в учебном процессе.

Итоги работы конференции были обобщены в принятых ею рекомендациях. Материалы конференции предполагается издать в виде сборника.

Г. П.

ЗАСЕДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР ПО ИТОГАМ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1975 Г.

25 ноября 1975 г. состоялось заседание Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР с участием сотрудников ЛОИИ, СССР, ИРЛИ, БАН и других учреждений Ленинграда, посвященное итогам археографических экспедиций 1975 г.

И. В. Поньрко (ИРЛИ) сообщила о результатах обследования 30 деревень Тарногского района Вологодской области. Было привезено 30 рукописей и 7 старопечатных книг, среди них: Часовник начала XVII в., лицевая рукопись последней четверти XIX в. «Мучения Кириака и Улиты», миниатюры которой представляют работу местного изографа, Каноник XVIII в. и др. Наиболее ранней является Минея общая, изданная в Киеве в 1628 г. Большую помощь в выявлении и приобретении рукописей и старопечатных книг оказали местные знатоки. Во время обследования в одной из деревень Заборского сельсовета в старообрядческой семье была обнаружена большая коллекция медных икон.

В результате трех экспедиций (1973, 1974 и 1975 гг.) Вологодское собрание Древлехранилища насчитывает 116 рукописей.

В. П. Бударгин (ИРЛИ) охарактеризовал находки 1975 г., сделанные в результате изысканий в Верхнетоемской и Виноградском районах Архангельской области. В с. Нижняя Тойма семья Третьяковых передала ряд книг, среди которых лицевые «Страсти Христовы», переписанные, проиллюстрированные и переплетенные еще в начале XX в. В. И. Третьяковым. В дер. Прилук наследники владелицы большого книжного собрания М. И. Сенчуговой передали Пушкинскому Дому значительную часть ее собрания, в составе которого литературный сборник 30-х годов XIX в., Устав о христианском житии, переписанный в 1873 г. и др. Заведующая краеведческим музеем с. Черевково М. В. Солоницына передала в Древлехранилище «Повесть о Соезерской пустыни и чудесах иконы Троицы» 20—30-х годов XVII в. Интересные находки были сделаны в с. Пучуга, где хранились книги из старообрядческой молельной дер. Кодима, самая ранняя из них — «Присяга хотящим взыти на степенъ священства» патриарха Иоакима в списке 10-х годов XIX в. В доме наследников местного художника И. Ф. Колодкина сохранилось несколько рукописей — остаток когда-то большого книжного собрания и переплетный ставок XIX в. В 1975 г. Северодвинское собрание пополнилось 28 рукописями и книгами.

Г. В. Маркелов (ИРЛИ) рассказал о работе экспедиции в Пудожском и Медвежьегорском районах Карельской АССР, бывших когда-то местом жительства

скрытников-староверов. Находки экспедиции — 10 рукописей, наиболее ценная среди них — Евангелие-апракос конца XV в., найденное школьниками в дер. Калгалакша.

Н. Ю. Бубнов (БАН) охарактеризовал район Каргополья, где проводятся археографические экспедиции с 1965 г. Каргопольское собрание РО БАН насчитывает сейчас 326 рукописей и около 100 старопечатных книг.

А. А. Амосов (БАН) рассказал о находках 1975 г. Каргопольской экспедиции. Весьма интересен альбом трафаретов, в котором свыше 200 книжных заставок, инициалов, букв. Местом возникновения альбома можно считать Выговскую пустынь. На основании этих трафаретов удалось установить, что более 30 рукописей из Каргопольского собрания БАН созданы в Выговской пустыни. Найденны также заготовки для рукописей. От М. И. Залесского — автора ряда исследований о каргопольских скрытниках — получены рукописи из его коллекции, среди них его дневники за 20—60-е годы XX в.

Л. А. Петрова (БАН) сообщила об археографической экспедиции в Прибалтику. В Риге известный ученый и библиофил И. Н. Заволоко передал в дар Академии наук СССР несколько брошюр о духовной поэзии, древнерусской вышивке и солевом пении. Там же участники экспедиции познакомились с уникальным собранием Гребенщиковской общины. Приобретена коллекция рукописей нового письма (XVII—XX вв.), среди них — написанные рукой известного начетчика, писца и изографа старообрядца Ивана Гущенко. Наиболее ценная находка — служебная ноябрьская минея с записью писца 1580 г. была сделана в районе Каунаса; там же знаток старинного солевого пения И. И. Линева передал в дар Библиотеке АН СССР несколько листов нотной рукописи, миниатюрный ирмологий XVII в. и лицевую рукопись «Праздников», украшенную миниатюрами, заставками и инициалами гуслицких мастеров.

И. Ф. Маргшинов (БАН) поделился опытом работы экспедиции на Украине, где метод поиска отличается от применяемого на Севере. Результат экспедиции 1975 г. — 40 рукописей и 10 литографических изданий, пополнивших Белокрыничское собрание, насчитывающее до 200 рукописей XV—XX вв.

Н. Н. Розов (ГПБ) сделал сообщение об инспекционных поездках сотрудников Отдела рукописей и редкой книги ГПБ в библиотеки и музеи РСФСР с целью оказания помощи в работе с собраниями рукописей и старопечатных книг. Начало этой важной работы было положено в 1969 г. приказом № 209 по Министерству культуры РСФСР. Всего была оказана

помощь 46 учреждениям. При Пермской областной библиотеке создан отдел редкой книги, обследованы библиотеки Соликамска, Березняков, Чердыни, Владимира, Республиканского музея Чечено-Ингушской АССР и др. Подводя итоги инспекционных выездов сотрудников ГПБ, докладчик сделал ряд предложений: 1) микрофильмировать материалы местных библиотек и музеев, чтобы иметь возможность пользоваться ими, не выезжая на места; 2) описать выявленный при инспекционных поездках рукописный материал и книги; 3) координировать работу инспекторов и археографических экспедиций по выявлению и сохранению памятников книжной старины.

После выступлений участники заседания обменялись мнениями о расширении сферы деятельности Ленинградского отделения Археографической комиссии, о состоянии рукописей и книг в библиотеках и музеях различных районов страны, о мерах по совмещению собирательской и инспекционной работ.

В заключительном слове председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии *А. И. Копанев* отметил, что на заседании были подняты ряд важных вопросов: о районах, перспективных для археографических изысканий (Вологда, Северная Двина, Каргополь, Прибалтика), о разработке для каждого района особых методов поиска памятников письменности прошлого и старопечатных книг, об улучшении технического оснащения экспедиций. Поставлен один из важных вопросов — координация действий Археографической комиссии и ин-

спекционных выездов ГПБ. *А. И. Копанев* отметил также, что проделана большая работа по выявлению и сбору памятников русской старины. Ее нужно продолжать и усовершенствовать. Создание отделов редкой книги при областных библиотеках и музеях позволяет сохранять их лишь физически, да и то известны случаи, когда старые книги и рукописи пропадали из-за неудовлетворительных условий хранения, особенно часто это бывает в маленьких местных музеях. Выявленные рукописи и редкие книги желательно вывозить в центральные хранилища, где есть нормальные условия для их хранения, реставрации и научного использования. Необходимо добиться у Министерства культуры РСФСР для членов археографических экспедиций права инспекционного обследования библиотек и музеев, по примеру ГПБ, подтвержденного специальным документом.

Сферу деятельности экспедиций следует расширить. Во многих семьях хранятся важные документы — письма военных лет. После смерти владельцев они пропадают, а чтобы этого не было, их обязательно надо собирать. Северное отделение Археографической комиссии уже проводит эту работу и готовит публикацию писем с фронтов Великой Отечественной войны. Одним из новых видов работ археографических экспедиций может стать исследование микротопонимики места, исходя из документа — крестьянского акта, переписных, писцовых, веревных книг и др.

И. З. Либерзон

ПАМЯТИ СИГИЗМУНДА НАТАНОВИЧА ВАЛКА

5 февраля на 88 году жизни скончался выдающийся историк, источниковед, археограф и архивист, доктор исторических наук, профессор Сигизмунд Натанович Валк — бессменный руководитель Ленинградского отделения Археографической комиссии, создатель и ответственный редактор издания «Вспомогательные исторические дисциплины», член редколлегии «Археографического ежегодника».

8 февраля научная общественность прощалась с С. Н. Валком. Более 50 лет преподавал он на истфаке Ленинградского университета и более 40 лет проработал в Академии наук СССР. Траурный митинг, состоявшийся в Актовом зале университета, открыл ученый секретарь ЛОИИ СССР *Д. И. Петрикеев*. «С глубокой скорбью пришли мы сегодня сюда, — сказал он. — Кончина нашего дорогого Сигизмунда Натановича невосполнимая утрата для исторической науки. Жизненный путь его — пример беззаветного служения науке, служения Родине». На гражданской панихиде в университете и крематории выступили С. О. Шмидт (Археографическая комиссия), Р. Ш. Ганелин (ЛОИИ СССР), А. Л. Шапиро (Ист-

фак ЛГУ), Ю. А. Ахалкин (ИМЛ при ЦК КПСС), Т. П. Бондаревская (Институт истории партии при Ленинградском областном комитете КПСС), Г. М. Дейч (Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена), Л. А. Дмитриев (Институт русской литературы АН СССР — Пушкинский Дом), М. И. Белов (Отдел географии и истории Арктического и Антарктического научно-исследовательского института), Н. Н. Розов (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), С. С. Волк (ЛОИИ СССР), Н. А. Казакова (ЛОИИ СССР), ученики С. Н. Валка — Н. И. Пименова и В. В. Ведерников.

Выступавшие говорили о неоценимом вкладе в историческую науку научного наследия С. Н. Валка, составляющего более 300 работ по истории СССР различных периодов, источниковедению, археографии, дипломатике, архивоведению, являющихся гордостью советской исторической науки и известных не только в нашей стране, но и за рубежом; о поразительной разносторонности и широте его научных интересов; о заслугах С. Н. Валка в передаче эстафеты поколений в развитии науки и подготовке новых кад-

ров историков, о его достоинствах педагога и удивительных человеческих качествах.

Бряд ли можно назвать другого ученого, как отметил С. О. Шмидт, кто смог бы за свою жизнь исследовать и опубликовать древнейшие акты и декреты Советской власти, сочинения XIII—XVIII вв. и труды Сперанского, «Историю Российской» Татищева и работы по истории революционного движения в России. Ученый-новатор С. Н. Валк перенес в практику советских исследователей лучшие достижения дореволюционной науки. В выработанных им правилах издания трудов В. И. Ленина, в методике и приемах издания декретов Советской власти воплощено все лучшее, что создано в дореволюционном источниковедении. То, что сделано С. Н. Валком, настолько прочно вошло в науку, что историки не всегда отдают себе отчет в том, что обязаны этим именно ему. С. Н. Валк был близок и дорог не только ленинградским ученым, многие из которых в той или иной мере являются его учениками, но и многим москвичам, испытывавшим радость дружеского общения с ним, сказал С. О. Шмидт.

Талант Сигизмунда Натановича Валка, по выражению Р. Ш. Гавелина, представлял собой своего рода чудо. Он мог в один и тот же день работать над статьями об археографической деятельности Лаппо-Данилевского и над текстом ленинских декретов и при этом успевать ежедневно следить за мировой коммунистической прессой на тех многих языках, которые были ему доступны. Жизнь С. Н. Валка была безраздельно посвящена науке. И в этом для него не было ни жертвы, ни самоограничения. Он был духовным отцом работников советской исторической науки, не только потому, что даже самые молодые студенты являются учениками его учеников, но и потому, что для учеников и сотрудников ЛОИИ СССР, проработавших с ним многие годы, С. Н. Валк был всегда, пусть неофициальным, но безгранично авторитетным научным руководителем. Никто из ученых, работавших в разное время в ЛОИИ СССР, сказал Р. Ш. Гавелин, не оказал такого глубокого и продолжительного влияния на формирование и развитие основных направлений работы этого научного коллектива, как С. Н. Валк.

Представление о значении научного наследия С. Н. Валка было бы неполным без его работ по историографии, к которым привлек внимание А. Л. Шапиро. С. Н. Валком поставлен целый ряд важнейших историографических проблем. Его работы об изучении источников в исторической литературе XVIII, XIX вв. являются классическими историографическими исследованиями. Он писал о Татищеве, Болтине, создал научные биографии своих современников — Б. А. Романова и И. И. Смирнова. Если объединить все написанное С. Н. Валком по историографии, сказал А. Л. Шапиро, по-

лучится труд, во многом, вероятно, превосходящий те курсы, по которым сейчас обучаются этой дисциплине.

Более 50 лет был связан С. Н. Валк с Институтом марксизма-ленинизма. Разработанные С. Н. Валком правила издания трудов В. И. Ленина были реализованы в вышедших собраниях сочинений В. И. Ленина и сохраняют свое значение до наших дней. Советы и рекомендации, данные С. Н. Валком по организации архива ленинских документов, вошли в жизнь и повседневную деятельность Института, как отметил Ю. А. Ахапкин, помогли сохранению и разработке ленинского документального наследия. В подготовленном под научным руководством С. Н. Валка издании «Декреты Советской власти», признанном у нас и за рубежом образцом научной публикации, воплощен огромный труд Сигизмунда Натановича, его всеобъемлющие знания и колоссальный опыт работы над рукописями. «Меня всегда поражало, — сказал Ю. А. Ахапкин, — необыкновенно тонкое и очень точное понимание С. Н. Валком ленинской мысли». Сохранившиеся письменные замечания С. Н. Валка к отдельным документам, сделанные им при подготовке издания, представляют фактически методическое пособие по публикации ленинских декретов, содержащее рекомендации практически для всех возможных случаев.

Сотрудничал С. Н. Валк и с Ленинградским институтом истории партии. Он был нашим учителем, сказала Т. П. Бондаревская, не только потому, что большинство сотрудников института — выпускники истфака — слушали его спецкурсы и работали в его семинарах, но и потому, что ни один историк Ленинградской партийной организации не может обойтись без работ С. Н. Валка и подготовленных им публикаций.

Необыкновенная работоспособность и заинтересованность С. Н. Валка во всех научных делах, как это было сказано в выступлении Л. А. Дмитриева, проявилась в его постоянной связи с Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Его работы о публикации текстов исторических источников имеют большое значение и для издания литературных текстов, как древних, так и относящихся к новому времени. С. Н. Валк — постоянный автор «Трудов Отдела древнерусской литературы». Одна из последних его статей для этого издания была написана им незадолго до своей кончины. Он собирался быть на конференции института, посвященной итогам археографических экспедиций и археографических работ в 1974 г.

Превосходное знание источников по самым различным периодам истории и смежным с ней областям знаний позволило С. Н. Валку выступать в качестве эксперта в Арктическом институте по таким казалось бы далеким для него сюжетам, как русский приоритет в открытии Антарктиды и участвовать в подготовлен-

ном в связи с этим изданием карт. Об этой стороне дарования С. Н. Валка сообщил в своем выступлении М. И. Белов.

Очень многим обязана С. Н. Валку Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Работы С. Н. Валка, как сказал выступивший от ее коллектива Н. Н. Розов, составляют лучшую часть ее книжного фонда. Его ученики, работавшие в ее стенах, не только хорошие историки, источниковеды, библиографы. Главная заслуга Сигизмунда Натановича в том, что он создал школу работы с источниками, сумел привить своим ученикам любовь, бережное и честное отношение к источникам. В руки учеников С. Н. Валка можно смело дать любой, самый уникальный рукописный памятник. Сигизмунд Натанович как ученый давно уже вошел в историю своими трудами. Долг ученых, учеников и всех знавших его, призвал Н. Н. Розов, сохранить для будущих поколений неповторимый образ этого удивительного человека, замечательного представителя советской интеллигенции, старейшего источниковеда и археографа.

Всех, кому посчастливилось работать с Сигизмундом Натановичем или быть его учеником, поражала его необычайная эрудиция и внутренняя культура, научная и душевная щедрость. Он учил не только тех, кто слушал его курс или участвовал в семинаре. Каждое общение с ним необычайно обогащало и было необыкновенным уроком, вспоминал Г. М. Дейч. «Сигизмунд Натанович был для нас беспредельно любимым учителем», — сказала Н. И. Пименова. Его мнение, его совет, его замечание всегда были для нас решающими. Никто из учившихся в одном из последних его семинаров не забудет встреч с С. Н. Валком ни в университете, ни во время занятий в архиве, ни дома. «Он был бесконечно внимателен и бесконечно добр к нам. Память о нем, о его трудах мы будем стараться передать нашим ученикам».

Человек в общении удивительно мягкий и деликатный, добрый и готовый в

любую минуту прийти на помощь, С. Н. Валк был требовательным и взыскательным учителем и, когда дело касалось науки, очень твердым и принципиальным, не терпящим никакого приспособленчества, никакой научной недобросовестности.

В связи с кончиной С. Н. Валка в адрес ЛОИИ СССР, родных и близких были получены соболезнования (зачитанные А. Н. Цамутали) от Главного Архивного управления при Совете Министров СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, секторов истории феодализма и источниковедения Института истории СССР АН СССР, редаклегии «Исторических записок», кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, сектора славяно-финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения Архива АН СССР, кафедры истории Вологодского педагогического института, Северного отделения Археографической комиссии, а также от отдельных ученых, учеников и друзей С. Н. Валка.

Памяти С. Н. Валка были посвящены некрологи в газете «Ленинградский университет» (№ 13 от 14 февраля), в журнале «Вестник Ленинградского университета» (№ 8. История, язык, литература, вып. 2), «Вопросы истории» (№ 7), «История СССР» (№ 6), «Советские архивы» (№ 2) за 1975 г.

Библиотека и личный архив С. Н. Валка переданы в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

17 февраля 1976 г. состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, посвященное памяти Сигизмунда Натановича Валка, перенесенное с 22 декабря 1975 г.

Материалы заседания будут опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1976 год».

ДИНА ИСАКОВНА ТВЕРСКАЯ

(1925—1975)

10 августа трагически погибла старший научный сотрудник Археографической комиссии, кандидат исторических наук, член КПСС с 1954 г. Дина Исааковна Тверская. Выпускница МГУ, ученица М. Н. Тихомирова Д. И. Тверская сочетала в научной работе смелость в постановке научных проблем с искусством анализа источников. Ее книга «Москва второй половины XVII в.— центр складывающегося всероссийского рынка» продолжила исследования, начатые кандидатской диссертацией (1953 г.), и получила заслуженное признание. С именем Д. И. Тверской связано решение многих важнейших вопросов методики музейного дела. Почти 20 лет отдала она работе музееведа. Она была сотрудником Государственного исторического музея (1953—1964), где руководила несколько лет экспозиционным отделом по истории позднего феодализма, заведовала сектором истории советского общества в Научно-исследовательском институте культуры (1964—1972). Результаты ее деятельности реализованы в подготовленных ею экспозициях, отражены в статьях, методических разработках, в лекционном курсе по музееведению, прочитанном в МГУ. В Археографической комиссии Д. И.

Тверская занималась координацией и обобщением опыта археографических экспедиций. Ею поставлены кардинальные вопросы дальнейшего развития полевой археографии и высказаны рекомендации, которыми должны будут руководствоваться в дальнейшей работе все, кто занимаются полевыми археографическими исследованиями. Она участвовала в организации выставки к 250-летию АН СССР и выполняла много других сложных поручений.

Человек удивительной организованности и работоспособности, доброжелательности и сердечности Дина Исааковна ушла из жизни в расцвете сил, не успев завершить многие творческие замыслы. Она много уже сделала для науки и еще больше могла бы сделать.

*Е. М. Жуков, Б. А. Рыбаков,
И. Д. Ковальченко, В. Л. Янин,
В. И. Попов, В. М. Стриганов,
В. А. Куманев, Е. Я. Шаги,
С. О. Шмидт, И. С. Капцегович,
П. А. Колесников, А. И. Копанев,
Р. Г. Кузеев, Н. Н. Покровский,
Е. В. Чистякова, Л. Л. Муравьева,
В. А. Черных, А. А. Курносоев,
Н. Б. Шеламанова, А. В. Муравьев,
И. В. Поздеева, А. М. Разгон.*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Д. И. ТВЕРСКОЙ

Москва второй половины XVII в. как центр складывающегося всероссийского рынка. Автореферат канд. дисс. М., 1953, 13 стр.

Москва второй половины XVII в.— центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959, 124 стр. («Труды ГИМ», [вып. 34]).

Ред.: С. И. Сакович. Книги Московской Большой таможни (повгородская, астраханская, малороссийская) 1693—1694 гг. М., 1964, 118 стр. («Труды ГИМ», вып. 38).

Материалы по истории Ленских золотых приисков и Ленской забастовки 1912 г. в собрании Государственного исторического музея.— «Ежегодник ГИМ за 1961 г.» М., 1962, стр. 35—54 (совм. с Е. И. Розенталь).

Рец. на кн.: «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.» М., 1962 (сост. В. А. Александров, В. И. Корецкий); «Хрестоматия по истории СССР XVIII в.» М., 1963 (сост. М. Т. Белявский, Н. И. Павленко).— «История СССР», 1964, № 5, стр. 180—183 (совм. с У. М. Поляковой).

Период социалистической реконструкции народного хозяйства и начало завершающего этапа строительства социализма (1926—1941 г.) в экспозиции краеведческих музеев. М., 1966, 136 стр. (совм. с У. М. Поляковой).

О пропаганде решений и материалов XXIII съезда КПСС в краеведческих музеях. (Методическое письмо). М., 1966, 16 стр.

Главы I, VI, заключение.— В кн.: «Период развернутого строительства коммунизма в экспозиции краеведческого музея». (Методические материалы). М., 1967, стр. 15—24, 168—181.

К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в.— В кн.: «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 290—300.

О пропаганде в музеях Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». (Информационно-методическое письмо). М., 1967, 5 стр. (ротапринт).

О подготовке отделов истории советского общества краеведческих музеев Российской Федерации к 50-летию образования СССР. (Методическое письмо). М., 1972, 34 стр. (ротапринт).

Постоянно повышать профессиональный уровень.— «Музейное дело в СССР», М., 1973, стр. 35—42.

Рец. на кн.: В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. Историческая география СССР. Учебное пособие. М., 1973.— «Вопросы истории», 1973, № 8, стр. 152—154 (совм. с Б. Г. Литваком).

Музей как научно-исследовательское учреждение.— «Музейное дело в СССР», М., 1974, стр. 5—17.

О некоторых итогах развития полевой археологии на территории СССР в послевоенный период.— «История СССР», 1976, № 1, стр. 106—124.

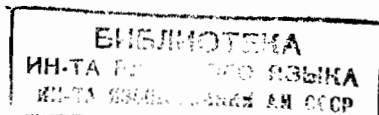
Статьи в энциклопедиях:

1. БСЭ, изд. 2, тт. 28—49, 1954—1957:

Московское восстание 1382 г.; Нижегородский летописец; Палеолог Софья; «Памятники древней письменности»; Пермская земля; «Полное собрание русских летописей»; Рогожский летописец; Ростово-суздальские летописи; Русская историческая библиотека; Русское историческое общество; «Сборник Русского исторического общества»; Симеоновская летопись; «Сказание о князьях Владимирских»; «Сказание о Мамаевом побоище»; «Собрание государственных грамот и договоров»; Строгановская летопись; Строгановы; Суздальская летопись; Суздальское княжество; Суздальско-Нижегородское княжество; Тверское княжество; «Тверской сборник»; Тимофеев Иван; Типографская летопись; Троицкая летопись; «Труды губернских ученых архивных комиссий»; «Труды императорского Вольного экономического общества»; «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца»; «Чтения в Обществе истории и древностей российских»; Шахловитый Ф. Л.; Шелудяк Федор; Шереметев И. В.; Шорин В. Г.; Щепкин Е. Н.; Юрий Всеволодович; Юрий Долгорукий; Ярополк I; Ярослав Всеволодович; Ярослав Мудрый; Ярослав Осмомысл.

2. СИЭ, тт. 2—14, 1962—1973:

Булавин К. И.; Булавино-восстание; «Великое посольство»; Геденов С. А.; де Геннин В. И.; Двинская земля; Двинский летописец; Драный С. А.; Духоборы; Евангельские христиане; Казак; Казна княжеская; «Летопись о многих мятежах»; Молокане; Мыт; Мытный двор; Назарев; Некрасовцы; Ошанина М. Н.; Поповщина; Пушечный двор; Суконная сотня; Таможенные книги.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

А. А. Курносков. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945)	3
В. Г. Комлев. Сотрудничество архивных учреждений РСФСР и отделений Археологической комиссии Академии наук СССР	12
Т. П. Воронова (г. Ленинград). О предварительном списке рукописей латинского алфавита V—XV вв., хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)	18
Л. П. Жуковская. Работа по подготовке славяно-русского выпуска Сводного каталога рукописей и Инструкции по его составлению	24
Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (сост. Л. П. Жуковская и Н. Б. Шеламанова)	28
В. Б. Павлов-Сильванский. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в.	41
Ф. Н. Малов. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА)	53
В. Г. Литвак. Помещичьи инструкции как источник по истории вотчинного делопроизводства	70
О. А. Омельченко. «Древняя Российская вивлиофика» Н. И. Новикова и М. М. Щербатов	82
С. А. Клепиков. Водяные знаки бумажных фабрик Ольхиных и Кайдановой (1763—1841)	88
М. П. Мироненко. Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив»	98
С. В. Чирков (г. Ленинград). Археография русского летописания в трудах А. Е. Преснякова	117
Т. В. Багаева. Документы по истории рабочего движения периода революции 1905—1907 гг. в журнале «Красный архив»	129
Б. В. Левшин. Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны	142
А. Б. Закс. Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным историческим музеем в 1941—1944 гг.	149
И. Г. Лупало. По следам войны. (Собирание материалов Музеем революции СССР)	159
А. Д. Горский. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л. В. Черепнина (К 70-летию со дня рождения)	163
В. И. Бузанов. Л. Г. Бескровный как археограф и источниковед (К 70-летию со дня рождения)	172
П. А. Колесников (г. Вологда). Из опыта преподавания специальных исторических дисциплин в Вологодском педагогическом институте	178
К 75-летию В. И. Шункова	
В. А. Александров. Виктор Иванович Шунков	184
Е. Н. Кушева. О работе В. И. Шункова по подготовке издания кабальных книг конца XVI—начала XVII в. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг.	189
Т. М. Шункова. В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны	199

<i>И. Ф. Угаров</i> . Основные советские публикации документов и материалов по истории революции 1905—1907 гг. (Краткий обзор)	204
<i>Р. Г. Эймонтова</i> . Источники по истории декабристов в советских изданиях	222
<i>Л. Н. Распопчина</i> . Хроника заседания	244

II. Обзоры, описания, библиография

<i>В. И. Буганов</i> . «Дворцовые разряды» первой половины XVII в.	252
<i>А. С. Днепровский (г. Калуга), К. М. Ярхо (г. Калуга)</i> . Записки XVIII в. «Драгоценная память» калужанина И. Губкина	259
<i>Н. В. Зейфман</i> . Письма В. И. Штейнгеля к Г. С. Батенькову	261
<i>К. Ф. Шацлло</i> . Первый день «свободы» в Петербурге (18 октября 1905 г. по воспоминаниям В. Я. Богучарского)	271
<i>К. Е. Новохацкий</i> . Архивные материалы о жизни и творчестве В. В. Пассека	277
<i>Н. Н. Беспамятных (г. Гродно)</i> . Фонд И. Д. Лукашевича в библиотеке Вильнюсского университета	288
<i>Е. Г. Авшаров</i> . Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н. А. Скворцова и М. И. Александровского	294
<i>Л. А. Котлярская (г. Калинин), А. Г. Маньков (г. Ленинград), Х. Д. Сорина (г. Ленинград)</i> . Обзор архива А. Н. Вершинского	300
<i>Е. П. Подъяпольская</i> . О судьбе одной книги П. Г. Любомирова	309
<i>Л. В. Бадя</i> . Материалы личного фонда А. М. Панкратовой о революции 1905—1907 гг.	312
<i>С. Б. Филимонов (г. Свердловск)</i> . Материалы к истории исторического краеведения на Урале в годы Великой Отечественной войны	317
<i>Э. А. Павлюченко, Я. Н. Шапов</i> . «Записки Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина как археографическое издание	323
Список трудов <i>Е. П. Подъяпольской</i> (к 80-летию со дня рождения)	331

III. Публикации

«Артикулы, сказанные через Кристофа Граевского» — важный источник по истории русской внешней политики 70-х годов XVI в. (подготовил Б. Н. Флорья)	334
Наказ о расследовании убийства сына боярского 1593 г. (подготовили С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский)	339
Радиограмма Наркомвоена в Ставку верховного главнокомандующего от 4(17) ноября 1917 г. (подготовил Н. Н. Митрофанов)	342

IV. Хроника

<i>Ю. В. Андрюшагитте, Л. Н. Распопчина</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1975 г.	346
В Отделениях Археографической комиссии АН СССР	359
<i>В. Ч. Уральская</i> археографическая конференция	361
<i>Р. Х. Халикова (г. Уфа), З. Г. Ураксин (г. Уфа)</i> . Вторая Южноуральская археографическая конференция	362
<i>Г. П. Северокавказская</i> конференция по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам	364
<i>И. З. Либерзон (г. Ленинград)</i> . Заседание Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР по итогам археографических экспедиций 1975 г.	366
Памяти Сигизмунда Натановича Валка	367
<u>Дина Исааковна Тверская</u> (1925—1975)	370

SOMMAIRE

I. Articles et informations

A. A. <i>Kournossov</i> . Développement de la littérature mémoriale sur la Grande guerre patriotique dans les années 1941—1945	3
V. G. <i>Komlev</i> . Collaboration des archives de la R. S. F. S. R. avec les filiales de la Commission archéographique de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S.	12
T. P. <i>Voronova</i> (Léningrad). Sur la liste préliminaire des manuscrits de l'alphabet latin des IV—XV siècles, conservés dans la Bibliothèque publique d'Etat «Saltykov-Chtchédrine»	18
L. P. <i>Joukovskaïa</i> . Elaboration de la partie slavo-russe du Catalogue général des manuscrits et l'Instruction sur sa composition	24
L'Instruction sur la description des manuscrits slavo-russes des XI—XIV siècles pour le Catalogue général des manuscrits conservés en l'U. R. S. S. (rédigée par L. P. Joukovskaïa et N. B. Chéلمانова)	28
V. B. <i>Pavlov-Silvanski</i> . Sur l'histoire de l'étude des cadastres de la région de Moscou du XVI-e siècle comme sources historiques	41
V. N. <i>Malov</i> . L'origine de la collection de Lamoignon, conservée aux Archives des actes anciens	55
B. G. <i>Litvak</i> . Instructions des propriétaires fonciers comme source sur l'histoire des écritures patrimoniales	70
O. A. <i>Oméltchéenko</i> . «La Bibliothèque russe ancienne» de N. I. Novikov et M. M. Chtcherbatov	82
S. A. <i>Klépikov</i> . Les filigranes des papeteries des Olkhine et de Kaïdanova (1763—1841)	88
M. P. <i>Mironenko</i> . L'héritage mémorial des décembristes dans la revue «Rousski arkhiv»	98
S. V. <i>Tchirkov</i> . (Léningrad). L'archéographie des annales russes dans les Travaux de A. E. Presniakov	117
T. V. <i>Bataéva</i> . Documents sur l'histoire du mouvement ouvrier pendant la révolution de 1905—1907 dans la revue «Krasny arkhiv»	129
B. V. <i>Levchine</i> . Activité des Archives de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S. pendant la Grande guerre patriotique	142
A. B. <i>Zaks</i> . Une expérience du collectionnement des documents sur l'histoire de la Grande guerre patriotique par le Musée historique de l'Etat (1941—1944)	149
I. G. <i>Loupalo</i> . Suivant les traces de la guerre. (Collectionnement des documents par le Musée de la Révolution de l'U. R. S. S.)	159
A. D. <i>Gorski</i> . Études des sources historiques et des disciplines historiques auxiliaires par L. V. Tchérépnine (à l'occasion de son 70-e anniversaire)	163
V. I. <i>Bouganov</i> . L. G. Beskrovny comme archéographe et investigateur des sources historiques (à l'occasion de son 70-e anniversaire)	172
P. A. <i>Kolesnikov</i> (Vologda). Sur l'expérience de l'enseignement des disciplines historiques auxiliaires dans l'Institut pédagogique de Vologda	178

A l'occasion du 75-e anniversaire de V. I. Chouikov

V. A. <i>Alexandrov</i> . Viktor Ivanovitch Chouikov	184
E. N. <i>Kouchéva</i> . Sur le travail de V. I. Chouikov pour la préparation de l'édition	

des livres de l'asservissement de la fin du XVI-e et du commencement du XVII-e siècles et des registres des vieux asservissements des années 1597—1598	189
<i>T. M. Chouankova</i> . V. I. Chouankov comme ancien combattant de la Grande guerre patriotique	199

Les lectures Tikhomirov. 1975

<i>I. F. Ougarov</i> . Les principales publications soviétiques des documents sur l'histoire de la Révolution de 1905—1907	204
<i>R. G. Eimontova</i> . Les sources sur l'histoire des décembristes dans les publications soviétiques	222
<i>L. N. Rastoptchina</i> . Chronique du séance	244

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

<i>V. I. Bouganov</i> . Des «Rangs du Palais» du premier moitié du XVII-e siècle	252
<i>A. S. Dnieprovski</i> (Kalouga), <i>K. M. Iarkho</i> (Kalouga). Les notes «Une mémoire précieuse» d'un habitant de Kalouga du XVII-e siècle — Ivan Goubkine	259
<i>N. V. Zeifman</i> . Lettres de V. I. Steingel à G. S. Batioukov	261
<i>K. F. Chatzillo</i> . Le premier jour de la «Liberté» à Petersbourg (le 18 octobre 1905 dans les mémoires de V. la Bogoutcharski)	271
<i>K. E. Novokhatski</i> (Kiev). Documents d'archives sur la vie et sur l'oeuvre de V. V. Passek	277
<i>N. N. Bespamiatnykh</i> (Grodno). Le fonds de I. D. Loukachevitch dans la bibliothèque de l'Université de Vilnius	288
<i>E. G. Avcharov</i> . Documents sur l'histoire de Moscou et de la région de Moscou dans les fonds personnels de N. A. Skvortzov et de M. I. Alexandrovski	294
<i>L. A. Kotliarskaia</i> (Kalinine), <i>A. G. Mankov</i> (Léninegrad), <i>Kh. D. Sorina</i> (Léninegrad). Aperçu des archives de A. N. Vêrchinski	300
<i>E. P. Podiapol'skaia</i> . Sur le destin d'un livre de P. G. Lioubomirov	309
<i>L. V. Badia</i> . Documents du fonds personnel de A. M. Pankratova sur la Révolution de 1905—1907	312
<i>S. B. Filimonov</i> (Sverdlovsk). Matériels sur l'historiographie de l'histoire locale en Oural pendant la Grande guerre patriotique	317
<i>E. A. Pavlioutchenko</i> , <i>Ia. N. Čtchapov</i> . «Mémoires de la Section des manuscrits» de la Bibliothèque d'Etat «Lénine» comme édition archéographique	323
Liste des travaux scientifiques de E. P. Podiapol'skaia (A l'occasion de son 80-e anniversaire)	331

III. Publications

«Articles dits par Krzysztof Grajewski» — une source importante sur l'histoire de la politique extérieure russe des années 70-es du XVI-e siècle (publication de B. N. Floria)	334
Ordre sur l'examen de l'assassinat d'un arrière-vassal en 1593 (publication de S. P. Mordovina et de A. L. Stanislavski)	339
Un radiogramme du Commissaire du peuple des affaires de guerre au Quartier général du 4(17) novembre 1917 (publication de N. N. Mitrofanov)	342

IV. Chronique

<i>Iu. V. Andriušaityte</i> , <i>L. N. Rastoptchina</i> . Activité de la Commission archéographique en 1975	346
Dans les filiales de la Commission archéographique	359
<i>V. Tch.</i> Conférence archéographique de l'Oural	361
<i>R. Kh. Khalikova</i> (Oufa), <i>Z. G. Ouraksine</i> (Oufa). Deuxième conférence archéographique de l'Oural du Sud	362
<i>G. P.</i> Conférence sur l'étude des sources historiques et sur les disciplines historiques auxiliaires au Caucase du Nord	364
<i>I. Z. Liebersohn</i> (Léninegrad). Réunion de la filiale de Léninegrad de la Commission archéographique sur les résultats des expéditions archéographiques en 1975	366
Pro memoria de Sigismund Natanovitch Valk	367
<u>Dina Isaakovna Tverskaia</u> (1925—1975)	370

«Археографический ежегодник за 1975 год»

*Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР*

Редакторы издательства
Е. Д. Евдокимова, Р. И. Коробейникова
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Л. В. Каскова*

Сдано в набор 16/III 1976 г.
Подписано к печати 25/VI 1976 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 32,9. Уч.-изд. л. 35,2.
Тираж 2400. Т-12036. Тип. зак. 400.
Цена 2 р. 46 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

25.46 г

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1975